

От автора.

События развиваются в довоенном Кисловодске. Началась война. Отец главного героя – офицер советской армии, попал в плен к немцам. Ему дали 10 лет лагерей в Норильске. Жену с двумя малолетними детьми сослали в Васюганские болота Новосибирской области. Семья терпит невероятные трудности – голод, холод, побои и унижения от комендантов. В зоне гибнут тысячи людей. Семью спасает первая учительница героя Ольга Афанасьева и помещает в больницу, а затем в детдом. Герой полюбил книги – читает их запоем, заводит дневник. В деревне много сосланных интеллигентных людей, которых описывает герой. Интересны сцены многочисленных детских игр, охоты, рыбалки. В глухой деревушке наблюдаются случаи необъяснимой мистики. После смерти Сталина семья приехала в Кисловодск. В школе все надсмехаются над главным героем из – за его маленького роста и плохой одежды - обуви. Через 12 лет происходит чудо - главный герой становится мастером спорта в беге на средние и длинные дистанции; тренируется под руководством великого бегуна – дважды олимпийского чемпиона Владимира Куца. Вторая половина жизни как бы уравнивает первую. В учёбе (окончил РИСИ), работе (становится начальником ДСК) и семейной жизни герой достигает достойных результатов. С радостью встретил перестройку (пишет, как журналист, много разоблачительных статей о коррупционных чиновниках). Реабилитация, как жертвы политических репрессий (св. А121163 от 25.08.94г.) Встречается с писателем Александром Солженицыным, Губиным, министром финансов Фёдоровым, депутатом Верховного Совета: одним из авторов Конституции РФ – Шейнисом, правозащитницей Алексеевой, полпредом президента Кулаковским, олигархом Брынцаловым и другими известными людьми.

Детство в Кисловодске.

Дом, в котором я родился, находится на краю города Кисловодска в конце улицы Революции. Он и сейчас носит №116 - просто удивительно! Маленький приземистый домик с подвалом построил бедный казак дед Филипп до революции из камня, который ломал близ горы Кабан и возил на тачке. По этой улице в девятнадцатом году уходили в горы красноармейцы, отступая под напором белоказаков. Голодные, оборванные, злые, с воспалёнными глазами, они медленно шли по улице (раненые на бречках) в сторону горы Кабан, чтобы, перевалив через Юцу, соединиться с нашими в Нальчике. По этой же улице через некоторое время ворвались на конях в город уже весёлые, шумливые, разгорячённые короткой схваткой на Белой речке красноармейцы. И с тех пор улица стала называться именем Революции. Забегая вперёд, скажу, что и в 1942 году по этой улице отступали в горы небольшие части Красной армии, когда им немцы отрезали путь на Минводы.

В предвоенные годы мать работала санитаркой в санатории, а отец здесь же десятником. К санаторию пристраивали большой шестигранный корпус, прозванный в народе «гайкой». Часто приезжал на строительство сам Орджоникидзе (его именем и назвали впоследствии санаторий). Строительство санатория начали 1 апреля 1936г., а первых отдыхающих приняли уже в 1938г. Мать и отец работали много, задерживались, и нашим воспитанием занималась строгая бабушка Капитолина. Мы с братом Шуркой и сестрёнкой Валеёй целыми днями играли, лезли, куда не следует, дрались и бабушка постоянно разнимала нас, шлёпала, ничего не разрешала трогать, никуда не пускала и т. д. Вечером приходил отец, сажал меня на шею, я ему рассказывал «о проделках бабки», и мы шли в сад (а он у нас был большой), где отец угощал меня чем –нибудь вкусным. В то время в садах у всех росли и прекрасно плодоносили крупные персики, абрикосы, груши, яблоки, вишни, черешня и французские сливы - сейчас и в помине нет такого. Или мелкота, или совсем перестали родиться отменные фрукты. Бабушка Капитолина часто уходила в горы собирать кизяки - сухие коровьи «лепёшки». Коров держали почти в каждом дворе и кизяками тогда топили печи, т. к. дрова и тем более уголь были в страшном дефиците. Летом она собирала в горах всевозможные травы, осенью - шиповник и боярышник. Как только бабушка уходила в горы, отец сразу покупал нам мёд или халву и мы все пировали. Но всё - таки мы все однажды «попались» бабке, она кричала на весь двор на отца и мать:

- Сладкоеды! Ну, вы – то бы, взрослые, постыдились! В доме ни гроша!

Отец и мать побаивались Капитолины и молчали. Баба Капитолина была просто влюблена в горы. Она уходила на весь день и потом часто рассказывала, как хорошо в горах. Там была уйма цветов, перепелов и змей. Она ходила в горах и стучала, шуршала палкой впереди себя, отпугивая змей. Ей постоянно встречались

охотники, обвешанные, как пулемётными лентами, десятками перепёлок. Наш сосед Старков косил сено для коровы, бычков и двух ослов на горе Кабан. Он рассказывал:

- Какая красотища в горах! Трава выше пояса, родники, тучи перепелов. Утром начинаю ворошить сено – выползают десятки чёрных и серых гадюк. А в распадках все деревья облеплены коричневыми майскими жуками. Как гроздь винограда! Тряхнёшь дерево – они как град на голову посыпятся!

Практически в каждом саду кисловодчан выращивались вкуснейшие огромные помидоры и маленькие «пупыри - огурцы», которые солили на зиму бочками. А сейчас попробуйте вырастить такие овощи! Крупные обильные фрукты, экологически чистые помидоры, огурцы, великолепные цветы, перепела, змеи, майские жуки - где это сейчас? Нет их, потому что сейчас ужасная экология от незакрытых урановых разработок в районе города Лермонтова, химкомбинатов Невинномысска и Будённовска (нас гробят «кислые дожди»), а также от десятков тысяч автомашин. Колорадский жук, клещи, тля, другие вредители - даже комары появились в Кисловодске! А амброзия и ядовитый барщевник в курортном парке и окрестностях? От них у детей и взрослых бывают ожоги и нарывы! Вся эта гадость от деятельности человека. Мы сгубили природу!

Подолгу и часто у нас бывали в гостях две другие бабушки Оля и Фрося - сёстры Капитолины. Они жили вдвоём в станице Каменноосткой и, кроме нас, у них никого не было. Всегда привозили нам, ребятам, много всяческих гостинцев, подарков. Бабушка Оля привозила всегда дары леса: вкусные шишки, орехи, лесные груши - дички и яблоки. Всё это она собирала в лесах Кабарды. А баба Фрося приезжала всегда румяная, весёлая и с шутками, прибаутками развязывала мешок и выпускала живых, нарядных и красивых петухов и кур. Цветастые крупные петухи, встряхнувшись, начинали громко кукарекать, приводя нас в неопиcуемый восторг. Постепенно у нас образовалась группа из 15 – 20 птиц, которые проживали в сарайчике, сделанном отцом для них в саду и на которых мы любовались часами. Мать часто просила бабу Капитолину зарезать одного - двух петушков, но скуповатая бабушка всё откладывала это мероприятие. Как – то ночью мы проснулись от стука и крика и выскочили на остеклённую веранду. Баба Капитолина, полураздетая, открыв форточку, стучала по полу кочергой и громко кричала в сад:

- Володя, да проснись же! Воры! Бери ружьё! Стреляй!

Мы все трое детей, дрожа от страха и озноба, тоже барабанили ладошками по стёклам и громко кричали по совету бабушки, зовя отца и мать, хотя прекрасно знали, что они ещё вчера уехали к бабушке Оле и Фросе. В саду орудовали неясные тени, кудахтали куры и басовито «матерились» наши великолепные петухи, исчезая в мешках воров, не обращавших никакого внимания на угрозы бабки Капитолины. Воры, как я теперь понимаю, были местные соседи и прекрасно знали, что никакого ружья у нас нет, а отец уехал. Так мы распрощались с красивыми петушками и долго сожалели и плакали об их судьбе. А бабушка ворчала:

- Проклятые воры! Чтобы они обосрались! Дура я, дура! Лучше бы лапши детям из петушков наварила!

В Кисловодске в то время проживало 35–40 тыс. человек, не было практически асфальтированных дорог, не ходили автобусы, не было больших зданий (только несколько санаториев), люди проживали только в частном секторе. Городок был небольшой, уютный, море зелени и цветов, на улицах не было автомобилей, люди ходили пешком, а грузы перевозились на лошадях и осликах. Паровозы, приходящие на железнодорожный вокзал в центре города, разворачивали в обратную сторону вручную по рельсам на большом круге (там, где сейчас привокзальная площадь). В своё время город начинал строиться с горы Пикет, где стояли казаки. Вниз от Пикета начиналась старая часть города, где проживали русские и грузины, а вверх над этой частью города - армяне (сейчас «Армянский посёлок»). Дальше - западнее был район Изрюм (сейчас Бермамыт; жили кабардинцы и карачаевцы), внизу Центр, на въезде - станция Минутка (жили казаки), на востоке Будённовка (жили, так называемые, «опоимцы») и в северо - западной части города Попова Доля (жили, в просторечье, « мужики»).

Сразу же за нашей улицей через гору находилась широкая безлесная долина или балка, которая называлась Свиной (сейчас там кладбище). В этой балке была городская свалка, и всегда там находилось много свиней, ковырявшихся в мусоре. А тогда свиней выращивали практически в каждом дворе. На склонах балки мы с отцом часто корчевали пни на растопку. Лес находился в самом углу балки (его запрещали рубить, но всё равно тайком вырубались все окрестные леса вокруг Кисловодска), где среди скал протекал ручей, а где - то в пещере там жил медведь. Так пугал меня отец, чтобы я не ходил туда. Как – то я стоял на склоне горы (мы забрались высоко в гору под самый лес), наблюдая, как ловко отец корчует пень и вдруг страшный и неожиданный удар в спину опрокинул меня. Я дико заорал от боли и страха, а отец в несколько прыжков был возле меня, поднял, успокоил, и здорово огрел хворостинной чёрного козла, который, оказывается, шёл во главе стада по своей тропинке, на которой я стоял. Мать наша была семнадцатой в семье и единственным выжившим ребёнком (вот какая тогда была смертность среди детей!). Она была очень красивая женщина, но прихрамывала с детства на одну ногу. Несмотря на это, отец её очень любил и дорожил ею. Отец очень любил ходить на парады, демонстрации. В одной руке он держит флаг, в другой меня. Весь светлый, в белой рубашке с высоким воротником, понизу яркой, навывпуск, подпоясанный тесёмкой, белые брюки, парусиновые туфли - он идёт и громко поёт:

- Широка, страна моя родная!...

Я визжу от восторга и счастья, что – то кричу и машу руками, возбуждаюсь до предела и тяну отца, требуя ещё пройти перед трибуной. Вечерами отец, читая газеты, с тревогой говорил о какой – то Германии и войне, но ни мать, ни баба Капитолина не поддерживали разговоров о международных событиях. Но когда приезжали из Георгиевска три отцовых брата - Иван, Пётр и Василий, то разговоров

о политике хватало за полночь. Иван, Пётр были такие же высокие, как отец, а дядя Вася был ниже их на полголовы, но также похож на братьев. Все они усаживались в саду за столом, мы забирались к ним на колени и любили слушать их бесконечные споры о международном положении Советской страны.

- Ну, понесло теперь до утра, дипломаты!

- ворчала баба Капитолина, притаскивая в сад огромный самовар. Ничего крепче чая братья никогда не пили. Финляндия, Прибалтика, Бессарабия, Япония, Польша, Западная Белоруссия и Украина, Сталин и Гитлер - я постоянно слышал эти слова. Самый рассудительный и старший из братьев Иван часто говорил:

- Небольшая наша война уже идёт и на Западе и на Востоке. Но это только цветочки. Боюсь, ребятки, и нам придётся воевать. Скорее всего, с Англией. Но и Германия, хоть мы и заключили с ней мирный договор, ненадёжна. Она может и с Англией заключить договор против нас и это будет ужасная война! Впереди Советский Союз ждёт страшное испытание! Дай Бог, нам всё это выдержать и выжить.

Все замолкали, и было страшно от этих слов. Последующие события показали, что Иван был близок к истине.

Отец закупил мне большое количество оловянных солдат, четыре зенитных пушки, по два самолёта, танка и пулемёта. С тех пор военные батальоны занимали меня часами.

- Петька, бей из пулемёта! Справа конница! Заходи сзади! Петька, бомбят! Держись! -

- крик стоял в комнате во время сражений. Я мог, выдумывая варианты, часами самозабвенно играть один со своим выдуманным главным напарником - Петькой.

В то время практически не было никаких средств информации (интернета, телевидения, радио, телефонов, а газеты выписывали единицы) и поэтому основным источником новостей был... базар. Там люди обменивались новостями, прислушивались к грамотным и знающим людям, а потом «разносили» всё это по домам. Базар в Кисловодске находился в районе улицы Кольцова, Подгорной. Там сейчас стоит большой дом. На базар приезжали со всех сёл. Торговали скотиной, лошадьми, ослами, свиньями, птицей, зерном, картофелем и овощами. А из соседних аулов приходили парни - карачаевцы наниматься копать огороды, косить сено, выполнять хозработы горожанам. Это был своеобразный рынок труда. Стоят, сидят, лежат на соломе ребята (в основном почти всегда босые), а на бирках на груди и на пятках мелом, углём нарисована цифра – это цена за сотку вскапывания земли, косьбы, сгребания, копнения и т. д. Всё это мне рассказывали бабушки.

Немцы в городе.

Разговоры на базаре становились день ото дня всё тревожнее и беспокойнее. Базар просто гудел! Люди собирались кучками, спорили, кричали, что – то доказывали друг другу. И вот в одно утро чрезвычайно встревоженная баба Капитолина, придя с рынка, с порога закричала:

- Нюся, Володя! Война!

Было воскресенье и все мы находились дома в саду. Отец подбежал к бабушке и закричал:

- С кем?

- С немцами

- заплакала бабушка и прижала нас к груди. Отец сразу куда – то засобирался. Мать спросила:

- Ты куда?

- В военкомат!

- ответил отец. Мать взволнованно закричала:

- Зачем? Мы - что, надоели тебе? Когда надо - призовут. Зачем самому лезть на рожон?

Отец сухо ответил:

- Это не обсуждается.

Мать расплакалась. В первые три дня войны в городе записались добровольцами на фронт более 700 человек. А всего на войну ушло 10,5 тысяч кисловодчан - четвёртая часть населения города! Половина их них не вернулась назад! А вскоре мы провожали отца на войну. Мы все семеро (приехали бабушки Оля и Фрося) шли с отцом к месту призыва. Мама и три бабушки плакали, а нам - детям, не хотелось. На товарной станции было много народа, шумно, играли гармони. Отец попрощался со всеми, крепко прижал меня к себе и на своих губах я ощутил его солёные слёзы. Высокий, сухой командир выкрикнул:

- Углов!

- Я!

- ответил отец и стал в строй, сутулый, в фуфайке, какой – то поникший и родной мне. И тут я понял, что это всерьёз, что отец уходит от меня, может быть, навечно и я закричал- заплакал вместе с Шуркой и Валечкой:

- Папка, не ходи туда! Иди к нам! Вернись!

Рыдая, мать упала в обморок, нас всех еле оттащили и увели домой. Ивана и Петра на проводах не было, т. к. их призвали в Георгиевске на день раньше и они так и не успели попрощаться с нами. Дядя Вася незадолго перед этим уехал на остров Сахалин - его назначили директором рыбного завода в городе Оха (он был партийным). Скоро получили от отца письмо, где он сообщал, что воюет с румынами в чине старшего лейтенанта, руководит взводом пулемётчиков и сам лично уже убил несколько солдат, коней из крупнокалиберного пулемёта; стреляет и по более крупным целям. С уходом отца на фронт в доме стало как – то тихо, мы все посерьёзтели. Мама, часто глядя на нас, плакала, а бабушка вздыхала и зачастила в Красную церковь. Так мы называли Пантелеймоновскую церковь, построенную в 1912 году в районе Ребровой балки и варварски разрушенную большевиками - безбожниками в середине 60 –х годов. В этой церкви крестились, венчались и отпевались все наши родные. В 1995г. там построили часовню, а сейчас там строится Пантелеймоновский храм.

Жить становилось всё труднее, со стола исчезли все лакомства. Мать теперь работала в этом же санатории санитаркой по уходу за ранеными красноармейцами, которые стали поступать с фронта. 8 августа 1941г. в Кисловодск прибыл первый эшелон с ранеными бойцами. В городе на базе санаториев было создано 39 госпиталей на 22 тысячи раненых. Санаторий стал называться госпиталем, ему присвоили №3176 . Всего за время войны возвращено в строй более 600 тысяч бойцов (82 % лечившихся в нашем городе). Простая арифметика показывает, что около 108 тысяч бойцов Красной Армии стали калеками или умерло в госпиталях и похоронено в районе ул. Цандера. Ужасная цифра! Вечная память вам, наши славные воины! Мать работала по 12 – 14 часов. Приходя домой уставшая, какая – то потерянная, она рассказывала, плача, бабушке Капитолине:

- Ужас, что делается! Сколько бойцов - молодых, здоровых ребят привозят ежедневно и сколько помирает - десятки....Сколько крови, страданий! Как они кричат, мама! Я не выдержу этого! Господи! За что так мучаются люди? Проклятые немцы!

В конце третьего месяца войны пришло известие, что Пётр - младший из братьев, погиб на фронте где – то в Белоруссии. Он так и не женился и не завёл семью до войны. Все три бабушки (приехали Оля и Фрося) три дня ходили в церковь, в доме горели свечи перед иконами, все плакали, вспоминая его. Беда не приходит одна. Через месяц после гибели Петра простудилась, собирая кизяки с нами, моя сестрёнка Валечка и через девять дней скончалась от крупозного воспаления лёгких. Смерть уже ворвалась в наш дом. Затосковала по Валечке, похудела, почернела и слегла наша Капитолина Тарасьевна, да так и не встала больше. От отца пришло известие, что он ранен в руку и ногу (отняли два больших пальца ноги), весь обморожен, лежит в больнице Ростова. В начале лета 1942

года пришло известие, что на Воронежском фронте убит старший из братьев - Иван Иванович. Теперь было ясно, что не напрасно спорили в саду наши дяди и отец о Германии. Она оказалась ещё сильнее, ещё коварнее, опаснее - шапками её не закидаешь. Немцы были уже рядом. По ночам небо над Кисловодском гудело - это немецкие лётчики летели мимо бомбить Грозный и Орджоникидзе (так говорили в госпитале).

Как – то ночью мы проснулись от страшного грохота. В тёмном небе стоял сплошной вой. Вылетали, разбиваясь, стёкла на веранде, истошно лаяли собаки во дворах соседей, заголосили, запричитали обе бабушки (они недавно приехали к нам) и мать.

- Немцы пришли! Нас бомбят!

- кричали бабушки. Но, как оказалось утром, это было не совсем так. Нас двоих полуголых, сонных и насмерть перепуганных детей, мать быстро повела через веранду во двор, чтобы спрятать в подвале. Спускаясь по деревянной лестнице, я глянул в тёмное небо и обомлел. Эта картина осталась в моей памяти навечно. Две яркие параллельные строчки трассирующих пуль летели прямо над нами в сторону Красивого Кургана. Очередь была длинной и непрерывной - это было необычное зрелище. А сзади - за домом, всё так же гремело и бухало. Только утром мы узнали, что прямо над нашим домом на небольшой горке (сейчас туда практически дошло кладбище) наши разместили и спрятали в кустах два зенитных орудия, которые и подняли такой грохот ночью. С той поры они каждую ночь стреляли по немецким самолётам, летевшим в сторону Баку. Мы утром с Шуркой решили посмотреть зенитки. Очень хитро их замаскировали в ёлках! Но вдруг, как из-под земли, перед нами возник пожилой усатый красноармеец и строго сказал:

- Ну - ка, домой, мальцы! Быстро! И чтобы я вас здесь больше не видел!

И добавил уже шутливо:

- А то арестую!

Больше мы туда не ходили. Теперь каждое утро наш сосед Беляй (его вросший в землю дом - предпоследний на чётной стороне улицы Революции и сейчас стоит на том же месте), шатаясь (он всегда был пьяный), ходил по нашей и соседним улицам с деревянным плоским ящиком со стеклом на плече и кричал:

- Стёкла выбиваем, новые вставляем!

Его охотно приглашали хозяйки, т. к. зенитки добавили работёнки старику Беляеву. Мать ещё больше стала бояться за отца, вестей от него больше не было, а Ростов, где в больнице он лежал, давно заняли немцы. Часто поздним вечером достанет отцову любимую серую рубашу или белую косоворотку, уткнётся в них и плачет тихонько, что – то

вспоминая. Белая рубашка до сих пор хранится у нас, ей уже за семьдесят, достаём мы её раз в год, смотрим, вспоминаем, плачем об отце. Я смотрю на последнее фото отца. Он обнимает нас троих детей и с доброй усмешкой смотрит мне прямо в глаза и как бы говорит мне:

- Не горюй, Коля! Не плачь сын! Ничего уже не вернёшь! Это хорошо, что ты помнишь обо мне. И не жалея меня - не такие уж мы несчастливцы. Жизнь не вернёшь, она одна у человека! Доживи ты достойно, не тревожь и не бреди своё сердце напрасными слезами!

Немцы особо не бомбили Кисловодск, но всё - же раза три были налёты на город. На товарной станции, вокзале и на Минутке около железнодорожного моста упали несколько бомб, полностью разворотило один дом и хату, убило одну женщину и легко ранило, контузило несколько человек. Мы ходили смотреть - было страшно. Но особенно немцы не старались. Они, видно, хотели сберечь санатории для отдыха своих солдат, т. к. были уверены, что курорт они скоро займут. Бабушки Оля и Фрося, когда поняли, что немцы идут на Кавказ, решили пешком идти к нам из своей станицы Каменноосткой. По дороге они встречали отступающие отряды бойцов. Легкораненые шли пешком, а тяжелораненые лежали на повозках. Гнали много скота, отары овец. Ехал на быках, осликах и редко на конях, со скарбом нескончаемый поток людей. На них косились, но ничего не говорили. Все были молчаливы, угрюмы и злы. В Кисловодске давно уже началась эвакуация населения и раненых. Ценных заводов и фабрик у нас не было, но некоторые крупные госпитали, здания, вокзал и железную дорогу, а также мост на въезде в город стали минировать. Впоследствии мы узнали, что взорвали только товарную станцию и часть железной дороги, а остальные объекты решили почему - то не взрывать. И вдруг всё движение прекратилось. Всё затихло. Перестали по ночам бухать две наши зенитки - их уже увезли. Днём и по ночам изредка по нашей улице проносились на конях и машинах в сторону горы Кабан последние отступающие чекисты - подрывники. Одну чёрную «эмку» догнал немецкий самолёт и разбомбил за Белой речкой. Люди, рассказывали, спаслись и пошли пешком в горы, а машина сгорела. А потом на целую неделю в городе воцарилось безвластие. Немцы прошли через Минводы и не спешили занимать Кисловодск. Этим воспользовались ушлые люди, и в городе начался грабёж. Сначала робко и по ночам, а затем всё смелея, они начали взламывать продовольственные и промтоварные магазины, а также базы и склады. Мать продолжала ходить на работу в госпиталь и ухаживать за тяжелоранеными, которых в спешке не успели вывезти. Она говорила, что продовольствие, медикаменты, бинты заканчиваются, и весь оставшийся персонал не знает, что дальше делать. Все в городе осмелели и также начали тащить всё подряд. Бабушки Оля и Фрося тоже приносили ежедневно из ближайшего магазина «Станпо» в конце улицы Революции макароны, крупы, муку и сахар (как они спасли этим всех нас!). Этот магазин и сейчас находится там и ему недавно вернули прежнее название. Наши соседи тоже тащили всё подряд, но в основном вещи и мебель из санаториев: столы, стулья, диваны, подушки, одеяла, простыни и др. Как показали дальнейшие события, этот грабёж многим вышел «боком» - они не раз

пожалели об этом. Я запомнил, как Беляй по улице нёс огромное зеркало, ежеминутно отдыхая.

Как - то соседка Фролова вечером крикнула матери:

- Нюська! Говорят, на товарной станции стоит полная цистерна с растительным маслом и там уже третий день его достают. Пошли бабок туда с вёдрами - может и им нальют. А то неизвестно, что будет при немцах, и как мы будем жить, а масло пригодится.

Бабушки на следующий день чуть свет были уже там с вёдрами. Человек 40 – 50 уже толпилось перед цистерной. Всё кругом было в масле. Двое мужиков, поочерёдно меняясь, багром с крючком доставали ведром масло и переливали очередной женщине. Цистерна уже наполовину была опустошена. Дошла очередь и до бабушек - им налили четыре ведра. Они отошли в сторону и разговорились со знакомой. И вдруг один мужик с цистерны закричал:

- Бог ты мой! Тут труп в цистерне!

Оказывается, этой ночью, какой – то мужичок маленького роста пришёл уже, видно, затемно к цистерне. Полез на неё, сорвался вниз и утонул. Или пьяный был, а плавать не умел, или хлебнул при падении, т. к. стенки круглые и скользкие. Труп вытащили и, как ни в чём не бывало, продолжали черпать масло. Все припасы бабушки спрятали в небольшой погреб, который находился в торце веранды и люк которого был замаскирован - на нём стоял огромный старый шкаф. И это нас спасло от голода! 9 августа 1942 года в город вошли немцы. Это случилось тихо и неожиданно. Соседи передавали друг другу:

- Немцы, немцы в городе!

На досках объявлений появились первые распоряжения и приказы коменданта. На улицах начали разъезжать необычные машины и мотоциклы. Солдаты в зелёной форме парами передвигались на велосипедах. Откуда – то появились наши полицаи с белыми повязками на рукавах. Медперсонал санаториев переписали по фамилиям, адресам и велели никуда не выезжать из города. Первое время фашисты не особенно зверствовали. Везде говорили, что будут арестовывать семьи комиссаров, активных коммунистов, командиров Красной армии и ...евреев. И это подтвердилось! Мать принесла с базара (он начал опять работать, и товаров поначалу там было даже больше, чем при советской власти) листовку. Военный комендант Поль через созданный оккупантами Еврейский комитет предъявил ультиматум:

- В срок до 8 сентября 1942 года всем евреям внести контрибуцию в пользу Германии золотом, ценностями и вещами на сумму в пять миллионов рублей.

Ограбив до ниточки евреев, комендант провёл их регистрацию. Они должны были носить на груди специальный жетон - жёлтую шестиконечную звезду Давида. Уплата контрибуции не спасла от гибели еврейское население. Появился второй приказ. Там было написано:

- Приказ евреям города Кисловодска! Всем евреям, как прописанным в городе, так и живущим без прописки, явиться 9 сентября 1942 года в 5 часов утра по берлинскому времени на товарную станцию города. Эшелон отходит в 7 часов московского времени. Цель высылки евреев - заселение малонаселённых районов Украины. Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение. Не подлежат переселению семьи, у которых один из родителей еврей, а другой русский, украинец или гражданин другой национальности, а также граждане смешанного происхождения. Комендант города Поль.

Около 2 тысяч евреев посадили на 18 железнодорожных платформ и в два крытых товарных вагона. Состав под вооружённой охраной прибыл на станцию Минеральные Воды. И в противотанковом рву, близ стекольного завода, прибывших вместе с евреями из других городов Кавминвод (всего более 6 тысяч человек), расстреляли. Но не все евреи Кисловодска выполнили приказ военного коменданта и об этом ему стало известно от наших подлецов - сексотов. После этого немцы с полицией стали ходить по дворам проверять, кто где живёт, расспрашивать всё о соседях. Многие поступали подло, предавая друг друга. Желая выслужиться перед немцами, некоторые подонки выдавали евреев и активистов, а то и прямо сводили счёты с неугодными соседями. На базаре начались облавы и в одну из них попали наши обе бабушки. Всех согнали в кучу, выстроили в ряды. Кругом фашисты с автоматами, полицаи (их даже больше), собаки. Долговязый немец кричит на ломаном русском языке:

- Коммиссар, лётнант, официир, йююде – выходи!

Никто не выходит. Тогда немцы, грубо расталкивая всех, отобрали несколько десятков человек и увели. Местное отделение Абвера (контрразведка) располагалось в особняке, где сейчас находится музей «Дача Шаляпина», а гестапо (начальник Вельбен, его помощник Вебер) у немцев находилось там же, где в своё время зверствовали НКВД -эшники: в здании городской прокуратуры по ул. Красноармейской. Камеры, пытки и расстрелы осуществлялись по соседству - в мрачном трёхэтажном кирпичном здании в центре города по пер. Сапёрному. Там и сейчас находится структура ФСБ. Я в 1964 - 1965г. работал техником в Управлении главного архитектора г. Кисловодска, которое располагалось на третьем этаже этого здания, а два нижних занимало Управление КГБ. Теперь ФСБ занимает весь огромный корпус. Для чего? Что им делать сейчас в Кисловодске? Ладно – были сталинские времена. А теперь? Нет ответа... Ну, Бог с ними. Вот что скажу. С балкона третьего этажа, который выходил во внутренний двор, открывалась мрачная картина. Глухой дворик полумесяцем был вымощен булыжником, со всех сторон огромные 20 - метровые каменные подпорные стены превращали двор в колодец, а рядом с подпорной стеной находился канализационный люк без крышки

(только решётка). Пожилой геодезист УГА Иван Семёнович Зозуля рассказывал мне (мы стояли на балконе):

- Вот в этот двор после пыток в подвалах, гебисты выводили несчастных, ставили лицом к подпорной стене и ночами расстреливали. Кровь стекала вот в тот канализационный колодец с решёткой. После расстрела трупы заключённых куда – то возили на машинах, а кровь смывали из шланга водой.

Другой его напарник - геодезист Иван Струсь добавлял:

- Да, Николай, мне тоже об этом мой отец рассказывал. Они жили тогда вот в этом доме напротив и по ночам слышали выстрелы. Много лет это продолжалось. Все так боялись попасться на глаза НКВД – эшникам!

Так вот, немцы продолжили уничтожение людей в этом здании. Затем, когда поток арестованных возрос, их стали вывозить за город и расстреливали у реки Подкумок - выше мебельной фабрики. Все говорили, что немцы мстили за партизан. Как мы узнали впоследствии, 1 августа 1942 года в городе был создан партизанский отряд имени Лермонтова. Партизанский отряд действовал до 11 января 1943 года (день освобождения Кисловодска от фашистов) и насчитывал более 70 бойцов. Первое время бойцы отряда, стараясь не привлекать внимания немцев, в городе не проводили никаких акций и спокойно проживали в хатах на окраинах города. Собираясь в балках за городом, отряд проводил разведывательно – диверсионную работу, помогал эвакуации в Кабарде, истреблял десятки полицаев и бандитов - мародёров, переправил через перевалы в Грузию несколько тысяч голов скота. В одном из районов отряд попал в засаду и немцы узнали, что партизаны из Кисловодска. В городе начались массовые аресты и расстрелы. Немцы с полицаями ходили по улицам, стреляли собак, обыскивали дома. Как – то холодным осенним днём калитка распахнулась. Мы обомлели: во двор ввалились два огромных фрица в зелёной форме. Мы с Шуркой от страха присели. Один немец наставил автомат на нас, закричал:

- Пук!

и громко захохотал. Затем он спросил трясущихся бабушек:

- Матка! Курки – яйки?

Они отчаянно замотали головами:

- Нет, нет!

Немцы грубо их оттолкнули, один по пути поддел сапогом пустое ведро. Оно с грохотом покатило по двору. Затем поднялись по лестнице через веранду в комнаты, где была перепуганная мать, ослабились:

- О, русска матка! Хорош, хорош! Зольдатен? Партизан?

Один немец, увидев строго застланную постель с горкой подушек, грохнулся на неё и начал долго раскачиваться на панцирной сетке кровати, громко хохотал и орал:

- Мяхко, мяхко!

Все пять подушек полетели на пол. Затем они успокоились, проверили, пошарили все шкафчики, рассыпали крупу и макароны, забрали килограмма два кускового синего сахара. По пути опять немцы подшутили над нами, заржали (мы с Шуркой тряслись от страха в углу двора) и ушли. Этот визит немцев врезался на всю мою жизнь, и я помню его в мельчайших деталях! Мы долго не могли прийти в себя, а бабушки весь вечер стояли на коленях перед иконами и благодарили Бога за спасение.

Сразу после оккупации Кисловодска немцы устроили кладбище для своих солдат прямо в центре города. Там, где сейчас находится памятник Ленину - напротив Коллонады, они выкапывали могилы. Хоронили своих солдат в цинковых гробах - в шинелях, касках, сапогах. Всё это рассказывала матери знакомая, которая жила в двухэтажном доме на горке сверху кладбища.

А над городом всё чаще летали наши самолёты с красными звёздами на крыльях. Люди радовались:

- Знать, не сломлена Красная Армия! Видно, немчура получила отпор! Где - то наши рядом!

И вправду, скоро стал доноситься временами как – бы весенний гром. Мы даже и не догадывались, что наши перешли в наступление. Но немцы вдруг начали эвакуироваться и в спешке покидали город.

- Неужели правда, неужели наши наступают и скоро придут?

- говорили измаявшиеся жители. А оставшиеся немцы просто взбесились. В городе с 1 по 8 января, возле Кольцо – горы, были произведены массовые расстрелы мирных жителей - всего 322 человека. А всего по официальным советским данным, как мы узнали позже, за период оккупации Кисловодска было уничтожено около 3200 граждан! Вечная память безвинным жертвам этой бойни!

В ночь на 9 января на немецком кладбище вдруг стало светло, как днём. Немцы включили прожектора, многочисленная команда быстро выкопала все гробы. Их погрузили на машины (всего более ста гробов) и увезли. Утром это стало видно - пустые могилы и горы земли. А этим же днём из города на машинах и мотоциклах уехали последние каратели. Всё! Конец оккупации!

Госпитали в Кисловодске.

Через два дня в городе появились первые красноармейцы. На всех досках объявлений, на базаре, на стенах домов, на столбах появилось следующее объявление:

- Постановление Исполкома Кисловодского городского Совета депутатов трудящихся. 14 января 1943 года.

- 1) *С сего числа в городе восстановлена советская власть.*
- 2) *Всем гражданам в трёхдневный срок сдать всё имущество государственных и кооперативных предприятий и учреждений. Место сбора - рынок города.*
- 3) *Лица, не сдавшие в указанный срок имущество, несут ответственность по законам военного времени.*

Председатель исполкома Н. Митрофанов.

Итак, закончилось ужасное время, люди вздохнули, повеселели, больше не боялись выходить на улицы. Открылся хлебозавод, заработало на полную мощность первое предприятие - Кисловодский Горместпромкомбинат (шили шинели, шапки, обувь - для фронта; одеяла, простыни и наволочки – для госпиталей). Госпитали с первых же дней освобождения города начали также принимать раненых с фронтов.

Мать теперь работала день и ночь в том же эвакогоспитале №3176 (сан. Орджоникидзе). Бабушки Оля и Фрося опять уехали в свою станицу, и мы с Шуркой теперь были целыми днями вдвоём дома одни. Недалеко от госпиталя, под горой на улице Овражной 7 (сейчас там лестница - вход к сан. «Джинал»), мать нашла для обмена дом, чтобы быть ближе к работе, прибегать - присматривать за нами, что с её хромой ногой было немаловажно. Старый наш знакомый - хозяин Старков перевёз и своё, и наше имущество на тележке, запряженной двумя осликами. У него было много живности, и он с удовольствием менялся на самую окраину города. Вдобавок он должен был по договору доплатить две тысячи рублей, но отдал матери только пятьсот, а остальные всячески оттягивал, а затем постарался совсем забыть. Это был красномордый, ещё крепкий старик с толстой женой - купчихой (она постоянно торговала на базаре). У них всего было вдоволь и они не радовались приходу советской власти.

На Овражной, вместо пятнадцати соток великолепного сада, теперь у нас было только две сотки. Мы жили на первом этаже в двух маленьких комнатах с остеклённой верандой, а над нами жила другая семья во главе с грозной бабкой Шубихой.

Мать приходила с работы очень поздно, а иногда, когда поступала очередная большая партия раненых, вообще оставалась в госпитале на ночь. Бинтов не хватало, и при госпитале организовали в прачечной их стирку. Стирали сотни метров гнойных, кровавых бинтов на обычных ребристых цинковых досках в ванночке. В прачечной сыро, пар, вонь – бедные женщины иногда выбегали еле живые наружу - подышать чистым воздухом, их рвало. У матери до конца жизни так и остались исковерканные, истёртые до ногтей пальцы на руках. А днём мать ухаживала за ранеными.

- Дети - что творится!

- говорила мать, приходя домой.

- Проклятый Гитлер! Сколько людей он загубил! Молодые - им бы жить, да жить. Умирают, кричат, стонут, проклинают всех и вся (даже нас), особенно, когда отойдут и увидят, что хирург отрезал ногу или руку. А плачут иногда - как дети!

Мать рассказывала, что всю жизнь ей снится один и тот же сон: сотни раненых в кровавых бинтах, один врач с лампой, бегающий от одного к другому. И стоны со всех сторон:

- Сестричка, возьми нож и дорезь меня! Доктор - пристрели, братец, меня!

Мать со временем привыкла к крови, слезам, крикам, проклятьям. Кормила тяжелораненых, убирала за ними, приносила – уносила «утку», помогала врачам при операциях и перевязках. С умерших бойцов снимала бинты и стирала, стирала их горами, чтобы пустить их в ход заново. Как могла, облегчала раненым страдания, ласковым словом утешала слепых и потерявших руки – ноги. А выздоравливающим помогала писать домой письма.

А раненых поступало всё больше и больше и скоро даже все проходы были забиты койками. Кто мог в то время догадываться об истинных наших потерях? Я уже упомянул, что по официальной статистике 82 % раненых выздоравливали в госпиталях (более 600 тыс. чел.), а около 108 тысяч красноармейцев выписалось из Кисловодских госпиталей калеками или умерло там. Никто не знает точной цифры умерших, но если принять условно третью часть от калек, то и это составляет ужасную цифру: 30 - 35 тысяч! умерло в госпиталях Кисловодска! И до прихода немцев и после, всех погибших бойцов хоронили на гражданском кладбище в районе нынешней улицы Цандера. На этом кладбище были похоронены все наши деды - бабки, а теперь там только бурьян на месте гражданского кладбища. Проклятые большевики - почему они по всей стране методично сносили церкви и кладбища? Ни в одной стране мира нет такого! Везде чтут память предков, а у нас «иваны без совести и памяти»... Первое Кисловодское кладбище (ещё при царе) было в районе нынешней улицы Ермолова, второе - на Минутке за железной дорогой. Сейчас там стоят многоквартирные дома и люди даже и не догадываются,

что живут на костях предков. Разве это правильно и хорошо? Никогда в России не будет счастья, пока мы не изменимся и не покаемся!

Так вот, до оккупации немцами города и практически весь 1943 год наших бойцов хоронили так. Всё, что я расскажу сейчас, жутко и чудовищно (особенно в свете ранее описанных похорон немцев у Колоннады - в шинелях, сапогах, касках и в цинковых гробах). Всё это рассказывали мне бабушки Оля и Фрося, не раз наблюдавшие эту ужасную процедуру (они ходили на это же гражданское кладбище к сестре - бабе Капитолине). Ранним утром, когда ещё весь город спит, со всех госпиталей тянутся десятки подвод на лошадях с умершими за ночь красноармейцами. Брички накрыты брезентом. Подвозят трупы к общей могиле глубиной 3 – 3,5 метров, санитары опускают, как попало, (представляете себе - это самое ужасное!) по деревянному жёлобу в могилу в одном исподнем тела, затем санитар багром с крюком укладывает их в ряды. Потом следующий ряд и т. д. Уехали подводы - санитар посыпает трупы известью, опилками и накрывает их брезентом. День и ночь могилы охранялись двумя красноармейцами и никого посторонних близко не подпускали. Наполнилась могила - похоронная команда зарывает её и копает новую. Всего было шесть огромных общих могил размером приблизительно 10 на 30 метров. Они сейчас угадываются левее памятника - мемориала павшим воинам, но почему – то нет об этом даже табличек, как на Пискаревском кладбище. На могилах сейчас цветы, красиво, но нигде, ни слова мы не говорим об этом. Почему? Почему мы продолжаем врать себе? Для чего скрывать правду? Правее мемориала находятся одиночные могилы красноармейцев - это, скорее всего, условность. Я посчитал могилы - их чуть больше тысячи (а умерло - то за тридцать!). Не буду утверждать, может, и в действительности фамилии соответствуют похороненным, тем более от мемориала вниз все захоронения уже 1944 - 1945 годов. Важнее другое - ежедневное бережное отношение к захоронениям. Не раз наблюдал картину, как подростки распивали пиво прямо на могилках. Никогда не прощу такого! Подхожу, спрашиваю:

- У вас совесть есть? Кто же ваши родители, что простым вещам вас не научили? Здесь же лежат наши солдаты - ваши деды. Это же кощунство, что вы делаете! Правда, всегда подростки не огрызались, и молча, уходили. Учителям, дирекции этой школы надо постоянно напоминать школьникам об этом.

Теперь о мемориале. 9 мая 1970 года в Кисловодске был торжественно открыт мемориальный комплекс на воинской части кладбища в районе ул. Цандера. Автор - архитектор Фриденталь и Хоменко. Кто эти люди? Оба мне хорошо известны. Когда я в 1964г. пришёл работать техником в УГА, то главным архитектором был Юрий Хоменко (под его началом я проработал 1,5 года). В Кисловодске начиналось огромное строительство и Хоменко (естественно, с согласия властей) пригласил из Северодонецка 18 молодых, талантливых архитекторов, которые много сделали для процветания Кисловодска. Талантливая молодёжь вдохнула новую жизнь в наш относительно спокойный и тихий городок - это была «свежая кровь» для

строительства. Вот кого надо делать почётными гражданами города, а не высокопоставленных чиновников, как это практикуется сейчас! И здесь всё извратили и накуролесили!

Так вот - с Фриденталем я даже дружил (часто согласовывал у него колеровку фасадов многоквартирных домов), и неоднократно поднимал с ним на праздники рюмочку коньяка. Это был спокойный, улыбчивый, доброжелательный, юморной человек. Его обаяние просто тянуло к нему. Когда мемориал открыли, я подошёл к нему и, улыбаясь, сказал:

- Исаак Марьевич! А неизвестный - то солдат: твой портрет. Чистая копия! Хитрец! Себя вылепил!

Исаак подошёл вплотную, засмеялся, взял за пуговицу моей рубашки и тихо сказал:

- Николай! В войне погибло шесть миллионов евреев. Может же хоть один еврей запечатлеть себя в камне навечно за этих шесть миллионов соотечественников! Хотя бы в качестве моральной компенсации за те гроши, что я получаю!

Заканчивался 1943 год, а рядом с нами и в городе разворачивалась новая трагедия целого народа - карачаевцев. Почему - то об этом стесняются писать, хотя в этой истории нет ничего необычного для того ужасного времени. Когда Красная Армия освобождала территорию, то всегда находились некоторые группы населения, которые не желали этого. Это было и в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, в Бессарабии, в Польше и в РСФСР. . Небольшой по численности трудолюбивый народ проживал в основном в горных районах и занимался скотоводством. В первые месяцы войны 15 600 человек было призвано в ряды Красной Армии. Кроме того, на строительство оборонительных рубежей было мобилизовано более 2 тысяч женщин и стариков.

После оккупации города.

Пленных у нас нет! Есть предатели!

Иосиф Сталин.

С 12 августа 1942 года по 18 января 1943 года территория КАО была оккупирована фашистами. За это время фашисты уничтожили и вывезли 150 тысяч голов скота. Партизанское антигерманское движение было пресечено, чему активно способствовал созданный Карачаевский национальный комитет. После отступления немцев, в январе – феврале 1943 г. этот комитет организовал восстание в Учкуланском районе. После того, как город Микоян - Шахар (современный г. Черкесск) был освобождён, операциями по борьбе с антисоветскими партизанами (в частности, с Балыкской армией в верховьях реки Малки) руководил лично заместитель Берии - Иван Серов. Однако это движение не носило массового характера и не поддерживалось большинством карачаевского народа. После разгона мятежников осудили 449 человек. 9 августа за пределы области было выслано 442 чел. карачаевских «бандглаварей». Обычная и средняя цифра для того времени для всех освобождаемых районов Союза! И вдруг ни с того, ни с сего принимается решение на высшем уровне о депортации целого народа! Депортация началась 2 ноября 1943 г. Было выселено 69 тысяч 267 чел. в Казахстан, Таджикистан, Иркутскую область и на Дальний Восток. Сталин безжалостно раскрыл территорию КАО. Вся территория области (9 тыс. кв. км.) была поделена между Ставропольским краем (Зеленчукский р-н, Усть - Джегутинский), Краснодарским краем (Преградненский р-н) и Грузинской ССР (Учкуланский и Микояновский р-ны). Столица КАО - г. Карачаевск, был переименован в г. Клухори. 14 ноября 1989 года Декларацией Верховного Совета СССР были реабилитированы все репрессированные народы. Политике клеветы, геноцида, режима террора, насилия пришёл конец! 3 мая в Карачаево - Черкессии объявлено Днём возрождения. Именно в этот день пришёл в 1957 году первый эшелон в Черкесск из депортации.

Шло лето 1944 года. Как - то матери не было долго с работы, мы были голодны, сидели на скамейке перед домом, всё глядели в сторону госпиталя (он находился напротив - на горе), ожидая мать. Уже темно на улице и моё терпение заканчивается.

- Пойдём к матери сами

- предлагаю Шурке. Он отказывается. Я пошёл потихоньку один, по серпантину поднялся к первому большому зданию. Красивые аллеи, небольшой свет, тихо играет музыка. Меня кто – то увидел, наклонился, спросил, куда я иду.

- К маме.

- А как фамилия мамы и в каком корпусе она работает?

Фамилию назвал. Меня взяли под руку, долго водили по коридорам, наконец, увидел мать в белом халате. Она удивилась, всплеснула руками, отругала меня, велела подождать, завела в палату. Я от неожиданности опешил, съёжился, испугался, забился в угол. Кругом в белых рубашках и кальсонах лежат раненые, некоторые ходят, другие стонут, третьи забинтованы целиком и лежат молча - не видно лица. Из другой палаты хрипло крикнули:

- Сестра - «утку»!

Мать выскочила, мне заулыбались, начали приглашать:

- Подойди, мальчик - не бойся!

Начали все гладить по голове, обнимать, тискать (каждый, видно, вспомнил о своих детях). Мать зашла, позвала, я упирался и не хотел уходить - даже заплакал:

- Мама! Мне здесь хорошо! Мне всё нравится! Давай останемся!

Все смеялись. Бойцы тоже, видно, полюбили меня и просили мать приводить с собой. С тех пор я стал почти ежедневно ходить в госпиталь и скоро все раненые знали меня. Любил ходить из палаты в палату, рассказывал что -нибудь, меня постоянно угощали чем-то. Просили рассказать какой -либо стишок, но больше мне удавались песни. Тонким дрожащим голосом, стараясь растрогать бойцов, я вывожу своего любимого «Арестанта»:

- За тюремной большою стеною, молодой арестант умирал.

Он, склонившись на грудь головою, тихо плакал - молитву шептал:

«Боже, боже - ты дай мне свободу. И увидеть родимых детей.

И проститься с женой молодою, и обнять престарелую мать».

Раненые перемигивались, шутили, но некоторые серьёзнили и внимательно смотрели на меня:

- Песня жизненная. Вся правда в ней. Кто научил? Коля - что ещё знаешь?

Я, расхрабрившись, начинал:

- На опушке леса старый дуб стоит. А под этим дубом офицер лежит.

Он лежит - не дышит, он как будто спит. Золотые кудри ветер шевелит.

А над ним старушка - мать его сидит. Слёзы проливая, сыну говорит:

«Я тебя растила - и не сберегла. А теперь могила будет здесь твоя.

А когда родился - батька белых бил. Где - то под Одессой голову сложил.

Я вдовой осталась - пятеро детей. Ты был самый старший - милый мой Андрей!»

Красноармейцы переставали улыбаться, молчали, курили махорку, повторяли:

- Да, Коля, ты, оказывается - талант! Будешь артистом! А вот новая песня только - что вышла, по радио поют часто - не знаешь?

- Про Корбино? Только - что выучил -

- отвечаю.

- Давай!

- *Может в Корбино, может в Рязани, не ложились девушки спать.*

Много варежек связано было, для того, чтоб на фронт их послать.

Вышивали их ниткой цветною, быстро спорился девичий труд.

И сидели ночью порою и гадали, кому попадут.

Может лётчику, может танкисту. У отчизны есть много сынов.

Иль чумазому парню - шофёру, иль кому из отважных бойцов.

Получил командир батальона эти варежки - пуховики.

Осыпает их иней, морозы, но любовь не отходит от них.

Скоро - скоро одержим победу! Поезд тронется в светлую даль.

И тогда непременно заеду - может в Корбино, может в Рязань!

Раненые прямо - таки светились, улыбались, а некоторые украдкой вытирали слезу.

- А что –нибудь ещё знаешь? Может весёлое?

Я охотно соглашался и под перемигивания, шутики, начинал быстро:

- *Шла машина из Тамбова - под горой котёнок спал. (Два раза; второй раз - с распевом)*

Машинист кричит котёнку: « Эй, котёнок, берегись!»

А котёнок отвечает: « Обьезжай - я спать хочу!».

Машинист поехал прямо - отдал котёнку хвост.

А котёнок рассердился - опрокинул паровоз.

Бойцы смеялись, трепали меня по волосам, а я был несказанно горд. С работы я возвращался вместе с матерью, безумолку рассказывал ей о своих новых знакомых, нёс Шурке подарки, игрушки. Он ни за что не соглашался ходить вместе со мной в госпиталь, но охотно поддерживал меня в новой затее. Теперь мы с Шуркой играли только в раненых. Смастерили себе костыли и целыми днями прыгали на одной ноге или забинтовывали один глаз, ухо, рот, грудь, руку - ногу и т. д., придумывая себе ранения в самых неожиданных местах. В госпитале у меня появились настоящие друзья, к которым я шёл в первую очередь. Один из них - лётчик, мастерил для меня из бумаги, картона, косточек из компота, сырого картофеля, бинтов и ниток невиданные игрушки, зверей, птиц.

И теперь я хочу сказать, может быть, самое главное, что даже сейчас тоже берedit мне душу, но по другому поводу. Как же нам не везёт с властью! С её подлостью, обманами, враньём! Сейчас это существует - а раньше ещё хуже было! Речь идёт о следующем. Я уже упоминал, что в городе перед фашистской оккупацией наши безжалостно оставили в госпиталях на растерзание немцам более двух тысяч тяжелораненых красноармейцев. Официальная советская пропаганда не отрицала этот факт, но объясняла всё это спешкой отступления. Какая там спешка, если в городе было безвластие более недели (а некоторые источники называют цифру - две недели!). Тяжелораненых, измученных красноармейцев, отдававших Родине свою жизнь, просто кинули! Я и до этого знал и слышал от людей всю правду об этой трагедии, но, изучая всё это, «раскопал» следующий важный документ. Привожу его вкратце:

- Заместителю председателя Совнаркома Р. С. Землячке. 2 июня 1943 года.
Тов. Землячка Р. С.! Обращаясь к Вам с настоящим письмом, я делаю одну из последних попыток правильно осветить и добиться разрешения вопроса, волнующего людей на Минеральных Водах. Вам, наверное, неизвестна Кисловодская эпопея эвакуации города в августе 1942 года. В городе на произвол судьбы были брошены более 2 тысяч тяжелораненых бойцов и командиров Красной Армии. Простые люди, врачи, медсёстры, санитарки оказывали этим раненым медицинскую помощь, вплоть до сложных операций, кормили их, поступаясь последним куском хлеба в их пользу. Спасали их от Гестапо, прятали на своих квартирах. Люди делали всё, что могли, чтобы спасти их жизнь, выполняя свой долг перед Родиной и её защитниками (скрывали их, прятали партийные документы, ордена и т. д.) Всё это я довольно подробно осветил в докладе, который послал в Москву председателю ЦК РОККа в феврале с г. и копии в местные, городские и краевые советские и партийные организации. К глубокому сожалению, до сего времени мы ответа или какой - либо оценки, несмотря на то, что прошло уже 5 месяцев, не имеем. Наоборот, разговор об этом здесь, в Кисловодске, среди «власть имущих» считается «неприличным». Я и многие мои товарищи находимся под злейшим остракизмом, ощущаем настороженно - подозрительное отношение и пренебрежение. Власть, которая должна нести ответственность за свою трусость, неумение в нужный момент

сохранить присутствие духа и организовать эвакуацию раненых, старается, чтобы народ забыл, как тысячи раненых беспомощных наших защитников умирали, будучи брошенными без надзора и ухода. Мне было запрещено писать об этом дальше без разрешения Городского комитета ВКП(б). Я считаю, что наше правительство должно иметь суждение о передаваемых мною фактах, наказав виновных и наградив достойных, после беспристрастного и тщательного расследования. Ст. судебный психиатр г. Ленинграда академик Гонтарев Б. Р.

Что тут скажешь? Ответ ищите сами, уважаемые читатели.....

В Сибирь - на ссылку!

Нас увозил слепой вагон. А что там, где со всех сторон? Клочку небес мы были рады. «Так захлебнитесь кровью, вражьи морды!» - орали грозные дельцы, антисоветские спецы ежово – берьевской породы.

Михаил Люгарин. Норильский мемориал (выпуск 2 –ой)

Больно вспоминать то бесчеловечное время, но из памяти не уходят те кровавые годы, просятся на бумагу, к людям. Попробую описать главное. Не будет ни одного придуманного сюжета, ни одной придуманной фамилии, только то, что я видел, пережил, испытал и что останется со мной навсегда – до последнего вздоха!

В Кисловодске только и говорили на работе, дома, судачили на базаре о недавней высылке из города всех карачаевцев. Говорили разное, но в основном недоумевали и жалели эту маленькую народность. Но я слышал, как наш новый участковый милиционер Салов, почему – то зачистивший к нам, однажды сказал:

- Правильно поступил товарищ Сталин! Они встречали немцев хлебом с солью и подарили коменданту белого коня и бурку! Так им и надо!

Мать пыталась тихо возразить:

- Ну, даже кто – то из них это и сделал, а причём здесь весь народ?

На что грузный и неприятный Салов заорал:

- Ты что говоришь, Углова? За такие разговорчики.... Смотри мне!

Уже позднее, когда мы стали большими, мать рассказала:

- Салов всё время домогался меня и, кроме этого, требовал тысячу рублей. А где я их найду? Если бы была эта проклятая тысяча - нас бы не выслали.

Это Салов мне прямо говорил:

- Есть разнарядка на высылку неблагонадёжных людей после освобождения города. Твой муж попал в плен и числится в этой категории. Ищи деньги - прикрою, если что!

Я не верила ему. Думала – просто вымогает и запугивает меня!

От отца уже два года не было никаких вестей. Как в 42 году получили письмо из Ростовской больницы, где он лежал с сильным обморожением, так и пропал отец! Ростов уже два раза переходил «из рук в руки» и, в конце концов, был освобождён

от немцев. Фронт укатился уже за пределы нашей страны - на Запад и мы все ждали нашей победы.

И вдруг в наш маленький домик нагрянула беда. 31 –го августа 1944 года я, как обычно, пришёл поздно вечером с матерью с работы. Поужинали, легли спать. Вдруг часа в три ночи раздался громкий, требовательный стук в окна дома (у нас два окошка выходили прямо на улицу). Испугавшись такой настойчивости, мама открыла дверь. В дом ворвались двое в штатском, грубо растолкали и подняли нас. Перепуганная насмерть мать плакала, кричала:

- Кто вы? В чём дело?

Страшные мужики закричали:

- Собирайся быстрее!

Мать зарыдала:

- Куда? Зачем? Куда нас поведёте? За что? Почему? Что я сделала плохого? Дайте ваши документы!

В ответ рычали:

- Вопросы здесь мы задаём! А документ тебе сейчас будет по башке, если не угомонишься! Ещё слово – прибьём! Собирайся быстрее, сука! Бери, сколько унесёшь! Собирай самое ценные и тёплые вещи. Вас высылают в Сибирь!

Мать, а вместе с ней и мы, ещё больше заплакали – заголосили:

- Что я плохого сделала для власти? Работала, как проклятая, в госпитале – лечила раненых бойцов! А малые дети что сделали? Они же ещё ничего не понимают!

НКВД - эшники заорали:

- Молчать, сказали тебе! А то... не будет никакой высылки. Прямо здесь тебя и твоих щенков задушим! Тварь - быстрее шевелись!

Мать, плача, собрала в простыни три узла. Мы, всхлипывая, вышли, подталкиваемые злыми дядьками, на улицу. Дверь в наш дом один из непрошенных гостей опечатал. Нам и в голову не приходило, что мы покидаем родной угол на целых одиннадцать лет! Ниже нашего дома – метрах в пятидесяти, стола полуторка, в кузове которой сидели четыре женщины с детьми. Нас погрузили, машина тронулась. По пути заехали ещё к некоторым нашим соседям, которые уже стояли на улице. Нестеровы, Невские, Исахановы, Жигульские: еле всех погрузили, затолкали в перегруженный кузов. Кроме шофёра в кабине сидел конвоир и ещё двое стояли на подножках кабины.

Подъехали к товарной станции. Уже начало светать, и конвоиры торопились, гнали к вагонам, толкая и пиная всех подряд. Вагоны были грузовые, с зарешёченными двумя маленьким оконцами в самом верху. Шум, гвалт, плач, крики. Некоторые женщины

падали в обморок. Наша мать глухо рыдала, тоже падала в обморок, опять вставала – её, с негнущейся ногой, подняли и затолкали одну из последних.

В вагоне по периметру три яруса полок из грубых, неотёсанных досок. В самом углу туалет – прорубленное в полу вагона круглое отверстие с решёткой внизу. Все места были уже заняты, и нам пришлось разместиться на полу рядом с дыркой – туалетом. Это было ужасно, но «оценить» такое соседство нам пришлось только позднее. Мать всегда считала себя «несчастливкой» и это, действительно, подтверждалось тысячи раз в её жизни. Поезд тронулся « в светлую даль». Только на третий день мы выехали из Минвод, когда полностью сформировался состав из сорока вагонов, т. к. к нам всё время цепляли вагоны в Ессентуках, Пятигорске, Минводах. Мы ехали в семнадцатом вагоне. Состав тянули два паровоза. В каждом вагоне находилось от тридцати до сорока семей. В основном было в семьях два – три человека, но были и одиночки. Состав двигался очень медленно, иногда мы стояли по нескольку дней на полустанках или больших станциях, пропуская воинские эшелоны. Несмотря на медленное продвижение, в поезде чувствовалась твёрдая дисциплина. Сотнями кричащих, растерянных, плачущих женщин и детей руководили суровые бдительные конвойные (по два на вагон).

Люди в нашем вагоне все перезнакомились, порассказали все свои истории, некоторые даже подружались. Худая крыша вагона над головой не спасала от дождей, но это пришлось ощутить только позднее, когда мы были уже за Уралом. На пустырях или маленьких полустанках нам разрешали выйти из вагонов прогуляться, сходить в туалет, попить воды из водокачки. Всё это под присмотром надзирателей, но всё равно некоторые молодые одиночные мужчины и женщины сбегали. После таких побегов репрессии усиливались и нас практически перестали выпускать. Один раз в день с грохотом открывалась тяжёлая катучая дверь вагона, и раздавался крик:

- Два мешка и два ведра!

Староста вагона с одним помощником выпрыгивали из вагона и вскоре возвращались с двумя ведрами горохового супа и мешками с тяжёлым пахучим чёрным хлебом. Некоторые люди – побогаче, кто захватил больше дорогих вещей или золотых украшений, выменивали их на больших станциях на дополнительное продовольствие. У матери тоже было несколько золотых и серебряных вещиц, но она, как бы чувствуя впереди худшее, берегла их. И это спасло нам жизнь в первые два - самых тяжёлых года в Сибири!

Поезд тянул нас в неизвестное уже более месяца. Начались дожди, да и около туалета была постоянная сырость от прибитого к деревянному полу бака с водой и привинченной на цепи алюминиевой кружки. Бельё у нас плесневело, воняло, гнило от сырости. Мы мёрзли по ночам, голодали, т. к. одноразовое питание было недостаточным. Осенние дожди через щели досок заливали холодными струями, а снизу через проклятую уборную тянуло сквозняком. Начались болезни, а затем и смерть наиболее слабых и немощных стариков и детей. В нашем вагоне умерло тоже несколько человек. Люди изнемогали, стонали, кричали, стучали в двери вагонов:

- Изверги! Куда вы нас везёте? Когда закончится этот ад? Сволочи!

В ответ конвойные орали матом, угрожали, стучали прикладами винтовок в стены вагона и даже стреляли в воздух.

Из всех детских впечатлений, пожалуй, самое значительное для меня было – сходить в уборную. Если взрослые это делали вечерами и ночами (представляете, какие звуки и запахи были рядом с нами?), то дети не умели терпеть и делали это и днём. На второй полке напротив нас находилась Стэлка Невская с сестрой Милкой и матерью. Стэлка была курчавенькая, симпатичная, миловидная девчонка, и я постоянно наблюдал за ней. Она мне очень нравилась, и мы переглядывались с ней. Как можно было на её глазах сходить в туалет? Я плакал, настаивал, чтобы мать закрыла меня чем –нибудь от всех. Она же ругалась, даже шлёпала меня, но в конце уступала, натягивала простынь вокруг очка, и я оправлялся, радуясь, что Стэлка не видит моего позора.

На остановках мать приносила кипятку, несколько лепёшек, сахарин и мы пили морковный чай. Иногда, при долгих стоянках, около вагонов разводили костры и пекли картошку, которую просили или выменивали на что – то у сибиряков. Конвоиры на крышах вагона между трубами натянули верёвки и разрешили сушить бельё в хорошую погоду. Мы с Шуркой тоже, когда дошла очередь, залезли на крышу и высушили подушки, одеяло, простыни, одежду. Наконец, наши мучения закончились, поезд тряхнуло последний раз, по вагонам пронеслось:

- Новосибирск!

Но мы стояли ещё трое суток на путях. Наконец подъехали подводы, всех погрузили и через некоторое время мы подъехали к огромной реке.

- Обь!

- всполошились, заговорили люди.

- Вот куда нас привезли! Господи – это же край земли!

Но, оказывается, это ещё не был конец нашего злосчастного путешествия! Нас погрузили на баржу в трюм. Темно (одна – две семилинейные лампы на весь трюм), сыро, грязно. Нас уже не кормили, и на барже от истощения и постоянного стресса умерло ещё пять человек. По очереди разрешали на несколько минут выходить наверх подышать свежим воздухом, т.к. в трюме стоял смрад и тяжёлый запах от немых тел. Через два дня баржа пристала к левому берегу Оби. Это был посёлок Почта. Здесь часть людей выгрузили, и мы попали в их число. Остальные поплыли на барже дальше.

На берегу уже стояли десятка два подвод, запряженных быками. Погрузили скарб, детей и немощных стариков на подводы и поехали куда – то по узкой лесной дороге. Десятка три – четыре людей покорно следовали за подводами в сопровождении трёх красноармейцев на конях. Дорога была ужасная. Мы две недели тянулись вглубь тайги. Стоял октябрь, колея раскисла от дождей, телеги застревали. Бедных быков безжалостно хлестали

кнутами сердитые женщины – сибирячки, управлявшие обозом. Ругань, мат, свист кнутов по спинам вымотавшихся быков. Когда очередная повозка заваливалась по самое днище в грязи, сибирячки кричали:

- А ну, вражьи морды, ломайте кустарник! Бросайте под колёса! Мать вашу так! У вас, что? Руки не туда приделаны? Интеллигенты вонючие – городские бл...и! Кто так делает?

Мать шла пешком все эти 150 – 200 километров, которые мы проехали за эти две недели на подводах. Отчётливо помню, как мы с Шуркой плакали, когда подводы опережали идущих пешком взрослых, и хромящая мать скрывалась за поворотом дороги. Мы думали, что она нас уже не догонит.

С нами на одной подводе ехала Щербинская Мария Леонидовна - беспомощная, ничего не умеющая делать женщина, но, как оказалось, прекрасный врач и медсестра, спасшая впоследствии не одну жизнь. Однажды хватились - нет её на подводе. Оказывается, она задремала, бричку сильно потрянуло, и она слетела с подводы, а тут крутой поворот дороги. Мы в этот раз ехали последними. Конные бойцы нашли её, запеленатую в одеяло. Лежит в канаве молча, как кукла. Тихо плачет:

- Оставьте меня, родненькие, здесь умирать! Я вас прошу – уезжайте! Для чего мне теперь такая жизнь?

Днём, когда пригревало, мы впервые узнали, что такое комары и мошка. Все от укусов гнуса распухли. Сибирячки смеялись над нами:

- Наши комарики покусаят вам яики! Ничего, враги народа, привыкните! Отвыкайте от сладкой жизни на вашем Кавказе...

Ночью мы ночевали в копнах сена где –нибудь на полянах рядом с дорогой. А надо признать, что там не было сплошной тайги – всё время чередовались болота, перелески, поля. Ночевать в стогах сена было ново и прекрасно. Пахучее сено нам нравилось. Но утром будили рано. Сено опять складывали в стога и копны. Раз в день мы останавливались, готовили что –нибудь на кострах. Воду пили из болот, придорожных канав, грязную, с зелёной тиной. Практически у всех началось расстройство желудка и это ещё более замедляло движение. За две недели ещё умерло от кровавого поноса несколько стариков и детей. Хоронили их рядом с дорогой в могилах, наполненных водой – без гробов, завёрнутых в простыни. Даже крестов не было возможности поставить на могилах. Родные дико выли, кричали. Женщины рвали на себе одежду, царапали лица, громко причитали – они не могли смириться с такими похоронами близких! Мы все были в шоке от всего происходящего с нами!

Но затем все успокаивались, и обоз продолжал движение вглубь тайги.

Лес нам с Шуркой очень нравился – багряный, золотистый, местами ещё зелёный. Я всё расспрашивал нашу возницу - сибирячку, которая к концу нашего пути становилась всё добрее к нам:

- Тётъ! А медведи есть здесь?

- О- о – о! Чего – чего, а этого добра здесь хватает! Сколько их шастает по тайге! Мужики все на войне – они и расплодились. Летом боимся ходить в лес по малину – задерут, как пить дать! Но сейчас они уже ложатся в берлогу – не злые, жиру за лето нагуляли.

После этих разговоров я боялся отходить далеко на стоянках, и всё время оглядывался с подводы - а вдруг мелькнёт медведь?

Наконец, лес немного расступился, впереди показалась красивая речка, вся в излучинах, то узкая, то широкая. По берегам зелёный, жёлтый тростник и камыш. По обе стороны реки стоят необычные чёрные, деревянные хаты. Деревня называлась Лёнзавод, а речка – Шегарка, как объяснили сибирячки, останавливая подводы у самого большого дома на берегу. Через некоторое время собралось несколько местных жителей – женщин, стариков, детей. Кучкуются, тихо разговаривают, смотрят неприветливо на нас, кого – то ждут. Подошёл низкорослый, плюгавенький мужичок в шапке, фуфайке, на ногах валенки с галошами. Заикаясь, представился, растягивая сильно слова:

- Пинчуков моя фамилия. Директор Лёнзавода. Пять семей, которые на первых подводах, располагайтесь в конторе! Остальные – айда во Вдовино!

Переглянулись, перемигнулись бабы на такого директора, даже впервые заулыбались, хоть устали все смертельно. Зашевелились, начали сгружаться (в том числе и мы), остальные поехали в какое – то Вдовино, которое находилось, как выяснилось, в трёх километрах от Лёнзавода. В пустые четыре комнаты без стола, стульев, скамеек и кроватей, зашли Казарезова Мария – красивая женщина лет тридцати с двумя детьми Вовкой и Веркой (наших лет), Спирина Надя с дочкой Клавой 13 – 14 лет, Шереметьева Надя с дочкой Светой 3 – х лет и Киселёва Люба с двумя девочками чуть постарше меня. Проходные комнаты были без дверей, маленькие окна с разбитыми стёклами, деревянные некрашенные полы. Посредине стоит большая русская печь, рядом под потолком полати. Стены из круглых черных брёвен, сквозь которые проглядывает мох - не оштукатурены и не белены. Вот таким было наше жилище! В комнатах холодно, неудобно, на полу кучи мусора. Помогавшие вносить вещи местные бабы рассказали, что на этой печи у одной ссыльной только что умер последний – третий ребёнок, а сама она сошла с ума и её куда – то увезли. Заплакали, заголосили, запричитали бабы, а заодно с ними и мы. Зашёл Пинчуков:

- В рёбра мать! Хватит реветь! Слезами горю не поможешь! Надо жить!

Заорал на своих:

- Пошли вон по домам! Лучше принесите им что –нибудь пожрать!

Затем начал покрикивать, успокаивать наших:

- Заткните дыры на окнах чем –нибудь, подметите и помойте полы. Взрослых детей пошлите за хворостом в соседний лесок: вон он – в пятидесяти метрах! Да и за избой есть немного колотых дров. Распустили нюни! Молодые бабы! Не стыдно?

И это подействовало! Все засуетились, успокоились, начали работать. Через некоторое время избу было не узнать. Чистые полы, щели окон заткнуты тряпьем и даже висят занавески, весело потрескивает огонь в печке. Во всех комнатах разложили на полу кое - какие лохматы. Мы заняли самую большую комнату со Спириными. Сибирячки вернулись, принесли вареной картошки, немного чёрного хлеба, обрату в кринках, устюков (шелуха с крупой), брюкву и турнепсу. Последние два плода похожи на сахарную свёклу и репу. Поужинали, долго говорили при свете печи и делая по совету сибирячек лучины из поленьев. Нам, детям, всё было интересно. Столько впечатлений! Необыкновенная еда (особенно понравилась сладкая брюква), необычные люди с интересным говорком, чудная печь с открытым огнём. Потрескивающие сухие лучины, блики огня на потолках, разговоры, вздохи женщин. Нас всех разморило – мы притихли, глядя заворожено на огонь. Помня умерших детей на печи, я не полез ночевать на неё и полати, как все дети, а уснул на полу около матери рядом с давно спящим Шуркой.

Лютый год.

Там смерть бродила без косы.

Любя вождя, пред ним дрожали.

Сам чёрт точил ему усы,

Чтоб жертву новую ужалить.

Норильский мемориал. Август 1991г.

Памяти поэта Бориса Ручьёва.

Итак, наше ужасное «путешествие» - перемещение в Сибирь закончилось. Шли последние числа октября 1945-го года. А «поутру они проснулись...» в холодной избе в глухой сибирской тайге - пять несчастных, ни в чём не повинных русских женщин с малолетними детьми. Проснулись от пронизывающего холода. Все выбежали во двор. Кругом белым – бело! Ночью выпал глубокий снег. Ребяшня кинулась к снегу – интересно, необычно. А бабам горе: нечем затопить печь – все дрова сожгли вчера. Из соседней хаты сибирячки дали пилу и топор. Все пошли в лес (в том числе и дети)- он рядом. Никто не умеет пилить – всё время пилу зажимает, вихляется она; того и гляди, не дай Бог, сломается. Ведь сибирячки прибьют, т. к. это там была большая ценность. Да и топором тоже уметь махать надо. Переругиваются бабы, плачут, а нам весело. Столько всего нового, лес какой, пухлый снег, носимся, падаем. Помогаем носить дрова в избу. Затем с Шуркой побежали к реке с ведром за водой. Вода чёрная, тихое течение, пар от воды. Берега в снегу, со дна тянутся водоросли и колышутся по течению. Наклонились – плюём в воду, увидели небольших рыбок в глубине. Разговариваем тихо, боясь их вспугнуть. От избы закричала мать:

- Колька! Шурка! Где вы, черти! Сколько можно ждать? Скоро вы воды принесёте?

Очнулись, зачерпнул Сашка ведро воды, оглядываясь, пошли назад. Неизгладимо первое впечатление от Шегарки! Осталось на всю жизнь память о милой моему сердцу речке, где прошло моё детство! Шегарка, Шегарка – как я благодарен тебе, что ты была всегда с нами! Ты скрасила нам детские годы, ты вошла в нашу душу до конца дней! Воспоминания о тебе жгут и мучают меня и сейчас, заставляют сильнее стучать моё сердце, дрожит голос, и выступают слёзы – я люблю тебя, Шегарка!

Через два дня наведалься Пинчуков.

- Ну что, бабы? Передохнули? Постирались? Пора и за дело! Ведь не на курорт вас привезли к нам. Завтра все на лён! Лодырей не люблю! Детей, кто постарше, отвезём в школу во Вдовино. Это в первый раз. А дальше, пусть сами ходят – рядом, всего – то три километра. Малыши пусть дома сидят, но на первый раз можете взять их с собой на лён.

И началась наша сибирская жизнь! Взрослые целыми днями дёргали лён в поле. Много его надо было в то время для Красной армии, т. к. он шёл на изготовление белья, гимнастёрки, галифе, шинелей, веревок и канатов. Лён стоит высокий, чистый, звенит шариками – бубенцами на ветру. С треском выдирают пучками его из снега бабы, вяжут в снопы, а снопы составляют в сусла. Возьмёшь головки льна, разотрёшь в ладошках, продуешь, просеешь, пересыпая из руки в руку, кинешь в рот – нормально! Не мак, но есть можно. Лён стоит стеной рядом с посёлком. Дальний – то, говорят, убрали весь и вывезли на ток. По жёсткой разнарядке все поля, все свободные клочки земли засеивали только льном. Немного для себя засеивали лишь часть пахоты рожью и горохом. Удивительное растение лён! Мне он сразу понравился, а когда впоследствии увидел его цветущим – это было что – то! Я пытался помогать матери выполнять её задание – за этим строго следил бригадир. Сразу устал. Тяжело тянуть из снега пучок, да и пальцы быстро замерзают, а вскоре, к тому же, занозил руки. Никаких рукавиц, естественно, тогда не выдавали. Бабы одеты - обуты все в основном в летнем: замерзают, стонут, плачут, у всех тоже занозы, а бригадир свирепствует:

- Киселёва, Углова, Казарезова! Какого хрена опять собрались в кучку! Давай работать! Не получите обед! Бездельники! Я вам сегодня трудодень не поставлю!

Как помню, из всех женщин самая бойкая и смелая была Мария Казарезова, позднее сбежавшая из Сибири. Она за словом в карман не лезла:

- Пошёл, сам знаешь, куда! У нас руки с парой сошлись! Дай чуть погреть их!

Бригадир матюкается, машет рукой:

- А ну вас к чёрту, работнички!

Всем женщинам тяжело с непривычки, холодно – голодно. Попробуй с раннего утра дотемна потягай лён! А он с каждым днём всё хуже и хуже выдёргивается, т. к. подмерзает влажная почва. А места там болотистые, тяжёлые, всё низина - низина, нет привычных для нас гор, песка, гравия. Да что там – камешка не найдёшь нигде, даже по берегам Шегарки!

Вот, наконец, и обед! Привезли в поле на подводе в баке горячую похлёбку, немного хлеба, вареной картошки и брюквы. Разведут костерок, собьются с местными бабами вместе кружком, поедят, отдохнут, погрются, погорюют, поплачут – и опять за работу.

Мы же с Шуркой и другими детьми любили играть - прятаться в суслах. Заберёшься внутрь, хрумаешь лён – интересно, но быстро вымокаешь в снегу. Мать прогоняет домой, а там тоже холодно. Но мы быстро научились пилить, колоть, заготавливать дрова и сами растапливать печь. Но с каждым днём становилось всё холоднее, мороз жжёт

щёки. Много на улице не поиграешь, одеться, обуться не во что, и всё чаще оставались в избе на целый день. А тут голод стал мучить ежедневно. Ждёшь – не дождёшься родителей с поля. Принесут льна, немного сырой картошки, выделенной Пинчуковым за работу, вместе с котлом в придачу. Все пять семей начинают варить картошку в котле, а потом в этом же котле кисель изо льна и калины. Печь большая, гудит, становится всем веселее.

Всё реже и реже мы с Шуркой выбегаем на мостик через Шегарку покачаться на гибких досках - всё холоднее и холоднее становилось. И вот уже река остановилась – сплошной лёд, который не пробивается комьями грязи, которые мы кидаем. Начали кататься - лёд прогибается и потрескивает, а я не боюсь и стараюсь выехать на середину омута.

- Смотри, провалишься! Лёд ещё тонкий!

– кричит Клавка Спирина.

И, правда, как – то раз, не успев выехать на середину, мгновенно очутился в ледяной воде. От неожиданности оторопел, испугался, но каким – то чудом ухватился за вмёрзшую в лёд ветку ракиты. Ору что есть силы. Ребятня вся сгрудилась, мешают друг другу, а течение прямо тянет меня под лёд. Никогда не думал, что на вид спокойная Шегарка имеет такую силу! Из последних сил держусь. Клавка прибежала с жердён (как догадалась?) и вытащила меня.

Мать вечером узнала, кричит:

- Сволочи проклятые! Вы что – утонуть хотите? Все дети, как дети, а вы какие - то ненормальные. Это всё ты, Колька, заводила! Если ещё раз выскочите на лёд - узнаю, излуплю, как собак!

Теперь мы в комнате весь день, у каждого свой угол, но есть и общая территория. Все подружились. Три мальчика и четыре девчонки, а всеми верховодит пятая, старше всех нас значительно – Клавка Спирина. Она, как и Шурка, походила, походила в школу во Вдовино и бросила. Сидит с нами в избе целый день, покрикивает на всех, разнимает драчунов. Голос у неё грубый, да и лицо, как у мальчишек! Весь день в избе шум, гвалт, возня, драки, слёзы и одновременно смех, веселье. Но чем дальше, чем холоднее, голоднее становилось, тем тише в избе.

Первое время по утрам мать силком одевала, снаряжала Шурку в школу, но он упирался, не хотел, плачет – сопли распустил:

- Не пойду, не буду там учиться! Меня обзывают врагом, смеются надо мною, издеваются!

Все произошедшие с нами ужасные события надломили его. Всех он боится, переживает, замкнулся в себе. И без того робкий по натуре, Шурка окончательно был сломлен жестокой действительностью. А когда зима ударила во всю, а до школы туда – назад три километра, тут мать поняла, что придётся этот год Шурке пропустить.

Лён весь уже был собран и родители перешли работать на Лёнзавод. Несколько крытых навесов, сараев, складов, молотилка, веялка, крутилка – вот и весь завод. Женщины крутили – молотили лён, вили из пряжи верёвки на сквозняке. Я любил приходить и наблюдать за работой. Вот мать развязывает сноп, кидает его в жерло молотилки. Лён хрустит, пережёвывается, семя льётся ручейком в один бак, а волокно плавно – в другую сторону. Его подхватывают на дальнейшую переработку, а затем из пакли выют верёвки для фронта.

- Чтобы поганого Гитлера задушили этой верёвкой!

- плачут, голосят голодные, измученные работой на морозе бабы. А мне и здесь было интересно. Шум локомотива, запах льна, крики – команды механика; солидол, которым смазывали механизмы, и я пытался его есть. Но особенно меня интересовали птицы, собиравшиеся на льняное семя. И в первую очередь, красногрудые снегيري. Это были великолепные птички! Не знаю более красивых птиц в России!

Теперь наши матери приходили на обед к нам домой. Чаще всего варили капустную похлёбку и тыквенную кашу. Начали давать немного хлеба с устюками и на детей. Клавка Спирина растопит языком кружок на стекле, дует постоянно на лёд, торчит долго у окна, смотрит на дорогу во Вдовино. Наконец запрыгает, заорёт:

- Ракшиха хлеб везёт! Хлеб везут, хлеб везут, хлеб везут!

Все загалдели, лезем к окну, толкаемся. Это Нюська Ракша везёт на быках из Вдовинской пекарни хлеб. Все люди с посёлка собираются к конторе. Прямо с саней Ракшиха по списку начинает развешивать чёрный, липкий, тяжёлый, но страшно вкусный хлеб. Вонзят крючок безмена (весы) в булку, отрежет, сколько надо, или добавит. Всё это на руках, на весу, под жадными взглядами голодных ребятишек. Кричит:

- Готово! Забирай! Следующая по списку Шереметьева. Ну – ка, сколько тебе причитается? Так! Получай!

Воду носили из Шегарки – из проруби, которая ежедневно заносилась снегом и промерзала за ночь. Приходилось утром идти с лопатой и ломом. Принесут со льдом ведро воды, а в воде козявки быстро бегают, ныряют. Процедят через сито воду, прыгают в сите чёрненькие кузнечики – летуны, мы их долго рассматриваем, играемся с ними. Первое время заболели все животами, вода не нравилась, а сибиряки смеются:

- всю жизнь пьём воду из Шегарки – не помираем, и вы привыкните! Теперь вы к нам навечно – свыкайтесь!

Эти последние слова просто убивали нас:

- Неужели эта каторга навечно? Как можно привыкнуть к такой жизни? Кисловодск – милый нам сердцу город! Свидимся ли?

Еды не хватало, мы были постоянно голодные, и мать постепенно выменяла перину и подушки за картошку, капусту, брюкву и тыкву у бухгалтера завода. Я начал ходить по дворам, вспомнив госпиталь в Кисловодске. Голод сжигал желудок, и надо было что – то делать. Я помогал Нюрке Безденежной, Горчаковым, Ракшихе и другим сибирякам по дому – чистил картошку, подметал полы, приносил воды, пел песни.

- Колюшок! Спой что – нибудь!

– просили, перемигиваясь, соседи.

Я всегда начинал тоскливо с «Арестанта», а затем:

В краю чужом, мне снится дом. И наша вишня под окном.

Скажи, сынок, поведай мне о том, как жил ты в стороне.

О чём мечтал в чужом краю, и кто тебя берёт в бою?

Я, мама, был в таком огне, что опалил он сердце мне.

Он жжёт в груди, но ты прости, мне слов об этом не найти.

Мои песни, видел, всегда нравились людям и меня постоянно просили:

- Ну, ещё давай, спой. Больно уж хороши песни. Не помнишь больше? Так давай опять про котёнка или про убитого офицера под дубом. А «Корбино» - так вообще здорово!

На что я гордо заявлял:

- А вот новая песня! Правда, не до конца выучил.

Из далёко – Колымского края, где кончается Дальний Восток.

Я живу без нужды и без горя - строю новый стране городок!

Сибирячки меня кормили, давали с собой варёных бобов, печёной брюквы, жареной конопли, пирожки. Всё это богатство я нёс домой – матери и Шурке, который теперь целыми днями лежал на печи и голодал. Своими походами я очень гордился и нередко при ссорах попрекал Шурку.

Наступил февраль с его бесконечными заунывными злыми метелями. Это было просто страшно – мы таких холодов и метелей никогда не видели. Русская большая печь постоянно топилась и обогревала четыре комнаты, но к утру из избы всё выдувало. Было холодно, двери входные обмёрзли, на тусклых маленьких оконцах толстенный слой льда. В комнатах всегда полумрак, а при открывании двери врывались клубы холодного пара. Дров не хватало. Женщины не успевали просить двух старых мужиков - соседей привезти на быках из лесу берёзовых дров и те ворчали, что мы быстро жжём их. Дети все трудились - помогали пилить, колоть, носить дрова, выносить золу, с речки носить воду, убирать в комнатах. Особенно противно было бегать на улицу в холодный камышовый

туалет, стоящий метрах в тридцати от конторы. По ночам каждая семья в своём углу имела для этих целей своё ведро.

С первых же дней нас стали донимать вши. Всё свободное время мы «искались». Это слово я запомнил на всю жизнь. По очереди ковырялись – искали в головах друг друга и одежде, уничтожая гирлянды гнид и убивая вшей. До сих пор отчётливо слышится этот специфический хруст и постоянная кровь, грязь на ногтях двух больших пальцев на обеих руках. Помню однажды: пришла поздно вечером с работы Казарезова Мария и прямо с порога закричала:

- Сил нет! Не могу больше – заели вши проклятые! Кровопийцы чёртовы!

Подскочила к гудящей печке, не стесняясь никого, скинула одежду, осталась в одних трусах. Сняла последнюю нижнюю рубашку и поднесла к огню

поближе, чтобы лучше видеть – «поискаться». Растянула на растопыренных пальцах её – и тут как тёмная волна прошла по белой рубашке. Из всех щелей, складок, узлов от жары бросились тучи крупных, как зёрна риса, вшей. Вскрикнула от испуга и неожиданности Мария и, не отдавая себе отчёта, что делает, брезгливо бросила свою единственную исподнюю рубашку в огонь топки и сразу заплакала, заголосила.

Наконец, нас всех собрали и повезли на санях во Вдовинскую баню. Мылись все в тёплой воде с чёрным мылом, а бельё всё где – то прожаривалось от вшей. Было жарко, волны горячего пара вверху скрывали наполовину всех, лиц не видно. Женщины впервые были счастливы, шумели, шутили, плескались и смеялись.

Долгими зимними вечерами, когда выла пурга в трубе, мы лежали на тёплой печке все вместе и Клавка что-нибудь рассказывала страшное, пугая нас ведьмами и чертями:

- Слышите, как ведьма воет в трубе? Тише, тише! Слышите? Кто – то шуршит за печкой! Это домовый! Он лежит за печкой (там его дом) и слушает, что мы говорим.

И, правда! За печкой был длинный узкий чёрный канал, который был неизвестно для чего. Мы от страха затыкали его старой одеждой или тряпками, но всё равно там постоянно кто – то шуршал. Позднее мы узнали, что во всех избах сибиряков есть такой канал за печкой. Люди и впрямь верили, что там живёт домовый и каждый раз перед едой, помолившись, ему первому бросали кусок хлеба. Но, став взрослым, я понял, что шебуршали за печкой, вероятнее всего, мыши.

Наконец, эта долгая злющая зима всё же подошла к концу. Зазвенела капель, стало вдруг тепло, снег просел, почернел, а затем начал так быстро таять, что в одну ночь всё кругом затопило, и из дому опять нельзя было выйти. Люди говорили, что на фронте наши наступают. Все радовались этим вестям, а также теплу, весне, солнцу. Чуть сошла вода и всех оставшихся мужиков и здоровых женщин, в том числе и наших, собрали, дали лопаты и повезли в соседние два села – Хохловку и Алесеевку. Там за зиму умерло много

ссылных и их перезахоронили на кладбище на стыке сёл. Приехали только поздно вечером. Все заплаканные, расстроенные. Мать рассказывает нам:

- Ой, дети! Сколько видела в Кисловодске мёртвых: ежедневно десятки умерших красноармейцев было в госпитале, но чтобы столько здесь было покойников – никто не ожидал! Это ужас! Больше трёхсот человек стаскали, схоронили в общей яме! Уже после нас по разнарядке привезли туда самую большую партию людей, а размещать негде. Выгрузили в три огромных амбара, которые освободились после сдачи ржи государству. В них нет печей, холодно, а уже полуметровый снег и морозы. Комендантом у них, говорят, был самый свирепый из них в округе - некто по фамилии Гонда. Он даже не дал им пил и топоров и они стали помирать от холода. Сколько их умерло за зиму! Снег двухметровый, земля промёрзла – кто докопается? Вот их и свозили на кладбище, чуть присыпали снегом и вот только сейчас, когда земля оттаяла, схоронили. Ребята! Это был ад! Яму огромную рыли человек сто почти до вечера. Другие подтаскивали мертвяков. Трупы полуразложились, вонь, смрад, все блюют, а таскать надо! Соорудили волокуши из кустарника и тягеем бедных - еле управились до вечера. А засыпать могилу будут завтра все местные. Сами, говорят, управимся. Господи! Как бы нам не помереть в этой проклятой Сибири!

...Как мать была права! Знала бы она, что основные испытания у нас впереди!

Испытание продолжается.

В стране, рождённой в Октябре, стал богом Сталин.

Мы спохватились лишь сейчас, как в годы эти жили – были.

Чем больше презирал он нас, тем больше мы его хвалили.

Норильский мемориал. 1991г

Наконец, одержана великая победа в войне с немцами! Три дня все деревни гуляли – даже разрешили открыто гнать и продавать самогон! На улицах заиграли гармоны, как говорили, впервые за все годы войны. А играли в основном женщины, да старики. Люди бесшабашно веселились, обнимались, целовались и все ждали в свои дома уцелевших освободителей. Мы тоже ждали и надеялись, что теперь – то справедливость восторжествует, и нас тоже освободят. Откуда нам было знать, что пока жив Сталин - это никогда не наступит! А имя вождя советского народа я уже не раз слышал и запомнил.

В мае 45 –го нас перевезли в деревню Носково. Это поселение было значительно больше, чем Лёнзавод. Располагалась оно по обоим берегам знакомой реки Шегарки, в восьми километрах от Вдовино. Нас опять, все пять семей, разместили в правлении колхоза в большом бараке, а правление переехало в Лёнзавод.

Нам выделили пять соток вязкой, болотистой целины, которую мы единственной лопатой начали с трудом переворачивать, копать. Это был невероятно тяжёлый труд! Продав последние золотые и серебряные безделушки, мать купила мелкой семенной картошки и мы кое – как посадили её в перевёрнутые пласты целины. Мать стала работать на ферме птичницей, а мы с Шуркой ей помогать. Птичник располагался на краю деревни в длинном сарае с маленькими оконцами. Стены и крыша состояли из соломы, набитой между жердями. Несколько сот курей, десятка два петухов и столько же квочек, за которыми приходилось смотреть особенно тщательно, чтобы выросло всё потомство и цыплят не растащили кошки, собаки, коршуны и т. д. Председатель колхоза Калякин – крикливый, вздорный мужик, сразу предупредил мать:

- Смотри, Углова! Будешь с детьми яйца воровать или потеряешь хоть одного цыплёнка – выгоню из колхоза и из хаты! Берегите птиц! Не воруйте! Зубами держись за работу!

Работа нам всем нравилась. Была весна, тепло. Куры весело кричали на все лады, грозно распутив крылья, квохтали наседки, вода жёлтых цыплят. Но трава быстро вымахала в наш рост, и трудно было уследить за цыплятами, т. к. они убегали то на речку в тростник,

то в лопухи, коноплю и крапиву, росшие рядом с курятником. Раз в неделю нам привозили на быках корм: овсюг, картошку, рожь. Мы кормили курей, чистили навоз, следили за птицами. Особенно тяжело было загонять их на ночь в курятник, и мы постоянно пересчитывали курей и цыплят. Еды было уже вдоволь. Мать варила здесь же, на улице, в чугушке суп из крапивы, добавляя картошки, ржи, которую брали от птиц. Из овсюга варили отличный, как нам казалось, кисель, добавляя в него кислицы, росшей кругом в перелесках. Яйца приходили чуть свет собирать из правления две шустрые тётки и иногда неожиданно среди дня, а также по вечерам. Они всё оглядывали, зорко смотрели по всем углам и, особенно, в наш чугунок. Но изголодавшиеся долгой зимой по теплу и зелени куры отлично неслись - яиц было много. Несколько хохлаток не захотели нестись в общих гнёздах внутри курятника, находили укромные места в лопухах и откладывали туда яйца. Мы с Шуркой выслеживали хитрых хохлаток по их крику, когда они снесли яйцо, и собирали яйца, оставляя по одному, чтобы курица не бросила гнездо. Мать, оглядываясь и пугаясь, мыла их и бросала в суп с лебедой. Мы потихоньку вылавливали варёные яйца, ели, а скорлупу бросали в речку.

Цыплята всё - таки пропадали. То тонули в речке, то исчезали неизвестно как. Как - то неожиданно рядом со мной пронёсся вихрь; закудахтали, разлетелись куры. Огромный коршун схватил сразу двух уже довольно крупных цыплят и начал взлетать. Но также стремительно на коршуна налетел большой чёрный петух и ожесточённо дотянулся на взлёте шпорами и сбил его. Тот выронил одного цыплёнка, а со вторым всё же успел подняться из пыли, теряя перья. Цыплёнок остался жив, петух победно заорал, а я, наконец, пришёл в себя и с палкой долго бежал за коршуном до самого леса, не давая ему сесть. Было жалко цыплёнка, я плакал от обиды и на всю жизнь возненавидел ястребов и коршунов, которые питаются беззащитными птичками.

Как – то всё – таки мы попались хитрым тёткам, которые открыли наш секрет с супом в чугушке. Заорали, закричали, заматюкались на мать:

- Воры кавказские! Твари бессовестные, мать вашу так!

Схватили чугунок они, убежали с ним. Через некоторое время появился грозный Калякин. Что тут было! Разорался, расслюнявился, замахивается на мать, пинками бьёт нас. Мы все плачем, просим прощения, мать упала в ноги к Калякину, и он чуть отошёл, успокоился. После этого случая Калякин перевёл мать работать дояркой. Теперь мы ходили на другой конец села пасти коров, а мать с другой дояркой трижды в день доили коров, собирали в ведра и цедили молоко, мыли фляги, убирали навоз. За молоком приезжал ежедневно мужик на бедарке из Вдовино. Коров было более трёх десятков, и в стаде был огромный бугай, которого мы с Шуркой очень боялись. Он, говорили, забодал до смерти одного пьяного мужика, который ради шутки сунул ему под хвост горячую картофелину. Стояла середина лета и коров безжалостно донимали крупные, больше пчёл, паузы. От их укусов сочилась кровь из многочисленных ранок на теле бедных животных. А вечерами роились, зудели, кусали тучи комаров и мошки. Где – то к полудню вдруг взбрыкнёт какая –нибудь корова, поднимет хвост, понесётся к реке, а за ней и всё стадо и тогда - берегись! Бегут сломя голову, ломая мелкий лес и кустарник на пути, пока не ухнет всё стадо в

Шегарку. Залезут по самые рога в воду - стоят, отдуваются, остывая от гнуса. В один из таких дней утонул в реке телёнок – его унесло течением. Калякин неистовал:

- В рёбра мать! Враги народа вы и есть враги! Недотёпы несчастные! Куда ваши глаза смотрели, когда стадо паслось? Углова! Как ты мне надоела со своими выблядками! Всё! В последний раз тебе даю работу. Не справишься - пеняй на себя!

После этого случая Калякин перевёл нас в свинарник ухаживать и пасти свиней. Свинарник находился рядом. Раз в день привозили корм – отруби, жмых и сыворотку. Теперь мы постоянно жевали жмых – не халва, но вкусно! Мужик привозил сыворотку - ни разу не предложил, подлец, нам попить! Всю её выливает из фляг в длинное корыто. Свиньи набрасываются и выстраиваются вдоль. В корыте мелькают кусочки творога, вкусно пахнет, чушки смачно чавкают, пропуская сыворотку через клыки, и отцеживают творог. Стою, не дождусь, скорей бы уехал скряга - мужик, кидаюсь сразу к корыту, отгоняю хворостиной хрюшек и вылавливаю руками оставшиеся крупные куски творога и пью, не брезгуя (где уж, голод - не тетка!).

Свиней пасти - это не коров, гораздо труднее! Всё время они разбредаются, всё норовят куда – нибудь залезть: в хлеба колхозные, в огороды личные, в лес, на реку и т.д. Целый день носишься за ними, некогда нам с Шуркой поиграть, покупаться в реке. Сентябрь. Уже убрали хлеб, становилось холоднее, и мы пасли свиней на полях. Они подъедали колоски ржи после уборки. Шурка пошёл в школу, и мне теперь было труднее управляться одному со стадом.

Уже по утрам выпадал иней, а затем и мелкий крупчатый снег, а я продолжал бегать босиком (а босиком тогда бегали все деревенские ребята с мая по сентябрь, т. к. ни у кого не было обуви). В единственных галошах Шурка ходил в школу. Утром выгоняешь свиней - холодно, сырой туман стелется по полям, след от босых ног остаётся на мёрзлой траве, а сзади провожает мать, плачет, крестит вдогонку. Ногам холодно, ступни красные. Летние кровавые цыпки с ног уже сошли, т. к. на ночь ежедневно мать намазывала толстый слой солидола. Стараешься ступать, перепрыгивать, где меньше инея, по деревяшкам, по кочкам, по пенькам, посуху. А корма становилось всё меньше и меньше. Свиньи просто оборзели и разбегались в разные стороны. Побежишь, уже не разбирая, куда ступать. Соберёшь стадо, станешь на кочку или бревно. Ногами скинешь иней, снег и стоишь то на одной, то на другой ноге, греясь. К полудню снег оттаивал, становилось теплее, и я переставал плакать от холода. До самого снега бегал пасти свиней босиком и ни разу не простудился – просто удивительно! Более того, и в следующие нелёгкие годы детства, когда не было одежды, обуви – ни разу мы не простудились, а о сегодняшнем гриппе тогда никто ничего не знал.

С нашего участка мы собрали два мешка мелкой картошки. Целина, земля не разработалась, да мы и не умели это делать как следует. На все летние трудодни матери отпустили полтора мешка овса. Вот с этими запасами нам предстояло зимовать.

На ноябрьские праздники колхоз устроил всем коллективный обед. Детей не разрешали брать, но я всё же, взяв Шуркины галоши, прибежал туда. Выглядываю из – за угла, ищу мать. За длинными столами с едой в бараке сидело много народа. Говорил Калякин:

- Товарищи! У нас сегодня большой праздник – 28 лет Великой Октябрьской революции! Это великая дата! Но у нас есть и свой маленький праздник. Мы убрали весь урожай и выполнили государственный план по поставкам хлеба, льна и всей остальной продукции – мясу, молоку, яйцам, шерсти, кожи. Все хорошо потрудились - даже враги народа, которых нам прислали на перевоспитание. Но самый большой праздник – победа товарища Сталина над Гитлером в этом году! Именно благодаря великому вождю мы победили! Так выпьем же за его здоровье! Слава товарищу Сталину! Ура!

Все поддержали, выпили, начали есть, заговорили. Стаканы с мутным самогоном быстро наполнялись и выпивались, в бараке начался невообразимый шум. Заиграла гармонь. Я нашёл мать в самом дальнем углу барака и проскользнул к ней. Мать не удивилась – она уже примирилась с моим упрямым характером, пододвинула тарелку с мёдом, наполовину опорожнённую. Я жадно накинулся на мёд – ничего вкуснее не ел в жизни! Мать толкала меня под столом ногой, оттягивала меня от тарелки, шипела, но я не мог оторваться от мёда, пока полностью не вымазал хлебом досуха тарелку. На нас уже косились. Мать всучила мне в руки два пирожка, дала подзатыльник и прогнала домой. Шёл по глубокому снегу в темноте, грел за пазухой пирожки, но всё - же не утерпел, достал их и обгрыз края. Принёс Шурке – тот с жадностью накинулся на них.

Становилось всё холоднее, в бараке мы все мёрзли. Три семьи как – то договорились, подружились, и ушли в избы к местным сибирякам. А надо сказать, что отношение к нам сибиряков с годами так поменялось, что мы все стали друзьями и они поняли, что мы не какие враги, а просто пострадали от режима большевиков безвинно. В бараке остались мы со Спириными, которые вообще нигде не работали. Мать, жалея их, кормила своей картошкой и она быстро расходилась. И мать начала потихоньку приносить «свинячую» - мелкую и мёрзлую. Кроме картошки не было, по сути, ничего другого, и мы захлёбывали её киселём из овсяги. Спирины были из соседнего с Кисловодском города Ессентуки, и мать Клавки постоянно рассказывала, какой это прекрасный город, как там цветут вишнёвые сады, сколь дивных фруктов растут на плодовых деревьях у всех жителей, какие чудесные поля с цветами сразу за городом и т. д. Плакала:

- Переживём ли эту зиму? Боже, какие холода здесь! За что мы так страдаем? Я не пойму, почему нас выслали в этот ад! За что?

Мать успокаивала:

- Вот увидишь, Надя, разберутся, простят. Это какое – то недоразумение. Надо написать письмо товарищу Сталину. Это, скорее всего, сделали его враги - троцкисты. Помнишь, сколько их судили до войны, но, видать, ещё много их осталось у власти.

...И вот кто – то доложил Калякину, что мать таскает картошку, которую привозили для свиней. В этот раз Калякин был неумолим, прогнал мать с работы и выкинул нас со

Спириными из барака. Мать плакала, рыдала, падала в ноги к Калякину, просила дать хоть какую – то работу и угол, но всё было бесполезно. Мы поселились прямо в телятнике - и нас ожидал самый свирепый год в Сибири.

Голод.

И я обращаюсь к правительству нашему с просьбою:

Удвоить, утроить у этой стены караул,

Чтоб Сталин не встал и со Сталиным прошлое.

Евгений Евтушенко.

Никто из сибиряков не пускал нас в свои избы на постой, и мы со Спириными поселились в телятнике на краю посёлка. Уже свирепствовала зима, снегу было по колено, мороз был просто ужасный – особенно ночами. Мы выбрали в самом углу телятника закуток, наносили вороха сена и соломы, зарылись в неё в старых фуфайках, залатанных пимах, дырявых шапках и рукавицах, которые нам дали некоторые жалостливые бабы. Голодные телята лезут со всех сторон в наш закуток, сосут одежду, мочатся под нас. Грязь, вонь, а нестерпимее всего холод, который проникает во все поры тела – дрожим постоянно. Лежим целыми днями, плачем, молим Бога о помощи. Мать рыдает, причитает:

- Господи! Помоги нам и помилуй нас! За какие грехи нам такое наказание? За что наши мучения? Вот и приходит смертушка, дети! Бедный отец! Знал бы он, как сейчас мучается его семья! А может, и нет его уже самого на свете...

Все дружно ревём, и Спирины с нами воют во весь голос. Особенно мёрзнут руки, и мы иногда не выдерживаем. Как только какая – нибудь тёлочка растопыривается, готовясь помочиться, мы протягиваем к струе горячей мочи руки и греем их. Погреешь, обтёр пуком соломы руки и до следующей тёлочки.

Как - то мороз чуть отпустил. Мать как - бы проснулась, поднялась, вышла во двор, затем говорит мне:

- Колька, надо бороться, надо спастись! Давай пойдём в Алексеевку – может там нас кто – нибудь пустит к себе перезимовать? Нам бы только до весны продержаться!

Идём с матерью по глубокому снегу. На мне дырявые старые пимы, одет в лохмотья. На матери старое пальто, подпоясанное верёвкой, облезлая шаль с махрами. Идём, слезами заливаемся. Походили по селу, попрошайничали во дворах, заплакались. Чуть – чуть дали брюквы, картошки и турнепсу. Одна баба сжалилась, всё расспросила, говорит:

- Ты вот что, девка! Жалко мне твоего пацана. Пропадёте. Приходи завтра на ток! Я бригадир. Будешь работать. Чем могу - помогу.

Мать в Алексеевке начала работать - крутить вручную рожь и овёс на току, а я пошёл «зарабатывать», т.е. побираться. В нескольких дворах были собаки, но большинство дворов были без них. В одном постучал в двери сеней. Выглянула миловидная женщина:

- Тебе чего?

- Тётяшка! Дайте чего-нибудь поесть! Я вам про солдата песню спою.

Она улыбнулась:

- Про солдата? Интересно. Давай, может, я не знаю. У меня ведь муж погиб...Ладно, заходи.

Отряхнул пимы, зашёл в избу. Начал бодро, весело:

Мы расстались в военное время,

Когда землю бомбили враги,

Расставаясь, ты мне говорила:

Для меня ты себя сбереги.

Женщине, как видно, понравилась песня и я. Она расчувствовалась, обняла меня, расспросила обо всём, накормила. Сказала:

- Приходи ещё, Коля! Вон в тех трёх хатах (показала) – живут старушки. Я им скажу за тебя. Будешь им помогать по дому – подмести, убрать, принести воды из проруби, почистить картошки, а заодно и песни будешь петь.

К матери я летел, как на крыльях. Всё рассказал – она обрадовалась. С той поры мы с матерью начали ходить в Алексеевку на заработки.

Идём назад из Алексеевки к Шурке, несём что-нибудь ему. Мать за пазухой ржи, овса, я – картошки или брюквы. Дорога перемерзла снегом – идти трудно. Звёзды сверкают в холодном небе, недалеко от дороги по обеим сторонам чернеет лес. Всё время оглядываемся, страшно и жутко на душе. Местные рассказывали, что в прошлом году на этой дороге поздно вечером шла учительница. Настигли волки. У неё были спички. Начала жечь школьные тетради, отгонять факелом волков. Да много ли продержишься? Прошла с версту - кончились сорок тетрадок. Нацарапала карандашом прощальную записку, вложила в пимы глубоко. Нашли эти пимы с остатками ног учительницы и запиской (войлок на пимах, видать, был очень крепкий) на следующий день. Обычно в тех краях волки постоянно не водились – очень болотистая местность. Эта стая, видно пришла издалека, но все люди после этого случая стали их бояться.

Иногда, когда была пурга или особенно холодно, мы с матерью оставались ночевать в Алексеевке у одной моей знакомой старушки, которой я помогал и пел песни. К нашим вшам здесь добавились полчища тараканов и клопов – изба так и кишела ими. Но скоро бабка перестала пускать нас на ночлег, ворчала:

- Вшей – то напустили мне! Господи, как я теперь с ними справлюсь! Тараканы – то не злые – не кусаются! А эти твари, как собаки! Идите с Богом – и больше не приходите!

А тут и рожь кончилась! Немного овса матери дали и велели также больше не приходиться. Дома из овса мы варили кашу и кисель на воде. По инерции мы с матерью походили ещё в Алексеевку, но уже никто не давал продуктов и не приглашал помогать по дому и петь песни. Мы побирались, выпрашивали очистки от картошки, брюквы, турнепса и варили их дома в сенях телятника. Был конец декабря сорок пятого года, морозы стояли сильные, мы обморозились и перестали ходить в Алексеевку. Лежим в телятнике, зарывшись в сено, на холодной, мёрзлой и мокрой от мочи телят соломе целыми днями – ночами, непрерывно дрожим и плачем навзрыд.

Наступил, кажется, конец нашим мучениям – мы медленно умирали. Грязные, косматые, с воспалёнными глазами - мы дрожали, метались, стонали и непрерывно плакали. Крепче всех оказалась Надя Спирина – мать Клавки. Она всё ещё выходила – выползала из телятника и где – то пропадала. И вот, наконец, как – то поздно вечером принесла в телятник задушенную на верёвке небольшую собаку. Уж где и как она подстерегла собаку и сумела задушить – не знаю, но это дало нам шанс прожить ещё неделю. Надя довольно быстро сняла шкуру, разделала и сунула четвертинку в чугунок. Вдвоём они пошли в ближайший лесок и наломали сухого хвороста. Разожгли костерок рядом с телятником и начали варить собачатину. И это спасло нас на некоторое время! Какая же всё – таки сила в мясе – пусть даже собачьем! Но мясо собаки быстро кончилось, и опять мы начали голодать. Надя и мать ещё раз выварила кости и кишки: мы с удовольствием выпили эту гадость. На этом всё кончилось! Ещё раз или два они что – то приносили, варили в чугунке непонятную пищу и тем продлевали нашу агонию. А потом целую неделю Надя с матерью ходили по окрестностям, пытались вновь поймать собаку, но всё было безрезультатно! Теперь мы жевали только овёс, с полмешка которого у нас ещё осталось.

Почти ежедневно к телятнику приезжали со свежей соломой или сеном скотники. Услышали их разговор:

- Аграфена! Твои – то постояльцы ещё живы? Держатся? Что же они едят? Не жалко тебе их? Ты же одна. Возьми хотя бы мальцов домой к себе.

- А ты, Прокл, не учи меня! Сам и возьми детей к себе. Ишь, какой добрый за чужой счёт! Забирай их – и мне легче будет. Тошно уже смотреть на их мучения!

- Детей у меня самого в одной – то комнате – шесть душ! Взял бы этих бедняг, да некуда! Так на чём они держатся? Картохи даёшь им?

- У меня картошки самой в обрез. А жрут они, видно, собак и кошек. Вон – несколько шкур появилось в ногах у детей!

Скотники с интересом подошли к нам в угол и разгребли солому. Покачали головами и, бормоча что – то под нос, ушли.

А сибирячка, приходя кормить сеном телят и убирать навоз, продолжала равнодушно взирать на нас. Было вернувшаяся надежда, сменилась отчаянием - мы опять начали угасать. Вот и Надя смирилась с неминуемой смертью и перестала выходить из телятника. Как – то сквозь дрему, и какое – то бессознательное равнодушное состояние опять услышали разговор двух скотников, привезших свежую солому в телятник:

- Аграфена! Сейчас были на Замошье. Набираем вилами со скирды солому и вдруг натыкаемся... на кучу покойников. Сколько их там!

- Кавказские?

- Нет – китайцы! И откуда их столько?

- То – то я смотрю их по деревне начало много шататься! Вот навезли на нашу голову бездельников! Начали, видать,дохнуть...

- Ночью они все уходят за деревню. Ночуют в скирдах соломы и сена. Стога – то сена дальше от деревни, но и там, говорят, уже стали находить покойников. А твои – то постояльцы ещё живы?

- Живы - мать их так! И сердце за них болит, и зло берёт – привязались к телятнику на мою голову. Мальцов , правда, жаль... Помрут всё равно. Думаю, неделю - две ещё помяются...

Скотники уехали, а Надя Спирина начала о чём – то с матерью шептаться. Она что – то горячо ей доказывала, но мать упрячилась:

- Да ты что, Клава? Как можно? Это же грех! Да и сможем ли мы есть?

- Грех, конечно! Собак и кошек, вон, съели ещё как - и это съедим. А что? Помирать лучше? Может, ещё выживем... Ты что – не помнишь, как рассказывали наши родители о голоде на Северном Кавказе и Поволжье в тридцать третьем году? Тогда многие выжили только благодаря этому.

Всю правду об этом разговоре мы узнали только через десятилетия...

На следующий день мать с Надей, кряхтя и постанывая, куда – то опять засобирались. Клавка, Шурка и я еле шевелились, беспрерывно дрожали и всхлипывали. Взрослые накидали на нас вороха соломы и ушли...

Сознание вернулось ко мне только тогда, когда сквозь сон услышал, как мать, плача, тормозит меня:

- Колюшок, очнись! Мы спасены! Председатель дал нам мяса!

И, правда – в ноздри пахнуло чем – то необычным! Мать с ложки поила нас бульоном, а затем дала и кусочек печени.

Мы опять начали медленно приходить в себя... Теперь ежедневно Надя с матерью поили всех троих детей бульоном. Принесли откуда – то ворох разодранной одежды и одели на нас. Теперь мы стали походить на кочаны капусты. Но холод всё равно нестерпимо дожимал нас. Телятница, видно, о чем – то догадывалась и, приходя по утрам, презрительно смотрела на мать и Надю Спирину:

- Бессовестные вы люди! Ишь, что удумали! Бога нет у вас в душе! Разве можно так делать? Звери вы, а не люди! Вот выгоню вас отсюда на мороз!

Мать валялась в ногах у сибирячки:

- Аграфена! Прости нас! А что делать? Себя уже не жалко... А как деток спасти? У нас уже не было выхода. Спасём детей – Бог нам простит этот грех! А бедных людей уже не вернёшь с того света!

Мы не понимали смысла их разговора. А лютая зима продолжалась - было очень холодно. Мать с Надей еженедельно куда – то уходила и приносила нам спасительную печень. Всё также взрослые ходили в лес – набирали сухих дров и по вечерам, когда уходила телятница, варили в чугушке суп. Иногда они добывали мёрзлой, свинячьей картошки или очисток, а также остатки нашего овса – и тогда наш суп был просто великолепен! Мы уже иногда выползали из телятника, когда было тихо и безветренно.

Как – то подъехали скотники. Услышали их разговор:

- Последний раз были в Замошье – скирда уже кончилась. Ужаснулись – у всех замёрзших китайцев вырезана печень. Лисы, росوماхи уже растаскивают по полю трупы. Не твои ли, Аграфена, постояльцы печень вырезали?

- Ну, а кто же? Да не одни они сейчас этим занимаются. Вон, по деревням, сколько голодных ссыльных! Пропасть, какая – то...

Мы особенно и не понимали смысла разговора - были в полубреду и в полубессознательном состоянии. Нам было всё равно – на душе была пустота. Постепенно привыкали к мысли, что уже не имеет смысла сопротивляться, т. к. спасения нет - мама расписалась в собственном бессилии и надо готовиться к худшему. Она, рыдая, горячо спорила с Надей Спириной:

- Всё, всё, Надя! Ты как хочешь, а у меня уже нет сил - так мучиться. Я не могу смотреть, как страдают дети и медленно, с мучениями, умирают. Куда ты дела ту верёвку? Ночью вон на той жердине повешу детей, а потом и сама...

- Нюся, что ты говоришь? Разве можно так? Может, ещё как – то обойдётся... А верёвку где – то за телятником занесло в снегу.

Мы с Шуркой практически не удивились такому решению матери. Ну и пусть! Нами овладела апатия и равнодушие – скорей бы закончилась такая жизнь! Такое балансирование на грани жизни и смерти у меня будет ещё неоднократно. Голод, холод, гибель в воде и трясине, обморожение, падение с высоты - стали постоянными спутниками в этой проклятой Сибири. К ним в будущем добавился пожар в лесу, где я чудом не сгорел, а также один случай, когда меня откопали в снегу, уже не шевелившегося. Но об этом позже...

Трясина.

Мы собирали колоски и лебеду от горя ели,

А стихотворцы из Москвы от радости или тоски

Про Сталина нам оды пели.

Норильский Мемориал. М. Люгарин.

Наконец, наступила весна. Яркое солнце быстро съело снег на полях, но в лесу его ещё было много. Мама и Надя Спирина с Клавкой начали ходить на колхозные поля – выбивать мёрзлую картошку. Жёлтые, бледные, трясущиеся, и мы с Шуркой начали выползать из телятника. По очереди пользовались одними рваными галошами и тоже ходили добывать картошку. Идём, еле волоча ноги, по вязкому полю. Издали увидел один бочок картошки - бежишь к ней. А картошка, надо признать, прямо выталкивается из чернозёма и манит крахмальным бочком. Рассыпчатая! Обжужьешь крахмал и в сумку её! Телятница дала нам сковородку, и мать жарила теперь на ней оладьи из мёрзлой картошки. А потом выросла первая трава.

Мы жадно поедали суп из лебеды и крапивы, который готовили нам на костре рядом с телятником мама и Надя Спирина. Иногда в суп добавляли жмых, отруби или мёрзлую картошку, которую добывали на поле или воровали у телят. Мама у кого – то выпросила ножницы и остригла нас наголо, а также остригла ногти на руках и ногах, которые уже закручивались как когти. Становилось всё теплее и теплее и мы, наконец, скинули многочисленные лохмотья, которые, как мы поняли, мать и Спирина сдирали с мёртвых замёрзших китайцев. А тут и вода в пруду стала теплой, и мы вволю намылись – накупались. Только вместо мыла у нас была жёсткая трава и жирная глина, но тело отмылось хорошо от многомесячной грязи.

Мать пошла в контору и кинулась в ноги Калякину:

- Леонтьевич! Дай нам с детьми какую – нибудь работу! Может быть, заработаем на трудодни что – нибудь на пропитание и обувь, одежду. Голодные сидим, нет обуви, а вместо одежды - лохмоты!

Калякин был в хорошем расположении духа. Он удивлённо уставился на мать и расхохотался:

- Так вы не подошли в эту зиму? А мне сказали... Вот живучие – мать вашу так! Как же это вы уцелели? Вон – все китайцы вымерли, а вы.. А вместо китайцев к нам опять направляют толпы бессарабов, западенцев и прибалтов. Ума не приложу, что с ними

делать. Ну да ладно: лето – осень они проживут, а зимушка наша всех их опять соберёт.. .
Ха – ха – ха!

Он, закончив смеяться, строго посмотрел на мать:

- Ладно, Углова! Чёрт с тобой! Ещё раз доверю тебе и детям твоим наших свиней. Кормов немного будут подвозить мужики, но, главное, свиней хорошо пасите. Они летом сами найдут, что им есть – траву, коренья. Пасты будете у Замошья, где кончаются покосы. Это в районе Уголков. Главное, чтобы свиньи не травили поля колхозные. А когда уберём брюкву, турнепс, картошку, овёс и рожь – тогда по полям будете пасты.

Мать плакала:

- Спаситель наш! Спасибо большое! Мы оправдаем доверие! Будем стараться!

- Да, Углова! Вот что ещё! Замошье кончается Гиблыми болотами – сколько скота там утонуло в трясине... Смотри, чтобы хрюшки туда не забрели! Детям накажи, чтобы следили за этим! А конюх мой вам покажет выпасы. Давай, завтра с детьми на свинарник!

Окрылённая, мать пришла и рассказала об этом всё нам. Пасты свиней для нас - теперь привычное дело и мы повеселели.

И потекли будние дни. Утром чуть свет мама будила нас и мы вместе – трое, выгоняли свиней на выпасы. Ближе к обеду надо было их пригонять к свинарнику, куда колхозник привозил сыворотку или корм – картошку с отрубями. Мы и здесь питались прямо из свиного корыта: пили сыворотку, вылавливали творог и картошку из мешанины. Затем опять выгоняли свиней на выпасы, которые находились в двух – трёх километрах. Все окрестности Вдовино были изрыты их пяточками – они вырывали, видно, сладкие коренья, личинок и червей, а также поедали свежую траву. Но за свиньями надо было всё время следить – они всё время разбредались и норовили вырваться на колхозные поля, которые находились невдалеке. Теперь мы с Шуркой периодически забирались на какую –нибудь берёзку или осинку и оттуда считали свиней: их у нас было шестьдесят. Часа в три дня Шурка бегал в деревню к свинарнику, где убирала навоз мать, и приносил в узелке немудрящий обед на двоих. И вот как – то в знойный июльский день Шурка убежал за обедом, а я привычно вскарабкался на дерево. Несколько раз я пересчитывал свиней, но одной не хватало. Я всполошился и начал бегать по окрестностям кругами, ища её. Сбегал и на соседнее колхозное поле, но её и там не было. Я заплакал:

- Сволочь! Куда она делась? Нас же Калякин растерзает!

И вдруг, словно молния пронзила меня:

- А не убежала ли она на Гиблые болота, которые совсем рядом? Ведь недаром всё стадо сегодня так туда стремилось. День жаркий и им хочется поваляться в грязи.

Побежал в ту сторону и скоро услышал визг. Ноги уже проваливались по щиколотку в грязь, и скоро я увидел своего борова. Так и есть! Это тот – самый шустрый боров с пятном

на голове, который больше всех приносил нам хлопот. Он лежал в грязи и верещал. Задние ноги у него, видно, крепко увязли в густой и вязкой трясине, а передние не доставали дна и он всё время барахтался, вереща и теряя силы. Я заметался, не зная, что делать. Попробовал подбежать к нему, но сам чуть не увяз – еле выскочил. И тут меня осенило. Я нашёл не толстый трёхметровый кусок осинового бревна без веток, который лежал недалеко и приволок его к трясине. Думаю:

- Брёвнышко, вроде, не гнилое, не трухлявое. Надо поставить комлем его «на попа» и плюхнуть рядом с головой борова. Только надо так толкнуть, чтобы не задеть голову свиньи и чтобы вершина упала рядом. А потом я подведу её под ноги и голову борова, чтобы до прихода мужиков свинья не утонула. Только скорее бы Шурка прибежал!

Поднял жердину и сильно толкнул, стараясь, чтобы она упала недалеко от хрюшки. Лесина плюхнулась буквально рядом с головой свиньи, обдав её всю грязью. Но по инерции она проплыла в жидкой трясине на метр – полтора. Я понял, что не дотянусь до неё. Залез по пояс в грязь, изо всех сил затолкал край жерди под свинью. Частично удалось. Мне кажется, что боров понял мои намерения – он опёрся головой и одной ногой на кругляк, перестал тонуть и барахтаться. Но в борьбе со скользким деревом я и сам погружался всё более в трясину. Ноги намертво засасывало в вязкую грязь, и я не мог ничего сделать. Заплакал, заревел, что есть силы, поняв, что сейчас утону. Голова моя оказалась рядом с головой ненавистного визжащего борова, и от этого мне стало ещё страшней. Ухватился обеими руками за сучки скользкого бревна. Хорошо, что оно было сухим, и не сразу напитывалось влагой. Руки быстро устали и скользили по гладкому стволу, и я решил поменять положение. Одной рукой поднырнул под кругляк, и пальцы рук сцепил сверху бревна в замок. Стало чуть легче, но силы быстро убывали. Мелькнуло:

- Неужели это конец? Какую зиму выдержали, а тут так глупо получилось... Из – за какой – то проклятой свиньи погибать?

Я с яростью плюнул в ненавистную харю борова, который, как мне показалось, с насмешкой смотрел на меня, как бы говоря:

- Ну, что друг? Вместе утонем? А ведь только недавно ты бил меня хворостинной, а сейчас на равных...

Прошло, наверное, более получаса, как я попал в западню и силы мои были на исходе. С ужасом понял, что минут через пять – десять руки не выдержат, и я утону в трясине. Из последних сил закричал:

- Ш – у – р – к – а – а – а!

Он сразу же откликнулся. Оказывается – был рядом. Увидел наши грязные головы (со свиньёй), торчащие из трясины и затрясся:

- Колька, как же это ты так влетел? Держись брат, держись! Я мигом! Только что проехала бедарка с двумя мужиками на Уголки – я догоню их!

Уже теряя сознание, краем глаза увидел примчавшихся двух мужиков с верёвкой и двумя плахами. Через некоторое время нас со злосчастным боровом вытащили из трясины...

Мать долго после этого случая бранила меня:

- Колька! Вечно ты куда – нибудь влезешь! Прошлый год под лёд на Шегарке чуть не утянуло, сейчас – в трясины. Мало тебе, что чуть не помер с голоду в эту зиму, так ещё и приключения на свою жопу ищешь? Больше не смей бегать на эти Гиблые болота...

Теперь мы пасли свиней с Шуркой по – новому. Всегда находились с ним на расстоянии 50 - 100 метров друг от друга и обязательно спиной к этому проклятому болоту, не давая свиньям туда даже близко приблизиться.

Знойное лето быстро подошло к концу и сменилось дождливой холодной осенью. В качестве аванса за выпас свиней мать выпросила у Калякина (через Райпо) две пары галош. Как не умоляла дать третью пару для меня – всё было бесполезно! В одних галошах ходила мать, в других Шурка опять пошёл в школу. Уже в сентябре убрали все колхозные поля, и я начал там пасти свиней. После уборки турнепса и брюквы оставалось много сочных листьев, которые с охотой поедали свиньи. А вот плодов практически не попадалось. Я быстро обегал всё поле, выискивая брюкву или турнепс, и таким образом опережал свиней. Найду овощ – с удовольствием хрупаю, не обращая внимания на грязь. А вот на овсяных и ржаных полях (там свиньи подъедали колоски) я придумал для себя другое удовольствие. Так как опять до самого снега (а он выпадал в начале октября) мне приходилось бегать босиком, то, естественно, очень мёрзли ноги. Но и здесь я нашёл выход. Загоню свиней на середину поля, а сам быстро забираюсь на скирду соломы (их обычно ставили на краю поля). Зароюсь в тёплую солому – наблюдаю сверху за стадом. Хорошо и тепло на скирде соломы! Мыши внутри так и шуршат, пищат и даже выскакивают наверх. Мечтаю:

- Вот бы превратиться в мышку! Как там – внутри стога хорошо и тепло! А пищи – вдоволь! Вон – сколько колосков не обмолоченных! А сколько друзей бы я там нашёл! Да, хорошо быть мышью! Но вот и у них есть враги. Коршуны и ястребы так и барражируют над скирдой. А летом – зимой лисы и совы охотятся на мышей. Нет, пожалуй, не буду мышкой...

Разбредутся далеко свиньи – соскакиваю со скирды и опять их собираю в кучу. Но свиньи быстро всё подъедали, и приходилось перегонять их на новые поля, где не было скирд. Это было самое ужасное. Ноги мёрзнут; стараясь согреться, я всё время двигаюсь, бегаю от кочки до кочки на краю поля. А сзади остаются на мёрзлой траве или инее следы. Разгребу иней на кочке, зароюсь ногами в её середину, обложив ноги сухой травой – и так до следующей погони за свиньями. Или прыгаю сначала на одной ноге, затем на другой. Но всё время погода ухудшалась. Холодные дожди сменились морозным инеем и первым мелким снегом. Теперь по утрам, провожая меня, мать плакала, предлагала мне свои галоши, но я отказывался, зная, что у мамы одна больная нога и ей будет ещё хуже.

Ухожу за околицу, оглянусь – мать ревёт и крестит меня вдогонку. Я теперь тоже начинаю плакать, проклиная свиней. И так весь день реву, бегая за свиньями.

На одном поле один раз наткнулся на брошенную силосную яму. Собрал невдалеке свиней, а сам забрался в остатки прошлогодней соломы, грея ноги. Вдруг одна нога наткнулась на что – то твёрдое. Разгрёб солому и отшатнулся – на меня смотрели огромные пустые глазницы голого черепа. Я вскрикнул и отбежал на другой конец ямы. Только начал разгребать солому – показалась рука скелета. Заорал что есть мочи от страха и побежал перегонять свиней на другое поле. Видно замёрзшие китайцы здесь в своё время находили приют...

Наконец, мои мучения закончились, и свиней загнали на зиму в тёплый свинарник. Матери Калякин вдобавок к двум парам галош, дал два мешка турнепса и брюквы, а также по мешку ржи и овса. С этими припасами нам опять предстояло прожить вторую зиму в телятнике. Мать и Надя Спирина в закутке телятника к тому времени соорудили шалаш – набили его свежим сеном и соломой. Но холод всё равно донимал нас. Шурка опять бросил школу во Вдовино, т. к. ходить туда – сюда шесть километров по глубокому снегу в галошах было невозможно. Теперь мы все впятером (двое Спириных) лежали в телятнике, зарывшись в солому, и грызли замёрзшую сырую брюкву и турнепс, а также рожь и овёс. Печки и посуды, естественно, в телятнике не было, а костёр, который иногда мать и Надя разводили рядом, не особенно выручал нас. Выскочим из телятника к костру – а на улице морозище! Погреем один – другой бок, поджарим брюкву – и опять пулей в свой шалаш.

Как – то услышали, как скотник рассказал Аграфёне, что его чуть не съели волки:

- Чудом сегодня спасся от волков! В начале зимы они иногда прибегают в наши края. Я знал это, но не ожидал, что сам встречу с ними! Поехал на Уголки за сеном. Хорошо, что взял самого сильного и ходкого быка. Только связал воз, выехал на дорогу, чую: что – то не то! Собака мечется, носится вокруг быка, норовит ко мне запрыгнуть наверх. А они мгновенно наскочили! Пять штук! Бегут рядом: собаку всё – таки поймали и разорвали. Отстали. Бык бегом несётся, хрипит, мычит! Хорошо, что колея накатанная – каждый день на Уголки за сеном ездят десять саней. Молю Бога, чтобы скорей приехать. Они опять догнали, прыгают на оглобли и на голову быка. Я вилы воткнул в сено – приготовился отбиваться, если будут прыгать на воз. Длинной лесиной их пугаю – отгоняю. На меня они, вроде, не обращают внимания, а на быка прыгают. Бог помог мне! Уж как бык поддел рогом одного – я и не заметил. Только увидел, как они все завизжали и накиннулись на раненного собрата! А тут и показались огни крайних изб...

Я перестал плакать и дрожать от холода, услышав этот жуткий рассказ...

А морозы в эту зиму стояли просто злющие. Наши скудные припасы заканчивались, и мать редела, причитая:

- Дети! Выживем ли эту третью зиму в проклятой Сибири! Что мне делать? Как сохранить вас? Боже, спаси нас! Сколько нам ещё мучиться?

От всего пережитого, от холода и голода – мы опять начали иногда терять сознание. Когда было невмоготу - в полубморочном состоянии вылезали из своего шалаша и грели руки под горячей струёй мочи телят. Мать ежедневно умоляла и просила телятницу взять нас к себе домой, но та сурово отмалчивалась...

АГОНИЯ.

*Во всей человеческой истории не найти что – нибудь,
Хотя бы в отдалённой степени похожее на ту
Гигантскую фабрику истязания и смерти миллионов людей,
Ненависти и лжи, которая организована Кремлём под
Руководством злодея и людоеда Сталина.*

Л. ТРОЦКИЙ

Сибирячка - телятница всё – таки не выдержала наших рыданий, сжалась и пустила нас троих к себе в маленькую избушку, а Спирины остались в телятнике. Мать начала помогать нашей спасительнице, работать в телятнике – таскать воду на коромыслах из Шегарки, поить, кормить телят, убирать навоз. Уходили они на весь день, а мы – голодные, лежим и ждём, когда вернётся мать и чем – нибудь накормит.

Хозяйка, конечно, опасалась нас – голодных и тщательно прятала свои припасы. Хлеб и продукты она прятала в сундуке, а картошку в погребе. На обеих крышках были замки. Но сундук был старый, крышка разболтана, приподнимается. Голод просто сжигает желудок – уже не вмоготу терпеть. Я не выдерживаю. Еле – еле протискиваю руку в щель, нащупываю в сундуке хлеб, поднимаю его кверху, чтобы видно было в щель. Шурка, придерживая просунутой в щель ложкой хлеб, другой рукой ножом с мучениями отрезает по всей ширине надрезанной буханки тонкий ломтик. Я осторожно опускаю буханку назад, ломтик хлеба делим пополам, маленькими кусочками закладываем под язык. Хлебная слюна идёт - глотаем, стараемся подольше держать хлеб во рту, стараемся друг перед другом, кто дольше хлеб сосёт, хвастаемся:

- А у меня ещё хлеб есть – а у тебя нет!

Понемножку крадём у сибирячки из печки сушёные кошурки картошки и брюквы – грызём. Я узрел в полу за кроватью большую щель в подпол. Выбежал на улицу, срезал с ольхи во дворе прутик, заточил его и давай тыкать в темноту погреба. Получилось – наколол картошку, потихонечку вытаскивал, затем ещё и ещё. Правда, много картошки срывалось, но мы беззаботно продолжали воровать, т. к. голод подстёгивал нас. Картошку запекли в русской печке. В ней мы практически весь день поддерживали огонь, для чего нам ежедневно строго по поленьям выдавала дрова хозяйка, чтобы изба не выстудилась. Прутик тщательно прятали от хозяйки в своих лохмотьях. Не прошло и

месяца – поймались мы с поличным. Шурка неловко пытался наколоть картошку и уронил в погреб прутик. Я от досады накинулся на него:

- Сопляк паршивый! Что ты наделал? Сволочь! Теперь нам хана! Недотёпа!

Мы здорово подрались и разошлись в слезах по углам избы. Притихли, ожидая бури. Хозяйка вечером полезла в погреб за картошкой – увидела прутик, вылезла багровая от злости. Мы сжались от страха:

- Ах вы, твари! Я вас, как людей, пустила в свою избу, обогрела, спасла от смерти. А вы что творите? А я, дура, не пойму, почему у меня сверху вся картошка в дырочках. Вон что удумали. Вон отсюда, воры кавказские! Чтобы я вашего духа здесь больше не видела и не слышала!

Мать плачет, просит за нас прощения, валяется в ногах у хозяйки. Ничего не помогает! Немного сжалилась, оставила до утра, не выгнала на ночь. Утром чуть свет проснулись – хозяйка выгнала нас на улицу с нашими лохмотьями и повесила замок на дверях избы. Всё! Куда идти? Все ревём белугой. Куда деваться? Опять, как звери, в телятник? Мать плачет, рыдает – в злобе бьёт нас с Шуркой.

Идём в контору колхоза. Зашли. В конторе дым коромыслом от курящих мужиков. Все пришли утром за разрядкой на работу. Кому за дровами в лес ехать на быках, кому за сеном - соломой в поля, кому за кормами в Пономарёвку или Пихтовку.

Мать с порога в истерику упала перед Калякиным:

- Никуда не пойду больше! Нет больше сил, нет мочи! Утоплюсь с детьми в Шегарке из – за тебя, паразит, душегубец! Пусть на тебе будет наша смерть! Ответишь перед Богом!

Калякин выскочил из – за стола - заорал, заматерился, выгоняет нас из конторы. Мужики загалдели, заговорили:

- Леонтьевич! Да сжался над малыши детьми. Пусти их в контору – вон пусть лежат на полатах. Что они – будут нам мешать? Уймись...

Сдался Калякин. Видит: у нас наступил предел – край пропасти и бездны. Заматерился:

- В рёбра мать! Оставайтесь, Углова, чёрт с вами, здесь! Да не мешайте нам работать...

Стали мы жить в конторе - в проходной комнате на полатах. В другой комнате жил армянин - бухгалтер Атоянц Мосес Мосесович с семьёй (жена и сын Ашот), тоже ссыльный. Мы весь день тихонько лежали на полатах, слушали гомон мужиков, глотали клубы табачного дыма, а мать уходила добывать еду. Вечером, когда контора пустела, мы спрыгивали с полатей, оправлялись, растапливали печку, благо много дров завозили в контору мужики. Из продуктов у нас осталось четверть мешка овса. Поставишь в русскую печь чугунок овсяной кисель варить, сколько не стереги – всё равно сбежит! Почему – то всегда мгновенно выплёскивался кисель! Жалко, подбираешь пальцами с грязной печки

его - и в рот! Мать приносила вечером мелкой и гнилой картошки, очистки и мы ужинали этим «добром». Был уже конец зимы. Мы не выходили на улицу много дней, т. к. окончательно обессилели от постоянного голода. Овёс кончился, мать в отчаянии не знала, что дальше делать. Шурка в начале года с месяц походил в школу, а затем бросил. Мы с каждым днём теряли интерес к жизни. Нам надоело плакать - голод приглушил все чувства. Все мысли были только о еде. Какая – то апатия и равнодушие овладели нами. Накрывшись старым материным пальто – в рвани, в лохмотьях, мы целыми сутками не слезали с полатей. Ногти на руках и ногах выросли огромные, все косматые, во вшах – мы медленно угасали. И, наконец, наступил кризис – предел нашего сопротивления и желания жить! Мать, постанывая, утром не смогла подняться больше на ноги и пойти добыть где –нибудь на помойках или около свинарника, телятника, курятника нам что – то съестное.

Прошла неделя, десять дней, две недели, как мы абсолютно ничего не ели. Жёлтые, пухлые, брюзглые, косматые – с длинными ногтями на руках и ногах, как у зверей. Вши открыто ползали толпами по нашим телам, голове, и даже по лицу, но сил их давить у нас уже не было. Мы были уже в бессознательном состоянии и практически не шевелились. Живые мертвецы! Нас могло спасти только чудо! А жизнь в конторе протекала под нами так же. Щёлкал счётами бухгалтер Мосес Мосесович. По утрам, отправляя мужиков на работы, матерился Иван Калякин. Гудели, курили махру бригадиры, ругались и спорили при распределении быков сибирячки. Никому не было дела до трёх несчастных, замолкших на полатах ссыльных. А, скорее всего, может, и догадывались люди, почему затихли дети. Значит, умирают с матерью. Ну и что – что умирают? Кого этим удивишь, когда ежедневно в деревне вывозили трупы в общие рвы – могилы десятки таких же обездоленных несчастных людей, брошенных на произвол судьбы жестокой властью! А уж сотни китайцев, непонятно за что и почему сосланных в эти двадцать две деревни огромной Пихтовской зоны - первые замёрзли, очоченели и погибли от голода. Что удивительно? Не один из них не осмелился грабить, убивать местных жителей. Они мирно побирались, бродили между деревнями, пытались рыться в снегу и мёрзлой земле, добывая остатки картошки, турнепса и брюквы, ржи и льна. Первое время китайцам кое – что подавали, но ближе к середине зимы сибиряки перестали делиться с ними и они начали умирать. А власть равнодушно взирала на массовую гибель китайцев. Мы были на краю пропасти и, конечно, не догадывались, что сами станем спасителями для одного китайца – дяди Вани Ли, который проживёт в нашей семье не один год.

Итак – мы умирали... Как – то ночью мама еле растолкала нас. Она рыдала:

- Колюшок, Саша, очнитесь, проснитесь! Пока ещё в сознании – давайте попрощаемся! Мы завтра – послезавтра все умрём! Я явственно это видела во сне! Мои родные деточки! Простите меня за всё! Простите, что не сберегла вас!

Мы все трое обнялись и горько завывали. Солёные слёзы мамы и Шурки смешались с моими слезами, но вдруг во мне что – то проснулось. Я закричал:

- Мамочка! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать! Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Мы рыдали, целовали друг друга и медленно уходили в мир иной, теряя опять сознание...

Но для нас чудо всё - же состоялось – мы остались живы! Бог сохранил и помог нам – в этом я уверен! Нашлась всё же добрая душа в этой глухой и суровой деревушке! Утром Шуркина учительница Ольга Федосеевна Афанасьева (может, кто сообщил, что умирает её ученик, может, сама догадалась) забежала в контору, поднялась на полати, заглянула - мы слабо зашевелились. Она ахнула:

- Вот где мой ученик! А мне сказали, что их переправили в Пихтовку! Я запомнила Шуру. Прилежный мальчик, послушный. Бедолаги! Они же помирают!

На наше счастье, как раз в конторе рядом с Калякиным сидел председатель сельсовета соседнего большого села Вдовино - Зайцев Архип Васильевич (он приехал на конных санях по каким – то делам). Он знал, очень ценил и уважал учительницу, которая, как мы потом узнали, к тому же была депутатом райсовета. Ольга Федосеевна гневно закричала:

- Архип Васильевич! Ты посмотри, что сделал Калякин с детьми? Бессовестный и бессердечный человек! Он же преднамеренно загубил детей. Что – нельзя им было выделить мешок – два картофеля? Мать бы летом отработала. Я тебя Христом – Богом прошу: давай, ещё, может быть, спасём деток. Прошу тебя – отложи свою поездку в Пихтовку и сейчас же отвезём их в нашу больницу.

Зайцев тоже заглянул на полати, посмотрел на нас, покачал головой:

- Что же ты делаешь, Иван Леонтьевич? Неужели нельзя было помочь этим бедолагам? Ладно – китайцы чужие люди. А это же всё – таки русские.

Калякин заорал, что есть мочи:

- Архип! А на кой ляд они мне нужны - эти дармоеды, туда их мать! Их много таких навезли. И никто не хочет работать. А жрать все хотят – только давай!

Плюнул в сердцах на пол Зайцев, и вместе с Ольгой Федосеевной понёс нас с Шуркой на сани. Маму еле стащили с полатей и привели в чувство. Ей Ольга Федосеевна дала больше полбуханки хлеба и нам за щёки сунула по маленькому кусочку, сказала:

- Дети! Хлеб не ешьте, а только медленно сосите – иначе умрёте! Потерпите немного! Вас спасут! А вы, Углова, постарайтесь завтра найти меня. Чем могу - помогу!

Мать, шатаясь, поднялась, заголосила, кинулась в ноги к Ольге Федосеевне, целовала руки, благодарила. Она осталась, а нас повезли во Вдовинскую больницу.

От холодного воздуха пришли в себя – голова кружилась. Помню, занесла в помещение меня какая - то женщина, говорит:

- А этот ещё ничего - щёки есть! А постарше, видно, не выживет!

Скинули с нас лохмотья - и тут я потерял сознание...

Сталинский сапог.

В нём Бога видели они, считая наши трудодни.

Куда не глянь – вождя портрет.

А нас уже кого – то нет...

Норильский мемориал. М. Люгарин.

Был уже март, но холода и пурга не унимались. В больнице мы отошли, поправились, начали опять шалить. Но ежедневно вспоминали о матери – жива ли? Позавтракаем и сразу лезем на подоконники. Подуем на лёд, растопим, сделаем окошечко и смотрим на дорогу – не идёт ли мама? Нас нянечки отгоняют от окон, а мы опять лезем. И вот как-то раз я закричал:

- Шурка! Мама идёт!

И впрямь, вглядываемся: вдалеке кандыляет мать. Встретились, расплакались:

- Деточки! Голубушки! Живы! Слава тебе, Господи! Слава тебе, Всевышний! Я уже думала, вас не увижу...

Мать суёт нам по целой сырой свёкле. Ей дала наша кисловодчанка, ссыльная Ольга Соловьёва, которая работала в правлении колхоза бухгалтером во Вдовино. Мы смеёмся:

- Что ты, мама! Мы сыты, здесь здорово кормят, сама съешь!

- Ну, как вы? Как я рада... Дети! Вас спасла Ольга Федосеевна! Помните её всю жизнь... Она мне рассказывала, что было, когда привезла вас в детдом. Главный врач не принимает вас, кричит на неё: «Вы же депутат! Неужели не знаете, что у нас есть указание - не принимать в больницы и детские дома детей врагов народа». А она ответила: «Да, знаю. Но это указание устное – негласное. Я беру ответственность за этих детей на себя». И он уступил.

- Да, мамачка! Мы знаем, как нас любит Ольга Федосеевна. Она уже дважды приходила – проверяла, как мы живём, приносила нам конфеты.

- Да, деточки! Какая хорошая женщина. Не забывайте никогда её доброту. Она нас всех спасла от неминуемой смерти... Ну, как вы тут, дети? Нравится? Кто ещё из знакомых здесь? Коля! Вон девочка побежала. Это не Зинка Драганчу из Носково? Помните, в соседней избе жили молдаване?

- Да, она. Так знаешь, она одна осталась, её тоже недавно привезли в больницу. Все пять братьев и сестёр умерли от голода в эту зиму. Вчера её мать приходила навестить. Сама еле тащит ноги, плачет, всё это рассказала. И ещё говорит, что детей не стала хоронить в снеговой общей яме, т. к. лисы, россомахи и иногда забежавшие в наши края волки стали растаскивать трупы. Все трупы детей сложила она в холодный погреб до весны. Говорит - чуть засну и чудится мне, что дети все хором зовут меня и плачут: «Мамачка, дай покушать!» Открою крышку погреба – нет, все мои деточки лежат, как живые, но не шевелятся!

- Ужас, дети! Я хожу по деревням - тоже видела трупы замёрзших людей. Что творится здесь! Я, дети, сейчас уйду, а то ещё увидит главный врач и заставит вас забрать. Это же смерть нам всем.

Засобиралась мать, т. к. зимние дни в Сибири короткие и уже вечерело. Только позднее узнали мы, что в этот день мать была на грань от смерти и опять чудом спаслась. До Носково восемь километров. Дорога практически в снегу, не наезжена, еле угадывается, т. к. постоянно перемерзает пойма. Со своей хромой ногой уже затемно дошла до Вдовино. Пошла, на ночь глядя, в Носково. Дорога из Вдовино в Носково идёт вдоль Шегарки. Пурга усиливается – колючий снег так и сечёт: забивает нос, рот, глаза. Столбы телефонные стоят вдоль дороги - гудят.

- Это хорошо, (думает мать), не заблудишься. Только смотри за столбами, т. к. дороги ночью не видно - кругом бело. Лишь бы не сбиться. Даст Бог – дойду помаленьку, хоть и к утру.

Долго и утомительно продвигалась мать по еле заметной санной дороге. Ноги застревают в рыхлой массе по колено, колючий злой ветер перебивает дыхание, слепит глаза, темно. Вот и уклонилась незаметно чуть в сторону мать. Ахнула с головой в снежную яму. Оказывается - попала на берег Шегарки. А река переметена снегом вровень с берегами и полем - зимой просто её не видно. Даже не догадаешься, где когда – то летом была речка. Пыталась - пыталась Анна Филипповна выбраться, да ещё глубже провалилась до самого льда реки, т. к. нога – то негнущаяся. Тяжело бороться калеке в снежном плену. Барахталась - барахталась, обессилела, плачет, снегу везде набилось. Поняла, что пришёл конец. Да видать, не помирать нам было в Сибири! Бог спасал всех нас! Притихла мать, замерзая, и вдруг сквозь сон услышала звон колокольчика. Завозилась, закричала, завизжала из последних сил. А это ехал почтальон дед Лазарев. Услышал он какой- то крик, не поймёт, откуда идёт. Остановил сани, слушает. Затем привязал лошадь к ближайшему телефонному столбу, пошёл на звук голоса:

- Кто там кричит? Что за дьявол? Откуда крик - не пойму?

Мать взмолилась:

- Помогите! Замерзаю, провалилась в реку. Это Углова Нюся!

Дед, наконец, разглядел в снегу мать:

- Эх, тебя угораздило, чёртова баба! Как же ты сюда попала? Глаза, что ли, у тебя повылазили?

Поворчал дед Лазарь, протянул руку, вытащил мать, спас от верной гибели. Привёз к крайнему дому в деревне к Кузнецовой Полине и вместе с ней отёрли свиным салом, укутали, напоили горячим молоком мать. С того дня остались у матери отметки. И без того стёртые при стирке в госпитале пальцы рук здесь тоже обмёрзли и верхушки стали куцыми.

Наступила весна 1946 года и первой новостью среди наших была:

- Слышали? Казарезова Маруся убежала с детьми! Вот отчаянная бабёнка, а? Как она эти двести вёрст до Новосибирска дойдёт? Ведь поймут - забьют до смерти...

А надо сказать, что все ссыльные отмечались каждую неделю в комендатуре. Казарезова месяц добиралась до Новосибирска, прячась с детьми в кустах около дороги, когда встречались люди. А в Новосибирске забралась в товарняк и благополучно приехала на Кавказ. Не знаю, как она там устроилась, но после нашего освобождения мы неоднократно встречались с её детьми в Пятигорске.

Из больницы нас с Шуркой перевели, опять по настоянию Ольги Федосеевны, во Вдовинский детдом, как и мать. Её также устроила она прачкой в детдом. Всё это ей стоило опять невероятных усилий, т. к. директор детского дома Микрюков категорически не хотел нас принимать, и звонил даже в Пихтовку какому – то начальству. Но Ольга Федосеевна перехватила телефонную трубку и всё – таки доказала кому – то, что она права. Но Микрюков затаил на нас злость, строил всякие подлости и, в конце концов, выгнал мать и нас из детского дома, опять поставив нашу семью на грань смерти. Но об этом чуть позже...

Мать впервые за эти два ужасных года отправила письмо бабушкам Оле и Фросе, сообщив, что мы живы - здоровы.

Вдовино в то время было самое большое село в том краю – около пятисот дворов по обе стороны речки Шегарки. Два колхоза. «Северный земледелец» - слева от Шегарки, «Северное сияние» - по правую сторону речки. Во Вдовино находилась больница, школа – семилетка, точнее 5 – 7 классы. Вторая начальная школа за прудом, 1 – 4 классы. Имелась почта, мельница, пекарня, магазин, клуб. Село большое, раскидистое, привольно размахнулось, расстроилось по берегам красивой таёжной речке Шегарки, извилистой, с широкими омутами, спокойной и неторопливой. Сразу за деревней колхозные поля. Сажали в то время рожь, лён, овёс, картофель, горох, брюкву, свёклу и турнепс. Поля идут вперемежку с перелесками и чем дальше от села, тем больше берёзовых, осиновых колков. А в 9 – 10 километрах начинался сплошной Красный лес, т. е. сосновый, пихтовый бор, уходящий в Васюганские болота. За деревней сразу болота, кочкарник клюквенный, гудящий летом комарьём. Слева от Вдовино большое село

Каурушка (до войны было даже больше Вдовино – 650 дворов). Вверх к истокам Шегарки посёлок Жирновка (350 дворов), ещё выше Юрковка (250 дворов) и Вершина (100 дворов). Вниз по Шегарке были небольшие посёлки Лёнзавод, Носково, Хохловка, а в двадцати километрах от Вдовино большое село Пономарёвка на 800 дворов, в котором располагалась МТС, снабжавшая наши колхозы тракторами, машинами, уборочной техникой. А в пятидесяти километрах от Вдовино была наша «столица» - районное село Пихтовка на 1000 дворов. Между Пономарёвкой и Пихтовкой было ещё с десятков сёл – Атуз, Залесово, Мальчиха и Марчиха, Выюны и другие. Вообще, жизнь бурлила, клокотала там в те годы. Основное население там – ссыльные. Это был огромная пересыльная зона. Коренных сибиряков там было очень мало. Те, кто считал себя уже сибиряками, были сосланные в 1929 – 33г.г. семьи кулаков и подкулачников – так именovala советская власть зажиточных крестьян и тех, кто не хотел вступать в колхозы. В каждом селе была комендатура, где еженедельно отмечались все взрослые. У комендантов были в подчинении рядовые бойцы, а сами они разъезжали на сытых конях, глумясь над беззащитными людьми.

Много тысяч разного люда было сослано туда. В каждой избе во всех сёлах и деревнях было набито «до потолка» людей «всех мастей», но больше политических.

Вспоминается эпизод, о котором долго судачили в деревне. Работал в колхозе неприметный мужичонка по фамилии Феньков, о котором говорили, что «не всё ладно у него с головой». Но был тихим, старательным, работающим. В этом году он женился на одной доярке. Говорят – любил её беззаветно! Но не прожили они и трёх месяцев, как её комендант Альцев арестовал, и отправил в Пихтовку. Вроде бы она украла четверть мешка жмыха и ночью, когда тащила его домой, попалась чекистам. Дали ей четыре года тюрьмы. Феньков с горя запил, благо самогон всегда можно было найти. Самогон тогда гнали втихомолку почти в каждом дворе, т. к. водка была дорогая. Как только его не увещевали, грозили отдать под суд – он не выходил на работу. Однажды с перепоя он чуть не сжёг избу, и изрубил топором всю свою немудрящую мебель. Под горячую руку попался ему один сапог – он и его искромсал. Но всё же через некоторое время он остепенился и вышел на работу... в одном сапоге. Вместо другого сапога был старый лапоть. Мужики смеялись над бедным Феньковым:

- Проккоп! Что же ты в одном сапоге и лапте? Выкинь его и ходи в двух лаптях. А так... смешно.

Феньков невозмутимо отвечал:

- Дык... конечно... оно тово! Сапоги – они для мужика, особо в нашу грязь, очень нужны. Это как семья – два сапога. Муж и жена. А что я таперича без жены? Вон – видел по фильму, как Сталин всегда в сапогах. И жена, видать, у него есть. Дюже любит он сапоги! А я что? Я тоже...

Кто – то, возьми, и скажи ему:

- Прокопий! А ты попроси у Сталина сапоги!

- Что - могёт дать?

- Конечно! У него их много! Ты только проси не новые. Пусть стоптанные хотя бы пришлёт! Только ему надо доказать, что у тебя они совсем негодные, а то не поверит.

На следующий день Феньков принёс на почту заведующей небольшую посылку. Она ахнула, увидев, как каракулями на упаковочной бумаге было нацарапано:

- Масква. Кремль. Таварищю Сталину. НСО Пихтовский район д. Вдовино от Фенькова Прокопия.

Рогачева засмеялась:

- Ты что, сдурел, Прокоп? Сталину посылку... ты что... тебя же арестуют! Не приму! Что ты там положил?

- Ольга! Не твою ума дела! Прймай! На - рублёвку! Я пашёл...

Повернулся и ушёл....

Рогачева доложила Альцеву. Комендант живо прискакал. Развернули перевязанную дратвой пергаментную бумагу. Внутри лежал... грязный, рваный сапог, а сверху записка:

- Таварищ Сталин! У меня жену ареставали и посадили в тюрьму памагите вызвалить. А тут щё сапоги парвались... Пасматрите все в дырках! Могёт у вас есть старые просьба вышлите! А я таперича буду стараться работать на блага камунизма... Феньков Прокопий.

Альцев швырнул сапог на пол, грязно выругался, а потом, врубившись, расхохотался:

- Дурак – он и есть дурак! Что с него возьмёшь?

С той поры мужики скалились, встречая Фенькова:

- Ну, что, Прокопий? Сталин прислал тебе сапоги?

Тот невозмутимо отвечал:

- Нет ещё! Видать, дялов у него многа. Ничаво. Дайдёт очередь и да меня...

Так вот, продолжаю о ссыльных.

Тысячи людей умирали от голода - холода, но среди местных сибиряков ходила прямо – таки легенда о живучести одной группы людей из Кировской области. Помню, рассказывал один колхозник:

- Вы - кавказцы, слабаки! Жидкие на расправу! Какие – то немощные, неприспособленные. И вымираете, как мухи! Вот отсюда - километрах в 70 – 80 –ти есть посёлок Усть – Тоя. Это его так ссыльные из Кировской области назвали. Привезли туда весной триста семей кулаков в тридцатом году. А там нет ничего. Только дремучая тайга

на слиянии двух речек - Баксы и Шегарки. Сказали им: живите, осваивайте тайгу, корчуйте лес, стройте дома. Уцелеете за зиму, приедем на следующий год организовывать из оставшихся в живых колхоз. Тогда, может, поможем колхозу. И что вы думаете? Уже через неделю у всех семей были добротные землянки, обделанные деревом. Все работали до крови! Вцепились, вгрызались в землю, корчевали, пилили, жгли, копали, сажали, строили круглыми сутками. Лихие были мужики и бабы и до жизни охочи! Коротко сибирское лето, но к зиме все триста семей перешли из землянок в рублёные новые избы с подворьем, да и немудрящий урожай приспел. А зимой охотились, рыбачили на льду и, представляете - все выжили! Вот это люди! А вы? Эх, мелкота!

Наши бабы возражали:

- Митрич! Что ты сравниваешь хрен с пальцем! Вот ты говоришь, что там семьи кулаков были. Это же работающие селяне с мужиками. А мы? Одни бабы с детьми, да ещё городские.

В Усть - Тое комендатура впоследствии организовала сильный колхоз. Село расстроилось. Туда начали присылать новые партии переселенцев и даже организовали детдом - уже четвёртый в Пихтовском районе. Вот оттуда – то и прислали сына кулака Микрюкова Бориса во Вдовино для организации здесь детского дома, т. к. детей была уйма. Временным замом (на период организации) детдома он назначил порядочного, добродушного мужичка по фамилии Ядовинов, но потом его сместил. Микрюков уже успел отслужить в армии. Где – то воевал на фронте и пользовался доверием власти. На войне он получил травму черепа, после излечения приехал назад, учительствовал в Усть – Тое, где и женился на преподавательнице географии Елизавете Яковлевне - шустрой тётке, энергичной и крикливой. Непосредственные хлопоты в организации детского дома во Вдовино легли на председателя сельсовета Зайцева.

Детдом

В детдоме для врагов народа выковывалась новая порода.

Из дома для детей врагов народа не получилось тайного завода,

Где бодро штамповали бы льстецов, забывших про исчезнувших отцов.

В детдоме для детей врагов народа вынашивалась тайная свобода.

Евгений Евтушенко.

Первым директором детдома назначили Ядовина Ивана Григорьевича. Заведующий больницей Маранс с большой радостью освободился от нас, и мы все трое перешли в детдом (мать прачкой). Детей «врагов народа» практически не брали в детский дом, но принять нас уговорила Микрюкова (он занимался вопросами организации детского дома) и Ядовина - опять учительница Ольга Федосеевна вместе с председателем сельсовета Зайцевым.

Основным зданием детдома выбрали деревянное, длинное, с тесовой крышей помещение, в которое должно было поместиться 110 – 120 детей. У входа располагалась комната персонала – бухгалтерия, затем четыре классных комнаты по 30 человек в каждой, солидный зал для коллективных мероприятий и через комнату – кубовую коридор, ещё одна спальня и туалет для малышей. Была создана одна смешанная группа для самых маленьких, две старших группы мальчиков и одна девочек. Столовая располагалась отдельно в ста метрах от детдома. Здесь же кухня, склад, изолятор, прачечная, баня – все эти отдельно стоящие избы почему – то называли Хомутовкой. Получился просторный двор у детдома, свой участок под огороды, грядки, спортплощадка для игр. Школа была рядом с отдельно стоящей избой – учительской. Комнаты – спальни в детдоме топились дровами, топки печек выходили в коридор – зал так, чтобы няня, топившая рано по утрам печи, не будила нас.

Детдому выделили два ездовых быка и лошадь. Завхозом был Коржавин Иван Афанасьевич – крепкий жилистый сибирячок в вечной гимнастёрке с одной медалью, кудрявый, с узким птичьим лицом, немногословный, но работающий мужик. У него в подчинении был молодой рабочий Мозолевский Михаил, который впоследствии - через десять лет, отбил жену у Коржавина – красивую разбитную голубоглазую бабёнку Марусю. На быках и лошади Коржавин с Мишкой завозили из города Новосибирска через базу Облоно койки, посуду, пальто, штаны, рубахи, ботинки, одеяло, постельное и т. д. И всё это за двести километров до оттепелей, пока есть зимняя дорога. Единственная остановка была в Паутово, где была перевалочная база, и можно было остановиться с

ночёвкой. А продукты питания – хлеб, муку, крупу, соль, сахар и др. детдом получал через Райпотребсоюз в Пихтовке во Вдовинском сельпо.

Наступало лето. Зеленый ковёр трав и деревьев так и прыскали в глаза своей свежестью! Всё цвело. Мы уцелели, преодолев эту жестокую зиму. Радость и веселье охватили всех: перемены в жизни к лучшему, новые люди, новая обстановка вокруг – всё это поднимало настроение. Нас замечали, мы были кому – то нужны, о нас заботились.

Везде висели портреты Сталина, даже в прачечной, куда мы теперь ежедневно ходили, и мы с благодарностью смотрели на них, радуясь вместе с матерью, которая говорила:

- Это всё он - дети! Сталин наш вождь! Это он спас вас! Если бы не Сталин, мы бы погибли! Молитесь на него и помните всю жизнь!

- Мама! Но нас же спасла Ольга Федосеевна! Ты же сама говорила.

- Да! Она непосредственно вывезла вас из конторы в больницу. Но она же депутат. Кто ей подсказал, что надо так поступить? Сталин, дети! Она живёт по его заветам.

Боже, как смеялась мать через десять лет, вспоминая свои слова...

Детдом нам понравился сразу. Его порядки, дисциплина, много друзей и товарищей – всё было интересно. Утром по команде вскакиваем с чистой постели на деревянный выскобленный пол, выбегаем на зарядку в зал, а по теплу во двор, затем умываемся, прибираем постели, строимся в колонны по группам и с песней в столовую. Ефимия Фёдоровна Лукушина наш воспитатель. Бойкая, рыжеволосая, всегда весёлая, кричит:

- Дети, по ранжиру становись в колонну! Окишев! Ты самый высокий - первый! Шагом марш! Запеваем! Дети, все дружно подтягивайте!

И начинает громко и задорно:

- Жил в Ростове Витя Черевичкин. В школе он отлично успевал.

И в свободный час всегда обычно голубей любимых выпускал.

Голуби, мои вы милые. Улетайте в солнечную высь.

Голуби, вы сизокрылые. В небо голубое унеслись.

Затем обязательно начинает свою любимую:

- Ой, при лужке, лужке, лужке – на широком поле.

При знакомом табуне – конь гулял по воле.

Всем сразу становится весело. Мы возбуждаемся, громко поём про то, как «красна девка встала, сон свой рассказала, правой ручкой обняла и поцеловала». Надо ли говорить, как и я полюбил русские песни, которые разучивали мы с воспитательницей! Разгорячённые песней, весёлые, мы по команде садимся за длинные рубленые столы и начинаем

уплетать вареную свёклу, обваленную в жареной ржаной муке с подливой. Затем следует сладкий чай.

После завтрака наш инструктор по труду Шмаков и воспитатели Макарова, Татарникова, Лукушина распределяют всем обязанности. Часть старших отправляют на кухню к поварам Дусе Гладких и Киселёвой Любе помогать убирать, мыть посуду, чистить картошку, дрова пилить – колоть и т. д. Нескольким старшим девчонкам главный повар Ольга Ивановна Шарандак рассказывала и учила, как готовить все блюда немудрящей детдомовской кухни. Малыши оставались на попечении двух нянь – Бобровой Люды и Нечаевой Натальи.

Летом обычно дети круглыми днями были на спортплощадке. Ну, а все остальные отправлялись на работы в приусадебном участке, где на грядках выращивали овощи для себя. Позже стали под руководством Шмакова Анатолия Афанасьевича и пионервожатых Сметаниной и Гребенкиной выезжать на сенокос. Для двух быков и лошади надо было накосить 120 центнеров сена.

Покосы были на Уголках - в девяти километрах от Вдовино (ранее там был хутор). Для старших воспитанников Коржавин сделал на колхозной кузне маленькие литовки, а остальные переворачивали, гребли, метали в копны сено.

Осенью весь детдом - от мала до велика, работал на колхоз. Собирали колоски ржи на полях, дёргали лён, турнепс, свёклу и брюкву, копали и собирали картошку, горох, сгребали и грузили солому. Трудовое воспитание вошло в нашу детдомовскую жизнь с первых дней. Ну, а зимой все учились, занимались в кружках по труду, рисованию, пению, танцах и в художественной самодеятельности.

Вечером перед отбоем в зале проводилась линейка. Выстраивались все отряды, проводилась переключка лично самим директором. Первого директора Ядовинова Ивана Григорьевича мы любили и не боялись. Это был добрый, лопухий, курносый, с неизменной чёлкой и улыбкой дядька с бельмом на левом глазу. Переключку закончит, улыбнётся:

- Так! Все детки присутствуют? Никто не потерялся? Это хорошо. Драк не было? А я знаю всех хулиганчиков - мне докладывают. Но ничего, я думаю - ребята исправятся. Не будем их наказывать. Как все поработали? Устали? Ничего, сейчас отоспитесь. Спокойной ночи, детки! Разойтись!

Но вскоре доброго Ядовинова сменил злой Микрюков и мы все это почувствовали. Борис Дмитриевич всегда был аккуратно одет в костюм с галстуком (это в глуши – то!). В то время, кроме него, в деревне никто не носил галстуков. Молодой, крепкий, черноволосый, красивый мужчина с широким лицом, неизменно холодный и строгий в обращении со всеми – он внушал мне страх. В первый год я не попадал на тяжёлые работы (шёл девятый год) и у меня было сравнительно много свободного времени.

Плохое в жизни быстро забывается, и я привык к детдому. Кроме того, был необычайно хулиганист, энергичен, криклив и драчлив. Я с такими же друзьями убегал от воспитателей и пропадал целыми днями на пруду, речке, болотах, в лесу и к вечерней поверке прибегал весь исхлопанный, ободранный, в синяках, с вечно мокрыми и грязными до колен штанами. Только в зале опомнишься, глядя на себя - грязнулю, и спрячешься в самом заднем третьем ряду за товарищами. Но Микрюков с первых дней «раскусил» меня. Зычно кричит:

- Углов, Алихнович, Захаров, Желонкин, Воропаев – три шага вперед! Арш! Кругом! Посмотрите, товарищи воспитанники на этих лоботрясов! Государство их одевает, обувает, кормит, учит. Чем они отвечают на заботу государства? Чем они отвечают на заботу о них товарища Сталина? Как вам не стыдно! После отбоя все будете мыть зал! Всё! Разойтись!

После его нравоучений и «распеканий» я давал себе слово:

- Всё! Больше не полезу в болото, в воду и грязь! Завтра надо прийти на поверку сухим!

Но приходил вечер и я с ужасом оглядывал себя: штаны опять порваны и захлустаны ещё выше, чем вчера.

Как – то мы со своей группой проходили через спортплощадку, где суровая, черноволосая, как наши кавказцы, воспитательница Макарова распекала за что – то Шурку. Тот ревел, утирал сопли и слюни, а она продолжала гневно долбить бедного Шурку. Во мне что – то шевельнулось, стало до горечи жалко его и я, не сдерживая больше эмоций, выскочил из строя, толкнул Макарову, заорал, заплакал изо всей силы:

- Ты злая тётка! Оставь его!

От неожиданности та оторопела, растерянно и сердито посмотрела на меня, и выругалась:

- Т-ю –ю! Ещё один недотёпа! Маленький какой, а злой, как собачонка! Жалко ему! Сверчок!

– и ушла в сторону, оставив в покое Шурку.

Мы ежедневно забегали к матери в прачечную, провалившуюся до окон от ветхости избу. В прачечной сыро, грязно, темно, копоть на стенах, всё в дыму, пару. В ванне на ребристой алюминиевой доске водой с чёрным мылом целыми днями мать ширкала бельё, стирая до крови пальцы на руках. Затем сушила его на верёвках во дворе и гладила паровым утюгом. На чердаке прачечной под соломенной крышей с маленьким окошком я, Шурка, Талик Нестеров и Тырышкин организовали «тайную явку», куда приносили остатки с обеда – кусочки хлеба и сахара, картошку и морковь с детдомовских грядок. Мы готовились к побегу из детдома. На чердаке развешивали на верёвке и сушёных гальянов – чёрных, похожих на пескарей рыбок. Их мы вылавливали в соседнем пруду на мордушку, украденную у кого – то из местных сибирияков. По одному, чтобы никто не

заметил наш «штаб», мы пробирались на чердак, выгружали из карманов добытое, осматривали и проверяли запасы, шептались, строили планы побега из детдома. Самый старший - Тырышкин, наконец, назначил дату побега:

- Завтра вечером после отбоя не спать! Как все задряхнут, тихо собираемся и выходим. Пусть поищут нас! Пусть Микрюков позлится!

Стемнело. Все собрались у прачечной, забрали все запасы, вышли за деревню, обошли пруд и с обратной стороны детского дома, стараясь не ломать камыш, гуськом вышли на сухой островок – пятачок в камышах, который присмотрели ранее. Было необычайно тепло, тонко звенели комары, но нам было не до них, мы радовались свободе. Нарвали камыша, зарылись в него и всю ночь проговорили обо всём, глядя на яркие звёзды в небе. Талик философствовал:

- Видели, как у магазина гуляют фронтовики? Целыми днями пьют, ругаются, дерутся, а потом обнимаются. Я слышал, один говорит, что война в Германии и Японии не закончилась. Там против наших воюют бендеровцы - лесные люди и какие – то характеристы, что ли, привязанные цепями. Давайте в следующий раз накопим больше припасов и убежим на войну помогать нашим?

Мы все дружно поддержали его. Жизнь была прекрасна – она только начиналась! Мы мечтали, строили планы, было удивительно хорошо, мы клялись в вечной дружбе и верности! Где – то рядом ухал филин, тонко бормотала сплюшка, на воде слышны были постоянные всплёски – это щука гонялась за карасями. Под утро мы уснули. Только к середине дня мы услышали, как ищут нас, кричат вдалеке и даже стреляют из ружья. Так мы прожили два дня, а на третий, когда кончились припасы, мы вышли на расправу к «дирику». Микрюков просто неистовал, собрав весь детдом на экстренную линейку:

- Хулиганьё! Ишь, что удумали! Как вам не совестно смотреть в глаза товарищей, которые два дня искали вас? Всех четверых в карцер! Без ужина! Завтра всех на Уголки! Лишаю ежемесячной конфеты!

Это было уж слишком! Мы окончательно невзлюбили Микрюкова. О конфете мы все много говорили, мечтали, когда подойдёт первое число. На торжественной линейке каждому воспитаннику вручали эту блестящую, крупную – весом 100 грамм конфету в обёртке из хрустящей, жёлтой, с переливом, бумаге. Твёрдая, сладкая до изнеможения, коричневая конфета – и вдруг лишиться такого удовольствия?

Через пятьдесят лет седой, старый, больной Микрюков прилетел из Новосибирска в Кисловодск. Я встретил его на вокзале, посадил в свою чёрную служебную «Волгу» и шофёр повёз нас на дачу. Мы сидели у камина, пили хороший коньяк, играли в бильярд. Опять пили, я обнимал Микрюкова и мы оба плакали, вспоминая, вспоминая прожитое... Я ни одним словом старался его не ранить, и не поминать плохое...

Ну, ладно. Хмурые, угрюмые мы на телеге приехали на следующий день на Уголки. Поразила высокая, выше нашего роста трава. Красота неопиcуемая! Цветов уйма, гудят

пчёлы, шмели, воздух напоен ароматом подсыхающего сена. Поляны и лес чередуются и уходят к горизонту. Всеми листьями шумит осинник. Лакомимся черёмухой, кислицей и уже поспевающей малиной. Спим в огромном шалаше – стоге сена, готовим обеды на костре, носим воду из ручья, помогаем мыть посуду, убирать, ворошим, переворачиваем сено. Вечерами сидим у костра, взрослые что – нибудь рассказывают. Запомнился рассказом Шмаков:

- Видели? Ходит здесь много медведей – следы кругом, кал свежий. Они сейчас сытые и избегают людей. Вот в прошлом году был со мной случай. Как-то утром решил рано утром, пока все спят, нарвать ведро малины. А малинники здесь кругом, видели, огромные. Есть в двух, трёх километрах отсюда вообще сплошной малинник. С полкилометра шириной и уходит далеко, далеко в тайгу! Пошёл, подальше за ручей. Попил водички, пошёл вдоль ручья, собираю малину. И вдруг на повороте – бац! Лежит мишка, правда, небольшой первогодок, должно быть, и спит, не слышит меня. А спит так сладко, аж хрюкает! Дай, думаю, напугаю его. Как заору изо всех сил, застучу палкой в ведро! Он спросонок, как сиганёт рядом со мной! Еле успел отскочить! А он бежит быстро и от страху оправляется - поносит! Я сам очухался, и давай хохотать!

Мы все тоже рассмеялись, но все дети подвинулись поближе к костру, со страхом поглядывая в черноту леса.

К концу недели из Вдовино приехала подвода. К телеге на верёвке был привязан крупный бычок. Детдом купил его у колхоза для нас, т.к. все запасы на покосах закончились, и осталась только картошка. Сторож сельпо Вахонин привёз его и сразу же привязал бычка к дереву. Коржавин с Мозолевским положили осиновую оглоблю на спину бычка, а Вахонин приставил большой нож между рогами сверху и вдруг резко, с криком, ударил другой рукой по черенку ножа. И почти мгновенно бык упал на передние ноги, а Иван Афанасьевич и Мишка придавили оглоблей и повалили быка наземь. Вахонин также быстро перерезал горло бычку. Я от страха забежал в шалаш - меня бил озноб. Мне было жаль бычка, я отказался от аппетитного ужина, всю ночь не спал, ворочался и кричал. Наутро тот же Вахонин отвёз меня назад в детдом в медизолятор, т. к. Шмаков решил, что я серьёзно заболел. В медизоляторе приветливая и ласковая Мария Леонидовна Щербинская (та, что ехала с нами на одной подводе при пересылке) ощупала, простукала, расспросила меня, засунула под мышку блестящий термометр, напоила какими - то лекарствами, и я на следующий день был, «как огурчик»!

Мне шёл девятый год и, наконец, с опозданием, я пошёл в первый класс! С этого дня в мою жизнь надолго – на семь лет, вошла первая моя учительница и спасительница Ольга Федосеевна Афанасьева. Круглолицая, полненькая, с необычайно добрыми глазами, в неизменном сером, в полоску костюме. Первые четыре класса она преподавала практически все предметы: учила писать, читать, рисовать, учила арифметике и чистописанию, учила жизни, открывала глаза в необъятный мир.

Обычный школьный день первого класса... Чистописание. Сидим, высунув язычки, трудимся – выводим палочки, затем крючочки, а в завершение, через три месяца, первые

буквы. Ольга Федосеевна ходит между рядами, заглядывает каждому в тетрадь и монотонно приговаривает:

- Ровнее, ровнее. Не забывайте про наклон палочек. Шестаков! У тебя крючки слишком большие! Вспомни свой крючок на удочке! Дети! Не спешите! Помните, что сейчас закладываются основы вашего письма. Будете неряшливы, и почерк будет у вас всю жизнь корявый!

А уже через три, четыре месяца другой разговор:

- Правильное чистописание – залог успеха в жизни! Сегодня начинаем писать буквы и слоги, изменяя нажим пера. Посмотрите на образец! Видите, как красиво написана фраза! В начале буквы и в конце – потоньше, т. е. волокнистая линия, а серединка толстая – будете нажимать сильнее перо.

И опять месяца два Ольга Федосеевна заботливо учит нас:

- Нажим, волокнистая! Нажим, волокнистая!

Именно с этих первых уроков практически у всех в конце концов получился красивый почерк. Просматривая через десятилетия свои детские дневники (а их было семь больших толстых тетрадей), я поражаюсь, какой красивый почерк был у меня. Да и у Шурки ничуть не хуже! Так ли сейчас учат детей? Нет, конечно! И учителя и ученики теперь другие – гораздо хуже! В этом я твердо убежден!

Учёба давалась мне легко - я был в отличниках без особого труда. Ко мне Ольга Федосеевна, мне кажется, благоволила больше всех! Выделяла, постоянно хвалила, впоследствии назначила председателем Совета отрядов пионеров. Кстати, запомнилось, как нас принимали в пионеры. Хором выучили:

- Как повяжут галстук, береги его!

Он ведь с красным знаменем цвета одного!

Помню до сих пор торжественные сборы, дробь барабанов. Ольга Федосеевна командует:

- Звеньевым! Сдать рапорта председателю!

Звеньевые подходят ко мне по очереди и коротко докладывают свои рапорта (сколько пионеров в отряде, нет ли происшествий, больных, отличников и отстающих и т. д.) :

- Рапорт сдал!

Отвечаю:

- Рапорт принял!

Я с поднятой рукой в пионерском приветствии, чеканя шаг, на виду отрядов иду к любимой учительнице и, задыхаясь от восторга и волнения, докладываю сводный

рапорт. Легко и быстро научившись читать, я очень любил книги и постоянно бегал в детдомовскую библиотеку. Ольга Федосеевна всегда на уроке литературы заставляла всех по очереди читать небольшие абзацы из произведений русских писателей, но больше всех доверяла мне, т. к. я научился читать с выражением. Мне нравилось, что весь класс, притихнув, слушает моё чтение и от волнения мой голос звенел.

Директором школы был Платонов Владимир Степанович, а завучем Вера Александровна Яновская. Впоследствии, когда заведующий больницей Маранс передал дела Карпухиной Анастасии Ивановне, мать перешла в больницу поваром. А в 1949 году детдом стал называться интернатом с новым директором Трескиной Галиной Ивановной.

Пришла очередная зима, но в детдоме было сытно, хотя и не было мясных блюд, и интересно. На верстаках старшеклассники пилили, строгали, мастерили скамейки, столы, бочки, лыжи, сани. Девчонки постарше в другой комнате долгими зимними вечерами шили, латали одежду, вязали. Здесь же инструктор по труду Шмаков с Мозолевским ремонтировали, подшивали наши валенки – пимы. Для самых младших была комната, где мы художничали, вырезали из бумаги картинки, фигурные детали, колечки, раскрашивали их, готовясь к первому в моей жизни Новому году. Ну, и по графику выполняли свои обязанности по уборке, дежурстве на кухне, пилили, кололи дрова, убирали и расчищали дорожки от снега, который выпадал практически ежедневно.

Будни детдома.

Там, где бури, вьюги хмуры восемь месяцев в году.

Был томим одним вопросом – жив отец или в раю?

Новая воспитательница (ссылная – из Пятигорска) Жигульская Мария Георгиевна вовлекла меня в художественную самодеятельность. Мы разучивали танцы: Па де Грас, Краковяк и Русский танец, готовясь к Первомайскому концерту. Всю зиму мы тренировались, и всегда Марина ставила меня во второй паре за своим сыном Вовкой Жигульским. Я ещё не догадывался, что Вовка станет моим основным другом и соперником на многие десятилетия и, пожалуй, ни один из моих друзей во всей жизни (а их было очень много) не оставит у меня так много впечатлений, размышлений и подражания. Вовка был польских кровей (отец поляк, мать русская) и очень этим гордился. Отец у него был лётчиком, его сбили и он попал, как и мой отец, в плен, а теперь его семья (мать, бабушка и Вовка) отбывали здесь, в Сибири «наказание». Вовка – красивый, сероглазый, светловолосый, гордый и прямой, как столб, холодно выводил ПА с изящной и симпатичной Стэлкой Невской, а я за ним терпел, сопел и ненавидел идущую со мной в паре белобрысую, некрасивую Зинку Зиновьеву. Стэлка также чувствовала ко мне симпатию ещё с пересыльного вагона. Я это ощущал по её взглядам и ей, видно, было страшно неприятно, как высокомерно обращался с ней Вовка. Мы уже довольно прилично научились танцевать – я до сих пор помню и могу исполнить начало Па де Граса. И вот он - праздник, и мы выступаем! Причёсанные, в белых рубашечках и чёрных брючках, а девочки все в белом – мы волнуемся, и надо уже становиться в пары (всего их четыре). И вдруг Стэлка, глядя смело в лицо Марины, заявила:

- Мария Георгиевна! Я не буду танцевать с вашим сыном. Поставьте меня в паре с Колей!

Мария Георгиевна сначала опешила, затем начала убеждать Стэлку:

- Стэлочка! Как ты не можешь понять – всё может сейчас поломаться. Вы же привыкли друг к другу! Надо было раньше сказать мне об этом. Сейчас занавес откроется – не упорствуй, Стэла. Я тебя очень прошу!

Но Стэлка настаивала на своём. Вовка вспыхнул и закричал нервно:

- Мама, пускай идёт в паре с кем хочет! Коза – дереза! Возомнила из себя красотку!

Занавес раздвинулся. Марина кивнула Стэлке, сдавшись. Мы быстро стали в ряд. Я смешался, покраснел и сразу забыл весь танец. Взялись за руки. Пяточка, носок, правой два раза, притопнули обеими ногами, и пошли по кругу весело и задорно под гармонь. Я

весь сиял, Стэлка тоже улыбалась, а во второй паре злой Вовка швырял угрюмую Зинку и всё старался наступить нам на пятки.

Жизнь в детдоме кипела, бурлила. Подъём, зарядка, умывание холодной водой во дворе из трубы, в которой сделаны самодельные соски – краны. Затем санитарный осмотр, где придирчивые дежурные девчонки обязательно проверят заправку постелей и заставят переделать, если сделано неряшливо. Затем проверят и самого – как одежда, обувь, ногти, стрижка. Перед входом в столовую ещё раз покажи руки ладонками вверх и вниз. В столовой тоже не шуми, не кричи, а то выгонят и будешь голодный до обеда. Порции очень маленькие, а так ещё хочется свеклы, обжаренной в чёрной муке или макарон на маргарине. Затем учёба, а после занятий обязательный общий хор, на котором Лукушина разучивала с нами новую песню про Ленина и Сталина:

*Ой, как первый сокол,
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом,
К другу обращался...*

Затем обед, зимой «мёртвый час», два часа труда и перед ужином личное время – самое долгожданное, когда можно было исчезнуть от воспитателей во главе с вездесущим Микрюковым.

Наступила весна, и везде надо было мне побывать, т. к. уже места становились знакомые, обжитые. Шмаков поручил нашей группе ремонт и изготовление новых скворечников – их наделали больше тридцати. Я впервые в жизни изготовил сам скворечник, повесил его рядом с детдомом на дереве так, чтобы можно было наблюдать за ним из класса. С этих пор началась моя любовь к скворцам, которая не прошла и сейчас. Опять начались лесные палы – пожары, опять меня тянула речка с её ледоходом, пруд с его кишачими чёрными гальянами, мельница с водопадом, мокрые луга, кочки и лес, стеной подступавший к детдому со стороны Уголков. Возвращался мокрый, грязный, исцарапанный. И вот уже опять эта проклятая линейка, где никак не ускользнуть от Микрюкова. Руки и ноги опять покрылись цыпками. Кожа покраснела, потрескалась, из рубцов сочилась кровь. Тихая и добрая няня Нечаева Наталья Ивановна ворчала, смазывая солидолом мои раны:

- Вот пострел, что натворил! Эк, угораздило! Где же тебя так носит? Зачем ты лезешь в воду? Смотри, что творится с руками, ногами?

- Ой, больно! Не надо так! Тихо, тише, очень больно!

- Всё, всё! Не дёргайся! Сейчас только перевяжу ноги вот этими кусками простыней. Старайся не елозить ногами, чтобы ночью не сорвать. К утру заживёт.

И, правда, утром было значительно легче. Но наступал день, опять всё забывалось и я с Таликом, Алихновичем и Желонкиным опять лезли в пруд за мордушками, выслеживали

лягушек и их икру между кочками в болотах. Лягушечья икра висела крупными шарами между кочками, и мы любили ею кидаться в тёплой воде так, что к вечеру остатки икры были в ушах, на голове и на одежде. В лесу плюхались с высоких кочек, оступаясь, когда зарили гнёзда сорок и ворон. Опять я начал получать выговоры и наказания от Микрюкова, и моя мечта попасть в поход со Шмаковым на озёра рухнула. Шурка стал писать стишки и маленькие рассказы в стенгазету – его стали хвалить.

К матери в прачечную мы забегали теперь реже. В тесном помещении всегда был пар, душно, влажно. Бельё везде лежало горками – и стиранное и грязное, мокрое, глаженое. Пахло щёлоком, мылом и дымом от печки. Мать заученными движениями на ребристой доске «ширкает» бельё правой рукой, придерживая левой снизу бельё и доску. Мыльная пена накапливается, и мы хватаем её, пускаем пузырями. Зимой интересно было наблюдать, когда мать заносила мороженое бельё, которое топорщилось, занимало всю комнату. От белья исходил приятный свежий запах. Мать жаловалась, плакала, трясла озябшими руками и совала их к печке, ругала ужасный мороз и всю эту «проклятую жизнь». Поплавав, начинала нас угощать чем –нибудь немудрящим – картошкой, овсяным киселём, хлебом с комбиджиром. Жаловалась, что Микрюков её «заедает», придирается, возвращает часто в повторную стирку абсолютно чистое бельё, унижает её досмотрами, ревизиями и проверками; маркирует каждый кусок мыла по нескольку раз в день. Ей трудно обстирывать почти 200 человек, а помощницу он не даёт, но зато следит, чтобы она не «ходила и не ела на кухню». Было жалко её, больно было смотреть на её слёзы, а иногда, после её громких причитаний навзрыд мы и сами ревели.

- Ой, да на кого же ты нас поки – и - и – нул, отец наш доро – о – о –гой! Ой, да где ж ты наш корми – и – и - лец? Ой, да за что же с детьми мучаю – ю – ю – сь?

Мать голосила так, что мы не выдерживали. Такие причитания, такое безутешное горе матери сразу нас «брало» - было жалко мать, себя, Шурку и мы тоже начинали плакать. В такие минуты я вспоминал отца и начинал соображать:

– Почему мы здесь? Как это получилось? Почему мать не говорит правду нам? Кто виноват, что нас оторвали от родного дома и сослали в эту проклятую Сибирь? Ведь Сталин хороший – он не знает о нашем горе, а то бы помог нам освободиться. А отец почему – то молчит и не заступится за нас? Где он? Живой ли? Если живой - почему не приедет, не заберёт мать и нас к себе?

Так хотелось отцовской ласки – прижаться бы сейчас к чуть колючим щекам и бороде. Часто вспоминал отца, но он всё дальше уходил от меня в неизвестность...

Как – то мать встретила меня встревожено и со слезами:

- Коля, сегодня ночью меня чуть не задушил домовый!

- Как это?

- Легла поздно ночью, много было стирки. Перед тем, как ложиться, вышла на улицу. Ти - и - хо в деревне, даже собаки не лают. Только полная луна ярко светит, бледно - бледно

всё вокруг... И так что – то жутко стало мне от этой луны. Вошла назад, в сенцах крючок накинула, и только дверь в прачечную открыла – вдруг как загремит таз с печки! Затряслась, испугалась я сильно – с чего это он упал? Никого же не было! Кошку я не держу, кто бы это мог таз уронить? Потушила лампаду и быстрее на лавку – постель у печи. Накрылась с головой старой дохой, что дал Вахонин. Лежу, дрожу и вроде стала засыпать. И вдруг явственно слышу, вроде, спрыгнул босиком кто – то с печки. Мне жутко - страшно кричать, не кричать? Ой, боже мой, шаги. Ти – и – хо идёт ко мне. Вот уже близко... дыхание, медленно ложится рядом, легонько отталкивая меня. Сковало всю, оцепенела от страха, а руки волосатые, холодные тянутся к горлу и сжимают, сжимают всё сильнее... Заорала, закричала я и сверхъестественным усилием сбросила огромную тяжесть домового... Исчез он, и только за печкой раздалось – КХУУУУ! Проснулась я, зажгла лампадку, трясусь, оделась и убежала из прачечной ночевать к Ольге Шарандак. Колечка! Что же делать? Я теперь боюсь здесь ночевать...

Я, как мог, стал утешать мать, а сам опасливо поглядывал на печь:

- Мама! Да это тебе, может, приснилось. И вот что я слышал от местных. Домовых и леших в лесу здесь, правда, хватает. Бояться их не надо - они в каждом доме живут. И вот, если он пристаёт к тебе, надо спросить – к худу или к добру ты здесь, бабушка?

Весна была дождливой, холодной. Но вот нас, наконец, вывели копать, сажать в огороде детдома. Нам с Таликом и Алихновичем дали другое задание – вкапывать короткие и толстые берёзовые чурочки вдоль всего здания по натянутому шнуру, чтобы они выступали над поверхностью на высоту спичечного коробка. Получалась красивая отмостка. Яшка Алихнович не столько помогал, сколько мешал - кидал комки грязи в кого –нибудь, кто не видит. Вчера его выгнала из класса Елизавета Микрюкова за то, что он выпустил посреди урока из - под парты воробья и весь класс следил за ним. А перед этим он выпустил у неё же на уроке лягушку.

Елизавета была здесь же, она кричала на всех, суежилась, её резкий скрипучий голос слышался отовсюду. Какое – то время она очутилась около лужи, которая ещё сохранилась рядом с детдомом. И вдруг в лужу откуда – то сверху ухнула большая глыба грязи, и обдала Елизавету с ног до головы. Та опешила, покраснела, потеряла дар речи, вся растерянная, в грязи - кинулась бежать отмываться. И тут мы увидели на крыше Алихновича. И когда он успел туда забраться? Злой и красный Микрюков куда – то побежал, принёс длинную лестницу и стал ставить к крыше дома. Алихнович взлетел к самому коньку крыши, понёсся от Микрюкова, оступился, заорал, покотился по крутому откосу и брякнулся с высоты второго этажа прямо на наши чурочки. Ну, всё – конец Яшке! Когда мы подбежали - он не дышал, был бледен, лицо всё было в крови. Микрюков подбежал, перепугался, закричал:

- Медсестру! Быстрее кто –нибудь, бежите за медсестрой!

Прибежала, охая, маленькая Мария Леонидовна. Что – то начала совать под нос Яшки. Он зашевелился, очнулся, заморгал виновато глазами, приподнялся. Его положили в лазарет, откуда он сбежал через полчаса.

С Алихновичем мы любили бывать на водопаде. На верхнем пруду стояла деревянная мельница, и был сброс воды через широкий деревянный жёлоб в нижний пруд. Мы любили кидать в жёлоб лопухи, щепки, палки. Интересно было смотреть, как они с высоты трёх - четырёх метров несутся по бурному жёлобу, летят в водопаде, исчезают в глубине и далеко выныривают. Как – то мы бегали - бегали от одного края моста плотины к другому и Яшка не удержался, заорал, рухнул за своим лопухом прямо в водопад. Я перепугался, закричал - взрослых рядом никого. Алихновича тоже нет. Исчез, утонул! Стало жутко...Мы же ещё не научились плавать. И вдруг далеко в пене показалась бритая лопухая голова Яшки. Ура! Его прибило к берегу, я побежал и подал руку. Он вышел с полными отдутыми карманами воды.

В эту весну, когда деревья от сока особенно гибкие, мы с Яшкой научились кататься на них. Выбирали стройные, высокие, гибкие вёсла, иву и тальник. Забираешься на соседнее дерево и прыгаешь, стараясь ухватить за самую вершину. Дерево гнётся под тяжестью и всё быстрее - быстрее летишь с визгом к земле, как на парашюте. Не раз и не два мы падали с Алихновичем, когда не считаешь дерево, и оно резко обламывается. Один раз я упал так, что был без сознания несколько минут - не мог никак вздохнуть. Дыхание замерло, больно ужасно, из глаз слёзы, стону. Но вот, наконец, первый вздох! Ура! Жизнь продолжается! Несколько дней после этого случая больно было вздохнуть, грудь, бока болят. Но пройдёт немного времени и опять тянет покататься на деревьях...

Уже перед сенокосом Шмаков выполнил своё обещание. Собрал группу передовиков и повёл в поход за Жирновку, Юрковку и Вершину на озёра. Озёр там было три и расстояние до них составляло где – то около тридцати километров в один конец. Были одни ребята – всего 12 детдомовцев. Из нашей компании никто не попал (говорят, отбирал кандидатов сам Микрюков). Мы все очень завидовали им. Сашка Пагын мне потом всё подробно рассказал:

- Колька, как здорово было! Как хорошо – ягоды, грибы, малина, а рыбалка! Каких карасей таскали! Здоровенные лапти, как из золота - жёлтые! А на лодке накатались по озёрам от души! Один раз Шмаков настрелял нам рябчиков, нажарили у костра – вкусно!

- Сашка, а медведей не видели?

- Нет, но следов полно было. Но вот какое чудо мы видели. Взял меня Шмаков на охоту - на глухаря. Шли долго, глухарей спугивали не раз, даже стрелял он, но не везло - улетали. Шмаков разозлился, что взял в этот раз малопульку, раззадорился, увлёкся, я еле поспеваю по буреломам за ним. Начали плутать, уже было не до птиц. Анатолий Афанасьевич начал нервничать – лишь бы к ночи вернуться в зимовье. И вдруг лес раздвинулся. Показалось какое – то новое большое озеро. Шмаков свистнул:

- Эх, куда меня занесло! Красотище! Слышал я от охотников об этом озере! Это же километрах в семи - восьми от нашего лагеря! Хорошо хоть догадываюсь по приметам, куда идти – рассказывали охотники. Ну, Сашок, давай окунёмся, и пойдём быстрее назад! Уж больно красивое озеро! Доведётся ли ещё раз побывать здесь!

- Ну и что? Вот это и есть чудо – озеро?

- Да нет! Слушай! Подошли мы к берегу. А вокруг озера, как воротник – полоса зелёного мха шириной метров десять. Ноги так и проваливаются чуть не до колен. И вдруг смотрим - от берега пошла какая – то рябь и тень в воде. Остановилась. Пригляделись – в воде бревно. Господи! Да это же огромная щука! Метра два или больше! Глаза жёлтые, злые – с чайное блюдце! На огромной голове древний мох шевелится. Страшно стало мне. А щука – бревно насмотрелась на нас и тихо - тихо уходит вдоль берега вглубь озера. Мы стояли, как замороженные. Опомнился Шмаков, схватил малопульку, прицелился в жёлтый глаз щучары – старухи древней и выстрелил. Буря поднялась в воде, как граната взорвалась! Ушла щука! Ждали, смотрели минут десять, даже прошли вдоль берега. Нет, не всплывает! Живая осталась, видно.

- А купались после этого?

- Эх, ты! Смельчак выискался! Даже Шмаков не решился, а я тем более. Попробуй в гости к такой ведьме попасться – утащит ведь!

По вечерам в свободное время иногда собирались на спортплощадке учителя, пионервожатые, взрослые и некоторые младшие воспитанники, рабочие кухни и даже несколько деревенских – поговорить, поделиться новостями, погрызть коноплю, семечки и просто пообщаться. Радио, света, телефона, газет на деревне ещё не было. Все новости доходили через людей, ездивших на быках и, редко, на лошадях в областной город по работе. А первая машина появилась у нас только в 1949 году. Так вот, заведут взрослые костерок от комаров, вынесет Спирина пару керосиновых ламп, все рассядутся кружком и потечёт тихо беседа. Кто –нибудь спрашивает:

- Виктор Павлович (Татьянин), Иван Афанасьевич (Коржавин), Михаил (Мозолевский) – расскажите о войне!

Затянутся махрой фронтовики и начинают по очереди рассказывать о прошедшей неслыханной войне, о своих убитых и покалеченных товарищах, о военных страданиях, приключениях и подвигах. Запомнил рассказ Коржавина, как он чудом спасся от смерти. Курит, сплёвывает постоянно и негромко рассказывает:

- Был как – то жестокий бой. Немцы бомбили нас непрерывно – и с воздуха, и миномёты, и артиллерия. Оглушило меня и контузило. Очнулся - наших нет, лежу раненый в глинистой луже в окопчике. Пролежал час или два, чуть очухался, слышу вдалеке разговор. Высунулся – немцы с автоматами наперевес тихо идут. Притворился мёртвым, ещё глубже в грязь залез - только голова торчит над водой. Вдруг, когда немцы уже были рядом, на нос возьми и прыгни лягушонок. Уселась лягушка, скребёт лапками в

самые ноздри - того и гляди чихну. Терплю изо всей силы, т.к. чую – немец на меня смотрит. Пнул он меня сапогом, лягушка спрыгнула, а немец пошёл дальше. А потом меня через ночь спасли наши.

Я любил слушать такие рассказы о войне, прикорнув где –нибудь, чаще всего около Ольги Федосеевны. У женщин уйма других разговоров – о жизни, работе, семье, детях. Спирина Надя рассказывала, как они спаслись от голода с дочкой, заманивая и ловя собак, кошек, ворон и сорок, которых убивали, варили и ели. Про то, как вырезали печень и сердце у замёрзших китайцев, она старалась не вспоминать.

Вспоминаю рассказ Татьяниной – молодой красивой женщины:

- А вы знаете, что в нашей деревне живёт ведьма? В самом крайнем доме, как идти на Жирновку, проживает старая бабка Силаиха. Притворяется больной и немощной, а на самом деле ночами она превращается в чёрного огромного ужа, который выдаивает, высасывает из вымени соседских коров молоко. Ей богу, сама видела в своём хлеву этого ужа! Висит на сосках, раздувается, а корова плачет...

Инка Пономарёва подхватывает:

- Как – то смотрю: уже поздно вечером забралась к нам в огород огромная чёрная свинья. Чёрти что? Чья она – не знаю! Я её выгнала из огорода, огрела дубиной, гоню потихоньку через ручей от Волковых на край села ко двору Силаевых. Густая крапива, лопухи, конопля и сумрак сплошной Исчезла вдруг свинья! Куда она делась? Я уже только хотела вернуться назад - вдруг неожиданно свинья показалась рядом, остановилась, повернула голову ко мне и так жутко смотрит на меня... Блеснули у неё глаза огоньком, страшно мне стало, волосы вмиг стали дыбом. А свинья оскалилась, жёлтые клыки покрылись пеной. Я как заорала не своим голосом, и бежать от неё! А свинья за мной! Еле успела заскочить в дом...

Тема ведьм, чертей, домовых, леших была самой неиссякаемой. Я очень любил слушать про всё это – было страшно, но интересно. Причём, все верили в это, и я убеждался не раз, что всё это неспроста. Многим явлениям, о которых я расскажу позже, до сего времени не могу дать оценки.

Первые друзья и враги.

Кажется сегодня мне, что у нас с тобою было две страны.

Первая страна вставала на виду у всей земли. Радостно рапортовала!

А вторую вдаль везли. Вмиг перерубались корни. Поезд мчался по полям.

И у всех, кто есть в вагоне, «сто шестнадцать пополам»...

Р. Рождественский.

В комнате, где мы художничали, я ещё больше подружился с Таликом Нестеровым. Если у меня с рисованием ничего не получалось, то у него был явный талант и его рисунки сразу же начали вешать на выставке работ в общем зале. Рыженький, худенький, курносый, с торчащими ушами – этот мальчик был застенчив, добр, никогда ни с кем не конфликтовал и не повышал голоса. Его веснучатое лицо всегда улыбалось, глаза были внимательны и умны. Талик стал главным художником стенгазеты, в которой отражалась вся наша жизнь. В спальне наши койки стояли рядом – вечерами мы долго шептались. Перед отбоем у нас был свободный час. Что тут творилось? Шум, гам, хохот, игры, все гоняются друг за другом, взрослые мальчишки заигрывают с девочками, щипают и таскают их за волосы. Мы с Таликом вечно заиграемся и не успеваем сбежать на улицу в туалет, а тут команда – «отбой!». В углу большого зала был гардероб, где стояли тесными рядами вешалки с нашими пальто, а в самом углу находилось ведро с тряпками и метла нашего истопника Спириной Нади (матери Клавки, которая тоже выжила). Мы с Таликом с затаённым сердцем вечерами после отбоя пробираемся в заветный угол и писаем в ведро, а зачастую и мимо. Спирина пожаловалась Микрюкову, и он устроил засаду из числа старшеклассников. Однажды мы были с победным криком схвачены и приведены в учительскую. Всех подняли по тревоге, выстроили. Микрюков был красный от гнева:

- Опять этот хулиган Углов! До чего дошли наши воспитанники – не жалко труда своих матерей! И этот тихоня! Завтра же вдвоём выпустите экстренный выпуск стенгазеты под названием «Ссыкуны!» Всем отбой!

Весь следующий день мы просидели над газетой (я писал обличающий текст), а Талик очень выразительно нарисовал двух писающих мальчиков среди вешалок с пальто. Над нами все смеялись и ещё долго прозывали «ссыкунишками».

Вспоминаю неприятную историю, случившуюся со мной. Как – то чего – то объелся, ночью начался понос. Выскочил в коридор, а дальше нет мочи. Ахнул прямо перед спальней! Утром уборщица Спирина ругается на чём свет:

- Вот черти полосатые! Прямо в коридоре начали гадить! Вот Микрюкову скажу, он сразу узнает, кто это сделал!

Я съёжился от этих слов и молча, пробежал умываться мимо бедной уборщицы, убиравшей мой «грех».

Но Талик попал ещё раз в более неприятную историю. Он тоже чего – то объелся и ночью не успел вскочить, «вложил» всё в свои кальсоны, тихонько снял их и спрятал под матрац. Более недели никто не знал о его поступке. Спирина, приходя в нашу спальню, морщила нос и всё внимательно оглядывала. Однажды она не выдержала:

- Дети! Чем это у вас так воняет? А ну, показывайте все свои тумбочки! Странно, нет ничего. Переворачивайте матрацы! Нестеров, почему не перевернул матрац? О - о - о! Боже мой! Матрац - то уже начал гнить! Сейчас уберу, и пойдём к директору!

Через 30 лет, когда я посетил Шегарку, мы встретились с Таликом в Новосибирске. Это был пьющий холостяк – одиночка. В его грязной малосемейке мы пили водку, запивая её сырыми яйцами, плакали, обнимались, вспоминали детство. Талик показал письма своего деда из Торонто (Канада). Оказывается, его дед – полковник царской армии, работал в штабе у генерала Колчака. Он писал, как они отступали, как в Улан – Удэ были на постое у одной казачки и она кормила их вкусными сибирскими пельменями, как все офицеры пели грустные русские песни и плакали, расставаясь с Россией. Он звал сына в Канаду, но им так и не удалось встретиться. Отца Талика к тому времени арестовали из – за деда, куда – то отправили в лагеря, а семью сослали во Вдовино. Обычная история лютой советской власти...

Близился Новый 1947 – ой год. Два маленьких штриха врезались в память. Средние и младшие группы по очереди раз в десять дней купались в общей бане, которую мы все ждали с нетерпением. Подойдём с песней строем в штольне – дороге среди сугробов снега к бане вечером. Холодно на улице, уже звёзды зажглись на небе, по деревне лают собаки, скрипят сани, где – то пиликает гармонь. По команде бежим в предбанник, в открытые двери входит пар, ничего не видно. Раздеваемся, деревянные шайки в руки и в баню. Хорошо, тепло после улицы, вода горячая, пар, весело, обливаемся тёплой водой, лупимся мочалками изо льна, по очереди передаём кусок чёрного мыла. Благодать какая! Маленьких воспитанников в баню не водили, а купали в кубовой - внутри детдома была небольшая комната между спортзалом и спальней с туалетом для малышей. В кубовой печка с вмонтированным котлом, в котором грели воду, две лавки и стол. В банный день обычно купание 5 – 6 летних малышей растягивалось на весь день, т. к. больше двух, трёх нельзя было искупать за неимением места. Елизавета Яковлевна (жена Микрюкова), искупав мальчика Егорку, поставила его на край печки рядом с котлом, а сама замешкалась с полотенцем. Егорка оступился и начал падать в котёл с кипятком. Шустрая Елизавета успела – таки дотянуться, схватив его. Раздался пронзительный крик на весь детдом. Все сбежались. Ножка Егорки попала до щиколотки в горячую воду. Его тут же увезли в больницу к знаменитому хирургу поляку Дакиневичу. Он вылечил его -

только нога внизу вся была красная. А Елизавету сняли с работы – приезжало начальство из Пихтовки. Она стала работать учителем географии в школе.

Кормили нас неплохо, но мяса не было. И вот уже как – то за 2 – 3 дня до Нового года охотники привезли к празднику в детдом медведя. Шкура у него уже была снята. Весь детдом высыпал на улицу. В санях на всю длину растянулась туша огромного зверя, почему – то белая. Два охотника возбуждены, рассказывают, как добыли из берлоги зверя. Долго мы не могли успокоиться, вспоминая огромного медведя. Через заиндевелые окна я часто, сделав дырку во льду языком, смотрел в лес. Оказывается, рядом с нами, в пяти – десяти километрах в берлогах лежат десятки таких же страшных медведей? Спят и сосут лапу...

И вот в спортзале, рядом со сценой поставили большую, до потолка, ёлку. На зелёных иголках все дружно вешали игрушки, изготовленные самими воспитанниками – разрисованные пустые куриные яйца, шишки – человечки, птички, ёжики, картинки из картона, цветные бумажные гирлянды колечек, тряпичные куклы и рыбки, красную морковку и калину, избушки из спичек и бересты, льняные снежинки. Все выступающие в самодельных масках. На сцене читают по очереди стихи и монологи, под гармошку поют песни соло и группами, танцуют и затем ставят небольшой спектакль. В перерывах Дед Мороз со Снегурочкой достают из мешка почту и зачитывают вслух поздравления учителям, воспитателям, отличникам, передовикам труда. Затем начинается карнавал – хоровод вокруг ёлки. За окнами воет пурга, в зале тесно, коптят шесть керосиновых ламп, душно, но всем очень весело! Ложимся поздно, встаём позже обычного, весь день разговоры о празднике. А на следующий вечер опять чудо – впервые в жизни смотрю кино! Ёлка и кино – всё это новое и необыкновенное! Как прекрасна всё же жизнь!

Крутили какой – то движок до изнеможения два дня старшекласники вручную, меняясь поочередно, а на белой простыне, натянутой на стене, лихой Чапай скакал с саблей в руках на беляков. Киномеханик Вася читает громко вслух на весь зал текст. Мы ёрзаем от волнения, видя, как белогвардейцы идут в психическую атаку, а Анка с пулемётом медлит стрелять.

Интересно, весело прошла первая зима в детдоме. И вот уже потемнел снег, в воздухе бродит хмельной ветер, пахнет весной. Меньше спится. Иногда просыпаемся рано, до подъёма, от стука приносимых Спириной берёзовых поленьев к печке. Переговариваемся с Таликом. Слышно, как загудела печка - тепло пошло по спальне. Ребята все спят. Мечтаем о будущем лете. Договариваемся опять убежать из детдома подальше вдоль речки вверх. Интересно узнать, что там? В последнее время много разговоров о предстоящей Пасхе. Говорят, что даже обед и завтрак будут лучше, чем обычно. Наконец, рано утром входит в спальню Ефимия и будит всех:

- Дети, вставайте! Сегодня Пасха - воскрес Христос! Быстро выходите смотреть, как солнышко играет и радуется этому событию!

Я не особенно понимаю, что говорит Лукушина, но и раньше мать упоминала Бога. Выбегаем все в коридор, прилипаем к окнам и делаем во льду каждый себе дырочку. Всем воспитанникам Ефимия даёт по стёклышку, закопчённому с одной стороны. Глядим через это закопчённое стекло на кромку леса. Солнце ещё не взошло, но всё ярче и светлее над краем леса. Лукушина подзадоривает:

- Дети! Сейчас будет чудо! Так бывает только раз в десять лет, когда нет туч! Внимание!

Мы дрожим от возбуждения и, наконец, все вскрикиваем - над кромкой леса показался край солнца! И впрямь чудо! Солнце дрожит, подпрыгивает вверх, вниз, как мячик! Это чётко видно через закопчённое стекло. Солнце играет, смеётся, радуется и приветствует детей – пришёл праздник, пришла весна! Сколько с той поры прошло времени, но я больше никогда не видел подобного чуда!

С наступлением весны меняются хозяйственные работы. Начинается посадка деревьев, копка огорода. Мы сажаем картошку и овощи.

С некоторых пор ко мне стал приставать, угрожать, отбирать пайки хлеба здоровенный дылда - деревенский парень лет четырнадцати - Пасён Колька. Я его страшно боялся и под угрозой избиения стал недоедать, приносить со стола что –нибудь ему пожрать. Идём строим из столовой. Он уже рядом с детдомом стоит, привалившись к тыну. Манит рукой. Дрожа от злости, гнева и страха покорно, когда распускают строй, несёшь ему оброк. Бесцветные пустые глаза, торчащие уши на маленькой головке «тыковкой», сгорбленная фигурка в фуфайке. Пасён зло шипит:

- Сволочь! Почему мало принёс?

Хватает и крутит больно за ухо:

- Смотри, падла! Завтра принесёшь больше! Только пожалуйся кому –нибудь! Утоплю, как щенка в речке!

Всё это недолго продолжалось. Оказывается, не я один попал в кабалу к Пасёну - уже многие малыши носили ему еду. Старшими воспитанниками было принято решение поймать и избить Пасёна. Началась охота. Несколько раз Пасён уходил от толпы детдомовцев, почуяв неладное (он теперь ходил по деревне только с дубинкой), но однажды был окружён с двух сторон и загнан прямо на середину деревянного моста через Шегарку, по которой ещё плыли небольшие льдины. Мост был без перил. Пасён матерился, крутился, как волчок, размахивая длинной дубинкой с шишкой –сучком на конце, озверело орал:

- Не подходите, суки! Убью!

Дубинка свистела, выписывая круги; никто не нападал, но и не отступал. Пасён решил прорваться и начал наступать в одну сторону, чтобы убежать с моста. И вдруг самый смелый из нас –Алихнович, низко согнувшись, резко бросился под ноги Пасёну. Тотчас же дубинка вскользь прошла по его спине. Алихнович вскрикнул и упал ничком. Но этого

мгновения хватило, чтобы с тыла кинулись несколько ребят под ноги Кольки, а затем и вся орава навалилась на упавшего Пасёна. С каким наслаждением я тоже бил кулаками обмякшее тело моего мучителя! Только ещё раз в жизни я бил такого же мерзавца с таким же остервенением и такой же толпой, но это было в тридцать лет! Еле шевелящегося Пасёна взяли за руки, ноги, раскачали и бросили с моста в ледяную воду. На удивление, Колька вынырнул сразу, плача, грозя и крича, выбрался на берег и убежал домой. Алихнович постонал, побряхтел, но, окружённый нами, сам пришёл в детдом. С той поры он завоевал у нас огромный авторитет. Я начал тянуться к нему, и он на время затмил даже моего скромного друга Талика.

У нас в это лето собралась довольно хулиганистая компания – Колька Свинин, Борька Перепелица, Бобров, Желонкин и Воропаев. На вечерней поверке только нас разбирали и ругали. Начались весенние палы, и мы часто, увидев из окон класса дым в лесу, без разрешения срывались с урока тушить пожар. Первый, как всегда, кричит Алихнович, который плохо учился и постоянно смотрел в окна:

- Ребята! Горит лес! Айда, за мной!

Самые отчаянные срываются с мест. Учительница кричит:

- Что вы делаете? Алихнович! Вернись! Всем сидеть! Успокоиться!

Но куда там! Бежим, не слушаем. Особенно часто трава и лес загорались в районе Уголков вдоль ручья за прудами. Прибегаем. Всё в огне, дыму. Начинаем сражаться с огнём, представляя, что мы на войне. Все раскраснелись. Хлещешь ветками по огню отчаянно, одежда в грязи, подгорела, все заклюстаны, т. к. под ногами вода, уже подпалены волосы, пот заливает глаза! Но вот уже неприятель отступает – огонь затухает! Мы победили! Крик, возбуждение до предела! Возвращаемся, все чумазые и обгорелые, чувствуем себя победителями! Но странно! Нет ни музыки, ни цветов, которыми встречали наших солдат с войны и какие мы видели в журнале перед кино! Мы, оказывается, не победители, а побеждённые, то бишь нарушители дисциплины. На крыльце детдома стоит хмурый Микрюков в окружении воспитателей. Будет взбучка!

В сентябре, октябре занятия в младших классах были через день, т.к. начиналась уборка льна. Старшеклассники же работали ежедневно эти два месяца до снега. Нас водили на Косари дёргать лён. В начале трудовой недели на общую линейку детдомовцев приходили оба председателя колхоза с двумя - тремя бригадирами и распределяли всех, кому что делать, где, в каком количестве и т. д. Большую часть старшеклассников забирал председатель колхоза «Северное Сияние» Рогачев Иван Архипович (его земли были рядом с детдомом в сторону Уголков). Ну, а мы попадали всегда к председателю колхоза «Северный Земледелец» Татьянину Виктору Павловичу - добродушному коренастому мужичку, любившему ребят. Строем уходили через мост вверх по течению Шегарки в сторону деревни Жирновки и через два - три километра приходили к Дегтярному ручью на Косари (когда – то здесь был хутор и гнали дёготь из бересты). Каждому воспитаннику давалась индивидуальная полоска, отмеряли саженом, завязывали пучок льна «от» и

«до» - и, давай, дёргай! Ох, и трудно же было тянуть лён из вязкой болотистой почвы, когда тебе всего девять лет и силёнок нет! Одно дело, когда раз - два дёрнул пучок, а надо было наклоняться и дёргать, дёргать сотни, тысячи раз! К концу дня все обессиливали – пучок льна ухватываешь всё тоньше и тоньше. Вот уже в детской измученной, исколотой ладошке три - четыре стебелька льна и те не тянутся, проклятые, из тяжёлой глинистой земли. Обед привозили в поле. Отобедали и дотемна опять работать! Вечером возвращаемся усталые, ужинаем и сразу отбой - спать.

На следующий день учёба до обеда, затем два - три часа хозяйственные работы на собственном участке детдома за баней – убираем картошку, морковь, капусту. Наконец, наступали долгожданные два часа свободного времени до ужина. Наступала настоящая свободная жизнь! Подбирались компании от трёх человек до пятнадцати и начинали шастать по деревне. Мы были всегда голодные, и с удовольствием делали набеги на огороды на окраинах деревни, чтобы они выходили к лесу. Воровали горох, брюкву, турнепс, морковь (огурцы уже прошли). Заходим издалека лавой, рассыпаемся и ползком, с затаённым дыханием, пробираемся между жердями забора в огород. Быстрее - быстрее что – нибудь ухватишь, и бегом назад, т. к. уже кто – то замечен. Крик, шум! Хозяин гонится за нами. Летишь кувырком через кочки всё дальше в лес, всё дальше от погони. Затем сойдёмся на поляне, хохочем, рассказываем:

- А где Желонкин? Никак попался? Прошлый раз Кольке Свинину дали тумачков - так сейчас он бежал впереди всех, как заяц! Смотрите, и Окишева нет! Он же с нами был?

Начинаем делить трофеи. У кого пучок моркови, кто – то выхватил брюкву или турнепс, а у кого – то ничего нет. У всех царапины или синяки, штаны, рубахи измазаны и разорваны. Не сразу успокаиваемся, хрумая овощи, пересказываем подробности набега. Чаще всего страдали огороды Гордеева, Суходоева, Макарова, Суровых, Пироговых - это в стороне детдома. А в стороне пасеки за селом – огороды Силаева, Гумённой, Гладких и Ревлюк. Но особенно мы охотно лазили в большие огороды – хутора на въезде во Вдовино – у Ивановых, Соловьёвых и Гольских.

Повадились мы бегать в сторону Лёнзавода на хутор Тетеринка - воровать горох с колхозного поля. Я как – то по старому знакомству забежал на завод к механику Полякову. Он здесь, но почему – то скачет на самодельных костылях на одной ноге. Увидел меня – обрадовался:

- Коля! Ты ли это? Выжил? Молодец, молодец... как подросток – не узнаешь! Как мать, брат? Живы? Это хорошо. Солидол не нужен - лечить цыпки?

- Да нет, не надо, дядя Кирилл. Спасибо. А что это у вас с ногой?

- Да вот беда, Коля, случилась в эту зиму со мной. Вожусь я с молотилкой - ремонтирую, да неудобно так. Ногами упёрся в локомотив, а пьяный подручный не заметил меня, и включил его – так одну ногу и затянуло... Хирург Дакиневич во Вдовино мне – то её и оттяпал...

Однажды налетели на горох, увлеклись, зашли в самую середину поля. Шум, крик, визг, не столько едим горох, сколько мнѐм. И вдруг задрожала земля - аллюром мчит к нам на лошади сторож, свистит, кричит. Вот он, уже рядом! Нас было много. Человек 30 кинулись врассыпную, кто куда. От страха ноги у меня в вязком горохе запутались, упал и не в силах бежать, зарылся вниз в гущу гороха, к самой земле. И вдруг краем глаза увидел, что конь скачет прямо на меня, и ничто не помешает ему раздавить меня. Заорал, завизжал отчаянно. Прямо над собой увидел огромные копыта и дикую оскаленную морду коня, с которой сорвалась пена на мою голову. Умный конь перемахнул через меня - только мелькнуло огромное красное брюхо, а рядом с моей головой гулко ударились в землю задние копыта. Сторож тут же развернулся, наклонился, выхватил меня из гороха, заматерился, посадил рядом с собой. Я дрожал от озноба. Сторож не бил меня, но страшно матерился:

- Чертяки! Нечисть! Навязались на наш колхоз! Грёбаный детдом! Одни воры и хулиганы! Наши дети все трудятся день и ночь, а эти только проказничают!

Галопом отвѐз меня в детдом и сдал Микрюкову. Ох, и был же мне разнос на линейке! Микрюков приказом лишил меня просмотра очередного - второго в моей жизни фильма «Свинарка и пастух», из – за чего я разревелся перед строем.

И вот назло Микрюкову мы снова решили бежать из детдома! Лѐн дѐргать осточертело, и мы решили отдохнуть этим же составом. Шурку я звал, но он рос послушным и дисциплинированным мальчиком и отверг моѐ предложение. Убежали в сторону Жирновки за два – три километра от детдома. Недалеко от Косарей мы ещё раз насладились полной свободой. Забрели в самую гущу высоченного конопляника, выломали, выдергали в середине полянку, обмолотили коноплю, а из стеблей сделали шалаш. Днѐм мы принесли с колхозного поля много картошки, а вечером разожгли костѐр и пекли её. На листе жести жарили коноплю и с большим удовольствием хрумали её с жаренной рассыпчатой картошкой. Есть ли что на свете вкуснее этой необыкновенной еды? Было очень здорово. Кругом темнота, немного жутко, снопы искр летят далеко вверх. Мы все, раскрасневшиеся, сидим и уплѐтаем горячую картошку с коноплѐй. Нам весело, все что – то рассказывают и непрерывно хохочут. Мечтаем, строим планы на будущее, вспоминаем, как сейчас мечется зловредный Микрюков. Надо спать уже, но очень всем захотелось пить, и мы пошли к Шегарке. До чего же жутко ночью в высокой - в два роста человека, конопле! Так и кажется, что где – то блеснули глаза волка или медведя! Глухо шумит, шевелится, пугая, стена конопли. Забились в шалаш, прижались друг к другу, заснули. Ночью дрожим от холода, весь день проспали. К вечеру решили сами возвратиться в детдом, т. к. страшно всем стало ночевать вторую ночь вдалеке от деревни. Всем четверым опять объявили выговор, лишили конфеты и очередного фильма «Подвиг разведчика».

В октябре, уже перед самым снегом, Шмаков повѐл всех воспитанников через пустое поле за детдомом к скирде соломы. На зиму мы делали себе новые постели. Старую труху из матрацев и наволочек выбили, а затем заново набили свежей соломой, сильно утаптывая и уплотняя. Шмаков за каждым следил, проверял и приговаривал:

- Сильнее, сильнее притаптывайте! Ногами уплотняйте так, чтобы матрац был круглый, как бочка! Зима долгая. Кто поленится - спать будет к лету на трухе.

Затем, когда все управились, он разрешил побаловаться в скирде соломы. Что тут началось! Мы залазили на скирду и скатывались вниз! Это не забывается никогда! Веселье, крик, шум, визг девчонок, охи и стоны от ушибов! Старшеклассники ловили мышей, коих было множество в скирде, вставляли в задний проход соломинку и надували их. Мышь раздувалась до круглого шарика и не могла бежать. Все хохотали и издевались над бедными мышками. Затем Шмаков привёл нас в детдом, выдал каждому по иголке, нитке и заставил прошивать матрацы особым способом. Ухватываешь ровный слой соломы и обшиваешь его нитками по периметру так, чтобы получилась идеально ровная поверхность, как стол. Затем с другой стороны матраца. При заправке все постели в комнате были ровные и это красиво смотрелось. Первое время, пока не примнётся туго набитая солома, было очень трудно спать. Некоторые матрацы были даже выше спинок кроватей и дети падали во сне с кроватей. А ближе к весне матрацы у всех становились такими тонкими, что панцирную сетку боками чувствуешь.

Уже перед самым Новым годом Анатолий Афанасьевич Шмаков объявил, что при условии хорошей успеваемости, отличном поведении и такой же оценки по «Труду» он летом возьмёт 20 – 30 воспитанников в поход на озёра к Вершине – это самый дальний посёлок в верховьях Шегарки:

- Там мы, ребята, проживём с неделю на зимовье, половим карасей в озёрах. А караси там, нет слов! Огромные, как лопата, жёлтые, как золотые! Они не похожи на наших прудовых – маленьких и серых. Есть лодка, сети, мордушки. А ягод сколько!

Я твёрдо решил побывать там! Надо исправиться!

Последний год в детдоме.

Их тяжкий труд преступно позабыт, их памяти нельзя не поклониться.

Но только вьюга плачет здесь навзрыд и мелкий снег позёмкою струится.

Мы выжили... А тех – затерян след. Бесцельны поиски, их нет на свете...

Г. Попов. Норильский Мемориал (спецвыпуск)

Однажды самый пожилой житель села - старик Саватеев, живший чуть в стороне от деревни, пришёл вечером к нам «на посиделки» в детдом. Его пригласил Коржавин, предварительно угостив стаканом самогона, и попросил рассказать детдомовцам о Вдовино – откуда оно произошло. Белая копна волос, курчавая борода, хитрые, с прищуром глаза - дед Саватей уселся на бревно, прокашлялся, закурил махру и начал:

- Ребятки! Ещё в 18 веке за нынешней Пономарёвкой, где Залесово и Александровка, поселился богатый купец Вдовин. Как – то он с единственным любимым сыном поехал на лодке вверх по Шегарке поохотиться. Высадился на месте нашей будущей деревни. Чуть вдали лес, а по берегам сплошные малинники. Тут – то они и наткнулись на медвежат, переловили их, и купец начал их укладывать в лодке в мешки. Вдруг слышит - там, где остался сын, страшный крик. Схватил ружьё, бегом, да поздно...Разъярённая медведица схватила его сына уже на берёзе и со спины до пят содрала кожу вместе с одеждой. Купец застрелил медведицу жаканом, да что толку? Сын не выжил. Долго безутешно горевал купец, а потом решил на месте гибели сына поставить церковь. Пришёл с людьми, выжег малинники и лес, построил красную церковь, заложил посёлок и прямо от Новониколаевска (сейчас Новосибирск) через тайгу и топи проложил прямую дорогу. Всё своё богатство вложил он в неё! После смерти купца деревню назвали Вдовино, а дорога со временем захирела, без ухода и ремонта провалилась в топи. Теперь – то ездят дальней окружной дорогой вдоль Шегарки, через Пихтовку, что в два раза длиннее.

Это четвёртое лето в детдоме было особенно дождливое. Нас замучили, загоняли на прополку. Осот и пырей подавили все поля, и мы ничего не могли поделать. Старики поговаривали, что будет неурожай. Не было тепла, всё вокруг промокло, на деревне не проехать, непролазная грязь. Как – то с Шуркой и Колькой Свиным удили гальянов на пруду. Подходит Пасён. После избиения и весеннего купания в Шегарке Колька Пасён чуть присмирел, но сейчас опять обнаглел, постоянно заедается. Остановился около нас, придирается, просит закурить, подставил подножку Шурке - тот растянулся в грязи, заплакал. Затем поддел ногой банку с червями у Свиного и сбросил её в пруд. По пути поддал и мне оплеуху. Что мы могли ему противопоставить? Пасёну уже 17 лет, а мне с Колькой Свиным только по десять, да и Шурка такой же маленький и худой. Смотрели

удочки, идём злые, униженные, всхлипываем. Но не только нас обидел Пасён. Что ни день, приходило известие, что кого -нибудь обидел или, хуже того, избил Пасён. Все малыши, да и те, кто постарше, избегали встреч с ним. В деревне у него были свои дружки, и их ватага уже всерьёз угрожала детдомовским. На окраине Вдовино, у дороги на Каурушку, Пасён с тремя такими же великовозрастными лоботрясами встретил наших: Шабанова, Желонкина, Лысенко, Тырышкина, Воропаева и Алихновича. Драка была жестокой и скоротечной – наших здорово избили. Когда они в крови, грязи, в синяках, с заплывшими глазами, заплаканные пришли в детдом, их трудно было узнать. Особенно пострадал Алихнович. Вместо лица у него был сплошной синяк, и только отчаянные глаза – щёлки воинственно блестели на распухшем лице. Время было перед отбоем. Микрюкова и воспитателей что – то не видно. Все, увидев в каком состоянии пришли наши товарищи, дружно решили:

- Да как можно терпеть такое? До каких пор? Пасён совсем обнаглел. Давно надо было дать ему сдачи. Мы что - трусы? Айда, ребята, сейчас же, найдём его и проучим так, чтобы ему больше было неповадно!

Какой – то непонятный глухой порыв единства, ненависти, мести охватил всех нас. Молча выламывали колья из забора, выбирали комья сухой грязи – все вооружались. Тихо, чтобы не вспугнуть деревню, шли толпой – человек пятьдесят. Перешли мост, повернули к базам – скотным дворам у дороги на Каурушку. Самый старший из нас - Околелов остановил всех:

- Тихо! Только не шуметь! Всем прилечь за тополями. В разведку идут со мною Васенин и Самоха. Пойдём, пригнувшись. Ждите нас и не разговаривайте.

Быстро вернулись. Всё складывается удачно. Оказывается, что все четверо обидчиков и ещё трое каких – то ребят и пять девок сидят под тополями около двора Драганчу. Смеются, курят. Околелов командует:

- Молча окружаем со всех сторон двор. По сигналу, как я закричу, сразу нападаем. Только девок не трогать! Смотрите мне!

Охватили двор и быстро напали со всех сторон. Раздались вопли, визг, матерщина. Темнота, но спасает наша единая детдомовская форма. Я тоже кого – то ударил несколько раз, но и самому попало – нос распух и из него лилась кровь. Пасёна на этот раз избили до бесчувствия. Когда убегали - все семеро деревенских еле шевелились на четвереньках, а Пасён лежал молча в луже крови и глухо матерился. По деревне поднялся страшный шум, гвалт, лаяли собаки, люди бежали к детдому. Прискакал на коне сам Горохов – начальник милиции и комендант Альцев. Они орали на Микрюкова и угрожали ему. Нас всех построили, и эта тройка прохаживалась перед строем, глядя в наши лица. Микрюков старался выслужиться:

- Случилось ЧП! Все виновные будут строго наказаны! Мы – что? Воспитали вас бандитами? Сталин вас учит быть такими? За что вас кормят, одевают, обувают, учат? Как теперь смотреть деревенским в глаза, когда вы бьёте их детей? Вот они, все те же, по

синякам видно. Шайка – лейка! Будущие бандиты - Алихнович, Желонкин, Тырышкин, Воропаев, Углов! Пока не скажете - кто зачинщики, спать не ляжете!

Час или два продолжался допрос, но все молчали. Да и наивно было полагать, что кто –нибудь перед строем смалодушничает. Каждый из нас уже знал, что такое коллектив и дружба. Горохов и Альцев уехали, а обозлённый Микрюков продержал нас до часу ночи, пока самые маленькие не стали падать от усталости. На следующий день из детдома исключили двух каких – то старшеклассников.

В этом году на полях был неурожай, и весь детдом кинули на уборку колхозных полей. Мы не учились до 7 ноября и убирали лён. Воспитанники постарше дёргали лён, а девчонки за нами вязали и ставили его в сусла. В редкие минуты отдыха любил я залезть в лён подальше. Ляжешь, тебя не видно и ты никого не видишь. Чистый лён звенит бубенцами, голубые запоздалые цветочки очень красиво смотрятся в пшеничном, загорелом, поспевшем льне. Высоко в небе кружат коршуны, тело гудит от усталости. Как хорошо! В такие минуты вспоминаю отца. Где – то отец живёт и что он сейчас делает? Увижу ли я его когда – то?

Лён убрали быстро и нас начали водить на уборку колосков – это уже было легче. Идём по полю, растянувшись цепочкой, наклоняемся и кидаем в фартуки колоски, а их очень много оставалось после уборки. Шелушим рожь в ладошках, жуём. И так ходили по полям до первого снега – десятки центнеров хлеба сберегли товарищу Сталину! (так говорил Микрюков).

Как – то пришли с Шуркой к матери в прачечную – у неё день рождения! Праздник! Пришли в гости Нюрка Безденежная, Горчакова, Ольга Шарандак – все безмужние. На столе бутылка самогона, немудрящая закуска и откуда – то патефон. Поёт Русланова. На деревянной балке поперёк комнаты прямо по саже, копоты пальцем выведено:

- С тридцатилетием, Анька!

Все весёлые, хохочут. Так это непривычно видеть после всех слёз и уныния. Нас стали угощать, тискать, целовать. А потом запели, загрустили вдовы, всплакнули. Мать удивительно чистым голосом затянула:

- Что стоишь, качаясь, тонкая рябина - головой склоняясь до самого тына...

Нежный мотив бередил душу. Мы с Шуркой притихли, слушая стройный женский хор.

Пришла зима, начались занятия, я успевал – учился хорошо. Жигульская предложила нам с Таликом Нестеровым участвовать в драмкружке. Первая пьеса была про партизан. Я с Таликом играл в массовке и в первый раз не проронил ни слова. Мы «выслеживали и ловили» Вовку Жигульского. Он играл роль главного фрица – офицера. На нём была фуражка с яркой кокардой и настоящий военный комбинезон. Вовка был ослепителен, громко кричал по настоящему немецкому языку, был нагл и смел, «вешал» партизанку Стэлку Невскую, стрелял из чёрного ручного пулемёта и «убил» Шабанова, Гуселетову, Круковца и Новосёлову. Зал негодовал от его злодеяний, и буря восторга поднялась,

когда немецкого офицера поразила пуля Борьки Перепелицы, и Вовка долго извивался, «умирая» на сцене.

Во второй пьесе я играл уже одну из основных ролей – завхоза детдома. Меня загримировали. Брови, борода из пакли, парусиновый костюм и фуражка, сапоги. Ко мне подбегает Нечаева Нинка – она «уборщица» детдома и жалуется:

- Товарищ завхоз! Последняя кочерга сломалась. Что делать? Мне нечем выгребать золу из печек. Напишите заявление директору детдома, чтобы он отпустил мне хотя бы одну новую кочергу.

Я отвечаю:

- Конечно! Вы правы. А почему только одну? У вас вон сколько комнат надо топить. Выпишем несколько, чтобы с одной кочергой не ходить по спальням.

Кричу громко «случайно пробегающему мимо» маленькому детдомовцу:

- Малыш, сюда! Спину!

Он подбегает и под смех зала подставляет, согнувшись, спину. Я достаю из портфеля бумагу, ручку, надеваю очки, строго смотрю в зал и вслух начинаю «писать заявление» директору детдома:

- Прошу отпустить мне пять коче... рё.. Нет – нет! Коче...ры.. Нет – нет! Коче...ргов? Коче.. че.. рыжек? Коч..чч.. ерёг?

В орбиту моих страданий втягиваются «проходящие мимо» воспитатели, учителя – каждый на свой манер подсказывает решение. В зале хохот, когда все растерянно повторяют хором неуклюжее слово и не находят решения. Выручает всех опять «маленький детдомовец». По - моему, был успех.

Милка Невская с пафосом читает Маяковского. Но вот на сцену выходит Вовка Жигульский. Прищуривается и, гордо вскинув голову, начинает:

- *Старик! Я слышал много раз, что ты меня от смерти спас...*

Зал замолкает, все вслушиваются – читает Вовка великолепно! Просят долго – долго ещё почитать и Вовка соглашается. Но это уже другой Вовка! Настоящий артист! Притихнув, погрузившись, он нежно смотрит на сидящих в первых рядах девчонок:

- *Опять я тёплой грустью болен от овсяного ветерка*

И на извёстку колоколен невольню крестится рука.

О Русь, малиновое поле и синь, упавшую в реку,

Люблю до радости и боли твою озёрную тоску...

Девчонки тают от Вовкиного взгляда, заглядываются на него, а он опять становился независимым, сдержанным и холодным со всеми.

На уроках Ольга Федосеевна много нам читала Некрасова, Тургенева, Пушкина и Лермонтова, прививая любовь к русской литературе и русскому языку. Каждый ученик ежедневно читал вслух всему классу отмеченный ему учительницей абзац, а остальные следили за текстом – и это всем нравилось. На её уроках никто не шалил, даже Алихнович. На уроках же Лизаветы всегда было шумно. Крикливый, дёргающий метод учения не нравился никому, её не любили, а Алихнович объявил ей настоящую войну. В этом году у него уже было несколько выговоров.

В начале года на уроке учительница Стеблецова Ольга Ивановна объяснила, как подписывать тетради. Образец подписи мелом вывела на доске и подписала своей фамилией. На переменке Алихнович стёр первые две буквы с её фамилии и все хихикали, пока она не обернулась к доске и, конечно, поняла, чьих это рук дело. Затем Алихнович спёр у Щербинской Марии Леонидовны спирт, проложил льняную верёвочку вдоль стены от своей парты к столу, где сидел Микрюков. Налил там спирт, а затем промочил спиртом верёвочку и поджёг её, как только начался урок и Микрюков уселся за учительский стол. Огонь опалил ноги директора и тот орал, как бешеный, на Алихновича и крутил ему ухо. «Доконал» Яшка Микрюкова тем, что, когда Лизавета в очередной раз выгнала его из класса – он открыл дверь и показал ей, сняв штаны, свой тощий зад. На педсовете его исключили из детдома и направили в детколонию. Больше о нём я ничего никогда не слышал...

Ещё летом Шмаков со старшеклассниками значительно обновил спортплощадку перед детдомом. Сделали турники, городошную площадку и поставили длинную наклонную лестницу (типа современной шведской), опёртую на два гладких вертикальных столба, вкопанных в землю. Это сооружение особенно понравилось мне. По столбам забирались вверх, испытывая силу, гибкость и ловкость, т. к. без сноровки, чуть поднявшись, сразу скользишь и падаешь вниз. Притом это делают сразу двое. Это уже соревнование, кто быстрее долезет до верха. Ну, а мне полюбилось ещё больше подниматься к верху лестницы, перебирая руками перекладины и подтягивая своё тело. Доберёшься до самой вершины – высоко! Страшно вниз смотреть – метров семь! Около этой лестницы вечерами мы крутились, набираясь силы и ловкости. Это были первые задатки спорта, которому я уделил впоследствии полжизни!

Ну, а старшеклассники играли в городки, которые я очень тоже полюбил, повзрослев. А на двух турниках постоянно толпились подростки, подтягиваясь, кто больше и выполняя «склёпку». Девчонки же играли в свои неизменные «догоняжки», «классики», прятки и «карусели».

Вечерами зимой при свете шести керосиновых ламп в большом зале под гармошку проводились репетиции танцев. Усядемся с Таликом и Шуркой где –нибудь в тёмном углу и смотрим на принаряженных девчат и ребят. За окном метель глухо воет, а в зале тепло,

уютно, светло. Бойкая, весёлая Ефимия Лукушина прихлопнет ладошками, призывая к тишине, обернётся к Мишке Мозолевскому:

- Начинаем! Все готовы? Гармонист – русскую плясовую!

Растянет меха Мишка и польётся раздольная русская певучая мелодия. Впереди выступает чернобровая красивая Валька Цалко, за ней черноглазая смиренная Лушка Тэут, затем Солодовникова, женственная Настя Чапой, строгая Соловьёва и красавица Боброва... Притопнув сапожками, навстречу движутся ребята - Обмочевский, Лысенко, Гладышев, Шабанов, Игошкин и Окишев. Плавно и строго, затем весело и задорно идёт перепляс. Незаметно протекает время до самого построения на линейку. После отбоя подвинем все три койки вплотную и шепчемся, обсуждая прошедший день и намечая планы на будущее.

В начале февраля 1949 года в детдоме произошли события, опять круто изменившие нашу судьбу. Микрюков всегда мелочно опекал каждого воспитанника (это я чувствовал по себе), но особенно туго приходилось его непосредственным подчинённым – учителям, воспитателям, рабочим кухни и двора. Начались репрессии местного значения. Вдвоём с оперуполномоченным Альцевым стал практиковать обыск в ночное время у своих сотрудников. При обыске у кладовщика Синановой Людмилы и поваров Киселёвой Любы и Дуси Гладких нашли в подполе излишки продуктов и всех осудили, дав по восемь лет каждой! Их куда – то сослали в ещё более гиблые края. У воспитательницы Нечаевой Натальи Ивановны нашли детдомовское полотенце и выгнали из детдома. Той же участи «удостоились» скотник Зиновьева Галя и истопник Спирина Надя. Дошла очередь и до нашей матери. Тёмной холодной ночью резко постучали в низкую дверь прачечной. На загнетке печки нашли излишний чёрный обмылок, поллитровую банку комбижира и детдомовскую скатерть на столе. Микрюков выгнал мать из детдома, самолично записав в трудовой книжке – «ЗА ВОРОВСТВО!», а заодно и нас с Шуркой.

Впоследствии, когда нас освободили, мать вырвала этот листок из трудовой книжки, чтобы не позориться, но это ей стоило почти четыре года стажа и ей пришлось уходить на пенсию значительно позже. Мать плакала навзрыд, кричала, валялась в ногах у Микрюкова, но он был неумолим. На следующий день Микрюков лично проследил, чтобы с нас сняли до исподнего всю детдомовскую одежду. Ему это явно доставляло удовольствие, как мы все трое плачем растоптанные, униженные и опозоренные.

Когда через много лет Микрюков приехал отдыхать в Кисловодск и нашёл нас – мы встретились. Договорились все трое заранее, что не будем вспоминать всё плохое и отвратительное в этом человеке. Старый, больной, сгорбленный, седой – нам было жалко его! Я его угощал неоднократно в ресторане, дома и на даче, возил по достопримечательным местам и мы всё вспоминали, вспоминали то далёкое время!

Итак, мы сидели полуголые в комнате завхоза, рыдали и не знали, что дальше делать. Опять в нашей жизни наступила чёрная полоса...

Пихтовская зона.

Наперевес конвой взял автоматы в конце колонны, впереди, с боков,

А посредине рты молчаньем сжаты, готовы лопнуть жилы кулаков.

Без лиц, без пола и без возрастов, под вьюгами, морозами, дождями

Они тащили груз своих оков. Гонимые собачьими клыками, шли в бесконечность серые ряды. Пылал восход, кровавыми лучами навеки помечая их следы.

Дорога их мою пересекла. И я боялся в школу опоздать...

Насколько лет я всё же опоздал, чтобы умом и сердцем боль принять!

Норильский мемориал.

Мы провели в детдоме практически четыре года. Это были, пожалуй, самые счастливые дни в Сибири. Мы радовались своему спасению и дышали полной грудью, почувствовав себя нужными кому – то: ведь нас опекали воспитатели и учителя. Эти годы жили как бы в коконе, но и до нас докатывалась местная проза жизни. Мы тогда ещё не понимали полностью в силу своего возраста, в каком адском котле жили. Временно избавившись от голода и холода, мы быстро забыли все невзгоды и несчастья, так неожиданно обрушившиеся на нас. А между тем свирепые репрессии над людьми всюду бушевали и у нас в деревне Вдовино. Только позже узнаем, что мы жили в центре большой Пихтовской зоны, созданной специально для ссылок. Сколько их было – этих зон? Кто знает сейчас и хочет ли знать правду наш народ? Жизнь скоротечна и всё быстро забывается - тем более современная власть все эти репрессии старательно замалчивает. А тогда Сибирь – да что там Сибирь? – вся Россия представляла собой единую тюрьму, единый лагерь, единую казарму, единый колхоз и единую зону ссылок...

И кто это придумал и для чего? Большевики, конечно, проклятые большевики! Им нужны были рабы для бесплатного труда по индустриализации России. Им надо было создать в огромной стране атмосферу страха и беспрекословного подчинения властям. Жизнь отдельного маленького человека для тиранов ничего не значила. Главное – государство, а человек в нём – винтик!

Только в 1955 году закончилась эта кровавая канитель, когда объявили ссыльным всех потоков о свободе.

Ещё до войны сюда направляли огромный поток кулаков и подкулачников - зажиточных работающих крестьян, которые начали здесь строить новые и обустроить старые деревни,

посёлки и хутора. Появились леспромхозовские посёлки: Октябрьский и Усть – Тоя, Вьюны, Боярка, Сташково, Мальчиха и Марчиха, Атуз и Залесово, Пономарёвка, Хохловка, Лёнзавод, Алексеевка, Каурушка, Жирновка, Уголки и Дегтярный, Камышинка, Сосновка и Вершина. Сюда – в Васюганские болота, продолжали методично ссылать после войны потоки людей, независимо от времени года. Здесь безвинно погибли тысячи советских граждан! Самое обидно, что во время перестройки мир узнал всю правду о многочисленных лагерях, тюрьмах, стройках, зонах в России, но нигде и никогда я не слышал ничего о нашей Пихтовской комендатурской зоне. Поэтому считаю большой честью для себя поведать потомкам об этих ужасных местах, т. к. на собственной шкуре испытал «прелести советской власти», о которых сейчас, всё позабыв, жалеют многие россияне. Рядом с нами жили известные люди – Светлана Бухарина, дочь расстрелянного Николая Бухарина. В Пихтовке, куда я впоследствии поехал учиться в восьмой класс, я жил на одной улице с Анастасией Цветаевой – младшей сестрой известной поэтессы Марины Цветаевой. Здесь же жила известная Зара Весёлая – дочь расстрелянного писателя Артёма Весёлого – Кочкурова. Во Вдовинской больнице рядом с матерью работали знаменитые польские медики – хирург Дакиневич Станислав Владиславович и врач Вацлав Константинович Подольский. Кроме этих известных людей, во всех двадцати двух деревнях Пихтовской зоны жили популярные актёры, учёные, певцы, музыканты, художники, офицеры, инженеры, экономисты, преподаватели, медики и масса простых людей. Что касается национального состава, то лично я встречался и знал много русских, белорусов, украинцев, евреев, поляков, китайцев (почему – то очень много), молдаван, узбеков, эстонцев, литовцев, латышей, армян, немцев и кавказцев. Здесь сталинский сапог всюду топтал души ни в чём невинных людей!

Директор детдома Микрюков тоже был сыном кулака. Когда мы встретились с ним через десятилетия в Кисловодске (он отдыхал неоднократно в санатории «Кавказ»), то я не узнал его. Этот строгий и недоступный чиновник превратился в жалкого седого и больного старика. Несколько вечеров мы сидели за рюмкой коньяка, вспоминая прожитое. Разговаривали, перебивая друг друга, обнимались, плакали. Теперь и он рассказал правду о себе:

- Всё не решался я вам с матерью позвонить. Как участнику войны третий раз дают мне бесплатную путёвку в Кисловодск. Сейчас, чую, в последний раз приехал к вам и решил позвонить, поговорить. Во - многом я был несправедлив к вам, Николай! Но время было такое... Жизнь у меня была очень суровая – вот поэтому я, возможно, был слишком строг с вами. Да и с женой не повезло мне. Но всё равно, как не ругай меня, вижу: мои труды по вашему воспитанию не прошли даром. Стал ты на ноги – не последний человек в городе! Многого достиг в учёбе, работе, спорте и в семейной жизни! Ругай – не ругай, а я доволен и горжусь своим воспитанником! Если бы все были такими – другое общество, да и государство, думаю, было бы другим...

- Да что вы, Борис Дмитриевич! Приезжайте ещё не раз – рад буду встретить! И большое вам спасибо и благодарность, что сделали из нас настоящих людей! Ваш труд не

пропал даром. В те времена детдома были настоящей школой жизни – не то, что сейчас. А насчёт... не беспокойтесь. «Кто старое вспомнит...» Лучше расскажите о себе.

- Я ведь тоже детдомовский! В тридцатом году с первой партией вятских кулаков (а после с Алтая много прибыло) нас прислали в Сибирь. Отец, мать, брат и сестра. Все погибли! Я чудом выжил в детдоме. Баржами тянули от Новосибирска. Тысячи людей...Трюмы барж задраены наглухо. Наверху конвойные с овчарками. Руководят коменданты с наганами на ремнях – звери лютые! Трюмы переполнены, думаю, специально, чтобы гибли люди. Темь, вонь, воздуха нет, теснота невыносимая, духота. В уголке закуток – все туда оправляются прямо на пол. Лужи мочи... Дети кричат, старики стонут, проклятия... Задыхаемся. Слабые умирают, кричат. Ад кромешный! Самое главное – за что? всю жизнь родители горбатились... Ни дня отдыха не было и вдруг? Что же это за народная власть? Фашисты так не делали со своим народом.

- Борис Дмитриевич! Но вы же были коммунистом – и каким ещё ярым! Я же помню – вы ежедневно нам читали лекции на линейках о том, какой хороший товарищ Сталин! А теперь?

- Изверг несусветный этот грузин, Николай! Я три года воевал против Гитлера. Что скажу? Первый год войны не хотели наши солдаты воевать, поэтому было почти шесть миллионов пленных и мы отступали. Не верь сказкам – солдат, танков, самолётов, пушек и другого оружия у нас было даже больше, чем у Гитлера. И никакого внезапного нападения немцев не было – это всё рассказы! Мы все знали, что скоро война с Гитлером. Это только для бездарного параноика Сталина было всё внезапно. Он никого не хотел слушать.

- А почему же отступали?

- Практически вся армия состояла из деревенских, а мы помнили расстрелы и репрессии против наших дедов и отцов, которые затеял Сталин, чтобы он горел в аду синим пламенем! Гитлер расстреливал чужих, да коммунистов и евреев, а Сталин свой народ без разбора – от маршала до простого колхозника. Миллионы погибли! Детей даже не жалели – с двенадцати лет сажали в тюрьмы! Гитлеру до Сталина далеко! Такого кровопийцы и мерзавца не было никогда на свете и, наверное, не будет больше! Сейчас вот, наконец, наступила гласность и перестройка. Бог дал России Горбачёва! Его имя останется в истории. Если бы не он - эти кремлёвские маразматика развязали бы третью мировую войну. В ядерной войне погибла бы не только Россия, но и весь мир! И вот что ещё. Я уверен, что в скором будущем будут судить эту преступную партию КПСС и её верхушку. Правда, они так засрали мозги людям, что ещё десятилетия их паршивая идеология будет мешать нам - жить цивилизованно. Но правда всё равно победит!

- Борис Дмитриевич! Но ведь мы в Великой Отечественной войне победили!

- Конечно, победили! Но какой ценой? Пишут, что тридцать миллионов советских людей погибли. А немцы воевали на Востоке, Западе, в Африке и многих других местах, а погибло всего девять миллионов. Это с гражданскими. Чувешь разницу? Вот результат

нашего бездарного генералиссимуса! В войне погибло шестьсот генералов, адмиралов, командармов. А Сталин перед войной уничтожил их тысячу восемьсот! Это же надо – верхушку армии обезглавил! Репрессии Сталина нанесли России непоправимый урон. Я вот только недавно прочитал труды учёных, которые подняли архивы, их расследования, подсчёты и ужаснулся! Если бы не эти репрессии, население России сейчас было бы пятьсот девяносто миллионов! Конечно, это с неродившимися от убитых. Да, мы победили... Начали воевать по – настоящему только тогда, когда немцы повели неправильную политику против нашего народа. Начали также уничтожать всех и вся, жечь деревни. Мы поняли, что это враг страшный и нас тоже за людей не считает. Гитлер такой же дурак оказался, как и Сталин! Разозлил советский народ, и началась Отечественная война! Наш Ванька долго запрягает, но быстро едет! Дали немчуре! Пришёл с войны после ранения, а здесь всё по старому – везде ежедневно восхваляют Сталина и власть комендантская. И что я мог делать в то время? Сам знаешь, «с волками жить, по - волчьи выть!». Если бы я даже намекнул вам что – нибудь о правде нашей жизни, всегда нашлась бы какая – нибудь сука и донесла! Не сидел бы я тогда с тобой сейчас за этим столом, а косточки бы мои гнили где – нибудь далеко отсюда! А доносчиков и сексотов всегда была уйма на Руси...

- Ну, давайте про вас. Привезли вас на баржах, а дальше что было, Борис Дмитриевич?

- Ну вот. Останавливались баржи раз в сутки. Конвойные рассредоточатся на берегу, окружат берег, чтобы не убежали. Выпустят нас - всех шатает, как пьяных. Дадут мужикам лопаты могилу общую рыть, мёртвых выносят другие. Бабы убирают от говна и мочи трюм, застилают пол травой. Кинут немного хлеба и жмыха – ешьте! Вода в Оби... Чуть передохнули – снова в трюм! А могила без креста осталась на берегу. Сколько их по берегам Оби и на островах, куда чаще всего причаливали баржи? Кто считал? Всё забыл народ...

- Борис Дмитриевич! Никто не пытался убежать на стоянках?

- Как же? Бежали самые смелые, но всех поубивали. Один только, помню, парень с острова нырнул в Обь удачно. Стреляли, стреляли в него конвойные, а он нырнёт – долго нет. Затем опять вынырнул – и опять под воду. А течение там сильное и недалеко поворот. Уплыл он - мы все радовались! Так вот. Баржи другие поплыли вниз по течению, а нас выгрузили в устье Шегарки. По грязи весенней гнали вдоль Шегарки до места, где Бакса сливается с Тоей. Выгрузили – живите, как хотите. Дали лопаты – ройте землянки. Работали, как проклятые. Осушали болота, корчевали пни, пахали, сено косили. Кто выжил – на следующий год в колхоз! Уже никто не противился. Комендантов вооружённых сразу трое прибыло – Гонда, Белокобыльский и Беликов. Ох, и звери! Сразу заставили мужиков рубить им просторные избы, чтобы кухня, зал, спальня были, крыльцо высокое от весеннего паводка. Тюрьму заставили построить – и решётки на окнах нашлись. Наказывали за малейшее прегрешение. Опоздал на работу – избыют и в тюрьму! Сказал не то слово между собой, осведомитель донесёт и всё - конец человеку! Свяжут руки за спиной верёвкой и на телегу. Увезут куда – то. Пропал человек! Страх

общий – сегодня его, а завтра тебя! А баб насильовали – и замужных, и девок!
Понравилась – взял силой.

- Борис Дмитриевич! Да что же это такое? Что это за мужики, что женщин своих отдавали комендантам?

- Ну вот, мой – то отец и погиб за жену – мать мою. Красивая она была. Вот Гонда и стал добиваться её. Отослал отца брёвна волоком таскать от бора до берега реки, а сам к матери. Отец, как чувствовал, а может, мать ему и рассказала, что Гонда домогается её. Прибежал домой в землянку, а там Гонда. Дал ему хорошенько отец! Да надо было добить его! Очухался комендант, и на глазах матери застрелил отца! Что ему будет? Да ничего! Вся власть у коменданта. Доложил, видать, наверх, что было нападение на него. А мать мою он, сука, изнасиловал – таки, через месяц после смерти отца. Пришёл к нам пьяный, кинулся на мать. Мы, ребяташки, ревём. Мать сопротивляется, борется. Я самый старший – кинулся на Гонду, брат помогает. Гонда ударом сапога загнал нас всех троих под деревянные нары и изнасиловал мать. Мы в крови – ревём, мать рыдает... Палач проклятый! всю жизнь проклинаяю его! Чтобы он горел в смоле в аду! Мать не выдержала позора и повесилась. А нас всех в детдом, который только что открылся в Усть – Тое.

- Борис Дмитриевич! Что вы рассказали... Оказывается, у вас жизнь была похлеще нашей. А что же с братом и сестрой случилось?

- Померли они в первый же год в детдоме. Брат сильно простудился, а сестра от отравления пищей. Всё только налаживалось – ни продуктов хороших, ни медикаментов. А я из детдома сразу на войну, как восемнадцать стукнуло. Воевал, как оголтелый, хотя это проклятая власть! Не за неё, а за Русь! Не везёт нам с правителями. Сволочная эта власть советская, отнявшая у меня отца, мать, брата и сестру! Это только в последние годы при Брежневe и сейчас – при Горбачёве нам всем стало лучше жить, и нет репрессий. А что было при Сталине, да и при Хруще? Вся страна – зона! Тюрьмы, лагеря, ссылки, бесконечный страх, невероятная бедность. Ни одежды, ни продуктов, налоги, «добровольные» займы. У колхозников отбирали паспорта. Попробуй куда – нибудь уехать! Каждого поросёнка, овцу, курицу, даже плодовые деревья облагали налогами! А всех коров уже при Хруще отняли у населения и в племсовхозы! Говорили – они вас накормят и напоят. Как же – накормили! Уже даже в семидесятые годы за чёрным хлебом с трёх ночи занимали очередь. А о белом и не думали! А строиться - то почему не давали? Земли что ли у нас мало? Вон, говорят, и у вас полгорода снесли (а какие сады были) и переселили всех в каморки панельные, где кухня – четыре квадратных метра. По очереди семья обедает. Что это за власть народная? Эх! Тошно всё вспоминать! Не жизнь была, а каторга! Да – а – а! Что говорить - то? Не буду расстраиваться, закончу. Так вот, на войне ранило и контузило меня. Там же приняли в партию, будь она трижды проклята! Надо же было как – то выживать! Прислали после ранения опять сюда, назначили директором детдома, а дальше ты и сам знаешь...

Дорога смерти.

Нету права на злобу. Но всё же, эпоха, позволь

Узаконить неприкосновенное право на боль.

Если враз околючили столько миллионов,

Сколько, видно, замучили в чреве истории эмбрионов.

Где могилы, пусть даже бурьяном заросшие,

Всех надежд, что расстреляны были в зародыше?

Евгений Евтушенко.

В 1949 году во Вдовино и ближайшие деревни нахлынула новая волна заключённых. Оказывается, комендатура надумала самостоятельно построить через болота и тайгу дорогу от левого берега Шегарки к правому берегу Бакчара. Для чего? Шёл широкий поток заключённых. К нам из Новосибирска по плохой просёлочной дороге (а это 200 километров) и назад из Пихтовки. Внутри зоны действовали суды комендантские и постоянно наказывали провинившихся арестантов за каждую мелочь. Не было покоя никому! Отсюда направляли в тюрьмы и другие пересыльные гиблые лагеря на притоки Оби и дальше. Старая дорога летом практически непроходима – топи. Для сопровождения заключённых нужно много подвод, охрана – всё это долго и дорого. А дорога Бакчарская сокращала это расстояние вдвое. Но не учли эти бездарные НКВД-эшники, как это строительство обойдётся дорого, трудно, а, главное, с какими жертвами. Спешно у нас во Вдовино построили новую большую тюрьму. В селе два пруда - верхний и нижний. Соединялись ручьём, который тёк в Шегарку. Вот на берегу нижнего пруда построили новую просторную тюрьму с несколькими камерами и решётками на окнах. Провинился перед комендантом, не то слово сказал или дневную норму не выполнил – в тюрьму. При допросах били, а строптивых забивали насмерть. Ночью отвезут на Тетеринское кладбище и вычеркнут из списка. Некоторых везли в зональную тюрьму районного села Пихтовки. А оттуда на острова смерти и северные притоки Оби, коих было не счесть! Весной во время паводка и осенью, когда льют постоянно ледяные дожди, дорога на Пономарёвку и Пихтовку становилась непроходимая. А заключённые постоянно убегали независимо от времени года. Поймают – в тюрьму и ночью, когда деревня спит, расстреливают прямо в тюрьме, чтобы не возить по тяжёлой дороге – так канители меньше. Движок включают – выстрелы глушить. Поставят лицом к стенке и в затылок! А другие заключённые ночью при свете керосиновых ламп могилы копают. Всё продумано!

Вспомнил один вечер. Мы повзрослели. Как – то собрались у матери несколько интеллигентных десятилетников, недавно присланных во Вдовино. Уж не помню, какой

это был праздник, но им комендант дал несколько часов отдыха и они собрались у нас. Мать сварила картошки, поставила тарелки с капустой, нашлась и бутылка самогона. Потекла неторопливая беседа. Я с жадностью всматривался в этих людей. И по разговору, и по манере держаться, они не были похожи на наших деревенских людей. Как выяснилось впоследствии, один из лагерников был офицер армии, другой – учёный, третий – инженер, четвёртый – священник, а двое других – врачи. Мать спрашивает:

- Как вам наше Вдовино? Старший комендант у нас свирепый. Наверное, вы уже заметили. Много работаете? Хоть кормят вас? После лагерей – то всё равно здесь легче.

Все хором дружно заговорили:

- Ошибаешься, Анна Филипповна! Жизнь в лагерях много легче, спокойнее, надёжнее, чем в вашей комендатурской зоне. Да и на войне мы все побывали. И там лучше!

- Чем же? Ведь на войне вас могли убить в любую минуту!

- А здесь что? Разве не убивают? Ещё как... Постоянно конвой с овчарками, коменданты с наганами на ремнях – звери лютые. Работаем до изнеможения. Нормы ужасные. Не выполнил – бьют прикладами. И летом, и зимой. Одного нашего товарища просто истязали. Очень он уж был худой, хилый. Нормы для него были просто непосильные, и он даже половину не выполнял. А вертухаи считали, что он просто лентяй. Так что они делали? Летом привязывали его верёвками к дереву, под которым был муравейник. Да привязывали так, чтобы босые ноги чуть верхушки муравейника касались. А руки, естественно, связывали. Муравьи ползают по всему телу – кусают, а комары, мошка, паузы лицо жалят. Бедняга кричит, а конвоиры смеются. Потешатся, потешатся – отвязывают. И так до следующего раза!

- Сволочи, нелюди проклятые! И где сейчас ваш товарищ? Выдержал всё или как?

- В эту зиму сгинул. А дело было так. Обморозил он руки – ноги, ещё больше ослаб от такого питания (одна баланда). Не стал выходить на работу. Его бьют, а он просит, молит конвоиров, показывает им гноящиеся руки от обморожения – все в струпьях. Не могу, мол, ими не только работать, а уже больно шевелить – гангрена началась. А они всё равно его выгоняют в лес на работу. Вот он в лесу как – то заплакал, заорал: «Будьте вы все прокляты Богом, и ваша власть поганая, и ваш Сталин!». Схватил правой рукой топор, а левую ладонь на бревно. Как рубанёт! Ладонь то и отлетела! Взвыл он от боли, кровища хлещет, а конвоиры дубасят его прикладами и сапогами. До смерти забили!

- Что делается? Откуда такая жестокость в людях?

- Сверху всё это идёт, Анна Филипповна, сверху! Там злодей сидит, и такие волчи законы в стране устанавливает.

- А вы – то нормы как выполняете? У нас колхозники трудятся день и ночь задаром. Ставят им палочки – трудодни, а на один трудодень – шиш с маслом!

Один из десятилетников улыбнулся:

- Редко кто норму вытягивает. Но мы приспособились. Осушали мы Жирновские болота. Одни копают, другие грунт отвозят тачками. Норма на человека – десять кубов. Откатка далеко. Кто меньше полнормы сделал – тому штрафной паёк: четыреста граммов хлеба и ржаная баланда один раз в день. А тот, кто выполнил норму – полтора килограмма хлеба и три баланды: завтрак, обед, ужин. Работали попарно. Мы и придумали: один день катаем тачки на тебя вдвоём из твоей канавы. Конечно, норму с лихвой выполняем. Получаем почти два килограмма хлеба: полтора и четыреста штрафных. Завтра работаем на меня, потом снова на тебя. И живём не голодные! Десятник всё это видел, но молчал. Не все были такими жестокими – попадались и порядочные люди. Ему то что? Выработка не уменьшилась, а люди не слабели от голода.

Десятилетники ещё очень долго разговаривали на разные темы, но больше о политике, которая мне ещё не была понятна и просто неинтересна. Разошлись поздно.

С большим сожалением я узнал через некоторое время от матери, что один из наших десятилетников – врач, повесился в лесу на берёзе прямо во время работы. Уж что там произошло, и почему у него не выдержали нервы – не знаю...

Уже перед самым освобождением - в 1954 году я узнал всю правду о строительстве Бакчарской дороги. Один из заключённых, прибывший в 1949 году с большой партией эков на её строительство, и оставшийся на вечное поселение во Вдовино после заболевания туберкулёзом - высокий, худой и всегда мрачный белорус Кадол, жил на нашей улице у одной женщины.

Вечерами мы любили посидеть у нас на завалинке за разговорами с девчонками. Собиралось человек десять - пятнадцать. У каждого была уже своя симпатия. Как – то вечером Кадол проходил мимо. Остановился рядом с нами, поздоровался. Видно, что навеселе. Мы всегда его немножко побаивались. Знали, что он строил рядом с нами в тайге страшную Бакчарскую дорогу, о которой в деревне шёпотом рассказывали ужасные вещи. А тут такой случай представился. Кадол весёлый - может, расскажет правду о дороге? Самая смелая из нас – Ирка Чадаева, спрашивает его:

- Дядя Кадол! Ну, расскажите нам о дороге, которую вы строили? Говорят, что там сейчас вдоль неё ведьмы летают, черти и лешие хохочут ночами. Это правда?

Кадол присел рядом, приветливо посмотрел на всех и тихо начал:

- Можно и рассказать. Вижу, как вы все повзрослели. В стране начинаются перемены. Вы должны знать правду. Да и настроение у меня впервые отличное. Был у Марии Леонидовны. Она осмотрела меня и сказала, что я выздоравливаю.

Отсидел я, значит, пятнадцать лет в тюрьме, можно сказать, ни за что! Скрипел, терпел, ждал, надеялся – выжил! Наконец, освободили! Ну, думаю: скоро увижу свою родную Беларусь! Зачитали приказ - поражение в правах и ссылка на вечное поселение. Думал, что сойду с ума! Но опять перетерпел. Значит, судьба моя такая! Привезли нас в товарных

вагонах в Новосибирск и пригнали к вам во Вдовино. Дело было летом. Деревня понравилась - зелень, река, пруд, лес. Ну, думаю, жить можно. Это же не тюрьма. Может, ещё и семью заведу. Куда там...

- А что не получилось? Деревня наша и впрямь красивая, а женщин одиноких – уйма.

- Так - то оно так! Но знал бы я, что меня ожидают худшие времена. Погнали нас на работу, а там.... ад кромешный!

- Неужели в тюрьме лучше! У нас вон как коменданты пугают Колымой и Воркутой!

- Да в Воркуте я сидел в тюрьмах и работал на шахтах! Уверяю – на Бакчаре у вас было хуже! Как я вывернулся оттуда после двух лет каторги – не знаю! Спасибо туберкулёзу! Хоть немного поживу, а может, Бог поможет, и выживу! Сейчас медвежий жир употребляю с мёдом. Дал старик Саватеев. Говорит - выживешь!

- Ну, расскажите про Бакчар. Мы живём рядом и всякого наслышались.

- Ну, вот что я вам скажу. Дорога ваша Бакчарская страшнее всех тюрем и лагерей, в которых я побывал. Из Вдовино нас погнали в лес к Пономарёвке – километров двадцать отсюда. Посреди большой поляны начали строить бараки. А первое время жили в шалашах. Часть эков строят бараки, а большую часть начали гонять на строительство дороги. Валим весь лес подряд по обочинам пилами поперечными, рубим топорами, тягаем на верёвках к слани. Укладываем ряд в ряд. Тонут в болоте наши брёвна. Какой – то инженеришка выбирает путь посуше. Так и виляет наша дорога, как бык поссал! А ширина - чтобы две телеги разъехались. Топь, брёвна оседают, добавляем ещё слой на слой.

Воду пили болотную, еда – баланда: мука ржаная и картошка. Котёл на костре – баланда готова. Обедаем по сигналу. Спим в шалашах. Пауты, комары, слепень, мошка заедает. Все распухли. Начались поносы кровавые, истощение, смерть. Многие не выдерживали – убегали.

- Ну и что? Много убежало?

- А куда убежишь далеко? Сзади конвойных несметное число. А вперёд и по бокам сплошное болото! Сколько утопло в трясине – не счесть! А кого поймают перед Пономарёвкой (дорога – то одна!) - там и застрелят! Так наша дорога и продвигалась понемногу вглубь тайги. А сбоку дороги могилы без крестов! За этим строго следили коменданты, чтобы следов особых не было. А могилы... Выкопают в трясине яму и в воду в портках труп.

- Без гробов?

- Какой там гроб! Разве нас за людей считали? Хуже собак обращались! Если норму дневную не выполнил – избивали. Строптивых, кто пытался что – то сказать комендантам, и подговаривал к бунту против невыносимых условий, наказывали ужасной смертью.

Разденут донага, привяжут верёвками к дереву и на весь день – ночь оставляют. Оводы, комарьё, мошка сосёт кровушку. Кричит бедный во всю глотку ночь и день. Сердце разрывается! Всем наука! А конвойные ухмыляются. Звери лютые. Какая их баба родила? Есть ли среди других народов злее наших выродков? А к утру крик всё тише и тише, затем только стон. Утром снимают белый труп без единой кровинки! Страшное зрелище! Столько смертей там было ежедневно! Новых заключённых из Пономарёвки присылали на их место.

- Как это всё терпели? Почему не бунтовали?

- Да, раз не вытерпел один барак зимой. Им давали спать только шесть часов в сутки и заставляли работать по две смены. Так вот, барак поставили далёко от остальных прямо в головке стройки. Пока мы дойдём колоннами утром туда до начала строительства - они должны были произвести подготовительные работы. Расчистить снег, который выпал ночью, подготовить материал и инструменты, зажечь костры, накипятить воды, наварить баланды и т. д. А надо сказать, что туда посылали самых строптивых. И вот как – то утром нас не поднимают, не строят. Весь день провалялись голодные и не пошли на работу. Думаем, что за чёрт? Только к вечеру стало конвойных видимо - невидимо! На следующий день всё стало ясно. В первом бараке взбунтовались – убили девятерых охранников! Барак взяли штурмом. Человек тридцать убили при штурме! А дальше что было, лучше вам не знать!

- Нет, нет, расскажите!

- Ладно! Только, девки, где надо, зажимайте уши. Так вот, пригнали остальных бунтовщиков со связанными руками к нам почти голыми по морозу. Всех нас построили, окружили в три кольца охраной с собаками и начали издеваться над ними на наших глазах. А они уже не сопротивляются. Еле шевелятся, все лежат в снегу окровавленные. Их убивают на наших глазах, чтобы, значит, остальным неповадно было больше бунтовать. Звери, звери! Вспарывают им животы...отрезают уши... носы....члены... выкалывают глаза...травят собаками...добивают прикладами. Всех растерзали! Обезумели совсем, сволочи! Нелюди, подонки!

- Да - а - а... Что творится? Почему всё это? Ну, а с дорогой что?

- Зимой – то строительство тоже не прекращалось. Гораздо быстрее всё шло. Сколько обмороженных было! Умирают, кричат, заживо гниют в бараках. Гангрена ног, рук. Вьюга, пурга, морозы сорокоградусные, а нас всё равно гоняют. Грелись у костров. А весна пришла – наша дорога опять утонула в трясине. Начинай всё сначала – слань на слань! И какой дурак удумал эту проклятую дорогу строить? Меня через два года спас туберкулёз. Врачей иногда присылали. Вот один из них и обнаружил его у меня и ещё у двух десятков человек. Чтобы всех не заразить, посоветовал оттуда туберкулёзников убрать. Ну, кого куда отослали, а меня во Вдовино. Смирный я был, старательный. Комендант сжалился. Врач ему сказал, что через год всё равно умру...

Мы ошеломлённо молчали

А дорогу всё – таки построили. Сейчас ездят по ней на Иксу, Галку, Бакчар и Васюган.

Кто ездил, видели - черепа появляются, кости из трясины. А после двенадцати часов ночи над дорогой якобы летают бесшумно бледные шары. Говорят - это души умерших заключённых. И слышны вой и стоны над всей дорогой. Жутко! Поэтому все боятся и дотемна стараются проскочить. Ещё говорят, что дорога медленно погружается опять в трясины. На костях она! Долго не просуществует...

Уже через несколько лет после освобождения я узнал, что Бакчарская дорога исчезла в трясины и ездят теперь опять по старой. Тысячи людей погибли на ней! И всё напрасно! Как и сама бестолковая и бесчеловечная советская власть! Кровавая власть, подлая, лютая! Большевики - подлые создания! Ничего более бесстыжего, лживого, мерзкого и гадкого не было на земле! Всё на лжи, крови, страхе! Ни в одной стране мира правители так не любили свой народ и массово уничтожали его...

Спасение.

Мнили человека богом, превращали в миф Христа.

А куда вели дороги? Получилось... – в никуда!

Норильская панорама №13

Итак, нас выкинули из детдома! Сняли даже форменную одежду и обувь. Мы сидели полуголые в комнатухе завхоза и ревели. Разгар холодной зимы, на улице метель и тридцатиградусный мороз. Что делать? Мама без работы...

И опять нас спасла моя любимая учительница Ольга Федосеевна. Узнав о нашей горе, она быстро договорилась с местной сибирячкой Лизкой Дроздовой и выкупила у неё за 1500 рублей небольшую пустующую хатку, принадлежащую ей и расположенную рядом с домом Дроздовой. Учительница приехала к нам на санях, укутала в старую Вахонинскую доху и перевезла нас на другой берег Шегарки. Сани остановились перед небольшим домиком (два окна в огород и одно на речку). Распахнулись скрипучие ворота из жердей, по глубокому снегу мы вошли в небольшие сенцы, открыли оббитую мохом и мешковиной дверь – две комнатухи. Еле видно от занесённых снегом окон, холодно. Ольга Федосеевна, прощаясь, сказала:

- Нюся, живите здесь. Хата теперь ваша! Как устроишься на работу - будешь потихоньку отдавать мне долг. Копила я деньги - думала себе дом купить, но пока подожду. Я одна, а у тебя дети! Поживу пока при школе – у меня там комната не хуже. А детям твоим, видно, придётся пропустить этот учебный год – как же без одежды и обуви? У меня больше денег нет, а то бы помогла... Ничего, всё обойдётся, думаю.

Мама плакала и пыталась целовать руки учительницы...

Дроздова пришла, рассказала всё, дала дров – мы растопили печку, и вскоре стало тепло. Нам не верилось – впервые у нас собственный дом! Мы хозяева! Нас теперь никто не выгонит! Лизка, уходя, сказала:

- Теперь будем соседями. Дров больше не дам! Посылай детей в лес – он сразу за огородом. Там много сухостоя. На первое время сойдёт. Огород у вас большой – двадцать соток. Весной постарайтесь вскопать и посадить картошку – вот тогда выживете!

В этот же день пришли соседи, жившие напротив: Кобзева Ольга с детишками - Юлькой, Иваном, Афонькой, Маруськой и малышом Колькой. Познакомились, поговорили, они натаскали нам берёзовых дров, принесли молока и хлеба, картошки и брюквы. Это была семья «раскулаченных» ещё в тридцатые годы. Их отец погиб на фронте. Так мы познакомились с добрейшей дружной семьёй, а, главное, с первым нашим другом на всю

жизнь - Афанасием. Первое время помогали нам и другие соседи – баба Вера Буляк, Зыкины, Шестаковы и Яшка Дроздов. Дрова, картошка, капуста, кое – какая одежда. Так и дотянули до весны. Мать вскоре устроилась уборщицей в сельсовет – к председателю Зайцеву Архипу Васильевичу.

В марте 1949 года неожиданно почтальон Рогачева принесла матери перевод на сумму 400 рублей от дяди Васи, уехавшего по призыву партии на Сахалин ещё до войны. Это был «как гром среди ясного неба»! Дядя Вася, оказывается, всё время искал нас – и нашёл! Он жил на Сахалине вдвоём с женой Евдокией Фёдоровной, детей у них не было... На войне он не был, т. к. у него была бронь – работал директором рыбозавода. Всё это мы узнали из письма на обороте перевода.

А через месяц пришло письмо и от бабушек Оли и Фроси, узнавших наш адрес от дяди Васи. Как они радовались, что мы остались живы! Бабушки жили где – то за Нальчиком и сообщали, что наш дом в Кисловодске на улице Овражной заняли какие – то люди.

Через месяц от дяди Васи пришла посылка с рыбой. С нетерпением вскрыли несколько слоёв плотной бумаги – духмящая копчёная жирная сахалинская рыба! Ничего подобного больше я в жизни не кушал!

Дядя Вася и бабушки описывали все новости, но об отце ничего не слышали, хотя дядя Вася продолжал посылать запросы в разные инстанции. Он остался жив после войны – один из четырёх братьев, и очень надеялся, что Володя жив. Дядя Вася живо интересовался нашей жизнью, природой здешних мест, помогал советами и утешениями не пасовать и пережить временные трудности. Это была новая струя тепла, заботы о нас – мы были кому – то нужны, о нас не забыли! И мы воспряли духом! Мать ходила повеселевшая, теперь мы постоянно ждали весточки. Я часто говорил матери:

- Мам! А вдруг также неожиданно в один прекрасный день к нам приедет отец! Не мог же он пропасть, не мог! Нельзя уйти из жизни, когда тебя так страстно ждут, когда тебя так любят!

Мама обнимала меня, гладила по голове и плакала. Иногда по ночам я просыпался от её глухих рыданий...

Пришла полноводная весна 1949 года. Всё кругом залило водой, по улице шли льдины, вода плескалась у самой завалинки. Мы с Шуркой по очереди катались на цинковой ванне вокруг дома, не раз искупавшись в ледяной воде. На третий день наводнения я сделал самодельные вёсла и уплыл в ванне к Кобзевым. Заигрался с Афонькой, а когда к вечеру собрался назад, понял, что стало ещё глубже – вода прибывала. Старший брат Афанасия – Иван уже давно отталкивал багром от дома большие льдины и тревожно смотрел в сторону Шегарки:

- Колька, останешься ночевать у нас. Мне в эту ночь не спать – ледоход будет ещё часов десять! Мать кричала от вашего дома - грозила тебе! Я не пущу тебя, хоть и рядом, а то

можешь утонуть, если льдина собьёт твой «пароход». К вам – то льдины не доходят. Матери я крикнул, что всё равно опасно, и ты останешься у нас.

Я был несказанно рад и начал опять играть с Афонькой.

Как только потеплело, начали поправлять городьбу вокруг дома и копать огород. Наш дом с одним окном на Шегарку, до которой было 250 – 300 метров, стоял напротив дома Кобзевых и бабы Веры. Справа был дом Яшки охотника, а слева болото. Наш огород выходил прямо к лесу, точнее, околку, за которым было поле, и шла дорога на Жирновку. Всего было около тридцати соток, но треть занимала целина, на которой мы впоследствии стали делать из навоза грядки для огурцов и построили сараи для скота. В конце огорода на целине, рядом с болотом, росла раскидистая ветла, на которой у меня всегда висела дуплянка, и скворцы первые в деревне всегда поселялись в ней. А под ветлой колодец, в который я всегда выпускал чебаков, выловленных в Шегарке, а затем опять их удил.

Когда через несколько десятков лет посетил эти дорогие моему сердцу места, то ни дома, ни колодца, ни ветлы не нашёл. Я долго копался и всё – таки нашёл пенёк от ветлы, оторвал кусочек и теперь он находится всегда на моей тумбочке в спальне, напоминая мне о детстве...

Для ремонта городьбы вырубали в околке жерди и заменяли вместо прогнивших. Двор, где были грядки, мы огородили тыном (между жердями тесно переплетали прутья) от проникновения курей. Сразу же мы с Шуркой сделали два скворечника. Мой был на ветле, а Шуркин – на жердине напротив окон. Тревожно спали всю ночь – займут ли? Чуть свет проснулся, слышу свист:

- Шурка, проснись! Скворцы, кажется, прилетели!

Подскочили к окнам – точно! На Шуркином скворечнике сидит пара чёрных птиц и заливаются серенадами! А как же на ветле? Не одеваясь, выскочил в сенцы:

- Ура! Шурка! У меня шесть скворцов! Драка идёт между ними... Знать, мой скворечник или ветла им всем понравилась! Ну, пусть дерутся! Кто – то же победит...

Мать ворчит:

- Да одевайтесь уже! Хватит торчать на улице! Никуда не улетят ваши скворцы. Поешьте, и чтобы сегодня откинули всю завалинку от дома, чтобы не гнили брёвна. А потом продолжайте, дети, копать целину.

Огород был не копан два года и, по сути, стал целиной. Было очень трудно, но мы старались с Шуркой, т. к. это был наш дом и огород, и нам было приятно это сознавать. Всё! Наконец – то мы не будем больше голодать! А завалинку из земли мы осенью опять набросали до самых окон, чтобы теплее было зимой в избе, и не помёрзла картошка в погребе. Кобзева Ольга дала нам мелкой картошки, и мы посадили соток десять, а на

рядках посадили морковь, лук, бурлак, брюкву, мак и огурцы. Огород в течение всего лета требовал к себе внимания. Надо было полоть, поливать, подбивать, ухаживать.

Мария Леонидовна Щербинская, к тому времени не сработавшаяся тоже с Микрюковым, и перешедшая работать медсестрой в больницу, познакомила мать с заведующей Карпухиной Анастасией. Та взяла её прачкой в больницу. Больница по территории не уступала детдому и находилась за прудом ближе к лесу – недалеко от ветлечебницы.

Около ветеринарной больницы мы тоже толпились. Здесь лечил Захаркин свиней, коров, быков и лошадей. В загоне был огромный бугай, тяжёлый жеребец и страшный чёрный хряк, к которым водили спариваться со всей деревни бурёнок, лошадок и свиноматок. На ограде ветлечебницы вечно «висят» ребятишки – всем интересна жизнь животных.

За ветеринарным пунктом сразу же слева начинаются погреба, склады, скотный двор больницы, а затем и сама деревянная двухэтажная больница с отдельно стоящей кухней, прачечной и хозблоком. А справа огромное пустое поле, примыкающее к пруду, за которым был виден детдом. За больницей далеко – отдельный большой выгон Гольских, за оградой которых вечно бегали злые собаки. Это был самый большой и богатый участок во Вдовино. Он спускался к самой реке, был обсажен с двух сторон густой черёмухой, перед домом была большая поляна. Самые лучшие огурцы и даже помидоры вызревали у Гольских, вызывая постоянную зависть всех соседей и набегу мальчишек через речку. Пацаны убегали от собак, прыгали в воду, а собаки лаяли с берега, не решаясь преследовать.

Чуть пригреет солнце, немного просохнет – затарахтит колхозный трактор «Натик» у Гольских (больше никому не давали). Заговорила деревня:

- Слышь, сосед! «Натик» тарыхтит у Гольских! Пора копать огороды!

А у самого въезда во Вдовино, недалеко от Тетеринского кладбища жил Пирогов со своим многочисленным семейством. Рядом с ним, второй от въезда в деревню, дом деда Саватеева.

Вспоминается тихое январское утро. Я чуть свет налаживаю лыжи – пора бежать в лес проверять петли на зайцев. Чуть заголубело, засинело, деревня ещё спит. Ни звука! Не слышно скрипа полозьев саней, молчат собаки. Свернувшись в клубок, они попрятались в сене – так холодно. Избы стоят по крыши в снегу – всё белым, бело. Только в одном месте поднимается ровный столб дыма из трубы – ранняя хозяйка где – то встала... Мороз ужасный, ноздри слипаются, выйдешь во двор, перехватит дыхание. Тихо, тихо в деревне... И вдруг в морозном воздухе на другом конце деревни:

- Апчи, апчи, апчи!

Это дед Саватеев чихает на всю деревню. Выйдет раненько «до ветру» во двор, выставит белую бороду, заложит в ноздри щепоть табаку и раз десять – пятнадцать ахнет! Слышно не только у нас, а даже у Жабровых, живших на другом конце от Тетеринки у Силаевского

омута. И сразу просыпается вся деревня, люди улыбаются, вслушиваясь в чих деда Саватая. Собаки просыпаются и робко отзываются на чих. Новый день начался!

Чуть раньше матери в больницу приняли кладовщиком Жигульскую Марию Георгиевну, которую также выгнал Микрюков. Мама работала прачкой, объём работы был здесь меньше, чем в детдоме. Но отстирывать вручную бельё, простыни, особенно после операций, было очень нелегко. Мама приходила с работы уставшая, голодная и злая. Мы целиком управлялись дома уже сами. Готовили еду, мыли, скребли ножами некрашенные полы, пилили, кололи дрова, таскали с Шегарки на коромыслах воду, а летом ухаживали за огородом. Мама, охая и ахая, заходит уже поздно вечером в избу после работы - сразу срываемся с мест, встречаем. Она у нас строгая. Шурка разогревает соус, я наливаю в таз тёплой воды и помогаю ей снять одежду, затем она опускает больные, как она говорит, «гудящие» ноги в таз. Сидит, отдыхает. Я мою ей ноги, Шурка подставляет картошку с луком и мать «отходит». Поужинав, забираемся на печь, и мать разрешает немного почитать вслух всем по очереди. Однако, недолго, т.к. керосина в лампе мало и его надо экономить. Шурка читает «Серую Шейку», «Бежин луг» или «РВС». Я любил читать «Дальние страны», «Два капитана» и про Павлика Морозова. Все эти книги мы брали в библиотеке у Василия Павловича Татаринцева. А коротко все называли его Васпат!

Днём мы были свободны. Мама давала задание и уходила рано на работу. К нам, чуть свет, прибегал Афонька и Колька Кобзевы и практически весь день были у нас. Помогали по работе, играли, разговаривали, вместе готовили еду и обедали у нас. Их мать нередко приходила и веником прогоняла домой. Из Жирновки часто стал приходиться Талик Нестеров – его тоже выгнал за что – то из детдома Микрюков, и он жил с матерью в соседней деревне. Талик стал искусным рыбаком. Он вставал рано утром в Жирновке и проходил берегом Шегарки эти шесть километров до Вдовино, постоянно закидывая удочку на омутах. В ведре у него всегда были чебаки, окуни, пескари, скользкие ерши, а иногда и щуки. Он оставался ночевать у нас. Мы варили и жарили рыбу, ели все вшестером (с матерью) её с картошкой и хвалили удачливого рыбака. Накопив червей, на следующий день он уходил уже другим берегом Шегарки в свою деревню назад, и приносил уже своей матери улов. Афонька также сдружился с Таликом, мы всегда его ждали и нередко со своими самодельными удочками все выходили навстречу ему. Удочки у нас немудрящие. Палка из гибкой ветлы или тальника, обыкновенная нитка вдвое, втрое, поплавков из сухого тростника – камышинки и крючок из иголки, обкаленной и согнутой. С крючка рыба часто срывалась, т. к. не было бородка, как у современных фабричных крючков. Это была очень оживлённая и щекотливая тема. Стоим все четверо на каком –нибудь омуте по обоим берегам реки. Глухой всплеск и чей – то крик:

- Видели, какой чебак сорвался? Здоровенный! Вот это чебачище! Чего смеётесь? Не верите? Посмотрите - крючок разогнул!

Я очень любил рыбалку! Есть ли на земле что –нибудь приятнее этого занятия? Присядешь, сольёшься с высокой травой или камышом, не шелохнешься, не разговариваешь, только отмахиваешься от комаров. На душе тревожно и таинственно. Дрогнет поплавок, ещё сильнее, повело, вот ушёл под воду! Сердце бешено застучит,

кровь в голову, рванёшь удочку – тяжело! Мелькнёт белое брюхо огромного чебака и исчезнет в тёмной воде – сорвался! Закричишь от досады, зло берёт, сплюнешь в сердцах. А у Талика чебаки никогда почти не срывались! Одежда у него серенькая, не яркая (рыба не видит) и комары его вроде не кусали, и червей откуда – то он выкапывал красных, жирных! Талик был очень скромный, тихий, весь в веснушках, волосы ёжиком, лопуховатые уши, широкий лоб, худенький и невзрачный. Однако он «тянул» нас к себе – мы его любили самозабвенно. Осенью этой он уехал с матерью куда – то. Милый друг! Ты остался в нашей памяти навечно! Наш мальчик – наш дружище Талик Нестеров...

Жаркое лето 1949 года катилось быстро и незаметно. Безмятежное детство в своём доме, новый круг друзей, новая обстановка хранила свои прелести. С братьями Кобзевыми мы самозабвенно игрались, боролись на лужайках, рыбачили, купались на пруду (на Шегарке ещё боялись), бегали к детдомовским на спортплощадку. Но особенно любили мы в это лето бегать (конечно, босиком) по пыльной дороге на Жирновку на прутиках, представляя «конницу», а также катать колесо – обруч.

Мы также любили катать наперегонки впереди себя обруч из – под бочки. Из жёсткой проволоки изготавливаешь захват – кочергу, изогнув её особым образом. Вставляешь в кочергу колесо – и пошёл катить по дороге, соревнуясь, кто быстрее и дальше. Набегаемся так, что засыпаем мёртвым сном – не разбудишь! Соревновательный дух у меня начался с этих детских игр и достиг апогея, когда я всерьёз занялся бегом на средние и длинные дистанции и достиг неплохих результатов. Во время дождей любили бегать по тёплым лужам, обдавая грязью друг друга. И всё это босиком – обуви нам не давали до самых холодов. Постоянные цыпки на руках и ногах от сырости, грязи и обветривания. На ночь мать всегда густо намазывала их солидолом – щекотало и щипало сильно.

Первая любовь.

За идею мне обидно, что Иосиф растоптал.

Что ты сделал, Джугашвили?

Сталин - ты убийцей стал!

Норильский Мемориал. И. Натрошвили

К осени 1948 года повара Гулину сняли с работы в больнице «за растрату продуктов» и назначили на её место нашу мать. Прачкой Карпухина назначила Спирина, а скотником Зиновьеву. Как только мать перешла работать на кухню - мы стали бегать ещё чаще к ней на работу. Мать очень старалась на новой работе и экономила продукты – лишь остатки с обеда доставались нам. Клавка Спирина - а ей уже было семнадцать лет, всегда высматривала, выжидала меня и грубым голосом просила:

- Колька! Ведь мы же давние друзья с тобой! Не в службу, а в дружбу! Попроси мать - пусть меня покормит! Голодная я страсть!

Но Клавка была не одна. У Зиновьевой Гали были две дочери – моя ровесница Зинка и младшая, ещё более некрасивая, и криволапая (нога у неё была ступнёй внутрь) Любка. К Жигульской в больницу ходил Вовка, а к Духовской Кате её дети Костя и Ирка. С этими детьми у нас с Шуркой завязалась дружба на долгие годы. Мать украдкой собирала нас и всех этих детей в подсобке. Быстро накормит, и мы все разбегаемся в разные стороны. Особенно мать боялась сексотку медсестру Лемю – высокую некрасивую эстонку с холодными рыбьими глазами. Лемю не любила детей и всегда выгоняла нас из больницы. Я любил ходить по палатам и знал многих больных. В лёгочном отделении лежал Хасан – чёрный длинноносый мужик. Нос у Хасана был особенный. Таких в селе ни у кого не было - длинный, с горбом и на сторону. Его кривой нос был предметом шуток всех больных и обслуживающего персонала, но Хасан был добродушен и не обижался.

Завхозом работал молодой Петька Гуров. Он был чуть косой и прихрамывал на одну ногу, любил выпить.

Я любил бывать на скотном дворе больницы. Там было две лошади, шесть ездовых быков и с десяток коров. Часто просил Гурова покататься на лошадях и быках.

Из быков мне особенно нравились два – чёрный молодой Борька и степенный, чёрный с белыми пятнами, однорогий Сохатый. Борька был настолько быстрый бык, что не всякая лошадь поспевала за ним. Во всём селе ни у кого из сельчан, ни в обоих колхозах, ни в детдоме, не было более шустрого быка. Об этом все знали и просили у Гурова только Борьку - в лес ли за дровами, за сеном, в МТС Пономарёвскую, на почту или

даже в Пихтовку за продуктами. Но одновременно у Борьки был необузданный нрав. Когда у него не было настроения - его ни за что не заставишь работать. На Борьке я любил кататься верхом. Прыгнешь с ограды на чёрную, лоснящуюся от силы молодости спину - бык как будто не обижается, заигрывает, весело крутанёт хвостом и побежит резво, легонечко взбрыкивая. Покатает всласть! Если же у Борьки нет настроения – побежит, и вдруг резко остановится. Летишь кувырком через голову...

Просил я у Гурова покататься и на лошадях, но он никогда не давал. Как – то пришёл к нему на двор. Гуров пьяный и почему – то злой. Кручусь рядом, помешал ему, а он ни с того, ни с чего - как крутанёт меня за ухо! Заплакал я. Говорит:

- Ну, ладно, Колька! Не плачь! Садись на коня - покатаю!

Я недоверчиво подошёл - Петька посадил, и я впервые оказался верхом на лошади. На острой спине как – то непривычно сидеть, да и высоко, каждый шаг коня «слышишь» всем телом. Понукнул Гуров коня, и он тихо пошёл по кругу. Вцепился я обеими руками, лёг на шею и уже не рад, что напросился. И вдруг Гуров оскалился, пьяные глаза задорно блеснули, и он вытянул бичом коня. От неожиданности лошадь прыгнула и перешла в галоп. Я недолго держался и упал кувырком. Вскочил. Саднило плечо, было больно, обидно, заревел от злости:

- Гур косою! Гур проклятый! Погоди, погоди, дождёшься! Соберу ребят, дадим тебе...

С тех пор я стал избегать Петьку Гурова и издали всегда дразнил его:

- Гур косою - задаётся колбасой! Гур косою - задаётся колбасой!

Мать у Кости и Ирки Чадаевых – красивая женщина с большими карими глазами и короткой стриженной причёской. И фигура у Кати прекрасная, всё в меру, всегда весёлая, общительная. Тряхнёт задорно короткими волосами, поправляя - Вацлав и Станислав (хирург и врач) без ума от неё. Но повадился к ней в больницу и третий - тоже бухгалтер, но из сельпо, Борис Сергеевич Тростянский. У него одна рука искалечена, но сам он довольно видный и интеллигентный человек. Когда не придёшь в больницу к матери - Борис Сергеевич там, якобы «обменивается опытом». Бухгалтерия находилась в одном помещении с кухней, я часто по ошибке открывал дверь к ней, путая с подсобкой.

К Кате часто в гости приходила её младшая сестра Ира, менее привлекательная, но ещё более оживлённая и весёлая. Всегда под руку с Ириной приходил дородный, довольный жизнью, продавец Касаткин. Я часто бегал в магазин и любил поглазеть, как Касаткин большим ножом режет аппетитный чёрный хлеб, насыпает соль, крупу, достаёт бутылки, облитые сургучом. Но особенно замороженными глазами смотрел, как Касаткин насыпает в кульки бабам круглые глазурованные пряники и сахарные конфеты – подушечки. Я только один раз попробовал пряник и конфету: как – то дал откусить кусочек Витька Шестаков. Очень вкусно! Начали просить у матери купить хоть по сто граммов конфет, но та только устало отмахнулась:

- Вы что - не понимаете? Да на хлеб же нет денег... И следующую неделю покупать его не будем. За долг забыли? Спасибо Ольге Федосеевне – терпит нас. А одежду и обувь к школе? А жрать что?

Стоит у прилавка Касаткин - сытый, жирный. Утирает руки после комбижира о подол халата. Отрезает кому – то отрезки материи разной: ситец, сатин, штапель, крепдешин. Редко, но привозят иногда в магазин какие – то фильдеперсовые чулки - так за ними сразу очередь из женщин. Как только все разойдутся - отрежет толстый чёрный кусок хлеба, посыплет его крупной серой солью и начинает медленно жевать. Я гляжу заворожено и слюни глотаю. Тут только он обратит на меня внимание:

- Тебе чего, малец?

Выскочу из магазина, обогну Крылову избу, иду по дороге к висячему мостику через Шегарку (около Волковых) и размышляю:

- Хорошо Касаткину! Всё своё! Вот сколько хлеба, конфет, пряников! Жри, сколько хочешь! Не жизнь, а малина! Вырасту большим - обязательно выучусь на продавца...

К школе мать справила нам с Шуркой кое – какую одежду и обувь. На мне красовались ещё довольно сносные белые бурки – подарила баба Вера. Новая рубаша, штаны, пиджак. В матерчатой синей сумке носил тетради и книги, чернильницу – непромокашку. Но чернила у меня всегда немного выливались, т. к. сумкой болтал как попало, бросал её, где застала игра, а то и дрался ею. Сумка скоро вся покрылась фиолетовыми пятнами, а за нею тетради, книги, одежда. Сколько мать ругалась, била меня, отстирывала тряпичную сумку, штаны и рубашу от чернильных пятен, но я опять забывался, размахивал сумкой, сбивая осенью репейники, а зимой обтряхивая свисавший снег. Всё опять повторялось!

Особенно гордился тем, что на мне было настоящее городское пальто. Все ребятишки, девчонки ходили в стёганках – фуфайках, а я в старом - Польки Зыкиной пальто. Полька была долговязая, костлявая, с жиденькими волосами девчонка, и пальто ей было короткое. Мать купила по дешёвке у них. На меня же оно было очень длинное – до пят и расклешённое очень сильно в талии. Крутанёшься резко – края пальто веером расходятся, взрослые скалятся, подтрунивают надо мной.

В новом классе и новые и старые знакомые.

Кстати, Стэлка – моя симпатия, переехала в этом году жить в районное село Пихтовку. Их мать - кислородчанку Невскую Наталью, необычайно красивую для этих мест, увёз в Пихтовку какой – то большой начальник, приехавший с ревизией.

Из всех девчонок в классе мне нравились весёлая Верка Мишина, тихая Лерка Аюкова, артистичная Ирка Чадаева, но особенно приглянулась Нинка Суворова. Это была тихая, но не застенчивая, красивая девчонка с «греческо – еврейским» симпатичным личиком. Её чёрные - со сливу, глаза были необычайно красивы, чистое белое лицо, прямой носик, округлый женственный подбородочек, тёмные волнистые волосы до плеч. На маленькой

ладной фигурке всё было к месту. Сапожки осенью и весной, белые пимы зимой, сарафанчик, яркая кофточка. Одевалась она значительно лучше нас и со вкусом. И чем дальше шли годы - тем больше она нравилась мне! Третий, четвёртый классы, вот уже седьмой, а моя симпатия к этой девочке разгоралась год от года сильнее и сильнее... Это была первая в жизни любовь! Сколько часов, дней, ночей передумал о ней, сколько мыслей, дум передумано, и вздыханий, и даже слёз мальчишеских, и драк за неё или просто для неё, чтобы внимание обратила! А песен, сколько разных нежных песен мной пропето! И в каждом слове этих песен - всё о нас двоих, всё о ней, единственной!

На Октябрьские праздники 1949 года пришли в клуб больницы на торжественное собрание. Обычный доклад «под руководством великого Сталина...», затем награждение передовиков. Вдруг Карпухина зачитывает:

- За достигнутые успехи и хорошую работу премировать повара Углову Анну Филиповну полугодовой тёлочкой!

Мы так и ахнули! Живой тёлочкой? Вот это да! Молодец, мама! На следующий день Петька Гуров привёз тёлочку к нам:

- Берегите её! Не вздумайте зарезать! Мать у неё породистая! В мае этого года родилась она. Уже ест всё – овощи, сено. Выпишете сено, морковь, буряк и брюкву у директора. Я подпишу накладную. Есть немного излишков. Не каждому подписываю...

Тёлочку мы назвали Майкой и все трое твёрдо решили вырастить из Майки свою корову. Так нам хотелось молока, пахты, творога, масла! Всё это было у соседей, имевших своих коров. Первое время Майка жила в худом и холодном сарайчике, но наступили морозы и мы решили перевести её к нам в дом. Сколько новых забот навалилось на нас! Майке мы отвели угол сразу у входа, огородили двумя верёвками и на шею верёвку, привязав её к крюку в стене. Изба внутри не оштукатуренная и не крашеная, круглые брёвна на мху, небольшие оконца, полусумрак, душно. Тепло надо беречь - лишняя дверь не откроешь, а с тёлкой теплее. На моей совести была обязанность собирать Майкины отходы. Делаешь уроки за столом на лавке, а сам косишь глазом за Майкой. Вот, слышишь, тёлка расставляется. Стремглав хватаешь банку из - под селёдки, и подставляешь под хвост Майки. Успел – хорошо, не успел – собирай с пола или вытирай! Но всё равно в избе вонища от мочи. Ночью к Майке не встанешь - так утром собирай.

В школе я сидел на две парты дальше за Нинкой Суворовой. Идёт урок, а я не слышу – люблюсь Нинкой. Всё мне нравится в ней! Она сидит за партой с Леркой Аюковой вполборота ко мне и тоже не слушает. О чём – то перешёптывается с худенькой, курносой и веснуцатой Леркой. Вообще – то Лерка тоже мне нравится. Тихая, застенчивая, сероглазая, с короткими русыми волосами «под горшок». Но всё - же ей далеко до Нинки! Вот черноглазая Нинка лукаво улыбается, поглядывая на Вовку Жигульского или бойкого остроглазого Борьку Перепелицу. На меня – ноль внимания! Выглянувший луч света пробился через окно и осветил на её шее завитушки волос, аккуратненькую мочку уха, скользнул по её крепкой и ладной фигурке. Мне хочется с

Нинкой подружиться и провожать её из школы. Хочется, чтобы она меня выделила и обратила на меня внимание, но как это сделать? Решаю - надо побороть на перемене своих соперников так, чтобы Нинка видела. Гордого и заносчивого Вовку – то я поборю, а вот Борьке, пожалуй, уступлю. Хотя, правда, с Борькой ещё по – настоящему не боролся. Всё больше уваливаю, когда он наскакивает. Чего боюсь - сам не знаю... Надо при Нинке повалить Вовку, а затем разделаться и с Борькой. Только постараться изо всех сил - и я его посрамлю перед ней! Вот тогда Нинка и обратит на меня внимание - это факт! Подумаешь, красавцы! Решение проблемы найдено! На ближайшей перемене, видя краем глаза Нинку, заедаюсь:

- Вовка! Давай бороться! Что? Не хочешь? Слабак! Эх, ты - тухляк!

Вовка раскричался и кинулся на меня. Раз и другой раз опрокинул его на пол. Мелькнуло заинтересованное лицо Нинки. Ура! Видела всё! Расхохорился:

- Борька! А ты чего боишься? Давай бороться!

Коренастый Борька был сильнее многих и это всех заинтересовало. Сразу образовался круг. Нинка тут же. Ну, всё! Нельзя упустить момент! Мы завозились в коридоре, кряхтели, приподнимая друг друга за обтянувшиеся штаны и так и сяк. Чувствую - не могу повалить на пол Борьку! Все кричат, подзадоривают, слышу даже Нинкин голос. Она болеет за меня - другого случая не будет! Откуда силы взялись - начал наступать, теснить растерявшегося Борьку. Ну! Чуть - чуть ещё! Ноги дрожат от перенапряжения. Последний раз мотаю Борьку и он, наконец, валится! Но в этот же момент кто – то бьёт мне подножку, и я сам лечу на пол. И Борька уже на мне! Какой позор - наоборот всё получилось! Снизу беспомощно вижу, как все расходятся – уже звонок. Ору:

- Это нечестно! Кто – то дал мне подножку!

Запыхавшийся Борька, поправляя штаны и рубаху, устало отвечает:

- Да тебе это показалось! Всё честно - я сильнее!

Последним захожу в класс, ищу глазами Нинку – она отворачивается. И в тот же миг встречаюсь с радостными глазами Вовки. Ага! Как это я сразу не догадался - кто дал мне подножку? И в этот и на следующий день крутился после уроков около Нинки, но она как будто не замечает меня. А в душе моей что творится! Меня, как назло, тянет к ней, хочется поговорить с ней о чём –нибудь серьёзном, хочется просто рядом пройти с ней. Мать Нинкина работает в колхозе, живут они вдвоём на квартире у деда Пантелея недалеко от школы. Червячок сосёт, тревожит меня, и я решаю проводить Нинку из школы. После спевки нахожу её - она уже одета и выходит с Леркой. Догоняю и не нахожу сил, смелости идти рядом. Так и доходим до дома Нинки. Впереди они, а я плетусь в трёх шагах сзади. Останавливаются у избы - смотрят на меня. На лице моём, конечно, видна растерянность, страх и отчаяние. Обе прыскают и разбегаются в разные стороны. А любовь к Нинке прямо сжигает меня! Третий день не сплю, не ем! Мать заметила, спрашивает меня, что болит? Я уклончиво отвечаю, что всё нормально.

Бреду из школы по глубокому снегу, ничего не видя, а в глазах розовощёкая симпатичная Нинка Суворова. Не замечаю, как вслух бормочу:

- Что делать? Что делать? Нет, не любит она меня! Утопиться, что ли?

В сердцах бросаю сумку с тетрадками в сугроб на взгорке около избы Силаевых.

- Эге! Ты что это - малец? Как это утопиться? Кто же это не любит тебя так?

Вздрагиваю от неожиданности - испуганно оборачиваюсь: это рядом вышагивает и посмеивается в усы белорус Кадол в подшитых валенках. Сразу прихожу в себя, подхватываю сумку и бегу домой.

И вдруг дома приходит идея. Выпрашиваю, вымаливаю у матери два рубля:

- Мама! Хочешь, чтобы я не болел? Ни о чём не спрашивай. Я когда –нибудь всю правду расскажу. Если дашь два рубля, вот увидишь, выздоровею!

Мать верила во все приметы и сама частенько гадала. Она сразу поверила мне и дала два рубля. Радостный, бегу в магазин, покупаю у Касаткина целое богатство – двести граммов конфет – подушечек, обсыпанных сахаром. Дома вырываю из тетрадки два чистых, в клеточку, листа, пересыпаю конфеты в них и тщательно завёртываю. На лицевой стороне большими печатными буквами, чтобы не узнали по почерку, пишу:

- НИНЕ СУВОРОВОЙ.

На большой перемене, когда класс проветривает дежурный Вовка Жигульский, заскакиваю. Вовка у двери в коридоре не пускает, но после препирательств уступает. Отвернулся, кажется, не видит, очень хорошо! Кладу пакет с конфетами в парту Нинки Суворовой. Зашли все, я маюсь, наблюдаю, не заметила...Урок прошёл, затем опять перемена и урок - не замечает Нинка подарка моего! Нервничаю, сам не свой! И вдруг, когда уже кончился последний урок и все начали собираться домой, Нинка кричит на весь класс:

- Девочки! Что это? Что за пакет? Кто это написал на нём мою фамилию?

Все кидаются, разглядывают, разворачивают мой подарок. Нинка кричит:

- Конфеты! Ой, как здорово! Кто же это подкинул?

И вдруг раздаётся злорадный хохот Жигульского:

- Это Углов тебе подарил! То – то он крутился в классе на большой перемене! Я не пускал - чуть не подрались. Жених!

Все смотрят на меня, а я вспыхнул, и по мне видно и так без Вовки! От обиды и злости кинулся на долговязого Вовку, сбил на пол и давай тумасить - еле растащили. Убежал - тут же догоняет Нинка:

- На! Возьми свои конфеты! Не нужны они мне!

Я поддал ещё больше, убегая от неё и от себя...

Четыре месяца прошло после этого. Уже весна была и Нинка как – то очутилась рядом со мной. Шли тихо из школы, молчали. Уже у своей избы, глядя себе под ноги, вдруг грустно сказала:

- А я твои конфеты не съела! Берегу!

Всё перевернулось во мне! Благодарно взглянул на неё, забыв все обиды. С того дня мы начали дружить с ней и больше никогда не ссорились!

Взросление.

Мы знали: выжить можно только стоя.

Вот почему, всё новое приемля

И памятью презрев запретчерту,

Я вспоминаю тех, кто торжествам не внимлет,

Ушёл от нас навеки в мерзлоту...

Норильский Мемориал. Георгий Попов.

Как – то в январе собрались мы с Борисом Сергеевичем за сеном для Майки. В районе Каурушки, километрах в десяти от Вдовино, были покосы больницы, и там из одного стога нам дали разрешение (по выписке) набрать воз сена. А сено (колхозное, детдомовское, больничное и частное) зимой находилось в стогах на полянах в лесу, и по мере его расходования, ездили за ним на быках. Воровства тогда никогда не было, и все строго знали, где стоят в лесу твои стога. Тростянский жил теперь рядом с нами, и мать упросила его помочь. У него долго болела жена - врач Мария Титовна и в эту зиму она скончалась. Борис Сергеевич был интеллигентным человеком, но абсолютно неприспособленным к жизни в этих суровых краях. Поэтому он сразу же сошёлся с Духовской Катей, с детьми которой - Костей и Иркочкой Чадаевыми, мы ещё больше сдружились. Мы запрягли Сохатого и поехали в лес по накатанной дороге на Каурушку. Я одел всё, что мог - напялил и своё и Шуркино, но всё равно было холодно. Стоял тихий январский день. Мороз трещит – под сорок! Бледное солнце, лес весь белый, снег искрится, скрип саней раздаётся далеко. Бык размеренно ступает по дороге, весь в инее, пар из ноздрей. Мы завернулись в старую доху, мёрзнем. Говорить неохота, мороз перехватывает дыхание. Свернули с проторенной дороги по еле заметному следу саней в сторону. Бык тяжело проваливается по брюхо в снег. Несколько огороженных стогов стоят посреди большой поляны. Убираем жерди, загоняем быка, разворачивая сани. Борис Сергеевич командует:

- Коля! Залезай наверх и скидывай сено. Только сначала постарайся сбросить весь снег с верхушки. Подожди, дам сена быку, пусть подкормится.

По берёзкам, перекинутым через стог, залезаю наверх и скидываю снег. Поперёк саней положили четыре сляги, и я начинаю скидывать на них сверху холодное сено, а Борис Сергеевич укладывает и притаптыкает его:

- Не спеши! Подожди, я чуть подравняю. Ну что? Согрелся чуть?

Одна рука у Бориса Сергеевича не работает, ладошка крючком согнута (говорил, что били НКВД-эшники и повредили), сам высокий, худой. Усы, длинный горбатый нос,

мохнатые брови – всё обмёрзло, а лицо красное, как бурак. Ничего у него не получается, сено постоянно съезжает то на одну сторону, то на другую. Ворчит, ругается:

- Сволочная жизнь! Проклятый грузин! Чтобы ему ни дна, ни покрывки!

Я не понимаю, какого грузина он ругает и за что, но сверху подсказываю, куда класть сено. Кое - как воз наложили, стянули жердём сверху и привязали верёвкой к задку саней. Тронули быка. Сохатый изо всех сил натужился – воз ни с места. И так и сяк, батогом Сохатого, но крупный рослый бык не стронул широкий, осевший в снег воз. Много! Пришлось развязать и убрать немного сена. Опять бьём Сохатого – не берёт воз! Сани как вмёрзли в снег! Пришлось почти наполовину сбросить сено, и только после этого Сохатый потянул сани. Только выехали на проторенную Каурушинскую дорогу, как на раскате воз перевернулся, и сено рассыпалось на дороге. Борис Сергеевич от досады ругает меня:

- Колька! Ты же сверху смотрел! Неужели не видел, что я кладу сено на одну сторону больше? Давай быстрее собирать!

А уже темно! Мороз крепчает. Зимние дни на Шегарке короткие! Замёрзли. Я не выдержал и заплакал, еле помогаю недвижимыми руками складывать сено. Наконец, закончили, поехали. Уже давно звёзды на небе, а мороз лютует, внутри всё гудит от голода и холода. Воз идёт боком - опять перегрузили на одну сторону. Борис Сергеевич вилами всю дорогу поддерживает эту сторону саней. Наконец, деревня! Неужели конец нашим мучениям? Никого на улицах – уже спят, даже собаки не лают. На дамбе у нижнего пруда воз раскатился, Борис Сергеевич побежал, запнулся и носом влетел в сугроб. Я вместе с возом опрокинулся на лёд пруда и сено рассыпалось. От бешенства Борис Сергеевич стал заикаться:

- Мать твою так, прости меня Боже! Что за напасть? Немного не довезли! Это чёртов бык виноват! То плёлся, как черепаха, то учуял свой двор - побежал! Ах ты, гад такой!

И начал бить Сохатого батогом. Закричал на меня:

- Беги скорее домой! Я оставлю сено здесь до утра, а быка выпягу и отведу на хоздвор в больницу! Скажи матери - завтра привезу сено к вам.

В эту зиму мы научились кататься на лыжах. Своих лыж у нас пока не было и нам давали покататься Афонька, Витька Шестаков и Толька Горбунов – курносый, веснучатый озорник, любивший при случае похвастать своим мастерством катания с горок. Тихими лунными вечерами вся деревня шумит. Взрослые парни, девки и ребятня съезжает на санках и лыжах на лёд Шегарки с высокой горки у молоканки – там были комендантские погреба для картошки и овощей. Визг, смех, крики, свист разносится на всю деревню! А Толька Горбунов сделал себе (вдобавок к фабричным) ещё и коротенькие лыжи из округлых дощечек большой бочки. Касаются они снега только в одной точке – крутись, как хочешь! Посредине брезентовым ремнём закрепил к пимам, снизу надраил воском до блеска – скользкие! Залезет на вершину погреба, гикнет и понёсся. Навстречу ватага с

санями поднимается, кажется, разобьётся – прямо на них летит! Девчонки в ужасе кричат, визжат. А Толька вдруг перед самым носом делает резкий поворот почти под прямым углом, обойдёт, вильнёт поперёк склона и, как ни в чём не бывало, лихо скатывается далеко вниз и вдоль речки. Как я завидовал ему, его смелости, задору! Так и не смогли мы научиться кататься лихо, как Толька...

В это же лето мы научились плавать. Сначала мы плескались на верхнем пруду и пытались плыть, отталкиваясь одной ногой. Пруд был неглубокий, только в центре метра четыре, и взрослые не доставали дна. Мы плавали около этой промоины и мечтали, когда переплывём на другой берег пруда. Однажды я оттолкнулся - оттолкнулся одной ногой, и не заметил, как неожиданно переплыл середину. Заорал что есть силы:

- Ребята! Переплыл! Ура! Я научился плавать!

А через неделю переплыли пруд Афонька с Шуркой. Уже в конце лета в деревне появилось опять много сосланных китайцев и эстонцев. Необычные люди эти китайцы, да и эстонцы тоже! Китайцы обосновались в большом пустом сарае рядом со скотным двором, а эстонцев разместили в бывшей кузнице. Мы бегали глазеть и на тех и на этих. Пробираемся с замиранием сердца в лопухах к кузне. Ни ворот, ни окон - только слышен внутри говор. Подкрадываюсь к проёму бывшего окна, выглядываю. По всей кузне лежат, сидят на полу рослые белокурые ребята – человек тридцать. Двое грызут крупные куски рафинада. На шорох один обернулся и как крикнет что – то не на нашем языке! Я кубарем слетел с окна и бросился бежать изо всех сил, а за мной все остальные. Смотрим, - за нами никто не гонится. Эстонцы были в деревне до самых морозов, а затем куда – то исчезли. Видать – их погнали конвоиры ещё дальше в болота. А вот китайцы ещё более необычные люди - низкорослые, узкоглазые и широколицые. Мы так и ходили за ними толпой, слушая их лопочущую речь. Двух китайцев взяли временно в больницу на самую тяжёлую работу. Звали их Ли Зи Мин и Фан За И. Остальные китайцы ходили по деревням и побирались. Выпал снег, похолодало, а они ходят оборванные, обмороженные, чёрные, заросшие. В школе висела картина «Бегство Наполеона из России». Вот все китайцы были такими, как французы на картине! Первое время люди опять ещё подавали им кое – что из еды, но затем всё реже стали открывать им двери. И мы были такими же! Чужое горе не особенно трогало тех, кто был в доме и тепле. Время было жестокое и люди жестокие! Часто спрашиваю я себя – откуда у нас было столько жестокости в детстве? Ведь только недавно мы и сами погибали от голода и холода! Вдобавок, дети все по натуре эгоисты. Мысль только о себе составляет долго всё содержание внутренней детской жизни, и другие люди имеют постольку значение, поскольку они соответствуют удовлетворению этого чувства. Такой эгоизм проходит и через всю юность, как, вероятно, эгоистично прорастает в родной почве каждое зерно... А китайцы опять все погибли от холода и голода! Весной находили их десятками в заброшенных сараях, копнах сена и соломы – лежат скрюченные навечно. Теперь все поняли, что власть их присылает к нам специально, чтобы они все погибали...

На Новый 1950 - ый год Рогачева принесла нам посылку от бабушек Оли и Фроси. Впервые попробовали с Шуркой кислые жёлтые лимоны, которые хорошо сохранились в

сушёных яблоках и грушах. В посылке была также пастила - раскатанные высохшие лепёшки из сушёной алычи. Но особенно нам понравилось сгущённое молоко! Это было что – то необычно вкусное! Две баночки молока мы пробовали на язык и растянули - сэкономили целый месяц!

В школе мне опять приходилось сталкиваться с Микрюковыми. Он, будучи директором детдома, преподавал в школе физику, а Елизавета географию. Как – то на уроке я влепил затрещину «выскочке» Вовке Жигульскому, а она увидела это и потребовала:

- Углов! Выйди сейчас же из класса! Я что сказала? Ну что же! Упрямисься? Хорошо... Если ты не выйдешь - я сама уйду!

Это было уже слишком. Елизавета ушла, а все, обрадовавшись передышке, закричали:

- Колька! Не выходи! Молодец! Пусть Елизавета побесится!

Видя поддержку всего класса, приободрился и решил «стоять до конца». Но в этот момент в класс ворвался сам Микрюков и, больно ухватив меня за ухо, вывел из класса. От обиды я заревел, но когда Микрюков ушёл, я стал правой ногой на колено и стал заглядывать в замочную скважину в класс - как там Елизавета? Зазвенел звонок, я поспешил встать – гнилая подошва бурок треснула и отвалилась до пятки. Все высыпали из класса и с интересом обступили меня. Белые бурки были моей гордостью - и тут такое! От досады у меня выступили слёзы, все смеялись, а Вовка злорадно хохотал. Я кинулся драться, но крупная и сильная сибирячка старостиха Ольга Гуселетова, хладнокровно растащила нас. Хлюпая отставшей подошвой, ушёл из школы, не дождавшись конца уроков. В этот день стоял сильнейший мороз. Настроение было паршивейшее – вечером предстояла порка от матери за развалившиеся бурки. Снизу в бурки набивался снег, и я шёл очень медленно, постоянно нагибаясь и вытаскивая его руками. Руки и ноги заоченели, когда, наконец, доплёлся домой. Кое - как недвижимыми пальцами достал ключ от замка, а вставить и повернуть уже не смог. С ужасом понял, что ничего не получится. Ключ несколько раз ронял в снег. И так, и сяк – еле вставил! Повернуть, повернуть, во что бы то ни стало! Руки одеревенели, пальцам больно, обидно - всё бесполезно! Что делать? Пытаюсь отогреть руки, сую за пальто, в карманы, за пазуху – нисколько ни легче! Полчаса толкусь перед дверью – замерзаю ещё больше! Как назло - на улице никого, и вдали не видно нигде! Проклятый день! Заревел от обиды, досады изо всех сил! Из избы Кобзевых, услышав мой рёв, выскочил старший брат Афоньки - Иван:

- Колька! Что случилось? Что ревьешь, как резаный?

Узнал в чём дело - захохотал, подскочил и легко повернул ключ...

В эту зиму мы ещё раза четыре ездили с Борисом Сергеевичем за дровами, т. к. прогорали они у нас быстро. Ездили в Красный лес. Так называли берёзовый лес, вместе с пихтовым – он был далеко от Вдовино. Ближние берёзки жидкие, не «жаркие», поэтому за лесом на дрова и строительство ездили за десять километров. Дорога накатанная, ехать легко, то и дело встречаются сельчане, приветствуют Бориса Сергеевича. Остановятся, покурят

махорку, поговорят. Дорога, как в тоннеле – по обе стороны сугробы нависают, в сторону не ступи без лыж. Снега за зиму наметало до двух метров. По обе стороны дороги часто попадаются яркие и красные кусты калины, на которых сидят белые куропатки. Фыркнут, полетят на дальний куст. В нашей деревне единственный официальный охотник - наш сосед Яшка Дроздов. Коренастый крепкий сибиряк с нависшими мохнатыми бровями и хитрыми глазами – щёлками. Говорят, всё берёт на охоте: медведей, сохатых, лис, косачей, куропаток. Живёт зажиточно. Познакомился с матерью Вальки Долгополовой – та возила в сельпо на быках грузы всякие. Шура Долгополова - высокая, красивая, чернявая, смелая и весёлая. Не чета Лизке Дроздовой! Привозила из райпо Яшке порох и дробь, да приворожила его! Ушёл Яшка к ней. Лизка обезумела от горя, бегаёт по деревне за Яшкой, умоляет:

- Яшенька! Вернись! Мы же столько прожили вместе.... Она же ведьма кавказская, присушила тебя - дурачка. Умоляю, вернись! Не нужен мне твой дом, всё нажитое - скотина, птица. Нужен ты, только ты!

Яшка увёртывается, руки её откидывает, убегает. И заболела, захворала от горя Лизка! Долгими зимними вечерами выслеживала Шурку Долгополову, простудилась и заболела туберкулёзом. Уже весной приехали её какие – то родственники из Пихтовки. Привезли барсучий жир, собачье сало, мёд таёжный и прополис. Да поздно видно – умерла Лизка Дроздова! А рядом с нами теперь жила с Яшкой новая хозяйка...

Эта долгая зима была для нас очень голодной. Мы собрали со своей целины не так уж много картошки. Мать обменяла часть на мешок ржи – вот и все запасы. А ещё надо было сберечь Майку. Необходимо было как – то дотянуть до крапивы и лебеды – тогда все практически весной начинали ею питаться. Только сошёл чуть снег - мы стали ходить на бывшие картофельные поля в сторону Жирновки. Ещё не вязко, между глыбами чернозёма лежит лёд, и вмёрзшая в него картошка. Один бочок, что к солнцу - рассыпается от крахмала. Выдолбишь картофелину - тут же ешь! Вкусно! Только губы, щёки, руки всё в грязи! Насобираем мороженой картошки, разобьём, растолчём толкушкой, добавим немного отрубей или ржаной муки – получаются вкуснейшие оладьи!

Дядя Вася.

Если я народа враг - Сталин форменный дурак!

Если я народу друг - палачу придёт какук!

И. Натрошвили.

Как я уже упоминал - несколько сот сосланных китайцев в эту зиму погибли. Они замёрзли от холода и голода во всех деревнях от Вершины до Пономарёвки. Сотни трупов находили по весне в стогах сена и соломы. Власть прислала их на явную гибель, не дав крова, пищи, одежды и работы. А в больнице (я тоже упоминал) случайно дали работу двум китайцам, из которых один всё – таки уцелел, но и он тяжело болел – над ним сжалились и положили в лёгочное отделение. Бывая в больнице, я сразу отметил его, сначала боялся, но затем стал подходить ближе, прислушиваться, присматриваться, а затем мы с ним подружились. Ли Зи Мин был небольшого роста, волосы маленькие – ёжиком, впереди лысина, широколицый и узкоглазый. Он довольно сносно говорил на русском языке, смешно шепелявя и картавя:

- Нуся! Какая ты холосая повала! Кусно, кусно валила! Пасибо!

Мать ему, видно, очень нравилась, он хихикал, стеснялся и краснел, когда Дакиневич шутливо говорил:

- Ли! Давай женись на Нюсе! Хорошая хозяйка будет! Дом свой - заживёшь!

Китаец смущался, смеялся, отвечал:

- Не-е-е! Вот у меня в Жилновка длуга есть Филиппа! О-о-о! Какой холосый мусина! Вот Нуся для него паля, а я...кхе...кхе.

И вот как – то из Жирновки приехал его друг проведать - привёз кое – каких продуктов для китайца Ли. Это был Пастухов Филипп Васильевич, надолго вошедший в нашу жизнь. Мы с Шуркой как раз были на кухне, когда вошёл Ли Зи Мин с таким же низкорослым мужчиной и сразу от порога залопотал:

- А вот Сулик и Николай – детки Луси! Холосые лебята, очень холосые! Филиппа! Луся будет тебе холосая жена!

Мы не понимали в чём дело, а усатый цыганистый мужичок с приплюснутым носом весело посмеивался и похлопывал китайца по плечу:

- Ну, давай, давай Ваня! Знакомь с невестой!

И неожиданно подмигнул мне. Тут вошла мама с горой посуды, и китаец ещё более засуетился, залопотал:

- Вот Луся, это моя длуга Филиппа. Ой, какой Филиппа! Лаботяга, лаботяга! Вот, Филиппа, вот эта Нуся, Сулик, Николай, холосая Луся, избушка своя!

Так китаец Ли – дядя Ваня, как назвал его «длуга Филиппа», познакомил мать с Пастуховым. Не знаю, понравились ли они друг другу, но с тех пор юркий «утконос», как я прозвал его сразу, стал чуть не ежедневно приезжать из Жирновки в больницу.

В начале апреля 1950 года, когда бушевал страшный снегопад, может, один из последних в том году, в дверь постучали. На пороге стоял лобастый человек с умными спокойными глазами. Невысокого роста, в больших болотных резиновых сапогах, в штормовке, с большим рюкзаком за плечами. Мы с Шуркой испуганно уставились на него. Что – то родное, знакомое исходило от этого доброжелательного лица.

- Да вы живёте в царстве Берендея! У вас же сказка – снега сколько! До крыши! А вход, как в тоннеле! Красотища какая! Ну, здравствуйте, Шурик и Колюшок! Я - дядя Вася! Не узнаете?

Да, это был дядя Вася – младший брат отца! Это был он! Через тысячи километров он приехал из далёкого Сахалина, чтобы увидеть, навестить нас, вселить в нас бодрость и уверенность в будущее! Зашли в избу. Дядя Вася, увидев тёлку, засмеялся, похлопал Майку по спине:

- В тесноте, да не в обиде! Правильно! Хорошо зажили - своя корова скоро будет! К следующей зиме с молоком будете! Молодцы!

Переоделся, достал из рюкзака многочисленные подарки: балык, несколько банок икры и сгущёнки, сухую колбасу, сухофрукты. Но самое главное для нас – дядя Вася привёз много, много цветных карандашей, блокноты, кисточки и краски. Подарил мне толстую книгу «Даурия», а Шурке «Угрюм – река». Я побежал сразу же в больницу:

- Мама! К нам дядя Вася приехал!

Мать изменилась в лице. Затем, радостная и взволнованная, закричала:

- Как? Неужели? Сейчас всё брошу и пойдём! Только скажу заведующей.

Пришли быстро. Мать кинулась к дяде Васе и заплакала:

- Ох! И намучились же мы, Вася! До сих пор не верю, что детей сберегла! Сколько горя, страданий пережили! Сколько рядом людей погибло! Особенно были ужасны три первых года – всё время стояли одной ногой в могиле! О Володе что – нибудь знаешь? Живой или нет?

Дядя Вася сам еле сдерживал слёзы. Он, оказывается, тоже ничего не знает об отце:

- Нюся! Дети! Куда я только не писал за отца вашего. Сталину раза три, Берию, Ворошилову, Будённому – никто даже ответа не дал! Не знаю, что случилось с Володей, но у меня почему – то есть уверенность, что он жив! Будем надеяться!

Сварили картошку, чай, дядя Вася достал бутылочку вина. Выпили они с матерью, дядя Вася говорил о житье – бытие до самой глубокой ночи:

- Живу я в Охе – это небольшой городок на острове Сахалин. Прекрасные места у нас! Море, лес, горы, рыба валом идёт. Красивейший остров! Жена у меня Евдокия Фёдоровна – милейший человек! Души не чаем друг в друге! Вот только деток у нас нет! Она вот вам передала подарок. Всем троим связала тёплые носки и варежки – пуховики. А насчёт вашего будущего вот что скажу! Буду бороться! Писал, и буду писать, посылать запросы в разные инстанции. Даже если Володя в чём провинился – вы не должны за него отвечать. Это какая – то ошибка! Ещё до войны Сталин сказал на съезде колхознику Тильбе – «сын за отца не отвечает!» А вы тем более, несмышленные дети... Кто – то просто перегибает и когда – нибудь ответит за это! Уверен, партия разберётся! Я, как член ВКПб, ничего не скрываю и посылаю запросы в разные министерства. Справедливость восторжествует!

Слова дяди Васи ободряли нас, вселяли уверенность. Впервые я слышал такие слова! Мы все разволновались, мама тихо плакала. Перед тем, как лечь спать, вышли с дядей Васей на улицу. Снег валил стеной – тяжёлыми, густыми хлопьями. Тихо на деревне. Белым – бело всё кругом! Ни скрипа саней, ни лая собак.

- Красотища какая у вас, дети! Вы даже не представляете, привыкли! – восторгается дядя Вася.

Утром мама ушла на работу, мы в школу. Еле дождались окончания уроков, прилетели домой – не узнать! За полдня дядя Вася расчистил дорожки аж до земли к воротам, уборной и вокруг дома. Сбросил с крыши метровый слой снега, подмёл. Да и в избе навёл порядок – у Майки чисто, приготовил обед. У меня к дяде Васи масса вопросов - я его сразу полюбил. Особенно меня интересовали его болотные сапоги - здесь ни у кого таких нет. Они его, оказывается, очень выручили. Пятьдесят километров от Пихтовки он шёл к нам пешком, сейчас никто уже не ездит. Дорогу страшно развезло, под снегом воды до колен. А иногда оступишься чуть – ухнешь по пояс! Сапоги здоровские!

Дядя Вася прожил у нас две недели. Спали мы втроём на полу - разговоры до полуночи. Очень подружились и полюбили его. Он учил нас рисованию как бы заново. Раньше я терпеть не мог рисование, а теперь полюбил! Никогда до этого мы не видели цветных карандашей, а тут целое богатство – десятки красных, оранжевых, зелёных, жёлтых, чёрных, коричневых и синих. Дядя Вася рисовал с нами всё, что окружало нас: дома, коров, лошадей, собак, поля и лес, небо и тучи. Его рисунок «Наш дом» до сих пор находится у меня, и я часто смотрю на него, вспоминаю те счастливые дни. Мы с дядей Васей много гуляли по полям, по деревне, ходили к реке, в магазин, школу, детдом и

больницу. Сделали три скворечника и повесили рядом с теми двумя, что были уже у нас. Много хороших слов сказал он:

- Коля! Шурик! Во что бы - то не стало - учитесь! Вам надо получить в будущем только высшее образование! Как бы тяжело не было в жизни - для вас главное учёба, учёба, учёба! Человек без образования – пол человека! Выучиться надо обязательно! Кроме того - учитесь доброте и терпению к людям! Не делайте зла людям, не завидуйте, умеете дружить! Не ленитесь, работайте, любите мать. Вырастите достойными гражданами нашей страны!

Через две недели дядя Вася собрался в дорогу – надо было уходить до большой воды. Дал матери денег, присели на дорогу. И тут вдруг мать заволновалась, начала говорить:

- Василий! У меня появился человек, который поможет вырастить детей, воспитать их. У меня уже нет сил тянуть одной воз. Мне тоже хочется ещё жить! Не осуждай меня!

Дядя Вася сразу переменялся в лице - тень страдания и сожаления сквозила в его растерянном взгляде. Он долго - долго молчал, опустив голову. Мы с Шуркой притихли. Мать всхлипывала. Мы почувствовали, что совершается что – то важное в жизни! Мать предавала отца, если он был ещё жив! Оправданий у неё, конечно, было больше, чем достаточно, но это был роковой шаг... Дядя Вася, сразу поникший, не глядя матери в глаза, тихо сказал:

- Как же так, Нюся? Самое тяжёлое время пережили. Сейчас дети подросли, уже легче, дом свой, работа есть неплохая у тебя, огород свой большой, корова скоро будет своя. Вы уже выкарабкались. Я буду помогать, да и бабушки немножко - я переписываюсь с ними. А там может и Володя найдётся. Потерпи ещё чуть. Вот если его нет на свете, то вопросов и к тебе нет...

- Нет, Вася! Я уже решила.

Дядя Вася встал, тихо попрощался:

- Бог тебе судья, Нюся! Решай сама...

Обнял нас, поцеловал крепко. На глазах скупые мужские слёзы... Долго махали вслед руками – не обернулся ни разу...

А через три дня в нашем доме поселился Пастухов. Первое время он всячески стремился задобрить нас, разговаривал ласково, приносил гостинцы. Но мы сразу невзлюбили его. Ему было далеко до дяди Васи. Это было небо и земля! Неграмотный (окончил два класса школы) – он даже расписаться не мог сам. Ни рисовать, ни писать, ни рассказывать так интересно, ни почитать, ни поиграть с нами. Куда ни кинься – нет у нас с ним общих интересов! Я со временем привык, притёрся к нему, а Шурка не любил его никогда, говорил, плача, матери:

- Как ты могла сделать это? Мы бы прожили и без Пастухова. Когда мы уже подросли, стало нам легче, и дом свой появился, а ты связалась с ним! Зачем он нам? Что может этот неграмотный пенёк дать нам? Да ещё пьёт и гуляет с чужими бабами! Тряпка ты, мама!

В ответ мать заплачет от обиды, схватит, что попало, и давай бить Шурку. Филипп Васильевич понимал всё, и тоже невзлюбил старшего. Но в доме он сразу горячо взялся за хозяйство. Первым делом он сделал загон для Майки, а затем отремонтировал крышу, полы, сенцы, новый хлев для животных и птицы. Через месяц купил курей, поросёнка, гусей.

Привёз он из Жирновки и собачку по имени Шавка. Коричневая, низкорослая, весёлая дворняга. Я её сразу полюбил и уже нигде с ней не расставался. Изготовил ремешок – верёвочку и везде водил за собой Шавку. Играем в лапту с друзьями, привяжу рядом к кусту, иду в больницу, на речку, в лес, на поля, в магазин – везде со мной Шавка! Парта моя стояла у окна. Приду в школу. Напротив своего окна привяжу Шавку к берёзке, и присматриваю за ней все уроки. Очнусь - Елизавета кричит:

- Углов! Ты где? Посмотри на меня. Что ты смотришь постоянно в окно, а не на доску? А ну, повтори, что я сказала?

А где там повторить, когда мысли мои далеко и я «блуждаю в облаках»:

- Идёт весна – красна! Как везде хорошо, а я вынужден сидеть на этом скучном уроке. Надо бы сбегать с Шавкой в лес погонять бурундуков или зайчат маленьких. Говорят, они уже появились, полно в лесу. Нет, пока ещё идёт последний лёд, сразу после уроков надо сходить к Силаевскому омуту, и попробовать заскочить с Шавкой на большую льдину. Будет ли она визжать?

В начале мая Пастухов свёл Майку в ветлечебницу, и теперь мы ждали от неё потомства:

- Ещё зиму переживём без молока, а потом, дети, будет легче -

– часто говорила мать, и мы с надеждой смотрели на Майку. Нам так хотелось молока, творога, сметаны, масла. Вот уже мне 12 лет, а я не видел этих продуктов! Только у сибирских местных ребятишек всё это было...

Через месяц после прихода Пастухова из больницы выписали его друга китайца дядю Ваню – Ли. Филипп вечером начал издали:

- Матер! Дети! Вы знаете, что случилось в эту зиму - замёрзли сотни китайцев. Остался жив один только мой друг Иван, благодаря больнице. Если мы его не спасём - он погибнет в эту зиму. У него нет ни кровя, ни дома, никого! Давайте возьмём его к нам. Дядька хороший, трудолюбивый. Будет помогать по дому, в огороде, ухаживать за скотиной, доить корову, пилить, колоть дрова, носить воду, присматривать за детьми.

Мать согласилась. Теперь в нашей избушке вместо трёх человек жило пятеро. Стало тесно, и Филипп сказал:

- Ничего! Как –нибудь год продержимся, а на следующий построим новый дом!

Как раз Петьку Гурова перевели заведующим сельским клубом, а завхозом назначили нашего отчима. У завхоза под рукой лошади и быки. Пробивной Пастухов стал ездить в Красный лес и заготовливать брёвна на строительство нового дома. Дядя Ваня ему активно помогал – во дворе у нас росла гора бревен, досок, пахло щепой. Сразу за избой – впритык к ней, там, где были сенцы, поднимался новый сруб, по размерам в два раза шире и длиннее старой избы. На стройке хватало дел и нам. Филипп учил нас правильно держать топор, рубанок, давал задание на день:

- Колька! Шурка! Сегодня отпилите торцы у трёх брёвен – я наметил углём. Только не спешите, чтобы было ровненько. А затем ошкурите эти брёвна. Чтобы было чисто – до древесины!

На следующий день другое задание:

- Завтра заготовите десять мешков мха. Берите в лесу, где повыше, только сухой! Как принесёте, разложите для просушки, а послезавтра будете конопатить.

Конопатить мы любили – это было самое лёгкое задание. Берёшь клочок мха и начинаешь молотком и специальной деревянной конопаткой забивать его в щели между брёвнами. А тут ещё огород надо копать, сажать, полоть, поливать и за курами, гусями, поросёнком и тёлкой присматривать. Всех накормить, напоить, убрать навоз. Весь это год был дьявольски загружен работой. Но мы быстро привыкли к Пастухову и дяде Ване – Ли, помогали хорошо им и они находили время, чтобы дать нам поиграть.

Стало тепло – мы уже бегали босиком. Я с Шавкой бегал по вечерам встречать мать и Филиппа из больницы. Идёшь – уже темно на улицах. И вот у глиница около Волковых заворчит Шавка, залает, рвётся к глинищу, а оттуда раздаётся:

- Проходи Колька! Проходи быстрее со своей собакой! Я здесь караулю Долгополиху! –

Это Лизка – мокроглазка всё мстит Валькиной матери. Шурка Долгополова раз попалась, другой – косы друг другу повывирали. Стала обходить глинище стороной. Теперь она работала в пекарне – быков своих бросила. Я тоже боялся, что когда –нибудь Лизка перепутает меня с Шуркой Долгополовой, или просто со зла даст мне, и стал ходить через пружинистый, на канатах, мостик около Шестаковых. Я любил дойти до середины мостика и покачаться. Шавка распластается по доскам, визжит, а мне интересно. И такая стала ушлая! Как дойду до мостика – упрётся, не хочет идти туда. Я стал втаскивать её на себе – визжит, кусается. Решил проверить – умеет ли Шавка плавать. Сбросил с моста – плывёт здорово! Только убежала от меня домой. Я решил из Шавки сделать не только отличного пловца, но и спортсмена – ныряльщика. Несколько раз сбросил и с большого моста – отлично выплывает! Усложнил задачу Шавке – сбросил её в водопад с мельницы! Шавка вынырнула очень далеко и так отчаянно работала лапами и визжала, что я

подумал – от радости, видать понравилось. Пришёл домой – нет собаки. Не было её и на следующий день. Я везде её искал весь день – нет нигде! Заплакал вечером:

- Мама! Шавка пропала! Что делать? Я весь день искал - нет её. Убежала, видать, от меня в Жирновку. Завтра пойду туда её искать – обиделась она на меня за что - то...

Мать всполошилась:

- Ты что - бил её? Ни в коем случае один в Жирновку не ходи! Через два дня Филипп поедет туда по делам и сам поищет твою Шавку.

Я рассказал всю правду матери. Она не выдержала, и дала мне несколько затрещин.

А через три дня Шавка вернулась. Похудевшая, помятая, из глаз текли слёзы. Я тоже заплакал, стал обнимать, целовать Шавку, просил у неё прощения. Я понял, что Шавке не понравилось регулярное купание, и особенно водопад на мельнице. Больше я не купал мою милую собачку...

Весну мы играли в основном в лапту. За Зыкиным огородом на высоком берегу Шегарки была ровная поляна. Собирались со всей округи мальчишки, девчонки, разбивались на две команды. Один подбрасывает самодельный войлочный мяч, другой размахивается палкой – лаптой и бьёт по мячу изо всей силы. В поле мяч ловит наша команда и старается «засалить», т. е. попасть им в кого –нибудь из мимо пробегающих другой команды; притом бегут часть в поле, часть к бите. Игра интересная - развивает силу, быстроту, ловкость. Мне она нравилась настолько, что за вечер я полностью выкладывался.

Как – то вечером, перед закатом солнца, стоим у ворот с Шуркой вдвоём, смотрим, любуемся скворцами. Все пять скворечников заняты, скворцы заливаются. Было начало мая. Тепло, но еще кое – где ледок хрустит под ногами, солнце село за лес. На ближайшем скворечнике парочка тихо посвистывает, готовится нырнуть в тёплую чёрную дырку на ночлег. И вдруг сзади нас раздался оглушительный выстрел – дуплет из двух стволов. Мы подскочили от неожиданности, а скворечник развалился на части. От бедной парочки скворцов только перья и пух полетели! Одновременно раздался злорадный хохот:

- Ну что? Метко я стреляю? Подбирайте дичь!

Это был Колька Пасён! Мелькнуло - откуда у него двустволка? Но одновременно мы с Шуркой, не помня себя от ярости, кинулись на него, свалили вместе с ружьём в лужу, грязь. Завозились - Пасён был явно сильнее, и скоро мы оба были подмяты. Подоспевший на крик дядя Ваня молча огрел дубиной Пасёна. Тот сразу обмяк, отпустил нас, грязно выругался в сторону Ли:

- Ну, грязный китаёза! Держись! Сейчас я буду тебя убивать! И мне за тебя ничего не будет! Всё равно зимой подохнешь!

Выхватил из лужи ружьё, но дядя Ваня опередил, и второй раз невозмутимо шмякнул дубиной по спине Пасёна. Тот, спотыкаясь, побежал прочь, а из ствола ружья лилась жидкая грязь. Утирая слёзы, кровь и грязь - мы благодарно смотрели на дядю Ваню. А он, видя бегство Пасёна, только сейчас разошёлся. Смешно жестикулировал, что – то громко кричал по своему, лопотал, негодовал. Всегда спокойное и добродушное его лицо изменилось, косые маленькие глазки зло смотрели в сторону убегающего Пасёна. Он весь дрожал, махал вслед руками и дубинкой и быстро, быстро тараторил что – то, бегая взад и вперёд. Это было настолько неожиданно и смешно, что мы все втроём, глянув друг на друга (вероятно и мы с Шуркой, перепачканные и мокрые, были смешны) враз забыли о бедных скворцах и об обиде, нанесённой Пасёном. Все вдруг дружно расхохотались, схватились за животы и больше минуты смеялись, глядя друг на друга...

Любимая учительница.

Напротив новой школы на другом берегу верхнего пруда за мельницей, в здании бывшей школы – четырёхлетки стал интернат. В интернате жили на период учёбы в семилетке дети из соседних посёлков и деревень, где были только школы – четырёхлетки: Жирновки, Юрковки, Вершины и Каурушки. Этим детям привозили родители на месяц продукты. Всю неделю жили, учились в интернате, а в воскресенье бежали домой на побывку, а иногда ехали на попутных подводах и санях.

За речкой мы не забывали и лес. В нашей стороне в лесу водилось особенно много черёмухи, кислицы, смородины, калины и боярышника. Черёмуху мы ели всласть – крупная, чёрная. Особенно сладкая черёмуха была на колхозной пасеке, недалеко от Силаевского омута. Наедемся, языки и нёбо во рту шершавые, хоть ножом скобли. Пальцем дерёшь по языку, соскребаешь, и по – новой! Из сушёной, толчёной черёмухи мать зимой компоты, кисель варила, пирожки пекла.

Уже в начале июля первая из ягод поспевала кислица. Забежишь в лес, скорее набрасываешься на рдеющую кислицу, т. к. тебя облепляют тучи комаров – это их самое время. Наломает веток с красными гроздьями ягод, и назад из околка в поле. Там не так комар заедает. Ох, и любили же мы кислицу! Первая ягода, а какая вкусная! Кисло – сладкими ягодами так хорошо полакомиться после долгой зимы! Всегда ходили ватагами за ней в лес, всё дальше и дальше, опасаясь медведей.

Как – то идём по Жирновской дороге справа речки, мимо пасеки, в лес. А на колхозной пасеке жили и охраняли её Беспаловы – муж, жена, дочка Валька. Пасека со всех сторон, даже от речки, была загорожена, обсажена густыми зарослями черёмухи. Полосы черёмухи густые и широкие – метров двадцать, только выезд небольшой на поляну. Посреди большой поляны впритык к черёмухе стоял небольшой домик Беспаловых и по всей поляне штук 100 – 150 ульев гудит в высокой чудесной траве. Я любил бывать здесь. Это был какой – то особый, райский уголок! Тишина, в воздухе гудят пчёлы, яркие цветы, порхают бабочки, кругом зелёный лес, черёмуха, увитая хмелем. Да, здесь был самый крупный хмель и Пастухов, любивший пиво и брагу, постоянно посылал нас делать заготовки цветков хмеля на зиму. Беспалов разрешал нам лазить по деревьям:

- Дети! Только осторожно! Не ломайте веток! Не обижайтесь, поломаете хоть одно дерево - больше не пуццу!

Мы очень старались не поломать ни одной ветки и обычно заготавливали на зиму три – четыре мешка сухого хмеля. Так вот, выбегает из пасеки Валька Беспалова и рассказывает:

- Ой, ребята! Что вчера было!

- Что такое?

- Вечером на пасеке был огромный медведь и чуть не задрал меня!

- Как? Может, врешь? Неужели не брешешь? Здесь же рядом первые избы. Сюда они никогда не заходили! Они летом сытые и людей боятся!

- Вот те крест! Послушайте лучше!

- Давай!

- Уже начало смеркаться, а мать с отцом что – то из деревни не возвращаются. Я стала доить козу. Она ведёт себя что – то беспокойно и всё вырывается. Я только хотела её привязать, как она вырвалась, опрокинула ведро и убежала в избу, двери – то открытые. Я разозлилась, схватила хворостину и за ней. А коза залезла под кровать, и ни в какую – упёрлась ногами. Не пойму в чём дело! И вдруг слышу, рядом раздался страшный треск! Я выбежала наружу и слышу - за раскрытыми настежь в сторону черёмухи окнами кто – то ломится, шумит, сопит, рычит. Испугалась не на шутку и к козе под кровать тоже! Только успела дверь на засов закрыть. Вдруг горшок с цветком с подоконника упал в комнату и разбился. Чуть выглянула из - под кровати и обмерла – в окно заглядывает огромная морда медведя! Постоял зверюга на задних лапах, урчит, когти о брёвна точит передними, перебирает. А потом в другое окно! Ещё один цветок сбил! Перевернул пять уликов, полакомился мёдом и ушёл в лес, когда совсем стемнело. Ну и натерпелась я страху с козой! Батя ушёл в сельсовет просить ружьё. Говорит - раз попробовал мёда медведь, снова придёт!

После Валькиного рассказа нам расхотелось идти в лес в эту сторону, и мы решили искупаться в Силаевском омуте.

Я почти никогда дома не готовил уроков. Пятёрки мне доставались без натуги, без труда и без зубрёжки. Пробалуешься до самого звонка, вспомнишь, что не учил. Схватишься, раскрываешь учебник и жадно, бегло читаешь, а учитель, вот он, уже входит в класс:

- Дети, здравствуйте! Садитесь! Кто сегодня дежурный? Быстренько вытрите доску! Начинаем перекличку!

А я тем временем, не поднимая головы и не отрываясь, залпом проглатываю заданное. И вдруг слышу:

- Углов! К доске!

Бойко выскакиваю. Прошло то три - четыре минуты, а я всё уже знаю, выпалил – пятёрка! Мой метод подготовки раскусила Елизавета Яковлевна и, видимо поделившись с мужем дома, стала часто подлавливать меня вместе с мужем Микрюковым. Только вчера получил у неё пятёрку и сегодня, успокоившись, даже не стал читать перед уроком и вдруг опять:

- К доске пойдёт.....Углов!

Это как гром среди ясного неба! Она что, сдурела? Я же вчера отвечал... Что делать? Абсолютно ничего не знаю. А Елизавета злорадно говорит:

- Что молчишь? Не знаешь урока? Садись! Единица!

А Микрюков, тот ещё хитрее! Только откроет дверь в класс и с порога:

- Углов, выходи к доске!

Опять жирная единица после круглой и аккуратной пятёрочки! Все хохочут, злорадствуют, а ехидный Вовка Жигульский кричит на весь класс:

- Отличник – единичник!

После нескольких поражений я всерьёз занялся учёбой и, несмотря на эти досадные срывы, закончил четвёртый класс с похвальным листом на одни пятёрки!

Впервые в это лето в колхозе появились две бортовые машины. Знаменитые «полундры» пришли с полей войны, были обшарпаны, но ещё прилично сохранились. Мы впервые видели машины, да и взрослые толпились около них, всё разглядывая. Из Новосибирска приехали в командировку два шофёра и начали возить рожь с полей к колхозным амбарам. Как – то Васька Зыкин с Витькой Шестаковым кричат нам с Шуркой:

- Айда кататься на машинах!

- Как? Кто же нас пустит?

- Дурачок! Мы ни у кого не будем спрашивать. Мы уже пять раз прокатились. Пошли, там увидите.

На взгорке около Крыловых, перед крутым поворотом дороги на Жирновку, машины замедляли ход. Мы залегли в лопухах у дороги. Ждём полчаса, час, дрожим от возбуждения, а машин всё нет.

- Васька! А может, они сегодня не поедут?

- Да нет! Должны скоро показаться. Сам видел, как они собирались ехать в поле, возились что – то, заправлялись.

И вдруг рёв мотора.

- Ну, пацаны, приготовиться! Только выскакивать надо, когда машина проедет, чтобы шофёр не заметил. И бежать надо изо всех сил сразу, т. к. потом «полундру» не догонишь!

Вот поравнялась машина, ещё чуть и выскакиваем, бежим, глотая горячую пыль и сладковатую гарь. Бежим все четверо, отчаянно работая руками. Ничего не видно. Вот Шурка не выдержал и отстал, а Витька спотыкнулся и полетел носом в дорожную пыль. Рядом уже гремят борта, подпрыгиваем с Васькой и ухватываемся за край. Висим, бултыхаясь на руках, визжим от удовольствия. Вот сильно трянуло на выбоине – у меня

руки не выдержали, сорвался и брякнулся на дорогу в пыль. А Васька скрылся за поворотом. Но вот и он идёт, хромает, но довольный, кричит:

- Ох, и долбанулся я! Там такая ямина была!

Пацаны встречают нас, завидуют. Решают ждать следующую машину, а мы с Васькой «наелись».

А вот гружёные зерном машины было встречать интереснее. Выскочишь из кустов, зацепился и сразу в кузов. Ляжешь, целиком зароешься в тёплую, вкусно пахнущую рожь, и лежишь до самой деревни. Как хорошо ехать! Мягко, тепло, уютно! Жуём налитые зёрна, радуемся, что шофёр не заметил.

Уже только поздней осенью, когда уезжали командировочные, один из них (сам слышал) говорил председателю колхоза:

- Ну и накатали мы ваших ребят! Договорились с напарником не прогонять их! Сами были такими! Они впервые увидели машины, в диковинку им! Накатались пацаны, понравилось. Уверен, кто – то из них будет шофёром! Свои водители будут у вас!

Нам всем машины очень нравились, только и разговоров было о них:

- Пацаны! По ровной дороге «полундра» может ехать больше сорока километров в час! Вот это скорость!

- Да! Пожалуй, бык Борька не догонит!

- Какой там Борька! Сам Голышев на своём жеребце Буйане не угонится!

- Вот здорово! Вырасту - стану шофёром!

Уже перед самым снегом нас несколько раз возили на машинах всем классом в поля подбирать колоски. Девчонки во главе с учительницей Ольгой Федосеевной стояли ближе к кабине и по бортам, держась руками, а мальчишки обычно валились на дно кузова как попало. Сидели на корточках, лёжали, прислонившись к бортам.

Как – то помню, был чудесный осенний денёк. В машине тесно, весело, поём песню «Ой, цветёт калина», ветер свистит, забивая дыхание. Шутки, смех. Машина подпрыгивает, все хохочут. Ольга Федосеевна, раскрасневшаяся, оборачивается и кричит нам:

- Мальчики! Держитесь крепко! Не упадите!

Я люблю свою любимую учительницей, хочется сделать ей что – то хорошее, хочется, чтобы она обратила на меня внимание! Неожиданно для себя озорую, кричу, визжу громко, стараясь перекрыть гул машины, песню, свист ветра:

- Упал! Кто – то упал за борт!

Ольга Федосеевна быстро оборачивается, испуганно замолкает и смотрит на дорогу, на нас. Затем, видимо поняв моё восторженное состояние, сама не удерживается, смеётся и, держась за борта, шагает ко мне:

- Не надо так больше шутить, Коля!

И вдруг наклоняется ко мне и целует:

- У... у... у! Кареглазенький ты мой!

Так и остался на всю мою жизнь этот эпизод. Багряная осень, синее небо, песня, озорное счастье от избытка жизненных сил и неожиданный поцелуй любимой учительницы...

Самолёт.

В этом году во Вдовино произошло невероятное событие. В небе раздался гул и вскоре над деревней показался двукрылый самолёт. Это было для всех неслыханное явление – никто никогда здесь не видел самолёта. Вся деревня замерла от неожиданности, все бросили свои дела и задрали головы в небо, где кружил самолёт. Он пролетел низко - низко раз десять, всполошив всех собак, ребятишек и взрослых. Все гадали: а вдруг сядет? Мы метались по деревне туда - сюда, гадая, куда он может приземлиться. И он, действительно, сел на стерню недалеко от нас на другом берегу Шегарки на ровном поле за Крыловыми. Не знаю, что его привело к нам. Может кого – то отвозили на срочную операцию, возможно, прилетел большой начальник, а может, была какая – нибудь неисправность. Мы помчались, крича, к самолёту:

- Ура! Самолёт сел! Вот это да! Здорово!

Собралась вся деревня – мужики, бабы, дети. Из кабинки выпрыгнул, затаенный в кожу, улыбающийся молодой белозубый лётчик:

- Здорово были, люди! Как деревня называется? Вдовино? Эх, куда меня занесло! Невесты красивые есть у вас? Ну ладно, посмотрите самолёт. А, может, молочка попить дадите?

Двукрылый гигант очаровал всех. Все трогали колёса, крылья, обшивку корпуса, винт. Лётчик, напившись молока, сказал:

- Кто хочет посмотреть кабины, залазьте на крыло.

Мы с Афонькой одними из первых очутились у кабины. Афанасий тараторит:

- Боже мой, сколько непонятных приборов! Смотри, Колька, и во второй кабине уйма приборов! Вот умный лётчик! Полубог... И как он разбирается в них? Какой смелый лётчик, по небу летает! Вот это техника! Фу ты! Наша полундра по сравнению с этим гигантом ерунда!

Через некоторое время лётчик, приветливо попрощавшись с людьми, взлетел. Мы ещё долго смотрели ему вслед и рассуждали о чуде – технике. Потрясённый, я сказал Афоньке:

- Ты знаешь? Я выучусь обязательно на лётчика... Какая у него интересная жизнь. Я представляю, как с воздуха ему интересно наблюдать за нами, за коровами, собаками. Мы для него там все козявки. А камни как интересно бы кидать в пруд или Шегарку оттуда? Представляешь?

Афанасий, погрузнев, тихо ответил:

- Надо быть умным, чтобы стать лётчиком. Нет, я не смогу... Да и ты тоже.

Неожиданный прилёт самолёта оставил в моём сердце навсегда след. Я твёрдо решил добиваться поставленной цели – стать лётчиком! Мечта практически сбылась, но об этом позже...

Я очень любил кино, которое только что вошло в нашу жизнь. А Микрюков, зная это, старался перед приездом кинопередвижки в село подловить меня на каком –нибудь нарушении дисциплины, и лишить меня просмотра картины. Фильм привозили очень редко - раз в месяц, и вся деревня обычно собиралась на него. Фильм крутили весь день. Кино показывали в клубе, который был рядом с мостом через Шегарку. Клуб представлял собой бревенчатое здание с высоким крыльцом и тесовой крышей. Посреди зала, вмещавшего до ста человек, стоял небольшой бильярд с маленькими металлическими гладкими шарами. Около него вечно толпились взрослые ребята с сигарками в зубах и лихо сдвинутыми набекрень кепками. Вечно что – то спорят, шумят и громче всех Колька Пасён. Вдоль стен стоят лавки, на которых сидят и щёлкают семечки девки. Шушукуются, смеются, игриво поглядывая на ребят. Пасён берёт кий, стряхивает пепел на бархат стола и громко басит:

- А ну, разбойнички - мазилы! Посмотрите, как играют настоящие мужики!

Прицеливается в середину, бьёт лихо. Лампа под потолком вздрагивает и коптит. Шар перелетает через борт и катится под ноги завизжавших девок. Пасён тут как тут – бросается под ноги девок, норовя залезть им под юбки:

- А ну, девоньки! Куда спрятали мой шарик? Ой, как вам не стыдно, куда его запрятали...

Щипает разбегающихся девчат. Он хмельной - видно хватанул стакан первача у бабки Зайчихи. Заведующий клубом Петька Гуров утихомиривает всех, возвращая девок, и приглашая Пасёна продолжить игру. Он сам тоже навеселе, хромовые сапоги в гармошку надраены ваксой до блеска, пшеничный чуб рвётся из под лакированного козырька фуражки.

На время сеанса бильярдный стол отодвигался в угол, расставлялись рядами лавки. Гур – косой становился у входа и начинал по билетам пускать в зал народ. На сцену - помост из зала, была деревянная лестница в пять ступеней. На сцене натягивалась простынь – экран готов. А напротив неё устанавливался жужжащий аппарат. Электроэнергии в то время ещё не было, и поэтому аппарат крутили вручную. Гуров пускал без билета в зал пятерых здоровых ребят, которые должны были крутить - вертеть по очереди ручку киноаппарата. Чтобы ребята в темноте зала не разбежались на скамейки, Петька отнимал у них шапки, а по окончании сеанса отдавал. Крутит парень ручку – мелькают кадры. Закрутит чуть быстрее – забегают, засуетятся люди на экране. Свист, топот в зале:

- Куда скачешь, дурак! Остановись, чуть помедленнее!

Или наоборот, устал какой –нибудь очередной парень, стал медленнее крутить ручку и на экране гаснет свет, и еле шевелятся люди. Опять гвалт, крик:

- Киномеханика на мыло! Где он? Почему не смотрит за пацанами?

А механик с Гуровым квасят самогон в подсобке...

Так вот, Микрюков за какой – нибудь проступок лишал меня и ещё нескольких ребят очередного просмотра фильма. Это было самым страшным наказанием для нас. Микрюков стоял на входе в клуб и строго следил, чтобы не пускали в зал проштрафившихся. Но кроме нас, в деревне у доброй четверти ребят просто не было этих несчастных двадцати копеек на билет. Колька Пасён нашёл выход. Он с тыльной стороны клуба под сценой выдолбил и выбил два трухлявых нижних бревна. Когда сеанс начинался, в эту дырку по очереди начинали залазить ребяташки. Все сосредотачивались под сценой, и затем незаметно - в темноте, выскакивали из - под деревянной лестницы прямо в зал. Выскочишь, когда перебой в свете или происходит замена частей - и сразу на первом ряду очутишься, который всегда был полупустой. Этим лазом я пользовался пять лет, так что всё моё детское кино было бесплатным...

Что только не делал Гуров Петька, чтобы закрыть этот бесплатный канал – всё было безрезультативно! На месте сгнивших брёвен поставили новые чурки. Пасён со своей компанией выбили другие. Заделали опять новыми брёвнами – под них сделали подкоп. Затем забили, обшили досками лестницу на сцену – выбили доски в другом месте. Тогда Петька у входа – подкопа устроил туалет, и мы частенько влезали руками, ногами в дерьмо и проклинали «вонючего Гура». Хорошо помню. Стемнело, народ закончил галдеть, затрещал движок, начинаем быстро, по очереди лезть снаружи под клуб. У входа вроде всё нормально, лезу дальше по мягкому сухому грунту между деревянными столбиками, держащими пол сцены. Вдруг пятерня провалилась во что – то мягкое и сразу завоняло. Взвоешь от досады:

- Угодил! Сволочь, Гур! Раскидал лопатой своё говно от входа под всей сценой!

Сбоку хохочут громко над тобой. Это Пасён с дружками светятся сигарками в темноте. Дым коромыслом! Скорее в зал, а то задохнёшься. Руку брезгливо вытираешь о столбики и сухую землю. Попались кадры потемнее – пулей вылетаешь из - под лестницы и на первую лавку! Ну, слава Богу, проскочил!

Как – то лишил меня Микрюков просмотра кино, но я не унывал. Всё равно, думаю, посмотрю! Шёл интереснейший фильм - «Свадьба с приданным», а в первом ряду сидел Микрюков, и трудно было проскочить мимо. Злюсь, сижу у выхода, выглядываю из - под лестницы, дрожу от возбуждения. В зале народ хохочет, а вверху на сцене заливается Курочкин:

Обо мне все люди скажут: сердцем чист и неспесив.

Или я в масштабах ваших недостаточно красив?

Начали менять первую часть, потемнело, выскочил - угодил в лапы Микрюкову! Схватил за руки, вывел из клуба, через минуту я опять под лестницей. Выскакиваю во второй раз - опять узрел Микрюков, выловил, больно схватил за ухо и вывел. Ну, думаю, не тут – то было! Не на того напал – всё равно посмотрю фильм! В третий раз проскочил,

прокувыркался на четвереньках, и ползком затих под скамейками где – то в середине зала. Выглядываю из – за спин, смотрю кино и радуюсь. Вдруг Микрюков встаёт с первого ряда, прерывает фильм, зажигает две лампы «десятилинейки» и вышагивает по рядам, высматривая меня. Я забился под лавку между чьих – то сапог и вдруг грубые сильные мужские руки отрывают меня от пола. От досады заорал, заревел, мотаю руками и ногами, вырываюсь изо всех сил, а красный от злости Микрюков тащит меня из рядов. И никто не заступится, никто не возмущается, наконец, что прервали кино. Все смотрят, чем это кончится? Мелькнуло испуганное лицо матери и растерянное Пастухова, но и они боятся за меня заступиться. От отчаяния заревел ещё громче:

- Пустите! Что я вам сделал? Чего вы ко мне привязались? Люди! Заступитесь за меня!

Да где там! Кто заступится? Все дрожат и боятся власти. А Микрюк ещё больше разошёлся, рассвирепел. Как даванёт меня своими стальными ручищами - аж у меня рёбра хрустнули и сдавило дыхание! Я замолчал от боли и испуга. А он открыл двери клуба и как швырнёт меня с рук прямо на землю – я и потерял сознание! Выскочила в слезах мать и Филипп, что – то запоздало кричат вслед Микрюкову. Все втроём пошли домой. Так и не посмотрели фильм! Я всхлипываю, мать плачет, переругались с Филиппом. Самим видно, стыдно, что не заступились за меня, не дали отпор Микрюкову!

К Октябрьским праздникам Филипп заколол первого кабанчика. Разделал, нажарили крови на сале и картошки с чудесным нежным мясом. Да, свершилось! Мне было уже двенадцать лет, и я впервые узнал вкус мяса и молока! Да и сахар, хлеб стали появляться на столе. Семь лет непрерывного голода, постоянная пустота в желудке, постоянная тянущая судорога спазмы в животе! Все семь лет ежедневная мысль - как бы наестся! Вечное чувство голода у многих послевоенных ребятишек...

Пусть никогда не повторится подобное голодное, горькое и солёное детство у моих детей, внуков и правнуков, как и у миллионов других россиян! Нет ничего ужаснее голода на свете!

Ляжем с Шуркой на тёплой печи, затащим к себе лампу, задёрнем занавеску и погрузимся в волшебный мир чтения книг. Книги! Что за чудо эти книги! Вчера только прочитал «Ташкент – город хлебный», а сегодня днём «Мальчик из Уржума». Но самое интересное чтение книг ночью, когда все спят. Есть ли что на свете чудеснее чтения? В трубе воет пурга, на лавке мирно посапывает мать, а на другой лавке храпит и бормочет что – то пьяный Филипп. Мать просыпается, толкает его, громко ругается:

- Филипп! Филипп! Да проснись же! У, чёрт! Нажрался... Не даёшь спать никому!

Перекидывается на нас:

- А ну, хватит читать! Хватит керосин жечь! Тушите лампу!

Прикручиваю лампу до минимума - мать не видит. Шурка засыпает, а я жду – не дождусь, пока заснёт мать. Ну, вот, можно уже добавлять свет! Волшебство продолжается!

Я снова «иду с Егоркой по зимнему лесу и спасаюсь от волков, ненавижу Швабрина, плачу от жалости к Музгарко, восторгаюсь любви Прохора и Анфисы, желаю счастливого конца в истории даурского казака Романа, мечтаю найти и спасти бедных онкилонов на Земле Санникова!» Что за прелесть эти книги! Как прекрасен этот мир! Боже! Как я благодарен этим поздним вечерам, этому познанию в жизни прекрасного! Весь в волнении, красный, возбуждённый. Какой там сон! Чу! Шлёпает мать! Уже полночь - быстро тушу лампу. Не спасает! Мать гремит, будит всех, даже Филиппа:

- Что вы делаете, мерзавцы? Паразиты! Весь керосин спалили! Не даёте спать никому! А ну, Колька, отдай лампу сейчас же! Угомонись! Спи!

Нехотя отдаю. Как назло, мать прервала на самом интересном месте. Что же дальше будет? Ворочаюсь, возбуждение не проходит... Жду, не дождусь, вроде все опять захрапели. Сверху, с загнетки печи достаю лампадку – блюдечко с растопленным смальцем и льняным фитилём и спички. С вечера припас! И снова погружаюсь в мир чтения. И так иногда до утра!

Зимние вечера длинные. Управимся с домашними делами и уроками – вечером собираемся играть в прятки.

Уже в конце зимы на лыжах Тольки Горбунова мы с Шуркой пошли в лес вместе с Афонькой Кобзевым проверять петли на зайцев. Знал бы я, что это новое увлечение станет одним из главнейших в моей детской жизни! Афонька должен был проверить петли на зайцев, поставленных его старшим братом Иваном в условленных местах. Был хороший чудесный денёк. Разгорячённые, мы бежали по насту, иногда проваливаясь в снег. В лесу, оказывается, полно заячьих следов. Туда, сюда стёжки следов... И вдруг они объединяются в настоящие утопанные тропы! Я удивляюсь:

- Афанасий! Здесь что? Целые стада зайцев бегали? Ни хрена себе! Даже вес человека тропа выдерживает. Куда же они бегают по тропам?

Афонька важно комментирует:

- А ты присмотришься внимательней. Зайцы почему стараются бегать по тропам? Снега – то под два метра. Бежать тяжело. Они как люди - по тропинкам, да по дорогам больше – так быстрее до цели добежишь. А тропы ведут в молодые осинники, да к окраинам деревни – к гумну, к сену, к скотным дворам.

Вдоль таких троп и поставил петли из проволоки Иван Кобзев. Бежит тропа рядом с деревцом или под согнутой коромыслом веткой. Вот привязывает, настораживает к ней из стальной проволоки Иван круг размером с хорошую сковородку. И чтобы круг был по центру тропы и сантиметров на десять выше её. А предварительно петлю надо прокатать куском коры осины, чтобы отбить запах человека. И лыжня не должна пересекать тропу и идти надо параллельно. А привязывать петлю надо осторожно, стараясь еле - еле дотянуться до неё, чтобы не отпугнуть лыжней зайца. Ночью бежит раскосый на гумно, или в осинник кормиться из леса - и влетает в петлю! Бьётся, бьётся зайчишка, пока не

открутит проволоку или задохнётся. На следующий день ты его, мороженого, и подбираешь! Здорово придумали люди! Афанасий учит:

- Если на следующий день не придёшь - зайца съедят обязательно лисы. Они по нюху его находят. Хотя иногда и волки, россомахи могут съесть. Они изредка забегают в наши леса, особенно в холодные зимы.

Афонька еще много нового нам рассказывает. Проверили уже девять петель – ничего! И вдруг на месте последней, дальней петле тоже ничего нет, но только вытопан целый круг. Афонька злится:

- Вот чёрт! Открутил петлю! Здоровый беляк видать был!

Мы подошли. Круг вытопан основательно. Весь жёлтый от мочи зайца. Бедолага! Видать, не сладко досталась ему свобода! И вдруг Афоня радостно закричал:

- Здесь он! Вон куда он забился! Попался, голубчик!

И впрямь - заяц залез под корягу так, что его практически не видно было, а натянутая, как тетива, проволока врезалась в снег, и её тоже не было видно. Нашему восторгу не было предела! Мы разглядывали задушенного беляка, ощупывали, рассматривали его острые зубы и когти, гладили мягкую шерсть, удивлялись странному лесному зверю. Афонька захлёбывался от радости:

- А какое мясо у зайца вкусное! Лучше зайчатины с калиной нет ничего на свете! А шкурка! Шапку мать сошьёт мне!

До весны мы бегали с Афонькой еще три раза проверять петли, но каждый раз их заметало пургой и ничего не попало. Но мы загорелись охотой на зайцев! Решили за лето запастись проволокой, сделать петель и в будущую зиму самостоятельно ловить зайцев. Но для начала надо было заиметь свои лыжи и это стало нашей первоочередной задачей на будущий год...

Китаец Ли и Пастухов.

Пастухов с матерью приходил из больницы поздно вечером. Дома теперь у нас была настоящая хозяйка: дядя Ваня - Ли Зи Мин. Я привык к добродушному китайцу, привязался к нему и полюбил, с удовольствием помогал ему в хозяйственных работах, любил слушать его лопотание и часто передразнивал, но дядя Ваня не обижался на меня. Ли был исключительно трудолюбивым. Он постоянно возился по хозяйству и мы с Шуркой в эту зиму отдыхали. Филипп Васильевич навозил на быках возов пятнадцать дров, и дядя Ваня всё перепилил и переколол один. Во дворе возвышалась огромная поленница, целый стог дров на удивление и зависть соседям:

- Конечно, тебе, Нюся, хорошо стало жить! В доме два мужика! А мы, бедные, сами колотимся!

Чаще всех такие слова говорила бабка Вовки Жигульского - Свидерская Богуслава Михайловна, которая часто приходила в больницу к дочке - кладовщице Марине Георгиевне. Бабка всегда околачивалась у матери на кухне, что – нибудь выпрашивала, была завистлива, но и расторопна. Надо признать её заслугу, что эта семья не померла с голоду в Сибири. Борис Сергеевич Тростянский с новой женой Катей Духовской - матерью моих одноклассников Чадаева Кости и Ирки, переселился в эту зиму к ним. Они жили на левой стороне Шегарки рядом с базами, скотными дворами у дороги на Каурушку. Я стал часто бывать у них, а заодно заходил и к Вовке, жившему рядом. Вовкина бабка целыми днями где – то пропадала, промышляла и всегда к вечеру что – нибудь им приносила. Отец у Вовки лётчик, где – то на фронте был сбит и попал в плен, а семья теперь «отбывала наказание» в Сибири. Мать - Марина Георгиевна, красивая дородная женщина с круглым полным лицом, большими серыми глазами и густыми, до плеч волосами. Но особо хороша у неё была фигура. Пожалуй, не только во Вдовино, но и во всей округе не было такой «фигуристой» женщины. Высокая грудь, талия «осы» и объёмные бёдра вызывали зависть женщин и восхищение мужчин. Но никогда, никогда Марина Георгиевна никого из мужчин даже близко не подпускала к себе! Да и Вовка подчёркивал это всегда:

- Почему мать не заводит романов? Что ты такое говоришь? Да и с кем матери связать свою судьбу? Одна пьянь, рвань и тупня! Мать никогда не изменит отцу!

И это была правда. Она так и прожила всю жизнь одна! А отец их не оценил это. После освобождения из тюрьмы - так и не приехал к ним, и женился на другой женщине...

Выходцы из Польши - это были гордые люди, и во Вдовино это была самая культурная семья. Несмотря на постоянный голод, в доме у Вовки было много диковинных для меня вещей, которые они никогда не посмели выменять на продукты. Глобус, наушники – приёмники, географический атлас, небольшая библиотека, энциклопедия, набор красок, акварелей, кистей, лоснящийся ватман и диковинные цветные карандаши, гитара и

скрипка, потрясающие ёлочные игрушки. Очень я завидовал Вовкиному шлѣму лѣтчика с большими выпуклыми линзами очков, морскому биноклю, лупе, микроскопу, набору чертѣжных инструментов в большой готовальне и противогазу. За их домом был огород, но они никогда не обрабатывали его. В этом доме не держали даже курей - эти люди чурались крестьянской работы. Вовка это подчѣркивал:

- Коля! Пусть подохнем, но работать в колхозе мы не будем! Будь проклят этот сталинский режим! За что мы здесь? Отец мой воевал храбро, но его сбили. Это война... Он что - виноват? А мы тем более... Разве это народная власть, которая воует с женщинами и детьми? Нигде в мире нет таких государств! Вот увидишь - всё это рухнет, и мир узнает правду! Верю, когда – нибудь освободимся, и я постараюсь сбежать из этой проклятой страны. И тем более, никогда не приеду в Сибирь, где меня унижали и даже вспоминать не буду эти гиблые места!

Так никто не говорил никогда, и я колебался, верить ли Вовке или нет. Откуда это он всё знает? В школе и детдоме нам всё время твердили, что мы живѣм в самой счастливой стране...

Богуслава Михайловна не только добывала им еду, но и готовила всегда сама, т. к. Марина Георгиевна ничего не умела варить. Приходя к ним по вечерам, всегда заставлял одну и ту же картину. Вовка читает бабке вслух что – нибудь, та возится у печки, а мать лежит в наушниках голая в постели и вяжет кофточки, шапочки, носки, варежки. Да, голая! И этому она давала объяснение:

- Ой, кто там? Это Коля пришѣл к нам в гости? Подожди, Колечка, не заходи, я голая! Тело в постели должно отдыхать. Я сейчас накину на себя что – нибудь...

Лежит Марина Георгиевна в постели, пальцы со спицами ведут свой узор, а сама она то смеѣтся, то что – то восклицает восторженно, то закатывает глаза от удовольствия – слушает музыку из наушников. Иногда протягивала мне их:

- Колечка! Послушай чуть. Какая прекрасная симфония!

В наушниках что – то потрескивает, слышны голоса людей, песни, музыка. Мне это очень интересно:

- Странное дело, Марина Георгиевна! Это чудо необыкновенное! Надо же, что творится на свете! Как это получается?

Вовка смеѣтся:

- Деревня ты. Но есть и похлеще тебя. Ты бы видел, как мы недавно смеялись, когда я уговорил взять наушники и послушать частушки Мордасовой бабке Кобзевой. Она сначала перепугалась, потом заслушалась и говорит: «Вот чудо - юдо! Как это певица такая большая и забралась, поместилась в наушниках?» Мы чуть со смеху не померли! Вот глухомань!

Тарелки радио появились во Вдовино только в начале 1951-го года. Забавлял меня и круглый цветной глобус. Как огромен мир оказывается, как много морей и океанов, разных стран. А книги, какие книги были у Вовки! Он давал мне почитать «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», «Шестьдесят тысяч лье под водой». Мы с Шуркой захлебнулись от нового, яркого, всеокрушающего потока информации. В эту зиму я просто бредил героями Жюль Верна. Мысли мои постоянно бродили в разных выдумках, фантазиях! Капитан Нэмо был моим кумиром! При встрече с Вовкой я кричал:

- Табак! Настоящий табак – воскликнул Пенкроф!

Вовке понравилась эта игра слов, и он тоже долбил, выдёргивал строку из какого – то произведения и гробовым голосом отвечал:

- Дико захохотал пулемёт и, ужаленный тысячами шмелей, упал Топтало!

Мы соревновались поочерёдно, вспоминая полюбившиеся фразы из тех книг, которые уже прочитали:

- Тамань – самый скверный городок из всех приморских городов России.

- Игнат спустил курок – ружьё дало осечку!

- Осетин – извозчик неумоимо погонял лошадей.

- Ты видел! Ты донесёшь! И сверхъестественным усилием повалила меня на борт...

- Старик! Я слышал много раз, что ты меня от смерти спас!

- Милостивый государь! Извольте передать через слугу сто рублей, которые вы вчера проиграли. Готовый к услугам Иван Зурин.

- И курить буду! Дай отцову трубку!

- Шадрино далеко? Шадрино? Да, Шадрино! Недалече. Вёрст с десяток будет!

Игра во фразы занимала нас с Вовкой всю жизнь, и мы всегда при встрече заготовливали их заранее и начинали разговор именно с них. Я стал частенько его «загонять в угол» и Вовка тоскливо, не угадав фразу, говорил:

- Фразёр!

Прошёл месяц, другой после прихода к нам отчима в дом и мы узнали прескверную черту его характера – необыкновенную тягу к спиртному. Не проходило дня, чтобы он этой зимой приходил домой «сухим». Пьяный Пастухов становился шумливым, колотырным, много говорил по пустому, придирался к матери и дяде Ване Ли, лез проверять к нам уроки, хотя ни бельмеса ничего не понимал. Начались бесконечные затяжные многолетние сцены ссор.

Пастухов родом из Воронежской области. Там жили его отец, мать, сестра. Где – то на шахте под Липецком он в очереди за зарплатой сказал:

- Пеньки одни в правительстве! Я другой такой страны не знаю, где так больно дышит человек!

Кто – то донёс, и Филипп Васильевич получил пять лет лагерей и столько же поражения в правах. Он окончил два класса церковно – приходской школы и был абсолютно неграмотным человеком. По возвращении из лагерей на великой Оби попал в Жирновку, пожил у одной бабёнки, и вот теперь он наш «отец». Маленького роста, чернявый, с живыми карими глазами и низким лбом, расплуснутым носом – он напоминал цыгана. Внешние черты дополнялись внутренним содержанием. Отсутствие какого – то бы интеллекта и кругозора, болтливость, жадность, презрение ко всем «учёным», книгам, газетам. Пожалуй, единственной положительной чертой его характера являлось трудолюбие. Да, он любил труд, мог всё сделать своими искусными руками, любил всё в хозяйстве сделать добротой и навечно, любил держать в хозяйстве животных и птиц. Насчёт приплюснутого носа мы так и не узнали правду. Иногда он говорил, что он боксёр, но это был явный блеф. Иногда говорил, что в драке кто – то ударил оглоблей или в тюрьме была потасовка. Всю последующую жизнь (а они прожили с матерью 30 лет) мы с Александром задавались вопросом:

- Что связало в жизни мать и Пастухова? Наша мать с отцом и Филипп – небо и земля!

Мы не находили ответа... Анна Филипповна была на полголовы выше его ростом. Эти «полголовы» различают их и во внутреннем интеллектуальном мире. Красивая и грамотная женщина. Почему она связала свою судьбу с ним? Дилемма...

Отчим купил ещё одного поросёнка, и к концу года в хлеве у нас было два борова, стельная Майка, полтора десятка курей и пяток гусей. Мы мечтали:

- Скоро заживём! Наконец - то будет мясо, молоко, яйца, масло, творог! Всё то, что нам было недоступно эти долгие восемь лет! Мы что - хуже всех? Когда – нибудь и на нашей улице будет праздник!

Зимой наш колодец замерзал, и его заносило двухметровым слоем снега. За водой приходилось ходить на Шегарку - а это метров триста. Около Зыкиных был омут. К нему – то и сбегала тропинка. Идешь с коромыслами по тропинке, спускаешься среди сугробов как бы в ущелье, внизу чернеет прорубь. Снимешь ведра, глянешь вверх – нависает снег козырьком, а по бокам трёхметровые вертикальные белые снежные стены. Прорубь затянуло за ночь льдом. Думаю:

- Так! Я первый пришёл. Вальки Долгополовой ещё нет. Засранка, видать, смотрит в окно и ждёт меня. Не хочет первой долбить лёд. Ну ладно, обойдусь и без неё!

Углом коромысла пробиваю лёд, вылавливаю, выплёскиваю его, зачерпываю болотную тухловатую воду, думаю:

- Бедные рыбки! Как вам тяжело там сейчас под толстым двухметровым льдом и ещё большим слоем снега! Как вы там без воздуха, света, пищи?

А чебаки, пескари и окуни как бы слышат меня и выплывают из глубины, но увидев меня, быстро ныряют обратно. Полюбовавшись рыбами, иду с коромыслами домой. А навстречу высмотрела, выбежала Валька. Тоже идёт по воду. Встречаемся глазами, вижу, заигрывает:

- Что – то ты долго спишь! Я уже раз пять ходила за водой!

- Врёшь, дура! Как же ты брала воду, если там лёд был толщиной со спичечный коробок?

- А это его опять затянуло...

- Да, да! Ври больше!

Она легонько толкает меня и бросает вдогонку снежок. Быстро ставлю вёдра на тропинку, догоняю её, толкаю в снег. Она с пустыми вёдрами летит в сугроб, и мы начинаем бороться. Вижу - одолевает сильная девка! Хватаю её за длинную косу и тяну. Ох, и любил я девчонок таскать за косы! Валька визжит, отпускаю, беру вёдра с коромыслами и иду дальше. Но Валька вдруг опять догоняет и толкает так, что вода выплещивается из ведра на штаны и пимы. Они покрываются коркой льда. А иногда даже падаешь с вёдрами в снег. Тут уж не на шутку разозлишься, догонишь Вальку и носом в снег. А она коромыслом меня! Разругаемся надолго, иногда подерёмся до слёз, тогда матери вмешиваются. А потом опять помиримся. А за водой в день надо было ходить раз десять – хозяйство большое! Любил я смотреть, как Майка смачно жадно пила большими булькающими глотками - вода из ведра на глазах убывает...Китаец Ли наскоблит ножом добела деревянные полы, протопит большую печь, наготовит ужин. Ждём - приходит мать с отчимом, садимся ужинать. Филипп обязательно перекрестится в угол на икону (с собой привёз) и нас заставляет - без этого не пускает за стол. Я как попало махну рукой, отчим заорёт:

- А ну, паршивец, перекрестись как следует! Не спеша, с молитвой...

А Шурка иногда упрётся, лучше голодным на ночь ляжет, но не крестится. Филипп злится:

- У... у...у! Дуюман проклятый! Бог накажет тебя...

После ужина дядя Ваня развеселится, раздухарится, начинает нас смешить своими рассказами, лопочет, ничего иногда не поймёшь. Я спрашиваю:

- Дядя Ваня, а как ты попал в Советский Союз?

- О... о...о! Колеська! Я бежала к вам челез гланица! Сильно, сильно бежала! Сто километра в час, так бежала! Ни один пограничника ни догнала!

Я смеюсь и доказываю:

- Дядя Ваня! Даже полуторка наша колхозная даёт сорок километров в час. Ты что же - быстрее машины бежал? Так не бывает...

Ли обычно хмурился и начинал сердиться:

- Я же тебе сказала - сто километлов за час плобежала! Что мне твоя машина? Я бежала быстло - быстло! Не велишь - не надо!

И, рассерженный, уходил спать. Мы все – Филипп, мать, Шурка и я смеялись над забавным китайцем.

Все последние дни китаец Ли не спал ночами, всё приглядывался к Майке, выходя по нескольку раз за ночь к ней. Наконец, как – то ночью разбудил всех встревоженным криком:

- Люся! Филиппа! Вставайте! Колова волнуется - будет лажать!

Мы тоже вскочили, но мать загнала нас на печку обратно. Давно мы ждали этого часа! Теперь будет у нас своё молоко, творог, сливки - это же богатство! Не у каждого в деревне есть корова! У кого есть корова - тому голод не страшен! Дядя Ваня, Филипп и мать зажгли две лампы, и ушли к Майке. Долго, долго их не было, мы уже с Шуркой опять начали засыпать, как вдруг Ли зашёл в избу и весело закричал:

- Лебята! Вы не спите? Идите смотреть. Майка дочку ладила!

Мы выскочили в тёплый сарай, наскоро одевшись. На соломенной подстилке лежала враз похудевшая Майка, и всё оглядывалась, мычала тревожно и тянулась к маленькому, ещё мокрому телёночку. Мать, наклонившись, тихо и ласково говорила:

- Не беспокойся, дурочка! Никуда не денется твоя дочка!

Они с Филиппом были просто счастливы. Через день мы уже ели жареное на сковородке молозиво. А затем Майка начала давать нам молоко. Половину его скармливали через соску телёночке, а половину уже съедали сами. Дядя Ваня кормил Майку очень хорошо и она начала давать всё больше и больше молока.

Филипп купил в Каурушке у деда Кобзева старый, выдавший виды, сепаратор, наверное, ещё с царских времён. Из одного лотка в кринки стекал обрат – жидкое синеватое молочко, а из другого лотка, гораздо тоньше - струйка жёлтых вкусных сливок. Обрат мы сами пили и телку давали, а сливки сбивали в круглой, из берёзовой коры маслобойке, которую также достал где – то Филипп. Сидишь на лавке, между ног круглая маслобойка, гоняешь ручку – поршень вверх, вниз. И вдруг становится тяжело – масло сбилось! Мать открывает крышку, вылавливает куски масла, в руках катает их. Масло готово! Филипп смотрит на наши голодные глаза и осаждает нас:

- Вы не особенно рассчитывайте на масло, творог, сливки и сметану! Нам надо платить налог государству! Уже принесли квитанции на корову! Ужас, сколько придётся отдавать! Так, что – только в праздники будем есть их! А нам всем - только обрат и пахта!

Тёплая и вкусная пахта с блёстками масла тоже очень хороша с разваренной картошкой. Но всё равно от коровы была большая польза. Кое - что после сдачи налогов оставалось и нам. Молоко зимой заливали в глубокие металлические тарелки и выносили на мороз в сенцы. Замёрзнет, вытряхнут круг молока и по - новой зальют. Так и стоит перед глазами картина - на клеёнке в сенцах штук тридцать белых кругов молока с замёрзшими на самом верху бугорками жёлтых сливок! Занесёшь в избу дымящийся парком круг молока, и слизываешь языком сливки. Вкуснятина!

Дяде Ване с рождением тёлочки добавилось ещё больше работы. Он целыми днями хлопотал, варил еду нам, животным и птицам, стирал, топил печь и т. д. Пастухов всё больше задирали дядю Ваню, не уважали его. Напившись, придирались незаслуженно и оскорбляли его:

- Ты чяво не встретил матр и меня с работы?

Обидные слова бормочущего Пастухова дядя Ваня или не понимал или прощал до поры до времени:

- Филиппа! Моя ласчистила всю доложку к лечке и плолубь лаздолбила холосо! Не лугайся, ложися спать! Счася я ножки тебе памою! Цаю с калинкой плинесу!

Уже в начале лета Пастухов вместе с дядей Ваней подрядились в больнице за отдельную плату выкопать большую яму по коллективный туалет. Много вечеров они истратили на эту огромную яму, а когда получили деньги за эту работу - Филипп не дал ни гроша дяде Ване. Тот крепко обиделся, молча собрал все свои пожитки и ушёл от нас. Так и жили они с Хасаном в больнице в одной камерке, работали чернорабочими только за еду и угол. Сенокос, дрова, огород больницы и всё хозяйство было на их руках. Умер дядя Ваня уже после нашего отъезда в 1956 году...Славный был китаец Ли!

Ледоход.

У въезда во Вдовино со стороны Пономарёвки, недалеко от Тетеринского кладбища, жил Иванов Данил с бабкой Дусей. Случилось в их избе в эту зиму неслыханное чудо. Я два – три раза был в их избе перед этим по следующему поводу. Шавка никак не хотела принести щенков в то лето, а мне так хотелось поиграть, потискать маленьких щенят. И вот как – то Филипп Васильевич сказал, что у Ивановых сука родила щенят:

- Колька! Какие красивые щенки, ты бы видел! Просил у Данилы для тебя одного! Знаю, что мечтаешь о щенках. Вроде промышчал он, что даст, пообещал.

Я тут же побежал к Ивановым, прихватив, как обычно, за собой Шавку. Привязал её в их дворе, обмёл пимы и тихонько вошёл в избу. Увидев сурового деда, сразу заробел.

- Тебе чего, малец? Поиграть с щенками? Ну, давай, только недолго.

На чистом выскобленном полу смешно играли три толстых неповоротливых кутёнка. Они были такими красивыми, что просто заворожили меня. Я присел у порога и молча, раскрыв рот, долго наблюдал за ними, пока дед не сказал:

- Ну ладно! Посмотрел - хватит! Давай иди домой!

Второй, третий раз я решился и приходил смотреть на красивых кутят, но так и не осмелился попросить одного у деда, а тот и не предложил. Жадный дед!

Так вот, уже к весне по деревне прошёл слух, что у Ивановых ночью был домовый. Якобы, исчезла сука с кутятами. Она жила под печкой, где обычно живут в деревнях домовые. Но ещё страшнее было известие, что домовый якобы оставил свои следы на полу в хате. Вся деревня ринулась к ним. Мы с Гришкой Круковцом и Верёвкиным Колькой тоже пришли посмотреть. Из избы выходили какие – то бабки, крестьясь и охая. Зашли и мы в хату. От ужаса обмерли. Прямо по центру комнаты кровавые красные следы от печки - вроде человек босой прошёл! Дед и бабка стоят на коленях перед иконой с лампадой и неистово молятся, кланяются. Выбежали мы перепуганные, навстречу другие идут. Гришка захлёбывается:

- Видели, какие огромные следы? Кровью смазанные... Ужас, здоровый какой домовый! К чему бы это, ребята? Как он не задушил деда и бабку?

- Вы знаете, мне кажется, что дед с бабкой разыграли деревню! Уж больно следы похожи на стопу деда, обмазанную в краске...

- Да что ты за ерунду говоришь, Колька? Это не краска, а человеческая кровь, ведь видно же! Да и дед не похож на шутника. Угрюмый всегда. А собака куда делась с щенками?

- Тут что – то не то! Страшно всё это! Вон, все бабки говорят – к худу это!

Мы ещё долго обсуждали это событие. Но всё вроде прошло, и забываться стало, как уже в апреле опять вся деревня толпилась у хаты Ивановы. Они оба угорели насмерть...

Бабки крестились и шептали:

- Это домовой закрыл им заслонку печи! Чем – то обидели они его...

Набух водой, почернел снег, пошла вода в низины, затопила речку. Исчезли под водой наши тропки, дорожки, каталка, прорубь - штольня. Снег осел, и сразу распрявился, стал выше чёрный лес, весело застрекотали сороки, зачирикали уцелевшие воробьи. Мы с Шуркой носились как шальные - ладили скворечники. Идя из школы, я высмотрел у Тольки Горбунова в дровах трухлявую берёзу. Выпросил на дуплянки. Вместе с Толькой распилили его. Получилось два великолепных высоких скворечника – ему и мне. Дома выдолбил внутри, прибил снизу и сверху по доске, вырезал круглое отверстие – леток и скворечник готов. Шурка тоже собрал из досок два скворечника - теперь у нас их было всего девять! В деревне девять скворечен ни у кого не было! Развесили мы их на доме, воротах, на заборе, а новую дуплянку я повесил на ветле у колодца. И вот 4 апреля раздался долгожданный посвист – на ветле сидел чёрный скворец! Сердце тревожно и радостно забилось. Наконец – то! Кричу:

- Шурка! У меня скворец у колодца! Ни у кого ещё нет их в деревне! У меня первый скворец! Я знал, что дуплянка им понравится. Как там здорово им будет жить! Ветла раскачивается на ветру, внизу колодец с водичкой, пашня рядом. А скворчатам как хорошо будет в дуплянке! Раскачивается ветла, убаюкивает их...

С Шуркой мы могли часами рассматривать этих великолепных птиц. Смотреть, как они знакомятся с будущим домом, без конца ныряя в отверстие, поют, веселятся и ссорятся, прилетают и улетают то поодиночке, то стайей. Особенно хороши были вечерние концерты, когда парочками на каждом из скворечников идёт состязание и соревнование – кто лучше и звонче поёт.

Талая вода заполнила всё вокруг, но наводнения, как в прошлом году, не было. Мы десятки раз бегали на речку, гадая, когда же начнётся ледоход. И вот лёд тронулся! Жуткое это зрелище! Широкий Зыкинский омут вдруг ожил на наших глазах! А надо сказать, что перед ледоходом вода в речке покрывает его метра на четыре, так что и не узнаешь, есть ли внизу лёд или нет. Вода вдруг зашевелилась, забугрилась, закрутились огромные воронки. Вдруг что – то чмокнуло, раздался страшный гул, а затем треск. С шумом вынырнула льдина полутораметровой толщины, затем другая, а третья стала на попа и с грохотом раскололась. И пошло, поехало! По всей реке всплывал лёд. Стоял невероятный шум, грохот, треск. А нам - то веселье! На другой день лёд пошёл по реке сплошной стеной. Афонька кричит мне:

- Колька! Айда кататься на льдинах! Я в прошлом году уже пробовал. Здорово! Только багор бери!

Добежали до Силаевского омута – это в километре от деревни. С берега наметили покрупнее льдину, и Афонька вскочил на неё, понёсся по реке. Кричит:

- Давай, не бойся! Вон идёт крупная льдина и близко к берегу. Прыгай!

Кажись, и у меня получилось! Успеваю только отталкиваться от соседних наглых льдин, которые норовят наскочить, раздавить, обрушиться, поднырнуть, опрокинуть и стряхнуть в холодную воду. Проехали до деревни - выскочили счастливые на берег. Шурка увидел, кричит:

- Что вы делаете? Колька, вернись! Это очень опасно! Поскользнёшься, упадёшь в воду, затянет, убьёт льдиной! Матери, Филиппу скажу! Вернитесь!

Но мы вошли в азарт! И второй раз проехали удачно. В третий раз Афонька выбрал себе здоровенную льдину, а следом за ним плыву я на другой. И вдруг он весело кричит мне:

- Я с...ь захотел!

Я хохочу, а Афонька снял штаны, уселся и тоже заливается от счастья. Смотрю - вдруг прямо у него между ног трещина побежала. Испугался за него, ору:

- Афонька! Лёд у тебя под ногами расходится! Прыгай!

А он не сразу сообразил, схватился, когда раскоряченные ноги оказались на разных льдинах. Голая задница, одной рукой за штаны, другой за багор - падает в воду! Я зажмурился. Ну, думаю - конец Афоньке! А льдины резко развернуло и сблизило опять. Успел Афанасий вскочить на одну из них, только багор булькнул и утонул, да ноги до колен в ледяной воде вымочил. Выскочили мы на берег испуганные. А тут вдруг Пастухов налетел на меня:

- Я тебе дам, мерзавец! Я тебе дам кататься на льдинах! Матер не жалеешь! Получай, гад, получай! Ах, ты, паскуда!

Как начал меня драть пучком прутьев по спине, заднице, рукам, ногам. Я кричу, перепугался, а он свирепеет, бьёт нещадно, сам орёт, матюкается, приговаривает. Насилу оторвался от меня. Так разошёлся, что в кровь исхлестал всего. И в дальнейшем не раз жестоко избивал меня отчим, но тот ледоход я запомнил на всю жизнь...

Наступила красная весна, обдала теплом землю, растопила последние остатки снега, набухла верба, зачернела, зажирела земля. Сразу за изгородью огорода находились залитые водой кочки – место обитания бесчисленных лягушек. Хор лягушек не давал покоя ни днём, ни ночью. По ночам чуткая мать ворочалась, просыпалась, ворчала и ругалась до тех пор, пока недовольный отчим вставал, если не был пьяным, и уходил умирять разбушевавшиеся свадебные трели лягушечьего племени. Да надолго ли? Чуть захрапел Пастухов - лягушки с ещё большей силой начинали радоваться своему болоту и благодатной жизни. Бывало, сядешь на изгородь, возьмёшь рогатку и начинаешь целиться в резвящихся лягушек. Густая крупная икра плавает между кочками, а сами

лягушки прыгают в тёплой воде. Надуют два белых пузыря на голове, и начинается концерт! Благодать, условия идеальные! Комаров, мошки, всяких насекомых полно. Вот только мы отравляли жизнь лягушкам своим прицельным огнём! Соревнуемся - у кого больше убитых. Счёт идёт на десятки, сотни. Вдоль забора плавают в воде кверху пузом бедные лягушки, а уж дальше, насколько хватает глаз, непуганые лягушки на кочках, наверное, и не подозревают о существовании человека. Да и кому их пугать? Разве пройдёшь весной по болоту – воды по пояс.

Сидим как – то с Шуркой около дороги у тына и постреливаем по лягушкам. Глядь - подходит Колька Пасён с двустволкой. Он каким – то нелегальным путём достал в прошлом году ружьё. Колька больше браконьерничал, паскудил, да бил кошек и собак по деревне. Мы недоверчиво косимся на него, помня прошлогоднюю историю со скворцами. Но Колька настроен миролюбиво, присел рядом, закурил махру, заговаривает с нами:

- У Косарей стрелял в гусей, да не попал. Дурак! Надо было подкрасться поближе, а я издалека. Метров сто пятьдесят было... Но натешился вволю. Убил ястреба, сороку, ворону, бурундука, скворца. Стрелял по журавлям, да высоко летели.

- Зачем они тебе, Колька? Бьёшь без разбора всякую живность. Жалко всё же.

- Вы уж молчите, жалельщики! Вон сколько лягушни набили! Они же тоже жить хотели.

- Да лягушки матери не дают ночью спать. Она устаёт очень на работе. Сама просила их бить! Да и лягушек не жалко. Их тысячи вокруг!

Уже вечереет. Прекрасный весенний денёк заканчивается курлыканием пролетающих высоко над деревней журавлей. Пахнет талой водой, прошлогодней травой, а мокрый оживший лес невдалеке будоражит душу своей таинственностью. Вдруг Пасён замолкает на полуслове, вскакивает и вскидывает ружьё. Прямо над нами низко идёт парочка уток – селезень и кряква. Колька бахает из двух стволов, восторженно кричит:

- Ишь, как поперхнулась! Сейчас упадёт!

Но утки, и впрямь резко вильнув в сторону, продолжают забирать всё выше и выше, не думая падать. Пасён огорчённо плюёт в землю, матюкается, перезаряжает ружьё и с досады дуплетом ахает в болото - в кричащую весёлую лягушку, разнося её вдребезги. Я захохотал, не могу сдержать себя и, не думая о последствиях, передразниваю Пасёна:

- Ишь, как поперхнулась! Сейчас упадёт! До свидания, утка!

Пасён накидывается на меня и зло бьёт подзатыльника.

Без дяди Вани всё хозяйство опять свалилось на нас, а тут огород ещё. У колодца на целине мы сделали три огромные грядки под огурцы. Теперь навоза было достаточно. Натаскали его, ещё не перегнившего, и сделали высокие, более полуметра, грядки. Сделали лунки в грядках, наносили чёрной земли, посадили семена, поливали ежедневно, укрывали дерюгой от заморозков. Огурцы получились на славу! Целое лето

ели их, насолили их с капустой несколько бочек. Да и картошка хорошо уродилась в этом году. А всё навоз!

Четвёртый класс окончил с похвальной грамотой – на одни пятёрки!

Выпускной день. Из чёрной тарелки репродуктора на столбе (только что в деревню провели свет и радио) доносились весёлые песни. Было радостно на душе и немножко грустно – прощались с интернатскими ребятами. Кто уходил на лето в другие деревни, а кто и навсегда. Заиграл патефон. Некоторые взрослые начали танцевать, а мы с учителями пошли гурьбой гулять за деревню. Рвали черёмуху и букеты цветов. Все девчонки были в венках, а Нинке Суворовой он особенно шёл к её лицу. Чудесный памятный день! Мы шли по зелёной траве, взявшись за руки, и пели песню «Каким ты был, таким ты и остался». Недавно прошёл фильм «Кубанские казаки». Все просто влюбились в его героев, он очень понравился всем, а песни сразу разучили наизусть.

У матери в больнице ежедневно встречались с детьми других сотрудников и ещё больше подружились. Мы любили играть на скотном дворе, в конюшне, где трудолюбивые ласточки вили десятки гнёзд, а также на чердаке больницы. Заберёмся по высокой лестнице. Под тесовой крышей полумрак, душно, между стропилами и балками паутина, под ногами хрустит зола, шлак. Играем в прятки, пугаем визжащих девчонок тем, что якобы видели выглядывающего из – за труб дымоходов домового.

Медсестра Леми очень тосковала по своей Эстонии и не раз вслух, никого не боясь, говорила:

- Проклятый Сталин! За что он мучает меня и тысячи таких же эстонцев? За что он терзает мою маленькую Родину? Всё мало ему земли! Полмира отхватил! А что толку? Люди живут хуже скотов. Я, видно, не дождусь освобождения. Разве это жизнь?

Уже поздней осенью по больнице пронёсся слух – повесилась Леми! Мы с ужасом наблюдали, как с чердака больницы по лестнице завхоз Пастухов с Хасаном и дядей Ваней спускали на верёвках тело эстонки.

Больше мы на чердаке больницы не играли, боясь покойной Леми...

Клюква - ягода.

Однажды пошёл в палату к Хасану передать записочку от Клавки Спириной. Захожу - в палате много больных, а в центре разгорячённый дядя Ваня Ли смешно что – то рассказывает, сюсюкает, лопочет, а все покатываются со смеху. Оказывается, Ли работал на Дальнем Востоке в тайге с какой – то партией старателей или лесорубов. Была суровая снежная зима, они работали далеко от людей и из – за бездорожья им долго не подвозили продукты. Люди просто голодали. Дядя Ваня был у них поваром. И вот как – то Ли пошёл заготавливать дрова. Попался толстый, здоровенный трухлявый пень. Дядя Ваня решил содрать берёзовую кору на растопку. Повалил его, а внутри оказалась целая колония оцепеневших от холода летучих мышей. Ли собрал их и наварил к обеду из них много пельменей, благо мука ещё была. Когда пришли из леса голодные люди, Ли подал к столу эти пельмени, приговаривая:

- Кусайте, кусайте! Холёсие пельмени! Моя двух зайцев петлями поймала, обед кусный вам приготовила!

Все были в восторге, т. к. давно не ели мясное, все хвалили искусного Ли, но так и не узнали правду...

Кроме Хасана, Ли, Калерии и Риты в больнице я дружил и с Марией Леонидовной. Маленькая весёлая женщина всегда приветливо встречала меня. И всегда меня смешила её манера поддёргивать крошечным носиком и верхней губой, на которой росли маленькие усики. Так мы её и прозвали – Усик. Она была очень брезгливой. Из чужой посуды никогда не ела, всегда ковырялась на кухне у матери и варила себе отдельный обед в своей кастрюльке или сковородке. Воду из Шегарки она цедила через марлю, всегда кипятила и всё удивлялась, что мы пьём её прямо из речки:

- Нюсечка! Разве можно пить сырую воду? Можно подхватить инфекцию и опасно заболеть. Только неграмотные люди пьют сырую воду. Там же всякие бактерии, козявки, червяки, рыба и, извините, могут быть трупы всяких животных, птиц, насекомых. А люди сколько гадости бросают в речку? Нет, нет, Нюсечка! Запретите детям пить такую воду! Недолго до беды, дети могут отравиться!

Однажды, разыскивая свою ложку, она потянулась в ларь с мукой и перевернулась туда, смешно дрыгая ногами. Спас её Пастухов, сразу схватив и вытащив за ноги. Вся в муке, она была смешна до невозможности. Хохот сбжавшихся сотрудников не смущал ее, и она продолжала икать свою ложку...

В это лето в больнице появился бойкий, весёлый, чернявый, больной узбек Сабарбай, ставший другом Пастухова. После того, как Ли охладел к Пастухову, Сабарбай и наш сосед Житковец составили неразлучную троицу, гуляя вместе.

Помнится всё отчётливо. Знойный июльский день, марево над сенокосными лугами, стрекочут кузнечики, гудят шмели, паузы, слепни, пахнет свежим сеном. Я привёз на подводе, запряженной любимым быком Борькой, продукты на обед и воду. Все собираются в тени обедать. Я распрягаю и отпускаю Борьку пастись. Все оживлены, шутят, смеются, впереди час отдыха. Пастухов - весь внимание к бойкой чернявой Маруське Ротарь, и это очень злит Любку. Пообедав, лежат, балуются, заигрывают, щекоча, соломинками друг друга. Отчим весело рассказывает всякие притчи. Все хохочут, он балуется, липнет, щиплет и мнёт счастливую Маруську. Любка убирает со стола, хмурится. Готова расплакаться. Пастухов нагло изменяет ей! Ни с того, ни с сего, раскричалась на Сабарбая:

- А ну, пошёл отсюда! Чего мешаешь мне? Хватит скалиться! Что уставился на меня? Отойди! Я тебе говорю, не лезь ко мне! Вот репейник!

Но Сабарбай, скалясь в белозубой улыбке, весело хватая её за руку, игриво щиплет пониже спины:

- Не кирпичи, не кирпичи, Любочка! Вечером я пирду, пирду к тебе!

Все хохочут, а Любка тоже не выдерживает, смеётся:

- Я тебе пирду так, что дорогу забудешь! Ишь! Ухажёр выискался!

После отдыха вновь начинается уборка сена. Все разбиваются на пары и разбредаются по огромному полю. Я пошёл посмотреть в колки смородину, увлёкся, долго собирал вкусную лесную ягоду. Вышел на край поля и сразу спрятался. Рядом метали стог отчим и Маруська. Она стояла на стогу, принимая сено, а Пастухов, загорелый, без рубашки, весело скалился и шутил над ней. Наконец, подавая навильник сена, зацепил за её грабли и свалил со стога завизжавшую Маруську. Она съехала с неловко собравшимся платьем прямо в объятия Пастухова...

Я сразу же убежал, запряг Борьку, уехал и всё рассказал матери, тем самым сделав большую ошибку. Бросив свою кухню, она вскочила на подводу и крикнула слезливо мне:

- Гони быстрее туда! Я ему задам сейчас, голодранцу! Паскуда! Выгоню его из дома!

Подъехали. Схватив грабли, мать ошарашила ими ничего не ожидавшего, счастливого отчима. Он шутивно стал отбирать грабли у матери, но не тут – то было! Рассвирепевшая Анна Филипповна, плача, била и гонялась за легко увёртывающимся Пастуховым. Маруська спряталась, а сзади злорадно хохотала Люба Тика...

Эта сцена открыла нескончаемую вереницу «подвигов» отчима. Семейные скандалы между матерью и Пастуховым стали постоянными. Но сколько мать не плакала, не скандалила, Филипп не унимался. Пил иногда беспробудно, гулял, не ночуя дома по неделям. Мать почему – то терпела все выходки отчима.

Рядом с нами было много интересных людей, но особое положение среди нас, сверстников, занимали двое – брат и сестра Дуда и Бася Файн. Они были старше меня года на три, жили втроём с матерью на левой стороне Шегарки. Уж не знаю, за что их выслали. Впрочем, сосланных там было 90% людей и только 10% сибиряки, и то бывшие кулаки, прибывшие туда в тридцатые годы. В школе Дуда и Бася учились в последнем – седьмом классе. Но учась на отлично, оба работали в зимнее время вечерами, ночами в больнице, а летом в колхозе, т. к. мать их болела и не двигалась. Дуда работал истопником, а Бася помогала Зиновьевой Гале на скотном дворе. Хорошо помню – коренастый, большеголовый и всегда флегматичный Дуда несёт на лямках (сам придумал) огромную вязку берёзовых поленьев. Грохнет её около какой – нибудь печи у палаты так, что выскочит дядя Ваня Ли и закричит:

- Цево кидайся? Больная люди, тихо нада!

Укоризненно покачает головой. Дуда смущённо улыбается:

- Прости, прости, Ваня! Замечтался, забыл о людях! В голове каша – никак не решу теорему!

Дуда и Бася закончили семилетку с одними пятёрками и дальше учились заочно. В то время это был настоящий подвиг. Они как – то упростили коменданта, сдали экстерном экзамены. Ещё никто тогда там даже не знал о заочной учёбе. Сколько помню - оба были всегда с книгами, не расставаясь с ними даже на работе. Дуда в этой глуши умудрился увлечься философией и другими науками. Он был начитан, образован и стоял на голову выше всех. В то время, как мы тратили очень много времени на игры, они зубрили науки. Соберутся иногда вокруг Дуды мужики, бабы, сверстники и слушают его мудреные рассуждения:

- Вот какая оказия. Вы знаете, что меня взволновало? Оказывается, материя – то первична! А сознание – вторично! Вот ведь в чём дело! Интересная штука...

Люди улыбаются непонятному потоку его слов, невозмутимому виду, а некоторые, отходя, подмаргивают и показывают пальцем на голову. Бесстрастный же Дуда, не обращая внимания на таких людей, мог продолжать свои философские монологи до тех пор, пока был хоть один слушатель. Меня привлекал этот человек своей степенностью, невозмутимостью, грамотностью и трудолюбием. Он казался мне умнее всех учителей, умнее Микрюкова, и даже директора школы. Я говорил Шурке:

- Вот надо же! Одних лет с Пасёном, а какая колоссальная разница во всём! Взять его отношение к жизни, людям, труду, образованию и тупого Кольку – небо и земля! Он всё знает! И про происхождение земли, человека, о религии, о Вселенной и о том, что будет дальше!

Дуда всегда уважительно относился ко мне, т. к. я слушал его, открыв рот:

- Коля! Молодец, что много читаешь книг! Книга – источник знаний! Это аксиома. Но тебе, Коля, надо учиться и дальше. Закончишь семилетку, а затем в Пихтовке

десятилетку, поступай в институт тоже заочно! А потом, может, освободят нас всех и дорога в настоящую жизнь откроется! Ты парень способный!

Его сестра Бася имела очень хороший голос и в клубе была первой исполнительницей старинных романсов и песен. Летом они с Дудой работали на одном тракторе в колхозе. Дуда тоже заочно выучился по книжке на тракториста, а в Пономарёвской МТС прошёл практику. Однажды девки на концерте в клубе спели частушку, имевшую необыкновенный успех:

Ты сыграй мне, гармонист, про родные степи.

Дуда Файн тракторист, Бася на прицепе!

Пыльный, грязный, выпрыгнет Дуда из кабины трактора, разминая ноги, а в руках всегда книжка. После смерти матери, Дуда писал прошения об освобождении в разные инстанции и добился всё – таки своего! Уезжая с Басей навсегда в Новосибирск, он подарил мне томик стихов Лермонтова.

Узнал я много лет спустя, когда вновь посетил те места, что Дуда стал профессором и работает в Академгородке, а Бася - знаменитой артисткой оперного театра...

После посещения Вдовино дядя Вася долго не писал нам - видно, тяжело переживал случившееся. Но теперь письма от него пошли вновь. Изменился лишь немного тон к матери, и добавилось - «Уважаемый Филипп Васильевич!». Но денег и посылок от него мы не получали более, чем особенно был недоволен отчим. Он частенько, под хмельком, выговаривал:

- Матр! Требуй у Василия денег! Я не могу содержать один твоих детей! Им всё больше и больше надо, растут! А учить как будем дальше? Пусть идут работать в колхоз после семилетки! Учёные в семье нам не нужны! Надо горбом зарабатывать на хлеб!

Уже к осени дядя Вася прислал весточку:

- Дорогие родные племянники Александр и Николай! Продолжаю поиски, запросы в различные инстанции о судьбе Вашего папаши Владимира Ивановича. Сердцем чувствую, что он жив и для нас не потерян навечно! Верьте и вы!

И мы верили и надеялись. От бабушек Оли и Фроси приходили редкие письма – каракули. Они всё ждали нас, а мы здесь пускали всё больше корни. Отчим, новый дом, в который мы, правда, так и не вселились по причине отсутствия кирпича для печки, хозяйство. Мать уже никуда не стремилась и мы тоже. Всё старое быстро забывалось, а здесь - с взрослением, стало так интересно. Осенью бабушки прислали посылку с шишками. По размеру они чуть более крупного боярышника и также с косточками, но мягкие и вкусные. Не верилось, что где – то в горах Кавказа, за Нальчиком, растут эти вкусные ягоды и их там видимо, невидимо. Как бабушки писали - «только дикие кабаны их едят»...

Ну, а здесь в эту осень, мы узнали впервые вкус королевы всех местных ягод – клюквы. О клюкве мы и до этого много слышали, но теперь, повзрослев, стали ходить за ней сами. Собралась компания из пятнадцати ребятшек и девчонок. Повёл всех нас в первый раз на клюквенные болота отец Кольки Верёвкина. Он собрал всех, оглядел, покачал головой:

- Да, ребяташки! Собрались вы, как на банкет! Обувь, одежда, никуда не годятся! Сапоги, плащи на фуфайки – вот что надо! А еду хоть взяли? В поход идём на два дня, километров пятнадцать отсюда до болот клюквенных. Ну ладно, что делать... Условие одно: слушаться меня, не разбредаться. Когда будем идти по болоту - только шаг в шаг! Там уже не один утоп в трясине! Ну, двинулись!

Его слова об утопленниках не на шутку напугали многих. Но отступить было как – то стыдно. Тронулись гуськом. Сначала дошли до деревни Каурушка – это километров шесть от Вдовино, слева от Шегарки. Заночевали у какого – то знакомого Верёвкина. Было уже холодно и нас не пустили на сеновал, сколько мы не просились. Пришлось всем спать в тесноте, вповалку на полу в большой просторной комнате, на чём придётся. Промаявшись всю ночь, мы с радостью вскочили, чуть только забрезжил рассвет. Сразу вышли за крайние избы и окунулись в сырой, зыбкий, бесконечный туман. Ноги мгновенно промокли, на осоке роса, да и под ногами чавкало. Холодно, зябко, ничего впереди не видно. Как это Верёвкин знает дорогу в этом белом безмолвии? Голод донимает, вечером не ужинали, а утром не завтракали, некогда. В голове мелькает настойчивая мысль, а не вернуться ли? А как вернёшься без проводника? Долго, молча и уныло, шли по болотистому лесу. Километров восемь уже прошли. Все притихли, в грязи, мокрые, усталые. Наконец посветлело, и Колькин отец объявил привал. Все облегчённо повалились на уже сухие мшистые кочки. Каждый вытащил немудрящие свои продовольственные запасы и вывалил их в общую кучу. Начали завтракать сообща. Вареная картошка в «мундире», хлеб, огурцы солёные, яйца вареные, лук. Мяса, сала и т.д. ни у кого не было, т. к. живность ещё по деревьям не резали - обычно это делалось к Октябрьским праздникам. Холодильников тогда ещё не было и домашний скот, свиней и домашнюю птицу резали только поздней осенью в расчёте на то, чтобы съесть их зимой. Так что первая половина весны и осени, а также лето в Сибири всегда было вегетарианским. Только подкрепились, и сразу стало ещё светлее – показалось солнце, и стал отступать туман. Поднялись, пошли гуськом, все повеселели. Так прошли с полчаса, и вдруг редкий лес отступил – мы оказались на краю огромного болота. Трудно описать впечатление от увиденной картины! Из густого белого тумана, низко стлавшегося над кочками, выступали редкие одиночные верхушки карликовых берёзок. И это увиденное, на всём пространстве, насколько хватает взгляд! Все восхищённо замерли и молчали, потрясённые. И вдруг встрепенулись, зашептались:

- Т-с-с-ы! Тихо, тихо! Смотрите, сохатый!

И впрямь - чудо необыкновенное! Боком к нам величаво выплывал необыкновенный лесной зверь – лось. Ноги его скрыты были туманом, и он как бы плыл по белой вате, величаво неся красивую гордую голову с огромными ветвистыми рогами. Величественный красавец – зверь прошагал, проплыл беззвучно совсем рядом, и скрылся

в лесу. Оторопелые, мы долго не могли забыть это зрелище! Расспросы, рассказы о лосях долго еще продолжались среди нас. Будет у меня ещё одна встреча с лосями во время их гона, чуть не стоившая жизни, но об этом позже. Верёвкин отец прервал наши разговоры:

- Итак, ребяташки, пришли! Начинаем сбор клюквы, здесь её уйма! Напоминаю - далеко не разбредаться, на открытые места, где не растёт трава – не лезть! Там трясины, может засосать. Клюквы собирайте столько, сколько можете донести, чтобы не пришлось потом высыпать. Помните - дорога долгая, не жадничайте!

Клюква росла прямо на мху поодиночке и группами, и чем дальше вглубь болота, тем крупнее и обсыпаннее кочки красной яркой ягодой. Рвать её руками легко и приятно, особенно, когда мох чист и нет травы. Некоторые ягодки ещё румяные с одного бока или совсем белые, ну, а в основном, кругом красное море твёрдых, холодных, кисло – сладких ягод. Только не ленись - чаще наклоняйся и работай руками! Клюкву собираем в мешок, который потом перегибаем, перевязываем пополам и несём на двух плечах. Набрали быстро, отдыхаем перед дорогой, набираясь сил. Интересно на клюквенном болоте! Подпрыгнешь вдвоём, втроём на одном месте – всё кругом задрожит, вздрогнет далеко, даже берёзки зашатаются. Видно, находимся как бы на корочке – пенке, а внизу что – то жидкое и вязкое. И впрямь, попадались открытые пространства, на которых не росла ни одна травинка – это была трящина.

Нашли мы с Афонькой большой корень и кинули в такую полынью. Чмокнуло, пошли пузыри, пенёк медленно засосало, и он исчез. Все сгрудились, смотрели, а Верёвкин мрачно сказал:

- Леший утянул! Вы знаете, в каждой такой яме живёт болотный леший и к нему лучше не попадаться. Леший похож на человека, только у него жабры, как у рыбы. Весь зарос мхом, водорослями, глаза выпуклые, как у лягушки и ночью светятся, лапы длинные и когтистые.

Мы испугались и кто – то спросил:

- А откуда вы это знаете? Разве кто –нибудь видел лешего?

- Как не видеть? Видели многие, особенно в старину. Мой дед, например, много раз рассказывал. Сейчас – то леших стало меньше в болотах, не знаю, почему. А раньше – тьма!

- А когда в последний раз кто –нибудь видел лешего? Расскажите...

- Когда, когда! Да в прошлом году! Пошли три Каурушинские бабы за клюквой, как вот мы сейчас. Да пожадничали - зашли далеко и заблудились. Ходят – ходят, и словно всё время неведомая сила их водит по кругу и возвращает их к огромной, круглой, вот такой же луже – трясине. Уже стемнело, бабы заробели, крестятся, сели на кочки, чтобы успокоиться. И вдруг раздался тяжкий вздох рядом, а над головами перепуганных женщин пролетела, захохотала дико огромная сова. Засветились тускло два бледных пятна света из трясины, и дрогнули кочки под ногами бедных женщин. В ужасе вскочили

несчастные, побросали свою клюкву и побежали что есть мочи в разные стороны. Только днём вернулись две женщины в Каурушку, а третья - молодая, исчезла. На третий день только нашли её красную косынку – лежит с краю той злополучной трясины...

Потрясённые, мы выслушали этот рассказ! Сразу расхотелось здесь находиться, и мы засобирались домой.

Раз восемь я ходил за клюквой в те годы на Каурушинское болото, но, то - первое посещение запомнил на всю жизнь!

Опасная игра с огнём.

Жизнь во Вдовино продолжалась своим чередом. Я любил вечерами ходить по деревне, наблюдать её жизнь и знал уже все уголки родного посёлка. Справа, за мостом, была лужайка, а слева, по дороге в больницу, у пруда молоканка – сепараторная. Я любил заходить в молоканку и наблюдать бойкую жизнь этой точки. Первое время, когда у нас не было своего сепаратора, мы также приносили сюда молоко на перегонку в ведре, повязанном марлей. Весело чирикают воробьи, склёвывая крошки творога, роem носятся мухи, стоит шум от сепараторов, пахнет вкусно молочными продуктами. Люди, меняясь, постоянно приходят и уходят, жизнь здесь замирает лишь ночью. За молоканкой по берегу реки вверх сразу густой конопляник и далее, висячий переход через Шегарку на нашу сторону. А ближе к бывшему детдому - теперь школе, огромные колхозные амбары.

Часто в больницу на кухню к матери приходила Свидерская Богуслава - бабка Вовки Жигульского. Глядя голодными глазами на плиту, тихонько покачивается и в такт говорит, бормочет, ни к кому вроде не обращаясь:

- Пся крев! Худо, ой худо! Мой Вовочка говодный, два дня не ев! Бедный Вовочка!

Уже спустя много лет, встречаясь с Жигульским Вовкой – весёлым, озорным, всегда подвыпившим, любил «тушить» его едкие словечки и шутки в отношении меня одной только фразой:

- Мой Вовочка говодный! Бедный, говодный Вовочка!

Вовка сразу мрачнел, и у него пропадало желание меня высмеивать:

- Перестань, брат! Это неприлично вспоминать!

А его бабка всегда уходила с кухни с чем –нибудь съестным для «говодного Вовочки».

Мать часто говорила ей:

- Посадили бы вы втроём картошку за домом, Богуслава Михайловна! Земля у вас жирная, да и навоз рядом, скотный двор за огородом. Семян мы дадим.

Бабка недовольно засопит:

- Мы потомки польских баронов! У нас есть своя гордость!

Сразу засобирается и уйдёт – не нравились ей такие разговоры.

Иногда на кухню врывалась другая интересная пара, скандалы между которыми приобретали всё более угрожающий характер. Как – то был сильный дождь; ветер рвал всё вокруг. Сидим на кухне с матерью и пьём чай. Вдруг видим – по деревянному тротуару от больницы бежит отчаянно Катя Духовская. Вся промокла, раздета, ветер раздувает её

короткие волосы и мокрое платье, прилипшее к ладной фигурке. В глазах страх и отчаяние. Кричит:

- Няся, защити!

Тяжело дыша, закрылась на крючок и накинула через ручки дополнительную кочергу. А по мокрым доскам бежит, прихрамывая, с ножом в скрюченной больной руке Борис Сергеевич. А я не боюсь его, т. к. мы с ним друзья и он хороший. Стучит отчаянно. Бледный, мокрый и смешной в своём слепом гневе:

- Няся, открой! Зарежу суку! Я тебе покажу Вацлава и Станислава! Хвостом крутишь?

Поскользнулся, упал, вымазал в грязи свои неизменные синие галифе и белую рубашку. Мать через форточку уговаривает его успокоиться:

- Борис Сергеевич! Зря вы всё это! Не ревнуйте Катю! Она моя подруга и я знаю, как она любит вас. Успокойтесь!

Скандал скоро затихает.

А «сдобная» Катя вскоре вновь играет глазами поочередно со Станиславом и Вацлавом до следующей бури.

А дружба и любовь у меня с Шавкой - первой собачкой детства, всё более укреплялась, а в это лето меня просто неимоверно растрогала и потрясла! Я не расставался с ней, везде таскал её за собой на верёвочке. Научив её отлично плавать и нырять, стал брать её в лес, задумав сделать охотничьей собакой. Но Шавка бестолково бегала, пугала птиц, зайчат и бурундуков, коих было множество. Она ничего не понимала в охоте. Также неудачно закончилась моя попытка заставить Шавку приносить брошенную палку ко мне назад. Отпущу её с поводка, науськиваю и бросаю палку вперёд, а Шавка крутится вокруг меня, только мнёт траву, подпрыгивает, визжит от радости, лижет руки и лицо шершавым языком. Зло возьмёт, начну бить её верёвкой, а она обижается, скулит и отбегает в сторону. А уж сколько не бросал палку в реку - Шавка тем более не хотела лезть в воду за ней! Разозлюсь:

- Шавка! Как ты не понимаешь, что я хочу от тебя? Не упрямясь, выполняй команды! Вот я сейчас опять брошу палку в реку - ты должна её достать и принести мне! Не выполнишь - саму искупаю!

Бросаю. Шавка - ноль внимания!

- Ах ты, тварь! Получай!

Хватаю её и изо всех сил бросаю подальше в речку. Шавка визжит, выплывает быстро и назло мне обязательно обтрусит брызги рядом, обдавая меня. Как – то ещё весной шли мы с Шуркой по дороге на Жирновку вдоль правого берега Шегарки. Так же тренировали Шавку, кидая комья грязи в траву рядом с ней. А Шавка прыгает на шум, думая, что там шуршит мышь или крыса. Прыгнула в высокой траве и вдруг из - под носа у неё вылетела

большая утка, испугав Шавку. Кинулись мы туда – прямо на кочке утиное гнездо! Красивое! Круглая волосяная шапка, набитая белыми яйцами. Посчитали – шестнадцать! Как оказалось - все абсолютно свежие! Дома мы ели яичницу и благодарили Шавку.

Один раз собачка разрыла и выхватила из земли живого крота. Мы долго рассматривали удивительного зверька:

- Шурка! Посмотри, у него нет глаз! Как же он лазит под землёй? А шкурка какая шелковистая! Слушай, а лапы какие у него мощные и когтистые! Как вёсла!

А ранними вёснами, когда только стает снег, любил ходить с Шавкой в лес, и ловить маленьких зайчат и бурундуков. Лес стоит в холодной воде. Мы, перепачкавшись и намокнув, прыгаем с кочки на кочку. Приходишь на окраину какого –нибудь околка, и вдруг на шум, всплески мокрой Шавки, выскочат из - под куста, или высокой прошлогодней травы два - три маленьких зайчонка. Серенькие и неуклюжие, они только недавно родились, и смешно взбрасывая разлапистые задние ноги, разбегаются в разные стороны и прячутся, прижимаясь к земле. Возьмёшь его мокренького в руки, а он, бедный, дрожит всем телом от страха.

Точно также, только значительно позже, мы ловили с Шавкой на заливных лугах маленьких чибисят, а на полях молодых перепелов. Чибис - странная птица! Величиной с галку, т. е. меньше сорок и ворон, чёрно – белая, с хохолком. Их там было тьма! В полёте неуклюжа и напоминает скобку или букву «з», т. е. как тройка. Летит, бестолково мотаясь в воздухе, и вдруг камнем, без «тормозов» падает на землю. Ну, думаешь, разбилась - недаром так плачет, жалуется на что – то. А у самой земли вдруг опять резко взмоет ввысь. Живут чибисы колониями на мокрых кочках рядом с деревней. Я часто перед вечером предлагал Шурке:

- Вот интересная птица этот чибис! Живут вечно в болоте, в мокроте, сырости. Как это они не простуживаются? Пойдём на гнездовья чибисов! Посмотрим, как они живут; поймаем чибисят, погладим их, а потом отпустим.

Берём Шавку. Она начинает носиться и гонять длинноногих серых чибисят. А потом они куда – то исчезают! Шавка недоумённо смотрит на нас и ложится на землю. Мол, ищите сами! А чибисята, разбежавшись в разные стороны, так искусно прячутся в разные ямки, неровности, даже в следы от копыт, что, сколько не высматривай - всё бесполезно. Рядом под ногами лежит, слившись с землёй, и не заметишь. Играют в прятки с тобой хитрющие маленькие мудрецы! После скворцов - чибис, самая любимая наша птица! Водилось их в то время превеликое множество. По вечерам, сидя на крыльце, слушаем плач чибисов. Я часто задумывался:

- Шурка! Почему так чибис жалобно кричит? Похоже на жалобное мяуканье кошки. Они на что – то жалуется. Может им надоело болото, сырость? Может их кто – то обижает? Мы, наверное, просто не видим их врагов. Змеи? Ястребы? Ворожейки? Жалко их...

Перед ночью чибисы особенно громко и жалобно стонут, мечутся. Становится грустно от их плача и мы замолкаем, затихаем с Шуркой, тесно прижавшись друг к другу, а сердце наполняется сладкой болью. Догорает ещё один день жизни, тонко зудит комар, затих щебет ласточек, повеяло холодом от родной Шегарки... И вот уже не видно мелькающих беспокойных чибисов, но ещё долго - долго звучит в ушах их тоскующий крик...

А бурундуков мы любили гонять с Шавкой лишь ранней весной, когда всё голо, а летом его редко увидишь. Идёшь по мокрому лесу, попадается толстый трухлявый пенёк. Выворишь его - обязательно выскочит полосатый юркий зверёк и давай скакать по голым веткам. Бежишь за ним снизу по колено в воде, трясёшь ветки и где –нибудь на одиночное дерево загонишь - тогда он твой! Трухнёшь - брякнется в воду, а тут он сразу становится беспомощным; плавает медленно и плохо. Но тоже шипит, кусается, царапается. Рассмотрешь диковинного полосатика и отпустишь! Живи!

Уже поздней осенью мы чуть не сгорели заживо с Шавкой на пару. А дело было так. Стоял солнечный осенний денёк - один из последних перед долгой зимой. Правда, дул довольно сильный ветерок. Пошли по уже голому лесу левее Каурушки и забрели далеко. Сначала гоняли по перелескам, полям жирных перепелов, затем далеко, у скирд соломы, около сплошного леса, увидели большую стаю отдохавших перелётных журавлей. Подкрались. Я держу собачку накоротке. Долго наблюдали красивых гордых птиц. И вдруг, неожиданно, красной молнией блеснула из – за скирды, скрадывавшая журавлей лиса! Ещё мгновение - и она схватит крайнего журавля! Но тот чудом взлетел перед самым её носом! Вся стая поднялась и, громко крича, благополучно улетела. Я опешил от неожиданности. Оказывается, не одни мы наблюдали за уставшей стаей. Заорал:

- Ах, ты, гадина! Журавля захотела! Я тебе дам! Шавка, догони!

Отпускаю собачку, бежим изо всех сил за лисой, которая исчезла в лесу. Долго мы бежали вгорячах в ту сторону, но лисы и след простыл. Выбежали на большую поляну или сухое озеро, поросшее высоченным, метра три, камышом. Стало интересно, здесь я ещё никогда не был. Долго шли, ломая камыш. Что там дальше? Но камыш становился только выше и гуще. Под ногами хлюпала холодная вода. И тут пришла в голову, как понимаю теперь, глупая мысль – поджечь его и согреться, просушить обувь. Вынул из кармана подарок Вовки Жигульского - круглое увеличительное стекло, а из фуфайки кусок ваты. Мне не стоило больших трудов поджечь вату, а затем и камыш. Сухой камыш сразу яростно затрещал и огонь, подгоняемый ветерком, начал быстро распространяться во все стороны. Я сначала, отступая, любовался огнём, но потом заметил исчезновение Шавки. Как заметил краем глаза в последний раз, она побежала в ту же сторону, куда большой лавой уже двигался огонь. Испугался, заорал изо всех сил пересохшим от волнения голосом, стараясь перекрыть треск камыша:

- Шавка! Шавка! Где ты, дура? Шавка! Ай – яй – яй! Сгоришь же! Шавка!

Но Шавка, как назло, не показывалась! А огонь взлетел со скоростью необыкновенной и я понял, что и сам могу сгореть. Надо спасаться! Бегу тяжело по воде, ноги заплетаются в

густом камыше. Падаю без конца, выбиваюсь из сил. Бежал, как мне казалось, вправо, в сторону деревни, но огонь был и здесь! Я задыхался от жары, дыма и хлопьев сажи. Понял, что Шавки уже нет в живых... Разве могло бы маленькое короткопалое существо убежать далеко в сплошном переплётё высоченного камыша, пожираемого стеной огня и подгоняемого ветром? Я метался туда и сюда, но везде была проклятая стена сухого камыша, а со всех сторон гудел, трещал, надвигался огонь! Стало безумно страшно! И тут меня осенило! Я понял, что меня водит по кругу чёрт! Неоднократно слышал это от взрослых, что черти любят играть с людьми, запутывая им дорогу. Громко плача, заорал изо всех сил:

- Чёрт, чёрт! Поиграл, поиграл? Поиграл, дорогу дай! Поиграл, дорогу дай!

Я ревел, но кто меня мог услышать здесь? Отчаянно работая руками и ногами, поминутно падая в вязком путающем камыше, весь в крови от порезов, я уже горел! Фуфайка жгла спину, и я её сбросил. А надвигающаяся стена огня была, как казалось, со всех сторон. И вдруг я услышал лай! Шавка! Конечно, Шавка! Кому же здесь ещё быть? Она зовёт меня! Она выбирала дорогу и поэтому не отзывалась! Весь мокрый от жары, бегу в сторону лая. А Шавка лает громко и непрерывно – она зовёт меня! Огонь жёг уже спину, палил волосы. Мысль долбит:

- Нет, не успею! Всё! Конец неизбежен... Нет, нет! Бежать, бежать! Бежать из последних сил! Надо выжить! Шавка здесь уже, рядом! Потерпеть! Камыш уже мелкий, значит, кончается болото!

Реву благим матом. В глазах, залитых солёным потом, уже плывут, качаются кровавые сполохи. Из последних сил делаю ещё несколько шагов и о - о - о! Чудо! Моя радостная Шавка! Камыш кончился! Пробежав ещё несколько шагов, без чувств повалился на мокрый мох и долго, долго не мог отдышаться. А Шавка радостно визжит, лижет, обмусоливает меня. А сзади стенал, завывал проклятый огонь, оставшийся без своей жертвы...

Было уже темно. Мысль стучит – как бы не заблудиться? Нас часто учили в деревне, как находить дорогу в тайге по звёздам и другим приметам. Хорошо хоть, что небо звёздное. Вроде правильно иду. Шавка рядом доверчиво бежит без поводка. Прошу:

- Шавочка! Родная моя! Только не убегай от меня! Без тебя погибну в тайге! Спасибо тебе, что спасла меня от огня! Век буду помнить!

Весь в саже, обожжённый и ободранный, еле добирался до дома, стуча зубами теперь от холода. Было уже за полночь, когда, наконец, услышал лай собак в деревне. Всё! Спасение! Я дома! На пороге меня встречает встревоженная мать, Шурка и пьяный Филипп. Ахнула мать:

- Колька! Что с тобой? Господи, на кого ты похож? Где ты был?

Я успел только сказать:

- Шавка сегодня спасла мне жизнь!

А Филипп сразу схватил ремень:

- Стяревец! Где фуфайка? Я тебе покажу!

Начал хлестать, а у меня уже нет сил орать – упал в обморок. Мать оттащила Филиппа.

Два дня проболел – не мог отойти от стресса. А в той стороне, за Каурушкой, все эти дни тянулся в небо огромный столб дыма. На деревне говорили:

- Лес горит! Какой – нибудь мерзавец опять поджжёт!

Я - то знал правду. Это горело то огромное болото, поросшее камышом.

А вскоре пошли затяжные осенние дожди и пожар прекратился...

Ловля зайцев.

Наступала зима, и мы с нетерпением ждали первого снега. За лето мы достали лыжи и немного проволоки для ловли зайцев. Мать купила у кого – то уезжающих из Вдовино ещё крепкую пару лыж для Шурки, а мне досталась разнобойная пара от двух поломанных лыж. Одна лыжа была охотничья, широкая и массивная, с чуть загнутым носком, а другая беговая, узкая, длиннее охотничьей на полметра, и с высоким загнутым носком. Но я был рад и этим лыжам. Впервые в жизни у меня были настоящие фабричные лыжи, хоть и в разнобой. Мы очень бережно относились к своим лыжам, боясь их поломать. Никогда не катались на них с горок на Шегарке, а только ходили по лесу, следили за креплением, надраивали воском, на лето хранили особым образом. И этих лыж нам с Шуркой хватило на четыре долгих зимы! Мы, каждый по себе, втайне готовились к ловле зайцев. Я спрашивал:

- Шурка! Ты уже петли изготовил? Сколько у тебя?
- Сколько есть - все мои!
- А у меня аж четыре петли, правда, две со скрутками!

Шурка всё скрытничал, но вот и он объявил:

- У меня восемь петель из хорошей серой, тонкой, сталистой проволоки и ещё одна - из толстой медной!

Я был сражён. Ну, Шурка! Где – то достал и не сказал! Огорчённо съязвил:

- А я всё равно первый зайца поймаю! Не в количестве дело! Вон, Суворов, побеждал врагов не числом, а умением!

И вот, наконец, к ноябрьским праздникам снег пошёл всё больше и больше, всё гуще и гуще. Неделю не могли выйти из дома из – за сильного снегопада и, наконец, он прекратился. Первый день охоты на зайцев я запомнил на всю жизнь! Тысячи и тысячи раз я вспоминаю в подробностях этот день и, кажется, что это всё вернётся, если только сильно захотеть, что это ещё всё повторится!

Но никто и ничто не в силах остановить неумолимый бег времени – это банальная истина! Как чистым снегом заметает следы на пороше, так время заметает наши детские годы. Неумолим бег времени - всё растает и исчезнет, как лёгкая дымка!

Как только уgomонилась снежная круговерть, схватил свои четыре петли и побежал в сторону Силаевского омута. В полукилометре от дома, сразу за крайней избой Жабровых, в перелеске, примыкающем к огородам, поставил все четыре петли. Следов зайцев было много, но троп ещё не было, и я ставил петли в тех местах, где хоть два, три раза пробежал заяц. До сих пор отчётливо помню те четыре места! Одно под корягой, где

казалось, так уютно, и заяц обязательно пробежит ещё раз здесь. Другое место тоже необыкновенно удобное - между двумя высокими снежными кочками, на одной из которых росла небольшая берёзка. Уж здесь - то заяц никак не минует этот узкий коридор – проход! Ну, а третье место ещё великолепнее – прямо под молодой, вкусной для зайца, осинкой, заземлённой верхушкой в снегу и согнутой дугой. А о четвёртом месте и говорить не надо - так оно было надёжно! Это была уже почти что тропа - так много пробежало зайцев по ней, и тропа вела к скирдам и гумну Жабровых. На это место я больше всего надеялся! Прибежав домой, заметил Афоньку и Шурку на лыжах - они тоже готовились ставить петли. Закричал радостно:

- А я уже поставил петли! И в каких местах! Просто чудо!

- Где?

- А сразу за Жабровыми в перелеске!

Афонька захохотал:

- Ты бы ещё поставил на своём огороде! Вон, посмотри, у вас полно следов. И к жердям легко привязывать петли... Но заяц то не поймается.

- Это почему?

- Да потому, дурень, что заяц ловится, когда быстро бежит и ничего не видит. А здесь он тихо и осторожно прыгает. Всё – таки деревня и собаки.

Я разозлился:

- Не учи учёного, поешь говна толчёного! Откуда ты это знаешь? Посмотрим, кто поймает первым. А вы куда поставите петли?

- Надо петли ставить подальше от деревни - так учил меня брат Иван. Он - то зайцев половил... Мы пойдём вон туда - за Жигульскими и Чадаевыми в сторону Каурушки.

Эту ночь почти не спал, метался и вскакивал. Мать и отчим смеялись весь вечер, глядя на моё взволнованное лицо. Пастухов весело скалился:

- Ну, матря, завтра все зайцы будут у нас! Печка - то не шайт, а углёв много надо, зайчатину жарить!

Я не обращал внимания на шутки отчима и мечтал:

- А вдруг во все четыре петли попадут зайцы? Я же не донесу четверых. Может, завтра Шурку взять на проверку петель?

Долго не мог заснуть, ворочался. Мне представлялся тихий ночной лес и осторожный белый заяц, крадущийся по тропе. Вот он увидел мою петлю и прыгнул в сторону.

- Эх, надо было меньше следить лыжами!

Только начал засыпать - почудился крик зайца, попавшего в петлю.

- Ведь перекрутит проволоку, оторвёт! До утра далеко, может, побежать сейчас, ведь недалеко?

Промаявшись, я всё – таки задремал и мне приснился сон.

Бегу на лыжах, отталкиваюсь поочерёдно палками. И вот я уже лечу по воздуху! Как здорово! Чуть коснулся земли лыжей – мощный толчок, и опять я лечу далеко, далеко! И так долго, долго прыгал, летал над родной деревней, над лесом и вдруг сверху вижу – в петле скачет, бьётся заяц. Подлетел к нему, пытаюсь схватить, а заяц смотрит на меня, два передних больших зуба всё увеличиваются и увеличиваются. И голова стала большой, как у лошади! Оскалил два своих огромных зуба и как заржёт заяц! В страхе вскочил с печи! Всё тихо в избе. Тикают ходики, сладко спит спокойный Шурка, да и мать с Филиппом. Ну и сон, думаю! К чему бы это? Кажется, светает. Нет дальше сил терпеть! Тихонько, чтобы не вспугнуть чуткую мать, встаю, одеваюсь и выхожу. Ещё ночь, морозит, надеваю лыжи, кликнул Шавку. Она недоумённо смотрит на меня, затем всё же подчиняется, вылезает из тёплого сена и потягивается. Прошёл по улице, лыжи страшно скрипят, боюсь, разбудят людей. Но слишком рано ещё, даже собаки спят, не отзываются. За избой Жабровых стало страшно – лес тихий и чёрный, каждый звук слышен. Думаю:

- А вдруг волки?

Правда, успокаиваю себя:

- Говорят, они очень редко забегают в наши края - не нравится им болотистая низменность.

Иду тихо - тихо, стараясь не шуметь, а сердце бешено стучит:

- Вот оно, началось! А если заяц ещё живой в петле сидит, что я буду делать? Говорят, они сильно сучат задними длинными ногами и могут поранить. А вдруг все четыре зайца в петле живые? Вот проблема будет - как их донести четверых, да ещё живых?

Подхожу к первой петле – сердце готово выскочить! Нет! Стоит пустая... С надеждой бегу дальше. Вторая, третья, четвёртая – все стоят, как поставил, не шелохнутся. Злюсь:

- Эх ты! Надо же, всё без толку! Сколько надежд!

Разочарованный, раздосадованный, в сердцах бью Шавку:

- Ты ещё путаешься под ногами! Пошла вон!

Она визжит, обижается на меня и убегает в деревню. Прихожу домой, ставлю лыжи, захожу, тихонько раздеваюсь и лезу на печку. Кажется, никто не заметил. И сразу, успокоенный, заснул мёртвым сном. Утром, в воскресенье, мать не могла добудиться меня. Только сквозь сон слышал как Пастухов, завтракая, всё смеялся над зайцами и мной:

- Колька – то спит! А вчерась метался, как угорелый со своими зайцами! Не хочет вставать. Зайцы – то протухнут!

Так и не узнал никто про мои ночные похождения...

С досады не ходил всю неделю проверять петли, а когда пришёл - они стояли пустыми и наполовину занесены вновь выпавшим снегом. Переставил их по совету Афоньки теперь дальше в лес. Не сразу пришло умение ставить петли на зайцев – выбирать места, меньше следить, ни в коем случае не пересекать тропы, натирать проволоку осиновой корой, и другие премудрости не сразу узнавались и осваивались. Да и по первому снегу нелегко поймать зайца – нет троп, т. к. снег неглубокий, зайцы ещё осторожны и сыты, ловятся они хорошо только ближе к весне. Первого своего беляка поймал уже перед самым Новым годом – сколько было радости! А потом ещё и ещё одного! А ближе к весне мои скрюченные, порванные не раз четыре петли принесли удачу – поймал сразу два зайца! Перекинул их через плечи и долго разгуливал специально по деревне – пусть завидуют! Один раз прошёл рядом с Нинкиной избой, хотя она была не по дороге домой, а чуть в стороне. Вроде занавеска шевельнулась на окне. Решил ещё раз пройти перед Суворовой и зашёл с другой стороны. Занавеска на этот раз полностью отодвинулась и в окне показалась Нинка, которая улыбалась и махала мне рукой. На следующий день в школе она подошла ко мне и засмеялась:

- Ну, ты и добытчик - два зайца сразу поймал! А зайчатины нам принесёшь? Мы мясо не ели уже три месяца.

А затем, лукаво улыбнувшись, вдруг опешила меня:

- Наверное, как подрасту, выйду замуж за тебя!

Я ошалел от счастья и ничего не ответил...

Новый год мы встречали у Чадаевых. Кроме Ирки были Нинка Суворова, Лерка Аюкова, Марченко Верка, Долгополова Валька, Мишина Вера, Эрн Мурлянд и Маруська Кобзева. И столько же ребят: Костя, мы с Шуркой, Афанасий, Вовка Жигульский, Колька Верёвкин, Горбунов Толька и Борька Перепелица. В центре избы стояла настоящая ёлка, украшенная настоящими игрушками. Таких игрушек ни у кого в деревне не было и это обстоятельство сыграло роль в том, что эту ёлку мы запомнили на всю жизнь! Сверкающие необыкновенные игрушки, яркие свечи с серебряными подсвечниками, светящиеся гирлянды необыкновенно маленьких лампочек и серебристый дождь, рубиновая звезда, краснощёкий Дед Мороз и белоснежная Снегурочка. Всё было впервые в жизни, всё ослепляло и завораживало нас! Было очень весело, девчонки необыкновенно красивы, все возбуждены, шумливы. На столе стояли два кувшина бражки, пиво на хмеле и варенье с пряниками. Весь вечер мы пили настоящий чай, а не морковный, как обычно. Было два десятка пластинок, которые проигрывал патефон. Ближе к двенадцати ночи слушали радио и даже стреляли из пороховых ракет. Всё это организовала энергичная Ирка Чадаева с помощью матери Кати Духовской. Только по прошествии десятилетий понимаешь, как это было накладно, здорово и чудесно организовать в такой глуши

великолепнейший праздник, запомнившийся на всю жизнь! Под патефон танцевали, Вовка великолепно читал стихи, играли в фантики – поцелуйчики, пели частушки. Ирка исполнила пластический этюд и танцевала, как балерина, на одних носочках. Ведущая Ирка Чадаева предложила игру, которая понравилась всем и мы часа два игрались в неё:

- Так, друзья! Сейчас, перед Новым Годом, выясним взаимные симпатии. Играем в «жениха и невесту». Жених в конце игры должен поцеловать в другой комнате невесту.

- А кто будет этим женихом и невестой?

- Все! Мы сейчас по очереди проверим всех. Но одно условие – ребята выбирают. А начнём мы.... с Углова!

Я возмущаюсь:

- Почему с меня?

Ирка жеманится и закатывает глаза:

- А ты мне нравишься, надеюсь, что меня выберешь. Итак, начинаем:

- Едет лодочка по бурному морю. Капитан Колька Углов, а пассажиры – я, Нина Суворова и Вера Мишина. Поднялся со дна моря царь Нептун и приказывает капитану: одну невесту утопи, другую высади на остров, а третью можешь взять с собой. Иначе всех утоплю!

Ирка делает паузу и тихо шепчет:

- Выбирай, Колька! Кого утопишь, кого высадишь, а кого возьмёшь с собой в тёмную комнату целоваться?

Для меня всё ясно: топлю Верку Мишину, высаживаю удивлённо моргающую глазами Ирку и, краснея, беру за руку, также вспыхнувшую, Нину Суворову. В другой тёмной комнате чуть касаюсь губами завитушек волос на голове Нинки и пулей выскакиваю под аплодисменты всех присутствующих. Капитаны всё время меняются, как и пассажиры. Затем по требованию девчонок капитанами становятся и они. К концу вечера становится ясно всем, кто кого любит или симпатизирует. Здесь нельзя было хитрить и мы по – детски сделали выбор.

В конце вечера гадали. В большую тарелку наливали воды, и каждый бросал свою спичку, помечая её. Затем бормотали молитву – присказку и вращали воду быстро, быстро. Часть спичек выплескивалась наружу, часть застревала на стенках, некоторые становились дыбом или тонули. Ирка поясняла:

- У каждого в наступающем году своя судьба! Это может быть и ошибкой. Давайте проверим другой игрой! Объясняла подробно.

Каждый комкал свой лист бумаги. Затем поочередно кидали их на подставку и поджигали. В комнате тушили свет. Сгорая, пепел от бумаги на стене давал причудливые

тени, в которых угадывали избу, фигуру человека или зверя, домашних животных, машину, волны моря, паровоз и т. д. Больше всего все боялись, чтобы тень не высветила гроб. Говорят, через несколько лет на таких Новогодних гаданиях Гришке Круковцу высветился отчётливо гроб! Все ужаснулись и, как всегда, потом забыли. Но летом неожиданно Гришка заболел какой – то неизвестной болезнью и умер...

Гадая, мы все фанатично верили, что всё это правда! Для каждого это было предсказание судьбы, каждая тень, фигура предсказывала будущее. Во всё это мы верили, и ни у кого в то время не было никаких сомнений на этот счёт...

Разошлись мы с этого чудесного Новогоднего праздника уже за полночь. Пели громко частушки, смеялись, шутили, бросаясь снежками. Разбудили всех собак и занесённую снегом деревню. Молодые, счастливые от избытка жизненных сил, мы вступали в Новый год!

На прошлогоднее Рождество мы уже ходили христославить, колядовать, а в этот год даже приготовили немудрящие костюмы, гримировались углём, цепляли усы и бороду из пакли. Гурьба мальчишек и девчонок с санками, с мешками на плечах, ходит по всей деревне, вваливается в очередную избу и начинает христославить.

Хозяюшка одаривает всех подарками. И так по всей деревне!

Особенно мы любили колядовать у молдаванки бабы Веры Буляк, жившей напротив нас. После высылки она сначала жила на квартире, работала в колхозе на ферме, была тиха и неприметна, очень верила в Бога. Здоровье у неё было неважное, она тянулась из последних сил и мечтала купить свою избушку. По этой причине она отказалась от очередного «добровольного» государственного займа и её хотели посадить. Увезли в Пихтовку, долго мурыжили, и на радость всех соседей всё – же отпустили. Вернувшись, она через некоторое время всё же купила крохотную избушку с большим огородом рядом с нами. По состоянию здоровья ей удалось уйти из колхоза, и она целиком сосредоточилась на своём огороде. Дом и огород у неё были, как ни у кого ухожены, везде чистота и порядок.

Так вот, зайдёшь к бабе Вере в избу с мороза – просто приятно! Чисто, побелено, уютно, в углу печь гудит, потрескивает, на окнах цветные занавески, в другом углу большой вечнозелёный фикус. На подоконниках цветы, полы выскоблены ножом добела, тикают ходики, на стене иконы и всегда горит лампадка. Тихая, добрая и приветливая баба Вера всегда встречала нас с улыбкой, угощала румяными шаньгами с творогом. Зная, что она верующая, мы, чтобы сделать ей приятное, всегда на пороге с охотой истово крестились и кланялись иконам.

К Рождеству абсолютно все в деревне тщательно готовились, даже партийные! С приходом отчима в наш дом мы также стали соблюдать все посты, поэтому перед Рождеством и Пасхой в доме не было мясного и молочного по тридцать – сорок дней. Пастухов за этим тщательно следил, хотя сам в Великие посты приходил такой же пьяный

и не прочь был съесть картошки с выжарками или салом. Мы же сидели голодные и праздников ждали и считали дни.

И вот это день наступил! Рано - рано утром, когда ещё не пропел петух, будит нас на печке отчим. Он уже побрит, в чистой рубашке, мать также нарядно одета. Филипп Васильевич говорит:

- С Рождеством Христовым, дети!

А мать добавляет:

- Христос родился!

Оба целуют нас, и все молимся на коленях на образа, даже Шурка нехотя. Затем идём за стол разговляться. Филипп Васильевич с матерью выпивают по малой.

И так по всей деревне в этот утренний час в каждом доме! Надолго запомнится Рождество!

Будни.

После зимних каникул мы с сожалением узнали, что более не увидим весёлую, никогда не унывающую Ефимию Лукушину. Она вышла замуж и уехала на Алтай. Целых семь долгих лет воспитывала меня в детдоме и школе эта задорная жизнерадостная женщина. Таких учителей помнят воспитанники всю жизнь! В первую очередь мы обязаны ей тем, что она привила нам любовь к русской песне – хоровой, весёлой и грустной, жизнеутверждающей и романтической, шуточной и нежной. Редко когда теперь услышу её любимую:

Костры горят далёкие, луна в реке купается

А парень с милой девушкой на лавочке прощается...

Милая Ефимия! Часто вспоминаю вашу беззаветную страсть к этим трогающим душу нежным песням! А вообще – то любовь к русской песне, мне кажется, определяет человека, его характер. Злой человек, самонадеянный гордец, жадный и хитрый, недобрый к людям – никогда не поёт наших песен просто так, для души, не веселится в компании, не грустит с песней. Он или совсем не поёт или, при случае, и песни выбирает такие же, как он сам. А уж хоровые раздольные русские песни и песни нежности выбирают, отсортировывают самые ценные, лучшие черты характера русского человека...

В нашем классе, пожалуй, самая интересная Ирка Чадаева. Лицом не особо красива, но «хитрая бестия» очень даже привлекательна - до безумия! Несколько скуловатое лицо с большими выразительными глазами, задорный носик и нежные волнистые волосы отличали Ирку от всех учениц. Это была уже настоящая «светская» женщина, хитрая и коварная артистка, умеющая увлечь любого, и знающая себе цену. Иногда прищурится и, улыбаясь, иронично говорит:

- Колька! Что – то ты мне начал сниться по ночам! Не влюбилась ли я? А что? Разве не хороша я собой? Влюбился бы ты в меня?

Я, конечно, растаю, а через некоторое время узнаю, что эти же слова она говорила Тольке Горбунову и Борьке Перепелице. Во всех наших первых детских страданиях, вздыханиях, изменах, любовных интрижках, ссорах, сплетнях, слухах и играх – везде была тень умной и гибкой в таких делах Ирки. Она и телом была гибка, как пластилин. Худенькая, небольшого росточка, вся извивалась, могла танцевать «маленьких лебедей» на носочках. А руки при этом были как будто без костей – перекатывались и извивались волнами. Дополняли всё мурые серые глаза – объективы и постоянная улыбочка на щёчках – ямочках. У всех девчонок к этому времени намечались первые признаки женственности, а у Ирки – ничего! Она от этого, видимо, очень страдала. Привыкнув быть лидером во всём, она и тут нашла выход – к платью с изнанки подкладывала, подшивала комочки ваты. Хороша всё – таки была, бестия! Кому ты досталась? Когда я через десятилетия приезжал несколько раз в Новосибирск, где проживали Чадаевы, то, сколько мы не

ходили с Костей к его сестре, она не показывалась, и так не встретилась со мной. Только подозреваю, что она подглядывала за нами через глазок двери или из занавески. Причина? Она очень проста. Ирка, говорили, растолстела, подурнела, была без многих зубов и поэтому она решила остаться передо мной такой, какой я знал её в детстве.

Басовитый крепыш с торчащим ёжиком волос, прямой нос, острый подбородок, широкий лоб и решительно сжатые губы: таков был мой второй друг после Афанасия, брат Ирки Чадаевой - Костя. С Костей мы однажды чуть не замёрзли, нас еле спасли. Он так и не захотел после освобождения приехать опять на Кавказ. Об этом мы не раз беседовали в Новосибирске, сидя за столом и выпив по рюмке коньяка:

- Зачем, Николай, переезжать? Я просто физически не смогу жить в Кисловодске - в этом городе меня унизили, растоптали мою душу, исковеркали мою судьбу. За что так издевались над нами? Власть подлая, проклятая. Вот запомни - никогда в России не будет нормальной власти! Всегда была и будет несправедливость! Таковы мы все по натуре! Приходят к власти весьма простые люди, а поднимаясь на олимп, всё забывают и становятся ... скотами. Недаром нас не любят во всём мире!

Я пытался спорить, но и сейчас - на склоне лет вижу, как Костя был прав!

Ну, а самый начитанный и образованный из нас Вовка Жигульский. Лицом потомок польских баронов был красив, всё в меру и к месту. Правильная круглая голова, русые волосы, изящный нос и ровный лоб, подбородок с ямочкой, щёки с вечным румянцем и серые, с прищуром гордые глаза – взгляд орла с поднебесья на бедную жертву. Великолепно читает целые главы из Лермонтова, умеет говорить громкие фразы, всем даёт ёмкие клички – прозвища, презирает плебеев и гордится независимостью суждений. Однако его никто не любил и все сторонились его насмешек. Он всё время играл «под Печорина» и не скрывал этого. Он легко приближал к себе, но мог и коварно предать в любую минуту. В силу простодушия своего характера, постоянно, и в детстве, юности и значительно позже, тянулся к нему. Временами наша дружба была очень крепка и неразлучна, а иногда наступало охлаждение отношений. Своей эрудированностью, умом, холодным и трезвым суждением жизни Вовка, несомненно, производил на меня большое впечатление и тянул к себе.

Достаточно вспомнить только об одном случае. Уже мы были взрослые. Как не приеду к нему в Пятигорск, у него в катушечном магнитофоне хрипит, ревёт голос какого – то певца. Вовка разъясняет мне:

- Брат! Это не debil, как ты говоришь! Появился уникальнейший поэт, певец, композитор и артист Владимир Высоцкий! Ни у кого ещё на Кавминводах нет его записей. А у меня есть! Ты только послушай внимательно, о чём он поёт! Это гениальнейший поэт! Уверен, будет третьим после Пушкина и Лермонтова!

- Ну, ты и насмешил! Третий в России! Ну, конечно, Высоцкий - Жигульский... Всё в рифму.

Вовка обижается:

- Недалёкий ты человек!

Теперь – то я согласен с Вовкой полностью и просто поражаюсь его прозорливости! Общение с Жигульским занимало меня около полувека. Так вот, конкуренции среди нас, отличников особой не было, но всё - же каждый стремился быть впереди и блеснуть знаниями. Ну, а Вовка прямо – таки болезненно переживал успехи других, старался высмеять при случае, «подставить ножку» и в прямом и в переносном случае.

Как – то он уговорил меня вдвоём напасть и избить старосту Гуселетову:

- Ты знаешь, Колька! Я слышал, как Гуселетова плохо отзывалась о тебе, да и обо мне распускает всякие сплетни. У меня предложение, давай проучим эту выскочку и всезнайку! Дадим ей по шее хорошенько, чтобы не задавалась.

Я колебался, понимая, что девчонку, хоть она и здоровенная, неприлично бить, да ещё двоим, но всё же согласился. После школы мы вышли вдвоём, скрадывая её. Было холодно, дула сильно позёмка, метель. Посреди большого пруда ещё оставался небольшой пятачок чистого льда, через который и проходила тропинка. Высокая и крепкая «лошадь – девка», как прозвал её Вовка, спокойно шла по этой тропинке, ничего не подозревая. Зябко поёживаясь, подталкивая друг друга к атаке на грозную, агрессивную и сильную старостику, мы всё не решались напасть на неё. Подошли к чистому льду, по которому струились ручейки снега. Всё – таки первым решился я. Догнал Гуселетову, толкнул её и размахнулся тряпичной сумкой с книгами, тетрадками, намереваясь брякнуть ею по голове строптивой старостики. Но Ольга устояла на ногах, резко обернулась, подставила под сумку кулак и отбросила её, а другой «кувалдой» нанесла прямой встречный мне в лицо. Я грохнулся на лёд - прямо на вылетевшую из сумки стеклянную чернильницу – непроливашку, раздавив её, и проехал на разлившихся фиолетовых чернилах метров пятнадцать. Вовка, видя такой оборот дела, пытался затормозить перед нерастерявшейся Гуселетихой. Она же ловко уклонилась от налетавшего, но уже нерешительного Вовки, пропустила его и сильно поддала грубым пимом в зад гордого Вовки. Растопырив руки, Вовка пулей пролетел мимо меня и упал носом в снег. Весь в чернилах, с расклёванным носом, я кинулся собирать по льду свои далеко разлетевшиеся по ветру тетради и книги. Так и не нашёл две тетрадки – очень силён был ветер! Оглянулся на пруд – Ольга сидела верхом на Жигульском и тыкала его головой в снег, уча вежливости к женщинам. Разбитое опухшее лицо, перепачканная одежда в чернилах, нагоняй в школе от Микрюкова за потерянные тетрадки, неутолённая жажда мести, стыд, что девчонка победила нас – вот результат заговора с Жигульским. Сразу наступило взаимное разочарование и последующая ссора с Вовкой. В результате неудачного нападения нам так и не удалось поколебать авторитет старостики...

Обычный зимний день. Прибежали с Шуркой из школы, пообедали. Тут как тут Афоня. А нам перед играми надо сделать ещё массу дел. И первое ежедневное задание матери и отчима – натереть каждому по кринке картошки. Скучнейшее задание – тереть картошку

на крахмал! Мать неумолимо давала в течении всей зимы это задание. Крахмал сдавали государству – был жёсткий план каждой семье. Достанем из подпола ведро картошки и начинаем в разных углах избы ширкать на мелкой металлической тёрке картошку. Дело идёт медленно, Афоня постоянно отвлекает разговорами и играми. Шурка обычно тщательно натирает картошки доверху кринки. Масса у него густая и даже покраснеет картошка сверху, т. к. без воды. Всё делает Шурка на совесть, но медленно. Затем он всё убирает по своим местам, моет чашки и тёрки. Я же уже давно играю с Афоней в пёрышки или зоску – только пыль стоит в комнате! Свою кринку я на четверть разбавляю водой. Размешиваю, вроде полная кринка. Но вечером мать, придя с работы, всегда безошибочно по кринке определяла, где чья работа:

- Колька! Опять пробаловался с Афонькой! Кринка у тебя неполная, водой долил. Вот я тебе, мерзавцу, задам порки, ушлый какой! А этого лоботряса Афоньку, чтобы больше здесь не видела! Дома ничего не делает, Маруся за него отдувается и здесь вам мешает.

Но я знал, что мать устала на работе, ей не до меня и она не будет заводиться. А ворчит она больше для острастки. И правда, мать забывает обо мне, уже слила из обеих кринок тёртую картошку в таз. Разбавляет тёплой водой, долго перемешивает, ещё добавляет воды и затем отжимает руками тёртую картошку. Выжимки идут на лепёшки самим или свинье, курам, корове. Оставшуюся воду процеживает через марлю и даёт отстояться. На дно таза выпадает белый твёрдый осадок – это крахмал. По ещё свежему жидкому сгустку на дне я любил водить пальцем – крахмал упруг, как резина, сопротивляется, скрипит. Мать бьёт по рукам и ставит крахмал на сушку, обычно на полати.

После тёрки картошки мы начинаем учить уроки. Шурка ходит по комнате и долбит вслух уже в сотый раз:

Всё хорошо под сиянием лунным – всюду родимую Русь узнаю.

Быстро лечу я по рельсам чугунным, думаю думу свою...

А мы с Афоней пишем, решаем и уже закончили уроки. А Шурка всё долбит и долбит стихотворение. Стихотворение настолько въелось мне, что я, к изумлению Шурки, без запинки на спор пересказываю его. Смеркается, включается в игру, наконец, и Шурка. Затем спохватывается и бежит домой Афоня – уже вечер и масса других забот. Шурка чистит картошку, отвязывает с одной из длинных кос – гирлянд золотистую луковицу на соус. В те времена лук хранили зимой в избах, наплетая и развешивая на стенах длинные вязки, наподобие женских кос. Я же одеваюсь в верхнюю материну одежду и иду доить Майку. Утром мать доит Майку сама, да и вечером иногда. Но когда она задерживается я, облачившись в её какую – нибудь одежду, выполняю эту миссию сам. Майка шумно вздыхает, встречая меня, обнюхивает. Я даю ей сена, подставляю маленькую табуретку, обмываю тёплой водой вымя и смазываю солидолом. Без этого Майка так лягнёт, что улетишь сам с ведром. Затем осторожно массирую вымя, говоря ласковые слова Майке. Это всё надо для того, чтобы корова отдала всё молоко. Затем начинаю легонько доить,

тянуть за соски. Дзынь, дзынь: струйки тёплого молока бьют в подойник. Подоив корову, задаю ей корм, а также двум свиньям, курам, гусям.

Уже темно. Беру коромысла, вёдра и, кликнув Шавку, иду на Шегарку за водой. Хожу раз пять – воды надо много, да и бочка без воды рассохнется. Иду в последний раз к проруби мимо Зыкиной избы. Дверь распахивается - из клуб пара выбегает курносый, всегда весёлый Васька и кричит:

- Колька! Айда скорее в клуб! Сегодня показывают кино «Алитет уходит в горы». Говорят, его показывали уже в Пономарёвке – интереснейший фильм! Только сейчас его привезли. Будут показывать всего два раза, т. к. завтра его ждут в Жирновке.

Я лихорадочно черпаю воду. Бегом, задыхаясь и расплёскивая из вёдер, иду домой. Кричу, ору на Шурку:

- Привезли, наконец, фильм, о котором говорили. Говорят, отличный! Собирайся быстрее, а то опоздаем. Ещё Афоньке надо сказать! Да быстрее же ты!

- Что, ужинать не будем?

- Какой там ужин? Побежали.

В эту зиму к нам уже привозили интереснейшие фильмы – «Сказание о земле Сибирской», «Падение Берлина» и «Смелые люди». Кино у нас – незаурядное событие. Целую неделю вспоминаем, спорим, подражаем героям. Уже знаем многих артистов.

Ну, а большинство вечеров проводим за книгами. Электричество нам пока так и не провели, только дали ток больнице, интернату, школе и сельсовету. При лампе – семилинейке до дыр зачитываю заново «Даурию», «Угрюм – реку» и все четыре книги Жюль Верна. Я бредил этими великолепными произведениями! Шурка готовится к школе, разводит сухие чернила в воде и заливает в непроливашки. Уже поздно. Мать кричит:

- Колька! Сколько можно читать? Гасите лампу! Спите!

Тушим свет, фитиль ещё долго коптит и пахнет керосином и гарью. Бежим по очереди к ведру пописать. Я первый пулей залетаю на печку, косясь на заиндедевские светлые окна – на дворе полнолуние. Но вроде какая – то тень прошла в окнах. Я закрываюсь с головой и взвизгиваю Шурке:

- Кто – то заглянул в окно!

Шурке тоже страшно и он также залезает с головой под тулуп, хохоча и пугая в свою очередь меня:

- Слышишь? Кто – то ходит вокруг избы! Скрип слышишь?

Робко выглядываем одним носом из - под старой дохи, и нам кажется, что за окном ходит медведь:

- Скрип – скрип, ногой! Скрип – скрип, другой!

Начинаем прислушиваться к шорохам в трубе, за печкой, за окнами. Сейчас, после двенадцати ночи, наступило сатанинское время – мы в этом уверены! Черти, ведьмы, лешие и водяные сейчас летают и ходят по селу, а домовые их не пускают в трубу, если они любят хозяина. Затем, немного успокаиваясь, начинаем с Шуркой нащёптывать, фантазировать...

Белый лунный свет залил все окрестности Вдовино. Тишина, как в гробу! Между деревьями перебегают, направляясь к деревне, зайцы. Вот один подбегает к моей петле и, не замечая её, попадает в неё. Гадаем - сколько зайцев попадётся в эту дивную лунную ночь. Наконец, засыпаем...

Отчим.

Ещё в прошлую зиму, а в эту особенно, среди ребятишек во Вдовино распространилась игра в зоску и пёрышки.

Дома мать просто ненавидела нашу игру в зоску: пыль от неё, стук, грязь на полу, шум и споры. Всё забывали на свете из – за этой игры – и домашние дела и учёбу. Немало зосок сгорело в печке – мать справлялась с ними мгновенно. Сколько слёз, сколько упрёков из – за зоски, но не было милее зимой нам этой игры в детстве...

- Шурка! Сандудай ты здоровый! Слава Богу, тебе уже шестнадцать лет, а всё играешь в эту дурацкую зоску! Ну, ладно, Колька! Ещё сморчок, а ты то? Господи! Шестнадцать обормоту...

Эти слова матери врезались в память на всю жизнь! Часто смеёмся, вспоминая их...

Сколько раз мать выгоняла Афоньку из дома, застав нас в баталиях с зоской:

- Уходи, мерзавец, домой! Не отвлекай детей от работы. Чтобы я духу твоего здесь не видела!

Афоня же не обижался и спокойно уходил, а через час, другой опять появлялся у нас. У матери к тому времени гнев проходил, и она только перемаргивалась, посмеивалась с Филиппом над нашим необидчивым другом.

Игра в пёрышки приняла тоже просто повальный характер! Даже девчонки играли. Теперь дети даже не знают ничего за зоску и пёрышки, но я до сих пор вспоминаю с лёгкой грустью эти наши милые игры...

Недолго был завхозом Пастухов. Как –то он не выходил на работу несколько дней. Его уволили.

Через полмесяца раздольной жизни неугомонная мать разыскала непутёвого супруга, долго плакала, уговаривая главврача:

- Сара Зиновьевна! Миленькая вы наша спасительница! Пожалейте моих деток! Пропадём без Филиппа. Примите его на любую работу. Я буду следить за ним и обещаю вам, что больше такое не повторится!

- Нюся! Я вас очень уважаю. Вы хорошо и честно работаете. На вас сейчас нет жалоб и нареканий. Но ваш муж... Как вы можете прощать ему такие гадости? У вас что - нет гордости? Да и пить, гулять он не перестанет. Знаю я таких мужиков. Ну, ладно, посмотрю. Что –нибудь придумаю.

Пастухов стал рабочим по двору. На некоторое время отчим затих. Мать купила ему новое тёплое пальто синего цвета. Все в основном ходили в шубах, дохах, а Пастухов щеголял в

городском пальто. Как – то пришёл я из школы – в избе холодно, грязь, накурено. Пастухов сидит в избе в пальто - весь облёванный, испачканный, грязный. Что – то доказывает постоянно икающему Кадолу и Житковцу. На столе три трёхлитровых кувшина из - под бражки. Все трое невероятно пьяны. Я затопил печку, подбросил больше дров и не знал, чем заняться, т. к. эта тройка «борзых» шумела, орала и мешала мне. На душе стало тоскливо, и я залез на печку, взяв книгу. Кадол начал чихать, Житковец рвать прямо на пол, а Пастухов всё пытался пописать в один, потом во второй кувшин из - под бражки. Это продолжалось довольно долго и часто. Было настолько смешно, что я хохотал на печке во весь голос. Но Кадол всё чихал, весь в слюнях и слезах, Житковец катался на полу, ревел нутром и блевал, а Пастухов же после качаний, падений, наконец, зажурчал и в третий кувшин. В конце концов, все успокоились и схватили каждый свой кувшин с остатками бражки и мочи Пастухова. Выпили, поморщились, дико уставились на меня, качаясь как маятники. Я чуть не свалился от хохота с печки!

Как –то пришёл он на кухню к матери в больнице сильно пьяный. Зашумели, разругались сильно. Пастухов в сердцах крикнул матери:

- Допрыгалась! Сегодня повешусь! Ты этого добивалась!

Хлопнул дверью и ушёл. Домой мать вернулась одна, злая невероятно. Сразу же сорвала свою злость на нас. Плача, грубо выгнала нашего друга Афоньку, и ни за что побила нас. Весь вечер мать металась, т. к. Филипп не приходил! Мы тоже не могли заснуть. Уже после двенадцати ночи мать решила:

- Шурка! Колька! Простите меня! Собирайтесь, пойдём Филиппа искать! Как бы он, действительно, не повесился!

Шурка заорал:

- Ну и чёрт с ним, пусть вешается! Разве это жизнь? Нам было хорошо троим, хоть и голодно. Пусть лучше опять будем голодать, но мирно жить! Хотя теперь мы выросли, свой дом и хозяйство. Зачем нам Пастухов? Что ты унижаешься перед ним?

Мать всё – таки уговорила Шурку и мы все троём по холоду, пурге пошли в ночь по друзьям, подругам Пастухова. Его нигде не было. Испуганная и взволнованная мать подняла на ноги многих. Пришёл день и мать, не спав эту ночь, ушла на работу – кормить – то больных надо!

Уже к обеду торжествующая медсестра Мария Леонидовна первая нашла нашего отчима:

- Нюсечка! Не беспокойтесь, жив ваш Филипп Васильевич! Пойдёмте, полюбуемся на своего красавца!

На скотном дворе больницы в хлеву, зарывшись с головой в ясли с сеном, в синем новом пальто, перепачканном в навозе, рядом с быками мирно храпел безмятежный Пастухов. Временами Филипп Васильевич был вроде ничего. Меня он любил, старался обиды

загладить, шутил над моими скворцами и зайцами, просил что –нибудь рассказать из книг. Шурку он не любил – всегда брал в поездки за дровами или сеном только меня.

Вспоминаю одну поездку. Мороз щиплет щёки, лес стоит в красивом куржаке. Бык тащит со скрипом наши сани по накатанной дороге, а мы лежим на сене, завернувшись в доху. Путь долгий в лес и время за разговорами проходит быстрее. Спорим о политике. Я уже комсомолец, член комитета нашей школы и очень горжусь этим. Рассказываю:

- В чудесной стране мы живём, Филипп Васильевич! Все страны мира равняются на нас! Сколько уже революций за границей, и всё новые и новые страны переходят к социализму! Победа коммунизма неизбежна! Все народы будут, как братья и всё будет общее! Везде будут колхозы!

Филипп Васильевич горячится, доказывает обратное:

- Было всегда, и будить вечно для каждого – главное своё! Что твой колхоз? Всё разорено, делается, как попало, сиськи у коров грязные, потому что не своё! Братья! Какие они нам братья? Дажник в семье порядка нет в любой! А тут народы... Пройдётся всё это, пройдётся! Труд твой коллективный.. всё общее... Чепуха всё это! Книжки ваши дурному и супротивному человеческой натуре учить! Бог даже сделал так: пальцы на руках к себе сжимаются в ладонь! Таков по натуре человек – к себе гребёт! Вот научатся в будущем ваши жёны при коммунизме рожать детей, у которых пальцы будут сгибаться от себя, а не к себе – тогда и будить ваш коммунизм!

Споры наши затягивались, я не уступал, а Пастухов был упрям...

В зиму этого года мы довольно успешно ловили петлями зайцев. Не раз и не два приносили с Шуркой по одному зайцу, а Афанасий уже несколько раз приносил сразу по два зайца. Проверяли мы петли только раз в неделю – в воскресенье, т. к. ставили их всё дальше от дома. Проволоки не было, а петли зайцы легко скручивали и уносили на себе, оставляя короткий кусок. Эти куски мы также берегли и соединяли скрутками – на них зайцы ловились хуже. У меня, сколько помню, было не больше шести петель и то все короткие. Их ставить неудобно, т. к. деревце или ветку, к которой привязываешь петлю, надо подбирать, находить у самой заячьей тропы. Петель у меня скоро осталось две, а третья, медная, была совсем никудышняя – короткая и толстая. Но как – то именно на эту толстую коротышку я поймал очень крупного беляка и ахнул: в шею бедного зайца врезались - врослись ещё два обрывка петель. Долго мы разглядывали необычного зайца, так и не избежавшего своей участи...

Итак, петель у нас практически теперь не было. Что делать? Проволоку можно достать только в Новосибирске, но это двести пятьдесят вёрст и нас никто бы не выпустил из зоны. И тут Толька Горбунов посоветовал:

- А вы снимайте петли у Яшки Дроздова! У него их уйма! Я - то зайцев не ловлю. Просто бегал на лыжах по лесу за калиной, видел его там, да и петли попадались.

- А где он ставит петли?

- Что, не знаете? Вот тот угол, правее Крыловых, за Зыкиными.

В ту сторону леса мы никогда не заглядывали ни летом, ни зимой. Старики поговаривали, что в той стороне находится где – то заросший теперь знаменитый стокилометровый Вдовинский тракт, который соединял Вдовино через Сосновку с Новониколаевском (Новосибирском). Мы выбрали метельную погоду, чтобы быстрее занесло следы, и побежали во владения Яшки. Зайдя в лес, мы поразились обилию поставленных петель на зайцев. А ведь сколько мы не просили у жадного Яшки проволоки, он не давал никому! Афоня возмутился:

- Ребята! Да у него дома, наверное, целые мотки проволоки! Посмотрите, какие первоклассные петли из невидимой сталистой проволоки! А длинные какие - метра два! Мы бережём каждый кусочек, а этот жадюга не жалеет проволоку!

- А чего ему беречь? Он же вольный! Как зарегистрированный штатный охотник ездит в Новосибирск каждый месяц с обозом сдавать пушнину и мясо. Вот там и набирает, что хочет.

- Так что нечего сомневаться - снимаем петли! Поделом, скупердяю!

Мы побежали вдоль заячьих троп (а их было здесь даже больше, чем на нашей стороне) и скоро набрали тридцать петель – по десять на каждого. В трёх петлях лежали замёрзшие зайцы, их уже почти занесло снегом. Видно, Яшка давно не проверял. Зайцев мы не взяли, т.к. воровать дичь было неприято, а петли и у нас таскали. На свои новые десять петель, расставленных в этот же день, в следующее воскресенье поймал два зайца. Иду, гордый и довольный, мимо Чадаевых, Жигульских, Мишиных. Все выглядывают, подходят, расспрашивают. И вдруг навстречу Нинка Суворова! Я, красный от волнения, иду навстречу, повесив гордо зайцев через плечи. Нинка удивлённо ахает:

- Ну, ты даёшь! Какие чудненькие зверушки! Беленькие, пушистые. А вообще, вы, охотнички, жестокие! Как не жалко вам их?

Я небрежно отвечаю:

- А чего их жалеть? В тайге их уйма! Знаешь, какая вкусная зайчатина? Бери их оба, дарю! Я завтра могу три поймать!

Нинка сначала отказывается, но затем соглашается взять одного. Я счастлив...

Зайцев мать тушила всегда с калиной. Вытащит ухватом чугунный горшок с запечённой, чёрной от крови зайчатиной, а сверху калина. Вкусно с картошкой есть! Особенно любил зайчатину отчим и поэтому всячески поощрял нашу охоту. Он сшил мне белую пушистую шапку из зайца, потом другую, копил шкурки на доху, но так и не успел. Сколько помню себя в детстве зимой - всегда ходил в белой лохматой шапке...

Большая дружная семья наших соседей Кобзевых, их быт, нравы, весь устоявшийся домашней жизни привлекали меня, и мы с Шуркой также бывали у них чуть не ежедневно. В комнатах вечный беспорядок, не убрано. Хлопотливая мать Ольга не успевала за всеми управиться. С появлением в доме Манука Карапетовича, а затем и грудного Борьки, с которым постоянно играл маленький Колька, в избе из двух комнат стало ещё теснее. Матери за работой в колхозе некогда было заниматься воспитанием Борьки, а тут ещё своё подсобное хозяйство и огород, без которого не прожить. Работала Ольга с темна до темна. А что можно было тогда заработать? Самое большее, за день женщина могла заработать полтора – два трудодня. А что давал колхоз на этот злополучный трудодень? Двести граммов печёного хлеба и двадцать две копейки денег. И ничего больше женщине, имеющей на руках шесть детей! Вот такая была проклятая власть! А нормы на трудодень были ужасные. Например, на покосе надо было выкосить пятьдесят соток высокой, в рост человека, густой и тяжёлой травы. А если дождь и мокро (как там всегда было летом почти ежедневно)? Выходных, воскресных дней тогда не было, отпусков, естественно, тоже не было. Это теперь всё это есть, а тогда было только одно – тяжелейшая ежедневная работа, работа и работа!

Отработала Ольга целый год на колхоз изо дня в день, без выходных, отпускных, пришла в бухгалтерию колхоза:

- Посчитайте, пожалуйста, мои трудодни и заработок.

Бухгалтер отвечает:

- А что считать? Всё у нас давно посчитано. Все уже были, ты что – то не идёшь! Вот, смотри! Заработала четыреста один трудодень. Положен хлеб и деньги. Хлеб ты весь проела – ещё должна восемьдесят килограмм, а деньги...

- Где это я проела? Вы что, опупели?

- Как где? А обеды, которые вам привозили в поле? Хлеба – то ела по полкилограмма!

- Да какие это обеды? Одна овсяная похлёбка и хлеб. И никто не говорил, что за хлеб будут высчитывать.

- А ты что думала? Бесплатно вас будут кормить? Деньги твои пересчитали – все ушли за хлеб.

- И что? Мне ничего не причитается?

- Причитается. Ты будешь должна колхозу семнадцать рублей. Ладно, на следующий год отработаешь. Нечего реветь! Иди, иди – не мешай работать. Голову нам не морочь!

Бухгалтер с раздражением щёлкнул деревянными счётами. Заплакала Ольга – кукиш с маслом получила! Если бы не собственная корова, свиньи, овцы, птица и огород - пропала бы семья с голоду! А в колхозе попробуй не работать! Сразу пришьют статью за тунеядство и сошлют ещё дальше.

Были у Кобзевых ещё дед и бабка, жившие в Каурушке. Они частенько приезжали к ним в гости на своей корове, запряженной в телегу или сани, в зависимости от времени года. Приезжает бабка Кобзиха зимой, распряжёт корову, даст ей сена. Заносит гостинцы детям:

- Вот вам, родня, чай familialный из фруктов, шаняжки, мёд лясной. Вот помядоры только что достала из пямов, ящё чуть не дозрели. Проголодались мы со старым. Чаунчик картохи в печь поставь. А печь – то почяму не шаить? Ох, бяда с вами, молодыми, бяда! Печь остыла, как можно? Сугреть бока, нутро таперича хотела...

Ворчит бабка, а сама уже лезет на печь. Любовь бабки к русской печи знали все – и в Каурушке и во Вдовино. Парни частенько распевали на сабантуях частушку:

Дождь идёт, на улице сухо.

А на печке лежит Кобзева старуха.

Как – то бабка забеспокоилась - Афонька ушёл за водой и долго не возвращался. Афоня же пришёл на речку и видит: прорубь занесло снегом, и вдобавок она замёрзла. Пока расчистил от снега и льда, прошло много времени. Набрал в вёдра воды, поставил рядом с прорубью, а сам пошёл к рядом стоящей бане на берегу, уселся с заветренной стороны оправляться. Приспичило ему! Глядит Афонька – бабка идёт от дома по тропинке к речке. Подошла к проруби, засуетилась, забегала вокруг. Затем, к изумлению внука, бабка становится на колени, наклоняется к проруби и кричит в воду:

- Афонька! Где ты? Вылезай, паршивец! Будя нырять! Афонька, слышь?

Афанасий, смеясь, подошёл сзади тихо, застёгивая штаны:

- Я здесь, бабаня!

Бабка охнула, обернувшись:

- Сатана! Я думала, что ты втоп в же! Фу! Напужал!

Шуркина любовь.

Снежная долгая зима пятьдесят первого года заканчивалась. Наступали предвесенние, с пургой и метелями, дни, самые тяжёлые для птиц, зверей, рыб. На деревне в это время можно увидеть только воробьёв, сорок, ворон, да снегирей. К воробьям мы уже поостыли, не считали за птицу, а поймать сороку, ворону было нелегко. Выкинешь на помойку что – нибудь или навоз из хлева – они тут как тут! Ловить капканом их было жалко, погибнут, а нам надо было их поймать живыми, чтобы лучше рассмотреть, погладить, поиграть с ними. На что только мы с Шуркой не пробовали ловить хитрых сорок и ворон - не помогало! С подсказки взрослых нам удалось, наконец, поймать неуловимых птиц. Ловили утром, когда они особенно голодные и теряют осторожность. На помойку выкидываешь кусочек сала или мяса, привязанный тонким невидимым конским волосом в несколько ниток к верёвке. За другой конец верёвки держишь, стережешь в сенцах. Сорока, ворона, если не заметила подвоха, схватит и проглотит кусочек - тогда она твоя. Если схватит и как обычно полетит, держа в клюве, то сразу же бросит, т. к. верёвка мешает.

Любили мы разглядывать пойманных гордых ворон и стремительных живых сорок! Сопротивляются, клюются, дерутся, вздрагивая упругим сильным телом, когда гладишь, перебираешь перья, рассматриваешь когти, клюв, глаза.

В большой новой избе, в которую мы так и не заселились по причине отсутствия кирпича для печки, мы устроили Живой уголок. Кто только там не перебивал и зимой и летом! Сороки, вороны, скворцы, чибис, перепёлка, синицы, снегيري, ласточки, ястреб, сова, утята, воробьи, бекас, дятел – это из птиц. А зверушки: крот, ёж, бурундук, зайчата и лисята.

Как – то Шурка пришёл из леса. Радостно мне кричит:

- Колька! Смотри, какое чудо я принёс!

Выскочил я. Смотрю - живого зайца держит за уши. Тот моргает глазами и сучит спутанными верёвочкой задними ногами. Ору радостно:

- Как ты его поймал? Наконец – то! Вот здорово! Теперь у нас будет живой заяц!

Уж нам было радости! Я часами пропадал в новой избе, разглядывая бяка!

А снегирей мы ловили этой зимой десятками. Сидишь за углом или под навесом на току, где веяли лён, зерно. Выставишь решето на ребро, палочку подставишь. К палочке привязана верёвка, под решетом насыплешь семян. Птицы голодные и прилетают мгновенно тучами. Дёрнешь за верёвку, палку выбило и накрыло решетом птиц, кто не успел вылететь. Красивые до чего снегيري! Многие во Вдовино ловили снегирей для... еды! Мы же, как не голодали, никогда не уничтожали этих чудных птиц, только

любовались красногрудыми красавцами и отпускали на волю. Их в то время были тысячи! А сейчас, говорят, почти исчезла эта симпатичная птаха...

Люблю воскресные дни. Сквозь сон слышу - тепло пошло. Это мать затопила печь. Берёзовые поленья гулко горят, потрескивают. И сразу почти чую запах еды. Мать тормозит:

- Дети! Вставайте! Завтрак на столе. Вставайте, вставайте! А то ваши зайцы убегут. Сейчас – то опять, небось, побежите в лес.

- Мам! Что приготовила?

- Что, что! Конечно, твою любимую затируху.

Мать права – люблю я это кушанье! Мать перетирает ржаную чёрную муку на молоке или обрате, добавляет чуть крахмала и кидает это полу тесто в кипящее молоко. Вкуснятина! Да если ещё маслица добавить! Наелся вкусной затирухи, схватил свои разномастные лыжи и айда в лес - проверять петли! Чудо, а не жизнь! Шурка с Афонькой идут в одну сторону, к Каурушке, а я, как обычно, один иду мимо Зыкиных, Жабровых, огибаю занесённый снегом Силаевский омут и вдоль Шегарки в сторону Косарей.

Одно такое воскресное утро запомнил на всю жизнь... Почему – то я встал чуть свет, не позавтракал, спозаранку побежал туда. Было ещё темно. Морозно. Тихо, тихо. Подхожу к повороту, где Шегарка уходит к Жирновке. А на самом повороте, рядом с мелколесьем, всегда стояли высоченные четыре берёзы. Глянул и ахнул – все берёзы от низа до верха облеплены чем – то чёрным! Шевелятся! Подошёл поближе – огромная стая тетеревов сидит на всех четырёх берёзах. Тысячи, да, тысячи птиц уселись на всём околке и рядом с берёзами! Птицы величиной с крупного петуха сидели на нижних ветках, и рядом со снегом, посередине и на самом верху деревьев. Всё было черным - черно! Такого зрелища более в жизни никогда не видел! И раньше и позднее, встречал стаи косачей по десять - двадцать птиц и не более! Здесь же были тысячи! Остановился, поражённый. До птиц было сто пятьдесят, затем сто метров, уже пятьдесят – птицы и не думают взлетать! Лихорадочно соображаю:

- Откуда они взялись здесь? Может, огромной стаей перелетают куда – то? Может, где – то для них было голодно, и они прилетели к нам? А может, какая – то сверхъестественная сила собрала их со всех лесов?

Эти мысли проносились в моей голове. Крупные чёрные птицы сидят молча. Я начал их считать. Сбивался, опять считаю. Да где там? Разве всех пересчитаешь? Минут двадцать, наверное, стоял замороженный, боясь сдвинуться. Сердце как будто подсказывало, что такого в своей жизни больше не увижу! Затем, затаив дыхание, двинулся к ним. Вот они уже рядом, но не слетают! Я в замешательстве:

- Может, всё это мне чудится? Просто сон такой? Может, это неживые птицы? Да нет, они вертят головами, шевелятся. У ближних косачей видны отчётливо даже глаза... М - да – а – а! Что же это такое? Сказать кому, не поверят...

Я уже рядом – тысячи глаз наблюдают за маленьким тщедушным охотником и не боятся меня! Поднимаю лыжные палки, прикладываю к плечу, как ружьё, якобы прицеливаясь:

- Пах! Пах! Пах!

Хоть бы что! Мне по – настоящему становится страшно:

- А вдруг они сейчас все разом слетят на меня? Вон, у Шестаковых один только петух, а никого не боится. Кидается драться даже на взрослых. А Польку Зыкину так гнал со двора, что всю фуфайку со спины порвал. Ой! Растерзают они меня сейчас, расклюют!

А тишина, как назло, невероятная, никого вокруг, даже лая собак в деревне не слышно. Только белое безмолвие, да тысячи огромных чёрных чертей – птиц окружают меня. Струхнув не на шутку, отступаю медленно, приготовив палки для защиты, и всё время оглядываюсь.

Так и не пропустили меня в это утро непонятные птицы к заячьим петлям! Дома возбуждённо уговариваю отчима пойти туда:

- Филипп Васильевич! В километре от деревни сидят тысячи косачей! Пойдёмте!

- Верю, верю тебе. Но что мы будем делать? Ружья – то нет. Улетят и всё! Беги к Яшке.

Дроздова нет дома - только что ушёл на охоту в сторону Уголков. Наконец, приходят Шурка и Афанасий – оба с зайцами, весёлые. Рассказываю им всё. Бежим сразу туда. Никого! Они разозлились:

- Засранец ты! В отместку, что у тебя нет зайца, сгонял нас сюда. Придумал ты всё!

Мне обидно до слёз...

В эту зиму мы решили рыбачить. Втроём расчистили от снега большую площадь на Силаевском омуте. Снега уже нанесло метра полтора. Пока добрались до чистого льда - получились настоящие траншеи. Да лёд такой же толщины, может, чуть меньше. Ломали, били кирками и железными ломами две лунки. Первая размером метр на метр, соединялась каналом длиной тоже с метр и стороной, глубиной полметра, с другой лункой. Главная ловушка для рыб - это вторая лунка размером поболее, но глубиной – сантиметров восемьдесят. Всё это заняло у нас несколько дней. Да ещё снег почти ежедневно заносит, надо постоянно расчищать. И вот в субботу вечером, чтобы в воскресенье весь день ловить, идём на омут окончательно прорубать лёд. В маленькой лунке, откуда будет выплывать рыба, лёд уже чёрный, чёрный, т. к. вода рядом. Корка льда тонкая и можно провалиться. Начинаем самое главное, о чём думали все эти дни! Подскоблив до опасной грани дно лунки, выбираемся из неё. Ложимся пузом на край лунки и в три лома, передохнув, начинаем ожесточённо и быстро - быстро бить лёд в одну точку – диаметром сантиметров двадцать. Вот лёд пробит, и вода издаёт терпкий и тяжёлый запах (как там рыбы живут?), рвётся тугой струёй. Вода быстро заполняет лунку

до краёв, а мы уже, не обращая внимания на холод, всё ожесточённое долбим в ледяной воде по плечи рук.

Вода уже заполнила канал и вторую лунку. И сразу увидели лезущих на свет за кислородом задыхающихся чебаков. Они почти не боятся нас. Отошли в сторону, постояли с час. Больше нельзя, т. к. вода быстро покрывается ледком. Большими снежными лопатами перегораживаем канал поперёк, чтобы из отстойника не вышла рыба. Выбрасываешь на лёд другой снежной лопатой вместе с водой чебаков, яззей, окуней, ершей и даже небольших щук. Они сразу цепенеют от мороза.

Один раз во входной лунке заметалась огромная щука – метра полтора! Она потеряла ориентацию, не могла найти входное отверстие и билась об стены. Мы деревянной лопатой бьём её, стараясь выкинуть на лёд. Но куда там! Силища у щуки невероятная – хряснул пополам черенок лопаты, а щука, наконец – то, нашла дырку в дне и еле протиснулась и исчезла в таинственной глубине Силаевского омута! Долго не могли придти в себя. Такую рыбину каждый из нас видел впервые! Хотя впереди меня ожидало ещё большее чудо. Но это после.

Мы простудились, осипли, но больше не смогли сопротивляться природе. Задула пурга. Наши удачливые лунки затянуло льдом и занесло снегом. Только два года (и на следующую зиму) мы занимались зимним рыболовством – этим увлекательнейшим и полезным занятием...

Ждётся вечера с нетерпением... Собирается вся наша сторона, наши девчонки, наши друзья. Когда запаздывает Нинка Суворова - чувствую себя «не в своей тарелке». Вот, наконец, идёт она с Аюковой. Встрепенётся сердце, сразу начинаю беспричинно шутить и веселиться. Если погода хорошая, то по всей деревне в разных местах собирается сабантуй – вечерние гулянки. И такие компании, как наша, где ещё юны и молоды, и постарше, где уже взрослые парни и девки.

Звёзды высыпали на небо, серпом висит бледный месяц, чистый морозный воздух. От Крыловых доносится звук гармошки и сочный голос Мишки Масленникова:

Эх, растяну гармонь пошире,

Пусть девчата подпоют...

А у моста, в центре, вторит ему, тоже под гармошку, звонкая Натаха Шереметьева:

Самогоночка не пиво, но и пиво не вино.

Кому надо старых девок - приезжай во Вдовино!

Мы смеёмся, грызём коноплю и семечки, толкаемся, чтобы согреться, шутим, играем в прятки, а уж чуть позже пританцовываем около какого –нибудь сеновала и поём частушки. Начинает бойкая задорная Верка Мишина:

Если хочешь познакомиться, приходи на бугорок,

Принеси кусочек хлеба и картошки котелок!

Притопывая новыми пимами, ей чуть навстречу выходит Толька Горбунов:

Если хочешь познакомиться, приди на плотину,

Намотай соплей на удочку, поймает сатану!

Отвечает Ирка Чадаева:

У меня милёнка два - оба инвалида.

Одного зовут Балда, а другого Гнида!

Нинка Суворова задорно :

Мой милёнок, как телёнок, только веники жевать.

Проводил меня до дому и не смог поцеловать!

Ухарски свистнув, Колька Верёвкин распевает:

Шёл я вечером поздненько, у матани огонёк.

Заглянул я к ней в окошко, она писит в котелок!

Очередь Верки Марченко:

У меня милёнка два – Забулдыга и Балда.

Забулдыга ходит редко, а Балда так никогда!

Лерка Аюкова отвечает:

На той стороне лошади, коровы.

А на этой стороне наши ухажёры!

Но всё испортил Афонька, который лукаво улыбался и ждал своей очереди. Он грянул, смешав девок:

Старый дедушка Барсук повесил яки на сук.

Девки думали – малина, откусили половина!

Все грохнули и схватились за животы. Расходимся поздно вечером, провожая сначала Чадаевых, Суворову, Мишину, Аюкову, а затем возвращаемся к своей стороне. Эти сабантуи – вечерки всё больше тянули нас. Мы выросли, нас тянуло к девчонкам, а их к нам. Дружба наша крепла, мы уже не могли провести вечер друг без друга, скучали. Жигульский Вовка никогда не играл с нами ни в какие игры, не проводил вечера с нами. Не знал он ни рыбалки, ни охоты на зайцев. Ничего деревенского он не хотел признавать, всё и всех презирал. Он вечно лежал дома голодный и читал бесконечно книги...

В последнее время Шурка стал уединяться от меня. Он всё что – то писал, задумчиво смотрел в заиндевевшие окна или на огонёк лампы. Шурка изменился, похудел, не хотел играть в наши игры, беспричинно хандрил и тосковал. Я как – то пытался подсмотреть, что он пишет, но это встретило такой отпор от Шурки, что я даже испугался. Сядет в самом углу, загородится книгами полуоткрытыми стоймя, и всё что – то пишет, а сам смотрит мимо меня отсутствующим взглядом. Приносил из библиотеки разные книги, что – то выписывал из них. Также приходили к нему ребята постарше меня, обменивались чем – то, тихо разговаривали и шушукались. Всё это очень страшно интересовало меня, но Шурка прятал куда – то свои записи. И вот как – то мать вызвали в школу. Пришла она оттуда вся в слезах:

- Шурка! Что же это такое? Ты, оказывается, стал двоечником? Ты же всегда был прилежным учеником! Что случилось с тобой? В последнее время ты стал какой – то тихий. Я думала, что ты перестал дурболайничать и взялся за ум – стал учиться лучше, а ты, наоборот? Ты что, свинопасом хочешь всю жизнь работать?

Мать плакала и ругала Шурку, а тут ещё подключился Филипп:

- Халдей ты! Не хочешь учиться – иди быкам хвосты крути!

На некоторое время Шурка как бы очнулся и стал учить уроки, как было раньше, вслух. Успеваемость у него опять повысилась, но он продолжал попрежнему что – то тайком писать. И, наконец, я узнал его тайну. Как – то вытащил из – за печки, где была щель для домового, толстую синюю тетрадь. На обложке было написано «Дневник». Перевернул первую страницу и увидел в углу надпись «Эрне посвящаю».

Дневник начинался с собственных стихов, сочинённых Шуркой:

Любовь – это бурное море, любовь – это злой ураган.

Любовь – это буйное горе, любовь – это ложь и обман!

Ну, а дальше, так вообще незабываемые перлы:

Цветы растут корнями книзу,

Я вас люблю, но редко вижу...

Было ещё много любовных стихов разных поэтов. Вперемежку со стихами затем шла проза, тоже всё на любовную тему. Запомнились «Приметы любви у юноши» и «Приметы любви у девушки». Кто как посмотрит, как вздыхает, смеётся, что говорит и т. д. Я понял, что мой брат беззаветно влюбился в курносую, веснушчатую, с короткой стрижкой и голубыми глазами, гордую и красивую немку Эрну Мурлянд, учившуюся классом старше. В дневнике были и его собственные мысли о себе, Эрне, его страдания, размышления и переживания. Всё это было чрезвычайно интересно, и я читал на одном дыхании. Запомнились «Правила поведения юноши в присутствии девушки» и такие же, только наоборот. Уже, будучи взрослым парнем, не раз всерьёз вспоминал при встречах с

девушками те наивные, детские правила – наставления юношеской любви и пытался следовать им. Например, «если девушка проходит мимо и смело смотрит в глаза юноши – она хочет увлечь его», или «если опускает глаза, значит, она любит его» и т. д. и т. п. Запомнились стихи о женщинах с длинным и курносый носом. Врезалось в память, что:

Женщина с длинным носом всегда угрюма, как сова.

С ней счастья будет чёрта с два!

Стихи напоминали тем парням, «которые хотят жениться», что:

Женщина с курносый носом всегда весёла и умна.

Да здравствует курносая жена!

Последнее обстоятельство несколько озадачило и смутило меня. У Нинки Суворовой нос был и не длинный и не курносый. Несколько собственных четверостиший Шурки было о природе, деревне, животных и птицах. Например, запомнилась Шуркина рифма о пограничниках:

Ночь. Луна светит ясно. Но люди Свободы не спят.

В руках с автоматом они все стоят.

Шуркин дневник я спрятал туда же и впоследствии потихоньку почитывал, пока он не разоблачил меня. Дневник он писал до окончания Пихтовской школы, куда мы впоследствии пошли в восьмой класс. Это было в пятидесяти километрах от Вдовино, и мы там проживали на квартире вместе с двумя ребятами. Один из них – Пирогов, мастерски художничал, и разрисовал красивыми заставками каждую страницу Шуркиного дневника. Что сказать? Шуркин дневник произвёл на меня огромное впечатление. Но я пошёл дальше, взяв всё – таки пример с этого дневника. Любовные страдания, переживания – всё это хорошо, но преходяще! Я решил описывать свою жизнь...

Всего я успел записать семь больших общих тетрадей – блокнотов. Не будь их, и не было бы этих повествований....

Знаменитый фокусник.

В эту зиму впервые во Вдовино приехал знаменитый фокусник. Мы давно его ждали. О его изумительных фокусах – чудесах ходили в народе легенды. Не знаю, кто это был, но Володька Жигульский впоследствии уверял, что это был ... Вольф Мессинг. Ещё за месяц до его приезда извещала афиша, прибитая к брёвнам у входа в клуб, написанная Петькой Гуровым на листе ватмана. Собралась вся деревня, клуб битком, табачный дым «коромыслом». На сцене появляется в чёрном костюме, цилиндре и чёрных очках худощавый, чернявый, с большим носом и довольно некрасивый человек. Впервые видим такого! Он приветливо здоровается со всеми и говорит:

- Кто хочет выпить водки?

Все переглядываются, смущаются, шепчутся, а фокусник подбадривает и настойчиво приглашает:

- Да, да, водки! Вы не ослышались. Не стесняйтесь, проходите смелее! Можете вдвоём – троём. У меня водки на всех хватит. Ну же! Не бойтесь! Водка настоящая! Вот, смотрите! Я сейчас на ваших глазах откупорю бутылку. Итак – открыл. Есть смелые люди?

Из глубины зала, пересмеиваясь и отшучиваясь, выходят Пастухов и Сабарбай. Довольный фокусник подбадривает их и наливает по гранённому стакану чистой прозрачной водки:

- Пейте, друзья! Не бойтесь! Водка не отравленная. Пейте, пейте!

Сабарбай и отчим одновременно выпили, крикнули, утёрлись рукавом. Все в зале возбуждённо смеются, предчувствуя подвох. Но фокусник спокойно прогуливается по сцене, как будто не замечая стоящих в нерешительности Пастухова и Сабарбая. Зал задвигался, зашумел, видя нерешительность фокусника. Видно, обманул, ничего у него не получается! Кто – то закричал:

- Филипп! Ну как, водка настоящая?

Филипп Васильевич тихо отвечает:

- Да, крепкая! Уже берёт за душу.

Из зала сразу закричали несколько мужиков:

- И мне водки можно?

Фокусник строго смотрит в зал, резко подходит с бутылкой к отчиму и Сабарбаю:

- Хороша, говорите? Ну что, ещё налить?

Филипп и Сабарбай уже охотнее подставляют стаканы. Скромно смеясь в усы и поблескивая глазами, Пастухов отвечает:

- Как желаетесь...

Но фокусник вдруг грозно смотрит на обоих выпивох, и громко говорит:

- Ишь, чего захотели! На дармовщинку напиться за мой счёт? Не выйдет! А ну, отдавайте водку!

Берёт у них из рук стаканы, властно командует:

- Наклонитесь!

Подставляет стаканы под нос Сабарбая и Пастухова. Все ахнули! На глазах изумлённого зала из носов обоих мужиков в четыре тонких струйки течёт, журчит водка в стаканы. Фокусник набрал полные стаканы водки, сливает её опять в бутылку и под хохот всего зала отправляет смущённых мужиков на скамейки.

Долго не могли успокоиться в зале. Всем понравился фокус, но, как оказалось, и следующие были не хуже.

Фокусник приветливо посмотрел в зал и весело сказал:

- Ну, я вижу, вам понравилась моя первая импровизация. Если это так, то продолжим. А теперь давайте женщин попросим - провести ещё один опыт. Нет, нет! Не смейтесь, водку пить больше не будем. Пусть кто –нибудь выйдет из женщин. Ну, вот вы, красавица! Не стесняйтесь! Выходите, выходите.

Из зала, покачивая бёдрами, выдвигается улыбающаяся Катя Духовская. Он посадил её на стул ближе к лампе, чтобы лучше было видно, вытащил длинное круглое шило и наставил его ниже уха на оголённую шею бедной Кати:

Строго, но внятно сказал:

- Не бойтесь! Закройте глаза!

Начал медленно, медленно втыкать острое шило в шею. Все замерли, поражённые, но Катя не шевелилась. В зале пискнула дочь Кати – Ирка Чадаева:

- Мамочка!

Фокусник грозно посмотрел в зал и приложил ладонь свободной руки к губам, призывая к тишине. Вот уже чётко видно, что конец шила уже показался с другой стороны шеи. Он победно посмотрел в зал и также медленно вытащил шило назад. Ни кровинки! И Катя живая! Все отчаянно захлопали...

Затем фокусник спросил:

- Ну, что? Вижу, понравилось. Есть в зале у кого –нибудь целые десять рублей? И ещё нужна сырая картофелина. Ну, ну, не скромничайте. Не бойтесь, отдам. Неужели ни у кого нет?

По тем временам, это были большие деньги, и ни у кого из присутствующих не оказалось десятирублёвки, да и картофелины тоже. Фокусник и тут нашёлся:

- Ладно, у меня есть. Вот, смотрите! Кто хочет убедиться, что деньги и картофелина настоящие?

Прошёл по рядам:

- Убедились?

Затем он взял конверт, положил в него десятирублёвку и медленно сжёг её вместе с конвертом. А картофелину положил на графин, стоявший на столе сцены, и выстрелил из духового ружья. Картофелина развалилась и из неё вывалилась целёхонькая десятирублёвка.

Далее фокусник, смеясь, спросил зал:

- Кто верит в волшебную палочку? Никто? Странно... А у меня она есть.

Показал всему залу небольшую палочку.

- Сейчас проверим.

Велел принести из – за сцены разноцветные большие круглые шары, которые положили на пол. Они были довольно тяжёлые. В этом убедились несколько вызванных мужчин. Фокусник вдруг начал водить, махать палочкой над шарами и они взлетали, плавали в воздухе. Было очень красиво и все отчаянно хлопали в ладоши.

Фокусник разошёлся:

- А кто верит в гипноз? Опять никто? И даже женщины? Ну - ка, миленькая, выходите. Да, да, вы!

И он вызвал маленькую медсестру Марию Леонидовну. Прodelав с ней какие – то манипуляции, он усыпил её. Затем поднял её и положил на две далеко расставленных табуретки. Тело её касалось только в двух точках табуреток – затылком и пятками. Гипнотизёр положил на неё посередине подушку и сам сел на подушку, оторвав ноги от пола. Мария Леонидовна непостижимым образом выдержала свой вес и вес фокусника! Это было поразительно! Прошли десятки лет. Я видел сотни фокусов в цирке и на других представлениях, но чудеснее первых – великого мага, не было...

В одно из воскресений рано утром Филипп Васильевич взял по разрешению в больнице быстрого быка Борьку на весь день. Предстояло поехать на Каурушинское поле за сеном, а затем в Жирновку к какому – то другу за дратвой, которой всегда подшивали пимы. За короткий зимний день предстояло проехать около тридцати километров. Мы

задержались с сеном. Был очень большой снег, а упрямый и хитрый бык Борька был в не настроении и не хотел идти в глубокий снег. Пока не протопчешь сам дорожку несколько раз - бык не тронется! Филипп был невыдержанный и не любил животных, вечно матюкался, кричал, бил их. Помню, как корова Майка боялась и шарахалась от него, когда он входил в стойло. А уж с быками он обращался ещё более свирепо. Выгрузив, наконец- то, сено в больницу, мы уже перед вечером выехали в Жирновку.

Было морозно, сумрачно, но в западной части над лесом ещё горела заря. Хорошо ехать зимой на санях, зарывшись с носом в пахучее сено! Пар от нас и быка, скрип саней, темнеющий таинственный лес по обе стороны дороги, громкие крики отчима, погоняющего Борьку. Тревожил только неугомонный отчим, который вымещал злость на быке и гнал его всё быстрее, тыкая заострённым концом довольно толстого прута под хвост бедного животного. Уже почти на въезде в Жирновку бык рассвирепел и понёсся по гладкой дороге, а затем выскочил из колеи и резко свернул к речке в глубокий снег. Сани опрокинулись, и мы с Пастуховым влетели носом в снежную ванну. Окончательно расходившийся отчим, чем попало бил Борьку. Долго маялись, пока вылезли из сугробов. Промёрзли до костей. Уже в темноте подъехали к нужному двору. Вышедший навстречу Филиппов друг поздоровался:

- Филя! Оставайтесь ночевать! Вон, вижу, как малец продрог, да и ты не лучше. Давайте идите в избу! Сейчас хозяйка придёт – она у соседки. Поужинаем. Я распрягу быка и дам корм, а вы заходите! А утром уедете.

Вошли с ворвавшимся паром в тёплую избу. С лавки прыгнул огромный пушистый сибирский кот и подошёл приветливо, пытаясь потереться, поприветствовать ласково нас на правах хозяина. Но Филипп ещё не остыл от проделок быка и был зол. Неожиданно сильным ударом холодного пима отбросил обиженно рявкнувшего кота:

- Пшёл вон! До тебя съ щё! У –у –у! Мурло нажрал какое!

Здоровенный котяра не на шутку обиделся! Он запрыгнул на печь и весь вечер злыми настороженными глазами следил за Пастуховым. Шерсть его дыбилась и ходила волнами по спине. Филипп же не обращал внимания на него. Они с другом выпили, что – то шумно кричали, перебивая друг друга. Наконец, успокоились и легли спать. Нам постелили на полу, а хозяева полезли на печь. Среди ночи раздался истошный крик, вопли Филиппа и кота! В избе творилось что – то невообразимое! Вскочили, зажгли лампу. Открылась ужасная картина. Весь в крови ободранный Пастухов, кругом клочья дохи, мёртвый кот с высунутым языком. Оказывается, кот ночью прыгнул с полатей на голову Филиппа Васильевича. На счастье - тот закрылся с головой тулупом и кот начал драть в клочки крепкую кожу дохи и сильно оцарапал Пастухова, пока тот проснулся и сообразил в чём дело. Через доху он навалился всем телом на кота и задушил его насмерть. Все были расстроены, Филипп чуть не плакал, а хозяин с женой несказанно огорчёны:

- Ай, яй, яй! Филя, что ты наделал? Обидел ты чем – то его. Какой был Васька! Ну, где я теперь возьму такого кота? К чёрту тебя! Лучше бы ты не приезжал! Лихоманка тебя принесла...

Филипп слабо оправдывался. До утра мы так и не заснули. Я был насмерть перепуган – такого ужаса я ещё не видел. Чуть забрезжило - мы встали и, пряча глаза от хозяев, уехали. Покарябанный жалкий Пастухов в разодранной дохе возвращался уже смиренно и не гнал Борьку.

После Пасхи на деревне начинают катать и играть в яйца. Кто проиграл - отдаёт его победителю. Самый заядлый игрок Васька Зыкин. Вроде все проиграл, смотришь, опять идёт, выискивал острое, как торпеда, яйцо и заранее хохочет. Васька – вылитый Петька из картины «Чапаев»! Курносый, весь в веснушках, чуб вихром, в сапогах и галифе, как взрослый мужик! Васька любил пошутить,

поиздеваться над своей подслеповатой бабкой. Вот Васька делает вид, что потерял пенал для ручек. Нарочно как бы ищет его и громко кричит:

- Чёрт, чёрт, поиграл, да отдай! Чёрт, чёрт, поиграл, да отдай!

Бабка при упоминании чёрта пугается, крестится, хватает деревянный половник и гоняется за хохочущим Васькой:

- Окстись, окаянный! Разве можно его упоминать? Бог накажет!

Ещё Васька любил заводить бабку по другому поводу. Возьмёт вареную картофелину и ест её с острия ножа. Бабка сердилась и говорила:

- Васька! Что ты, стервец, делаешь? Не дай Господь, сатана увидит! Толкнёт под руку и нож в грудь!

А Ваське только это и надо. Он ещё больше распаляется, хохочет, распахнёт рубашку, приставит нож к голой груди, наступает на бабку и даже гоняется за ней:

- Ну, где твой чёрт? Пошто он не толкает нож? А? Чёрт! Где ты? Нет, бабаня, никого на свете – ни чёрта, ни Бога!

При последних словах бабка окончательно выходит из себя, вырывает нож из рук Васьки и наносит мощную затрещину. Милый Вася! Зря, видать, ты гневил свою бабушку и Бога! С огромным сожалением я через много лет узнал, что мой деревенский друг Васька Зыкин был зарезан ножом во время пьяной драки...

Силение щук.

Уже в апреле, когда снег стаял более чем наполовину, пошёл проверять последний раз петли на зайцев. Подхожу к тому месту, где должна была стоять давно потерянная короткая медная петля и вздрагиваю – огромный заяц стоит в осиннике на задних ногах и смотрит угрожающе на меня. Притом, глаза выпучены и зубы оскалены! Жутко мне стало. Заяц стоит на двух ногах, как человек, чуть покачивается, не бежит от меня, а молча, поджидает! Я струхнул не на шутку, волосы стали дыбом! В голове мелькнуло:

- Чур, чур, меня! Господи, что это? Точно! Это леший или чёрт в образе зайца! Бежать немедленно отсюда!

Взглянул ещё раз и тут дошло. Вдохнул с облегчением. Оказывается, заяц висит в короткой петле, едва касаясь снега, который стаял больше, чем на полметра,

да и осинка, на которой была прикручена петля, распрямилась. Жуткое зрелище! Большой заяц растянулся во весь рост в осиннике и, вытянувшись, как бы прислушивается к чему – то! Попался он давно, его занесло снегом, а теперь оттаял снег и заяц стоит в молодом осиннике. Здорово напугал он меня! Но мясо зайца оказалось вполне годное. За день оно не успевало полностью оттаивать, а ночью опять подмораживало...

Воды в ту весну было полным – полно. Льдины посшибали бани на берегу Шегарки у Беспаловых, Зыкиных, Кобзевых, Волковых и ещё многих односельчан. От себя кричит мне весело Афонька:

- Колька! Говорят, приехали взрывники спасать наш мост. Побежали! Будет интересно! Взрывы, как в кино на войне! Вот здорово!

Впервые во Вдовино приехали взрывники. Напор воды и льда перед мостом уже еле сдерживали четыре наклонных «быка» из толстенных брёвен. Это обыкновенный треугольник из брёвен – «высота» вбита в дно реки, а по «гипотенузе» налетают, наползают льдины и разламываются наверху. «Быки» предохраняют стойки моста от ударов льда. Мы прибежали, а там уже находятся все ребяташки, да и взрослых полно. Двое молодых парней поджигают бикфордов шнур, затем один из них бежит по льдинам с одной стороны, а другой взрывник с другого берега. Кидают два - три красных кирпичика тола, обёрнутого в пергаментную бумагу, и разбегаются в разные стороны:

- Поберегись! Всем отбежать от берега! Ложись!

По шнуру шипит, извивается огонёк с дымком. Лежим на земле и издали наблюдаем. Вот огонёк дошёл до связки кирпичей. Как ахнет! Куски льда падают невдалеке, как осколки. Запах пороха сладко щекочет ноздри. Война, в которую мы только играли, вот она - здесь! Всё настоящее – гулкие взрывы, столбы воды и дыма, острые шрапнели

льдинок свистят над головой! Как всё необычно и здорово! Сизый столб пороховых газов плывёт над деревней, будоража своим необычным запахом земляков – таёжников.

Разговоры, разговоры среди пацанов, бабок, дедов, взрослых... Лёд тронулся не сразу. Пришлось ещё два раза закладывать взрывчатку, но мост на этот раз спасли. А в прошлую весну снесло начисто Вдовинский мост! Взрывники перешли на Силаевский омут – там был крупнейший затор. Мы все за ними. Силаевский омут находится за деревней в полукилометре в том месте, где Шегарка поворачивает на Жирновку под прямым углом. Он состоит как бы из трёх омутов. В центре самый большой, а с боков, в ту и другую сторону, поменьше. Затор был в двух местах – в начале омута и в конце. Афонька кричит:

- Вот сейчас будет рыбы глушенной! Давай собирать!

- Афанасий! Какая рыба? Мы же здесь зимой её всю переловили.

- Колька! Ты дело говоришь. А вдруг взрывом выбросит на берег водяного?

- Водяной не дурак. Он всё видит и уже, наверное, смылся отсюда. Они, говорят, не любят, когда людей много.

Когда взорвали второй раз сразу четыре кирпича – все ахнули. Десятки белых брюх рыб замелькали в воде. Взрывники с лодки собирают чебаков, окуней, ершей. Я ещё на среднем омуте заметил недалеко от берега полузатонувшую большую щуку. Она - то всплывала, то опять исчезала в тёмной и мутной воде. Бегу лихорадочно вдоль берега за ней. Течение довольно быстрое. Щука, видно, ещё живая и слабо сопротивляется, пытаюсь уйти на глубину. В голове стучит:

- Ой, уйдёт! Уйдёт зараза! Очухается, и конец! Хоть бы к берегу её прибило!

Обгоняю щуку уже ниже омута. Здесь река гораздо уже. На изгибе реки, вцепившись в какой – то маленький куст одной рукой, вытягиваюсь почти плашмя над ледяной водой и пытаюсь другой рукой, в которой палка, достать появившуюся щуку. Ура! Получилось! Конец палки под щукой. Резко выбрасываю щуку. От рывка кустик ломается, и я с головой ухаю в обжигающую холодом воду! Ору от страха! Тут уж не до щуки! Отчаянно работаю руками и ногами, отталкиваюсь от небольших льдин. Хорошо, что плыву рядом с берегом. Ухватился за свисающий куст ракиты, вылез. Метров на пятьдесят ниже по течению отнесло. Бегу домой сушиться. А щука, наверное, ожила и смеётся надо мной...

Сошла вода, солнце стало пригревать, и наступила пора силения щук. После зимней спячки щуки с удовольствием выплывают из глубин и греются, спят у берега, выбирая открытые места на плёсах. Солнце светит ярко, щука дремлет у самой поверхности воды, чуть шевеля плавниками. Мы обычно знали эти места, где любили стоять щуки.

Подойдёшь тихонечко к берегу, чтобы не вспугнуть её. На конце удилица проволочная петля. Тихонечко издали заводишь её на щуку. Диаметр петли должен быть раза в два больше толщины щуки, чтобы не коснуться её плавников, иначе чуткая щука сразу уйдёт. Сердце бешено стучит. Заводишь сталистую, невидимую в воде петлю на голову щуки. Вот уже хищный нос прошёл, затем открытые жёлтые глаза, вот уже за жабры завёл петлю!

Слава Богу, не проснулась щука! Пора! Рвёшь резко вверх удилище. Петля захлёстывает тело щуки, вода бугром вспенивается, и сильная речная красавица - пятнистая щука гулко брякается в траву! Летишь наверх, прыгаешь на хищницу, ломаешь хребет, затихает разбойница... Сколько весной и ранним летом в детстве мы щук силили - и больших, и малых! Сколько прелести, неуёмного трепета, азарта в этой охоте на свирепого, сильного, быстрого обитателя нашей таёжной реки! Даже сам вид центростремительной, торпедообразной щуки волновал меня! Какие формы тела, жёлтые глаза, хищный нос, а зубы! Нет красивее рыбы на нашей Шегарке!

Иду от Вдовино до Жирновки по одному берегу, выслеживая щук, а назад по другому берегу. Часами, терпеливо вглядываясь в тёмную воду, мог так и не высилить ни одной щуки, но это обстоятельство меня нисколько не разочаровывало. Лишь бы было только солнце! Готов был опять на следующий день пройти эти двенадцать километров, неслышно ступая, как кот, и с затаённым сердцем, до боли вглядываясь в разводья щучьей травы. Как прекрасна эта охота на щук! Маленькие щурята стоят на берегу до поздней осени. Мы их ловили на петли из травинок. Была на Шегарке такая трава - гибкая, прочная, как льняная. Сделаешь петлю, предварительно помяв травинку, и прямо рукой наводишь на щурёнка. Выхватил, а чуть крупнее щурёнок обязательно оборвёт петлю. Зная места, где стоят щуки, издали крадёшься. Чуть зашумел, затрещал камышом или некстати споткнулся, кашлянул, слышишь, что – то впереди булькнуло. Так и есть, ушла щука! Только лёгкая дымка мути осталась на её месте.

А насколько жадные и хищные щуки! Мы не раз видели, как река вдруг вскипала сразу в нескольких местах. Можно только представить, как охотятся в таинственной глубине разбойницы.

Как – то раз удили рыбу с Афанасием. В конце омута плавала стая диких уток. Вдруг они вскинулись, закричали испуганно, а одна утка, отчаянно и беспомощно хлопала крыльями, пытаясь взлететь, но у неё ничего не получалось. Афоня закричал:

- Смотри! Щука схватила утку за лапу! Утащит ведь, утащит!

И точно - утка исчезла в глубине! А уж утят, лягушек и даже ласточек довольно часто хватают ненасытные твари. Ласточки любят ловить насекомых над самой водой. Сколько раз видели: летит низко ласточка над самой водой и вдруг, как выпрыгнет щука навстречу ей! В основном промахивались, но иногда и ловили ласточку.

Ещё ранее мой друг Талик Нестеров рассказал мне, как он поймал самую большую щуку необычным способом:

- У нас за Жирновкой заключённые прорыли много каналов, по которым отводили воду в Шегарку, и осушали болота под новые площади посевов и сенокосов. Каналы метра два шириной и с метр глубиной. Я люблю ходить вдоль каналов силить щук. Вода очень тёплая и каналы кишели лягушками и разными куличками. Так вот, щуки заходили туда погреться и охотились за ними, а я за щуками. Иду как – то раз, вижу - огромная щука тихо движется вдоль канала. А у меня, как назло, только что порвалась последняя

петля – ушла с ней щука. Я отскочил от канала и соображаю, что делать? Вспомнил - у меня в сумке лежит цветная проволока. Из красной проволоки лихорадочно сделал петлю. Изоляцию уже некогда обдирать. Стороной обогнал щуку и уже, ни на что не надеясь, метров за двадцать до неё, завёл петлю в воду. Сам присел в траву и стал ждать. И вдруг щука сама кинулась на красную проволоку и давай рвать. Я от неожиданности резко рванул удилице и выхватил щуку с застрявшей цветной проволокой в её зубах! Вот это была удача!

Чуть просохло, деревню затянуло дымом, ничего не видно, страшно. Дым тянулся со стороны Жирновки. Это были палы. Там несколько лет заключённые производили осушение болот, и торф вдоль каналов высох и загорелся. Пожар был сильный. Горело до глубокой осени, временами затихая, а иногда разгоралось настолько, что даже из Вдовино ночами было видно красное зарево в полнеба в стороне Жирновки. Глядя на это зарево, было тревожно на душе.

Подсыхало. Мы уже играли в лапту. Незабываемы весенние вечера! Хрустит ледок под ногами в оставшихся лужицах, затихают звонкоголосые скворцы и чибисы, тёплый весенний ветер тянет из леса.

Нападение воронов.

В нашей деревне не было улиц, а я, начитавшись книг, и посмотрев фильм «Весна на Заречной улице», так хотел жить на настоящей улице, как в городе. В один из вечеров на куске фанеры большими буквами вывел – улица Болотная №1 и прибил его чуть выше окна. Кругом было болото, и название улицы понравилось всем. Сначала Валька Долгополова подхватила и написала на своём доме масляной краской – ул. Болотная №2, а потом и все ребяташки, до Жабровых, подписали свои дома. Так во Вдовино появилась первая улица с номерами домов. Взрослые только посмеивались.

Вечереет... Во всех концах деревни девчата поют частушки и теперь неизменно звучит по нескольку раз одна из них:

Скоро, скоро Троица, лес травой покроется.

Скоро миленький приедет, сердце успокоится!

К этому долгожданному празднику Весны в начале июня всегда основательно готовились. После долгой зимы так радостно на душе у всех от обилия солнца, зелени, цветов. Ветками только что распустившейся вербы в деревне все украшают ворота, калитки, двери, окна. Ветки берёзки с маленькими клейкими сочно зелёными листочками, наряду с ветками осины и ольхи, украшают избу внутри. На полу густой ковёр первой пахучей травы, в комнатах по стенам, окнам всё в зелени, прохладно. Пахнет так, что голова кружится! А ночью спится как! Никто на Троицу не работает – деревня гуляет! Из избы в избу все ходят в гости друг к другу в самой лучшей одежде. Девушки все с венками на голове, парни в хромовых сапогах и рубахах навывпуск. Многие пиликают на гармошках и тренькают на балалайках. Старики вылезли на завалинки, отогреваются, щёлкают семечки.

Но вот начинаются частушки и бойкая Верка Мишина, притопывая по кругу, начинает:

Ты пошто меня не любишь, я пошто тебя люблю.

Ты пошто ко мне не ходишь, я пошто к тебе хожу?

Пропев все частушки, начинаем наши песни и первую среди них, незамысловатую, но любимую всеми на деревне, запекает Колька Верёвкин:

Расти моя роза (три раза) чопорна.

Муж меня не любит (три раза) водку пьёт.

Как домой приходит (три раза) жинку бьёт.

Не бей меня, муже (три раза) Николай.

А то я уеду (три раза) за Дунай.

Уехала жинка (три раза) за Дунай.

Плохо жить без жинки (три раза) одному.

Приезжай жинка (три раза) до дому.

Приехала жинка (три раза) до дому.

Ложки все не мыты, чашки все побиты.

А детишки плачут на печи.

Затем идёт обязательная, любимая всеми военная песня, которую я пел ещё в госпитале в 1944 году в Кисловодске:

Может в Корбино, может в Рязани, не ложилися девушки спать.

Много варежек связано было, для того, чтоб на фронт их послать...

Мы повзрослели и в этом году стали петь лирические песни – «Под окном черёмуха колыхнется», «Снова замерло всё до рассвета», «Ой, цветёт калина» и другие тревожащие душу русские песни. До самой глубокой ночи звучат по деревне родные напевы...

После первых дождей хорошо клюёт рыба в Шегарке! И лучшая начинка не червь, хлеб или кузнечик, а личинки паутов, выдавливаемых нами из спин бедных коров и быков. Сибирским домашним животным жизнь не сладка. Голодно и холодно зимой, морозы до минус 45 градусов, страшные метели, а летом гнус не даёт покоя.

Уже с первых дней июня, как зазеленеет, и начинают сажать картошку, появляются комары. И чем дальше в лето, тем их больше. В дождливые годы комар просто заедает скотину. Она худеет, болеет и если не спасать её дымокурами, может даже пасть. В лес и не смей вечерами показаться. Кишащие тучи серых длинноносых, длинноногих разбойников нагло лезут в лицо, попадают в дыхалку, набиваются в волосы, уши, протыкают хоботками даже толстую одежду. И ничего не спасает! Не было тогда никаких средств борьбы с этими кровососами!

К концу июня комарам помогает уже мошка, более мелкий и вредный кровосос. Их миллиарды! И каждая тварь хочет напиться крови.

В это же время появляются дневные мучители – пауты и слепни. Пауты чуть меньше шмеля. Но укусит - подскочишь от боли. А слепни, как пчёлы. И вся эта гадость не даёт человеку и бедным животным летом покоя. Только в воде спасаются коровы, да человек дымом вечерами отгоняет их. В иные тихие вечера комары и мошка настолько нас донимают, настолько обсыпают животных, что хоть криком кричи. В воздухе стоит сплошной зуд и звон. Протянешь растопыренную ладонь, проведёшь пятернёй по спине бедного быка или коровы - так след пятерни остаётся среди сплошной серой массы,

месива кишаших комаров, облепивших серым живым одеялом животное. Они даже не взлетают, настолько обнаглели.

Тепло... Уже можно купаться и мы пропадаем все свободные минуты от работы на реке, плавая среди кувшинок. А кувшинок на Шегарке полным – полно: белые, жёлтые, розовые! Красота неопиcуемая!

По вечерам, приходя с работы, любил купаться с нами в речке и Филипп Васильевич. Разденется. Длинные чёрные трусы до колен, кривоногий, хмельной, регочет в усы над матерью, пришедшей тоже отдохнуть с нами к прохладе реки.

Приятные такие вечера. Мать не ругается, сидит на берегу, опустила ноги в воду, нежится. Мы плаваем вразмашку. Филипп растирает большую шишку на правом плече – след удара балкой в шахте, шутит с матерью:

- Матр! Пошли вместе нырять!

Разгонится с берега, обязательно громко рыкнет и ещё громче пукнет, ухнет, нырнёт в тёплую воду. Плавает он хорошо. Мать смеётся:

- Ты там, в трусы не подпустил? Мне же стирать.

Накупавшись, все возвращаемся домой, а Филипп Васильевич посылает меня за рыбой:

- А ну, Колька, где твой улов? Сбегай на пруд.

Рыбу он очень любит и я всегда для него старался её поймать. На верхнем пруду у меня в потаённых местах всегда находилась мордушка, и если не удавалась рыбалка на реке, то всегда выручали гальяны. Вытащишь мордушку, обмазанную изнутри хлебом и вареной картошкой прямо по прутьям, а затем травяной кляп – десятки кишаших чёрных гальянов радуют глаз. Филипп, когда голоден и сильно пьяный, ест прямо живых гальянов с кишками, головами, чуть присолив только. Мать смеётся, возмущается:

- Филипп! Что у тебя за желудок? Как ты можешь, есть живую рыбу с кишками? Гальяны живут в грязной воде, в пруд попадает всякое дерьмо.

Пастухов только ухмыляется.

Уже третий год мы с Шуркой занимаемся коллекционированием яиц диких птиц. До этого мы вели гербарии – тоже увлекательнейшее занятие! Сотни разных засушенных листьев, цветов, трав. Как приятно в пургу зимой полистать большие блокноты с приколотыми листочками, цветочками! Вдыхаешь аромат лесных трав, вспоминаешь весну, лето, осень.

Затем мы увлеклись засушиванием разнообразных бабочек, стрекоз, жучков, насекомых. Причём Шурка всегда делал всё основательнее меня. Обведёт, подпишет наименование, где и когда поймал – у него блокноты красочнее моих. Так вот, с Шуркой у меня к этому времени сложилась прекрасная коллекция яиц. Над моей лавкой, где я готовил уроки, висела гирлянда пустых яиц от всяких птиц. На дратве были яйца ястреба, коршуна,

утки, скворца, воробья, синицы, сороки, вороны, чибиса, ласточки, пеночки, иволги, малиновки, перепёлки, бекаса и других неизвестных нам лесных птиц. А их в здешних лесах водилось предостаточно. Часами мы могли лежать с Шуркой в высокой траве, чуть выглядывая, и наблюдать, куда же сядет обеспокоенная птичка, где её гнездо. И мы, как правило, пересаживали осторожную птаху, и очередное красивое яичко украшало нашу коллекцию! Каких только красок, каких только не было у нас разнообразных яиц! Пятнистые, красные, бурые, голубые, жёлтые, зелёные – все цвета нашего прекрасного мира присутствовали у нас в коллекции! Всё это радовало глаз зимой и напоминало о красоте природы! Одно из самых сильных ощущений детства – выслеживание с трепетом в груди гнездовой птичек! Я до сих пор самозабвенно люблю всех птиц...

Яички, пока они не насижены, прокалывали толстой иглой с двух сторон по длине яйца. Затем прикладываешь к губам, выдуваешь, выдавливаешь белок и желток через маленькое отверстие. Через пустое яйцо продеваешь дратву или суровую нитку. На ней оно будет храниться десятки лет! Только не разбей! Все яички добываются с большим трудом. Немало надо затратить времени, терпения и желания, чтобы заиметь красивое яйцо от неизвестной птички.

У меня в коллекции долгое время не было яиц ястреба и чёрного ворона. В этом году яйцо ястреба достал довольно быстро. В стороне Косарей, недалеко в лесу, нашёл его гнездо. Довольно низко, но сучков полно. Ястреб кидался драться, но я его легко отгонял рукой. А вот что с воронами делать? Где они водятся? Во Вдовино мы их видели очень редко...

Кобзев дед, узнав о моих заботах, рассказал:

- Есть, есть эти дьяволы - птицы и у нас! Большая колония их каждый год селится в стороне Лёнзавода. Чёртова птица! Орёт страшно, как прокажённая! Как найти? Дойдёшь до посёлка, а затем как раз посередине между Хохловкой и Вдовино, далеко в лесу! Километров двенадцать - пятнадцать будет! Гиблое место! Не советую ходить!

Вороны почему там селятся? Лешии, черти, ведьмы – вся нечисть там!

Я загорелся ещё больше! Думаю:

- Хотя, конечно, страшно там, наверное. Но надо только днём успеть там побывать. Надо найти гнездо чёрного ворона, пока яйца не насижены!

Ушёл бегом на следующий день. В лесу уже просохло, зелёная травка была ниже колен, бежать было легко. И вот я у цели. Лес стал необычным. Редкие высокие гладкие берёзы практически без сучков снизу, а вершины у большинства обломаны, срезаны. Значит, верно пришёл - об этой примете упоминал дед Кобзев. Между редкими великанами внизу сплошной мох и небольшое мелколесье. И вот, наконец, вижу – на самом верху этих необычных толстых и высоченных берёз большие гнёзда. Огромные тарелки из прутьев. Одно, два, три! Чем я дальше заходил в этот необычный лес, тем больше их было. Десятки чёрных больших гнёзд на самом верху берёз – исполинов! Все берёзы

гладкие, хожу вниз, выбираю. Наконец, выбрал подходящее дерево, на которое, как мне показалось, должен был влезть. Начал медленно, медленно забираться босиком. До первого большого сучка метров 8 - 10. Тихонько цепляюсь за небольшие пупырышки – остатки прежних небольших сучков, продвигаюсь, думаю:

- Надо, надо пройти эти тяжёлые метры! А потом отдохну на том большом суку - будет легче! Дальше сучков много.

А другая мысль свербит:

Добраться то до гнезда, доберусь! А вот как с яйцами назад буду спускаться? Это ещё труднее. Не разбить бы их!

И тут только обратил внимание – над моей берёзой кружатся десятки чёрных огромных птиц. Это вороны! Начал опасно поглядывать вверх, думаю:

- Откуда их столько взялось? Ведь пять минут назад не было ни одной птицы. Даже подумал, что гнёзда прошлогодние. Вот скверная птица! В «Капитанской дочке» у Пушкина читал, что они живут по триста лет! Лучше бы человек столько жил!

А вороны всё ниже и ниже. Уже пролетают в двух - трёх метрах от меня. Какие огромные! А злые! Глаза налиты кровью, когти и клюв - не приведи Господи! Крик страшный стоит! Рычат, как львы! И вдруг пошли кругами по очереди на меня, как «Мессеры» в кино! Словно ветер дунул – рядом с затылком пронеслась чёрная тень, за ней вторая, третья! И пошло! Я остановился. А угрюмые чёрные твари сосредоточено, с жуткой последовательностью, сокращают расстояние до моего затылка. Я одной рукой отмахиваюсь. Уже совсем рядом мелькает огромный клюв – дышло и злые кровавые свирепые глаза. Что делать? Думаю:

- А может это не вороны, а черти в их обличье? Что – то они больно смелые! Нет! Не дадут эти твари долезть до гнезда! Это сейчас что творят, когда до него метров пять. А что будет, когда долезу до гнезда? Да заклюют! Запросто заклюют вдалеке от всех, и никто не узнает, как погиб я! Ну их к чёрту, их яйца! Пропади они пропадом!

Решение принято, и я облегчённо начинаю спускаться назад. И тут эти наглые твари совсем зарвались. Видя, что отступаю, они усилили давление. Один ворон задел, царапнул жёстким крылом по голове, затем другой, а третий как долбанул в затылок! Я от боли заорал и с испугу полетел вниз, раздирая штаны, рубаху, руки, ноги в кровь! Летел вниз метров 6 - 7! Упал и от боли в груди потерял сознание. Хорошо, что внизу были небольшие кустики и мягкий мох. Еле вдохнул и пришёл в себя. Очухался, плачу, весь в крови, разодранный, зло берёт. А умные дьяволы – птицы не стали преследовать меня и отстали, успокоились. Так я и не заимел в коллекции яиц чёрного ворона...

Лесные маленькие птички - в каких только местах не вьют гнёзда! Потаённые, в высокой траве, аккуратненькие, круглые. И под кочкой, и на кочке, в кустах, под кустом, в камышах, на деревьях, в дупле - где только не вьют гнёзда изобретательные птахи! И как

красиво, как умно делают! Есть чему поучится даже человеку! Дождь не попадает, зверь и человек не замечает...

Я уже пожилой человек, но всё равно, как в детстве, люблю наблюдать за милыми мне птичками. В поле, лесу, парке высматриваю, где их гнёзда, как они здесь живут, где их возможные враги. Выслежу гнёздышко, разглядываю птенчиков. Уже дома, перед сном, вспоминаю, как там милая парочка согревает своих деток в уютном гнёздышке? Улыбаюсь, и на сердце становится спокойнее. Всевышний создал этот чудесный мир, и мы должны это ценить...

Конец Пасёна.

На закате лета 1951 года к нам во Вдовино пришло печальное письмо из далёкого Сахалина от дяди Васи:

- Дорогие Анна Филипповна, Александр и Николай! Привет Вам и добрые пожелания. Сообщаю о своей печали: 10 июля 1951г. в два часа ночи умерла моя жена Евдокия Фёдоровна Углова после долгой тяжёлой болезни в г. Южно – Сахалинске в доме №325 по ул. Ленина. Чувствую тяжёлую боль от потери Евдокии Фёдоровны, как неоценимого прекрасного друга в своей жизни, крепко любимой, связанной со мной лучшими человеческими чувствами, отношением. Евдокия Фёдоровна была моим солнышком. Ваш Василий Иванович Углов. 29 – 7 – 51г.

Эта печальная весть чрезвычайно огорчила всех нас. Мы, собравшись вечером все вместе, вспоминали мельчайшие детали посещения нас зимой Василием Ивановичем, его рассказы о жизни на Сахалине, вспоминали его ласковые отзывы о супруге Евдокии Фёдоровне. Вспоминали её носки и варежки, которые она связала для нас. Они, верно, очень – очень дружили и любили друг друга. И вот теперь её нет на свете... Мы смотрели на неё, лежащей в гробу, на фотографии, присланной дядей Васей. Видно на фото, как он изменился, как подкосила его потеря любимой жены. Их было четверо братьев, добрых, простых, не злых людей. У двоих так и не было семьи - они погибли на фронте в первый же год войны. Отец слишком мало пожил с матерью, да и не слишком гладко жить у тёщи в доме. Вот только у одного из братьев – дяди Васи, была настоящая жена, но и ему не пришлось заиметь деток и жить с ней долго. Василий Иванович сильно горевал. Он как будто чувствовал, что его ожидает в будущем, какая новая супруга придёт на смену. Своим поведением она слишком скоро буквально загонит его в гроб...

Мать, плача и сморкаясь в платок, грызла Филиппа:

- Вот, смотри, как жил с женой Василий Иванович! Ни тебе чета! Как убивается, горюет... А ты радоваться будешь, когда помру? Солнышко... Да разве от тебя дождёшься подобных слов?

Как обычно, подвыпивший отчим угрюмо молчал, уставясь в пол и непрерывно икал. Его молчание и икание разозлило мать:

- У – у – у! Бесчувственный пень! Тебе только нажраться, бродяга, да пошататься по бабам! Бугай племенной!

Тут уж Филипп не выдержал, вскочил, заматюкался, хлопнул дверью и ушёл ночевать на сеновал. С тяжёлым сердцем легли спать и мы...

Помню хорошо, как долгими вечерами весной и летом мы любили играть небольшим тряпичным или войлочным мячиком через перекладину наших ворот. Эта игра

напоминала чем – то современный волейбол. Только мячик махонький, вместо сетки перекладина – жердина, поле раза в четыре меньше, да и игроков по одному, два с каждой стороны.

Городки во Вдовино летом – игра номер один! Любят её все, от мальков до взрослых парней. Я, до поры, до времени не понимавший прелестей этой игры, в это лето стал самым ярым её приверженцем. Шурка и Афонька легко выигрывали у меня и до слёз бесили меня этим. Я буквально умолял их сыграть ещё один разок, проиграв в очередной раз партию. Шурка отнекивался:

- Но куда бить? Ни битков, ни биты уже не видно. А квадрат? А черта? Что предлагаешь – на ощупь играть?

И, правда, было уже совсем темно и приходилось нехотя подчиняться.

Дивная летняя ночь уже наступила... На небе высыпали мириады звёзд. Млечный Путь всё ярче и ярче, но луны ещё нет. Тепло. Тонкий зуд мошки, тишина, от реки веет прохладой, с полей доносится звонкий голос перепела:

- Спать пора! Спать пора! Спать пора!

А на следующий вечер опять милые сердцу городки! Трава в квадрате и рядом выбита палками – битами дотла, сами палки и битки побиты, ощербаны от многочисленных ударов. Их не хватает даже на неделю. У городошной площадки всегда очередь.

В городки мы играли до восьмого класса.

Уже будучи в седьмом классе, как – то поздней осенью мы разыгрались в городки дотемна. Стало жарко, и я скинул фуфайку. Закончили играть в полной темноте, еле собрали городки. Начал искать фуфайку - не могу найти! Где – то впопыхах бросил её в траву, а уже темень – «глаз выколи»! Ночью пошёл сильнейший снег, а утром, собираясь в школу, вспомнил про фуфайку. Думаю:

– Сырая, лежит где – то под снегом. Ладно, побегу в своём дамском расклевённом пальто, а как приду из школы, найду телогрейку.

За день снега навалило сантиметров тридцать. Где искать фуфайку? Филипп Васильевич через три дня обнаружил исчезновение телогрейки, начал ругать меня, разошёлся, и давай бить ремнём, приговаривая:

- Стяревец! Халдей! Фуфайка – то почти новая была! Каждый год ты теряешь её! Я не напасусь! Дармоеды! Сладкоеды! Вам бы только играть!

Весной нашлась телогрейка. Мокрая, прогнившая и никому теперь не нужная...

Но моя беззаветная преданность городкам и после этого скандала не уменьшилась. Всегда с грустью вспоминаю эту интересную и нужную игру, воспитывающую ловкость, меткость, силу и сноровку. В настоящее время о городках почти не слышно. Не играют в

них ни на деревне, ни в городе. Как можно быстро забыть столь нужную русскому народу игру? Очень и очень жаль...

Книги читаю запоем. Как только выдаётся свободное время - сразу за книгу. Заведовал библиотекой во Вдовино Василий Павлович Татаринцев. Мы его коротко прозвали Веспат. Он был из ссыльных. Умный, грамотный, начитанный. До ссылки работал в каком – то институте учёным. Он меня приметил давно. Всем давал по карточке по одной книжке, мне сначала по две, а затем и по три, четыре. Первое время он проверял меня. Приношу через день, другой книжку. Он спрашивает:

- Неужели прочитал? А ну – ка, расскажи кратко содержание.

Я, захлёбываясь, начинаю рассказывать. Он прерывает, просит рассказать середину, затем окончание, хвалит меня:

- Всё, всё Коля! Вижу, что ты очень любишь читать. Молодец! Книги – чудо! Из них ты узнаешь практически всё! Это огромный источник знаний!

Я проглатывал без разбора всё, что было у Веспата в библиотеке. Тургенев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Чехов, Гайдар, Станюкович, Лондон, Купер, Золя, Мопассан, Твардовский, Фадеев и другие авторы. Скоро вся небольшая библиотека была прочитана. Веспат выручает меня и пишет записку своей знакомой библиотекарше в Жирновку:

- Вот, Коля! Будешь ходить в Жирновку раз в неделю в библиотеку. Там тебе под мою ответственность будут давать по три – четыре книги.

За год прочитана вся Жирновская библиотека - она значительно меньше Вдовинской. Веспат пишет записку в Каурушинскую. Он, как и почему – то библиотекари в Жирновке и Каурушке, жил прямо в избе, где были их библиотеки. В одной комнате библиотека, в другой сами живут. Особенно тяжело было ходить в Жирновку и Каурушку зимой. Дорога перемётана - пурга, метели. Туда шесть километров и назад. Еле успеваю за короткий воскресный зимний день оборотиться. Идёшь, снег сечёт глаза, мороз, руки немеют, но греет мысль: сегодня вечером свидание с новой книгой!

Ляжешь на тёплой печке, зажжёшь лампадку и под вой пурги в трубе окунаешься в чудесный мир...

Наступило жаркое, дождливое лето. В иные вечера ходим к интернату на спортплощадку. Летом ребят интернатских нет, все сейчас по деревням. Мы полные хозяева на их территории, здесь всё знакомо до мелочей. Давно ли мы были в детдоме,

это наша сторона. Интернатские посадили кругом тополя, и они уже поднимаются здесь вокруг нижнего и верхнего пруда. Когда – то здесь будет прохладно, уютно, деревья вырастут большими. Как хорошо будет в этой роще!

Нечаем, что через тридцать пять лет соберёмся опять в интернатском саду...

В этой стороне живёт Колька Верёвкин. Крепкий, русоголовый, синеглазый – мне он нравится своим спокойствием, основательностью, добротой. По пути к нему заходим на школьную спортплощадку. Легко и непринуждённо взбираюсь на руках по наклонной гимнастической лестнице до самого верха. Покрутившись у турников и городошной, волейбольной площадки, подходим с Шуркой к Верёвкиной избе. Колька всегда что – то мастерит. Городьбу починяет, калитку, на сенцах поправляет плаху, а то что – то строгаёт на большом верстаке во дворе. Подходим, садимся на лавку в тени большого тополя у калитки. Колька идёт от колодца с полными ведрами, издали улыбается глазами. Подходя к нам, распугивает стайку гусей. Маленькие гусята прячутся в лопухи, а обозлённый гусак бежит за Колькой, вытянув шею. Тот не смотрит на него, а гусак неожиданно резко ударяет крыльями и щиплет за голые икры ничего не подозревающего Кольки. От боли и неожиданности Колька роняет оба ведра и вода, шумно смешиваясь с горячей пылью, льётся к нам под ноги. Мы хохочем над растерявшимся Колькой, а он, разозлившись уже больше гусака, догоняет его и смело хватается за вытянутую шею. Бросает его через забор в высокую зелень картошки. Испуганный гусак неуклюже выбирается оттуда и постыдно бежит к стаду. Колька подсаживается к нам и смущённо потирает голень:

- Надо же, падла, какой гусак! Уже не впервой хватается меня! Ничего не боится, зараза! Сколько не бью его, всё равно нападает!

Сидим на лавке, разговариваем. Вечереет. Со стороны Уголков возвращается в деревню стадо. Отяжелевшие коровы лениво и степенно идут по дороге, разбредаясь по дворам – хозяйки встречают их. Со стадом сразу налетели комары и мошка. Тут как тут ласточки и синички. Быстрокрылые ласточки мелькают между спин и под ногами коров, хватая мошку, а синички, цвыркая беспрерывно, перелетают короткими бросками, садясь на дорогу, изгородь, а то и на спину коровы. Мне издавна нравятся эти пёстренькие длиннохвостые птички. Они прилетали к нам весной сразу за скворцами. Живут синицы рядом с человеком. На крыше под стрехой, в пазах прогнивших брёвен, под тёсом - везде легко выслеживал и находил их гнёзда. В аккуратненьком гнёздышке, выложенном пухом, пять – шесть таких же пёстрых яичек, чуть больше воробьиных. Мы никогда не зарили гнёзд синичек, очень любили за ними наблюдать, и всегда с радостью ощущали их постоянное весёлое цвыркание. Лишь через двадцать лет я узнал настоящее название наших Вдовинских синичек. Это были трясогузки! Но во Вдовино все называли их синичками и настоящее название – трясогузка, я так и не принял.

После гибели любимой собачки Шавки от рук Пасёна (он её убил из ружья) – я начал строить планы, как отомстить Пасёну. Это было нелегко. У того уже была банда, человек восемь – десять из таких же лентяев, пьяниц и преступников. Пасён из мелкого хулигана, обижавшего младших по возрасту, не любившего птиц, животных, отчаянного сквернослова и драчуна, со временем превратился в социально опасного преступника. Два года назад Пасён в жестокой драке с практикантами – ремесленниками, приехавшими из Новосибирска в Пономарёвскую МТС, избил одного из них так, что несчастный с сотрясением мозга остался на всю жизнь инвалидом. Сам он как то выкрутился и за него в тюрьму на четыре года отправился один из собутыльников. В этом

году он в пьяном угаре со своей бандой прямо на том мосту через Шегарку, где когда – то мы - детдомовцы, проучили его за все обиды, ни за что ни про что убил ножом приезжего киномеханика. Опять всё свалили на другого члена банды, и Пасён отделался лёгким испугом. Безнаказанность развращает – Пасён совсем обнаглел!

Только позже мы узнали, как у Пасёна появилась двустволка. Оказывается, рядом жил ветеран – инвалид Сиушкин, у которого ещё до войны, как у охотника, было зарегистрировано ружьё. Инвалид всё время болел и не мог уже передвигаться. Кольке как – то удалось его уговорить, и он на некоторое время дал ему ружьё. Пасён стал приносить ему трофеи – то уточку подстрелит, то зайца, косача, куропатку. А когда из леса ночью принёс огромный кусок мяса сохатого, то Сиушкин совсем растаял, и отдал ему ружьё уже надолго. Так у них и повелось. Пасён подкармливал ветерана, браконьерствуя по лесам, а тот отдал фактически полностью в его руки оружие.

Мне пришлось увидеть развязку всей драмы Кольки Пасёна!

Я уже не раз упоминал, что мы жили в центре огромной Пихтовской зоны. Заключённые были везде, но во Вдовино все они работали на вольном поселении в двух колхозах, в больнице, интернате, в МТС и других местах. Они раз в неделю (в том числе и мать с Филиппом) отмечались в комендатуре. Это было заведено во всех двадцати двух селениях Пихтовского района. Но было несколько большихстроек, где заключённые были под стражей и работали под присмотром конвоиров. Это в первую очередь, строительство узкоколейки от Новосибирска до Кокошино, затем до Пихтовки и третья очередь – до леспромхоза в селе Октябрьском. Там было задействовано более двенадцати тысяч зэков. Вторая по численности стройка – Пихтовский Узел (леспромхоз, товарная станция, жильё и т. д.) Трудилось там более шести тысяч человек. Третья, самая трудная стройка, о которой я уже ранее рассказал – Бакчарская дорога. Там работало около четырёх тысяч заключённых. И, наконец, рядом с нами (восемь - десять километров) – осушение болот под новые поля в районе Жирновки. Там вырубали лес, корчевали пни, рыли каналы более тысячи зэков. Так вот здесь, как мы узнали позже, трудились одни политзаключённые, т. е. ни одного уголовника! Условия работы, быт, питание – везде были отвратительные! Но на Жирновской стройке образовалась стойкая, сплочённая группа грамотных людей, которая начала бороться против произвола лагерных властей.

Дело окончилось в 1951 году. Начался тихий бунт – никто не выходил на работу. Как только не избивали, не унижали людей, даже покалечили и убили несколько человек – ничто не помогало! Люди держались! Тогда – то и появилась во Вдовино банда «Кастета». Оказывается, власть тогда прибегала к испытанному методу укрощения политических. К ним направляли матёрых уголовников – рецидивистов, которым уже нечего было терять. Все они были вооружены финками, ножами, кастетами, отвёртками и прочей дрянью. И об этом, конечно, знали НКВД - эшники! Им попросту разрешали убить несколько десятков политических, покалечить, запугать и сломить сопротивление. А потом, наверное, наверх писали, что была массовая драка среди зэков, и в ней погибло столько – то человек. Тридцать – сорок головорезов появилось во Вдовино. Им перед

побоищем дали три дня погулять. Сам главарь - по прозвищу «Кастет», пил водку в этот день с двумя друзьями в тени тополя рядом с магазином. И на свою беду, ничего не знавший о банде, Пасён с пятью лоботрясами пришёл за водкой сюда же. Взяли три бутылки, вышли. Пасёну уже шёл двадцать второй год, и он давно считал себя хозяином здешних мест. Начал придирааться:

- Кто такие? Ребята, это наше место! Давайте, сматывайте удочки!

Звероподобный коренастый Кастет расхохотался:

- Это кто здесь кукарекает? А ну, сопляк, убирайся, пока цел!

Пасён выломал из забора кол, крикнул своим, двинулся на Кастета:

- Пошёл отсюда, ублюдок! Мать вашу так, берегись! Убью!

Завязалась ожесточённая драка. Скоро все шестеро во главе с Пасёном харкали выбитыми зубами, плевались кровью и глухо ревели. У Пасёна, видно, были отбиты все внутренности. Кастет напоследок изо всех сил пнул бесчувственное тело Кольки:

- Молись Богу, поддонок, что я тебя не убил! Вшивота! У меня здесь дела поважнее, чтобы связываться с сопляками!

Пасён еле отошёл и молча, шатаясь, пополз, поплёлся домой. Его братия расползлась чуть ранее.

Кастету принесли ещё две бутылки водки, и он продолжал гулять с друзьями. Где – то через час вдруг появился весь в лохмотьях, окровавленный Колька Пасён! Он не смирился с таким унижением! Не успел Кастет вскочить, как Колька дуэтом практически снёс ему голову! Подбежавшие дружки успели выбить ружьё, которое лихорадочно презаряжал Пасён, и ножами изрешетили его!

Так бесславно закончилась жизнь нашего главного мучителя детства – Кольки Пасёна! Схоронили его на Тетеринском кладбище. Мать его умерла на следующий год...

Нечисть.

На въезде во Вдовино, у притока Шегарки – Тетеринки располагалось кладбище. Это кладбище внушало нам, ребяташкам, страх и ужас. Там хоронили не только деревенских, но и сотни заключённых в общих могилах. Про Тетеринское кладбище ходило очень много ужасных слухов, а приключившееся происшествие там в это лето с нашей старостой класса Ольгой Гуселетовой окончательно убедило нас, что там нечисто. В начале сентября, уже учась в школе, наш класс проходил через Тетеринку, направляясь на уборку льна. Нас было много, шумно, весело, никто ничего не боялся, и мы на кладбище задержались, рассматривая могилы. Над деревянными покосившимися крестами глухо шумели опадающие осины и тополя, трава в рост человека скрывала безымянные холмики могил. Вдруг услышали глухой шум и отрывистый вскрик. Ольга Гуселетова, рассматривая могилу Лизки Дроздовой, вдруг провалилась выше колен. Могилку Лизки зимой присыпали мёрзлой землёй со снегом, и она оказалась почти пустой, лишь корочка дёрна сверху. Подбежали к Ольге все разом и обомлели. Побледневшая старостиха дико, с ужасом уставилась в могилу, упершись одной ногой о край и безуспешно выдёргивая другую. Страшная картина поразила всех. Оскалившийся мертвец двумя руками – костями цепко держал Ольгину ногу, провалившуюся сквозь рёбра груди. Пронзительно закричали, завизжали все, кидаясь врассыпную. Не потерявшая окончательно самообладание Ольга, наконец, повернула ногу и выдернула её из сложенных, как обычно при похоронах, по правилам, рук покойницы на груди. Долго обсуждали это событие на кладбище, а баба Вера Буляк, когда мы ей всё рассказали, тихо и задумчиво ответила:

- Ой – я - ёй! Не к добру это! Плохое предзнаменование для девчонки! Видать, покойница зовёт её к себе!

Уже через два года, узнав судьбу Ольги Гуселетовой, я сразу вспомнил об этом случае. Ольга в расцвете сил умерла от надсады, подхватив на вилы неподъёмную копну сена. Кровь хлынула горлом, и она сразу же скончалась. А какая крепкая была! Не было ей равных по силе - даже среди мальчишек! Жаль её...

Так вот, про Тетеринку, водяных, домовых, леших и чертей мы любили послушать, забравшись поздними вечерами, для большего страха, под Вдовинский мост.

Тёплая летняя ночь. Миллионы звёзд на Млечном Пути таинственно и жутко подмигивают стайке притихших мальчишек и девчонок. Бледная луна наводнила всё вокруг неясными и жуткими тенями. Глаза испуганно всматриваются в пугающие переливы, бормотание струй воды Шегарки. Нам кажется, что вот там, среди вздрагивающих от течения камышей, тростников, водорослей за нами подглядывает водяной. Вот он поднимается, чмокает и вдруг шумно падает опять в воду, заставив замереть на полуслове рассказчика, и съёжится всех в комочки! Оказывается, это щука разгулялась на ночной охоте...

Прижавшись тесно друг к другу, и забравшись на сухой откос к самым брёвнам – накату моста, мы слушаем искусного рассказчика в таких делах – Верку Мишину. Приглушённым голосом она баёт:

- Возвращалась позавчера бабка Масленничиха из Хохловки домой поздно ночью. Задержалась там у родни. Тары - бары, растабары. Кинулась - уже около полуночи. Оставляют её ночевать - бабка ни в какую не хочет! Пошла в ночь пешком. Душно. Днём дождь прошёл - тепло, как в бане парит. Подошла к Тетеринке уже за полночь. Темным – темно: хоть глаз выколи! И тишина гробовая... Жутко ей стало. Пошла потихоньку, на цыпочках, по сторонам не смотрит, идёт - не дышит. Вот уже прошла половину кладбища и вдруг сзади шорох. Оглянулась и обмерла: белый, белый мертвец стоит в пяти шагах и скалится. Задрожала всем телом бабка и кинулась бежать – белый мертвец за ней! И всё это молча, тихо, только свист негромкий сзади и шорох, как листва шумит. Бабка из последних сил бежит, а мертвец уже рядом, стонет с придыханием. Наконец, не добежав до неё, начал затихать и остановился. Оглянулась Масленничиха уже у избы Соловьёвых ни жива, ни мертва! А покойник уже отстал, колыхается в темноте, и как облако растаял.

Долго молчим...

- Да, я об этом сегодня тоже слышала –

- тихо говорит Лерка Аюкова:

- Бабка – то лежит в постели пластом после той ночи, не может отойти от страха. Мать была у неё.

- Ребята! А может это был и не мертвец. Я слышал, что в тёплые, влажные ночи из могил выходит метан, и если человек попадает в это облако газа, то он начинает светиться и принимает контуры человека. Идет, бежит человек – и его след за ним! Вот и всё!

Верка раздражённо замечает:

- Шурка! Тебе бы только всё упрощать. Если ты такой смелый и ничему не веришь - иди сейчас же на Тетеринку, и принеси табличку с могилы Лизки Дроздовой. Она там еле держится на ржавом гвоздике.

- Ну, уж! Иди сама!

- А месяц назад слышали, как там напугалась Дина Дубейко?

Это вступает в разговор Ирка Чадаева.

- Вот также поздно вечером подошла к Тетеринке она, тоже где – то задержалась. Страшно, ноги не идут, дрожь в теле. Невмоготу дальше идти. Присела у дороги в лопухах и чуть не плачет. Что делать? Как пройти кладбище? Оно на пригорке между двух речек – Шегаркой и Тетеринкой. Не зайдёшь во Вдовино - только через него! Тишина, но ветерок чуть тянет со стороны кладбища. И вдруг слышит, как бы разговор там. Глянула – с горки спускаются два белых покойника! Волосы у неё поднялись дыбом, а они всё ближе, и

нет у неё силы встать! Вот уже совсем рядом покойнички – зашла от страха тётя Дина и как заорёт благим матом! А это, оказывается, ехал тихо (там же пыль по колёно), на подводе дед Кишишев. Он сидел между двух белых бидонов со сливками - вёз в Пономарёвку. А ей показалось, что это мертвецы. Так она своим криком не на шутку перепугала деда - чуть не умер тот тоже от страха! Как узнал он её, начал материться почём свет зря. Затем успокоился, развернул телегу и отвёз её во Вдовино до первых изб...

- Это что! Вот послушайте, что там случилось в прошлое лето.

Это начинает Ирка Чадаева:

- Шёл поздненько также из Лёнзавода наш сосед Кадол. Сильно подвыпил, песни поёт. Луна на небе, светло вокруг. Уже полночь была, когда дополз до Тетеринки. Вдруг слышит Кадол, что кто – то ему подпевает и как бы похрюкивает. Оглянулся, сзади идут две огромные белые свиньи и повизгивают. Не робкого десятка Кадол, но чудно ему стало, и он перестал петь, посторонился и присел с краю дороги. Свиньи прошли рядом, пригнув головы к дороге – и никакого внимания на Кадола! Прошли они, растаяли в темноте. Поднялся Кадол, уже не поёт, пошёл опять, только удивляется:

- Ну и ну!

Уже было прошёл кладбище, глядь - чудо! На дороге сидит девочка, голову наклонила к коленям, белые, белые волосы светятся при луне, рассыпались по плечам и всё закрыли. Сидит девочка и тихо - тихо стонет.

- Откуда ты здесь, и что с тобой, детка?

– спрашивает бедный белорус, рукой откидывает волосы и поднимает личико. И тут хмель разом выскочил из него и мурашки пошли по телу! На Кадола зло смотрели мёртвые светящиеся, кровавые глаза, из которых выползали черви...

Вдруг страшный грохот раздался над нашими головами - как будто небо раскололось! Все враз закричали, вздрогнули, прижались тесно друг к другу, испуганно крестясь. А через мгновение отошли, рассмеялись недружно. Оказывается - это проехала по мосту запоздалая телега...

Уходить неохота, а надо, уже поздно. Помолчали. В реке сильно плеснула щука.

- А ведь правда, ребята, что в Силаевском омуте живёт водяной с русалками, а бабка

Силаиха превращается в двухметровую щуку и играет с ними в хороводы

- задумчиво произносит Толька Горбунов. И, правда, мы никогда не купались в Силаевском омуте, никто ни разу не переплыл его, никто не мерил его глубину – все боялись этой щуки. Видели её не раз, и многие. На глазах у рыбаков она утаскивала под воду не только селезней и диких уток, но и редких, пролётом, крупных гусей, садившихся

отдыхать на три Силаевских омота. Я даже не догадывался в то время, что скоро мне предстоит встреча с этим монстром! Но об этом напишу позже...

- Вот что, ребята, я вам расскажу, какая страшная история приключилась там

- вступает в разговор Колька Верёвкин.

- Как – то сидел на этом омоте допоздна с удочкой дед Саватеев. Почему – то не клевало, и он задремал. Вдруг слышит сквозь сон, что кто – то зовёт его из воды. Так явственно слышится звук со стороны реки! Глядь туда - посреди омота большая воронка образовалась и тихо, тихо движется к нему, всё более углубляясь. Дивно ему стало, а из воронки вдруг появляется...

- ужасный дикий хохот раздаётся над нами и заставляет рассказчика замереть на полуслове! Это огромная сова бесшумно залетела под мост и уселась напротив нас на центральной опоре! Девчонки не выдержали, пырнули из - под моста, а за ними, сломя голову, летим домой и мы.

Дрожь под одеялом долго не проходит. Всю ночь снятся черти, ведьмы и всякая нечисть...

А Масленничиха умерла через три дня, Кадол скончался от чахотки в эту осень и дед Саватеев последнюю зиму чихал по утрам на всю деревню – весной его не стало...

В августе, когда поспевают самая лучшая сибирская ягода – малина, мы ходим её собирать на Уголки. Собирается компания в двадцать – тридцать человек, у каждого в руках ведро. Выходим по росе спозаранку, т. к. до Уголков десять – двенадцать километров, да там поблукать, и назад столько же - еле к вечеру успеваем возвратиться. Дорога на хутор Уголки идёт от школы – интерната вдоль верхнего пруда и далее, по ручью петляет по заливным лугам, перелескам, полям. Километров пять – шесть от Вдовино, когда кончаются колхозные поля с рожью, льном, овсом, начинаются покосы и так идут на многие километры в лес. Трава в рост человека – буйная, дикая, многоцветная, заставляет восхищённо радоваться матушке – земле, природе. Когда идём обратно с полными ведрами малины, несколько раз отдыхаем в тени многочисленных ив по берегу ручья. Даже вдали от верхнего пруда (километра за три – четыре), в ручье видны плавающие по чистому дну стайки карасей, пескарей и гальянов. Сидишь, устало вытянув ноги. Тишина, тень. Лёгкий ветерок шелестит листвой, журчит ручей, однотонно кричит где – то лесная птица. Все примолкли, глядя на снующих рыб в чистой прозрачной воде – здесь тоже своя жизнь! Как прекрасен мир в такие часы! Не хочется нарушать эту благоговейную тишину ни одним звуком. Прилетел шмель и гудит монотонно, ища что – то своё у ручья. Вот стрекоза повисла в воздухе, а затем села на камышинку. Муравьи у ног деловито снуют взад и вперёд – везде кипит жизнь! Поднимешь голову – синее бездонное небо с белесыми курчавыми облаками радуется своим величием. Рядом, над полем, зависла, трепеща быстро – быстро крыльями неутомимая ворожейка. Потянул ветерок, волнами заходил овёс, несколько раз вдалеке ударил перепел. Влажный комок подступил к горлу: человек, радуйся жизни, радуйся счастью! Господи! Какое чудо ты сотворил! Как прекрасна земля и окружающий мир! Какое счастье жить на свете!

Малинники начинаются сразу и уходят в неизведанную даль. Полоса метров четырёхста шириной (как будто кто её посадил) уходит, петляя дальше и дальше. Перед малинниками останавливаемся на привал. С нами старший – это всегда Яшка Дроздов с ружьём. Он инструктирует нас:

- Ребята! Всем держаться кучно. Здесь много медведей. Они, конечно, сейчас сыты - вон сколько малины! Не бойтесь, не нападут. Но всё - же... всякое может быть. Зверь, он и есть зверь. Может быть раненым, больным, злым, защищать малышей. Поэтому, как встанем - будем отпугивать медведей подальше. Они боятся, когда много людей. Все вы станете стучать палками по вёдрам, а я несколько раз выстрелю в воздух.

Поднимаемся. Смех, визг, шум – по пустым вёдрам стучим, как по барабану. Яшка гулко стреляет. По обеим сторонам малинника стоит уже густой, без полян, лес. Поэтому стараемся идти все гурьбой по центру полосы малины, не удаляясь далеко. Первое время только едим малину. Как наедемся, только тогда начинаем рвать в вёдра. Какая же вкусная лесная, пахучая малина! Нет лучше ягоды на свете!

Собирая крупную, красную малину, я забылся и ушёл далеко, отклонившись в сторону. Где – то справа должен быть Васька Зыкин. Так и есть - справа раздался треск. Там островок малины особенно высокий – в два моих роста. И растёт на пригорке как бы большим кольцом. А малина, какая крупнющая! Я негромко говорю:

- Ну, ты, Васька даёшь! Нашёл такую малину и молчишь. Хитрый... Почему не зовёшь?

Но Васька не отвечает и продолжает собирать малину внутри кольца. Я обрываю крупную малину снаружи кольца и опять говорю:

- Вась! Чего молчишь? Всем хватит малины, не жадничай! А где наши? Что – то никого не слышно. Они сзади или спереди?

Васька опять молчит. Я разозлился, и начал продираться в самый центр круга высокорослой малины к Ваське. Кругом помятые и сломанные кусты. Кричу ему:

- Васька! Ты чего, как медведь наломал малины? А сколько оставил. Всё спешишь.

А впереди вдруг страшно зашумело, затрещало. Я оторопел, глянув под ноги – тёплый пар поднимался отнюдь не от Васькиного свежего кала. Обсосанные остатки малины внутри круга подтвердили догадку:

- Я чуть не наткнулся на медведя!

С заходившимся от страха сердцем, тихо, стараясь не шуметь, отступил назад, а затем побежал. Надо же – ходил с полчаса рядом медведь и не тронул меня!

Про медведей у нас рассказывали всякое. Бабка Смольянинова ушла одна за малиной, так её и не нашли, сколько не искали. Её внук Гришка (учился двумя классами старше меня), рассказывал:

- Медведи задрали бабушку. Одной разве можно ходить в тайгу?

Другой случай. Таська Гречнева брала смородину у омшанника. Сзади на неё напал медведь, чуть придавил, повалил, исцарапал, полуголую привалил хворостом и ушёл. Она очнулась, еле полуживая выбралась и пришла в село. Но с тех пор помешалась умом, стала одна говорить вслух, шептать о чём – то, в галлюцинациях звать кого – то.

С Яшкой Дроздовым было три случая встречи с медведями, о которых он обычно рассказывал нам по дороге на Уголки:

- Как – то попросил меня Каурушинский председатель колхоза подстрелить медведя. Тот повадился ходить на их пасеку. Улики стояли на краю овсяного поля. Здесь же на краю леса мне сделали лабаз из жердей на ветках, накидали сена. И вот я на ночь залез туда с одним местным мужиком. Прождали всю ночь – медведь не идёт. А к утру сон сломил нас. На рассвете появился медведь, прошёл по ветру почти под лабазом и тут, учуяв нас, громко рявкнул. Мой напарник неловко спросонок повернулся, вскочил и, проломив жерди, полетел с лабаза, одновременно с перепуга нажав оба курка. Вот было шуму! Не знаю, кто перепугался больше – он или медведь, убежавший, как молния! Но с тех пор медведь оставил пасеку в покое...

- Как – то я шёл на Уголки с бидончиком сыворотки на покосы. Вдруг сзади шум. Что – то не то! Отскочил в сторону. И во время! Почти рядом, тяжело дыша, бежит сохатый. Я сразу смекнул, что тут что – то неладно. Ведь лось не будет бежать, не боясь человека. Значит, сзади погоня. Скорее всего, волки! А как назло, деревья мелкие. Я изо всех сил кинулся к одинокой берёзке, стоящей в стороне. Ноги от страха заплетаются в высокой вязкой траве. Глядь, а сзади, нагнув голову к следу лося, бежит быстро матёрый медведь. Должно быть, лось был больной или хромой, раз медведь решил его взять в гонке – они это чувствуют. Залетел я на вершину берёзки, а она гнётся, качается. И тут медведь увидел меня! Остановился, идёт ко мне. Как я пожалел, что не взял на этот раз свою бердану! Всё время хожу в лес с ней, а тут как затмило! Медведь подошёл к берёзке – разит от него ужасно псиной! Встал на задние лапы, вытянулся во весь свой гигантский рост и легонько, как бы играясь, лапой по моим сапогам! Как я заорал с испугу матом в «три этажа»! Медведь – юрк, и убежал! Вот так я и спасся!

- Третий случай был здесь же, на Уголках. Иду я как – то с граблями и на повороте у ручья налетел на спящего небольшого медведя - первогодка, скорее всего! Тот, услышав шум, спросонок поднял голову. Мне что делать? Я в полутора метрах от него! Перепугался, заорал и, не отдавая себе отчёт о последствиях – бац! его по лбу граблями! Медведь одним махом, не разобравшись, и чуть не сбив меня с ног, сиганул в сторону, и был таков!

- Дядя Яша! А медведей вы убивали?

- Конечно, когда давали задание. Охота на них сейчас запрещена. Двух медведей я лично добыл зимой для детдома, одного для интерната и одного для больницы. Взял я их

из берлоги. Тоже опасная штука! Вообще, на такую охоту надо ходить минимум втроём - вчетвером.

За малиной мы ходили в августе три раза. Пока донесёшь малину до дома, в ведре её остаётся половину – так она прессуется. Малину взрослые сушили, а из свежей делали компоты, пекли пирожки. Варенье варили редко, т. к. сахара было не достать. А в основном из малины гнали бражку. Взрослые поощряли наши походы за малиной. Да и мы ждали этих дней, чтобы отъесться от пуза этой сладкой ягодой...

Охота на лису.

В это лето Пастухов начал гулять с молоденькой Клавкой Спириной. Та давно встречалась с Хасаном, а теперь строила глазки и отчиму. Маруся Ротарь никак не хотела уступать его более молодой сопернице и уже дважды её избила. Все эти «хороводы» были на виду у матери и скандалы в доме ужесточались. По вечерам, после очередного скандала, Пастухов с криком «утоплюсь!» бежал к речке. Матери неймётся:

- Шурка! Колька! Пойдите, посмотрите, что он там делает!

Шурка возмущается:

- Чего ты перед ним унижаешься? Куда он денется? Попугает тебя и вернётся!

- Замолчи! Тебе тяжело свой зад оторвать от лавки. Он всё же ваш отец.

- Да какой он нам отец? Отцы так не делают.

Мать даёт подзатыльник Шурке и заставляя меня:

- Колька! Сходи ты.

У реки я всегда застаю одну и ту же картину. Отчим сидит на берегу, разуется, опустит ноги в воду, отдыхает, дремлет.

Как – то по окончании сенокоса, мать с Филиппом довольно долго собирались в клуб на торжественный вечер, где им обоим должны были вручить грамоты. Она уже за три дня просила и предупреждала его:

- Филипп! Я тебя прошу - не пей хоть в этот день! Не позорь меня! Вызовут к столу – весь народ будет смотреть! Не дай Бог пьяному быть!

Подействовало. В этот день отчим крепился и был трезв «как стёклышко»! Надел новый пиджак, торжественно пошли к клубу. Мы с радостью смотрим вслед. Мать тоже принаряженная, чуть прихрамывая, идёт под руку с Филиппом. Отчим более чем на полголовы ниже её – странная всё же пара! Вернулись они с вечера поодиночке. Мать в слезах, отчим в стельку пьяный. Уже потом мать рассказала, как было дело:

- Сели мы на последнюю скамью. Я рядом с Надей Спириной, а Филипп на краю. Собрание шло долго. Я гляну на него - вроде ничего, только что – то смиренный он сегодня. Мы с Надей тихо переговариваемся, а Филипп, чуть отвернувшись, что – то часто наклоняется. Когда вызвали на сцену Филиппа – я обомлела! Он был сильно пьяный и качался! Оказывается, он налил самогонку в грелку, поместил её в грудной карман нового пиджака, и через тростинку сосал первач...

Я уже упоминал, что в больнице был интересный бык Борька. Отчим всегда работал на нём. Бык был с норовом. Как – то один раз кинулись – пропал бык! Где только не искали его - нет быка! Прошло три дня. И вот в большой больничный погреб пошла мать за картошкой для кухни. Погреб был полу заглоблён в землю, а сверху обвалован дёрном, только дверь выходила наружу. Открывает мать эту дверь: Борька стоит в прохладе подвала. Раздулся от картошки, брюквы, моркови, бурака, а сзади гора навоза! Видно, кто – то не закрыл дверь на замок, а она на пружине внутрь открывалась. Борька толкнул лбом дверь – она открылась, вошёл – она захлопнулась за ним. Борьку выгнали, а он к воде! Минут пять пил...

Другой раз Борька учудил по – другому поводу. Чесался - чесался головой о лестницу, по которой мы когда – то лазили на чердак больницы, затем сбил её, каким – то образом надел её на рога и положил на спину. Прибежала в больницу Татаринцева, говорит:

- Ваш бык ходит по деревне с лестницей на рогах. Вокруг мальчишек, да и взрослых собрал. Все смеются - вот даёт бык!

Но в это лето не стало Борьки...

Ехал куда – то Филипп на подводе на нём. Был сильно пьяный и злой, бил беспрестанно Борьку. Стояла сильная жара и бедного быка донимали ещё и пауты. Он рассвирепел и так понёсся, что Филипп вылетел из телеги. Борька забежал в колок леса и на кочках, пнях отлетели оба задних колеса у брички. Бешеный бык так влез оглоблями в осинник, что прибежавший Филипп, с полчаса промучившись, не смог его освободить. Разозлился больше быка. Не отдавая себе отчёт - в ярости выхватил топор из телеги и ударил в лоб бедного Борьки. Затем ещё и ещё, а в завершение отрубил ему голову! Чуть не кончилось ещё одним сроком это происшествие вольному поселенцу Пастухову Филиппу Васильевичу! Спасла опять мать – валялась в ногах у заведующей, прося о снисхождении. Мясо быка ушло на кухню больницы, да и шкура не пропала. Вдобавок, Филипп остался на три месяца без зарплаты, и нам пришлось ещё свести взрослую тёлку из дома на больничный двор. Дорого обошёлся Пастухову этот гнусный поступок!

Ну, а чтобы закончить повествование о подругах неподражаемого Филиппа Васильевича, хочу дополнить следующее. Клавка Спирина гуляла с ним до самого освобождения в 1954 году. Так и не вышла замуж, детей нет. В настоящее время живёт в Эссентуках. Как – то навестил её - из общаги вышла опустившаяся обрюзглая старуха. Мне расхотелось с ней разговаривать...

Маруську Ротарь - чернявую красивую молдаванку, отчим тоже не забывал вплоть до отъезда из тех мест. Она уедет тоже в солнечную Молдавию. По письму оттуда одной знакомой матери, мы узнаем ужасную весть. Маруська работала на сахарном заводе, и гуляла с каким – то мужиком. Его жена - полоумная кретинка, по ревности толкнёт её в огромный чан с расплавленным сиропом...

Уже стояла глубокая зима. Как только выдавался погожий, без метелей денёк, я становился на свои разномастные лыжи и бежал в лес. Теперь стал, повзрослев,

настоящим охотником. Мать и отчим поощряли охоту, т. к. это было неплохим подспорьем к нашему столу. Пересекая как – то большое поле, где были озимые, был сбит с ног и упал навзничь в глубокий снег. Матёрый белаяк выскочил из снежной норы неожиданно и резко, попав мне головой в ноги. Ну и ну! Оказывается, на этом поле были десятки нор! Голодные зайцы прорывали целые ходы до самых озимых и лакомились там мороженой зелёной травкой, а заодно и прятались от морозов, метелей и врагов. Так вот, однажды ранним ясным утром мы втроем (я, Шурка и Афонька) вышли проверять петли. Подошли к этому полю у Косарей, погоняли, покричали у нор, выгнав несколько милых ушастиков на мороз. Повеселились, а затем разошлись каждый в свою сторону, где у кого стояли в заветных местах петли. Пересекая следующее поле, на краю его обнаружил странный след. Неглубокая борозда уходила, петляя, куда – то! Долго стоял, изучая непонятный след. Как будто кто – то волоком тащил по рыхлому снегу какой – то груз! Но следов – то лыж сбоку нет! Правда, рядом с бороздой, да и по ней были натыканы какие – то точки. Лихорадочно соображаю:

- Что это такое? Откуда этот след? Кто бы мог его оставить? Медведь, волк, лиса, заяц, сова не могла бы сделать такую борозду. Странно... Может, кто – то сверхъестественный оставил такой след? Ведьма, чёрт, леший? Побегать по этому следу? Нет, ну его к «бабушке»! Вдруг это, действительно, что – то страшное?

Побежал на лыжах дальше, повернув в сторону Каурушки, куда ушли Афонька с Сашкой и где у меня стояли последние три петли. В этих петлях тоже ничего не попалось, но настроение у меня, отнюдь, не ухудшилось. Стоял воскресный чудесный зимний денёк! Снег переливался, искрился до боли в глазах. Тишина невероятная. Только где – то стрекочет сорока. Сверху тёмный лес надвинул косматую шапку инея на белый ослепительный снежный ковёр. Сказка, да и только! Только лыжи поскрипывают, да пар с шумом вырывается в морозном воздухе. Боязно нарушать эту сказочную тишину...

И вдруг странный след опять пересёк мне путь! Что за чёрт здесь петлял? Пересёк его, уже не рассматривая, пробежал через круглый околок леса, где стояла последняя петля. Опять пусто! Выбежал из него – впереди посреди большой поляны спокойно шла рыжая лиса! Она сразу же увидела меня, остановилась, повернулась ко мне мордой. Я поразился смелости лисы. Ведь между нами было сорок – пятьдесят метров и она не убегала! Полюбовавшись вдоволь великолепным зверем, закричал, замахал руками. Лиса побежала, но как – то странно, прыгая почти на одном месте. Соображаю:

- Что бы это могло означать?

В мгновение очутился рядом с лисой. Она села в снег и повернулась ко мне. Теперь мне всё стало ясно. На передней правой лапке был огромный, килограммов пять - шесть круглый кусок льда - снега, намёрзший на капкан. Бедная лиса попала в чей – то капкан и теперь таскала с ним налипший снег – лёд. Капкан сорвала, да не избавилась от него! Всё тело у меня дрожало от возбуждения:

- Вот удача! Принесу лису домой! Вот только как её задушить? Скалится, как собака! Надо беречь лицо от неё.

Я попытался сунуться к лисе, но куда там! Она зарычала, оскалилась и попыталась прыгнуть мне навстречу. Думаю:

- Вот это да! Не ожидал от неё такой прыти! Ведь лисы хитры и боязливы, а тут эта кидается на человека. Видать, обзлённая, голодная, не хочет мне отдавать свою прекрасную шубку. Что делать?

Отступил, боясь лису, и, наконец, принял решение. Снял с пима узкую лыжу, стал обеими ногами на другую – широкую лыжину. Приподнял «спортивную лыжину», замахнулся, намереваясь ударить в лоб лисы пяткой лыжи. Та зорко следила за моими приготовлениями, не двигаясь и мелко дрожа от страха и возбуждения. В голове стучит:

- Надо только рассчитать, не промахнуться! Одним сильным ударом по голове убить лису! Вот будет удача! В деревне все мальчишки узнают и, наверняка, и Нинка Суворова!

Мощный удар! В последний момент лиса увёртывается и задок лыжи, как топором, отсекает больше половины от круглого куска льда, обнажив капкан, впившийся в лапу лисы. Я теряю равновесие и кубарем лечу в снег, а облегчённая с моей помощью лиса резво убегает! Когда выбираюсь из снежного плена, то от досады заплакал. В довершение всего, при ударе отломалась пятка лыжи. Единственные мои лыжи! Попробуй теперь достать другие! Здесь лыжи на вес золота. Разозлился не на шутку:

- Ну и сволочная лиса! Нет, теперь, хоть умру, но догоню её! Скину фуфайку и через неё схвачу лису и удавлю! Бояться теперь не буду! Тварь паскудная! Из – за тебя сломал лыжину!

Встал на лыжи и побежал изо всех сил по следу лисы. Думаю:

- Нет, ничего! Хорошо идут лыжи. Слава Богу, что только кусочек лыжи обломался. Да! Надо покричать Афоньке с Шуркой. Они где – то в этой стороне.

- Афонька – а – а! Шурка – а – а!

Они сразу же отозвались - были всего в полукилометре от меня. Через несколько минут они показались. Захлёбываясь, кричу:

- Лиса! Бегу по её следу! Она волочит капкан, далеко не уйдёт! Уже догонял её, да неудачно стукнул. Побежали!

Они оба без зайцев – тоже неудача! Вот проклятый день! Но может с лисой повезёт. Моё возбуждение передалось и им. Молча, все трое кинулись по следу. Гонка продолжалась с полчаса и вдруг след пропал! Лиса выбежала на накатанную дорогу, по которой возили на быках дрова во Вдовино. Куда побежала лиса – в сторону деревни или к лесу? Шурка с Афанасием побежали по дороге к деревне, а я к лесу. Решили перекликаться, пока

слышно и всё время смотреть, не свернёт ли лиса с дороги. Мне опять повезло – след был у меня! Он довольно скоро показался справа дороги, в сторону Каурушки. Я заорал:

- Сюда – а – а! След! Лиса – а – а!

И впрямь - показалась моя знакомая рыжехвостая! Каково было моё удивление, когда меня вскоре по крику догнали уже трое. Афонька с Шуркой встретили охотника Яшку Дроздова, и он присоединился к погоне. Лиса, поняв, что с такой оравой ей не совладать, по ходу сориентировалась, забралась под ствол и корневище огромного поваленного дерева, засыпанного снегом. Это яма была, как берлога медведя! Яшка снял с плеча двустволку, обошёл вокруг корневища, несколько раз постучал по стволу и корням палкой, выгоняя лису, но она молчала. Мы даже усомнились:

- Дядя Яша! Может, она опять нас перехитрила, и там её нет?

Яшка только ухмылялся. Сначала сел, покурил, затем повесил ружьё на сук, надел рукавицы и полез в нору под корневище. Весь там исчез, только пимы чуть торчали. Вдруг слышим приглушённое:

- Тащите за ноги!

Мы втроём выволокли Яшку, а он в одной руке держит за хвост сразу присмирившую лису. Ударил её крепко палкой по лбу, показалась кровь, и лиса сразу обмякла. Яшка снял капкан и сказал:

- Мой капкан! А я думал, кто это его сорвал!

Пошли к деревне, оживлённо делаясь впечатлениями. Яшка перекинул лису через плечо и держал её за хвост. Мы идём за ним, разглядывая пушистую лесную красавицу, гладим по мордочке и спине. Вдруг Афонька отдёрнул руку. Лиса, оказывается, ожила и моргала глазами, подглядывая за нами. Нам было теперь её жалко, да и начало брать зло на Яшку. Он нагло завладел нашей добычей и, по всей видимости, не думал нам её отдавать. Лиса хитро подглядывала за нами, а мы шептались и ничего не говорили угрюмо молчавшему Яшке. Подошли к деревне. Мы преднамеренно отстали, решая, что пусть лучше лиса убежит, чем достанется жадному Дроздову. И точно! На повороте к скотному двору лиса вырвалась, соскочила с Яшкиного плеча и кинулась в глубокий снег. Несчастливая дурочка! Ей надо было не бояться нас и бежать по накатанной дороге навстречу нам. Мы теперь её союзники! Яшка бы не стал стрелять в нашу сторону, да и высокие снежные борта дороги и крутые повороты скрыли бы её от выстрела! Яшка среагировал мгновенно. Выхватил ружьё и сразил не успевшую отбежать далеко по глубокому снегу беглянку. Жалко красавицу!

В деревне Яшка, даже не попрощавшись с нами, повернул к себе. Мы не могли поверить в несправедливость - хоть бы капкан нам подарил! Но делать было нечего. Взрослые всегда правы!

Мы долго дулись и не здоровались с Яшкой. Рассказали всё об этом случае матери. Она, видно, всё это ему высказала.

Уже в июне, когда всё цвело, нам троим, повстречался сильно пьяный Яшка Дроздов. Криво усмехаясь, он шуточно сгрёб нас всех в кучу, обнял и сказал:

- Ну, не дуйтесь на меня из – за какой – то лисы! Шкура у неё была попорчена моим выстрелом, и я сдал её в Пономарёвке всего за сорок рублей (четыре рубля по - новому). Половину вам! Держите двадцать рублей! Купите себе пряников!

Мы помирились и сразу же побежали в магазин за пряниками. Радостные, купили два килограмма глазурированных пряников. Сели на берегу Шегарки в лопухи, честно разделили их по штукам на троих, начали объедаться! Никогда ещё в жизни мы не ели столько пряников! Здорово мы помянули лису! На всю жизнь это осталось в памяти...

Зимой 1952 года во Вдовино привезли все четыре серии великолепнейшего фильма «Тарзан». Этот фильм сыграл немаловажную роль в жизни нашего поколения. Фильм был трофейный - из Германии, но снимали его американцы.

Когда я хочу подчеркнуть значимость этого фильма для того поколения, всегда привожу пример разговора между мной и младшим сыном Игорем, когда он был маленьким:

- Папа! А если бы сейчас показали тот, первоначальный фильм, все его четыре серии, ты бы пошёл его смотреть?

- Не то слово, Игорёк, я бы побежал!

- А если бы его показывали в Минводах или Сочи?

- Немедленно поехал бы туда.

- А если бы в Ростове или Москве?

- Поехал бы на поезде.

- Ну, а если бы его показывали во Владивостоке?

- Взял бы немедленно отпуск и полетел туда

- невозмутимо отвечал я. Тогда Игорь с восхищением смотрел на меня и, в какой уже раз, просил кратко рассказать его содержание. А я закрываю глаза, переносюсь в чудесный мир, показанный нам в детстве...

Великолепные съёмки, талантливые актёры, уникальная природа, неповторимые приключения. О «Тарзане» мог рассказывать часами! Я упивался этим фильмом! Тот фильм, что показывают сейчас, и трофейный – небо и земля! «Тарзан» заморозил всех - и старых, и малых. Год - два мы не могли забыть этот фильм. Кричали по деревне, как Тарзан, весной - летом катались на деревьях. Каждую вторую собачку на деревне стали

называть Читой, а своих девчонок звали только Джейн! Подражая Тарзану, летом ходили с набедренными повязками и деревянными кинжалами.

В то время прошли фильмы «В шесть часов вечера после войны», «Сталинградская битва», «Воздушный извозчик», но всем им до «Тарзана» далеко!

В декабре, когда уже вовсю завывала пурга и длинная, долгая ночь сменялась коротким зимним днём, отчим крепко простудился. Перед этим Пастухов где – то крепко выпил и уже затемно поплёлся домой. Серый дневной свет лишь на пять – шесть часов приоткрывал засыпанную снегом глухую сибирскую деревню. Темно. Пастухов, еле переставляя ноги, заблудился, свалился в огромный сугроб, где его окончательно засыпало и лишь на утро нашли и откопали. Уже позже, через год, он всё вспомнил и рассказал, как было:

- Иду, задыхаюсь. Метель прямо сечёт в глаза. В голове сверкают молнии. И вдруг вижу явственно – рядом возникли черти! Их было много! Они толпились передо мной, визжали своими свинными рылами, копытами били по ногам, волосатыми руками, когтями рвали мою шубу, наклонялись и швыряли снег в глаза! Я – то, вы знаете, искренне верю в Бога. А тут, как увидел чертей, понял, что это неспроста! Отрезвел мгновенно и понял, что если сейчас от них не уйду – будет конец! Оглянулся - как назло ни души! Ни дороги, ни одной избы не видно, ни светов, ни дыма из печных труб, и вообще ничего не видно! Где я - не пойму! Только чернота, метель, визг, да черти толкаются, обезумели совсем. Закружили, заморозили меня, насильно подвели к обрыву и хором хрюкают, визжат: « Бросайся!» Сопровствляюсь, думаю: «Да что это со мной? Это же конец! Вспомнил в последний момент, что надо перекрестить чертей! Успел сделать только пол креста. Как навалились они все на мою руку! Не дали до конца их перекрестить. Столкнули меня в глинище, и давай щекотать, валять в снегу!

Только днём подобрали замёрзшего отчима и еле отёрли, отходили, но он простудил лёгкие не на шутку!

Уже совсем перед Новым годом заплаканная мать привела нас с Шуркой в больницу:

- Отец хочет с вами проститься - умирает.

На больничной койке лежал, задыхаясь, отчим. Его было не узнать! За три недели болезнь превратила цветущего мужчину в настоящего покойника. Отчим осунулся, был небрит, провалившиеся глаза лихорадочно блестели, он хрипел и стонал. Стало жалко Филиппа Васильевича, и я заплакал. Мать тоже заливалась слезами, а Шурка угрюмо молчал. Мы стали на колени перед кроватью и, плача, прошептали:

- Простите за всё нас, Филипп Васильевич!

Отчим перекрестил нас и тихо, тоже плача, ответил:

- Бог простит!

Наутро мать увезла его в Пихтовку, надеясь в районной больнице спасти или хотя бы облегчить страдания...

Встреча с монстром.

Мать увезла безнадежно больного Филиппа Васильевича в районную больницу села Пихтовки. Это в пятидесяти километрах от нас. Оставшись на неделю одни, мы решили на Новый 1952 год пригласить к себе, ночевать мальчишек и девчонок. Было четверо мальчишек (мы двое, Афанасий и Костя Чадаев) и четыре девчонки (Нинка Суворова, Ирка Чадаева, две Веры - Мишина и Марченко). Было очень весело, играли в фантики, в поцелуйчики. Весело трещали берёзовые поленья в печи, было жарко, и мы чуть подразделись. И вдруг Ирка Чадаева предложила:

- Ребята! Давайте потушим свет и будем играть в прятки - ловить друг друга в темноте. Только, чур! Ищут нас и ловят мальчишки!

Это было что – то новое! Все ребята, а затем и девчонки с радостью согласились. Начался шум, визг, в темноте ничего не видно. Девчонки искусно прятались, становились вдоль стен на тумбочку, лавку, кровать и даже на стол и, затаив дыхание, ждали. А мы, выставив руки, и натываясь друг на друга, шарили в обеих комнатах по стенам. Афонька, увлекшись, хапнул Верку Мишину за грудь и та, завизжав, грохнулась в бочку с солёной капустой. Пришлось Верке менять мокрые трусы и одевать платье.

Пока шла замена, и игра прекратилась, я в маленькой комнате лёг под одеяло погреться на широкую кровать и вздрогнул – у стены лежала Нинка Суворова. Я съёжился, испугавшись. Такое же состояние, видимо, было и у Нинки. Пауза затягивалась, а мы всё, не дыша, лежали рядом и боялись пошевелиться. Про себя думаю:

- Что делать? Как назло, никто не идёт из той комнаты. Невмоготу уже! Надо бежать! Пусть Нинка принимает меня за труса, но так продолжаться дальше не может!

Быстро выскользнул из - под одеяла и постыдно бежал в другую комнату, оставив Нинку одну. Игра уже возобновилась, и я скоро оправился от потрясения, забылся, развеселился. Все были довольны этой встречей Нового года. Наигрались друг с другом, нахватались, вроде невзначай, за неположенные места, но ничего другого не произошло, да и в принципе не могло произойти! В то время мы боялись даже поцеловаться по настоящему, были слишком юны, неопытны, по-деревенски доверчивы и просты. Это вам не современная молодёжь!

Шла последняя зима нашей совместной учёбы с Шуркой в одной школе, т. к. во Вдовино была семилетка. Надо было решать: или продолжать учёбу в Пихтовской районной школе (за 50 километров) или дальше не учиться. Нам уже нравилось жить в Сибири даже зимой, а об остальных временах года и нечего говорить. Кавказу далеко до красот природы Сибири! Зима снежная и долгая, морозы, метели, охота, зимняя рыбалка, незабвенные вечера с песнями, частушками, танцами, игры в прятки, лыжи и коньки, игры с взятием снежных крепостей - всё занимало нас, всё было интересно! Дни летели незаметно!

О последней игре надо сказать особо. Снежная крепость была построена у нас за оградой, где весной было болото. Высокий полутораметровый вал с двумя башнями – бойницами, а перед ним яма – ров. Стены длиной до десяти метров, толстые, неоднократно политы водой. Всё сделано на совесть: крепость крепка, заледенела и сверкала на солнце. Можно было только вчетвером – впятером, дружно взявшись за руки, с разбегу пробить брешь в стене. Одному и нечего было думать! Когда закончили сооружение снежной крепости, Ирка Чадаева распорядилась:

- В крепости будут только одни девчонки. Края стены не штурмовать - только середину! Только через ров! А уж кто сбоку подумает проникнуть - того сразу отстраняем от игры! Еврейские штучки здесь не пройдут! Кто честно взял приступом крепость, тот действует, как в кино или книгах. Девчонки в его власти!

Это всем подходило, это было честно! Особенно нас привлекала последняя Иркина фраза. Трудно было заполучить девчонок в плен! Мы не раз убеждались, что взять приступом крепость не так легко. Девчонки из – за стен ловко бьют, спят снежками (а они перед игрой их много заготовливали), а на скользкую стену тоже нелегко взобраться. На нашу крепость приходили играть пол деревни - такая она была великолепная! Не раз и не два крепость было не узнать. Как Мамай прошёл! Но мы опять накатывали, восстанавливали стены, ещё больше поливали, леденели их неприступные бока, вызывая азарт и ярость нападающих. Но зато как сладка была победа! Мы знали, что взяв штурмом крепость, население её наше! Забывались многочисленные ушибы, синяки, ссадины, ледяной холод за воротом до брюха от снежков. Девчонок мы валили в снег, щекотали, валяли, мяли. А кое – кто из старших ребят в сумраках, в снежной пыли, тискали и пытались целовать визжащих девчонок. И вообще, было приятно повозиться, побороться с девчонками! До поздней ночи стоял шум, смех, визг у нашей крепости! Ну и, естественно, штурмовал я стену всегда в том месте, где в амбразуре мелькало личико Нинки Суворовой...

Уже ближе к весне в эту зиму во Вдовино впервые прошли выборы в Верховный Совет СССР, которые очень запомнились. Выборы в то время были действительно очень большим праздником (а не как сейчас!). Правление колхоза, школу, интернат, больницу, сельпо задолго разукрасили кумачом. У входа в правление колхоза продавец Касаткин торговал водкой, конфетами и пряниками. Снег перед правлением сгребли тракторами, яркие разноцветные лампочки горят весь вечер, тройки нарядных саней гремят бубенцами, везде смех, веселье, гармошка. Вся деревня гуляет! Мать идёт голосовать (Филипп Васильевич пока лежит в Пихтовской больнице) - мы с ней. На деревянном столбе перед правлением из чёрной тарелки радио доносится мелодичный голос магаданского певца Вадима Козина:

Улыбнися, Маша! Ласково взгляни.

Жизнь прекрасна наша - солнечные дни!

Из правления выбегают раскрасневшиеся подружки матери – Ольга Федоренко, Дина Дубейко и Ольга Шарандак. Они уже навеселе, подхватывают и кружат мать, подпевают громко:

Брось сердиться, Маша! Песню громче спой.

Мы на радость нашу - встретимся с тобой!

Переговорив с подружками, мать идёт голосовать. А нам интересно, что это такое? Мы за нею. Но там ничего интересного не оказалось. Кругом пьяные мужики с самокрутками нещадно дымят, галдят, разноцветные шали баб, семечки, смех, теснота. Мать протиснулась к столу и что – то рисует на листе бумаги, который ей выдали. Фу! Вот это и есть голосование? Ерунда! Выбираемся на улицу, не ожидая матери, и сразу же завораживает сладкая мелодия Клавдии Шульженко:

У любви свои пути. Нелегко дорожку к ней найти.

Но твоё не спутаю я окно. Мы с тобою встретимся всё равно!

Идём в гости к Духовской Кате. Тепло, радостно на душе, играем в снежки со встречными. Пронесются пьяные тройки. Навстречу из переулка с компанией ребят – девчат разухабистый Мишка Масленников растягивает гармонь:

Эх, милка моя! Я тебя уважу.

Куплю вару на пятак – всюу замажу!

Девки смеются, турзучат его, толкают в снег. Пьяный Мишка летит вместе с гармонью в сугроб, девки на него – возникает свалка. Весь день деревня гуляет, гудит! Надолго запомнятся выборы!

Мать остаётся у Кати и Борис Сергеевича, а мы с Шуркой, Костя и Ирка бежим к Зыкиным. Васька и Полька давно предупреждали, что на выборы они устраивают обед для ребят – девчонок с нашей стороны. Зыкина бабка рассаживает всех на лавках за длинным столом, ставит блюдо с шанежками, пирог, холодец, картошку, капусту, а затем уходит к соседям. Сразу становится шумно, Васька вдруг приносит из погреба почти полное деревянное ведро медовухи. Мне тринадцать с половиной лет и я впервые в жизни пью хмельную брагу, да и большинство впервые пьют кружками, кто сколько хочет. Всем нравится очень сладкий напиток. Мы теряем чувство меры, не догадываясь о последствиях. И вот чувствую, что опьянел по - настоящему. Язык одеревенел, перед глазами всё кружится. Пытаюсь встать, качаясь, ухожу домой. Еле снял телогрейку и завалился на пол за печь в узкую щель, где живёт домовой. Весь в пыли, грязи, мне плохо, плачу и зову мать, но она ещё не пришла с работы. Лежу на спине в узкой щели - не повернуться. По мне ходит поросёнок. Острые ножки больно впиваются в живот, грудь, но у меня нет сил прогнать его. Поросёнок радостно хрюкает, заговаривая со мной, облизывает, целует пяточком, язычком мои губы. Вероятно, изо рта доносятся приятные

запахи еды и медовухи. В обычное время любил спать, обнявшись с поросёнком. С ним было очень тепло, я его любил, ухаживал, купал его – он был всегда чистеньким. Сейчас же и без него мне тяжело, тянет рвать, а поросёнок толчётся по мне, лижет рот, не давая дышать. Как он не объел мне губы? Говорят, они на это способны. Спасает меня пришедшая мать. Она ахает, испугавшись, услышав мой плач и стоны. Затем, поняв всё, ругается, плачет, отпаивает меня чаем – я беспрерывно рву.

- Один сгубил себе жизнь из – за пьянства. Теперь вы начинаете? Да что же это такое! Ведь это же надо! Где ты напился?

Я постепенно отхожу. Мать укладывает меня спать. На всю жизнь запоминаю выборы...

Уже в начале июня у меня, наконец, произошла встреча с двухметровой щукой, обитавшей в Силаевском омуте. Как уже упоминал - её видели многие и все уверяли, что это бабка Силаиха превращается в щуку огромных размеров, чтобы утащить какого -нибудь зазевавшегося парнишку или девчонку в омут.

В то утро шёл с Витькой Шестаковым по берегу Шегарки вверх к Жирновке. Шли мы по левому берегу с удочками в руках и на всякий случай к концу удилиц были привязаны и петли из проволоки для силения щук. Было раннее лето и щуки после долгой зимы весьма охотно «вылезали» погреться на солнышке, постоять, подремать у берега. Обычно знаешь эти места, любимые щуками. Подошли тихонечко к третьему омуту и в полынье из разводьев пёстрой щучьей травы, где обычно стоят разбойницы, ничего не увидели. Но что – то было непонятно нам! Обычно светлая полынья длиной более полуметра в окружении трав на этот раз была вся чёрная. И тут я, внимательно всматриваясь в это место, и не понимая, что это там, вдруг вздрогнул всем телом. Из воды на меня зло смотрели строгие, величиной с небольшое блюдце, щучьи глаза! Всё это место, обычно занимаемое небольшими или средними щуками, на этот раз было занято огромной головой и частью чёрной спины гигантской щуки! Остальная часть тела и хвост были невидны в тени водорослей. Хищный нос, огромные жёлтые глаза, на гигантской голове течение шевелило древний мох! Страшное зрелище! Витька Шестаков тоже увидел щуку. Нас обоих охватил озноб. Витька горячо зашептал мне на ухо:

- Вот это да! Ой, какая щучара! Это Силаиха! Сейчас выпрыгнет и утащит нас в воду!

- Давай назад!

- одними губами просипел я. Глядя замороженными глазами в жёлтый свирепый глаз ведьмы, мы тихо попятились наверх, стараясь не шуметь. На самом вершине берега от сердца отлегло - теперь щука не достанет нас! Нашими тонкими силками и нечего было думать силить её. Она бы просто порвала их. Да и вдвоём мы бы ни за что не вытащили это чудовище!

Один раз я видел, как на силку поймал щуку больше метра Иван Крылов. Он стоял тогда на высоком берегу. Как только он её засилил - огромная щука в свою очередь дёрнула с берега Ивана. Он вмиг оказался по пояс в холодной воде (была ранняя весна), но не

растерялся, не выпустил из рук удилище. И лишь подоспевший ещё один мужик помог вытащить серую хищницу на берег. Надо было видеть, как билась в траве необузданная в ярости щука! Теперь же сверху нам было ещё виднее, какая большая щука стоит, дожидается нашего решения своей судьбы! Что делать? Витька говорит:

- Колька! Что смотреть? Мы её ни за что не вытащим. Бежим к Ивану Крылову. Он знает в этом деле толк. Тем более, его дом недалеко. Погнали?

Прыжками понеслись во Вдовино, перелетели через висячий мостик. На наше счастье Иван был во дворе и рубил дрова. Задыхаясь от быстрого бега и волнения, наперебой зататорили:

- Дядя Ваня! На Силаевском омуте стоит здоровенная щука! Таких у нас на Шегарке отродясь не было! Вы можете поймать её, а мы просто испугались такую щучару!

Иван поверил нам и быстро собрался. Достал толстенную проволоку и привязал её к тонкой жердине. Мы на радостях похохатывали – нелегко придётся теперь нашей «знакомой»!

Побежали все втроём к Силаевскому омуту и обмерли - на той стороне омута крик, шум, смех, визг! Плавают «по-бабски» (с большой волной впереди себя) пьяный Касаткин с Иркочкой Духовской (сестрой Кати – матери Кости и Ирки Чадаевой).

Смотрим - так и есть! Щука ушла! Её нет! От злости Иван выругался и далеко швырнул в воду жердь – удилище, а мы чуть не заплакали от обиды! Проклятый сытый продавец Касаткин со своей любовницей лишили нас, может быть, главного события детства! Я теперь ещё больше поверил, что щука - это ведьма Силаиха! И не то, чтобы когда –нибудь там искупался - даже не намочил ноги в этом загадочном омуте! Щука же ждёт своего часа и я, возможно, ещё вернусь туда...

Лето заканчивается. Через некоторое время Шурка уедет в Пихтовку в восьмой класс, и мы с ним впервые расстанемся. От этой мысли грустно, мне жаль его. Тёплые долгие вечера. Управившись по дому, со скотиной, птицей, мы перед ночью ежедневно поливаем огурцы. Воду берём из колодца, находящегося тут же рядом с высокими грядками огурцов, сложенными из навоза. Шурка поливает лейкой, а я подношу воду ведрами и всё заглядываю в колодец. В начале лета выпустил в колодец несколько чебаков, а они не появляются из глубины. Несколько раз даже пытался их опять выудить, но они на червя не берут. А подросли, видать, за лето! Вот черти! Не клюют и не показываются на поверхности! Зимой колодец промерз, скорее всего, до дна, и я так и не узнал судьбу чебаков – они скрылись от меня! Окончив полив, мы усаживаемся на край грядки, хрустя сочными пупырчатыми огурцами. За оградой над болотом летает, кувырывается в воздухе и блеет баранчик, трепещет крыльями. Ближе к лесу где – то пробует голос коростень. Говорю Шурке:

- Интересная эта птица! Сколько раз по вечерам подкрадывался по кочкам к крякающему певцу, но ни разу не застал его врасплох! Больше того, ни разу так и не увидел эту странную ночную птицу! А ты?

- То же самое! Стоишь рядом с ним – вот тут, под ногами крякает коростень, а не видно! Так он искусно маскируется, а затем, подразнив, быстро убегает между кочками...

Как – то пришёл вечером домой и слышу – на чердаке дома опять поёт Шурка. Потихоньку поднимаюсь на лестнице и вижу: Шурка стоит перед чердачным окошком, смотрит за реку в сторону леса, где на краю села жила Эрна и одухотворённо выводит:

Ты смеёшься над моею незавидной внешностью.

Но ведь я богат не ею, а сердечной нежностью.

Песня мне тоже очень нравится, слова буквально будоражат меня. Думаю о Нине Суворовой: что – то уж долго не приходит она к нам на вечерние посиделки...

Усаживаюсь тихонько на балку, стараясь не шуметь. А Шурка поёт уже новую песню:

Мы с тобою не дружили, не встречались по весне.

Но глаза твои большие не дают покоя мне.

На небе загораются первые звёзды. Из – за реки, со стороны пасеки, доносятся и тревожат душу трели перепелов; тёплый духмяный ветерок временами усиливает их голоса. Комары уже насели давно, но ни Шурка, ни я не замечаем их. У Шурки четыре любимых мелодии и, начав одну, он обязательно пропоёт их все:

Всю ночь поют в пшенице перепёлки о том, что будет урожайный год.

Ещё о том, что за рекой в посёлке, моя любовь, моя судьба живёт.

Тайная любовь Шурки к голубоглазой Эрне давно не была для многих тайной. Курчавая весёлая немка тоже, видно, догадывалась и, возможно, не прочь была ответить на неё. Но сколько же можно вздыхать, смотреть украдкой, писать в альбом стишки, петь вдалеке нежные песни – надо было уже и действовать: подойти, заговорить, взять за руку, встречаться. На всё это у Шурки не хватало духу, смелости. Он был робок, нежен, романтичен. Любить издали – его удел! А девушки любят решительных парней! Эрна была непостоянная. Ей, видимо, нужны были такие парни. Она от Шурки перекинулась к Кольке Верёвкину, а затем к Яшке Кузнецову. Шурку это тревожило. Он глубоко страдал от несчастной любви. Подобные вечера у него стали бывать частенько. Последнюю, самую любимую песню, он заканчивает со слезами. Они бегут медленно по щекам, но Шурка их не замечает:

Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая –

Заря моя вечерняя, любовь неугасимая!

Любовь брата к Эрне меня потрясает! Я учусь его уважать - он достоин восхищения! И песни – то, какие выбрал! Как будто всё о нас, о нашей деревне, реке, полях, о наших девушках, может, он сам их сочинил? Но об этом я его боюсь спросить. И зимой также частенько Шурка пел нежные песни на чердаке крыши. Дневник у него пухнет. Он продолжает писать в нём песни, стихи, размышления. Даже начал писать роман про влюблённого Васю – в этом образе угадывался он сам. Иногда просит меня передать письмо Эрне в разрисованном самодельном конверте, тщательно заклеенным крахмалом. И всегда на лицевой стороне конверта:

- Лети письмо с приветом – вернись с ответом!

А на обороте конверта:

- Если найдёте ошибку – считайте за улыбку!

Эрна тоже отвечала Шурке через меня, но что она там писала, я так и не узнал - не решался открыть! Всегда от её писем исходил аромат одеколона, видно, брызгала им конверт. И где она находила его в этой глуши?

Возвращение отца. Смерть Сталина.

*Мы вынесли из мавзолея его. Но как из наследников Сталина
Сталина вынести? Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка. Иные и Сталина
Даже ругают с трибун, а сами ночами тоскуют о времени старом.
Им, бывшим когда – то опорами, не нравится время, в котором
Пусты лагеря, а залы, где слушают люди стихи - переполнены.*

Евгений Евтушенко.

Осенью Шурка уехал на подводе больницы в Пихтовку учиться в восьмом классе. Ему было уже семнадцать лет, но на вид не дашь – небольшого роста, худенький. С собой родители ему дали только мешок картошки, да пятьдесят рублей (5руб. по - новому). А предстояло жить девять месяцев у чужих людей на квартире. Филипп Васильевич продолжал болеть, и нам в этом году опять было тяжело «сводить концы с концами». Мать работала одна - на лекарства Филиппу Васильевичу приходилось тратить всю её нищенскую зарплату. Государство в то время абсолютно не помогало в таких ситуациях. А теперь ещё и отъезд Шурки на учёбу, которому тоже надо было помогать, платить за квартиру, учебники, одежду, обувь, еду и прочее. Но больше всех забот, наверное, всё – таки попало в этом году на меня. Мать работала кухаркой в больнице и уходила чуть свет на работу, а приходила затемно. Филипп лежал уже около года дома больной. Всё хозяйство легло на мои руки. Пилить - колоть дрова, топить печь, готовить еду себе и свиньям, гусям, курам, ухаживать за коровой: доить, кормить - поить. Убирать дома, чистить снег, носить воду на коромыслах за триста метров из Шегарки для себя и животных, стирать бельё и прочее. Это был адский труд! Я не успевал нигде, а надо было ещё учиться.

Но, как оказалось, Шурке в эту проклятую зиму было хуже всех! Он прожил два месяца у одних, затем столько же у других хозяев – и везде его выгоняли, т. к. нечем было платить за квартиру и, вдобавок, он всегда был голодный, т. к. есть было нечего! К Новому году мать переслала ему мешок картошки, да несколько кругов молока. Картошка в дороге у пьяного почтальона замёрзла, и он привёз Шурке гремящий мешок ледышек. Молока мать не могла дать больше, т. к. в первую очередь она им выхаживала Филиппа, да душили налоги государства - приходилось сдавать его. Жестоко страдал опять от голода Шурка в эту зиму! Сердобольная третья хозяйка один раз в день давала ему чуть поесть.

Наступили новогодние каникулы, но Шурка не смог приехать домой, т. к. одежда и обувь были на износе, а в эту зиму, как назло, стояли сорокоградусные морозы. Мать выбралась на один день в Пихтовку и уговорила нашего старого знакомого Коржавина Ивана Афанасьевича (он купил дом в Пихтовке и жил там уже два года) взять на квартиру Шурку бесплатно:

- Иван! Богом прошу - выручи! Возьми на квартиру сына. Филипп выздоровеет - рассчитаемся! Он уже поправляется. Весной все долги отдам!

Филипп Васильевич, действительно, шёл на поправку, хотя кашель с кровью продолжал бить его. Дома постоянно стоял тяжёлый запах от его кашля. И как он только выжил! Бог явно помог ему, т. к. Филипп Васильевич непрерывно бормотал молитвы и крестился на икону. Его было не узнать – одна кожа, да кости! Измождённый, он кашлял непрерывно целыми днями, ночами. За день я выносил полведра крови, гноя и плевков. Удивительная живучесть была у Пастухова! Все врачи больницы разводили руками – по все канонам медицины он должен был давно умереть, но он жил!

В конце января 1953 года получили открытку от дяди Васи. Весть ошеломила всех нас!

19 января 1953 года.

Здравствуйте родные племянники Александр, Николай и Ваша мамаша Анна Филипповна! Сегодня получил Ваши письма и от Вашего папаши Владимира Ивановича! Да, он жив, он нашёлся! Это великое счастье! Я очень рад, что он известил меня телеграммой о выезде к Вам, но не сообщил точного местонахождения, я бы мог выслать денег на дорогу. А сейчас я беспокоюсь – он может заболеть дорогой. Извещайте его местонахождение, теперь он скоро будет у Вас! О себе буду писать. Желаю Вам здоровья и счастливой жизни! Ваш Василий Иванович Углов.

Г. Южно – Сахалинск. Чехова 28.

Это была весть – лавина! Мы теперь могли ждать отца в любую минуту! Радовались неимоверно! Мать и Филипп Васильевич сдержанно молчали...

Всё случилось неожиданно. 5 февраля взволнованная учительница младших классов постучала в наш класс и вызвала с урока Ольгу Федосеевну. Дверь была полуоткрыта и я услышал:

- Оля! Пришёл мужчина - назвался Угловым Владимиром Ивановичем. Говорит, что у тебя в классе его сын. Он хочет его видеть, дожидается на улице.

Я похолодел: почему – то стало страшно! Весь класс смотрел на меня. Радостная Ольга Федосеевна вывела меня за руку из класса и тихонько подтолкнула с крыльца на улицу:

- Ну, что же ты, Коля! Вон твой папа! Подойди к нему! Ты чего боишься? Это же отец! Весь класс высыпал на крыльцо! Все с любопытством и молча наблюдали за нашей

встречей. Для Вдовино это было невероятное событие! Ни у кого ещё отцы не возвращались из небытия...

Передо мной стоял высокий сутуловатый усталый мужчина с растерянными повлажневшими глазами. Я остановился и сразу же опустил глаза в землю, лишь изредка косо наблюдая за этим мужчиной. Мной овладела непонятная робость. Отец тоже растерянно молчал, не зная, куда деть руки. Затем зачем – то снял шапку, теребя её в руках, опять одел. Большая лысина и чуть оттопыренные уши бросились мне в глаза. Одет был отец, как наши заключённые во Вдовино: фуфайка, кирзовые сапоги, штаны и рубаха из простой ткани. Я ещё раз исподлобья посмотрел на отца. Продолговатое лицо, большой нос, голубые, с прищуром глаза, и толстые губы ...

Не таким я представлял его из далёкого детства! Прошло много лет! Последний раз я видел отца в 1941 году, когда мне было три года. Я его не помнил. Лишь какие – то штрихи прошлого были у меня в голове. Всё изменилось! И отец, и я!

Пауза затягивалась. Все с интересом наблюдали за нами. Я не знал, что делать. Кинуться в объятия к этому незнакомому человеку? Нет – у меня не было сил. Мне шёл пятнадцатый год, и трудно было преодолеть подростковый комплекс неполноценности.

Не отдавая себе отчёта, что делаю, повернулся и убежал, рыдая, в школу! Всё, всё забылось, я отвык, не помнил, не знал этого человека! От проклятой деревенской и природной робости побоялся на людях броситься в объятия к отцу! В школе кинулся в какую – то пустую комнату, заплакал, зарыдал! Все закричали и побежали вслед за мной. Столпились около меня, что – то кричали, ругали, теребили меня, требуя, чтобы я вернулся к отцу. Подбежала Ольга Федосеевна и тоже заплакала. Обняла меня, успокаивала, ласково говорила:

- Колюшка! Нехорошо так! Это же твой папа! Пойдём к нему! Он ждёт тебя! Ты что натворил? Это нехорошо! Давай, давай, пойдём. Сейчас иди с папой домой!

За руку вывела опять к отцу. Я всхлипывал. Кто – то из ребятишек принёс мою сумку с тетрадками, книгами и мы пошли с отцом рядом к дому. Я постепенно успокаивался и перестал плакать. Долго молчали, а затем отец робко дотронулся до плеча:

- Колюшок! Ну что же ты так? Ничего – успокойся, всё обойдётся. Я бы тебя тоже не узнал, большой ты стал. Александр в Пихтовке? Вот не знал я - мимо прошагал. Мать жива, здорова? Где она? Одни живёте или кто есть у неё?

Я односложно отвечал, подглядывая и изучая отца. Пришли домой. Нас встретил выздоровевший отчим. Он пока не работал, набирался сил. Мужики сдержанно поздоровались. Филипп Васильевич забежал, засуетился, да и отец растерялся, помрачнел. Разговор не клеился. Я сбежал в больницу за матерью. У ветлечебницы встретил её быстро идущую, взволнованную, радостную. Кто – то уже сказал! Мать забежала в хату и сразу заплакала, заголосила, отец тоже сморкался, часто моргая белесыми ресницами. Пастухов тоже не скрывал слёз, и я тоже вновь расплакался. Так мы долго просидели,

проплакали, успокаивая причитающую мать. Затем разговорились. Мать начала собирать ужин. Отец достал из рюкзака две бутылки водки, консервы, сыр, колбасу. Таких продуктов у нас во Вдовино не было. За ужином разговорились. Отец слушал в основном мать. О себе сообщал с неохотой, скупно, односложно:

- В конце сорок второго года был ранен и обморозился. Поместили в Ростовскую больницу. Там отняли отмороженные большие пальцы на ногах, подлечили. Сразу же после выписки начались тяжёлые бои, командовал взводом пулемётчиков. В одном из боёв был контужен и опять попал в больницу. А тут немцы взяли Ростов – мы все очутились в плену. Всех легкораненых использовали на работах. Затем после освобождения Сталинграда вскоре наши опять взяли Ростов. Теперь попали в плен к своим. Судили. Дали десять лет лагерей без права переписки. При переходе, когда нас гнали к товарной станции, бросил под ноги прямо в грязь сбоку дороги несколько весточек вам. Вели колонну конвоиры с винтовками. Увидят – убьют! Толпа была огромная – несколько тысяч. Возможно, затолкли мои самодельные треугольнички писем. Везде был один текст:

« Нюся, дали десять лет лагерей. Не знаю, где будем. Будет возможность, сообщу. Кто подберёт эту записку, Богом прошу, сообщите жене по этому адресу».

Но никто, видно, не подобрал мои письма. А может, побоялись. Эти десять лет лучше не вспоминать. Не знаю, как выжил. Первоначально за Полярным кругом строили Дудинку, Игарку. Затем пять лет Норильск. Строили завод, надрывался в шахтах. Работали до изнеможения. Намучился, наголодался, настрадался. Издевались, как хотели, но я терпел, надеялся выжить и увидеть вас. Уж и не чаял вырваться из того ада! Освободили ровно через десять лет. Поражён в правах на пять лет. Как отличнику производства, с милости начальства, мне разрешили поселиться рядом с семьёй. Буду жить, и работать в леспромхозе пять лет в посёлке Октябрьском – это в ста километрах от вас. Ничего! Надо дотерпеть! Будет уже значительно легче. Кавказ свой любимый, если Бог даст, увижу только через пять лет...

Бедный мой отец! Знал бы он, что больше никогда не увидит свой любимый Георгиевск и Кисловодск! Какая жестокая судьба была у того поколения! За что они страдали? Будь проклят в века сталинский бесчеловечный режим негодяев!

Мы проговорили до утра. Мать постелила нам с отцом на полу. Он прожил у нас две недели. Я привык к нему, потянулся всей душой. Спали на полу вдвоём, много разговаривали. Отец был грамотный, с ним было интересно – это не Пастухов! Долго и интересно, теперь охотно, мне рассказывал о прошедшей войне, о политике нашего государства. Много говорил о разных людях, об их поступках, о дружбе и товариществе. Отец очень любил русскую литературу. Читал наизусть отрывки из Лермонтова, Пушкина, Есенина. Особенно любил прозу Тургенева и Чехова. Все дороги вокруг Вдовино вскоре были нами исхожены. Отец любил со мной ходить на лыжах (он - на Шуркиных) по полям, лесам. Несколько раз ходили за зайцами, но как назло, за эти две недели не поймали ни

одного! Отец покупал несколько раз в сельпо хлеб, соль, сахар, манку. Как – то все вчетвером пошли в клуб в кино. Сзади шептались бабы - одиночки:

- Ну и Углиха! Везёт ей! Всё время два мужика! Был Филипп с китайцем, теперь ещё один выискался!

- Так это родной муж вроде!

- Родной? А Филиппа теперь по боку? Ишь, два мужа у неё теперь!

Отцу уже надо было отправляться в посёлок Октябрьский – вчера предупредил комендант. Вечером собрались для решительного разговора. Начал трудно и тяжело Филипп Васильевич:

- Живу с Нюсей с 1949 года. Построил дом, хозяйство завели. Переболел год целый. Если бы не она - умер бы! Низкое спасибо ей за это! А сам я? Плохо ли, хорошо жил, всякое было, но детей растил!

Долго молчали... Отец ответил:

- Хорошо, что сошлись вы, помогли друг другу! Спасибо великое тебе, Филипп Васильевич, что детям помог. Теперь пусть всё решает Нюся. С кем она захочет жить - так и будет.

Мать долго и тихо плакала, сморкалась, что – то думала, колебалась. Мы все трое, пряча глаза друг от друга, ждали её решения. Мать во - всю разревелась:

- Прости, Филипп! Дети у нас с Володей. Буду жить с ним!

Отчим побледнел, заплакал и вышел из избы...

Отец решил:

- Нюся! На Кавказ, сама понимаешь, сейчас не попадём. У меня поражение в правах. Не поеду в Октябрьский - сразу арестуют. Да и вас пока не отпустят. Будем жить в Октябрьском, а как закончится это проклятое поражение, сразу уедем в Кисловодск. Как устроюсь там, напишу. Постараюсь заработать денег и получить комнату. Думаю, летом или ближе к следующей зиме, заберу вас. Потерпите...

На следующий день отец уехал в Пихтовку с попутной подводой из Жирновки. А из Пихтовки до Октябрьского ему предстояло прошагать ещё пятьдесят километров. Дороги там не было, а узкоколейку заключённые только закончили и поезда ещё не ходили. Приехав в Пихтовку, нашёл Шурку. Встретился с ним, пожил у Коржавиных два дня. Накупил Шурке крупы, муки, сахара - тот несказанно обрадовался. Затем ушёл пешком в место назначения – леспромхоз в посёлке Октябрьский.

В ожидании перемен в нашей жизни тянулось время...

Стояла ранняя весна. В один из дней начала марта мы, придя в школу, удивились. Утренний звонок на урок не прозвенел, занятия не начинались, но никого не отпускали по домам. Все учителя собрались в комнате директора. Мы просидели с полчаса в классе, но учитель не заходил. Дежурный Вовка Жигульский выглянул в коридор, затем куда – то пошёл дальше. Заскочил в класс, взволнованный:

- Ребята! Что – то случилось! Во всех классах тишина, никто не занимается. Я заглянул в учительскую – никого! Приоткрыл дверь к дирижу, там все учителя в сборе, сидят мрачные и все, представляете, плачут! Неужели опять война?

Эта новость поразила всех! Обычно мы не занимались в школе при морозах более сорока градусов и пурге, валившей с ног. А сегодня стоял ясный солнечный денёк, снег был липкий и с крыш уже свесились первые сосульки. Что бы это значило?

Наконец, объявили общий сбор, велели одеться и выйти на улицу, построиться. Все заволновались, глухо перешёптывались, гадали. Такого ещё не было! Показались учителя – Платонов, Яновская, оба Микрюковых, Афанасьева, Стеблецова и Александрова. Колонна учеников задвигалась, зашептала. Действительно, все учителя плакали, даже директор! Один Микрюков держался, но и у него было мрачное лицо – как на виселицу ведут! Пауза затягивалась. Все замолчали, насупились, поняли – случилось что – то необычное! Вперёд выступил Микрюков:

- Школьники и школьницы! Нашу страну постигло неслыханное горе!

Он сделал паузу, пытаясь совладеть с задрожавшим голосом.

- Война! Атомная бомбардировка! Американцы! Опять война!

- пронеслось в мыслях у всех.

Микрюков продолжал:

- Пятого марта умер наш вождь, полководец, генералиссимус, величайший Человек Земли, дорогой Иосиф Виссарионович Сталин!

- и заплакал теперь, не скрывая слёз.

Его слова потрясли всех до основания! Через секунду замешательства все заплакали, некоторые навзрыд. Это было потрясающее зрелище! Несколько сотен людей (отовсюду быстро набежали со всей деревни) стояли друг перед другом и плакали. Деревенские бабы ревели с причитаниями.

Что теперь будет со страной, с нами? Смерть Сталина – это же конец света! Воспитанные с пелёнок в духе любви и преданности к Сталину, мы не могли представить теперь жизнь без него! Ежедневно десятки раз мы слышали по радио передачи о Сталине. О его работе, его встречах с людьми. Нам читали его статьи и стихи о нём, многочисленные песни ежедневно прославляли нашего вождя. Портреты Сталина были везде – и в детдоме, и в интернате, в школе, сельсовете, правлении колхоза. Во всех учебниках на

заглавной странице был обязательно его портрет. Как – то я просмотрел в сельсовете подшивку районных газет – во всех номерах газет был напечатан его портрет. Все наши собрания и линейки начинались с его имени. И в кино, особенно в фильме «Падение Берлина», мы видели, как солдаты бросались под танки врага с криком: «За Родину! За Сталина!». А теперь его нет...

Проплакали с полчаса - и нас отпустили по домам. Убитые горем, люди расходились, обмениваясь мнениями.

Мы шли домой с Афонькой вдвоём. Он убеждённо говорил:

- Коля! Уж теперь – то американцы пойдут на нас войной. Теперь им нечего бояться! Сталина нет. Кто нас защитит?

- Ты думаешь, будет война?

- Не сомневаюсь! Притом, возможно, уже завтра!

- Но у нас же сильная Красная армия!

- Американцы с их атомными бомбами без Сталина нас наверняка завоюют.

- Мы живём в глуши. Едва ли американцы сюда долетят.

- Долетят! Я уверен! Даже могут сбросить десант парашютистов.

- Ну, тогда мы уйдём в лес партизанить.

На том и решили. Теперь мы ежедневно стали ждать войну.

Живого Сталина я видел в кино несколько раз. Почему – то думал, что играет его роль не артист, а он сам.

Запомнился один эпизод из какого – то фильма. Главный герой – разведчик, должен был встретиться в Кремле со Сталиным. Встречу назначили зимой в Кремлёвском саду с глазу на глаз. Разведчик, человек со стальными нервами, заволновался, занервничал, увидев медленно подходившего с трубкой в зубах Сталина в генеральской форме. В ответ на приветствие Сталина, герой фильма неловко оступился с дорожки, брякнулся в снег и сумбурно прохрипел:

- Здравствуйте, Виссарион Иванович!

Даже такие люди боялись Сталина! А уж за немцев и американцев нечего говорить! Сталин для всех нас был Богом на земле!

Первое потрясение от смерти «отца родного», однако, прошло и, странное дело, жизнь продолжалась и становилась день ото дня лучше. И американцы не нападали на нас! Наши иллюзии в отношении Сталина в будущем всё более превращались в реальную прозу жизни. Через некоторое время в стране произошли долгожданные разоблачения

врагов, рука об руку работавших рядом со Сталиным и творивших по его руководством гнуснейшие дела, приведшие к гибели десятков миллионов людей. Авторитет «батьки родного» упал до нуля, как упали наземь по всей стране десятки тысяч его памятников. Сталин вместе со своими многочисленными подонками типа Ежова, Берия, Абакумова, Кагановича и сотнями других негодяев заняли своё место на свалке истории.

- Берия, Берия! Нет тебе доверия! А товарищ Маленков надавал тебе пинков!

- радостно кричала вся детвора обновляющейся от второго крепостного права России!

Пелена с наших глаз спадала всё более и более по мере возмужания...

Роковая ошибка матери.

Наконец вернулся, окончив восемь классов, из Пихтовки Шурка – встреча была долгожданной. Я окончил с отличием последний седьмой класс Вдовинской школы. Теперь ждали с нетерпением отца, переезда в посёлок Октябрьский, ждали новой школы и новых друзей. Пастухов нервничал, после выздоровления перестал пить, драться и ругаться с матерью – это впервые за пять лет. С нами он стал внимательней, перестал драться, бить меня. Более того, он стал заигрывать со мной, вызывая жалость к себе. Но всё это время он постоянно «грыз» мать:

- Матр! Почему это Володя не помогает детям – не высылают денег?
- Филипп! Но он уже выслал нам 400 рублей и переслал им матери на штаны и рубахи!
- Этого мало! Он же там зарабатывает больше!
- Да, но ты видел, в чём он приезжал к нам? У него же самого ни одежды, ни обуви нет! Да и устроиться там надо. Элементарно купить необходимое: стол, стулья, посуду, да к тому же кушать надо что – то!

Но отчим продолжал недовольно ворчать – это его не устраивало...

Наконец, в конце июня отец приехал во Вдовино за нами на подводе, запряженной двумя лошадьми. Мы обнялись, расцеловались. Отец коротко рассказал:

- Устроился в леспромхозе на рабочей должности. Работаю на железной дороге такелажником. Пакуем штабеля досок, отправляем круглый лес. Страна восстанавливается после войны и нужно много леса. Мне дали большую комнату в бараке, там и будем жить. Посёлок Октябрьский большой – несколько тысяч человек, но живут все зэки. Я сам такой же и привык к этим людям, громадное большинство из них порядочные люди. Хотя есть и уголовники – с ними надо держать «ухо остро». В посёлке есть школа – десятилетка, баня, столовая, клуб, детдом. Но сейчас, дети, я беру только одну мать, кое – что из вещей и корову Майку. За вами приеду к сентябрю. Заодно выкопаем картошку - основное наше продовольствие на зиму и увезём на подводе.

Это, как показало время, была первая ошибка отца – надо было забирать всех нас! Мы немножко, правда, расстроились, но т. к. было лето, здесь были друзья, да и до сентября осталось мало, можно было и подождать. Отец, помню, спросил мать:

- Нюся! А как с домом! Нашла покупателей, как мы и договаривались? Да, а почему не продала ничего из громоздких вещей?
- Володя! Ты знаешь, я передумала. Избу, сундук, кровать, стол и кабана оставляю Филиппу. Он тоже всё это заслужил, здесь его труд!

Отец согласился:

- Ну, как знаешь! Может, это и правильно. А мы со временем всё наживём.

Шурка шепнул мне:

- Тут что – то не то! Недаром, знать, по вечерам о чём – то долго мать с Филиппом шепталась!

На телегу погрузили немудрящий скарб, привязали к задку верёвкой корову Майку, в корзины погрузили гусей и курей. На сборы пришли все соседи – советы, помощь! Отъезд из Вдовино первой семьи – это событие! Люди даже не догадывались, что скоро, после освобождения, начнётся массовый исход из этих мест! Лавина отъездов буквально опустошит полностью Вдовино!

Незадолго до окончания сборов куда – то исчез Пастухов, затем через некоторое время мать – видно, прощались. Мать пришла в слезах, Филипп не появился. Отец всё это время отсутствия матери нервничал, краснел, был угрюм, видно, всё это ему начало надоедать.

Наконец, обняв и расцеловав нас с Шуркой, они тронулись.

- Ничего, Колюшок, Шурик, потерпите! Немножко осталось. Приеду за вами скоро! Постарайтесь убрать огород к концу августа и ждите. Не горюйте здесь одни!

- были его прощальные слова.

Телега была уже на повороте, когда из высокого камыша подсохшего болота за нашим домом вдруг выскочил Пастухов и бросился её догонять. Он был сильно пьяный, ревел, не скрывая слёз. Догнал телегу, ухватился, уткнулся в подол матери:

- Матр! Не бросай меня одного на погибель! Вернись! Пить брошу, только вернись! Без тебя мне не жить на свете!

Скрежетал зубами, истерично хватался руками за голову, заламывал руки, пьяные слёзы застилали ему глаза. Мать от этой сцены расчувствовалась ещё больше. Уткнувшись в платок, плакала уже навзрыд! Отец был красный, как рак! Угрюмо шёл впереди подводы, не оглядываясь.

- Ты смотри! Фялипп – то! Любя Нюську, знать! А блядовал – то, кобель, как от неё! И жили – то, как кошка с собакой! Синяки не сходили с неё! А тоже плаче! Тьфу, пропасть!

- услышал я возмущённый голос Зыкиной бабки. Вокруг все бабы дружно поддакнули. Мне стало стыдно...

Пастухов вдруг оступился и упал в болото. Больше он не поднялся. Всем было тяжело от этой сцены. Судача, бабы долго не расходились по домам...

Через неделю Шурка уехал на сенокос с больничными покосниками на Уголки - то ли за мать, то ли за Филиппа отрабатывал. На меня одного остался огород. Целыми днями полел, подбивал картошку, ухаживал за грядками овощей, огурцов, кормил оставшегося кабана. Филипп Васильевич беспробудно опять запил и приходил поздно. Эти вечера,

ночи рядом с ним в хате были для меня невыносимы! Он ревел, стонал, рвал волосы, бился головой о стену:

- Матр! Где ты? О, горе мне! Утоплюсь! Повешусь! Вернись!

На меня это производило неизгладимое впечатление. Я пугался, мне было его очень жалко. Я нередко, когда он слишком заходился в припадке, тоже плакал, жалея его, подходил, обнимал за плечи, уговаривал. Не раз и не два отчим по пьянке начинал писать своими каракулями письмо матери, уговаривая меня:

- Ну, не получается у меня! Ты грамотный, напиши матери о нас. Пусть приедет проведать нас. Ну, напиши, Колюшок! Христом – Богом прошу!

Я не выдержал и написал матери обо всех этих мытарствах и причитаниях отчима, обо всём этом, прося её забрать меня скорее или приехать самой – дальше не было возможности терпеть эти сцены!

Всю жизнь ругаю себя за это письмо! Не вытерпел, смалодушничал! Как не догадался ночевать у друзей? Да лучше бы просто взял и ушёл пешком в Октябрьский, бросив злополучный огород! Всего – то сотня километров!

Может, это письмо и не сыграло свою роль, но мать приехала через месяц одна, опять со скарбом и коровой! Вероятно, она давно решила для себя этот вопрос, и моё письмо было всего лишь поводом! Она бросила отца! Мне стало страшно, и я побежал на Уголки за Шуркой. Прибежали с ним вдвоём назад. Взволнованный Шурка закричал:

- Мама! Что ты натворила? Не делай глупости! Давайте вернёмся всей семьёй к отцу! Сейчас же! Всё бросим к чёртовой матери! Пусть всё достаётся отчиму! Ты делаешь сейчас непоправимую ошибку! Вот увидишь, не раз пожалеешь об этом гнусном поступке!

Я тоже поддержал брата. Как Шурка оказался прав! Сотни раз мать потом плакала, поняв, как она ошиблась в жизни...

Филипп сразу стал другим! Он грубо заорал на нас:

- Щенки неблагодарные! Матр! Пусть уходят вдвоём, халдеи! Мы одни будем жить!

Надо было последовать его единственному в жизни правильному совету...

Филипп Васильевич сразу же, после возвращения матери, стал опять грубым, и пить уже не переставал. Начиналась та же жизнь!

На следующий день в нашем дворе собрались опять все соседки. Весть о возвращении Анны Филипповны быстро разносилась по округе, и всем было интересно, почему она возвратилась? Мать рассказала о причинах:

- Когда поехали в Октябрьский - вроде первоначально всё было нормально. Ехали пять дней и ночей. Доила корову – Володя очень любит молоко. В дороге всё порассказали каждый о своей жизни, больше Володя, конечно, меня расспрашивал. Я и плакала, и

песни пела. Всё думали, гадали о будущей жизни: тяжело всё сначала начинать. Денег – то, оказывается, ни у меня, ни у него нет! Приехали туда – чужая сторона! Барак для холостых – ни кола, ни двора, ни друзей! Скучно мне стало без детей. А тут он всё молчит, спим отдельно, не трогает меня. Видно, уже есть у него баба, успел снюхаться! Тяжко так жить – сказала я ему прямо в лицо об этом.

Шереметьева возразила:

- Нюся! Ну, ты же должна была его понять! Нелегко начинать мужику жизнь после десяти лет разлуки. Переживал он, видно. Прошло бы это со временем. Не ругал, не бил же он тебя, как Филипп?

- Да нет, Володя не такой. Он никогда даже голоса на меня не повышал. Но вот одним словом он меня не просто обидел, а убил! Говорит: ты мне сейчас не нужна как женщина! Нужна, как мать моим детям! Время залечит раны – потом посмотрим. Ишь, чего удумал! Ну, я и сказала: уеду! Так жить не хочу! Меня там ждут и любят! И уехала!

Зиновьева рассмеялась:

- Эх, Нюся, Нюся! Я думала, что только одна я дура! Это Филипп – то тебя любит? Быстро же ты забываешь свои синяки от него. Как можно было променять своего нормального грамотного мужика на этого пьянчужку и гуляку? Тьфу!

Остальные бабы повздыхали, помолчали, разошлись...

Вторую роковую ошибку совершила в своей жизни мать! Не поняла она отца в тот момент, не поняла его состояние. Разве не противно на душе было ему от всей этой комедии прощания Филиппа с матерью? Прошло бы, несомненно, всё это, ведь время – лучший лекарь! А теперь отец уходил от нас навечно...

Шурка приехал с сенокоса уже перед школой. Происшедшие события с отцом уже чуть зарубцевались, стусевались. Мы твёрдо решили с Шуркой, что когда повзрослеем, будем жить с отцом. И это успокаивало нас. О нашем решении написал отцу пространное письмо в Октябрьский.

Через неделю мы с Шуркой уехали в Пихтовку...

Пихтовка – большое районное село, расположившееся по обоим берегам таёжной речки Баксы – притока Шегарки. Само название село, видимо, получило от обилия вечнозелёного пихтача и кедрача, росшего на улицах, пустырях, огородах. Около избы Коржавиных, где мы поселились, тоже росло много кедровых деревьев. Крупные смолистые шишки привлекали нас. Мы впервые узнали вкус кедровых орехов. После уроков мы теперь подолгу швыряли палки, сбивая их. И нас никто не гонял. Кругом, в селе и за селом было море кедрача! У нас во Вдовино и дальше, до самой Пономарёвки, кедры не росли – болотистое место, низина. А здесь, всего в пятидесяти километрах от Вдовино была тьма кедрача!

Кроме нас с Шуркой, на постой у Коржавиных остановились ещё двое парней – Муковкин и Пирогов. Они были одноклассниками Шурки и оба жили в Пономарёвке. Пирогов - коренастый, басистый, с аскетическим лицом, художник по натуре. С ним сразу сдружился Шурка, т. к. он ему стал зарисовывать красивыми фрагментами, орнаментом каждый лист дневника. Муковкин – крупный и рыхлый малый с лоснящимся, прыщеватым лицом. Круглые щёки, мясистый нос и голубые глаза, он вечно мечтал и постоянно кого – то любил. Всё свободное время, при случае, он навязчиво рассказывал о какой – то девчонке из Пономарёвки, которую страстно любил. Жили мы с хозяевами все в двух маленьких комнатах. Долгими зимними вечерами, сделав уроки, мы садились вокруг гудящей тёплой печи и коротали время. Маруська, молодая, голубоглазая, ладная телом сибирячка, хлопчет по дому и в сараях. Её муж - Коржавин Иван Афанасьевич лет на двадцать старше её. Остроносый, вихрастый, с маленьким «птичьим» лицом. Молча уставит близко расположенные, усталые глаза на открытый огонь печи и выплёвывает скорлупу жареных семечек. Страсть он любил их. За вечер перед ним пол покрывался толстым слоем шелухи. В печке потрескивает огонь, в комнате тепло, блики на стенах, свет не зажигается. Мы все четверо ведём нескончаемые юношеские разговоры. Иван Афанасьевич никогда нас не прерывает и постоянно молчит. Мы даже не замечаем его, как будто его нет! Но приходит, управившись со скотиной и птицей Маруська, и мы сразу замолкаем. Каждый вечер она «пилит» Ивана за его родных, которые живут через дорогу:

- Сегодня опять видела твою мамашу! Сделала вид, что не заметила меня. Да и я не стала здороваться! Подумаешь, фифа! Чего молчишь, дуюман! А сестричка твоя тоже хорошая штучка! Ругает меня за глаза - люди передали! Что им надо?

Иван Афанасьевич невозмутимо молчит. Это её злит ещё больше, и она его «разжигает», «пилит» ещё пуще, ругает, оскорбляет, но он как будто не слышит. Наклонится к открытой топке печи, бесстрастно выплёвывает шелуху семечек под ноги. Не помню, чтобы Иван Афанасьевич хоть раз взорвался, вышел из себя. Но Маруська иногда мстит ему чисто по – женски: ночью мы просыпались от грохота и толкотни - это Иван Афанасьевич «прилетел» к нам на пол...(а Маруська, слышим, заливается от хохота)....

Ведьма.

В эту зиму я пристрастился к шахматам. В сельской библиотеке на берегу Баксы, куда ходил вечерами читать журналы и книги, была отдельная комната, где на столах стояли две – три потрёпанные партии шахмат и вечно толпились шахматисты и болельщики. В шахматы научился играть ещё во Вдовино. У нас были самодельные деревянные фигурки и такая же доска. Но здесь увлёкся шахматами по – настоящему. Прекраснейшая игра! Есть ли что – то лучше шахмат для развития ума, терпения, сообразительности и сноровки? В зрелые годы играл практически на уровне первого разряда. Я и сейчас не расстаюсь с шахматами! Ко мне часто приезжают сыновья, друзья и мы чуть не ежедневно проводим время за этой замечательной игрой.

Так вот, уже весной, помню, когда оканчивал восьмой класс, в этой комнате библиотеки у меня состоялся матч из трёх партий с пожилым мужчиной, по слуху, одним из сильнейших в Пихтовке. Я до этого играл там с несколькими ребятами и практически у всех выигрывал. Кто – то сообщил об этом Пихтовскому чемпиону и он как – то пришёл в библиотеку. Улыбаясь, спросил:

- Кто здесь сильнейший? А ну, подать мне его! Давай, давай, малец, не стесняйся! Играем три партии на победителя!

Мы сели за стол. Матч я выиграл со счётом 2 : 1. Был красен, возбуждён – все зааплодировали! Мужчина встал, протянул руку, смеясь, сказал:

- Поздравляю! Ну, малец! Ты далеко пойдёшь! Молодец!

Иногда, в ясные морозные вечера, ходим все четверо на крутой берег Баксы, где вечно шум, крик, визг. Здесь, как и во Вдовино, катаются на санках, коньках и лыжах. У нас у всех ничего нет, и мы стоим рядом с катающимися детьми, наблюдаем, завидуем. Украдкой люблюсь своей одноклассницей - местной девчонкой Махонькиной Варей, которая здесь постоянно катается на санках. Из всего класса только она нравится мне.

Раскрасневшаяся, курносенькая, с маленьким симпатичным личиком и курчавыми русыми волосами, выбивающимися из - под красного платка - она безумно симпатична! На меня она не обращает никакого внимания. Грущу - вспоминаю Нинку Суворову. Мать её не пустила в восьмой класс. Сейчас она работает на ферме в колхозе. Так и не решаюсь ей написать письмо – проклятая робость...

Как – то приехал в Пихтовку по работе отец. Очень спешил. Встретились, расцеловались:

- Дети, я на час, мимоходом! Узнает начальство, что заехал в Пихтовку, будет взбучка. Привёз вам муки, крупы, сахар. Как вы тут? Как учёба?

- Пап! С матерью общаешься?

- Нет! К чему? Вы сами всё видели. Я очень обижен на мать. Знаете что? У нас в Октябрьском тоже есть десятилетка. Давайте после Новогодних каникул вас переведу к себе. Будем жить втроём.

Шурка, как старший решил:

- Пап! Давай подождём до весны. Окончит Колька восьмой, а я девятый класс, и на следующую зиму обязательно переедем к тебе. Я жить с Пастуховым не собираюсь!

На этом и остановились - будем ждать лета...

В предпоследнюю декабрьскую ночь 1953 года я чудом уцелел - был на волосок от гибели. Мы не могли дожидаться Новогодних каникул, считали дни и часы. Двенадцать дней отдыха! Все решили идти пешком домой завтра – 31 декабря. Всё – таки пятьдесят километров, да ещё трудная зимняя дорога, со всех сторон лес, ночью идти опасно! Закончили занятия 30 декабря около двух часов дня. Идём со школы с Костей Чадаевым. Был морозный, солнечный день. Наконец, завтра каникулы! Все наши разговоры и мысли только о доме, о родном Вдовино, о предстоящей встрече с родителями и друзьями. И, конечно же, Костя мечтает о встрече с Веркой Марченко, а я с Нинкой Суворовой. Всю жизнь по - хорошему завидовал Косте и Вере, пронесшим свою детскую любовь через всю жизнь и ставшими впоследствии мужем и женой! А я, видно, сам виноват, что такое у нас не получилось с Ниной Суворовой, но об этом позже...

Идем, счастливые, болтаем. Вдруг Костя говорит:

- А что, Николай? Давай пойдём во Вдовино прямо сейчас? Не будем дожидаться завтрашнего дня. Я попрошу у своих хозяев (они друзья матери) пару хороших лыж, они у них есть. И на лыжах мы быстро дойдём до Вдовино. Идёт?

Я, не думая, согласился! Как мы ошиблись! Последствия того похода и сейчас у меня на ладонях. Полностью не разгибаются по два пальца на обеих руках, хотя и делал две операции. Да и операция по удалению аденомы простаты, уверен, от того сильнейшего переохлаждения.

Так вот, забежал домой, бросил сумку с книжками и не стал даже обедать. Крикнул Муковкину:

- Как придёт Шурка из школы, скажи, что я ушёл во Вдовино с Костей Чадаевым!

Маслянистое доброе лицо Муковкина исказилось в гневе:

- Да ты что, сдурел? Мы даже в Пономарёвку не идём на ночь, а это же на двадцать километров ближе. А вы? Через два часа будет уже темно и похолодает ещё больше. А дорога там во многих местах переметена. Замёрзнуть, заблудиться хотите? И не думайте! Сколько там таких смелых и дурных помёрзло!

Но я и слышать не хотел. Там, на выезде из Пихтовки, наверное, меня уже ждёт с лыжами Костя. Я не могу подвести его! Кинулся из избы. На крыльцо в одной рубахе вдогонку выскочил Муковкин – в руках полбулки чёрного хлеба:

- На, возьми! Голодный же! Пригодится! Вспомнишь ещё меня! Хоть бы одел что –нибудь под штаны и рубаху из старой одежды! Ведь замёрзнешь же! Вот дурак упрямый! Куда спешишь? Ой, балда!

Я схватил хлеб и спрятал его за пазуху.

Спасибо, родной товарищ! Этот хлеб спас нас! Без него, точно уж, мы бы не дошли, ооченели. Дай Бог Муковкину долгой жизни...

Встретил на выезде Костю Чадаева. Он только – что подошёл на лыжах. Я быстро привязал к пимам лыжи, и мы резво пошли по накатанной дороге.

Красное солнце уже садилось за дальние ели, мороз начал крепчать. Костя тоже не обедал, с собой захватил небольшой ломоть хлеба, который мы сразу же съели.

Прошли Залесово – собаки долго лаяли нам вслед. Скоро же темнеет зимой! Идём быстро, не переставая разговаривать на ходу. Мечтаем, каждый о своём. Мне не терпится пойти за зайцами. Говорю Косте:

- Завтра же, как придём, пойду с утра в знакомые осиновые колки ставить петли! Посмотри, здесь тоже по обеим сторонам дороги много заячьих следов! А вон дальше, смотри, виднеются обглоданные начисто молодые осинники. Значит, зайцев в этом году много, а я полгода не ловил, соскучился.

Костя отвечает:

- А я зайцев никогда не ловил. Что здесь интересного? Душить бедного зверька – это, как тебе сказать, да просто бесчеловечно! Вот и Вовка Жигульский называет вас с Шуркой и Афонькой... душегубами.

- Да что вы понимаете? Охота на зайцев прекрасное занятие! Азарт, тревога, трепет, сердце аж заходится и поёт, когда видишь пойманного зайца! У тебя, Костя, как и у Вовки, душа не охотника!

- Может быть... Но меня начинает волновать уже не охота и заячьи следы, а ... мороз. Смотри, что творится? Плохо мы оделись. Зря мы пошли, чёрт возьми!

И правда, становится совсем холодно! Мороз уже явно за тридцать градусов! Особенно стынут руки. Тонкие варежки не держат тепло. Мы уже устали и не разговариваем. Про себя думаю:

- Руки с палками всё время наверху. Кровь, видно, отливает от кистей и они мёрзнут. Да и тоненькие штаны и одна рубашка. Как я, дурак, не догадался под штаны одеть ещё

другие - у меня же были запасные. Точно также и вторую рубаху надо было одеть. А то всего: майка, рубашка и фуфайка! Мороз пробирает до костей...

Дорога еле просматривается. Она, чем дальше от районного села, тем менее накатанная. Теперь часто спотыкаемся в темноте, падаем. Ждём друг друга, часто останавливаемся, греем за пазухой руки, потихонечку догрызаем мёрзлый хлеб. Как он сейчас вкусен!

Наконец, пройдено тридцать километров - Пономарёвка! Долго всё – таки мы шли до неё! Видно, уже очень поздно, т. к. ни в одной избе нет света.

Мы сейчас делаем громадную ошибку, минуя крайние избы и выходя из Пономарёвки! Надо было остановиться и попроситься у кого – нибудь на ночлег. Да разве мы бы на это решились! У нас даже и в мыслях нет этого! Робость перед людьми, проклятая робость – всю жизнь эта деревенская закваска осталась во мне! Костя такой же! Глядя на современных молодых, самоуверенных и даже наглых людей, видишь, какая громадная разница в наших поколениях! В той ситуации нам не хватило смелости, и мы чуть не заплатились жизнью!

На кого мы теперь похожи с Костей! Вокруг головы, лица - ореол инея и снега. Только глаза лихорадочно блестят в темноте. Фуфайка, брюки, пимы, шапка, рукавицы – всё заскорузло и замёрзло! Два натруженных снеговика медленно продвигаются вперёд. Только пар изо рта и тяжёлое дыхание, да скрип лыж громко раздаётся далеко вокруг. Тучи на небе сошли, скорее всего, после полуночи и показалась луна. Стало светлее, дорога заметнее, чуть повеселело на душе – прошли Камышинку. Из последних сил дотянули до Хохловки. Вдруг сзади шум – в нашу сторону едут сани! Обрадовались – спасение! Замахали палками, закричали изо всех сил:

– Дядька! Стой! Мы замерзаем! Подвези до Вдовино! Мы гибнем!

Лошадь чуть не сбила нас и пронеслась мимо! В санях мелькнул только один мужик в тулупе. Он же мог взять нас, сволочь, но сделал вид, что не заметил! Пусть Бог накажет его!

От бессилия мы повалились на снег и расплакались. Но надо идти, надо бороться!

Первое время мы с Костей постоянно в испуге оглядывались на чёрный безмолвный лес, который был рядом, по обе стороны дороги. Лишь бы не волки! Теперь нам уже всё равно. Мы настолько устали и отупели от голода, холода, что уже не соображаем. В голове только одна мысль:

- Когда это кончится? Господи, помоги нам! Будет ли конец всему этому?

Руки давно не чувствуют холода, их не разогнёшь в мёрзлых железных рукавицах – они «приварились» намертво! Лыжные палки устало волочатся, механически отталкиваясь. Идём, как во сне, через Носково. Уже забрезжил рассвет, и ранние хозяйки начали топить печи. Ровные столбы дыма поднимаются колоннами в холодное небо. Сил уже

нет, глаза слипаются. У крайней избы около стога сена, стоящего прямо рядом с дорогой за забором, валимся, спрятав лицо в сено и вытянув ноги с лыжами прямо на дорогу.

Мы замерзаем... Сорокоградусный мороз быстро сковал усталое, потерявшее движение и тепло тело. Понимаем это, но нет сил шевельнуться, нами овладевает апатия и равнодушие. Это конец! Костя в последний раз шевельнулся, при бледном свете луны чётко видно, как он открыл глаза, слабо улыбнулся и прошептал:

- Прощай, Колька! Видать, нам не жить! Чёрт с ней, такой жизнью!

И заснул... Из последних сил стараюсь не закрыть глаза, поняв, что жизнь кончается, хочу что – то ответить Косте

Вдруг ясно вижу, как из печной трубы соседней избы через дорогу медленно выползает большая, чёрная ведьма. Она, как столб дыма, долго вылезает из трубы, вертит головой во все стороны, зорко смотрит, подняв руку к глазам, как от солнца. И вдруг качнулась, смотрит на нас! Её леденящий взгляд заставляет меня съёжиться, мне жутко! Это никогда не забуду! Я толкаю изо всех сил Костю и тихонько бужу:

- Проснись! Смотри, ведьма! Костя!

Он не откликается. Мне жутко, т. к. ведьма смотрит пристально и зло на меня и... вдруг медленно поднимает обе руки и тянет их ко мне. Я полностью просыпаюсь, визжу – плачу и тормошу изо всех сил Костю. Уже кричу громко:

- Костя! Да проснись же! Ведьма сейчас нас обоих съест! Костя - я – я!

Он, наконец, приоткрыл глаза в ореоле инея, глянул в сторону ведьмы и тоже струхнул:

- Вижу! Не шевелись! Может, не заметит!

Мы лежим в тени стога, лунный свет выхватывает только наши ноги с лыжами. Наконец, ведьма отвела свой взгляд от нас, повернула голову в другую сторону и оторвалась от трубы. Тихо - тихо поплыла, полетела над селом, всё время увеличиваясь в размерах и уже не оглядываясь на нас.

До конца своих дней не забуду эту ночь! Жуткий мертвячий свет луны, белое безмолвие и страшная чёрная ведьма в четверть горизонта, улетающая в лес...

Сознание вернулось днём. Кто – то расталкивал нас, шумел, ахал. Мы почти не шевелились и не приходили полностью в сознание. Помню только, что кто – то снимал с меня лыжи и перенёс в сани, укутав тулупом. Пришёл в себя только в родной хате. Плакала, суетилась мать, Филипп Васильевич растирал самогонкой моё тело, раздев донага. Мои руки стучали по полу, свесившись с лавки, будто не мои, они совсем не чувствовали боли.

Спас нас с Костей, оказывается, дед Лазарев, как и мать когда – то. Он вёз почту во Вдовино. Мать, рыдая, привела в дом хирурга Дакиневича. Тот долго осматривал меня – руки, ноги. Сказал:

- Немедленно в больницу! Обморожение сильнейшее! Постараюсь спасти ноги. С руками хуже. Но... посмотрим.

Перевезли тот же час в больницу. Костя уже был там. У него, как и у меня было отморожено лицо, уши, руки, ноги.

Весь январь мы провалялись в больнице – Дакиневич искусно лечил нас. У меня с правой руки чёрными струпьями слезила кожа всех пяти пальцев и кисти. С левой, чуть меньше. Осталась на всю жизнь памятка с той ночи – негнущиеся полностью по два пальца на руках.

Так я и не сходил на каникулах в лес за зайцами в последний раз...

Проболев месяц, назад в Пихтовку поехал с Афонькой. Костя наотрез отказался от школы и не поехал в Пихтовку. Та ночь, как оказалось, окончательно сломала его, и он остановился в своём развитии. Не стал больше учиться и после освобождения, не поехал на Кавказ и только переехал в Новосибирск.

Афанасий не учился в Пихтовке, а ехал туда по каким – то делам (его послал председатель колхоза). Председатель договорился с водителем огромного грузовика «Студебеккера» и нас посадили в кабину. Эти великолепные машины появились в Новосибирске после войны. И вот водитель одного из них приехал во Вдовино, погрузил зерно из колхозных амбаров и повёз его мимо Пихтовки в Новосибирск.

Выехали в ночь. В кабине было просторно, тепло, интересно. Светятся всевозможные приборы, кнопки, стрелки, лампочки – вот что значит настоящая техника! Мы с уважением искомса посматриваем на шофёра. Какой он умный, всё знает, такая огромная машина и подчиняется ему! Снежная дорога быстро летела под колёса. Думаю про себя весело:

- Вот здорово! Это тебе не та ночь, в которую мы погибали с Костей!

Фары горят ярко, освещают дорогу, сугробы, кусты. Это было необычно, красиво. Машина урчит, в кабине приятно пахнет бензином, маслом, дымом газов и кожей сидений, тепло, мягко, светящиеся кружочки на приборной доске подмигивают нам. Местами дорога на многие километры вьётся как бы в тоннеле. Высота снежных бортов более полутора метров. Раза три – четыре, как отъехали из Вдовино, в свет фар врывались зайцы. Они бежали впереди долго, долго. Шофёр весело сигналил и давил на газ ещё сильнее. Машину швыряло, мы хохотали от восторга и кричали от возбуждения. Уже перед Залесово в свете фар на дороге показался крупный серый зверь – явно не заяц! Там как раз были особенно высокие сугробы. Шофёр закричал:

- Ого! Волк!

Машина понеслась! Расстояние быстро сокращалось! Волк бежал изо всех сил. Раза два - три он кидался на стену сугроба, пытаясь уйти с дороги, но в спешке срывался и падал. Это только истощало его силы. Мы замерли от этой погони! Такое и не приснится! Было жутко! Огромная махина настигла зверя! Он в последний момент оглянулся, мелькнул злобный оскал его зубов! Раздался мягкий удар, визг – грузовик остановился. Шофёр возбуждённо закричал нам:

- Не выходите! Он может быть живым!

Достал монтировку и осторожно открыл дверцу. Далеко от машины, метрах в тридцати, лежал на дороге раздавленный волк. Шофёр принёс его в свет фар. Мы выскочили из кабины, о чём – то говорили, долго его рассматривали. Довольный шофёр кинул его в кузов, затянутый брезентом.

Как быстро пролетело время - жаль! Вот уже Пихтовка! Шофёр останавливает машину и вдруг хмуро требует:

- С вас по двадцать пять рублей!

Мы с Афанасием мнёмся, шуршим деньгами, шепчемся. Наконец, протягиваем водителю по пять рублей (50 коп. по – новому). Тот заорал:

- Да вы что? Совсем меня принимаете за дурака? А ну, быстро гоните пятьдесят рублей!

Мы в ужасе, пугаемся, краснеем, злимся, молчим. Рассвирепевший шофёр резко трогает с места:

- Не выпущу, пока не отдадите деньги!

Пролетает Пихтовка. Мы уже выскочили за окраину. Испугались, раскричались, расплакались:

- Дяденька! Возьми, сколько есть! Больше у нас нет ни копейки!

Протягиваем ему смятые рубли. Он сбавляет ход, пересчитывает деньги:

- Тридцать восемь рублей! Да это же не хватит на ресторан!

Ругается, останавливает машину, с матом захлопывает за нами дверцу. Наконец – то мы освободились! Афонька зло плюёт вслед:

- Шкурник!

Я, успокаиваясь, подтверждаю:

- Да, паскудный оказался шофёр! Откуда они берутся такие? Афанасий! А что такое ресторан?

- Да это они там жрут и пьянствуют с бабами.

Возвращаемся назад в Пихтовку пешком – километра четыре провёз он мимо. Настроение от интересной поездки надолго испорчено. А встреча с плохим человеком ранит душу. А сколько ещё будет в жизни их – плохих?...

Освобождение!

Вот, наконец, окончен восьмой класс в селе Пихтовка, и мы идём домой. В стране произошли огромные события после смерти изверга Сталина. Расстрелян Берия – один из главных палачей страны! Все в Пихтовке только и говорят о скором освобождении. Мы ещё ничего толком не знаем, но тоже рады произошедшим изменениям в руководстве страны. Немножко досадно, что у меня теперь две тройки по окончании восьмого класса. А ведь был отличником! Решаю про себя, что девятый – то класс обязательно закончу без троек. Тяжело было привыкать к новым учителям и новой школе. На летние каникулы во Вдовино и близлежащие посёлки собрались идти большой компанией – человек пятнадцать. На душе весело: окончена школа, впереди каникулы! Идём по лесной дороге гурьбой, разговоры, смех, шутки. День прекрасный, тепло, солнечно. Клейкие зелёные листочки веток наклоняются к самой дороге, цветёт черёмуха. Её дурманящий запах тревожит, веселит, будоражит душу. Дорога тяжёлая, грязь непролазная, вода по обе стороны дороги в канавах. В это время года не ходят ни подводки, ни редкие машины – вода, ямы на дороге в полметра. Тысячи лягушек непрерывно квакают в канавах и лесу, стоящем в воде по колено. Воздух наполнен весенним теплом, запахами многочисленных цветов. Жёлтые, красные, оранжевые огоньки (по-сибирски жарки) по обочинам, в лесу, на кочках – везде! Девчонки понаделали венков, и они красиво смотрятся на их прелестных головках. Мы заигрываем с девчонками, гоняемся друг за другом, плескаемся тёплой водой. Впереди пятьдесят километров, но мы не бережём силы, усталость не чувствуется. Молодость!

Километров через двадцать решили пообедать. Так как кругом грязь, мы, наконец, дошли до мостика через какую – то речушку и уселись на сухие брёвна. Кто бы ожидал, что может случиться такое! Этот мостик спас нам жизнь! Выгрузили на общий стол каждый своё: холодную картошку в «мундирах», яйца вкрутую, хлеб. Не думая о последствиях, запиваем водой прямо из болот. И вдруг разговоры, смех, шутки смолкают – недалеко от нас из лесу вышло два лося! Величественно и гордо посмотрели на нас и вдруг один сохатый фыркнул, наклонил свои огромные рога к земле и двинулся к нам. Девчонки завизжали, побросали остатки провизии и полезли под мост. Это только разозлило самца! Он уже побежал на нас. Тут и всех мальчишек, как ветром сдуло! Мы все еле поместились под низеньким мостиком. Лось быстро очутился рядом. Мы через щели в брёвнах видели его налитые кровью злые глаза. Он, как нам показалось, удивлённо смотрел, куда делась эта шумная кампания? Постоял на мосту, тяжело дыша, топнул своими огромными «лаптями» и пошёл тихо к своей самке. Сохатые сразу же опять скрылись в лесу. Мы же сидели под мостом с полчаса и всё боялись, что лоси вернуться. Вылезли все мокрые, грязные, настроение было испорчено. Девчонки начали застирывать, сушиться. Постепенно все пришли в себя и даже начали хохотать друг над другом. Пирогов говорит весело:

- Откуда они, гады, взялись? А друг – то мой Муковкин – в грязи лежал, как поросёнок и не шевелился!

- Ой! Да ты сам, как лягушка, в воде наполовину был!

- А Вовка Жигульский под самые брёвна забился, как мышь в норке!

Опасливо отошли от моста только через час, полтора. Каждый в руку взял по сухой палке – отбиваться от лосей, если опять нападут.

Пришли во Вдовино затемно. Радостная мать с порога кричит:

- Дети! Наконец- то свершилось! Справедливость восторжествовала! Мы едем на родину! Нас освободили! У коменданта с учёта уже снялись! Мы свободные люди! Куда захочем - туда поедем!

- Ура! Вот это новость! На Кавказ? Когда, мам?

- Скоро, очень скоро! Вот сейчас дом и кое – что распродадим, и сразу уезжаем!

Эта новость ошеломляет нас! Сколько ждали и вдруг всё равно так неожиданно! Господи! Чудо случилось! Бог услышал нас! Мы не виноваты ни в чём! Спасибо Хрущёву! Все радостные - проговорили до утра... Утром за завтраком мать рассказывает:

- Мы уже с Филиппом уволились из больницы. Там катастрофа! Все увольняются, всех освободили. Мы уже продали корову, свиней, курей и гусей. Ещё кое – что из громоздких вещей: сундук, широкую двуспальную лавку, стол. Дом покупает дед Кобзев из Каурушки. Он сегодня приедет на своей корове.

- Мам! А отца освободили? Его погашение в правах?

- Не знаю.

Я начинаю тяжёлый разговор:

- Мам! Мы с Шуркой обязательно должны попрощаться с отцом. Без этого мы не поедем на Кавказ - мы уже так решили.

Мать нервничает:

- Как вы сейчас туда попадёте? Ведь сто километров. Ещё не высохло, подводы и машины не ходят.

- Знаем. Только что пришли. Через неделю, в крайнем случае, через две, дорога уже будет сухая.

Неожиданно Филипп миролюбиво заключает:

- Матр! Пусть дети попрощаются с отцом. До Пихтовки, точно, через пять - шесть дней можно доехать, я знаю. Будет много подвод и четыре машины – собирается обоз. А из Пихтовки они по узкоколейке спокойно прошагают эти пятьдесят километров.

Мать заплакала:

- А вдруг дети останутся у отца? Я этого не переживу! Пусть поклянутся Богом и мной, что вернутся!

Это было уже серьёзно. Мы и, правда, ещё не до конца решили этот вопрос для себя...

Мать пытается что – то ещё сказать, но её отвлекает крик ребёнка в люльке, подвешенной посреди избы к потолку. Да, да – у нас в семье прибавление! 16 мая 1954 года родился третий брат – Сергей Пастухов. Красивый и здоровый парень, на радость Филиппу! Видно, приезд отца так подействовал на отчима, что он сразу решил занять совместного ребёнка с матерью и заодно уехать подальше, увезти нас. Уже после, много лет спустя, мать рассказывала:

- Филипп несколько раз начинал со мной разговор на оду и ту же тему. Предлагал отослать вас с Шуркой к отцу, а нам троим уехать на Кавказ. Я категорически отвергла это предложение. Не для того промучилась здесь с вами десять лет, чтобы оставить вас в этой проклятой Сибири!

Мы оба говорили ей одно и то же:

- А зря! Лучше бы было так! Мы были ещё малы, многого не понимали, к отцу ещё не привыкли и, одновременно, не могли бросить тебя. А ушли бы к отцу, возможно, и ты бы вернулась. Это был бы лучший вариант! Возможно, и отец был бы сейчас живой, жили бы все дружно! А так, всё напрасно! С Филиппом ты не живёшь. Оба маетесь в одиночестве, и, главное, отца нет на свете. Роковую ошибку ты допустила! Да и мы виноваты.

Мать только плакала и плакала...

Утром приехал на подводе, запряженной высокой худой коровой, дед Кобзев. Он уже купил наш старинный огромный чугунный сепаратор. С порога закричал:

- Моё последнее решение такое. Всё, что у вас осталось - движимое и недвижимое имущество с домом, за тысячу двести!

- Дудки захотел! Две! Лучше спалю дом, а не отдам даром!

- яростно кричит отчим. Они сходятся, расходятся, как петухи, ругаются, бранятся, плюют в пол. Бабка Кобзева и мать наша здесь же. Вроде мирно разговаривают, а сами чутко прислушиваются к гудящим мужьям. Наконец, красный от возбуждения, дед ожесточённо хлопает дверью, выскакивает, как ошпаренный. Бабка прерывает мирную беседу с матерью, резво прыгает в подводу, уезжают. Теперь мать накидывается на Филиппа:

- Не можешь ты спокойно разговаривать с людьми! Уехал дед! Спугнул покупателя! Ты же не можешь доходчиво, тихо, спокойно говорить! Кто у тебя теперь купит? Горлохват!

Филипп зло огрызается:

- По - твоему, ему задаром всё отдать? Он и так, кулак, даёт за такой дом полцены! Пользуется, что нет больше покупателей, скупердяй!

- Филипп! Поезжай завтра в Каурушку и соглашайся на его условиях. Скоро многие тронутся отсюда, и вообще всё будет бесплатно. Ничего не продашь! Останутся – то единицы! Дед, мне кажется, ещё этого не знает.

- Матр! Давай денёк подождём. Я же вижу - деду хочется получить наш дом, потому что рядом родные. Они хотят поближе переехать к детям, внукам.

- Хорошо. Только день!

На следующее утро чуть свет, к великой радости матери и Филиппа, слышим во дворе знакомое:

- Тпру – у – у!

Это приехал опять дед с бабкой. На подводе у них всякая рухлядь, дрова. Опять начинается торговля с Филиппом. Вдруг врывается бабка Кобзиха и причитает:

- Ой, беда, дед, беда! Чай фамильный потеряли! Пошли искать!

Дед тоже охает, сокрушается. Чай фамильный для них большая ценность! Они оставляют корову в нашем дворе и убегают по дороге на Каурушку искать его! Филипп зло плюёт в пол! Торги опять не состоялись! А чай – то: копейка цена! Обычный фруктовый чай в тюбике, то ли земляничный, то ли черёмуховый. Мы его обычно покупали и ели, жевали вместо конфет, как и жмых.

О скупости деда Кобзева ходили легенды. Они с бабкой держали корову и другую живность, но никогда не ели мяса, молока, масла, яиц. После сдачи налогов государству всё продавали! Питались очень скудно, ходили в обносках. Уже гораздо позже, на Кавказе мы узнали, что после смерти бабки и деда Кобзевых у них нашли на чердаке во многих старых и гнилых пимах деньги. Начали вытряхивать из пимов истлевшие от древности и сырости деньги. Оказалось сорок пять тысяч рублей! По тем временам невероятные деньги! Все они пропали!

Торговля домом, наконец, завершилась! Последний раз сошлись, поругались, ударили по рукам. Отчим продал дом со всем «движимым и недвижимым» за 1500 рублей (150 руб. по – новому). Но это было уже без нас.

14 июня 1954 года мать, отчим и месячный Серёжка выехали из Вдовино на подводе до Пихтовки. Там мы должны с ними встретиться после посещения в Октябрьском отца. Все

знакомые сопровождали их до самой Тетеринки! Филипп уже никогда не увидит те места, а мать я ещё дважды привозил во Вдовино, но об этом позже.

Мы с Шуркой уехали первого июня из Вдовино на подводе до Пихтовки, а там к отцу попрощаться. Мы как будто чувствовали, что это будет последняя встреча с отцом...

Нас с Шуркой провожали все наши друзья. Прощались сдержанно, всё больше шутили. Как будто обычное дело, а ведь мы уезжали из детства! Гордость и радость распирали меня. Мы уезжаем в чудесную страну Кавказ! Мы счастливые! А вот друзья пока остаются здесь - в глуши и немного завидуют нам. Все по очереди обнялись и долго - долго махали руками, пока не скрылись за поворотом...

Из Пихтовки идём с Шуркой пешком по узкоколейке в посёлок Октябрьский – это пятьдесят километров вглубь тайги. На всю жизнь запомнил эту дорогу! Её только что построили заключённые. Впервые в жизни видим так близко железную дорогу. Десять лет назад, когда были маленькими и сидели внутри вагона более двух месяцев, быстро забылись. Идём, балансируем по горячим рельсам, прыгаем и считаем деревянные просмоленные шпалы. Впервые видим крупный щебень – камни, насыпанные вдоль дороги. У нас во Вдовино не было ни одного камешка. Кругом на кочках цветут жарки. Они прямо слепят глаза. По обе стороны дороги лес стоит в воде. Тысячи лягушек резвятся и громко кричат. Мы постоянно швыряем камни, целясь в лягушек – это наше старое любимое занятие. День солнечный, жарко, воду пьём прямо из болота.

Рвём и едим медунки. Их здесь видимо - невидимо. Цветок этот сиреневого цвета, стебель толстый и мясистый – очистил и съел! Всегда ранней весной во Вдовино мы всей ребятнёй ходили в лес и ели медунки. Не особенно вкусно, но... «голод – не тётка»!

Ох, и долгие эти пятьдесят километров! Ровная, как стрела, линия узкоколейки рассекает лес надвое и упирается в горизонт – там лес сходится. Идёшь, идёшь без конца, а горизонт всё время отступает. Кажется, вот там уже будет конец этой длинной дороги, но она опять продолжается. За всё время не прошёл ни один поезд, ни одна дрезина. Говорили, что состав с лесом ходит только один раз в сутки.

Наконец, уже к вечеру показался посёлок Октябрьский. Слава Богу! Уже нет сил идти, в желудке урчит, голову напекло солнце, всё тело ломит. Огромные штабеля круглого леса, запах гнилой щепы, горы опилок у складов, гружёные и пустые вагоны. Всё это необычно. От сладких запахов брёвен, щепы и опилок начинает кружиться голова - сказывается голод. У крайнего барака спрашиваем у какой – то тётки об отце:

- Тётенька! Вы не знаете, где живёт или работает Углов Владимир Иванович?

- А вы кто ему будете?

- Дети.

- Вона что! Не знала я, что у него здесь есть дети. Только что женился он на моей подруге Дусе. Знает ли она, интересно. Идите налево от железки мимо тех штабелей брёвен к товарной станции. Они ещё, скорее всего, не закончили работу.

Новость огорошила нас! Отец женился! Всё! Конец нашим метаниям! Отец уходит от нас навечно! Мы страшно раздосадованы и чуть не плачем. Тихо идём и разговариваем о предстоящей жизни. Как быстро всё поменялось за эти полтора года! Встречаются всё больше и больше рабочих в обе стороны – идёт смена. Наконец, впереди показалась знакомая фигура – это идёт отец с каким – то женщиной. Увидев нас, опять теряется, затем широко улыбается и бежит навстречу. Обнимаемся, отец взволнован, целует нас, о чём – то спрашивает. Мы тоже рады, сразу всё забылось.

Отец ведёт нас в рабочую столовую – она рядом. Садимся в угол. Радостный и взволнованный отец хлопчет – носит щи, кашу с тушёнкой, оладьи и компот. Стол завален! Мы с охотой уплетаем и посматриваем по сторонам. За соседними столами сидят мужики - едят, пьют водку. Дым коромыслом, гвалт, шум, крики. Мы впервые в столовой и нам всё интересно. А какая вкусная еда, особенно оладьи с сахаром и сметаной! Отец спрашивает:

- Принести ещё оладьи? Я вижу, вам понравились они.

Мы соглашаемся. Отец на радостях приносит ещё по три порции! Мы в восторге!

В буфете его о чём – то спрашивает женщина в белом переднике, показывает на нас глазами. Отец сияет, что – то возбуждённо рассказывает, поминутно оглядываясь на нас. Видно, как он рад, как гордится нами, как счастлив!

Вдруг шум резко усиливается – у стойки буфета драка! Схватились два мужика. Один коренастый, низколобый, мордатый, другой лысый. Первый чуть повыше ростом. Полетела посуда, столы, звон разбитого стекла, крики. Еле растащили их, успокоились. Буфетчица орёт на них, требуя оплатить разбитую посуду. Во время драки мы перепугались, но отец вёл себя, как ни в чём не бывало, и продолжал угощать нас, разговаривая:

- Не бойтесь, дети! Не обращайтесь внимания! Пьяные драки здесь практически ежедневно, мы к ним привыкли. Ведь лесорубы – народ разный, всяких хватает! Уголовников здесь много!

Опять зашумели. Из столовой пулей выскочил лысый, а за ним с двумя гирьками от весов низколобый. Сквозь окна видим – на улице кидает одну гирьку, лысый увёртывается, затем вторую, лысый опять ловко низко наклоняется, но гирька, всё же, по касательной задевает его спину. Лысый, охнув, падает наземь, а народ шарахается в стороны. Мордатого кто – то сбивает с ног. Двое мужиков поднимают и тащат в столовую. Лысого отводят домой. Наконец, развели петухов – всё утихло.

Вдруг опять шум и отчаянный визг баб! С улицы в столовую прыжками несётся с топором в руке лысый мужик! Становится страшно до безумия. Все вскакивают из – за столов! Отец, успев шепнуть нам:

- Это уже ни в какую не идёт!

- мгновенно кидается к двери входа в тамбур столовой. Его опережают ещё двое мужиков. Но они не успевают закрыть дверь. С диким криком, размахивая топором, врывается лысый. Отец рывком кидает под ноги лысому столик с посудой! Тот спотыкается, падает, а сзади перехватывают руку с топором и наваливаются двое других. Всё кончено! Лысый бессильно ревет, матюкается, а из кухни выглядывает испуганно низколобый. Он резво перепрыгнул через стойку буфета.

Быстро допиваем компот, с уважением поглядываем на отца. Молодец - смелый, не побоялся драки!

Уходя из столовой, замечаем. Лысый и мордатый уже сидят с другими мужиками за сдвинутыми столами и пьют мировую...

Прощай, босоное детство!

У отца мы пробыли дней десять. Жил он в деревянном бараке из двух комнат. Нам сразу понравилась его новая жена. Правда, они ещё не расписались. Тётя Дуся обычная русская женщина – тихая и незаметная. Спали мы с Шуркой на отцовской кровати. Отец с тётей Дусей перешли на пол. Над нашей кроватью висел тонкий коврик – картина, на которую я мог часами глядеть и размышлять. Одинокaя тройка на санях с мужиком, отчаянно погоняющим лошадей, уходит по лесной дороге от волков. Волков всего восемь штук, они обкладывают со всех сторон сани и мужик, оглядываясь на них, приготовил к решающей схватке ружьё и топор. Красное солнце уже садится за лесом, по обе стороны дороги угрюмая тайга, снег, оскаленные пасти страшных волков. Я поочерёдно спрашиваю Шурку, тётю Дусю и, наконец, отца:

- Догонят ли волки тройку? Отобьётся ли мужик? Сколько он успеет убить волков? Съедят ли волки мужика и лошадей?

У кого я ни спрашивал, никто не даёт вразумительного ответа. Отец, правда, чуть разочаровал:

- Понимаешь, сын. Это, как бы тебе сказать? Аллегория, вымысел, воображение автора.

- Так что, папа, этого не было?

- Нет, вполне возможно где – то и было. Страна наша огромнейшая, много глухих мест.

- А у нас, чем не глухие места? Может, это всё случилось у нас? Ещё когда я был маленьким, то слышал рассказ одного мужика, как он отбивался от волков, сидя на возу с сеном. Тогда ему бык помог – поддел рогом одного волка. А потом второй случай - я же тебе рассказывал, как мы ехали в Пихтовку, и шофёр задавил волка?

- Да, вполне возможно, что такие случаи бывали и здесь.

- миролюбиво согласился отец. Тётя Дуся все эти дни хлопочет с нами, старается угодить, очень ласкова с нами. Ежедневно жарит мне полюбившиеся оладьи. Отец работает, вечерами вместе, разговариваем за ужином, читаем, играем в лото. Мне понравилась эта игра. Как всё – таки хорошо с родным отцом! Здесь - в семье царит иной дух: любовь, спокойствие, взаимоуважение. Мы с Шуркой излазили все окрестности посёлка. Часами наблюдаем за маленьким манёвровым паровозиком, пытящим, гудящим, собирающим в одну длинную цепочку вагоны с лесом. Идут дожди. Дурманяще пахнет смолой, опилками, корой. Запах свежего леса носится над посёлком, проникает в каждый барак.

Приходит телеграмма: мать с Филиппом уже в Пихтовке! Собираемся. Отец договаривается с машинистом поезда и сажает нас на одну из платформ, загруженных кругляком. Располагаемся в торце платформы. Лесовоз уходит в ночь. Отец обнимает

нас, не стесняется, слёзы бегут по впалым щекам. Тётя Дуся тоже плачет, обнимает нас за плечи:

- Мало побыли у папки! Когда ещё встретимся? Увидимся ли ещё? Ой, детки! Как болит сердце за вас! Не забывайте папку, пишите! Он так любит вас.

Отец обещает:

- Поражение в правах только что сняли с меня! Я свободный человек. Теперь у коменданта еженедельно не отмечаюсь! Как получу паспорт и все необходимые документы, и чуть оклемаюсь, заработаю денег на нормальную одежду, обувь, так на следующий год приеду! Правда восторжествовала – я ни в чём не виноват! Я найду вас! Ещё не решил, где остановиться - в Георгиевске или в Кисловодске, но теперь будем жить рядом! Приедем с Дусей!

Мы плачем неутешно и горько, как будто чувствуем, что видим отца в последний раз.

С тяжёлым сердцем медленно отъезжаем, непрерывно всматриваемся в две одинокие фигуры. Отец машет рукой, уменьшается, удаляется навсегда, уходит в вечность...

С месячным, кричащим в цинковой ванночке Серёжкой, добираемся на дрезине до Кокошино. Маленькая станция – один домик. Весь день ждём мотовоз. Жарко. Наседают комары. Чтобы спастись от них и первому увидеть паровоз, забираюсь на вершину огромной берёзы. Она растёт рядом с железной дорогой. Здесь дует ветерок, и комаров нет. Зову Шурку - он отказывается. Через некоторое время замечаю в конце просеки дымок и тёмное пятно. Оно быстро приближается. Кричу радостно:

- Паровоз идёт!

Быстро спускаюсь. Товарняк подходит. Мы знаем, что стоит он только минуту. Бегом погружаемся на платформу. Первую затаскиваем мать. Ей с негнущейся ногой очень тяжело. Затем Серёжка в ванночке, масса вещей. Филипп с нами носится, как угорелый, еле успеваем! Всё! Мы погрузились, лесовоз трогается. Все располагаемся в торце платформы. Над нами громоздится штабель леса. Я хотел вылезть наверх штабеля кругляка, но мать, Шурка и Филипп так заорали на меня, что пришлось уступить. Едем до самого Новосибирска. По обе стороны железной дороги мелькает лес, дым от паровоза с ветром проникает к нам. Серёжка притих. Мать с Филиппом прикорнули, уснули.

Мы с Шуркой, взволнованные, всё всматриваемся вдаль, всё оглядываемся назад. Прощай детство! Прощай родное Вдовино, где прожито десять лет! Прощайте друзья!

Прощайте поля, леса, болота, дорожки, тропинки! Прощайте зайцы, шуки, чебаки, скворцы, снегири, чибисы и бекасы. Слёзы текут по щекам.

Поезд Новосибирск - Москва увозил нас с Шуркой из детства...

Уже мелькали сопки пред Уралья. Насмотревшись, наглядевшись из окна вагона на необъятные земли, города, сёла, огромные степи, только сейчас поняли, как велика наша

земля! Прожив в глухой сибирской деревеньке все эти годы, и ежедневно видя одних и тех же людей и одну и ту же местность - мы теперь были поражены многообразием меняющихся картин природы и местности, тысяч новых людей и событий! Я был в восторге и захлёбывался от увиденного. Шурку же вся эта грохочущая жизнь подавила. Он угрюмо молчал и не слезал с третьей полки. На станциях я бегал за кипятком. Мне нравилось наливать в чайник из трубок и кранов стены обжигающий кипяток и приносить в вагон. Здорово же придумали люди! На каждой станции была маленькая будка с вывеской «Кипяток». Бери, сколько хочешь и пей, заваривай чай! Но кипятка нам надо было много, в основном, для другой цели. Мать разводила кипяток с холодной водой в ванночке и обмывала, обтирала вечно кричащего Серёжку. От волнения и беспокойства, да и плохого питания, у неё пропало молоко и малыша она кормила искусственно, чем попало. В основном, нажует чёрного хлеба и в тряпочку, марлю. Серёжка сосёт эту жвачку - кашицу и ничего! Рос ещё один непрехотливый человек – весь в отца! Молоко в то время на станциях продавали очень редко и я, бегая за кипятком, всегда пробегал вдоль поезда и первый покупал его, если оно появлялось.

Как – то поезд стоял всего три минуты. Увидел торговку с молоком. Я, как назло, выбежал без денег, не ожидал, что на такой маленькой станции будет кто – то продавать молоко. Забежал в вагон, взял деньги у матери, подбежал к торговке.

- Молоко с холодушкой!

- предупредила она меня, но я ничего не понял и отдал деньги. Из кринки она вылила молоко в подставленный мной чайник. Вдруг из кринки туда же плюхнулся какой – то предмет. Я подумал – камень! Бойкая тетка ловко потянула за суровую нитку, привязанную к горлышку кринки, и, к моему ужасу, вытянула из молока оторопело моргающую лягушку, привязанную другим концом нитки за лапку. Поезд уже тронулся, а я всё стоял, поражённый увиденным. Тётка захохотала:

- Не бойся, хлопец! Лягушка не вредная. Мы её бросаем в молоко, чтобы оно не прокисло! Она выделяет холод! Пей на здоровье!

Наконец очнулся, что есть силы, побежал к своему вагону. Понял, что не догону – поезд набирал скорость. Молоко, конечно, не бросил, чуть только расплескал. Приловчился, с помощью проводницы ухватился за поручни последнего вагона. Услышал крик торговки:

- Молодец, хлопчик! Расторопный какой! Желаю удачи!

В вагоне только сейчас стало страшно - а если бы отстал? Ведь пропаду! Минут через пять пришёл в свой вагон. Мать уже в слезах, Филипп ругается с проводником, Шурка тоже беспокойно смотрит в окна, даже слез с третьей полки! Увидели меня – все обрадовались. Филипп Васильевич сгоряча дал тумака, а Шурка, в какой уже раз, захныкал:

- Мама! Давай на следующей станции выйдем. Давай вернёмся! Куда мы едем? Кто нас ждёт?

Мать молчала, а Серёжка взahlёб пил молоко с холодушкой – лягушкой. Я брезгливо отвернулся и решил никому не говорить за лягушку, а то ещё побьют...

Тут пошли красивые места, и я с восторгом начал смотреть в окно. Был горд и счастлив. Столько нового, столько увиденного, а сколько событий! Эх, жаль, не видят Вдовинские друзья всего этого! И я решил написать им письмо. Листов пять тетрадных исписал, захлёбываясь от восторга и счастья! Описал всю дорогу, все красоты страны, пассажиров, станции. Особенно остановился на лягушке – холодушке и как чуть не отстал. Упомянул, как ловко обманул комаров в Кокошино, забравшись на самый верх огромной берёзы. На ветру их сносило, а Шурка внизу страдал от их укусов, но поленился лезть ко мне, сколько его не звал. Письмо послал на следующей большой станции, подписав конверт: «НСО, Пихтовский р-н, пос. Вдовино. Чадаеву Косте».

Наконец, ночью приехали в Москву. Огромный вокзал поразил меня. Длинные очереди за билетами, неумолчный шум, грохот, забытые людьми и чемоданами длинные скамьи, диковинные разные люди. Всё это навалилось на нас, всё это пугало. Орущий беспрерывно Серёжка, постоянно плаксивая мать, запуганный Шурка, забившийся в вещи и никуда не хотевший отойти даже на шаг. В довершение всего, начал метаться и орать Филипп Васильевич. У него от всех треволнений разболелись зубы, и вскочил огромный флюс. Филипп с матерью «с горем пополам» всё – таки купили билеты на Кисловодск. Поезд отходил через десять часов. Мы сидели голодные на узлах в зале ожидания, по которому ходил человек с рупором и громко объявлял:

- Граждане – пассажиры! Приглашаю желающих поехать, пойти на экскурсию! Вы посетите столицу Советского Союза Москву! Вы проедете на самом красивом метро в мире, вы увидите Красную площадь, Кремль и Мавзолей Владимира Ильича Ленина! Стоимость экскурсии семьдесят копеек!

Я загорелся:

- Мам!пусти меня с Шуркой на экскурсию! Когда ещё мы будем в Москве? Ведь это всё, как сказка! Только в киножурналах я видел Москву. А тут наяву всё это!

Мать с Филиппом категорически отказали. А тут ещё совсем потухший Шурка начал канючить:

- Я ни за что не пойду! Ты что, хочешь заблудиться? Мало тебе поезда?

- Ну не пойдёшь, и не ходи, бирюк проклятый. Тебе бы только сидеть, как кроту в норке! Мама! Филипп Васильевич! Я вас Богом прошу, отпустите меня. Дайте семьдесят копеек!

Мать не уступала. Я продолжал клянчить ещё настойчивее, т. к. видел, что группа людей около человека с рупором уже была готова отправляться. Всё – таки довёл мать до гнева, слёз, и она сдалась! Дала мне деньги, и я с радостью присоединился к толпе. Человек с рупором передал нас человеку с газетным свёртком в руке, а сам начал набирать новую группу. Экскурсовод собрал нас и объяснил:

- Товарищи! Москва большая и в ней легко заблудиться! Будьте внимательны, не отставайте! Я буду периодически поднимать в толпе высоко газету, и махать ею! Следите! Пошли!

Мы пешком двинулись к метро. Оно зачаровало, подавило меня! Это было чудо! Как люди могли додуматься до такого? Глаза у меня просто разбежались – сколько нового? Вышли из метро – народу тьма! А здания - то какие! Громады! Люди плотной стеной сновали туда, сюда. Я чуть загляделся на красивые витрины и... потерял свою группу! Шурка оказался прав! Никому до меня нет дела, никто не останавливается, и я в ужасе понял, что не найду даже вокзала! Какой – то тип всё – таки остановился и на мой вопрос:

- Дяденька! Где вокзал? Как пройти, проехать к нему?

- ответил:

- Какой вокзал, спрашиваю? У нас же их девять!

Это меня поразило! Я - то думал, что в Москве один вокзал! Как пожалел в эту минуту, что пошёл на эту экскурсию!

И вдруг, как луч надежды, далеко впереди, перед поворотом, мелькнул в толпе свёрток! Я кинулся вперёд изо всех сил, работая локтями, сшибая и задевая всех! Наконец! Ура! Наши! Радости не было предела!

Больше не отставал, прилепившись к человеку со свёртком газет. Всё, о чём читал, слышал, смотрел в кино, вот оно - перед глазами! Красная площадь, Кремль, Мавзолей, набережная Москвы – реки, собор Василия Блаженного, ГУМ и многое другое.

Когда экскурсия закончилась, и мы приехали на вокзал - я взахлёб рассказывал Шурке об увиденном. Все слушали с интересом, притихли даже Серёжка и Филипп Васильевич.

Через день были в Липецке, точнее, в десяти километрах от него в посёлке горняков. Здесь жили родители Пастухова, и он решил посетить их после многолетней разлуки. Филипп упросил мать, и она заранее написала из Вдовино, что заедем к ним. Посёлок располагался в голой степи. Здесь добывали железную руду для заводов Липецка. Двухэтажные бараки, абсолютное отсутствие воды – нет ни речки, ни озера, отсутствие какой – либо зелени. Всё мне не нравилось здесь! Я говорил Шурке:

- Как сейчас мы далеко от Шегарки и как там было красиво, а здесь, какая унылая природа! И почему здесь живут люди? Почему не переезжают на Шегарку? Вот дураки!

Отец отчима, тоже усатый, кряжистый, морщинистый, загорелый, настоящий степняк – хазар! Курил он только крепчайший самосад, который выращивал в палисаднике перед баракком. Мать Пастухова – тихая, незаметная, всё время возилась с тремя детьми сестры Филиппа – Нюрки. Полная Нюрка в халате и её муж Иван, с красивым благородным лицом – вот и вся родня Пастухова. Вся тройка (отец, сын и зять) встретившись, начали

беспрерывно глушить крепчайший самогон, настоящий на табаке. Причём отец Филиппа не отставал от молодых, был ещё здоров и силен. замечал. Кормили нас очень плохо. Один раз в день давали тюрю (хлеб с квасом).

Наконец, матери удалось со скандалом и слезами прервать кутёж Пастухова, т. к. самогон не иссякал, а флюс исчез. Притворяться ему уже не имело смысла, и мы тронулись в путь.

Даже не догадывался я в то время, что мне придётся позже провести почти три года рядом с этими людьми

И вот уже показались горы. Мы опять на Кавказе!

Пишу книгу и, наверное, под влиянием этого стали мне сниться сны...

И всё о детстве, о милом детстве, встают в памяти всё новые и новые картины ушедшей навечно молодости. Растревоженная память возвращает, отпечатывает всё новые и новые штрихи прошлого, как проявляется фотография. Сначала едва видимые очертания, затем всё ярче и чётче изображение.

Вчера приснился дивный сон. В груди сладко стонало. Проснулся. Слеза на подушке. Начало пятого. Растревоженная жена Нина кинулась за валерьянкой. Слабо отмахнулся, досадно – лучше бы продлилось очарование сна:

.....Взволнованный, приехал с сыновьями во Вдовино. Пасмурно. Я с Мишей и Игорьком на нижнем пруду – вода, камыш, лилии. Дети рвут «чёртовы пальцы» - пуховки и играют, а я всё не могу насмотреться на родные места. Оглядываюсь кругом, восхищаюсь, зову детей:

- Миша, Игорь! Посмотрите, как вокруг прекрасно!

Они увлеклись пуховками.

На сердце сладко – всё вернулось! Из низких туч сеет тёплый дождь. Тоскливо где – то кукует кукушка. Мокрые нахохлившиеся чибисы печально кричат и мечутся вдоль травяных дорог. Вглядываюсь в воду: внизу стайка золотистых карасей и чёрные тучи гальянов. На высокой камышинке раскачивается - играет пятнистый маленький бурундучок. Всё - всё, как в детстве!

Зову детей - спускаемся к Шегарке. Сразу посветлело. Чудесная, в изгибах, таёжная красавица Шегарка блестит на солнце вздрагивающим от течения темно-зеленым тростником. Как будто миллиарды бриллиантов рассыпались вдоль реки! Пьём из кувшинок воду, смеёмся от счастья! Вода льётся, льётся бесконечной струёй из кувшинок по лицу, за ворот рубахи, по всему телу. Мы уже купаемся в Шегарке.

Дети рвут охапками чудесные лилии. Смех, веселье!

С поля доносится знакомый до боли голос перепела и сразу же откликается из заливных лугов хрипловатый бекас...

Возвращение.

Мы уже в Кисловодске. На станции Минутка Шурка в последний раз начал канючить:

- Мама! Куда мы приехали? Где будем жить? Кто нас ждёт?

Мать решительно пресекла паническое настроение Шурки:

- Приехали на родину! Здесь вы родились. Что - всю жизнь пропадать в Сибири? Ты должен радоваться, что мы уехали из того пекла, а ты хнычешь.

На вокзале начали немного сомневаться - к кому ехать жить? В нашем доме на улице Овражной жили какие – то люди. Об этом нам написали бабушки Оля и Фрося, а сами они были в Кабарде. Мать сказала:

- Нечего сомневаться! Едем к моей двоюродной сестре Кате. Я уверена - она приютит нас на время. А мы будем хлопотать, чтобы нам возвратили наш дом.

Колпаковы жили на улице Почтовой. Это почти рядом с улицей Революции, где был первоначально наш родовой дом.

Нас встретили хорошо. Слезы, объятия, разговоры. Дали комнату. На следующий день мать начала подавать документы в исполком на возвращение дома. Там волюнили, встретив нас в штыки. Мать написала в Москву и одновременно подала в городской суд. Мы были ни в чём не виноваты, теперь реабилитированы и ждали, что дело быстро разрешится. Но не такая наша власть! Знали бы мы, что придётся помытариться по людям и ждать возвращения своего дома ещё более года! Через два месяца мы переселились на улицу Революции к материной куме – Фроловой Нюсе.

Помня приземлившийся самолёт на окраине Вдовино и мечту стать лётчиком, сразу же начал расспрашивать об Эссентукском аэроклубе, о котором рассказала мать. Денег у нас не было - поехал туда на электричке «зайцем». В отделе кадров, узнав, что мне только исполнилось шестнадцать лет, сказали:

- Приезжай через годик! Посмотрим! Предварительно возьмём на учёт, а по окончании десятилетки, пожалуйста!

Я загорелся ещё больше и стал нетерпеливо ждать.

Филипп Васильевич устроился работать кочегаром, а мать теперь ежедневно обивала пороги судов – городского, краевого, писала жалобы в Москву. Дом пока не возвращали. Мы жили теперь рядом со своим домом, который в войну перекупили у матери Старковы. Рядом находилась школа №7, в девятый класс которой я и пошёл с 1 сентября.

Новая школа, великолепно одетые городские девчонки и мальчишки – рослые, упитанные, высокомерные, произвели на нас неизгладимое впечатление! Это был другой

мир, это были другие люди! У нас во Вдовино все были равны, плохо одевались, никто не выделялся, все были скромными, простыми и добрыми. Здесь же мы почувствовали себя «белыми воронами». На переменах мы с Шуркой бежали друг к другу, испуганно озираясь, жались по углам. Наша нищенская одежда и обувь, робость, забитость и неуклюжесть так и выпирали из нас! Мы были подавлены и ошеломлены городом и его людьми, смелостью и даже наглостью мальчишек и девчонок – они нам были не пара! Огромная белокаменная школа была раз в десять больше нашей деревянной. Крикливые и уверенные в себе ученики превосходили нас в развитии - и это угнетало нас! Над нами потешались и смеялись во всём! Я самолюбиво переживал временное угнетение и не раз клялся себе:

- Я ещё докажу всем этим городским выскочкам, что не хуже их!

Если у тебя есть внутренний стержень – можно многого добиться в жизни!

Шурка проучился в школе в десятом классе две недели, затем бросил учёбу бесповоротно! Он не выдержал насмешек, издевательств, всего этого стресса и прекратил ходить в школу. Напрасно мать кричала, била его, плакала, ругалась:

- Что вы обещали отцу и Василию Ивановичу? Забыли? Ты бросаешь учёбу, а потом и Колька? Будете неучи? Для чего все наши мучения? Тогда не надо было учиться в Пихтовке. Здесь же рядом, и нам теперь легче. Подумай, будешь всю жизнь на задворках? Мы с Филиппом горбатимся, а теперь и вы?

Но Шурка был неумолим и наотрез отказывался от школы:

- Мама! Я не выдержу насмешек! Ты бы слышала, как они смеются над нашей одеждой, обувью, над нами! Я не клоун, чтобы быть предметом смеха! Вот устроюсь где – нибудь на работу, заработаю денег и куплю себе приличную одежду и обувь - вот тогда и продолжу учёбу! А пока дома сам буду учиться по учебникам.

Так он и просидел эту зиму дома, боясь даже смотреть в сторону школы. Мне же без него стало ещё хуже.

На уроках физкультуры становились по ранжиру, и я всегда предпоследний - за мной только одна коротышка. Девчонки стоят рядом - все впереди меня, постоянно подтрунивают надо мной. Мой хилый вид и малый рост (150см.), деревенские трусы до колен, заставляли меня глубоко страдать, видя, как надо мною потешаются мальчишки и девчонки. Непрестанный голод в Сибири, холод, непосильный труд - вот и замухрышка! Достаточно вспомнить только, как дёргали лён на колхозных полях до самых морозов, косили сено, пилили, кололи дрова, копали, сажали, пололи, окучивали картошку, носили воду на коромыслах за 300 метров и т.д. Всё время вспоминаю, как пас свиней, коров. Уже по утрам иней и мелкий снег, а мы всё босиком! Осень в Кисловодске была тёплая, и физкультуру проводили до самого ноября в трусах и майках на открытой спортплощадке. У всех были настоящие спортивные майки и трусы, а у меня умопомрачающие колхозные исподники и старая большая безрукавка отчима, а на ногах поношенные сандалии вместо

тапочек. Физкультуру, столь любимую мной во Вдовино, я здесь возненавидел, а горластого, длинноносого, с медным лицом физрука Кадурина, просто боялся. Ему ничего не стоило громким голосом «выдернуть» меня из строя и попотешаться надо мной, заставив десятки раз отжаться, прыгнуть в высоту, взять низкий старт, несколько раз бросить гранату или мяч в корзину. Всё это я не умел делать, т. к. во Вдовино на уроках физкультуры этого не было. Особенно невзлюбил баскетбол. Я впервые здесь вообще узнал об этом виде спорта! Долго не мог уяснить правила этой игры, а спросить боялся. Во Вдовино мы хорошо играли в волейбол, городки, лапту, подтягивались на турнике – вот, пожалуй, и всё, что было на уроках физкультуры. Здесь же доминировал баскетбол, теннис, футбол, лёгкая атлетика.

Кадурин Валентин Яковлевич был очень старательный физрук. Он всему этому учил на уроках самозабвенно. Видя, что у меня ничего не получается ни с одним из этих видов спорта, он старался мне помочь быстрее овладеть ими, а я думал, что он издевается надо мной. Как – то он после урока физкультуры отозвал меня в сторонку:

- Вижу, Коля, как ты страдаешь! Помни - только спорт поможет тебе! Бегай, прыгай, подтягивайся, играй в баскетбол, а главное – виси на турнике много раз, используй каждую возможность. Виси расслабленно минуту – две, а затем и до десяти. Уверен, вырастишь!

Я думаю, что Валентин Яковлевич и сам не до конца верил своим словам! Когда через десять лет, уже, будучи чемпионом Ставропольского края в беге на длинные дистанции, встретился с ним на Ростовском стадионе, где проводился чемпионат Юга зоны России и где я стал первым в беге на десять тысяч метров, он не скрывал слёз:

- Ты ли это, Углов? Господи! Какой молодец! А рост – то! Вымахал за метр восемьдесят! Чудо, да и только!

И, правда, ростом (1.81) я стал не ниже Кадурина.

- Валентин Яковлевич! А вы здесь как оказались?

- Привёз воспитанников спортшколы. Давай, Николай, как приедешь в Кисловодск, принеси мне свою фотографию. У нас теперь в седьмой школе построили закрытый спортзал. Повешу твоё фото рядом с фотографиями братьев Криуновых. Слышал за них? Они мастера спорта по лёгкой атлетике и оба мои ученики!

Кадурин сдержал своё слово - и моя фотография висела в спортзале лет тридцать...

Дома я глубоко страдал от насмешек в школе, от этой одежды в заплатках, от неуклюжести и бедности, из – за отсутствия друзей и маленького роста, плохого питания. Мы по-прежнему голодали и находились «на дне жизни». Была ли хоть ещё одна такая беднейшая семья в Кисловодске? Всю злость и досаду теперь вымещал на матери:

- Зачем родила таких? Лучше бы подохла с голоду в Сибири! Почему я такой маленький, низкорослый, как карлик? Неразвитой и заскорузлый, как тот поросёнок,

которому Пастухов отрезал голову! Когда ты оденешь нас, как людей и когда, наконец, в доме будет что – то пожарить? Никогда ничего нет поесть - вечно кастрюли пустые! А Сережу своего поишь сливочками с печеньем! Не можешь прокормить нас - лучше бы не рожала на свет!

Мать бранилась, плакала, била подзатыльника, а Филипп хватался за ремень, но уже стал опасаться меня. Шурка же слабо поддерживал меня. Он молча голодал, и всё искал работу в городе, но никто его нигде не брал, т. к. он был маленький и худой.

Наступала зима. Здесь тоже все на зиму, как и в Сибири, заготавливали картошку. Материна кума как – то сказала Филиппу:

- Наш сосед Елички Хромовой - муж Васька, работает трактористом где – то в совхозе. Он распахивает, сажает, обрабатывает поля на горе Кабан. В этом году там, говорит, осталось много картошки после уборки. Сходите туда, может, заготовите картошки на зиму.

Гора Кабан возвышается над Кисловодском на востоке прямо напротив улицы Революции. От нашего дома туда, в довольно крутую гору (метров на семьсот - восемьсот выше города), напрямую километра четыре – пять. За горой Кабан располагались колхозные поля практически на ровной местности. Мы поздними вечерами ходили по полям и ногами разгребали землю, выбивали, вытаскивали целую, полусгнившую, порезанную картошку. Её было полно. Наберём с полмешка каждый, и домой. Невероятно трудно идти с крутой горы с тяжёлой ношей! Ноги дрожат от напряжения, пот заливает глаза, дыхание, как у загнанной лошади! Если оступишься, то загремел, покатился по камешкам вниз! А мешок развяжется или лопнет при падении, считай, картошки не найдёшь! Раскатится вниз далеко в разные стороны, бесполезно в темноте искать! Приходили в город уже за полночь усталые, мокрые от пота, в глазах круги ходят, а ноги мелкой дрожью бьёт. Утром не поднимаешься, тело ломит от усталости. Тяжело доставалась картошечка в этот первый год на Кавказе, но мы всё - же натаскали мешков пятнадцать! Картошка есть, считай, с голоду не помрёшь!

Через некоторое время мы ушли от кумы. Перешли мы на квартиру опять к соседям – Хромовым.

Теперь нам надо было заняться топливом для зимы. В то время в Кисловодске не было газа, и все топились углём и дровами. Филипп Васильевич работал кочегаром в санатории «Красный шахтёр». После выгребания из котла печи всегда оставался не совсем сгоревший уголь. Завхоз разрешил Филиппу частично забирать его домой. Надо ли говорить, что в мешки нам отчим насыпал хороший уголь, а сверху чуть присыпал сгоревшими отходами? Уголь мы таскали поздними вечерами в мешках через весь город, таясь от милиционеров. Правда, милиционеров в то время практически не было. Можно было встретить за ночь, и только в центре, одного – двух блюстителей порядка. Принесём с Шуркой, с передышками, по полмешка угля домой, валимся от усталости. Спина мокрая и чёрная от пыли, а вымыться негде! На весь город была одна баня, но и та

ночью не работала. Помоемся под рукомойником и спать! Так и таскали уголь на своих плечах всю зиму.

Жили мы все в одной полуподвальной комнате – душно, сыро, полутемно. Серёжке Филипп сделал из досок кровать – люльку и оплёл бока верёвкой, чтобы не выпадал. Вот он и сидел там целыми днями – только успевай слюни подтирать, да за задницей следи! Рос он сильным мальчиком, но очень уж сильно горлопанил, ночами мешал всем спать. Кушал же всё отменно – только подавай! Неприхотливый – весь в отца!

Мы росли опять в голоде. Всё время хотелось есть, а дома никогда ничего не было. Помню, выйду ночью во двор якобы в туалет, а сам заберусь тихо в сад на грушу, чтобы бабка Хромиха не увидела с веранды меня. Зимние жёсткие груши висят до декабря, когда начинаются заморозки. Залезу потихоньку на старую грушу у туалета, в темноте нащупаю несколько плодов, принесу и Шурке похрумать.

Сажу на ветке. Внизу огни центра маленького городка. А здесь, на окраине темно, как во Вдовино, и собаки брешут также. И каждодневно вспоминаю родную деревню, Шегарку. Заносит сердце:

- Как там сейчас отец живёт? Какая погода? Как Афанасий и все остальные друзья? Уехала ли Нинка Суворова? Почему не ответил на письмо Костя Чадаев и Вовка Жигульский? Может тоже уехали? Сейчас там снега по брюхо и кто – то без меня ловит силками зайцев. Зачем мы уехали оттуда?

А утром опять постылая школа, постылые учителя и ученики. Всё мне не мило, всё нехорошо. И дома нет покоя. Да и какой это дом? Легко ли жить на квартире? Там не сядь, тут не плюнь, условий для учёбы никаких. Полутёмный подвал, бесконечный визг Серёжки, брань пьяного Пастухова с матерью, тяжёлый запах картофельных шкур, варящихся для кабана. Запах говна и мочи Серёжки, сырых пелёнок, смердящего, коптящего угля. Даже нет нормального стола и стула для приготовления уроков. Какие уж тут условия? Вот и Новый год прошёл, а радости никакой. Даже снега здесь нет настоящего. То пойдёт, то растает – грязь одна, а не зима! А вот во Вдовино зима была – так зима!

Всё больше метался, тосковал, учился на одни тройки, ничего не хотел делать, дерзил матери и Филиппу. Шурка тоже жестоко страдал от этой новой жизни и не знал, куда себя деть, чувствовал себя ненужным. Филипп по пьянке постоянно ругал нас, обзывал халдеями и тунеядцами. Во мне рос протест против всего этого! Мать жаловалась на меня приходившей к нам почти ежедневно куме. Та укоризненно качала головой и тоже бранила меня:

- Если так будешь вести себя – ты кем станешь? Разве можно так? Вы же из какого пекла вышли? Из какой бедности вылезли, из голода – и не хочешь учиться? А мать, почему обижаешь? Володя – твой отец, золотой мужик был! Спокойный, уравновешенный, добрый к семье и людям. Всегда, помню, от него слышишь: «Нюсейчик, Нюсейчик... Ты

устала? Я сейчас помогу, принесу, быстро сделаю. Не волнуйся, всё будет хорошо!» Вот как любил мать и вас! Приедет на Кавказ - тебе же стыдно ему будет в глаза смотреть!

При упоминании имени отца мне становилось ещё скучнее, грустнее и ещё больше не хотелось здесь учиться и жить. Я уже всерьёз подумывал о возвращении на Шегарку, но где взять деньги на дорогу?

Смерть отца.

Всё удаляются они, всё удаляются. К ним тянемся, очнувшись ото сна,

Но руки вдруг о воздух ударяются – в нём выросла стеклянная стена!

Мы опоздали. Пробил страшный час...

Евгений Евтушенко.

От отца получили уже четыре письма. Ему не везло. Попал в аварию (придавил пальцы) и был на больничном листке несколько месяцев. Мать на него сразу же, по настоянию Пастухова, подала алименты, и отец в письме очень возмущался:

- Дети! Я что - вам чужой? Неужели бы вам сам не помогал? Но раз так - и вы следите, сколько денег будет получать мать. Советую вам понемногу покупать одежду и обувь (вы очень плохо одеты, обуты), а то она истратит эти деньги не на вас.

Отца очень интересовала послевоенная жизнь на Кавказе. Расспрашивал о всех своих друзьях, знакомых, соседях, интересовался ценами на продукты на базаре, спрашивал, как мы учимся. Помню, очень огорчился, узнав, что Шурка бросил учёбу:

- Александр! Почему бросил? Может, мать с Филиппом заставили работать? Это огромная ошибка! Надо любыми путями продолжать учёбу! Я приглашаю вас переехать ко мне. Если решитесь - сообщите! Деньги на проезд дополнительно вышлю. Здесь есть десятилетка и хорошее ремесленное училище. А летом, возможно, все переедем на Кавказ.

Последнее письмо отца получили 13 января 1955 года:

- Здравствуйте сыновья Александр и Николай! Поздравляю с Новым Годом! Желаю вам здоровья и хороших успехов в учёбе. От Коли получил одно письмо, где он описывал, что были в Москве и как доехали до места. Вы остановились у Кати Колпаковой, но адрес и номер дома не указали. Больше ни одного письма! Как дела с домом, есть ли надежда на его возвращение? Как учёба? Пишите, в каких условиях протекает жизнь в городе. Ходите ли с Александром в кино? Коля, опиши, какие обновления в городе. Живут ли медведь с медведицей в Зимнем саду, как театр на вокзале, Курзал и пр. Напиши адрес своей школы. Учишься напротив «Интуриста» или направо к вокзалу? Кратко о своей второй семье. Михаил учится, мать Дюся дома по хозяйству. Я в августе получил ссуду 1000 руб. и 600 руб. отпускных. Купил стельную тёлку за 1400 руб., кроликов и кур – по семь штук. Мне в жизни продолжает не везти. Накосил сена два стога – один 16 центнеров, а другой – 24. Так вот, второй стог украл объездчик колхоза «Старо – Коноваловка». Теперь для коровы придётся сено покупать. Попал в аварию, ушибся (на бюллетени 3 месяца) и мать на алименты подала, как будто я сбежал! Теперь с меня будут удерживать ссуду 100 руб., алименты – 33%, за квартиру, займ, радио, свет и на руки ничего нет! Но ничего! Николай

должен получить по исполнительному листу 401 руб. На эти деньги, Николай, купи себе ботинки и костюм. Если у меня состояние здоровья не нарушится, будет всегда вам поддержка! Александр на будущий год будет взят в ряды Советской армии. Жаль, очень жаль, что мать так и не дала закончить ему десятилетку, заставила работать. На будущий год, Николай, твоя очередь – призыв приписки к военной обязанности. Почему Александр не пишет? Что – то вы мне не сообщили, кого мать родила – мальчика или девочку? У моей жены мальчик вышел неживой. Сегодня получил письмо от Николая и одновременно от Василия. Вася пишет, что потерпел удар высокого кровяного давления на суставы левой стороны. Отнялась нога, рука левая. Установили на один год инвалидность. Хочет выехать ко мне. Василий обещал сообщить о выезде телеграммой. Очень жду брата и печалюсь за него. Александр, Николай! Будете иметь затруднение, приезжайте ко мне. Александра устрою в Новосибирске в РУ, а Николай может и у меня учиться в посёлке. Ничего, сыновья, жизнь наладится! Мы только начинаем обзаводиться хозяйством. Возможно, и в семье будет прибавление! Переломы в жизни пройдут! Начинаю снова жизнь, лишь бы было только здоровье! Пишите, пишите чаще! Пламенный привет! Ваш отец В. И. Углов.

В ответ на это большое письмо я послал ещё более пространное, смущённое, стыдливое, с извинениями за молчание, но которое так и не получил отец – он был уже мёртв! Первой мне об этом сообщила плачущая мать, когда пришёл из школы:

- Коля! Отец погиб!

5 февраля 1955 года во время ночной выгрузки леса, где он принимал самое активное участие, произошла страшная авария – упал большой кран! Погибло несколько человек, в том числе и отец! Об этом мы узнали из письма тёти Дуси. Она его прислала через месяц после гибели отца. Даже телеграмму она не послала, хотя вряд ли мы смогли бы в то время поехать на похороны. Так и не увидели мы больше отца, так и не исполнилась его мечта о новой жизни!

Часто я думаю об отце, о его нелёгкой и трудной жизни:

- Ему, действительно, в ней не везло! Как ни плохо, а мать прожила 87 лет, а отец, живший в ещё больших мучениях, почти наполовину меньше – всего 46 лет! Отца давно нет, хотя живы ещё некоторые его сверстники!

За смерть отца на производстве, как ни странно, никто не ответил, да и нам, детям, государство не заплатило ни копейки! Был, не был человек – советскому государству «было по барабану»! Но вот подошёл год призыва в армию - сразу вспомнили сыновей этого человека! Нас, униженных режимом, голодных, запуганных, забитых, сразу призвали в армию! Кому нужно такое государство? Никто не спросил, как мы жили, как мы остались живы, как мы ели, пили, воспитывались, как чудом мать наша спасла нас от голодной смерти! Если бы не моя учительница Ольга Федосеевна (верю - её сам Бог нам послал!), которая силком и своим авторитетом нас устроила в больницу и детдом - нас бы не было! Чуть подросли и к тому времени, оказывается, мы уже были «должны» и

этот «долг» государству надо было отдавать тремя годами службы в суровой, ещё «жуковской» армии! Горько и обидно об этом вспоминать, но государство ничего нам не дало, чтобы потом всю жизнь спрашивать о «долге» с нас! Сегодняшнее время совсем другое! Я тоже не в восторге от него, но что - бы не говорили, дети сегодняшние, действительно, в долгу у России! И получают они от государства значительно больше, чем дают! За нас, знать!

Мечты мои о поездке к отцу рухнули – его уже нет в живых! С Шуркой плачем безутешно. Ведь только начали привыкать, что у нас есть отец и вот такое горе! Мать тоже ежедневно вспоминала отца и плакала. Филипп Васильевич также на время притих – семьёй овладел траур. Соседи также сочувствовали, кто знал и помнил отца, вечерами приходили проводить нас. Думаю:

- Как горько сознавать, что ничего не изменишь, не оживишь отца! Как нелепа и безжалостна судьба! Почему это произошло именно с нашим отцом, когда он вырвался из пекла Норильских лагерей? Ведь ему в жизни из всех знакомых и соседей досталась самая тяжёлая доля! И после всего безумия сталинских лагерей, где он чудом уцелел - так нелепо оборвалась его жизнь. Ну почему? Бедный отец! Как я хотел, чтобы он пожил хотя бы десяток лет - ведь хорошая жизнь только начиналась! Как жаль его!

Ухожу в горы, рыдаю, молюсь Богу, опять плачу и проклиная всё на свете. Душа мечется, на сердце оцепенение.

- Жаль отца, жаль себя! Ненавижу всех и вся, ненавижу Филиппа и мать, всё противно мне. Что делать дальше? Как жить и стоит ли жить? Кто я и что стою в этой постылой жизни? Зачем я существую? Примут ли в лётчики? Это последняя надежда.

Решаюсь умереть... Но как? Хватит ли сил? Может броситься со скалы? Нет, уйду в горы за Кабан и заблужусь, умру от голода. Решение созрело. Пойду в Сибирь пешком, навещу могилу отца и потом уже умру...

Горечь об утере отца сливается с безысходной тоской по Вдовино, Шегарке, по друзьям, которые остались там. Сердце мечется, душа стонет в тоске по родным местам.

- Нет, только туда, только туда! Надо, надо ехать! Там жизнь, здесь смерть! Как только вырваться из этого ада? Господи! Зачем я не остался с отцом? Я готов был наложить на себя руки, ревел:

- Дай, мама, денег на дорогу! Я хочу уехать назад! Мне здесь не нравится!

Но жизнь продолжалась, и мы постепенно привыкали к новой обстановке.

Запомнился один случай. Как – то с Шуркой нагрузились по полмешка угля в кочегарке у Филиппа Васильевича. Уже поздно, идти в гору неохота. Шурка говорит:

- У нас есть шестьдесят копеек. Заплатим по тридцать копеек и доедем на автобусе до дома.

- Но ведь до дома шесть остановок. Одна остановка пятнадцать копеек. Надо только одному человеку девяносто копеек!

- Ничего! Может кондукторша не заметит!

Подошёл красно – жёлтый автобус. Толстая тётка кондукторша рявкнула:

- Остановка «Санаторий Горняк!».

В автобус хлынули женщины с сумками, корзинами и узлами. Это домой на Будённовку возвращаются повара, официантки и кухарбочие с ближайших санаториев по проспекту Ленина. И сразу автобус наполнился запахами борща, котлет, макарон. Все эти продукты успешно крадутся местным населением со столов курортников. Проехали две остановки, и кондукторша орёт на нас:

- Ребята! Вы заплатили за две остановки! Вылезайте!

Мы молчим. Она продолжает негодовать:

- Вылезайте, я говорю! Ещё и с мешками!

Я съёжился, а Шурка вдруг взорвался:

- Ну, нет у нас денег!

Какой – то пьяный мужичок поддержал нас:

- Да довези их тётка! Хочешь, я спою тебе за них песню!

Кондукторша кричит, смеясь:

- А деньги – то у тебя есть самого? Если есть - заплати за детей!

Мужик вытащил пачку денег и сунул её под нос кондукторше:

- Чего лыбишься? На! Возьми, хоть все!

И заорал на весь автобус: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!»

Все рассмеялись и автобус тронулся. На остановке «школа №7» пьяный мужик начал выходить, качаясь, заорал ещё громче песню:

А под окном кудрявую рябину,

Отец рубил по – пьянке на дрова...

Кондукторша кричит на него:

- Да выходи же скорее! А то отправлю автобус!

Мужик обернулся, запел ещё веселее и, качнувшись, вышел наружу. Дверь ещё не захлопнулась, а автобус тронулся. Раздался крик, автобус тряхнуло, как на кочке. Люди закричали:

- Мужика раздавило!

Все выскочили из автобуса. Голова мужика попала под заднее колесо и лопнула, как арбуз. Страшное зрелище!

Осенью 55 – го года всем десятым классом проходили первый призыв в военкомате. Было отвратительно холодное морозящее утро и муторно на душе. Я испуганно, как бычок перед бойней, жался, съёжившись, у забора военкомата, ожидая вызова. Настроение у меня было «ниже нуля». Ребята все стояли дружно кучкой, рассказывали анекдоты, реготали, а я, сбывчившись, стоял тоскливо один. Мне было всё противно – эта хмурая погода, весёлые одноклассники, мой маленький рост, а, главное, предстоящее насилие над моей личностью. Думаю:

- Меня призывают в армию? Я не готов ещё к ней! Я ещё ребёнок, полностью не отошёл от унижений, голода и лишений. Когда мы целое десятилетие выживали - государство не знало нас и не протянуло руку помощи. А тут, чуть подросли, сразу вспомнило и призывает его защищать! Кого защищать? Государство убило моего невинного отца и беспричинно унижало нас целое десятилетие. Это государство не моё! Оно не для меня, а для кого – то другого!

Я продолжал размышлять:

- Вот сейчас нас разденут догола и будут заглядывать в задницу. Я что? Овца глупая? Это насилие над человеческой личностью! Кто имеет право делать то, что мне не нравится? Как это противно! А ведь все эти весёлые одноклассники на самом деле притворяются. Они тоже боятся армии, предстоящей муштровщины, насилия. Там не будут считаться с нашим настроением, а будут «ломать через колено». Об этом теперь всё время всё больше и больше разговоров среди нас, т. к. рассказывали отслужившие ребята.

Тут, как назло, к нам подошёл какой – то старичок и внимательно всех стал рассматривать. Он был уже с утра навеселе. Остановил свой взор на мне и под взрыв смеха сказал:

- Ой, я ёй! И тебя, малыш, забирают в армию? Как же ты винтовку донесёшь - малютка такой? Не навоевались, сволочи, если берут в армию даже детей!

От негодования я весь побагровел, но сдержался. Надо было бы ответить этому старичку – шутнику, но ведь он был прав?

Уверенность в своих силах и нерешительность боролись во мне. Уже заканчивая девятый класс, пока не мог преодолеть деревенскую стеснительность, отводя глаза при встрече с соседскими девчонками. Но в школе всё более привыкал, смелел и уже не раз хватал за косы девчонок в классе. У меня и в школе появились друзья.

И ещё запомнил два события весны 1955 года. Мы уже закончили девятый класс. В субботу была посадка деревьев вдоль улицы Почтовой (сейчас Гайдара), примыкающей к седьмой школе. Проезжая теперь частенько на машине за родниковой водой в горы по этой улице, с грустью смотрю на огромные клёны, ясени, липы, которые сажал наш класс и вспоминаю тот денёк. Было очень тихо, тепло, солнце. Мы со смехом, весельем, копали ямки и прикапывали, поливали саженцы. Заигрывали с девчонками, гонялись друг за другом, обливались водой.

В воскресенье весь наш класс пошёл в поход. Мы прошли вдоль речки Белой по ущелью до самых гор. Впервые был в окрестностях города так далеко, и мне очень всё там понравилось. Я впервые в этом походе почувствовал себя равнень со всеми, хотя многие ещё держали себя со мной надменно и высокомерно.

Готовясь к поступлению в Ессентукский аэроклуб, перечитал в школьной библиотеке все книги о лётчиках. Заново, после Вдовино, проштудировал «Повесть о настоящем человеке». Вот это человек! Как хочется быть похожим на него!

Тоска по Шегарке.

В Кисловодске уже отцвели алыча и абрикосы. Наступает лето 1955 года. Закончен девятый класс - впервые с тройками. Отца нет в живых, дом наш так и не отдают. Жить на квартире в подвале осточертело. Что делать дальше? От злости и отчаяния выговариваю матери:

- Почему нам не отдают наш дом? Мы же реабилитированы, не виноваты ни в чём? Как ты хлопчешь? Кому писала? Где же справедливость? Давай, сам напишу Ворошилову!

Мать слабо оправдывается, плачет:

- Ты что, не видишь, как я измучилась, таскаясь по судам? Везде проклятые бюрократы! Дом наш по закону должны нам вернуть – так говорит мне знакомый юрист. Здесь в городе просто не исполняют законы! Напиши, напиши Ворошилову – ты умеешь! Может, от ребёнка дойдёт прошение!

Наконец, приходит письмо от Кости Чадаева. Описывает все новости. Много уезжает оттуда людей, но они пока не хотят. Возможно, переедут только в Новосибирск. Нинка Суворова ещё там, но, якобы, хочет уехать куда – то к сестре. Она мне почему – то не ответила на письмо и я обиделся. А может не дошло письмо? Думаю:

- Нинка скоро уедет оттуда? Я так и не узнаю куда? Надо ехать к ней, объяснить. А вдруг не застану уже её там? Тогда поживу у Афанасия или Кости, пока не отдали наш дом, а там видно будет! Найду её! Приедет ко мне на Шегарку и, возможно, останусь с ней там на всю жизнь!

Эта мысль полностью овладевает мной. Начинаю думать, философствовать – за полчаса сочиняю сумбурное стихотворение:

Любимая.

Я приехал на Шегарку к тебе. Ты ж уехала молча к сестре.

Мимолётом махнула рукой. Улыбнулась: жди – я вернусь весной!

Я тоскую, хожу по тайге. Думы, мысли – все, все о тебе!

Ни письма, ни звонка нету мне. Не зовёшь и не просишь к себе.

Вслед старухи ворчат: ты ж мужчина, нельзя так страдать!

Я ж молчу, но ночами не сплю. Без тебя, дорогая, и жить не хочу!

Вот и лето прошло. Плачет осень в окно. А тебя я всё жду, на дорогу гляжу.

Как люблю я тебя! Как хочу я тебя! Ты нарочно уехала, бессердечная, от меня.

Где же, где же ты есть? Где же ты там живёшь?

Ты, наверное, милая, разлюбила меня.

На Шегарке зима очень долгая. Ох, суровая, ох, и лютая!

Чует сердце моё – не дождусь я тебя!

Вьюга воет в окне. Сердце плачет в тоске.

Жду тебя, дорогая. Без тебя не могу!

Я дождусь ли тебя? Я увижу ль тебя? Моё сердце зовёт.

О тебе оно помнит и ждёт!

Скоро, скоро весна! Прилетят к нам скворцы!

Я молюсь: лишь вернись на Шегарку, любимая!

Ты приедешь ко мне. Мы обнимемся вновь!

И навечно теперь будет наша любовь!

Все мои мысли о нашей деревне. Как там летом хорошо! Расцвела черёмуха, в лесу полно кислицы. На полянах медунки, на кочках жарки и огоньки, а в болотах сейчас там многоголосый хор лягушек. К берегам Шегарки, видно, уже вылезли щуки и стоят в разводьях щучьей травы, греются. Прилетели скворцы, ласточки, чибисы. Под сырыми кочками зайцы вывели уже своё потомство, и смешные зайчата прыгают рядом с бурундуками. По вечерам за околицей беспрерывно кричат перепёлки и бекасы. И десятки раз в сладостном сне вспоминаю, вспоминаю...

.... 1945-ый год. В лохмотьях бредём с матерью в Алексеевку на заработки. Колючий снег забивается за края бурок, когда я проваливаюсь, оступаясь с дороги. Приходится часто наклоняться, выковыривая его пальцами. Мать, хромя на одну ногу, чуть уходит вперёд. Разгибаюсь, опасно оглядываясь вправо на чёрный угрюмый лес. Там, должно быть, нас высматривают такие же голодные, как и мы, серые волки. Слева, вдоль занесённой снегом до верха берегов Шегарки, натужно гудят провода. От этого неумолчного, густого, тревожного звука проводов в морозном воздухе на сердце беспокойно и боязливо. Провода подгоняют:

- Скорей уходи отсюда! Скорей в тепло, к людям! Заморозит, занесёт снежная метель, пропадёшь!

Бегом догоняю мать. Вот, наконец, в предрассветной мгле показались первые низенькие избы, до застрех занесённые снегом. Мать стучится в морозное, в узорах, окошко. Здесь живёт одинокая больная старушка. Она ждёт мать, т. к. ранее они договорились об этом. Даниловна, кряхтя, долго открывает запор, зажигает коптилку:

- Нюся! Затапливайте! А я полезу на печь, что – то расхворалась! А тут проклятые клопы замучили – всю ночь падали с потолка на лицо! Обезумели совсем, кусают, как собаки!

Мать растапливает печь, отогреваемся сами. Я бегаю в сенцы за дровами, за снегом. В тазаках мать оттаивает его и начинает уборку в доме – стирку белья, мытьё полов. Я достаю из подпола картошку и начинаю её чистить. Смотрю на весёлые блики огня в печке; в избе теплеет. На маленьких окошечках появляются в центре стёкол круглые разводья – они оттаивают. В избе понизу стелется пар. Мать переговаривается с Даниловной – они рассказывают друг другу новости. От общения поднимается настроение, всем становится хорошо и радостно.

Садимся завтракать. По столу среди деревянных чашек и ложек носятся тараканы. Их здесь тьма! Едим картошку с простоквашей. Черпая деревянной ложкой простоквашу, успеваю ею же ловко прихлопнуть очередного, выскочившего из щели усача. Мать морщится, бранится, стегает меня по затылку. Но мне очень нравится охота на тараканов. Мы уже доедаем горячую картошку, а я всё никак не могу прихлопнуть огромного, с одним усом, но страшно ловкого таракана. Он уже трижды уходил от меня безнаказанно! Наконец, ловкач появился вновь, и я изо всёй силы в азарте треснул его ложкой! Она развалилась пополам к великой горести бабки:

- Эх! Коля, Коля! Какая ложка была! Ей ели не только мои родители, но и дедушка с бабушкой! Вот ты баловной мальчишка!

Мать трескает меня изо всех сил по затылку – я прячусь под лавку. Через некоторое время Даниловна отходит; они опять разговорились с матерью. Та продолжает убирать, закончив стирку. Затем гладит паровым утюгом бельё. Я играюсь с котёнком. Бабушка просит меня:

- Ну, давай, Колюшок, спой мне свои песни!

Тонким дрожащим голосом жалобно, стараясь растрогать бабку, вывожу своего любимого «Арестанта». Даниловна и впрямь утирает слёзы, жалея умирающего арестанта. Она подходит ко мне, обнимает, прижимая голову к старой кофте. Бабушка одинока и, видать, вспоминает своего мужа, детей или внуков.

К ночи возвращаемся в Носково к голодному Шурке. В котомке несём немного картошки, брюквы и овса. На два – три дня теперь есть чем прокормиться. А там видно будет

.... Детдом. Пришли с Шуркой к матери в прачечную. Тяжёлый смрадный запах. Волны горячего пара, лоснящиеся бруски чёрного мыла, щёлок, синька. На потолке сажа и копоть. Мать, обняв нас, ревёт, раскачивается, причитает:

- За что мы так страдаем? Господи! Когда это кончится? Неужели мне всю жизнь - до конца своих дней так батрачить? Я уже не могу!

Мы тоже плачем, жалея её пальцы, до крови растерзанные стиркой на гребенчатой доске. Вдруг низенькая дверь открывается. Согнувшись, входит директор детдома Иван

Григорьевич Ядовинов. Всматривается белесым, с бельмом глазом, в тусклый свет коптилки и энергично спрашивает:

- Что такое? Ну что же вы, Углова, расплакались? Почему плачете, говорите правду?

Мать жалуется на тяжёлую работу:

- Иван Григорьевич! Я одна обстирываю двести человек! Дайте хоть одну помощницу! У меня в детдоме самый маленький оклад – 20 рублей в месяц. Мне негде спать. Я постоянно голодная...

Иван Григорьевич, потрепав нас по вихрам, весело басит:

- Всё поправимо, Углова! Правда, оклад вам не могу добавить, но помощницу дадим! Летом пристройку к прачечной сделаем – будет, где спать. Я послезавтра буду в Пихтовке - вызывают. Постараюсь для вас добиться пайка. Будете питаться вместе с ребятнёй в столовой!

Мать, плача, благодарит его. На душе у нас посветлело. Иван Григорьевич уходит, оставив у нас всех надежду на лучшее будущее.

А через два дня новым директором детдома стал суровый и безжалостный Микрюков...

.... Вот зимним вечером играем в детдомовском зале в перетягивание каната. Валенки скользят по деревянному полу, не во что упереться. Наша команда проигрывает и ползёт за меловую черту. Крик, шум, гвалт! Обидно, неужели поражение? Я на самом краю, как мышка за репку. Уже ничто не может удержать команду наших противников, возглавляемую могучей Ольгой Гуселетовой! Она побеждает. Я крайний, уже у черты! И вдруг, не выдержав, бросается к нам на помощь моя любимая учительница Ольга Федосеевна и, крепко ухватив меня, вытягивает под одобрение и хохот всю цепочку назад! Противная команда протестует, кричит, но поздно! Мы победили!

.... 1949 год. Школьная библиотека. Мы вместе с интернатскими ребятами.

Приглядываемся друг к другу. Заведующий библиотекой Василий Павлович Татаринцев, о котором я уже упоминал, советует нам по очереди, кому прочитать какую книгу. Мы все за глаза зовём его коротко – Васпат! Любим и уважаем его! С вечно нахмуренными бровями, но очень добрый человек! В полинявшей гимнастёрке с орденами, медалями, звякающими каждый раз, когда он наклоняется к полкам с книгами, он негромко толкует мне:

- Ты что, Углов, книги глотаешь что ли? Ведь позавчера брал её. Неужели прочёл? А ну, расскажи содержание.

Я мнусь, краснею, с беспокойством оглядываюсь на всех, молчу, а затем растерянно шепчу:

- Да я, Василий Павлович, ещё вчера её прочитал, да боялся принести, не поверите, думал. Всю ночь читал «Зимовье на Студёной» - очень интересная книга! Про охоту, тайгу, про зверей.

Я начинаю подробно рассказывать про охотничью собаку Музгарко, оживляясь, но Веспат добродушно перебивает:

- Молодец! Вижу, что читал. Ты прямо с Жигульским соревнуешься, кто больше прочтёт. Обменяйтесь книгами, а я перепишу на карточки.

Я сую Вовке Мамина – Сибиряка (ну и мудрёная фамилия у этого писателя!), а он даёт мне сразу две книги: «Два капитана» и «В окопах Сталинграда». Веспат впервые записывает мне две книги, а Вовке даёт ещё к моей и «Дерсу Узала». Лупоглазый Шабанов просит тоже две книги, но Веспат непреклонен:

- Ты вот не возвращал целый месяц «Разгром» Фадеева. Небось, и её толком не прочёл?

- Василий Павлович! У меня уважительная причина. Брат сломал ногу, и я ухаживал за ним. Полез он зарить сорочье гнездо и упал. Теперь хромой будет всю жизнь!

- Нехорошо это! Бог наказал! Нельзя разорять гнёзда птиц!

.... Вспоминается ранняя дружная весна. Половодье. Первые цветы жарки. Маревы жарков, сполохи жарков! Красота необыкновенная! Всё красно от них в лесу и на полянах. Девчонки плетут венки, мы рвём их охапками, играем, кидаемся, а их не убывает. Яркое солнце лупит нещадно, лягушки надрываются в болотах, тепло, всё зазеленело. Как хорошо после долгой зимы в лесу! Где это всё теперь? Эх, как жаль, жизнь не повторяется! Всё прошло и не вернётся...

Тоска по Шегарке, друзьям и деревне не давала мне сердечного покоя. Опостылевшие горы, надвинувшиеся на нашу улицу, вызывали глухое раздражение и ярость. Безмерная тоска по мокрым кочкам и болотам, рыхлому белому туману (здесь его никогда не было) и душистым стогам сена, мучила меня ежедневно. Вспоминалось всё то, чего здесь не было. Берёзовый сок, который мы пили взахлёб ранней весной, ушастые мокрые зайчата, разбегающиеся в разные стороны, хмель, чибисы, конопля, дергачи в лугах, снегири, чебаки и лилии, лён и скворцы – всё то, что окружало меня десять лет из моих семнадцати...

А вскоре произошло радостное событие: нам отдали дом! Больше года мать писала, доказывала в судах городских и краевых – ничего не помогало! И вдруг неожиданно пришло это спасительное известие! Может быть, помогло моё детское, наивное, кричащее письмо с надписью на конверте «народному комиссару Климу Ворошилову»!

Судебные исполнители - два дюжих мужика, к нашей неописуемой радости выкинули дряхлые комоды и сундуки каких – то не приветливых людей, живших в нашем доме. Как говорили потом соседи - это была пьющая и нигде не работающая семейная пара.

Справедливость, наконец, восторжествовала! Мы вошли в свой дом, из которого нас грубо выкинули 11 лет назад подлые НКВД – эшники! Я ликовал:

- Мама! Неужели это правда? Неужели это наш дом? Наконец- то мы заживём, как люди! Неужели это всё наше? Одна, вторая комната, веранда, кладовка, погреб, сад?

Мы с Шуркой радостно кричали, бегали, заглядывали во все уголки долгожданной хаты.

- А какой красивый пол! Крашенный - в яркий красный цвет! Как легко будет теперь его мыть! Не то, что во Вдовино - скоблили ножами. Вот здорово!

В маленьком саду на двух сотках было несколько грядок, великолепная яблоня «Виноградка», алыча, абрикоса, вишня, слива и смородина. В конце сада был туалет, во дворе курятник. Всё это теперь наше! Кончились наши мытарства на квартирах! Мать от радости непрерывно плакала, а Филипп Васильевич, тоже от радости... пил! От соседей не было отбоя. Со всей короткой улицы Овражной и с Будённовки, где была улица Революции, шли и шли люди! Женщины тоже плакали с матерью, мужчины поздравляли нас. Я удивлялся и думал:

- Как много всё – таки хороших людей на свете! А сколько друзей и знакомых у матери! Просто сочувствующих, доброжелательных! Спасибо вам, люди!

И все они с подарками! Кто тащит старый стол, стулья, тумбочки. Кто – то дал две кровати, одежду, обувь, простыни, коврики, горы посуды. Вскоре всего было полно!

С переездом в свой дом нам сразу стало легче - проклятая нужда чуть отступила. Со временем купили курей, два поросёнка, стали появляться кое – какие свои вещи.

Филипп Васильевич перешёл работать на стройку плотником. В центре города строилась огромная центральная больница. Символично! Через пятьдесят пять лет больница придёт в такое дряхлое состояние, что её придётся сносить. Это сделает строительная организация, возглавляемая моим младшим сыном Игорем, и возведёт самый красивый – с колоннами, жилой дом Кисловодска!

Мать управлялась по дому и воспитывала годовалого горластого Серёжку. Шурка той же осенью ушёл в армию. Служил он в авиации, в городе Молодечно (Белоруссия). Прислал этой же зимой фотографию. Стоит в шапке – ушанке, ватнике и пимах, а руками в зимних рукавицах сжимает настоящий автомат! Кругом снежный лес. Вокруг рамки фотографии - летят самолёты, внизу дула артиллерии и танков, а сбоку написано вязью:

- И в дальнем краю солдат не дрогнет в бою,

Стело, храбро защищая Родину свою!

Да, Шурка уже настоящий солдат! Я горжусь им! Молодчина!

Вскорости, как нам возвратили дом, приехали в Кисловодск на постоянное место жительства наши бабушки Оля и Фрося. Они и до этого много раз приезжали, гостили с

нами на квартире по несколько дней, а потом уезжали опять в Кабарду. Теперь они приехали взволнованные, радостные, счастливые. Разговоров, расспросов, воспоминаний – не счесть! Мать с бабушками рассказывали друг другу о пережитом, о голоде, страхе, лишениях. Они прожили у нас с год, а затем устроились на Минутке (это в двух километрах от нас) в школу на работу уборщицами – сторожами. Там им дали комнату. В ней они проживали долгие годы...

Этим летом к нам приехал дядя Вася. Он после смерти жены покинул Сахалин и теперь жил в Куйбышеве. Значительно постаревший, больной, он с трудом передвигался и волочил ногу. Смерть жены и брата сильно повлияли на него. Где – то к нему подвизалась молодая особа с дочкой Олей моих лет. Дяде Васе необходима была женщина для ухода за ним. Но она, как показала их дальнейшая жизнь, лишь транжирила его сбережения и не особенно – то беспокоилась о нём. С Василием Ивановичем в этот приезд мы ещё больше подружились – я не расставался с ним! Как будто чувствовал, что это наша последняя встреча!

Идём с дядей Васей и дочерью из города под железнодорожным мостом на Кирова. Заходим в нарзанный бювет, пьём нарзан, отдыхаем на скамьях. Он всё время рассказывает о нашем отце, вспоминает его, горюет. Обговариваем с ним и нашу дальнейшую жизнь, вспоминаем Сибирь, делимся планами. Спрашивает меня:

- Коля! Всё - таки решил, кем будешь?

- Лётчиком, только лётчиком хочу быть! Мне так нравится эта профессия!

- Да? Всё – таки лётчиком? Хорошая мечта, но... Уверен, будут препятствия и подвохи на твоём пути. Наше государство, как бы это тебе сказать... недоверчивое и мстительное по отношению к людям. Всё может быть. Но ты не отчаивайся. Если не получится - стань хорошим строителем, каким был твой отец! Вчера смотрели мы с тобой в парке его здание – третий корпус санатория Орджоникидзе. Он был там десятиком, т. е. главным строителем. Какая мощь! Какая архитектура! Сотни лет будет стоять это здание в камне! Вечная память твоему отцу в этом здании!

Отношение Жени к дяде Васе становились всё хуже и хуже по мере убывания его денежных сбережений. Дядя Вася очень грустил по первой жене. Вздыхал, вспоминая нелёгкую судьбу Володи, а его самого подстерегала неотвратимая судьба. Здоровье его с каждым днём ухудшалось...

Потерянная любовь.

Был бы Сталин жив - сидел бы в людях страх,

А без страха всей России будет крах.

Вот за что вождя и любят – за обман, но, по счастью,

Инвалиды лагерей инвалидов той войны чуть – чуть мудрей.

Евгений Евтушенко.

Привыкнув к городской школе, стал в десятом классе учиться значительно лучше. На уроках физкультуры Кадуриным нещадно тренировал нас. Я опять полюбил физкультуру, уже с удовольствием гонял «баскет», бегал, прыгал, метал гранату.

Историю и географию преподаёт Евгений Виноградов. Одновременно является лектором общества «Знание», пишет в местной газете статьи про краеведение, любит политику. Он с пафосом, увлекаясь, говорит об истории мира и Советского союза, много рассуждает на политические темы. Это меня тоже очень волнует. Я люблю, как и литературу, этот предмет, знаю его хорошо и нередко вступаю с ним в диалог. Временами мы с ним, забывшись, громко спорим несколько минут, а весь класс слушает. Виноградов консервативен в мышлении и пытается навязать своё мнение. Иногда он спохватывается и отсекает меня:

- Углов! Ты ещё мал и многого не знаешь! Прежде, чем рассуждать на такие темы, надо знать историю! А для этого надо много читать!

Я возражаю:

- Евгений Сергеевич! Я много читаю. Но читать надо разное. Иногда между строк такое узнаёшь... А если читать только «Правду», то...

- А ну, прекрати болтовню! Политик нашёлся!

Я испуганно замолкаю. Виноградов ярый коммунист! Он не терпит никакого инакомыслия. Уже после февраля 1956 года, когда Хрущёв выступил с осуждением культа личности Сталина и по всей стране стали рушить его памятники, перед самым окончанием школы опять сильно столкнулся с Виноградовым. Как – то он начал восхвалять роль Сталина в истории и, конкретно, в Великой Отечественной войне. А я уже прочитал закрытый доклад Хрущёва на 20-м съезде партии. Его мне дал почитать Семён Иванович - сосед. Он был полковником в отставке и работал секретарём парткома в санатории. Но в отличие от Виноградова, это был человек либеральных взглядов. Он знал нашу историю, сочувствовал нам и осуждал при нас Сталина. Так что коммунисты были и в то время разные! Хотя таких, как Семён Иванович, были единицы. Так вот, о «героической роли» Сталина в Великой Отечественной войне. Возражаю Виноградову:

- Евгений Сергеевич! О чём вы говорите! Партия осудила культ личности Сталина! По всей стране идёт переименование городов, улиц, заводов, фабрик, колхозов, носящих его имя. Сносят десятки тысяч его памятников.

- Углов! Ты в какой – то мере прав! Но роль Сталина в жизни нашей страны неоценима! И не тебе его осуждать!

Это меня необыкновенно задело:

- Вчера сам видел рано утром, как бульдозером на «Пятачке» рушили гигантскую скульптуру вашего, а не моего, вождя! И в парке уже сломали! А почему не мне его осуждать? Я прочитал закрытый доклад Никиты Сергеевича и узнал такие вещи, что «уши вянут». Вы – то читали, небось! А вот никто ничего не знает об этом докладе! И это плохо!

- Углов! Раздухарился! Помолчал бы лучше! Тебе ещё рано Сталина и его политику критиковать! Года за три до этого тебя бы прямо с урока увезли за такие слова! А войну выиграл Сталин, кто бы, что не говорил об этом!

- Да ваш Сталин даже ни разу не был на войне – на передовой! А перед войной уничтожил около двух тысяч высших военачальников! А людей сгубил миллионы!

Виноградов побагровел, взорвался, затрясся:

- Выйди вон! Недаром, видать, ты побывал там!

Все зашумели, а я выбежал из класса, глотая слёзы...

Я возненавидел Виноградова и больше не пришёл на последние его два урока. В отместку он поставил мне тройку в аттестате, хотя до этого случая у меня были только одни пятёрки по его предмету. В дальнейшем частенько встречал его в городе, но обходил стороной. После смерти Виноградова сделали почётным жителем города Кисловодска...

Что тут скажешь? У нас в городе и сейчас нет среди почётных жителей ни одного беспартийного – одни бывшие коммунисты. Дают это звание не за действительные заслуги, а, в основном тем, кто был «у руля».

Выпускное сочинение написал на свободную тему «Моя Родина». Никто из отличников, тянувших на медаль, не рискнул взять свободную тему. Сочинение, видать, получилось у меня, т. к. была поставлена пятёрка. Более того, случилось невероятное! На выпускном вечере толстенький и нарядный директор школы Карзанов выступил с поздравлением перед строем десятиклассников. Затем неожиданно сказал:

- В дальнейшую жизнь мы выпускаем вас не только повзрослевшими, но и грамотными людьми! О том, насколько вырос ваш образовательный уровень, хочу остановиться на одном примере. Зачитаю несколько цитат из выпускного сочинения одного нашего ученика. Он даже не отличник! Это Углов Николай!

Это было настолько неожиданно, что я вздрогнул. Все посмотрели в мою сторону, а я мгновенно растерялся и стоял весь пунцовый! Карзанов торжественно прочитал:

- Лапотники, лапотники! – трубили советологи на каждом углу. А мы взяли и запустили пятитонный «лапоть» в космос! Получите, господа – империалисты, большевистский подарок!

Сделал паузу. Затем ещё что – то прочитал из моего сочинения. Все одобрительно смотрели на меня. Никогда в жизни ещё не был в таком центре внимания!

В седьмой школе тогда было много хороших спортсменов. Они не знали меня и не догадывались, что когда – нибудь и я буду не последним спортсменом края. В то время я был незаметный стеснительный деревенский паренёк и не помышлявший о спорте. Гремели мастера спорта - братья Криуновы. Правда, когда поступил в девятый класс, они уже покинули школу. Средневик Николай Харечкин тоже когда – то учился в нашей школе. Он был в составе сборной РСФСР и выступал во Франции. Через восемь лет познакомился с ним, подружился, и мы часто тренировались с ним на Туристской тропе нашего парка. И всё это заслуга простого учителя физкультуры Кадурин Валентина Яковлевича! Вот такие самоотверженные тренеры нужны России! Низко кланяюсь ему!

И два слова о велосипеде. Я был мальчишкой и просто бредил им. Как мне хотелось его купить!

Мать и Филипп в один голос твердили:

- Откуда мы возьмём деньги на велосипед? Тебе баловаться, а нам на что жить?

Так и не купили они мне велосипед! Не накатался я на велосипеде досыта ни в детстве, ни в юности! Не баловала нас жизнь, не баловали нас родители. А, может, и правильно делали?

Моя учёба в десятилетке подошла к концу. А где – то здесь же, в этой же школе, бегала на переменах моя будущая вторая жена Нина, с которой судьба меня свела только через тридцать лет! Второклассница, она мельтешила, зная, рядом, прыгала через скакалку или играла в классики, мешая нам, степенным десятиклассникам. Часто думаю, вот бы вернуть время и хоть бы глазком посмотреть на себя и маленькую второклашку...

Итак, у меня в аттестате зрелости была только одна тройка, которую от злости за мои взгляды поставил ярый коммунист Виноградов! Это было только начало! В дальнейшем от таких ортодоксов – большевиков в жизни буду терпеть много несправедливости. Из – за моей биографии и либеральных взглядов они не принимали меня в партию, и даже должность прораба была «не по карману мне», т. к. в то время любим коллективом, даже в десять человек! должен был руководить коммунист. А уж должность руководителя СМУ с коллективом в пятьсот человек вообще была недостижима, но и здесь мне помогли нормальные люди. Секретарь парткома Власенко «зарезал» мне звание заслуженного строителя и орден от министра. А переезд в Москву на должность, возможно, управляющего трестом, опять не состоялся по причине моей беспартийности.

И даже членство в Союзе журналистов получил в довольно почтённом возрасте, хотя печатался более тридцати лет. Долгое время в городе «верховодила» в журналистике ярая коммунистка. На вопрос одного из моих почитателей, почему она не принимает в Союз журналистов Углова Николая, она сказала:

- Это будет бомба в нашем Союзе журналистов! Он, безусловно, заслуживает это, но как его можно принять - ведь он антисоветчик!

Эти слова сей дамы были сказаны, когда уже двадцать лет не было советской власти! Вот такие они, ортодоксы - большевики!

Как только получил аттестат зрелости, то на следующий день я уже был в Ессентукском аэроклубе. Начальник отдела кадров встретил меня, как знакомого:

- А – а! Углов? 18 лет исполнилось? Ну, давай, давай документы! Так. Аттестат зрелости, паспорт, справка из поликлиники, автобиография, комсомольская характеристика. Так, так. А что это ты написал в автобиографии? Отец был судим? И ты был на ссылке? Ну, братец! Такого я не ожидал! Нет, нет – из тебя лётчик не получится. Разве можно такое?

- Так нас же реабилитировали! Даже дом отдали! У меня есть справка об освобождении! Завтра привезу! Партия осудила культ личности! Всех, невинно осуждённых, оправдали! Целые народы вернули из ссылки. Я примерный комсомолец! У меня было самое лучшее сочинение на патриотическую тему!

Но кадровик был неумолим:

- Послушай! Я верю тебе, но... Подыщи другую профессию!

- Почему? Я с детства мечтал быть лётчиком!

- Слушай, мой дорогой! Я не хочу на старости лет париться в тюрьме, потому что пропустил тебя в лётчики! От нас они все идут в войсковые части. Где гарантия, что ты не затаил злость на власть за отца и себя? Перелетишь за границу, а я в тюрьму? Нет, и нет! Могу устроить тебя только на курсы планеристов.

Я отказался, заплакал и забрал документы...

Это был крах моей мечты! С того дня понял, что в автобиографии надо тщательно скрывать факт судимости отца и моей ссылки, иначе никуда не пробьёшься.

Дома даже обрадовались моему поражению. Филипп Васильевич радостно сказал:

- Вот что, друг! Я тебе уже говорил за Липецкий горно – металлургический техникум. Там самая большая стипендия. Будешь жить у моей родни первое время - там и прокормишься, а потом переедешь в общежитие, если не понравится. Там его дают иногородним. Получишь самую высокооплачиваемую профессию! Знаешь, какие деньги зарабатывают металлурги?

Я втайне понимал, что Филиппу Васильевичу и матери надо было просто избавляться от лишнего рта. Смирившись, послал туда документы.

Выбор был сделан – я ждал вызова, смутно сознавая, что же за это профессия: техник – металлург литейного производства? Из справочника узнал, что стипендия там на первом курсе 36 рублей и 39 - на последующих. Так что размер стипендии оказался решающим при выборе профессии. Грустно это сознавать...

Потерпев фиаско в аэроклубе, я как бы повзрослел и отказался платить членские комсомольские взносы. Мне действительно было обидно на власть. Думаю:

- Незаслуженные репрессии над нашей семьёй. Испорчена, исковеркана вся жизнь. Теперь вроде реабилитировали, а доверия нет. Дом долго не отдавали, в аэроклуб не приняли, коммуняка Виноградов тройку незаслуженно поставил. На черта мне нужен такой комсомол, который не заступится, не защитит, только взносы им плати? Пошли они все в жопу!

Вызвали в райком комсомола на улицу Красноармейскую. Вальяжно развалившись в кресле, холёный секретарь спрашивает:

- Товарищ Углов! Почему прекратили платить членские взносы? На вас жалуются в школе – дерзите, хамите!

Я отвечаю:

- Исключайте меня! Всё! Не буду больше платить вам взносы! Толку от вас!

Тот заорал:

- А какой ты толк хотел получить от комсомола? Ты что, на базаре?

Я бросил на стол ему комсомольский билет, и молча вышел из кабинета...

Вызов на экзамены в техникум получен. Готовлюсь дома по учебникам.

Как – то, уже незадолго перед поездкой, в калитку постучали. Выхожу – на пороге стоит красивейшая девушка! Стройная, фигуристая, с такими большими, чёрными глазами, что онемел, потерялся. От счастья был, наверное, смешон, растерян, неловок. Улыбается:

- Что? Не узнаёшь?

Пришёл в себя:

- Нинка! Богиня! Ты ли это? Откуда ты? Как ты меня нашла?

- Я прямо из Вдовино! Адрес твой узнала у Кости.

Зашли в комнату. Сразу почувствовал её преимущество над собой, да и она, мне кажется, ожидала большего от меня. Шутя, засмеялась:

- Я, мне кажется, выше тебя ростом. Почему не растёшь? Здесь же солнце, фрукты. Это меня ещё больше убило! Лучше бы она не говорила этих слов! Это было самое болезненное место для меня! Я за эти два года подрос на 10 сантиметров, но что такое для мужчины метр шестьдесят? (Эх! Знала бы Нина, да и я сам в то время, что через три года выросту на двадцать сантиметров!). Мнительность, проклятая нерешительность, неуверенность в себе, всё разом ожило во мне. Разговор не клеился. Выручила пришедшая с магазина мать. Она ахнула, увидев Нинку:

- Нина! Ты ли это? Когда приехала? Как мать, жива? Какая красивая ты стала! Вот посмотри, во второй комнате у нас на стене висит картина «Незнакомка». Не ты ли сидишь в карете? Точно – копия!

Они разговорились, мать начала угощать Нину. Я вышел в сад. Стоял прекрасный июльский день 1956 – го года. Лихорадочно соображаю:

- Итак, Нинка у меня. Приехала сама, я не писал ей писем, да и она не написала ни разу. Зачем она приехала? Всё, вроде, у нас кончилось ещё в Пихтовке. Но она приехала, значит, я ей интересен? Что делать? Через неделю в Липецк, а потом армия! Шесть лет она не будет меня ждать ни за что! Она уже девушка и очень красивая. А я? Такой же замухрышка! Нет, нет! Ничего у нас с ней не получится! Да и отвык от неё. Какая – то новая она, чужая...

Три дня Нина прожила у нас, и только на второй день почувствовал себя уверенней. Мать поставила в сад вторую раскладушку (этим летом я ночевал в саду) и мы с Ниной говорили чуть не до первых петухов. Два дня гуляли по городу и парку. Вспоминали без конца детство во Вдовино, детдом, друзей, Шегарку, наши игры. В последний день мать накрыла стол. Мы выпили вина, а затем пошли гулять по вечернему парку. Эту ночь помню всю жизнь...

Взявшись за руки, мы нежно смотрели друг на друга и пели нашу любимую песню:

В тихом городе мы встретились с тобой, до утра не уходили мы домой.

Сколько раз мы всё прощались, и обратно возвращались,

Чтоб друг другу всё сказать. Мне б забыть - не вспоминать этот день, этот час.

Мне бы больше никогда не видеть милых глаз. Но опять осенний ветер,

В окна рвётся и зовёт. Он летит ко мне навстречу, песню нежную поёт...

В прохладе Кисловодского парка журчала речка Ольховка, пели последние трели многочисленные дрозды, тусклый свет на дорожках, окаймлённых густыми туями, освещал нам путь всё дальше и дальше в глубину парка! Я готов был «выпрыгнуть из себя» от счастья! Какая девушка шла рядом со мной! Сколько лет, дней и часов меня с ней связывало в глухой Сибири! И вот мы рядом! Не упустить бы своё счастье!

В белой рубаше с закатанными рукавами, обняв Нину за плечи, шёл рядом с любимой!
Мы тихо пели наши Вдовинские нежные песни.

Радостные, взволнованные, пришли за полночь. Родители уже спали. Луна то показывалась, то скрывалась за тучей. Ни один листик не шелестел!

Нина, не стесняясь меня, начала раздеваться, медленно вешая бельё на спинку стула. Я ужаснулся, всё поняв:

- Да! Она уже всё решила для себя сама! Нет, нет! Только не это! Я ещё ни разу в жизни даже не поцеловал её! Как она может это? Я не ожидал ничего подобного от неё! Скорее всего, она уже гуляла с кем – то! Вот в чём дело...

Я оступел от страха, нырнул под одеяло. Раскладушки наши стояли рядом. Протяни руку, достанешь. Вот Нина осталась в одной прозрачной рубашке. Выглянувшая луна осветила нежную девичью грудь и всё прелестное тело до мельчайших подробностей. Это видение преследует меня всю жизнь...

Затаив дыхание, ошалело наблюдал через щёлку в одеяле. Молчали с полчаса. Изменившимся голосом Нина прошептала:

- Неужели спишь? Коля! Мне холодно...

Меня начал бить озноб. Какой там сон! Да, сплю, сплю – повторял я, закрыв глаза. Только в этом спасение!

Нина положила руку на мою кровать – меня бросило в жар! Тихо шепчет:

- Не бойся, Коля! Иди же ко мне! Ничего не будет, только согреемся!

Я окаменело молчал:

- Нет, нет! Ни за что! Зачем всё это? Только не сегодня...

У меня лихорадочно стучали зубы, и бешено толкался, рвался пульс. Весь дрожал – дыхание загнанной лошади уже невозможно было скрыть под одеялом. Я находился на грани срыва...

- Иль за что обиделся? Что с тобой?

В ответ молчание...

- Ну, ладно! Я пошутила, уже согрелась... Не надо... Ну, говори же что – нибудь! Коля!

Всё, всё! Отступать нельзя – я сплю, сплю, сплю...

- Эх! И дурачок же ты! Ведь знаю, что не спишь! Бог с тобой... Я не прощу тебе этого!

Отвернулась, заскрипев раскладушкой, тихо заплакала, затем, не скрываясь, всё громче и громче...

Всю ночь я не мог спать. Она, видно, тоже. Всю ночь ворочались, скрипели раскладушками. Утром мы не глядели друг на друга. Нина отказалась от завтрака. Еле успел встать и как следует одеться. Было тяжело и неловко на душе за свою тупость. Я ведь оскорбил её своим поведением. Даже ни разу не решился поцеловать свою первую любовь! Надо было объясниться, но... сил не хватило. Не спросил даже её будущий адрес, ни о чём не договорился...

Мы шли молча по нашей узкой и кривой Овражной. Я проводил её до большака – широкой асфальтированной улице. Она как бы оправдывала своё название – называлась Широкой. На перекрёстке сухо попрощались. Она уходила, а я всё стоял и смотрел – надеялся, что Нина обернётся. Нет – не оглянулась... Я заплакал... Что я наделал? Десятки, сотни раз я в будущем выходил на тот перекрёсток, где мы расстались в последний раз, втайне надеясь, что Нина вернётся.... Пронзительная песня Клавдии Шульженко – это всё о нас двоих:

На тот большак, на перекрёсток – уже не надо больше мне ходить.

Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить?

Нина уехала навечно от меня! Больше я её ни разу в жизни не видел. Попытался позже неистово её искать! Куда только не посылал запросы! Она, видно, вышла замуж и сменила фамилию. Может и она пыталась искать меня, но наш дом вскоре снесли. Я упустил шанс, упустил судьбу! Надо было тогда крепко «брать вожжи в свои руки»! Женившись, много раз вспоминал Нину Суворову!

Прощай, навечно, моя первая ЛЮБОВЬ!....

Днём мать и Филипп Васильевич пытали меня:

- Ты что? Обидел Нинку? Почему она была такой?

Я угрюмо молчал. Что я мог им ответить?

Провожали меня в техникум все родные и знакомые. Даже из армии успел перед этим мне прислать письмо с наставлениями Шурка. Он уже служил в Кривом Роге и как – то их водили на металлургический завод. Ему очень понравилась «могучая огненная стихия металлургии»! Он приветствовал моё решение и писал, что после армии последует моему примеру и, возможно, тоже поступит в этот же техникум. Жить в Кисловодске с Филиппом он не собирался.

Вышли во двор всей компанией - весёлые, шумные. Кто – то даже пытался затянуть песню. Вот вспоминаешь то время – бедно жили! Но как – то умели дружить, сообща веселиться! Родственники, друзья, знакомые, соседи – никто не сторонился друг друга, все были рады гостю, были откровеннее, щедрее! А сейчас? Небо и земля! Даже родные не дружат друг с другом! Все сидят у «ящика» и смотрят попу. Мельчает народ...

Итак, уезжаю в Липецк с двумя старыми чемоданами, перевязанными верёвками, чтобы не развалились от тяжёлых учебников...

Липецк.

Провожая меня на учёбу, мать и Филипп Васильевич дали мне всего шесть! рублей, надеясь на то, что родители Филиппа будут меня кормить. Горькое разочарование ожидало меня там! А эти шесть рублей вспоминаю всю жизнь, сравнивая их с сегодняшними запросами современных детей.

Приехал в Липецк и начал готовиться к экзаменам, живя на шахте в десяти – двенадцати километрах от города. На второй же день понял, что расчёт на родителей Филиппа был неразумный. Во – первых, далеко. Ходить ежедневно туда и сюда на 20 километров – никаких сапог не хватит! Единственный небольшой ведомственный шахтёрский автобус всегда был настолько «забит под потолок», что я сразу оставил эту затею.

Во – вторых, меня здесь никто не ждал - я был для них чужой человек. Лишний рот им не был нужен. В двух комнатах барачного типа жило четверо взрослых и трое детей. Через два дня с ужасом понял, что до начала экзаменов просто не дотяну. Меня явно преднамеренно не кормили, давая понять, что я здесь не нужен.

Надо было выживать, и я на четвёртый день ушёл с шахты пешком с двумя своими старыми чемоданами, в одном из которых лежали учебники, а во втором вещи.

Пришёл в техникум. Сказал, что иногородний, у меня нет денег и негде жить. Оказывается, в общежитии есть временные места для поступающих. В большой комнате жило человек пятнадцать. Дали койку. Сразу же стал искать работу. Где только не был, где только не умолял принять на временную работу! Сжалился один мастер. Принял разнорабочим на строительство нового моста через реку Воронеж. Я успешно сдавал экзамены, отпрашиваясь у доброго дядьки – десятника и затем отработывал эти часы во вторую смену. Донимал голод, покупал только один хлеб. Шесть рублей, как не экономил, кончились! Два дня уже ничего не ел. Работать тяжело, голова кружится. Обед. Рабочие разбредаются, садятся на брёвна, развязывают свои узелки с едой. Отхожу в сторону, лежу на земле с закрытыми глазами. На третий день подходит бригадир:

- Углов! А ты почему не обедаешь?

Что – то невнятно бормочу.

- Всё понятно... Ребята! Давайте немного скинемся, поможем студенту! Работает старательно. Чудной парнишка. Голодный, а не попросит. Гордый? Так и помрёшь с голодухи!

- Мне не привыкать...

- Ну, ну! Не делай больше так! Люди лучше, чем ты думаешь! Всегда помогут.

Бригада накормила меня. Теперь в обед я был сыт. Каждый что – то давал из своих запасов. Даже оставалось немного на вечер. Как я благодарен этим простым русским работягам! Всё – таки щедрый наш народ!

А тут и сдал все экзамены – две пятёрки и две четвёрки. Я поступил в техникум! Вся бригада радовалась:

- Молодец! Толковый парень! Хорошую профессию выбрал! Будет толк из тебя!

Я получил расчёт. За 22 рабочих дня мне полагалось 40 рублей. Это целое состояние! Никогда ещё в жизни не держал в руках столько денег! Притом, сам заработал!

Нас на целый месяц сразу же направили на уборку картофеля куда – то под город Усмань. Это было очень кстати. Целый месяц не надо было думать о еде – казённые харчи. Там также немного заработал. Приехал, получил стипендию 36 рублей. Сразу купил драповое зимнее пальто за 60 рублей и нанял квартиру с питанием за 30 рублей в месяц. Квартиру нашёл по объявлению, вывешенному около техникума.

Частный дом по улице Плеханова располагался рядом с техникумом. Хозяин дома – бывший майор советской армии. Спокойный, порядочный человек. Жена, две дочери моих лет. Мне дали отдельную комнату. Майор, оказывается, брал Берлин, но страшно ненавидел советскую власть. Он на многое открыл мне впервые глаза. Познакомившись поближе с ним, стал понимать некоторые вещи, о которых мне никто не говорил – ни отец, ни дядя Вася, ни тем более малограмотные Филипп с матерью. Вечерами майор вместе со мной слушал по громоздкому радиоприёмнику «Голос Америки». Я с ужасом сознавал, в какой стране мы живём! Я - то думал, что в самой счастливой, а оказалось, в одной из самых угнетаемых! Но после случая с поступлением в Ессентукский аэроклуб - побоялся рассказать майору, где был. Кто его знает? Для меня это теперь было табу! Майор много рассказывал о прошедшей войне, о политике и наших правителях:

- Коля! Мы для них мусор! Нигде в мире так не уважают свой народ! Ты бы видел, как жили немцы! Всё хотя и разбомбили, но видно, какие были у них дома – не наши сараи! Везде виден порядок и чистота. Даже в коровниках плитка! Ты знаешь, что это такое? Мы вот в туалет ходим на улицу, а у них нет такого!

- А куда же? Не в комнате же!

- Ох, Коля! Ничего ты ещё в жизни не видел. Я вот тоже был патриот. А прошёл войну, такую гадость увидел, такое унижение, такие жертвы... Во имя чего? Как мы живём? Хуже всех в Европе! Нашим правителям нужна власть во всём мире. Во имя своей дурацкой идеологии они готовы на всё!

- Да я сам спорил на уроках с одним преподавателем за культ личности Сталина. Так он мне в отместку по истории поставил тройку, хотя я знал её в классе лучше всех.

- Да они все такие, зашоренные! Твердолобые, мстительные! А за Сталина я знал всё и до его развенчания. Сколько у нас в Липецке моих знакомых сгнуло в вечность! Слава Богу, выкинули этот труп из Мавзолея! Да и второго ... надо тоже на помойку!

От этих слов становилось страшно. Впервые слышал такое!

Майор был уже на пенсии. Жена только что бросила учительствовать и занималась вместе с ним подсобным хозяйством. Две красивые дочери. Одна училась в десятом классе, а другая куда – то не поступила и теперь опять готовилась. Когда впервые пришёл нанимать квартиру и увидел дочерей, сразу смутился и хотел уйти. Но меня успокоили и оставили, видать, я им понравился.

Девчата были довольно наглые и раскованные.

За завтраком мне было стыдно смотреть им в глаза, а они всегда подшучивали надо мной. Эта их странная манера – всё время подтрунивать надо мной, бесила меня, но я старательно отмалчивался, и старался не связываться с острыми на язык девками. Вероятно, был по - деревенски неуклюж, смешон, стеснителен.

После Нового года дали общежитие и я покинул доброго и грамотного майора – так мне было легче выживать. О нём остались самые добрые воспоминания...

В нашей группе были только мужчины. Будущая суровая специальность металлурга не терпела женского труда. Вскоре подружился с однокурсником – Сашкой Камыниним.

Слово «студент» мне очень нравилось – было что – то значительное в нём. Студенты были во всех государствах самыми активными, грамотными, мобильными, они свергали даже свои правительства...

Денег не хватало, жили впроголодь. На стипендию надо было кормиться, учиться, одеваться и проводить досуг. За все три года мать с Филиппом ни разу мне не помогли, не прислали ни рубля, ни посылки! Приходилось полагаться только на себя! Больше того - приезжая на каникулы домой, всегда привозил немудрящие подарки им, высылал кучи фотографий (а это всё надо купить - фотобумагу, проявитель, закрепитель), покупал для нашего патефона пластинки.

И без того всегда копейки экономишь, а тут ещё и обокрали меня! Как – то стоял в очереди за пластинками. Только подошла очередь, полез в задний карман спортивных трикотажных брюк – пусто! Кто – то вытащил огромную для меня сумму – сто рублей одной бумажкой (10 руб. по – новому)

А жил я на семь рублей в сутки (70 коп.). Утром чай с одним кусочком сахара и хлеба, обед – щи б/м и макароны, вечером чай с сырком плавленным «Дружба».

Пошёл сдавать кровь. Медсестра, увидев меня, сказала:

- Зачем тебе это? Худющий какой. В тебя надо вливать кровь, а не выливать. Бедолага ты. Неужели тебе так нужны для безделья эти два дня?

Я промолчал. Да и что было отвечать и к чему? Деньги мне нужны! Не с голоду же помирать! Я и сам был против этого донорства, т. к. ходил вечно голодный. Понимал, что при таком питании, да ещё отдавать кровь? Часто раздумывал:

- Что за жизнь? Для чего мы живём? Вот мне уже двадцать лет, а я всё голодаю. Всё практически детство прошло в голоде и сейчас. Когда это кончится? Когда наемся до отвала?

В первый раз сдал всего двести граммов крови. Заплатили сто рублей (10 руб.), вволю наелся хлеба и напился сладкого чая.

За время учёбы в техникуме было несколько таких критических моментов, когда выручала сдача крови. Всего сдал три килограмма шестьсот граммов своей кровушки...

Ходили мы чуть не ежедневно и на железнодорожную станцию разгружать вагоны по ночам. Но там таких... сотни! Огромная очередь студентов из всех институтов и техникумов. У большинства знакомые, блат и нам очень редко доставалась работа.

Разгружали вагоны в основном с углём, огнеупорной глиной, кирпичом, песком, щебнем. Расплачивались на месте. В основном перепадали крохи.

Я получил письмо с фотографией от дяди Васи. Но, видно, фотография была сделана ранее, за год – два до этого, т. к. содержание письма меня очень встревожило:

22. 11 – 57г. 4ч. дня.

- Дорогой Коля! Сообщаю, что сегодня «день чудесный, мороз и солнце»... как у Пушкина в стихах. Сам я расчёт получил, выплатили мне на билет 165 р. и зарплату 340р., а куда ехать - не знаю... Выехать отсюда мне одному – это равносильно умереть...

Женя в последние дни устроилась на работу зав. клубом. Оля сошлась с молодым человеком. Отсюда меня выталкивают. Сегодня разругался. Собираюсь выезжать, хотя очень болен – еле передвигаюсь после паралича. Где буду - сообщу...

Таких писем дядя Вася никогда не писал! Что – то случилось у него в новой семье!

Я разволновался. Любимый дядя Вася в опасности. Как ему помочь? Лихорадочно соображаю:

- Ах, это молодая жена Женя! Всё, видно, высосала из бедного дяди Васи, а теперь...

И эта вертихвостка Оля! Уже замуж вышла! Она же младше меня. Недаром она в прошлые каникулы там - в Кисловодске, так бессовестно лезла ко мне, когда мы гуляли по вечерам в парке. Ну, сволочи, что делают с моим дядей! Как же ему помочь?

Сел и написал сразу два письма на один адрес - г. Куйбышев ул. Бебеля 8. Одно дяде Васе, а другое его жене.

Жене написал злое и сумбурное письмо с угрозами:

- Если вытолкните дядю Васю из квартиры и с ним что –нибудь случится, то знайте - я не прощу вам этого! Приеду в Куйбышев и убью обоих - и тебя, и твою дочь!

Дяде Васе написал:

- Дорогой дядя Вася! Прошу вас, умоляю, потерпите немного, не уезжайте оттуда! Я скоро окончу техникум, и мы вместе будем жить. В Кисловодск Вам тоже не имеет смысла ехать. Там Вас тоже вытолкают. У матери с отчимом «ежедневные концерты», а Вы спокойный, уравновешенный человек. Подождите! Когда мне дадут какой –нибудь город назначения после окончания техникума - там и будем вместе жить! Я буду всю жизнь помогать Вам, как Вы когда –то спасали нас от голодной смерти!

Не знаю - получил ли дядя Вася это письмо, т. к. связь с ним прервалась навечно...

На четвёртом курсе у нас была трёхнедельная практика на Липецком тракторном заводе.

На площадке приёма литья пот просто заливал глаза, от раскалённых отливок чуть не лопались глаза - теперь они постоянно слезились. От горячей пыли и едких раскалённых газов сразу же нас стал непрерывно бить кашель до рвоты!

Только теперь мы поняли, как тяжела профессия металлурга, как хрупок и незащищён человеческий организм в этих адских условиях работы.

Харкались непрерывно чёрными ошмётками. Сашка Камынин, плюнув всердцах, сказал:

- Нет! Я себе не враг! Куда я попал? Зачем мне эта проклятая профессия? Живём – то на свете один раз. Почему я должен жертвовать своим здоровьем? Для кого и для чего? Кто это оценит? Кремлёвские правители? Хрена два. Никому это не нужно. Всё! Закончу техникум - работать по этой профессии не буду! Лучше коров пойду пасти в свой колхоз! Баста!

Я тоже задумался над своим будущим. Ведь Сашка прав! В этот техникум пошёл по совету отчима. А ему.... лишь бы от нас избавиться.

Фергана.

Кто в армии не был - тот ада не знает.

Кто ада не знает – тот рай не поймёт!

Наступила осень 1959 года. Прошли последнюю медкомиссию в военкомате.

Стояли первые октябрьские холодные и дождливые дни. Нас собрали на сборном пункте и подняли в пять утра. Было ещё темно. Огромную толпу (как мы узнали позднее – почти 6 тысяч человек) призывников в рваной одежде серым промозглым утром долго выстраивали в колонну. Это было незабываемое зрелище! Никаких проводов, как это делается сейчас! Ни родственников, ни друзей, ни гармошек. Всё это строго – настрого тогда запрещалось! В темноте двинулись огромной колонной к товарной станции. Разговаривать, курить запрещалось. По бокам колонны конвой с оружием, человек пятьдесят. Орут без конца на нас. На сердце муторно. Мы шли служить в суровую - ещё «жуковскую» армию! Современной изнеженной молодёжи просто не понять ту армию...

Сашка месит грязь рядом, бурчит:

- Как в тюрьму ведут! Для чего это? Вот тебе армия... Кто же после такого унижения полюбит её? Мы что, заключённые? Посмотри, как оделись, обулись все! Мы - то ещё ничего, а остальные в лохмотьях! Позорище!

И впрямь. Призывники, в основном из деревни, были одеты, обуты во что гораздо. Стоптаные кирзовые сапоги, рваные фуфайки, нелепые шапки на голове. Все угрюмо молчали... Да... Не радостно начиналась армейская служба!

Вагоны были грузовые, только полки по стенам. Загрузили человек по пятьдесят в вагон. На площадках по два солдата с винтовками. Сашка и здесь возмущается:

- Да что же это такое? У них – что, пассажирских вагонов нет? В таких вагонах возят только лошадей! Сволочи! Да, Колька. Терпеть надо. Наступает, наверное, самая отвратительная пора в жизни! Я слышал, как измываются в армии и это начинает подтверждаться. Если по приезду ещё будут пытаться над нами издеваться «деды» - не дамся! Буду драться до смерти! Давай вместе биться до конца, но не унижаться!

С тяжёлым сердцем едем в переполненном душном вагоне. Кормят два раза в сутки перловой и пшеничной кашей с куском вареного сала. Чёрный хлеб и несладкий чай.

Едем долго и нудно, угрюмые конвойные не говорят куда. Они все не русские. Чуть что - будут стрелять на поражение.

И вот поезд идёт по зелёной и красивой равнине. С обеих сторон видны белоснежные шапки гор. Фергана!

Нас выгрузили на окраине города. Огромное здание гарнизонной бани обнесено дувалом – невысоким глинобитным забором. Всех разбивают по ротам - по двести человек. Наш старшина – квадратный крепыш с водянистыми глазами и зычным голосом. Орёт:

- Становись! Смирно! Поздравляю с прибытием к месту службы! Сейчас по ротам будем стричься, мыться, переодеваться. Через час – другой вы будете солдатами Советской армии!

Всех стригут налысо несколько человек. Скидываем свои лохмотья. Одеваемся в форму. Итак, мы солдаты! Ужинаем кашей и чаем. Строем заходим в длинное здание с четырьмя рядами двухэтажных металлических коек. Это теперь наш дом.

Оказывается, нас направили в ШМАС - школу младших авиационных специалистов. Всего в школе обучалось 2200 человек.

Сразу после присяги объявили, что в клубе будет встреча с матерями военнослужащих. Камынин Сашка мне говорит:

- Всё это фикция! Всё для показухи! Воспитывают нас патриотами. Какие матери? Они что, приедут сюда, в Узбекистан из Пензы, Липецка или твоего Кисловодска? Кто им даст денег на это? Скорее всего - посадят в президиум «подсадных уток»!

Я поражался Сашкиному пессимизму - он всё знает! А я даже не думал на эту тему.

Но, как оказалось, мне вдруг пришлось играть в этом «спектакле» не последнюю роль!

Политрук части - красивый, чернявый молодой офицер пришёл в нашу роту и через старшину нашёл меня:

- Ты Углов?

- Так точно!

- Знаешь, я просмотрел твои документы. Ты окончил техникум, грамотный человек. Тебе задание. выступишь перед матерями на собрании. Текст набросай на листочке, минуты на две – три. Я перед выступлением его просмотрю.

- Товарищ старший лейтенант! Извините, я ни разу не выступал перед людьми. Боюсь.

- Ничего. Надо привыкать. Не бойся! Просто не смотри в зал, читай по бумажке.

В огромном зале сидит более двух тысяч человек. В президиуме человек пятнадцать. Бросилось в глаза, что несколько женщин в платках – это узбечки. Думаю:

- Может, действительно, и у них сыновья где – то служат! Что так Сашка утрирует!

После вступительного слова командира части, вдруг сразу объявляют:

- Слово предоставляется рядовому Углову!

Я подбежал к трибуне и обмер - как говорить? На меня смотрели тысячи глаз!

Вспомнил старшего лейтенанта – не смотреть в зал. Забыл про бумажку, обернулся к президиуму и начал срывающимся голосом:

- Дорогие наши мамы! Мы приехали в ваш край служить Родине. От имени всех молодых солдат заверяю вас, что мы будем честно и добросовестно выполнять свой воинский долг! Мы не подведём вас! Верьте, ваш покой будут защищать достойные сыны!

И т. д. – ещё несколько высокопарных слов. Зал аплодировал. Красный и возбуждённый, сел рядом с Сашкой. Тот буркнул:

- Ну, ты и даёшь! Патриот Отчизны.

После собрания ко мне подошёл политрук:

- Молодец, Углов! Я даже не ожидал такого! Как я забыл про тебя - проверить твой текст! Но это даже лучше - без бумажки...

На следующий день после собрания мне присвоили звание ефрейтора и назначили командиром отделения. В отделении было шестнадцать человек, и название было точно такое же – шестнадцатый класс. Я теперь не поднимался утром на зарядку, как все, за 45 секунд! Командиров отделения поднимал дежурный по роте. Они одевались и обязаны были следить за подъёмом своего отделения, построением и ... бегом на зарядку. Физическая зарядка на плацу включала армейский комплекс из двадцати двух обязательных упражнений. Туалет состоял из двадцати очков в бетонном полу, без каких – либо перегородок. Умывальник – длинная труба с сосками кранов. К столовой подходим с обязательной песней:

- Путь далёк у нас с тобою. Веселей, солдат, гляди!

Вьётся, вьётся знамя полковое. Командиры впереди.

Солдаты – в путь, в путь, в путь!

Вот смотришь теперешние фильмы про армию. И песни какие – то дурацкие они поют: то про какую – то Марусю, то ещё про какую – то чепуху. А эта патриотическая песня просто заводила нас всех! Нам она никогда не надоедала. Пели мы «По долинам и по взгорьям», «Не плачь девчонка» и другие, но эта песня была любима всеми – она настраивала на службу.

Завтрак. На краю стола алюминиевый бачок с ежедневной перловой кашей с варёным салом. И, между прочим, съедали мы свой завтрак «до блеска» чашек. Огромные физические нагрузки возбуждали отменный аппетит. Это сейчас нашим изнеженным солдатам дают жирные мясные борщи, котлеты и даже фрукты и молоко. А нас не баловали этим!

Пыльная дорога вьётся вдоль тутовых деревьев. Начиная с мая месяца, старшина устраивает нам по пути учения, «чтобы жизнь не казалась нам мёдом». Идём в кирзовых сапогах по колено в пыли. Жарко! Гимнастёрки побелели от соли и пота. Сашка Камынин ворчит:

- Сволочи! Неужели нельзя кирзовые сапоги здесь заменить на другую, более лёгкую обувь? Что за армия? И в суровой Сибири и в жаркой Средней Азии одна форма одежды?

Я тихонько возражаю:

- Ну, вот видишь, к лету нам выдали панамы вместо пилоток. Может и до сапог дело дойдёт?

- Дойдёт, пока грибок не съест ноги!

- Сашка! Формалин вчера поставили у входа в казарму, да и в бане он есть. Почаще окунай туда ноги и ничего не будет!

Наш разговор прерывает истошный крик старшины:

- Воздух!

Мы плюхаемся носом в горячую пыль. Старшина доволен:

- Отбой!

Все грязные, пыльные, потные, чихаем и сморкаемся на ходу, а старшина зверствует:

- Бегом, арш!

Из последних сил добегаем до широкого арыка - за ним аэродром.

Ночью нас поднимали уже несколько раз по тревоге. Быстрое построение и бег с полной боевой выкладкой по периметру школы. Это километра четыре. Были и дневные марш – броски. Я хорошо терпел бег, но большинство солдат ненавидело эти тревоги.

Как – то был марш – бросок на 10 километров всей школой. Зачёт отделениям был по прибежавшему последнему солдату. Из части мы выбежали в сторону города с полной боевой выкладкой: карабин со штыком, боекомплект, скатка шинели, фляжка. Было воскресенье. Вдоль трассы бега стоит много народа – узбеки, русские, мужчины, женщины, дети. Я волнуюсь, кричу на своих солдат, кто отстаёт – всё без толку! Пыхтят, бледные, потные, ноги заплетаются. Вижу, наше отделение отстаёт. На второй половине дистанции беру карабин у одного, затем у другого, третьего, четвёртого. Слышу крики из толпы:

- Вы посмотрите! Тот высокий ефрейтор бежит с пятью карабинами! Вот это да!

На финише меня хвалит командир роты:

- Молодец, Углов! Так и надо! Тяжело в ученье – легко в бою! Выручил своё отделение. Вы в пятёрке лучших!

Я пользуюсь случаем – давно хотел попросить об этом:

- Товарищ капитан! Разрешите мне утром не делать со всеми зарядку. Я буду тренироваться в беге по кругу вокруг дувала части. Очень люблю бегать!

- Ну, что ж! Скажу старшине. Готовься к кроссу на тридцать километров. Летом побежим. Правда, в первой роте служит сержант Рогов. Тебе, конечно, далеко до него - он чемпион ТуркВО. Но всё равно - нам в роте нужен хороший бегун для примера всем.

Давай, действуй!

Мечта моя осуществилась! Наконец – то теперь не буду делать эти постылые упражнения воинского комплекса! Буду тихонько бегать в одиночестве для своего удовольствия!

Сашка Камынин, узнав об этом, пытался отговорить меня:

- Ну что такое бег? Посмотри на бегунов. В киножурнале, помнишь, нам показывали какого - то армейца по фамилии Куц. Маленький, худой, тщедушный, ручки тоненькие. Разве это мужчина? Лучше давай качаться. Руки сильные будут, грудь колесом.

Знал бы Сашка в тот момент, что судьба меня сведёт через шесть лет с олимпийским чемпионом, легендарным Владимиром Куцом! Да и я даже не думал об этом...

Теперь каждое утро выбегал чуть пораньше из казармы, чтобы побегать хотя бы минимум полчаса. Под заунывное «Арабское танго» ежедневно бегал в сапогах вдоль небольшого арыка, который протекал вдоль дувала. Знал ли я в то время, что теперь бег прочно войдёт в мою жизнь до конца моих дней? Прошло более пятидесяти лет, а я также не мыслю дня без кроссов...

В начале мая в школу поступила новая партия курсантов. Ещё одна рота, как сказали, полностью состоящая из москвичей. С ними разыгралась настоящая трагедия.

Москвичи и в то время были более продвинуты, более грамотны и раскрепощены, впрочем, как и сейчас. К ним направили нашего старшину Пузанова. Он начал привычно издеваться над ними, и они начали глухо роптать. В первый же день рота москвичей отказалась есть второе - кашу из алюминиевых чашек, из которых только что поели щи. Наш старшина поначалу даже растерялся. Такого, видно, у него никогда не случалось. Был вызван командир части, который строго спросил:

- В чём дело, товарищи? Почему не кушаете? Кто у вас старший, поднимитесь!

Молодой человек в очках спокойно поднялся и сказал:

- Извините, мы не свиньи! Почему нам дают второе из грязных чашек? Неужели нельзя принести другие - чистые?

Полковник поначалу смешался, а затем рассвирепел:

- Действуйте по уставу, товарищ старшина!

И ушёл из столовой. Пузанов заорал:

- Рот – а – а! Встать! Выходи строиться!

Это повторилось на второй и на третий день. Москвичи отказывались есть из грязных чашек. На четвёртый день они не вышли из казармы. В школе было объявлено ЧП! Понаехало много сотрудников военной прокуратуры, несколько москвичей арестовали и отправили под суд, а роту расформировали и отправили в другие части округа.

А вскоре прибыл из дисциплинарного батальона рядовой Багдашкин. Он пробыл там полгода, и его было не узнать - так похудел. Капитан Тихонов решил ещё раз укрепить дисциплину на его примере. Всех построили и ротный скомандовал:

- Рядовой Багдашкин! Выйти из строя! Доложите своим товарищам, где вы были и как думаете дальше служить!

Багдашкин – маленький, невзрачный солдатик, заплакал и, всхлипывая, начал тихо рассказывать:

- Ребята! Не дай Бог никому туда попадать. Это ад! Направили меня в Сибирь ... мы валили лес. Дисциплина там... у нас здесь... мёд! Задание давали жёсткое, попробуй не выполни! Спали зимой ... в палатках. Кормили... лучше не вспоминать. Холодно... Мокрые портянки ночью сушили... на собственной щеке. Ребята! Служите честно! Выполняйте воинский устав. Я лично теперь буду стараться изо всех сил.

Это произвело впечатление на всех.

Я продолжаю бегать в сапогах вдоль арыка. Он течёт практически по периметру школы. На стенках дувала растёт пыльный виноград. Утро начинается с «Арабского танго». В части радистом, видно, был узбек и он, наверное, очень любил этот грустный мотив. Пока пробегу эти четыре километра вдоль дувала и арыка, пять – шесть раз прослушаю громкое, на всю школу, хватающее за душу «Арабское танго»!

И вот, наконец, общевоинской кросс на тридцать километров. Участвует тысяч десять человек Ферганского гарнизона. Бежит наша школа и старослужащие из соседних частей – лётчики, десантники, пограничники. Кросс в летней форме. Всем выдают двойные трусы (плавок в то время ещё не было), майки и тапочки. Старт в пять часов утра. Нам давно и долго говорили об этом кроссе. Первые трое призёров едут потом на сбор и соревнования на первенство Туркестанского военного округа в Ташкент. Я даже и не мечтаю об этом, но всё равно хочется пробежать эту дистанцию хорошо. В газете прочитал, что перед стартом для энергии надо много есть сладкого: мёда, орехов с сахаром или... бананов. Ничего этого здесь нет, за исключением... сахара. Последнюю

неделю пью чай практически без сахара – по два кусочка ежедневно тщательно прячу в своей постели в углу палатки.

Утром подняли рано. В столовой впервые дали овсяную кашу и... очень сладкий стакан чая. Я дополнительно беру на хлебрезке ещё два стакана обычного, не сладкого чая и выпиваю с двенадцатью кусочками сахара.

Впервые вижу столько бегущих людей. Бежим вдоль асфальтированной дороги - туда пятнадцать километров и назад. Солнце ещё не поднялось, но уже тепло. Все рванули, как... на стометровку. Мы в хвосте. Первое время бегу рядом с Камыниным. Мне тоже тяжело, т. к. булькает в животе. Постепенно становится лучше. Сашка хрипит:

- Давай! Уходи! Это не моё - ты готов лучше!

Я убегаю от Сашки, обхожу десятки людей. Скоро поворот. Навстречу бежит в гордом одиночестве старший сержант Рогов. Высокий, белобрысый, он выглядит прекрасно: свеж и полон энергии. Вот что такое полноценные тренировки! Все пыhtят, кряхтят, многие останавливаются и идут пешком. Наконец, поворот. Солнце уже нещадно палит. За тяжёлой работой в беге не замечаешь, какая красота кругом. Незабываема Ферганская долина! По обе стороны шоссе стройные зелёные тутовые деревья и курчавые ряды хлопка до самого горизонта. Журчат арыки.... И всё это великолепие окаймлено снежными шапками гор по обе стороны дороги.

Мне не особо тяжело и я начинаю увеличивать темп. Обхожу уже сотни солдат и офицеров. Показался город. Впереди... никого. Прибегаю к финишу. Много народа, играет оркестр. Оказывается, я четвёртый! Я не верю своему счастью! Но Рогов «сделал меня» на три километра! Второй какой – то офицер из десантников, а третий... лейтенант Савушкин! Огромный успех нашей школы: первое, третье и четвёртое место!

Этот кросс окончательно убеждает меня в мысли, что теперь надо серьёзно тренироваться и успех придёт! Буду проситься в часть, где есть стадион и условия для тренировок.

На следующий день вся школа провожала Рогова и Савушкина на соревнование в город Ташкент на первенство ТуркВО. Всех построили по ротно. Командир ШМАСа и политрук выступили с приветственной речью. Заиграл духовой оркестр. Под звуки марша «Прощание славянки» Рогов и Савушкин - с небольшими чемоданчиками, сели в командирский «Бобик» и выехали из части.

Я искренне и по - хорошему завидовал им...

В августе начались экзамены. Мы с Сашкой Камыниным успешно сдали все предметы на одни пятёрки и теперь с трепетом ждали распределения и... отпуска.

И вот праздничный ужин в столовой!

Отбой. Всю ночь мы практически не спим – завтра распределение! Договорились с Сашкой, что для дальнейшего продолжения службы будем проситься в одну часть.

Утром построили роту. Капитан Тихонов зачитал приказ по итогам учёбы. Нам с Сашкой и ещё пятерым курсантам присвоили звание младшего сержанта и, как отличникам боевой и политической подготовки, предоставили право свободного выбора места дальнейшей службы. Отпуск на Родину никому не предоставили. Это было ужасно! Мы так надеялись на отпуск, так истосковались! Разочарование, злость охватили нас! Когда роту распустили, Сашка в сердцах сказал:

- В гробу я видал это сраное звание! Лучше бы отпуск дали! Зачем обманывали почти год нас? Ведь ещё две недели назад Тихонов объявил, что всем отличникам, при условии сдачи всех экзаменов на пятёрки, дадут отпуск! Зачем врать?

На свободное распределение к командиру части вызывают по одному. Со всей школы нас собралось человек тридцать. Сашка говорит:

- Давай договоримся так. Кого первого вызовут - тот и выбирает. Я согласен служить на Кавказе, поближе к твоему дому.

Ейск.

В зимние месяцы 1961 года мы иногда тренировались в зимнем спортзале. Надо признать, что не так то и много было желающих личное время тратить на тренировки. В спортзале я сразу обратил внимание на большую доску - «Наши чемпионы». Я уже участвовал трижды в беге на 1500 метров и этой осенью выполнил норматив третьего разряда – 4 мин. 35 сек. Рекорд СКВО здесь же значился:

- Бег на 1500 метров – 4 мин. 14,2 сек.

Этот рекорд был выше второго разряда, но я был полон амбиций:

- Буду тренироваться нещадно! Здесь есть все условия, и я теперь знаю принципы тренировок! Первый раз пробежал полуторку за 5 мин. 20 сек., а в третий на 45 секунд быстрее. Чем чёрт не шутит - может, к концу службы рекорд улучшу!

Наивные мысли! Если бы я знал, по какому трудному пути пошёл! Чем выше результат - тем труднее даётся каждая секунда! Нужны годы самоотверженного труда, чтобы достичь приемлемых результатов! Как узнал впоследствии - в лёгкой атлетике даже первый разряд стоит на голову выше мастерского в штанге, борьбе, футболе, баскетболе, плавании, гимнастике и ещё в двух десятков видов спорта!

Запомнилось одно событие на всю жизнь.

Утром 12 апреля 1961 года капитан Суханов, как обычно, вывел нас на аэродром. Вдруг к аэродрому подъехал наш командир части (не училища!) полковник Джафаров. Суханов скомандовал:

- Смирно! Равнение направо!

Подошёл строевым шагом к Джафарову и доложил:

- Товарищ полковник! Рота направляется обслуживать матчасть!

Тот скомандовал:

- Вольно! Товарищи бойцы! Только что получил телеграмму от командующего Северо – Кавказским округом генерала Плиева! В Советском Союзе успешно осуществлён полёт человека в космос! Советский космический корабль – спутник «Восток» с майором Юрием Гагариным поднялся в космос и облетел земной шар за 108 минут. Это неоспоримое превосходство социалистического строя над умирающим капиталистическим строем. Ура, товарищи!

Мы нестройно поддержали – настолько неожиданной была эта новость. Но скажу откровенно – никакой радости от полёта Гагарина у нас не было. Ну, полетел и полетел – подумаешь!

Полковник Джафаров не упустил возможности напомнить о дисциплине:

- Товарищи солдаты! Воинская обязанность – почётный долг каждого гражданина Советского Союза! Воинская дисциплина – главное условие успешной службы в армии! Я хочу, чтобы каждый из вас, отслужив, пришёл в родной дом и постучал в дверь или окно. И на вопрос матери: «Кто там?» вы бы ответили: «Это я – твой сын, мама! Я честно прослужил в армии три года и вернулся с чистой совестью домой!».

Эти слова произвели огромное впечатление на всех нас, а я запомнил их на всю жизнь...

После ухода Джафарова наше отделение подошло к своим самолётам. Лётчиков ещё не было и надо было провести предполётную подготовку. Сашка Камынин бурчит, вроде ни к кому не обращаясь, но все внимательно его слушают, т. к. его авторитет очень высок:

- Ну и что здесь героического – в этом полёте в космос? Любого пошли, только чуть потренируй – справится. Гагарин – обыкновенный шоферюга! Он выполнил роль собачек Белки и Стрелки! Конструкторы, кто создал этот корабль – вот настоящие герои! А Гагарин.... Обыкновенный пассажир. Он там, уверен, ничем не управлял особо. За него всё с земли делали...

Но теперь из этого раздуют такое... Идеология всё это и засерание мозгов населению...

Мы практически все согласились с ним. Вспомнил Сашку Камынина через пятьдесят лет, когда в космос за деньги американцы стали запускать даже туристов – пенсионеров...

Теперь каждую свободную минуту я пропадал на стадионе. Ходил на соревнования по лёгкой атлетике, которые проводились каждую субботу - воскресенье на нашем стадионе. Я получил уже несколько грамот за вторые – третьи места.

Сашка Камынин не очень одобрял моё новое увлечение бегом. Он не любил худых людей, и всё время накачивал свои мышцы в спортзале, призывая и меня последовать его примеру

В Ейске заканчивалось «арбузное время» и мы всячески пытались наверстать его, объедались арбузами. Воровали их далеко от аэродрома на большом колхозном поле. Всегда собиралась свободная команда из нескольких человек - брали мешки и приносили на всю роту.

Как – то поздним вечером шли с полными мешками арбузов. Шли ночные полёты, и самолёты беспрерывно взлетали, садились. Мы залегли на краю взлётной полосы, выжидая, как бы скорее перебежать опасную зону. Только взлетела пара истребителей, как кто – то крикнул:

- Бежим!

Мы побежали. На середине полосы у кого – то разорвался мешок. Арбузы покатались в разные стороны - мы начали собирать их. И тут яркий луч прожектора со снижающегося на посадку истребителя осветил всех нас. Ещё мгновение – и мы бы все погибли! Лётчик

перед самой землёй увидел нашу группу на взлётной полосе и резко взял вверх, обдав нас горячим пламенем двигателя. Он ушёл на второй круг, а на КП взвыла сирена. К нам мчался дежурный взвод, но мы были уже далеко. На следующий день в части искали виновных, но так и не нашли.

Больше мы за арбузами не ходили...

Я не терял времени даром и решил готовиться к поступлению в институт. Начал штудировать учебники, которые закупил в городе. Приказом по части меня зачислили на подготовительные курсы и мы теперь почти ежедневно там занимались. Набралось из части человек тридцать, а из нашей роты четверо. В июне 1962 года мы должны были сдавать экзамены на подготовительных курсах, и только после этого нам давали возможность поступать в институт. Занимались с нами пять педагогов. Я всё больше и больше увлекался спортом и решил поступать в Волгоградский институт физкультуры.

На одной тренировке я растянул голеностоп. Целых четыре месяца мне пришлось ходить с резиновым жгутом; беговые тренировки пришлось практически прекратить. Бегал только тихо по кругу стадиона, буквально волоча ногу. Всё это меня раздражало. Из – за этой травмы мог не поступить в институт физкультуры. Все тренировки теперь проводил в зимнем спортзале – решил резко поднять свою ОФП (общезащитную подготовку). Штанга, гантели, экспандер, бокс дали результаты.

Только в мае моя травма излечилась. И вот первые летние соревнования на стадионе. Лихорадочно за десять минут до старта забегаю в туалет, разбиваю три ампулы с глюкозой и выпиваю. Думаю:

Как – то пробегу сегодня после такого перерыва?

Глюкоза не помогает. 1500 метров пробежал за 4 мин. 25,5 сек. Правда, это на десять секунд лучше третьего разряда, но до второго (4.17) ещё далеко. На дистанции 5000метров мой результат ещё хуже – 17мин.02 сек.

Но всё равно выигрываю вторые места, и меня берут на лето в спортроту. Мечта моя сбылась – меня заметили! Инструктор по спорту сказал мне:

- Если не поступишь в институт, не горюй! Приезжай - будешь служить в спортроте! А вообще советую остаться служить на сверхсрочную! Хорошее жалование, питание, форма, перспективы на квартиру – что ещё надо? У меня в спортроте в основном все сверхсрочники. Сейчас много общевойсковых соревнований. Будешь разъезжать по разным городам. Думай!

Я согласился. Сашка Камынин не одобрил моё решение:

- Макаронником хочешь стать? Да ты что? Всю жизнь связать с этой дикой армией? Нет, у меня другие принципы: три года дурдома – и я уже дома!

А вскоре я сдал на отлично все экзамены на подготовительных курсах и мне оформили все документы на выезд из лётного училища.

Добирался долго до Волгограда. Институт физкультуры находился на самом берегу Волги - прямо напротив знаменитого Мамаева кургана. Пока оформил, подал все документы, разместился, прошло несколько дней. Я не тренировался целую неделю. Нервничал, пока не выбежал на первую пробежку по Мамаеву кургану с новым другом: лыжником из Удмуртии - Василием. С ним познакомился в общежитии, где наши койки стояли рядом. Он тоже солдат и приехал из Белоруссии, где дослуживал третий год. Тогда ещё на Мамаевом кургане только начинали строить Мемориал и мы, миновав стройку, побежали на самый верх кургана, а затем дальше, вдоль чахлых лесополос. Василий легко бежит – он явно сильнее меня. В лыжах у него первый разряд. Говорит на бегу:

- Колька! Впервые вижу такую чёрную и безжизненную землю. Посмотри, одна полынь! Даже трава не растёт! А берёзки, видать, в этом году только посадили – половина уже засохла.

Я отвечаю:

- Так это курган мёртвых! Я читал - только на вершине, где мы сейчас бежим, похоронено около тридцати пяти тысяч наших бойцов! А всего в Сталинградской битве погибло около трёх миллионов наших и немцев!

- Да, была рубка здесь! Бежим по могилам...

И, правда – чем дальше мы убегали, тем больше всё вокруг было изрыто траншеями и рвами. Начали попадаться осколки от бомб, мин и снарядов, сначала немного, а затем всё больше и больше. Нам стало страшно. Васька говорит:

- Побежали назад! Здесь ещё, видно, землю не очистили от железа. А может, и не разминировали? Как рванёт! Побежали назад по своим следам! Город вон он - рядом! Мы всего - то выше его метров на двести, а нет ни одного человека. Это неспроста! Сюда не ходят! Вот дураки мы!

Только пробежав мимо строительства мемориала, мы, наконец, успокоились.

Через день был первый экзамен - «Специализация». Мы с Васькой выбрали дистанцию 1500 метров. Василий хороший русский парень. Мы с ним сразу подружились! Хлопает по плечу меня и смеётся:

- Бегу «полуторку» только из – за тебя! Ты мне понравился. На второй – то разряд я пробегу, а больше и не надо - примут сразу! И тебя подтащу! Я время чувствую. Ты всю дистанцию держись меня! Мне – то лучше «пятёрку» бежать. Там бы я под первый разряд влупил! У нас - лыжников, «дыхалка» дай Боже! По тридцать - сорок километров ежедневно на тренировках заламываем!

И вот он - главный старт этого года! Всё сейчас решится: дембель или дальнейшая служба! Знал бы в этот момент, что осенью начнутся такие события на злосчастной Кубе, что моим товарищам придётся служить ещё лишний год. Вместо трёх лет они прослужили четыре года! Но и без этого у меня был боевой настрой!

В забеге участвовало человек двадцать. Все рванули, как обычно – изо всех сил. Мы с Васей сзади всех – он дирижирует бег. На втором круге показывает мне глазами – пошли! Начали обходить одного за другим, и вдруг Василий закричал что есть силы: кто – то наступил ему шипами на пятку и разворотил её! Хлынула кровь и бедный Василий упал на беговую дорожку. На секунду я было смешался, приостановившись, но Вася прохрипел:

- Беги! Не подкачай!

На третьем круге я был уже восьмым – это самый трудный круг! В голове стучало:

- Терпеть, терпеть! Из армии, из армии, из армии!

Последние триста метров! Я уже шестой, пятый, четвёртый! Вышел на финишную прямую – третий!

Через несколько минут по радио объявляют:

- Первое место занял Прудников! Его результат 4 мин.06 сек.!

Валяюсь на траве, переводя дыхание, и думаю:

- Ого! Это же первый разряд!

А над стадионом раздаётся:

- Второе место с результатом 4 мин. 12 сек. занял Баженов. Третье – Углов! Его результат 4 мин. 16 сек.

Я вскочил:

- Ура! Это второй разряд!

Приковылял бедный Вася с перебинтованной пяткой, обнял меня и пошутил:

- Углов Николай! Вон из армии!

Так и есть – по «Специализации» ставят пятерку, и остальные экзамены пошли, как «по маслу»! Я в институте - мне выдают приказ!

Взволнованный, довольный собой, еду домой. Но там не рады. Отчим устраивает истерику:

- Сколько можно учиться? Надо трудиться, а ты лодырничает! Закончил техникум, отслужил в армии – работай и женись, как делают нормальные люди! Первая хорошая специальность есть, а эта что будет? Так и знай - мы помогать тебе не будем!

Я пытался возразить:

- Да вы и не помогали мне в техникуме никогда. Проучусь как-нибудь и без вас!

Мать молчит.

Я демобилизуюсь и с тяжёлым сердцем выезжаю в Волгоград...

Пятигорский машзавод.

Начинается моя учёба в Волгоградском институте физкультуры. Институт располагается на берегу Волги.

Живу в общежитии прямо при институте, что очень удобно. Утром встаёшь, бежишь в умывальник, затем в столовую – она тут же! Самообслуживание. Беру всегда молочный суп, оладьи и чай. А тренировки ужасные! На третий день пребывания в институте знаколюсь со своим тренером. Павел Григорьевич Шорец – заслуженный тренер Советского Союза. Воспитал десятки мастеров спорта, несколько МСМК (мастеров спорта международного класса) и ЗМС (заслуженных мастеров спорта). Он изучил мои документы, дал график тренировок, сказал:

- Я сделаю из тебя мастера спорта! Только не ленись! Надо много трудиться и успех придёт!

В плане тренировок кроме кроссов «фартлек», повторного, силового, интервального бега и прикидок, значилось довольно много занятий по ОФП (общефизической подготовке). Институт находился на пр. Ленина (между Волгой и Мамаевым курганом) и обладал отличной базой: легкоатлетический манеж и стадион, несколько зимних залов, волейбольные и баскетбольные площадки, два корта, бассейн, гребная база. Особенно пленила меня опилочная дорожка длиной один километр. Она шла прямо от Волги к Мамаеву кургану и заканчивалась у проспекта, т. е. всё время в гору. Это был силовой бег – один из самых трудных. Но на опилочной дорожке он отлично переносился, т. к. было мягко и ноги не забивались. Шорец сразу нагрузил нас! Вверх 10 x1000 м. (десять раз по тысяче метров) через двести метров медленного бега – было его излюбленное задание!

Скоро у меня всё тело загудело, я не успевал восстанавливаться, т. к. питание было ужасное, без мясного! Стипендия была очень маленькая – 22 рубля, что против 39 рублей в техникуме было очень значительно! Через полтора месяца с ужасом понял, что без помощи из дома просто не выживу! Написал слёзное письмо с просьбой о помощи, но мать и отчим молчали! Получил вторую стипендию, раздал все долги ребятам и в конце октября пришёл на вокзал с сумкой, в которой лежали летний и зимний костюмы, щиповки и кеды, которые получил в институте. Денег не было ни копейки! Проскользнул незаметно в вагон и забрался, как когда – то, на третью полку и затих. Всё прошло хорошо. Поезд был ночной и рано утром я был уже в Кисловодске.

Учёба моя в институте физкультуры не состоялась, но я не унывал. Сразу же написал в деканат заявление с просьбой перевести меня на заочное отделение.

Впереди, в какой уже раз, замаячила неопределённость. Поехал на электричке в Пятигорск к Вовке Жигульскому (я с ним переписывался). Они приехали из Сибири шесть лет назад и жили в старом фонде в районе горы Пост. Им вернули двухкомнатную

квартиру в доме с садом, где, кроме них, проживали ещё три семьи. Встретили меня очень приветливо. Мария Георгиевна была в передней. Она всплеснула руками:

- Мама! Вовочка! Смотри, кто к нам пришёл! Коля! Какой ты стал большой и красивый!

Вышел улыбающийся Вовка и бабушка. Все засуетились, собирая на стол. Меня здесь любили и уважали. Рассказал всё о своей неудачной учёбе в институте физкультуры. Вовка говорит:

- Брат! Всё, что не случается - к лучшему. Ну, стал бы ты мастером спорта. И что дальше? Что это за профессия? Работать всю жизнь с детками жалким тренеришкой за копейки? Педагог выискался. Что – то я не замечал у тебя таких наклонностей. Ты же грамотный, начитанный человек. Надо другое подбирать. Знаешь что? Я работаю контролёром на Пятигорском машзаводе. Там есть литейный цех. У тебя есть профессия металлурга. Пока иди туда - даже на рабочее место. А потом, может быть, перетащу к себе. Будем оба контропидорами!

И весело захохотал. Я спросил:

- Вовка! Но ты же окончил Астраханский речной техникум. Почему не работаешь по специальности?

- Брат! Это долгая история, когда – нибудь расскажу. А сейчас давай дербалызнем за встречу по стаканчику портвейна.

- Всё, Вовка! Я не пью уже три года и думаю, ещё лет семь – восемь ни за что капли даже в рот не возьму!

- Да ты что? Вот засадил тебя этот бег! Дался он тебе. Нельзя же лишать себя радостей жизни! Она у нас одна.

- Вот поэтому и дал себе зарок – добиться в спорте успеха. Через неделю у меня важный старт. А веселиться в меру можно и потом.

- Да – а – а! Потерял я друга. Ладно, бегай, чёрт с тобой! Пить у меня есть с кем - Эмиль. Того не оторвёшь от стакана.

Мария Георгиевна и бабушка поддержали меня:

- Вовочка! Вот какой Коля! Вот это друг - бери с него пример. А твой Эмиль до добра тебя не доведёт! Слишком часто вы стали гулять!

Этот первый разговор как бы стал прообразом дальнейших событий в нашей жизни. С осени 1959 по 1971 год я не выпил ни капли спиртного и добился многого в жизни.

По совету Вовки поступил на работу формовщиком в литейный цех Пятигорского машзавода.

И потекли будние дни. Время сжалось до невероятности! Добежать рано утром до электрички (а это три км. до станции Минутка, т. к. билет от неё до Скачек значительно дешевле), затем 45 минут езды до Скачек и оттуда ещё 1,5 километра до завода и опять вечером тот же путь. А затем ежедневная двухчасовая тренировка в парке или на стадионе, которую заканчивал в полной темноте. Кто это выдержит? Только фанатично влюблённый в спорт, каким я и стал.

Мне выделили уголок в цехе формовки, и в первый трудовой день на ручной формовке сделал только девять опок. Помню, на модели были какие – то барашки винтов. Весь день прокрутился – даже обедать не пошёл! Ничего не получалось! У других по сорок – пятьдесят опок и, к тому же, они не особенно стараются: больше болтают между собой. Особенно ловко работали высокий, смешливый Ковалёв и его друг – коренастый, рыжий Гусев. У них к концу смены было по пятьдесят пять опок. Когда мы пошли в душ, там Ковалёв начал подшкиливать меня:

- Вот ты даёшь, солдат! Сколько выдал опок! Тут приходил в цех твой друг, сказал, что ты какой – то чемпион! Мы уже было испугались, но если все чемпионы так работают, то нам и после пенсии надо здесь вкалывать.

Я молчал и скрежетал зубами.

Во второй день сделал четырнадцать опок, на третий – двадцать. Брака больше не было. Тяжёлая всё – таки работа формовщика! Тело всё ломило от новых, необычных нагрузок. Весь день приходилось ожесточённо работать трамбовкой, согнувшись пополам. Спина начала «клинить», руки, ноги болели. Решил снизить тренировочную нагрузку вечерами и стал бегать через день. Через месяц по опокам сравнялся со всеми! Это была победа! Но всё равно она мне давалась нелегко, т. к. другие делали работу играючи, а я практически не разгибал спины. Но постепенно приходил опыт! Мне всё легче и легче становилось выполнять норму – пятьдесят опок. Меня раздражали Ковалёв и Гусев – они всё время подшучивали надо мной. И я решил проучить их! Уже ближе к Новому – 1963 году в один день выдал шестьдесят опок, затем шестьдесят пять, семьдесят, восемьдесят! И все без брака! Все в цехе забегали. К нам хлынули нормировщики, контролёры и другие проверяющие. Вечером в душе собрались все формовщики и кинулись на меня. Особенно кричал Ковалёв:

- Прекрати показывать свой чемпионский характер! Нам всем уже из – за тебя подняли норму! Нахрена ты пришёл в наш цех? Выскочка! Подумаешь! Приходил фотограф, корреспондент. Ну, напишут заметку в газете! Ну, повесят твою физиономию на Доску Почёта. А нам что от этого? Пахать теперь, да пахать, чтобы эту копейку заработать!

Я понял, что сделал ошибку. Не надо отрываться от коллектива. Пообещал ребятам, что не буду больше «высовываться», а Ковалёву сказал:

- Это ты, дорогой, виноват! Всё время подтрунивал надо мной, злил. Вот я тебе и доказал!

В институт физкультуры послал уже два заявления. На первое заявление о переводе меня на заочное отделение ответили категорическим отказом. На второе - о высылке мне аттестата зрелости, сообщили требование: выслать посылкой летний и зимний спортивные костюмы, шиповки и кеды «в первоначальном состоянии», т. е. новые. Какой там! Я уже истрепал кеды и довольно поносил оба костюма! Плюнул на всё это.

Так и остался навечно мой аттестат зрелости в Волгоградском институте физкультуры...

В феврале 1963 года состоялось первенство Ставропольского края по кроссу в г. Карачаевске. Восьмикилометровая дистанция была очень тяжёлая, приходилось бежать в глубоком снегу. Пробежав её за 26 мин.20 сек. впервые, действительно, стал чемпионом края. Меня заметили. Написали об этом в газете «Кавказская здравница». Как передовика производства и спортсмена, поместили моё огромное фото на Аллее Славы в Цветнике по проспекту Кирова. Всего было 15 больших - более метра, портретов передовых людей Пятигорска, закреплённых на отдельных тумбах вдоль аллеи. И я в их числе! Это было уже какое – то достижение! Рассказал матери и отчиму. Они радовались и обещали приехать посмотреть.

Наступило лето. Теперь по воскресеньям ко мне в Кисловодск приезжал Владимир Жигульский на собственном мотороллере «Вятка». Белая рубашка, форменные брюки, бескозырка, шевроны из речного техникума – он был ослепителен! Всегда весёлый и чуть хмельной. Я сажусь сзади на второе место за ним, и мы мчим на озеро Тамбукан. Это тёплое грязевое озеро находится недалеко от Пятигорска, и оно полюбилось нам. Там уже все наши друзья и знакомые. Все веселятся, мажутся грязью, купаются. Меня они уже не трогают. Я не пью, и они смирились с этим. Всегда привожу волейбольный мяч, и мы играем, загораем, чёрные, как негры, от грязи.

Теперь отчим, приходя с работы навеселе, часто «пилит» меня:

- Вот сейчас ты устроился на работу. Оденешься, обуешься, а там и женишься. Где жить? В двух малюсеньких комнатах опять пятерым жить? А ещё дети у тебя пойдут!

Я сердился:

- Филипп Васильевич! У вас всё распланировано заранее. А я не собираюсь жениться!

Тот тоже разошёлся:

- Что, будешь всю жизнь бобылём? Беготнёй заниматься?

- Не беготнёй, а спортом. Мне только 24 года и жениться всегда успею.

Филипп Васильевич всегда всё оспаривал, петушился, кричал:

- Вот ты отслужил в армии. Уже мужик, а бегаешь в трусах по улице! Срам один! Люди мне говорят: сын у тебя – не того?

- Филипп Васильевич! Я не бегаю по улице, как вы говорите, а тренируюсь в парке. Не буду же в парк бежать в штанах! Приходится перебежать часть улицы до парка в спортивных трусах. И что тут такого? Просто ваши «люди» не знают, что такое спорт. Они тоже с того века, как и вы!

- Что толку от твоих тренировок? Что они дают? А вот сердце своё загонишь! Ой, Колька, Колька! Не доживёшь ты даже до пятидесяти лет!

Я понимаю, что спорить с Пастуховым бесполезно. Я разменял уже восьмой десяток лет и не мыслю дня, чтобы не пробежать в парке десятикилометровый кросс.

Летом приехал в отпуск из Нижнего Тагила мой брат Александр. Он отслужил в армии, закончил металлургический техникум, работал в литейном цехе Уралвагонзавода мастером, поступил в городе в институт на заочное отделение по той же специальности.

В воскресный день поехали в Пятигорск к Жигульскому. Встретились с ним, Долгополовой Валькой и Зиновьевой Зинкой. Взяли несколько бутылок вина, и пошли на Машук, радуясь встрече. Говорили о Сибири, о тех нелёгких годах, вспоминали всех друзей.

Жигульский сдержал слово – они с Эмилем через год перетащили меня в ОТК завода.

Летом в Ставрополе состоялось первенство края. Я пробежал 1500метров за 4 мин. 09 сек. и 5000 метров за 15мин. 40 сек.

Всё лето 1963 года успешно выступаю в соревнованиях. Появились новые друзья среди спортсменов.

Как – то на соревнованиях в Ставрополе ко мне подошёл коренастый кудрявый молодой паренёк и сказал:

- Давай знакомиться. Давно тренируешься? Ты из Кисловодска? А почему не выступаешь за наш город? Я, пока бегающий, тренер по лёгкой атлетике Маклаков Иван.

Я всё рассказал о себе. Иван говорит загадочно:

- В среду на следующей неделе давай встретимся и пробежим кросс в парке по всей Туристской тропе до Большого Седла, а там... посмотрим.

Я расспросил кое - кого и узнал, что Иван сильный бегун - перворазрядник по стипль - чезу (3000м. с препятствиями) и знатный тренер. Сразу понял, что мной заинтересовались и этот будущий кросс с Иваном что – то означает.

Надо ли говорить, что среды я ждал, как даже не ждут любимую девушку. Понимал, что мне предстоит экзамен, от которого многое зависит. Стоял тёплый октябрь, и я прибежал на встречу с Иваном, как на соревнования – трусы, майка, шиповки. Ваня рассмеялся:

- А шиповки – то зачем? Мы же не на стадионе!

Я что – то смущённо буркнул. Побежали кросс. На третьем, четвёртом километре Иван начал взвинчивать темп.

- Удержаться, удержаться, удержаться!

- стучало у меня в голове. Вот пошла вторая половина дистанции - мне с моими длинными ногами на спусках полегче. Но Иван был неумолим. Он продолжал «молоть», «поливать», ускоряться. Он прямо истязал меня. Пот заливал глаза, сердце бешено стучало, но я держался. Наконец, вверху забелело «Красное Солнышко» и Иван начал ослаблять бег. Побежали трусцой заминку, сказал:

- А ты ничего! Будешь работать в Кисловодске!

Сдержал слово! Я уволился с машзавода, к великому огорчению Вовки Жигульского, и стал работать методистом физкультуры на Нарзанном заводе. Перед этим состоялся разговор с Павлом Субботенко. Он возглавлял местное ДСО «Труд»:

- Ты там 90 рублей получал? Здесь будет 101. 61 рубль оклад методиста и сорок рублей мы будем тебе платить, как тренеру – общественнику (пол - ставки). А в будущем, когда женишься, будем добиваться тебе квартиру в старом фонде. Только тренируйся хорошо и защищай спортивную честь города и края.

Годы в шиповках.

Осенью 1963 года Вовка Жигульский познакомил меня с одной девушкой. Звали её Тамара.

Тамара - чернявая девушка с «острыми глазами» на немного скуластом лице - так и режет ими! Начали встречаться. Живёт она в Иноземцево (это за Пятигорском) на частной квартире. Мать, старшая сестра, брат. Живут очень бедно, как и мы. Как – то сразу получилось, что Тамара начала брать верх надо мной. Встречались мы по субботам, воскресеньям в Пятигорске и Кисловодске. В сентябре иногда увиливал от свиданий с Тамарой и проводил время с Вовкой на озёрах в Кисловодске, Ессентуках, Тамбукане, Железноводске и Пятигорске. Там мы отдыхали, катались на лодках (за исключением грязевого озера Тамбукан, где это запрещалось), встречались со знакомыми парнями и девушками. И везде она находила меня! Приходила на озеро иногда уже в конце дня, когда мы и не ждали её. Видно, весь день ездила по всем городским озёрам и искала меня. Появлялась, и как ни в чём не бывало, говорила:

- Вот вы где, голубчики!

Я поражался этому и думал, что девушка влюбилась в меня! Вовка же спокойно осаждал меня:

- Причём здесь любовь? Захомутила она тебя! Хочет замуж!

В конце января 1964 года Тамара начала действовать решительно:

- Давай поговорим! Ты хочешь на мне жениться? Если нет - скажу вот тебе что! У меня есть в Иноземцево парень - грек. Зовут его Пётр. Он уезжает в Грецию и берёт меня в жёны. Решай!

Я понимал, что она блефует, но мне было приятно, что девушка первая заговорила об этом, но... для женитьбы ещё не был готов, т. к. хотелось ещё вдоволь посоревноваться. Такого оборота событий не ожидал. Сказал ей, что подумаю. И вот ведь что странно! В сборной края, куда я попал, было много красивых девушек, но ни я, ни они не обращали внимания друг на друга. Мы вместе разъезжали на соревнования, много общались, но почему – то даже всерьёз не присматривались друг к другу. Все были поглощены своими «минутами и секундами» на беговой дорожке. Мы даже и не помышляли о будущем. Нам казалось, что жизнь бесконечна, и мы будем бегать вечно холостыми.

Зиму 1964 года тренировался в основном на Малом Седле. Высота над уровнем моря была здесь более 1200 метров, т. е. тренировки проводил в условиях кислородного голодания. Впереди были Олимпийские игры в Мехико, и тогда много писалось о высотных тренировках - как они полезны. Через год на Малом Седле начали строить Олимпийскую базу, так что, можно сказать, я первый освоил это плато для тренировок. На

Малом Седле в то время было пастбище для скота, никакого леса, как сейчас. Я расчистил немного от неровностей «тягун» метров четыреста, и через день тренировался в повторном силовом беге. Перестал встречаться с Тамарой.

Так прошёл месяц. В конце февраля вечером приезжаю в Пятигорск к Вовке. Он уговорил меня опять придти в клуб машзавода. Ярьсько давал там грандиозный концерт! Я уже знал многих танцоров, хористов и мне захотелось увидеться с ними. Вечер прошёл великолепно! Спешу на электричку, т. к. уже поздно. Вовка остался с Эмилом – у них свои девушки из ансамбля. Прохожу мимо освещённых окон деревообрабатывающего цеха, т. к. здание цеха располагается вдоль дороги на электричку. Там работает вторая смена. Людей мало. Вздрыгнул – в одном из окон вижу Тамару, закутанную в красный платок. Она работает на станке и ...плачет. Не верю своим глазам - тихонько сбоку подхожу к откосу окна. Слезы беззвучно текут по её лицу, щекам. Мне становится невыносимо жалко Томку! Я много месяцев встречался с ней и предал её! Лихорадочно соображаю:

- Она надеялась на меня, она любила меня, чтобы не говорил Вовка Жигульский! Что я сделал?

На одном порыве зашёл в цех. Подскочил к ней. Она вздрогнула. Сказал сдавленно, боясь сам расплакаться:

- Всё! Назначай дату свадьбы!

Какую огромную ошибку сделал в своей жизни! Пожалел её, и не подумал о себе... Мы с ней были явно не пара. У неё восемь классов образования, взрывной характер, спорт никогда не любила, интеллект..., да и остальное.... Но моя жалость в ту минуту обернётся в будущем трагедией...

8 марта 1964 года на Пятигорском ипподроме состоялся чемпионат Ставропольского края по кроссу - и в этот же день у меня была свадьба. Из Иноземцево мы, всего десять человек, выехали на «Чайке» в Кисловодск. На капоте машины восседал огромный плюшевый медведь, подаренный нам моим товарищем. Тамара, когда увидела подарок, тихо сказала мне:

- Лапчик! Если будет у нас первый сын, назовём его Мишкой!

Так оно и случилось...

Несмотря на энергичные протесты будущей жены и тёщи, машина заехала прямо на ипподром. Я быстро переоделся и стал на старт восьмикилометровой дистанции кросса. Стоял ветреный, холодный день, срывалась позёмка. Диктор видел нашу машину, разукрашенную лентами, и громко комментировал:

- У нас сегодня праздник – первенство Ставропольского края по кроссу! Но свой праздник есть и у прошлогоднего чемпиона края Углова Николая. У него сегодня свадьба! Но он на дорожке! Вот что значит любовь к бегу! Давайте болеть за него – он бежит под номером восемь!

В упорной борьбе на финише вырвал победу! Весь в ледяных слюнях, но счастливый! Ипподром взорвался – все рукоплескали мне! Лучшего подарка мне и не нужно было! Впереди были трёхнедельные сборы в Пятигорске – я завоевал их. На всю жизнь остался в памяти этот день! Такое не забывается! Все поздравляли меня со свадьбой и победой в кроссе.

Переоделся, и опять тронулись в путь. Подъехали на Овражную. Кто – то из женщин кричит:

- Молодые! Смотрите, как будете заходить в калитку, не наступите на порог! Это плохая примета!

Мы вышли из машины с Томой и ... дружно наступили на порог калитки! Филипп от досады крикнул. Тома была в синем платье, я в обычных брюках и белой рубашке. Никаких костюмов, никаких колец и даже никто не сфотографировал нас! Глядя на современные пышные свадьбы, всегда вспоминаю свою.

И потекла новая семейная жизнь.

Когда Тома стала моей женой, то её вес был 46 кг. Часто брал её на тренировки в парк. Находили укромный уголок и небольшую горку. Сажал её на плечи и бегал с ней много раз в гору, но на небольшое расстояние – метров на двадцать. Это была сильная тренировка! Томка хохотала, а я терпел и стойко переносил нагрузки! Как – то остановился недалеко от нас один отдыхающий и весело закричал:

- Спортсмен, смотри, не прогадай! Как бы твоя подруга в дальнейшем, действительно, не села тебе на шею!

Вспоминал не раз этого курортника, т. к. его предсказание сбылось. Вскорости Тома

забеременела, и я перестал с ней тренироваться, но попросил сшить мне полые пояса из брезента. Набил их песком и, как пулемётными лентами, перепоясался, стал с ними тренироваться. Очень тяжело было бежать, неся на поясе и плечах дополнительные восемь килограммов песка! Бег с отягощением дал результат – на стадионе стало легче соревноваться и побеждать.

Первые «медовые месяцы» были великолепны! Кто в жизни не вспоминает об этих счастливых днях? Молодость, молодость! Что может быть счастливее этих дней любви?

Как - то от завода пошли ранним летом на гору Развалка и Бештау. Посмотрев ущелье с вечной мерзлотой, отряд туристов заночевал в лесу рядом с небольшой речушкой. До поздней ночи сидели и пели песни у костра под гитару. Мы с Тamarой ночевали в одном двуспальном мешке и всю ночь целовались. Ночью пошёл дождь, но в палатках было уютно и комфортно. Утром все встали, раздувают костёр, т. к. всё мокро от сырого тумана. Зябко, неприветливо. Выскочил из мешка – кругом густой туман. Ничего не видно. А птицы в лесу заливаются! Залез опять в мешок, прижался к тёплой Тамаре. Слышу, кричат:

- Эй, молодожёны! Вставайте, сони! Хватит обниматься!

Вспоминаю летний тёплый день. Идём с Томкой из Иноземцево, где были в гостях у её подруги, по пыльной глинистой дороге на окраине села в свою Бородыновку. Вдруг хлынул стеной проливной тёплый дождь. Мы мгновенно промокли, сняли обувь, и пошли босиком по лужам, вскипающим от пузырей. Гром гремит, молнии сверкают, а мы беспричинно хохочем, плескаемся из луж грязной водой, целуемся и обнимаемся. Как прекрасны эти редкие минуты счастья! Что нам мешало провести всю жизнь вот так? Нет ответа...

22 января 1965 года у нас родился первенец – назвали его Миша.

Зимой 1965 года тренер сборной СССР дважды олимпийский чемпион Владимир Петрович Куц привёз сборную стайеров в Пятигорск. Сборная СССР готовилась к кроссу «Сатус» в Швейцарии. В этот раз почему – то не приехал легендарный Пётр Болотников. А до этого он приезжал на сборы в Пятигорск ежегодно и мы ходили «табуном» за ним, не веря глазам своим, что рядом с нами находится легенда нашего спорта. Меня с Аносовым подключили на месяц к тренировкам сборной. Трёхразовое питание на три талона по 2 руб. 50 коп. в ресторане было шикарным.

Знаменитый Куц - вот он, рядом, за соседним столиком! Мы украдкой наблюдаем за ним, не сводим глаз. Сильно располневший, он прекратил соревнования и тренировки. Его назначили главным тренером сборной стайеров. Бывший моряк принципиально носит морской чёрный бушлат. Заходит в зал, здоровается со всеми, вешает бушлат и головной убор на круглую вешалку в углу зала, садится за стол с двумя другими тренерами. Достает «мерзавчик», выпивает полстакана водки, кушает, затем стакан очень крепкого чёрного кофе - и так в обед и ужин. Я уже шесть лет не употребляю ни капли водки. Недоумеваю, почему Куц так делает. Витька тихо говорит:

- Знаешь! Он перестал тренироваться - и сердце начало лениться. Ведь какие нагрузки он давал, слышал? На стадионе 50 раз по 400 метров за 65 секунд каждый круг! Сумасшедшие тренировки закатывал! А теперь он так «гоняет» сердце. Ведь пульс – то возрастает невероятно от водки с кофе!

Тренировались мы по два часа ежедневно, плюс утренняя часовая зарядка.

Запомнилась одна тренировка на поляне горы Машук. Кругом белым – бело. Ночью выпал глубокий снег. Прибежали прямо из гостиницы «Бештау» на большую поляну, что выше места дуэли М. Лермонтова. Куц озабоченно хмурит брови:

- Снега 10 – 15 сантиметров, а у нас сегодня тяжёлая тренировка: 20 x1000 метров по 2 мин. 50- 52 сек. через 400 метров медленного. Последний отрезок в полную силу! Постарайтесь на 2 мин. 40 сек. Всё! Засаекаю! Пошли!

Мы с Аносовым почтительно в хвосте группы. Снег, как песок, плывёт из под ног. Тяжело. В конце отрезка темнеет в глазах. Куц с двумя секундомерами в руках. Первыми отрезками недоволен, кричит:

- Вы не чувствуете времени!

На нас после двенадцатого отрезка, пройденного за 3 мин. 15 сек. зыкнул:

- Перворазрядники! Хватит! Уже вижу, наелись!

Мы уже зрители. На плечи накинули одеяла, заботливо привезённые Владимиром Куцом на «Москвиче».

И вот он - двадцатый километровый отрезок! Дорожка утоптана уже основательно. Пар валит от всего «табуна», как в бане. Все несутся как бешеные. Финиш разыграли Вильт, Орентас и Микитенко! Куц доволен, кричит:

- 2 мин. 35 сек.! Хорошо! Всем в гостиницу!

И вдруг оборачивается к нам, в каком – то порыве полуобнимает рукой меня:

- Бедненькие! Вижу, как устали! Завтра отдыхайте!

Я весь захожусь от волнения и «готов выпрыгнуть из себя»! Такой человек обратил на меня внимание и даже обнял!

Больше человека – легенду, великого Владимира Куца, я никогда не видел. Он уехал, а со сборной остались другие тренеры...

С рождением сына нам стало жить ещё хуже, т. к. денег катастрофически не хватало.

Вспоминаю одно первенство края в Ставрополе. Собрались все сильнейшие стайеры края. На «полторашке» с результатом 4 мин. 01 сек. был третьим. На «пятёрке» у меня второе место – 14мин. 58 сек.

В Волгограде пробежал кросс 8 км. за 24 мин. 38 сек. и попал на месячные сборы.

В 1966 году председатель Спортсоюза, а также мой шеф - председатель ДСО «Труд» Павел Субботенко добились мне в горсовете квартиру. Однокомнатная квартира по переулку Узкий 7 была в старом фонде, но радости моей не было предела! Полуподвал, удобства на дворе, но есть малюсенькая кухня с газовой плитой и вода во дворе. Есть даже кладовка. Наконец, мы живём отдельно и ни от кого не зависим.

Я стал теперь бегать на тренировку в парк мимо «Стеклянной струи» и изогнутого мостика «Дамский каприз» по крутой лестнице на Сосновую горку, а затем мимо Первомайской поляны на свою любимую Туристскую тропу.

С 1963 по 1967 год в составе сборной края участвую в финале всесоюзного легкоатлетического кросса на призы газеты «Правда» в Москве на ипподроме.

В очередной раз сборную стайеров привёз на Кавминводы Николай Пудов – приятный во всех отношениях человек. Он только что «сошёл с дорожки» - был сильным мастером спорта в стайерском беге.

Николай Иванович Пудов внимательно отнёсся ко мне и дал подробные графики тренировок.

В 1964 году пробежал в Ростове 10000 метров за 30 мин. 43 сек., а «малый марафон» (30 км.) в Орехово – Зуево на приз газеты «Труд» за 1 час 45 мин.

В 1965 году «пятёрку» пробежал в Волгограде за 14 мин. 29 сек.

Кросс «Правды» на ипподроме Москвы. На «восьмёрке» победил олимпийский чемпион неугомонный Пётр Болотников. За ним Иванов, Ефимов, Тюрин, Конов, Хузин. У меня результат 24 мин. 15 сек.

«Малый марафон» в Орехово – Зуево пробежал за 1 час 41 мин.

А результаты на следующий год ещё выросли. Тридцать километров в Орехово – Зуево пробежал за 1 час 39 мин.

Опять кросс «Правды» в Москве. 8000 метров: Хлыстов, Байдюк, Аланов, Гайлис, Безделов, Дутов. В сильнейшем забеге с этими непревзойдёнными мастерами спорта я тоже здорово выступил!

Радостный, побежал на почту. Даю телеграмму в Кисловодск Ивану Маклакову:

- Есть высшее достижение края в кроссе на 8 км. – 23мин.43,8 сек.!

Рекорды на кроссовых дистанциях не засчитываются - только высшие достижения, т. к. трассы кроссов бывают разные по сложности.

Моё достижение продержалось в крае более двадцати лет, как и фотография в спортзале школы №7 в городе Кисловодске, повешенная благодарным физруком Валентином Кадуриным.

Сборная стайеров под руководством знаменитого Владимира Куца уехала из Пятигорска на международный кросс рабочей газеты «Сатус» в Швейцарии. Читал в «Советском спорте», что там наши ребята заняли все призовые места. Радовался за них, вспоминая совместные тренировки. Подружился с мастером спорта Николаем Харечкиным. Он был членом сборной РСФСР. Мы частенько с ним тренировались на Туристской тропе. Во время отдыха в виде лёгкого бега после очередного ускорения – рывка, Коля рассказывал мне о сказочных странах – Франции, Англии, Швеции, Америки, где он побывал со сборной РСФСР. Это сейчас каждый человек с деньгами может побывать где угодно, а в то время существовал «железный занавес» и простому смертному тогда и не грезилось туда поехать. Зачарованно слушал его, мечтая и сам когда – нибудь посетить хотя бы одну из этих стран. Знал бы тогда, что мечты осуществляются лишь в старости, когда полечу на «Боинге» со сборной ветеранов России на чемпионат Европы в Швеции! Это случилось в возрасте 67 лет, когда я стал чемпионом России среди ветеранов лёгкой атлетики в своей категории на дистанциях 800 и 1500 метров. Но об этом позже...

Круговерть.

*Пыль суеты сует сметая, ты вспомни вечность наконец,
И нерешительность святая вольётся в ноги, как свинец.
Когда шагаешь к цели бойко, как по ступеням, по телам,
Остановись, забывший Бога - ты по себе шагаешь сам!*

Евгений Евтушенко.

Начинаю работать техником в Управление главного архитектора города. О работе в архитектуре я уже писал в первых главах книги. Добавлю некоторые факты. У главного архитектора был «медовый месяц» - второй брак. Жена – молодая и красивая, тоже архитектор. Часто, заходя в кабинет, видим одну и ту же картину: они не наглядятся друг на друга, беседуют, без конца пьют кофе, спорят о работе, иногда она сидит у него на коленях. Прекрасное время у молодожёнов! У меня же дома бесконечные скандалы - завидую им. Секретарша – глупенькая, но чрезвычайно красивая девушка, кажется, армяночка или еврейка. Большие чёрные глаза и шелковистые ресницы – это чудо! Почему красивые девушки бывают такие глупые? Как – то прибегают на работу утром она, взволнованная и счастливая. Обращается:

- Девочки! Сегодня не спала ночь! Я Эдуарда Хиля видела! Приехала в пять утра с первой электричкой в Пятигорск с большим букетом роз – весь палисадник у матери втихаря вырезала. Хиль прибыл на поезде в пять пятнадцать. Думаю, я одна. А там что творится! Человек двести таких дур, и все с цветами! Не пробиться к нему!

Про себя думаю:

- Про дурочек ты правильно сказала. Эх, Соня, Соня! Причём здесь этот певец? По себе надо выбирать. Какие вы падкие на этих шутов! Глупые всё – таки женщины...

Первое время, когда из газеты «Кавказская здравница» все в архитектуре неоднократно узнавали, что «техник – строитель Николай Углов из Кисловодска сделал рывок на финише и стал победителем на дистанции и т. д.», то радости не было предела! Оказывается, этот Николай, вот он – рядом! Все поздравляли меня, все гордились мной! Но по мере того, как я начал постоянно ездить на соревнования и сборы, отношение на работе менялось.

В 1966 году я выиграл кросс в Волгограде на 8км. – Юг зоны России и на месяц отправился на сбор в город Тракай Литовской ССР.

Финал всесоюзного профсоюзно – комсомольского кросса проходил в парке Вигнис в городе Вильнюсе и запомнился на всю жизнь.

Месяц мы тренировались, бегая кроссы по красивейшим местам: перелески, мох, болота и озёра. Всё это мне напоминало Шегарку. Ноги по мягким тропинкам не забивались, объёмы тренировок были большие. Жили в небольшой гостинице в лесу на берегу озера. Деревянные мостки между озёрами, мшистые дорожки в сосновых лесах, море воды, зуд комаров, крики чаек. Как прекрасна там природа!

И вот настал главный старт! Было много народа. Почти вдоль всей трассы стояли сотни людей с флажками, играл духовой оркестр, а на финише, у музыкальной раковины, вся огромная поляна была заполнена людьми, стояли микрофоны и велись телерепортажи. Я записан в первый – главный забег. В нём участвует более сотни мастеров спорта. Здесь собралась вся «конюшня» СССР. Да, сильные были в то время стайеры! И сколько их! Мы были «законодателями мод» в лёгкой атлетике! Государство заботилось по – настоящему о легкоатлетах. Не то, что сейчас! Никому нет дела в стране до «королевы спорта» - лёгкой атлетике! Нет в правительстве ответственного министра за неё, и влачит российская «королева» жалкое существование «бедной Золушки». А зря! Больше всех медалей приносит она России на чемпионатах мира, Европы, Олимпийских играх! А престиж страны? Здоровье нации?

Радостный, ехал назад с соревнований. Выступил очень успешно. «За спиной остались» десятки МС (мастеров спорта) и КМС (кандидатов в мастера).

По приезду в город узнаю, что умерла столетняя бабка, жившая над нами. Тамара говорит:

- Давай скорей, добивайся её квартиры! Она больше по площади, светлая, высота потолков, говорят, в два раза выше нашего подвала, кухня тоже больше, есть балкон.

Иду в горспортсоюз. Там помогают и со мной идут на приём к председателю исполкома. Всё решается положительно, и через полмесяца мы переходим этажом выше. Комната прекрасна! Приходят в гости мать и Филипп Васильевич – не нарадуются на квартиру.

В то время в городе была всего одна городская баня. После ежедневных тренировок я «был всегда в мыле». В баню не набегаешься. Пока тренируюсь, Тома греет воду на газовой печке в двадцатилитровой кастрюле. Прибегаю, сажусь посреди комнаты в цинковую ванночку, наливаю воды и начинаю плескаться. В итоге вся вода оказывается на полу. Вытерся полотенцем, и давай мыть полы! Так пять лет купался дома после тренировок и ежедневно мыл полы! Тамаре это очень нравилось – полы всегда были чистыми. Я мечтал о душе и ванне, но получил их только с новой квартирой в 33 года - в 1971 году после того, как окончательно «сошёл с дорожки»!

Итак, «поиск себя и своего места в жизни» затянулся. Надо было уже остановиться, оглядеться, поразмышлять. Чем – то надо жертвовать, где – то надо рисковать, что – то надо менять в жизни. И под «первый удар жизни» попадал мой любимый бег! Он очень помогал мне, но и стал откровенно мешать. Благодаря бегу получил прекрасную возможность узнать многие города Советского Союза. Кроме того, значительно укрепил

своё здоровье, и те 40 рублей, которые мне платили в ДСО «Труд» очень помогли в борьбе с бедностью. Ну и главное, получил дважды квартиру от спортсоюза, которую никогда бы в иных случаях не дали в то время молодому человеку. Но на работе спорт стал мешать. Не всем начальникам нравится отсутствие на работе подчинённого. Не только в архитектуре, но и в институте спорт стал приносить огорчения.

Написал заявление на увольнение.

В день своего рождения 26 июля 1967 года поступаю в домостроительный комбинат, где проработал 45 лет и прошёл все ступени роста - от разнорабочего до начальника.

Запомнился на всю жизнь один поздний вечер. Сажу в зале отлёта со спортивной сумкой в аэропорту Борисполь. Сегодня был восьмикилометровый кросс в парке Киева. Выступил от Ставропольского края хорошо, но получил растяжение голеностопа. Самолёт на Минводы вылетает ночью. Тело гудит.

Начинаю дремать под разговоры и песни из большого телевизора, установленного в зале довольно высоко. И вдруг дрёма мгновенно улетает. Поёт хор Пятницкого «Бродягу». Высокие женские голоса прямо – таки «режут» по сердцу:

*Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой,*

*"Я там вдали, за синим морем
Оставил родину свою,
Оставил мать свою старушку,
Свою любимую жену..."*

*Умру..., в глухой тайге заройте!
Заплачет вся моя семья,
Жена найдёт себе другого,
А мать сыночка никогда...*

Я разволновался: Сахалин, дядя Вася, жестокая судьба бродяги. А женские голоса начинают петь другого «Бродягу»:

- Бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...

Всегда любил эти песни, но в исполнении хора Пятницкого они звучат невероятно! Разволновался окончательно, когда в очередной раз грянули мощные женские чистые голоса:

- А брат твой давно уж в Сибири, давно кандалами гремит...

Думаю:

- Бродяга с сумой, Сибирь, мать, брат, «отец твой давно уж в могиле сырою землёю зарыт»... Не напоминает ли эта старинная русская песня про тебя? Всё было в жизни у меня. Сибирь, проклятая судьба, попрошайничество, бродяжничество, скитание, угнетение, неустроенная семейная жизнь и т. д.

Для чего живу на свете? Вот здесь один сижу в зале среди незнакомых людей. Кому я нужен? Выйду сейчас из здания аэропорта, залезу на крышу по пожарной лестнице и выброшусь к чёртовой матери! И никому не будет до этого дела! Самоубийцы.... Это смелые люди или наоборот? Что они испытывают перед этим? Ведь смерть – это высший экзамен для человека! ... Почему вдруг так люди делают? Что происходит у них в душе? А вообще, для чего жить? И что такое жизнь и смерть? Что изменится, когда мы уходим в мир иной? Ничего! Абсолютно ничего! Столько людей на свете...

Мы песчинки в этом мире. Кто я здесь? Вдовино, Шегарка, Нина Суворова – всё в прошлом... Где мои друзья? Талик Нестеров, Костя Чадаев, Вовка Жигульский и Афанасий Кобзев? Было бы в жизни так – всё время с ними рядом жить! Вот было бы здорово!

Что будет дальше? Как жить? Закончу спортивные выступления, чем заняться? Жить тоскливо до самой старости? Нет ничего лучше у человека, чем его детство! Это лучшая пора в жизни!

Разволновавшись, начинаю, в какой уже раз, предаваться сладостным воспоминаниям:

- 1952 год. Мы втроём, с братом и Афонькой, идём проверять петли на зайцев. Стоит чудесный солнечный денёк. Деревья все в белом куржаке. Снег искрится и скрипит. Мы весело переговариваемся. Выходим на большую поляну. На краю её, вдалеке, склёвывая алые ягоды калины, сидит большая стайка белоснежных куропаток. Мы все втроём, не договариваясь, кричим задорно и громко:

- Пах! Пах! Пах!

Куропатки, неистово треща крыльями, взлетают, обдавая всё вокруг снежной пылью. И вдруг, совсем рядом, из куста выскакивает матёрый беляк. Он невероятно быстро помчался через всё поле к тем кустам, где только что сидели куропатки. Мы ещё сильнее весело заорали и засвистели:

- Ату! Ату! Ату его!

Заяц почти добежал до кустов, как вдруг его настиг огромный филин. И откуда он выскочил? Удар в беляка! Поднялся огромный снежный фонтан!

Мы враз оцепенели, а потом радостно заорали:

- Ура! Филин промахнулся!

Так и есть! Крупная серая птица нелепо барахтается в сугробе, а белая благополучно скрывается в лесу. Радости нашей нет предела!

- 1949 год. Детдом. В большом зале идёт Новогодний концерт. Смех, гвалт, веселье. Периодически почтальон с бородой из пакли на «тройке лошадей с бубенцами» (трое малышей в упряжке) бегают по кругу вокруг ёлки, а затем останавливаются, разворачивают треугольники поздравительных писем и громко зачитывают. Мне так хочется, чтобы и меня кто –нибудь поздравил, но ... нет! В основном поздравляют девочек с Новым Годом и желают хорошей учёбы. Вижу счастливую Нинку Суворову. Бегу в учительскую. Там на столе лежат для писем – записок несколько чистых тетрадей и три чернильницы с ручками. Торопливо пишу, чтобы не увидели. Бросаю его в деревянный почтовый ящик. Жду, не дождусь, когда почтальон зачитает моё письмо. И вот он громко читает:

- «Нине Суворовой. Ба, да тут любовная лирика! Слушайте. *Где – то там тоскливый чибис пролетает ввысь. Нина, милая дивчина, жду и жду - ты отзовись!*»

Немного растерянно, почтальон вызывает Нину Суворову к ёлке. Та, вспыхнув, убегает из зала, мельком бросив взгляд на меня. Почтальон оценил ситуацию:

- А где же этот прекрасный рыцарь? Ну! Выходи, молодой человек! Не бойся! Ты же просто молодец!

Я прячусь за спиной матери и Филиппа Васильевича. Думаю, многие догадались, но пощадили меня. Почтальон тоже это, видно, понял и начал зачитывать другие письма...

- 1958 год. Вечер. Мы сидим в красном уголке общежития техникума. Играет патефон. Кто читает, кто играет в шашки и шахматы. Входит с гитарой весёлый Томашевский – мой земляк из Невинномыска. Тряхнув кудрями, громко запекает:

- *Раз пчела в тёплый день весной, свой пчелиный покинув рой,*

Полетела цветы искать, и нектар собирать.

А внизу по траве густой, за ней гусеница с тоской,

Всё ползёт, устремив свой взор на пчелу и простор.

Мы все неистово любили Томашевского. Бросив все свои занятия, мы громко и дружно подхватили:

- *И от страсти, сгорая, она, со слезами сказала:*

- *Я люблю тебя пчёлка, ответь, как с тобой улететь?*

На шум прибежал комендант общежития с дежурным:

- А ну, прекратите петь эту пошлую песню!

Всё! Настроение у всех испорчено, и мы расходимся по комнатам.

Вспоминаю армию, и тут раздаётся команда на посадку...

Смертельный случай.

Как – то летом вся бригада монтажников, работавшая в первую смену, идёт к железнодорожному вокзалу Ессентуков. Все мы из Кисловодска. Дорога от трёх высотных пансионатов, которые мы строили, проходит мимо стадиона. Там всегда шумно, меня тянет на беговую дорожку. Ребята уже все знали, что я бегун на длинные дистанции и даже неоднократно приходили за меня болеть на стадионы Кисловодска, Пятигорска и Ессентуков. Уговариваю зайти на стадион. Там тренируются футболисты – команда класса «Б», но, как впоследствии выяснилось - все мастера спорта. Самый заводной из наших - сварщик Митрофанов, подходит к тренеру футболистов и говорит:

- У нас есть монтажник. Он всех ваших футболистов обгонит! Давайте посостязаемся!

Тот не смотрит на него, что – то кричит своим футболистам, затем нехотя откликается:

- Может он и обгонит на расстоянии десять – двадцать метров. Всякие люди бывают, а вот пусть попробует продержаться 90 минут на поле, непрерывно бегая! Молодой человек! Это мастера спорта, а не монтажники!

Митрофанов подходит ко мне, консультируется», опять говорит тренеру:

- Давайте на спор! Наша бригада покупает вам ящик коньяка, если наш монтажник проиграет. Условие: каждый ваш футболист бежит круг, затем бежит другой футболист, третий и т. д., а наш монтажник один. 12 кругов – это 4800 метров. Наш Николай выиграет у ваших всех футболистов не менее полкруга!

Тренер смеётся:

- Молодой человек! Вы, извините, наверное, выпили. Давайте, не мешайте мне!

Тут подхожу я:

- Извините! У вас же есть в графике тренировок свободный бег на выносливость? Давайте посоревнуемся!

Тренер смотрит на меня:

- Хорошо! В субботу к 11 часам сюда приходите!

В следующую субботу вся бригада на стадионе. Я начинаю разминаться, медленно бегаю круг за кругом. Футболисты с интересом смотрят на меня, смеются, подшучивают:

- Уже полчаса бегают, пугает нас.

Закончил разминку. Снял спортивный костюм. В шиповках, в белых трусах и майке с надписью «Ставропольский край» (она и сейчас у меня лежит дома - когда вынимаю, любуюсь, вспоминаю). Футболисты улыбаются, качают головами:

- Похоже, и вправду ещё тот орешек, раз решился на это! Но ничего, проучим!

Побежали первый круг. Первый футболист рванул так от меня, что уже к двумстам метрам обогнал метров на пятьдесят. Вся футбольная команда хохочет, а бригада растерянно смотрит мне вслед. Но я всё знал и всё рассчитал. Буду «шлёпать» круги по 71- 73 секунды, что для меня относительно комфортно, а для футболистов губительно. Они бегают рывками и быстро, но бегать даже на средние дистанции (не говоря о длинных) с равномерной скоростью абсолютно неспособны - сразу выдыхаются. Так и получилось: футболист быстро «сел на жопу» - ноги не выталкивают таз. Я легко достал его и обогнал к концу круга метров на десять. Следующий футболист догнал меня, вихрем пронёсся мимо. Опять обогнал метров на сорок, но всё повторилось снова – я уже впереди метров на двадцать. Шестой футболист уже отставал от меня метров на сто! Команда футболистов прекратила сопротивление, а один из них в отчаянии крикнул:

- Как заведённый лупит! Он что у вас - без сердца?

Монтажники ликовали, а футбольный тренер подошёл ко мне и потрепал по плечу:

- Молодец! Вижу, что ты настоящий спортсмен! Преподавал хороший урок моим, чтобы не задавались...

Была весна 1971 года – заканчивалась моя заочная учёба. Живу в Ростове на частной квартире - идёт дипломное проектирование в Ростовском инженерно – строительном институте. Волнуюсь, не ем, не сплю. До утра сижу в большом зале, заставленным чертёжными кульманами. Ежедневно вывешивается график дипломного проектирования. Я на первой позиции, но всё равно работаю, как одержимый. Ко мне подходит руководитель проекта с красивой девушкой:

- Николай! Ты у нас отличник, впереди всех. У меня просьба, помоги вот этой девушке Вере Лысенко. Она очница. Отстала сильно и речь уже идёт об её отчислении и переносе защиты диплома на следующий год. Тема её диплома близка к твоей: «Здания повышенной этажности в сейсмозонах».

Знакомимся. Девушка – чудо! Небольшого роста, полногрудая, огромные голубые глаза, курчавые русые волосы. Стал интенсивно помогать ей. Нашли свободный кульман, и она ушла из очного отделения - поставила кульман рядом с моим. Три месяца нас сблизили до неимоверности!

На диплом вышел первым по графику – первым меня и поставили защищаться! Через три дня защитилась Вера Лысенко. Взяли с ней бутылку шампанского, и пошли через Ворошиловский мост на Левбердон (так назывался левый берег Дона, поросший сплошным камышом).

Зашли далеко от берега, в самые гущи камышей. Выбрали сухой участок, расположились, выпили, оба счастливы. Вера нежно смотрит на меня:

- Коля! Как я тебе благодарна! Если бы не твоя помощь, корпеть бы мне ещё год в этом институте!

Начали целоваться. Вера говорит:

- Коля! Мне дали распределение на работу в Абакан. Поедем со мной!

- Вера! Как ты это себе представляешь? У меня жена, сын, хорошая работа в Кисловодске.

- Я люблю тебя! Бросай всё! Вот увидишь, мы будем счастливы!

- Нет, ни за что! Я воспитывался без отца и не хочу, чтобы сын мой испытал такое же! Ты мне очень нравишься, но... семья дороже.

Вера обнимает меня, мы самозабвенно целуемся, она плачет:

- Ты надёжный! Я не найду больше такого! Умоляю, поедem вместе! Я девушка – ещё ни с кем не встречалась. Если не веришь в мою любовь – я готова на всё...

Сзади раздаётся негромкий треск камыша. Вера вскрикивает. Я мгновенно вскакиваю, схватив в правую руку пустую бутылку из - под шампанского. Это спасло нам обоим жизнь!

В трёх шагах от меня стоит здоровенный детина в наколках. Мы оцениваем друг друга и молчим. В голове пронеслось:

- Лишь бы успеть отскочить и со всей силы нанести ему удар по лысой голове!

Шайтан криво усмехнулся:

- Ладно, живите! Быстро проваливайте отсюда!

Схватил за руку Веру, не выпуская бутылку. Оглядываясь во все стороны, побежали, ломая камыш. Вздохнули с облегчением только на берегу Дона.

Вера, запыхавшись, говорит:

- Это беглые тюремщики. Их на левом берегу Дона в камышах полно – люди говорили. Как это я забыла? Зачем мы пошли сюда? Господи, чуть не убили нас!

Уже поздно. Мы успокоились и пошли к Вере домой. Она жила в небольшом частном домике. Идём, обнявшись, очень долго. Уже три часа ночи. Стоит дивная тёплая ночь. Звёзды на небе, полная луна, запах цветов дурманит голову. Переходим через какой – то овражек. Вера тянет в гущу кустов:

- Коля! Я не могу...

Изо всех сил сопротивляюсь, понимаю, что могу сделать подлость, но... Как устоять? Вера жарко обнимает, горячо дышит в ухо:

- Родной... любимый... только ты!

Случилось непоправимое...

Наконец, заочная учёба в РИСИ закончена. Многие студенты так и не закончили институт. Не избежал горькой участи отчисления и мой лучший друг Владимир Жигульский. Вспоминаю встречу с ним после окончания первого семестра:

- Вовка! Сегодня сдал высшую математику! Я так боялся её!

Владимир говорит с апломбом:

- Какая высшая математика на первом курсе? Это чепуха.... Вот когда начнётся раздел «Ряды», вот тогда ты узнаешь истинное лицо высшей математики! У меня остался со второго курса хвост по «Рядам». Понимаешь, попался гавённый преподаватель! Он не терпит возражений! Я с ним начинаю спорить – он принципиально мне не ставит положительную оценку, хотя я знаю в своей группе этот раздел лучше всех!

- Вов! А ты не спорь с ним! Они все не любят этого! Смирись! Ты же грамотный, я в этом тоже уверен. Подчинись!

- Ни за что! Ты же знаешь мой жизненный принцип: никому не подчиняться, всех плееев презирать! А этот преподаватель – неуч, к тому же настоящий плеебей!

- Зря ты так! Погубит он тебя!

Так и случилось. Я уже стал инженером - строителем, а Вовку исключили из института на четвёртом курсе – он так и не сдал злополучные «Ряды»! Мне было искренне жаль друга. Но Вовка не унывал:

- Ты знаешь? Ульянова тоже исключили из института, а он потом перевернул весь мир!

- Ты что? Тоже намерен перевернуть этот мир? Не то время. Царский режим был очень либеральный, поэтому подобные «ульяновы» и воспользовались этим. Наши же правители сразу хребет ломают! Не забывай, где мы были...

17 июля 1972 года у нас родился сынишка Игорь. Как мы радовались этому событию! Два сына – это невероятно хорошо для отца! В будущем Игорь станет инженером – строителем, предпринимателем, депутатом городской Думы. Преемственность поколений – это хорошо! Жизнь в стране и у нас налаживалась – это придавало сил и бодрости! Два сына, здоровье, высшее образование, новая квартира, любимая работа – что ещё надо для человека? Оказывается, не всё! Не было личного счастья в семейной жизни, не было гармонии в отношениях и настоящей любви...

Обычный рабочий день. После распределения техники в диспетчерской остаются два – три человека и начинается очередная «пикировка» прораба Салпагарова и секретаря парткома Жеглова. Исмаил со своим народом - карачаевцами был в ссылке, и люто ненавидит правителей – коммунистов.

Я их тоже ненавижу, но скрываю это, т. к. помню историю с поступлением в Ессентукский аэроклуб. Исмаил «заводит» Жеглова:

- Вчера видели по телику, как ваш патрон Брежнев облизывался с Вальтером Ульбрихтом? Они что, гомосексуалисты?

- Салпагаров! Моли Бога, что сейчас не те времена. За такие слова...

- А что я сказал? Настоящие мужчины при встрече жмут руки друг другу. А эти, тьфу! Противно смотреть! Это ваш генсек, с которого смеётся весь мир!

- При этом генсеке ты получил высшее образование в Ростовском инженерно – строительном институте и работаешь, руководишь людьми! Стал инженером – строителем!

- Если бы не было вашего злополучного социалистического строя и железного занавеса, я, возможно бы, окончил Кембриджский, Гарвардский или Стэнфордский университеты!

- Ошибаешься, дорогой! Ты бы... пас баранов в горах, как твои деды. Советская власть всё дала твоему народу – землю, жильё, свободу!

- О чём вы говорите? Советская власть погубила половину нашего народа! И не только нашего, а десятки других народов! Вы – то прекрасно знаете это! И никто из ваших руководителей – коммунистов не ответил за это! Но история ещё не кончилась!

- Исмаил Магометович! Идите работать и не портите мне нервы. Не нам решать судьбы истории...

Я всегда с интересом слушал споры моего друга с парторгом, но никогда не вмешивался, зная, чем это может кончиться.

Я решил учиться дальше! При Главке в Пятигорске организовали 4 – х летний институт ЗОИПРОП (заочный институт по подготовке руководителей производства).

Теперь три раза в неделю по вечерам после работы я ездил в электричке на занятия. Было очень трудно и тяжело, бросив всё, ездить туда через день, но в то время повышение своей грамотности и квалификации для меня было приоритетным. Экзамены становились ежегодной нормой для меня! Я сам впрягся в это ярмо. Школа, три года Липецкого техникума, ШМАС, институт физкультуры, РИСИ, а теперь ещё четыре года в ЗОИПРОПе. Вовка Жигульский не одобрял моей тяги к учёбе:

- Друг мой! Учись, не учись, дураком помрешь! Жизнь одна – бери от неё всё!

И вот институт закончен! Как радовался своему третьему диплому в жизни! Он, возможно, был для меня самым ценным, т. к. семейному человеку гораздо труднее учиться, чем молодым и холостым. И вот что ещё надо сказать. В настоящее время многие учатся за деньги. Мы в то время не знали этого. На все экзамены, курсовые, дипломы не истрачено ни копейки! Только свой труд! Так и должно быть всегда!

Жизнь показала, что семнадцать лет непрерывной учёбы не пропали даром...

Встреча с детством.

*Проклятье века – это спешка, и человек, стирая пот,
По жизни мечется, как пешка, попав затравленно в цейтнот.
Остановись на полдороге, доверься небу, как судье,
Подумай – если не о Боге – хотя бы просто о себе.*

Евгений Евтушенко.

Я собираюсь, наконец – то, в Сибирь – хочу посетить Шегарку! Прошло уже двадцать два года, как я расстался с «детством». Даже не верю, что вновь увижу свои места. Собираюсь с волнением. Незадолго перед этим узнал из письма Дуси, которая проживала в Октябрьском с моим отцом, что у неё родился сын, и в честь меня его она назвала тоже Колей. Отец, оказывается, знал, что она была беременна на четвёртом месяце, но неожиданно погиб. Это меня несказанно взволновало! У меня есть ещё один брат! Я давно собирался на Шегарку, но это событие ещё больше подхлестнуло меня. Когда вопрос с отпуском был согласован, предложил Тамаре:

- Тома! Едем на Шегарку! Ты знаешь, там прошло моё нелёгкое детство, а теперь ещё выяснилось, что от моего отца у тёти Дуси есть сын! Представляешь? Ещё один мой брат! Тамара говорит:

- Поезжай, поезжай один! Ты мне надоел со своей Шегаркой! Брат, Шегарка... Что ты так рвёшься туда? Может, вместо Шегарки у тебя там баба?

- Тома! Ну, какая баба? Я же уехал оттуда в шестнадцать лет!

- Да не верю я мужикам!

- Ну, веришь, не веришь - это твоё право. А я покупаю один билет на самолёт до Новосибирска.

Купил билет и вдруг за два дня до вылета Тамара заявляет:

- Я лечу с тобой!

Что делать? Пришлось чуть перенести день вылета.

И вот мы в Новосибирске! Нахожу своего брата Николая. Ему 22 года, коренастый, рыжеватый, уже с залысинами, всё время улыбается, пухлые добрые губы – вылитый

отец! Не наобнимаемся, не наговоримся...Он работает фрезеровщиком на каком –то крупном заводе. Живут с матерью вдвоём в двухкомнатной малосемейке.

Тётя Дуся плачет, хлопочет, радуется.

Решили ехать на Шегарку втроём. Коле дали отпуск на несколько дней. С горем – пополам добираемся до Пихтовки. Дороги ужасные! От Пихтовки находим ГАЗ – 51, едущий во Вдовино в пятом часу вечера. Тома сидит в кабине. Мы с Колей выпили по стакану водки – счастливые, радостные. Машину кидает из стороны в сторону. Стоим в кузове, держась за кабину. Начал накрапывать дождь. Накрылись брезентом. До самой Пономарёвки нет ни одного селения – всё обезлюдело! В Пономарёвке всего с полсотни дворов. До самого Вдовино тоже нет ни одного посёлка! Вдруг мелькнула узенькая речка. Неужели это Шегарка? Ведь она была полноводной рекой! Показались первые избы Вдовино. Я захожусь от волнения! Что – то кричу Коле. Показываю, угадываю, чьи это избы! Останавливаемся около избы Рогачевых, расплатились с шофёром. Её изба такая же. Стоит на виду у моста через Шегарку. Стучим в ворота. Выходит Рогачева - бывшая заведующая почтой. Громко спрашивает:

- Кто вы такие? Что вам надо?

Объясняю им:

- Я сын Анны Филипповны Угловой, прачки детдома и поварихи бывшей больницы, а со мной жена и брат. Жили мы здесь 11 лет. Вижу - нашей улицы нет! На этом берегу только один ваш дом. Прошу у вас разрешения несколько дней заночевать. Я заплачу!

Рогачева долго соображает, громко говорит:

- А – а – а! Сын Углихи? Это, которая хромая? Помню, помню. Как мать, жива?

- Жива, здорова. Собирается тоже приехать к вам со мной. Я всё разведваю и обязательно привезу мать. Очень она хочет увидеть ещё раз эти места!

Пустили нас на ночёвку. Я дал сразу Рогачевой денег. Она принесла молодой картошки, огурцов, молока, творога. Начали готовить ужин. Уже смеркалось, и начался небольшой дождь. Я весь в нетерпении, дрожу от возбуждения. Крикнул:

- Ужинайте без меня! Я побегу посмотреть все родные места!

Тамара запротестовала:

- Куда ты? Насмотришься завтра. Да и что здесь смотреть? Глухомань...

Я уже не слушал её. Побежал на свою бывшую улицу, которую когда – то назвал Болотной и написал об этом на листе фанеры, прибив его к воротам. Домов нет. Чуть видная затравеневшая дорога ведёт к Силаевскому омуту. Необыкновенное счастье охватило меня! Подбежал к месту, где был наш дом. Его я узнал по высоченной конопле и крапиве, росшей на этом месте. Хожу, ломая коноплю, вспоминаю, наклоняюсь к земле,

что – то разыскиваю. Напряжение нервной системы достигает апогея. Затем начал искать, где была ветла со скворечником и колодец. Увидел - есть небольшое углубление от колодца, заросшее высокой травой! Лихорадочно разгребаю траву около колодца. Нашёл кусочек корня ракиты! Нервы не выдержали - заплакал. Тщательно отломал кусок корня и сунул за пазуху. Этот побелевший от времени кусочек корня ракиты и по сей день лежит на моей тумбочке в спальне! Перед сном беру всегда его в руки и целую...

Вскочил, плачу. Слёзы смешивались с каплями дождя. Счастье, волнение, горечь, слёзы радости и печали, трепет сердца, калейдоскоп мгновенных воспоминаний, сладостный стон в груди – всё смешалось в эти минуты! Господи! Боже! Неужели я здесь? Какое счастье выпало мне! Бог сберёг меня и вот я здесь! Мама, Шурка, Пастухов, детдомовские и школьные друзья, детство – моё милое детство: всё мгновенно вспомнилось и охватило ознобом моё тело! Я весь дрожал от нетерпения, уже глухо рыдал и катался по траве, раскинув руки... Господи! Я выжил, я здесь - на родине своего детства! Какое непередаваемое чувство!

Шатаюсь, как пьяный, еле поднялся с земли и побежал к Шегарке. Она значительно сузилась и обмелела. Забежал по колено в воду, упал на лилии, громко кричу и плачу:

- Здравствуй речка моего детства! Милая Шегарка! Я здесь! Слава тебе Боже!

Со мной творилось что – то невероятное... Я понял, что сейчас просто могу умереть от счастья, от разрыва сердца, от мучительного и сладостного волнения!

Побежал к телятнику, где мы замерзали две зимы и умирали с голода. Его, конечно, нет. Здесь со мной случился просто припадок! Заорал, заревел, упал на землю, неистово бил кулаками и царапал раскисший от дождя чернозём. Весь грязный, мокрый, что – то кричал, поднимая руки к небу, и ревел, ревел, ревел. Глухо рыдая, поднялся и побежал к тому мимо месту, где стояли дома Вовки Жигульского и Кости Чадаева. Кругом пустота! Вот место, где был детдом. Упал на землю, обнял её и зарыдал ещё больше! Дождь усилился. Я весь мокрый, грязный – катаюсь и реву белугой, забыв, что я мужчина. Всё тело сотрясалось и дрожало в ознобе:

- А может Бог сохранил меня и привёл опять сюда, чтобы всё – таки здесь умереть? Сердце может не выдержать такого волнения... Ну и что? Я достаточно пожил, и умереть здесь – это счастье!

Долго лежал на родной мне земле и плакал, успокаиваясь.... Дождь уже вовсю хлестал прохладными струями по телу, лицу, но я не чувствовал холода...

Чуть отошёл, бегу к больнице, интернату – кругом заросли чертополоха и крапивы...

Успокоился постепенно только тогда, когда услышал крики. Это разыскивали меня жена и Коля. Я медленно пошёл к Рогачевым. Встретила встревоженная Тома:

- Коля! Что с тобой? Ты почему весь в грязи? Ты что, плакал? Что плакать – то? Сам говорил – холод, голод, чуть не помер здесь. Что жалеть – то? Где ты так долго был? Уже

первый час ночи. Посмотри на себя - на кого ты похож? Господи! Весь в грязи, мокрый. Ты же простынешь.

Опустошенный, я молчал. Во дворе помылся под рукомойником, передел сухую одежду, не стал ужинать, лёг на полу спать...

На следующий день пошли с Колей к Силаевскому омуту, а затем на Косари. Тамара никуда не хотела идти:

- Что здесь смотреть? Разруха, покосившиеся избы, всё заросло высокой травой. Ты столько рассказывал об этих местах, а ничего здесь особенного нет. На улице тучи комаров и овода, я лучше дома посижу. Нечего здесь прохлаждаться. Завтра уедем...

Она осталась проводить время в бесконечных женских разговорах с Рогачевой, а мы весь день прошагали вдоль берега Шегарки до Косарей, Жирновки и назад. Несколько раз купались в омутах. В тёплой воде цвета крепкого чая повсюду заросли лилий. Не хотелось вылезать из любимой речки. Прошли мимо зарослей черёмухи. Она поспела, и мы с полчаса лакомились ей, пока на языках не образовалась корка. Сразу за Вдовино мы зашли в льняное поле. Красота необыкновенная! Васильки в высоком и чистом льне горели синими огоньками.

В Жирновке было всего три дома. Каркали десятки ворон на высоких тополях. Глухо шумел ветер в лесу и зарослях высокой конопли. Стаи скворцов вперемежку, чёрные и серые, носились на полях. Это уже вывелись молодые скворцы и старые их обучали. Я не мог оторвать глаз от них. Скворцов всё время преследовали ястребы. Кричали в полях перепела, в лесу вели свой счёт кукушки. Чибисы жалобно стонали и бестолково мотались, падая в траву. Где – то в заливных лугах настойчиво крякал бекас. Всё, всё, как в детстве! Я не скрывал слёз от Коли. Постоянно, ломая высокую траву, подходили к берегу. Высматривал щук, но они уже не стояли в щучьей траве. Лишь дважды мы любовались небольшими щурятами. Даже пытался их силить травинкой, но они сорвались. Несколько раз забегали в кусты, надеясь вспугнуть зайцев. Ели поспевшую кислицу. В колках малины, росшей кустами, задержались надолго. Над полями летало много коршунов и ястребов. Над нами всё время барражировали на одном месте ворожейки. Какое счастье! Я на Шегарке! Мы не обращали внимания на тучи комаров и паутов. Быстро потемнело, и комары сменились мошкой. Множество сов низко летали над нами и шарахались прямо в ноги к нам. Откуда их столько?

Уже затемно пришли домой. Тома мрачнее тучи:

- Какого чёрта! Что тут можно смотреть? Завтра утром мы уезжаем.

- Тома! Ты мне испортила весь праздник. Я так мечтал об этом. Зачем ты тогда приехала? Завтра мы пойдём на Уголки на весь день. Пойдём с нами. Увидишь, как там красиво!

- Никуда ты не пойдёшь! Хватит! Завтра уедем!

- Тома! Ты здесь не дала мне покоя и в Новосибирске не дашь? Я же должен найти и посетить друзей детства, живущих здесь – Костю и Ирку Чадаевых, Талика Нестерова, Лерку Аюкову и Верку Марченко.

- Даже не думай! Сразу уедем! Мне надоело! Лучше бы мы в санаторий поехали. Привез на край земли. Кругом нищета.

Я давно понял, что спорить с женой бесполезно. Когда она заводилась, а это было с периодичностью три дня, то надо было уступать. Я давно решил для себя эту проблему - воспитаю сыновей до совершеннолетия и уйду от неё! Надо скрипеть зубами, но не допустить безотцовщины, в которой я пробыл всё детство! Дети не должны страдать из-за нас! Но и ... с другой стороны, разве можно жить всё время под пятой?

Мне стало ясно, что завтра надо уезжать. Думаю:

- Ладно. Что делать? Не буду позориться перед чужими людьми, не будем же скандалить. Приеду с матерью сюда через два, три года. Насмотрюсь, намотаюсь вволю.

Все рано улеглись спать. А мне не до сна...

Вспоминаю, как провёл день, вспоминаю Шегарку, поля, птиц, каждый кустик. Волнение не спадает. В сенцах тихо беру керосиновую лампу и с несколькими листами бумаги и карандашом иду в баню Рогачевой, которая стоит на самом берегу Шегарки. Сочиняю стихотворение:

Детство.

По траве пройду на закате дня.

Детство попрошу - позови меня!

Позови меня, вновь верни к себе!

Голод и Шегарка – всё в моей судьбе.

По траве пройду, окунусь во ржи.

Милой речке детства улыбнусь в тиши.

Только вновь и вновь буду повторять:

Детство - позови! Позови опять!

Детство отзывалось васильками в льнах,

Голосом бекаса в заливных лугах.

Счёт ведёт кукушка – сколько лет мне жить.

И Шегарка та же - вечно речке быть!

Но тоскливо плачет чибис у реки:

«Не вернется детство - ты его не жди!»

Всё ж упрямо буду вновь я повторять:

«Детство, позови, позови опять!»

Утром сели в прицеп трактора, отправлявшегося в Пономарёвку. В кабине рядом с трактористом сидит местная женщина. Мы втроем расположились в прицепе. В Пономарёвке был небольшой аэродром с грунтовой взлётной полосой. Погода наладилась, и в село должен был прилететь самолёт из Новосибирска. Наконец, показалась Пономарёвка.

Прилетел небольшой самолёт. Через два часа взлетаем. В окне мелькнула последний раз узенькая полоска милой Шегарки. Я не могу насмотреться на родные мне поля, болота, перелески. Затем пошла сплошная тайга.

Прилетаем в Новосибирск. Тётя Дуся, радостная, взволнованная, спрашивает:

- Коля! Почему так быстро приехали? Ты же хотел побывать на могилке папы в Октябрьском? Там, говорят, живёт одна семья и дорога ещё сохранилась.

- Да какое там, тетя Дуся! Во Вдовино не всё как следует посмотрел. Томе ничего не понравилось там. Торопила, ругалась. Теперь скоро приеду обязательно опять к вам с мамой. Вот тогда и на могилке отца побываю...

Лучший друг и.... Высоцкий.

Тот, кто мучится – тот баламут. Муки совести – это опасно.

Выбьем совесть, чтоб не было мук. Ведь у тех, кто у кривды на страже,

Кто давно потерял свою честь, если нету и совести даже –

Муки совести вроде бы есть...

Евгений Евтушенко.

В конце восьмидесятых пришло письмо от жены брата Александра - Гали, где она сообщала, что Саша сильно болеет. Он пролежал в больницах практически год и состояние его не улучшается. Десятилетняя работа в горячем цеху Уралвагонзавода не прошла даром. Галя просила по возможности достать лекарство лидазу, т. к. там её не купишь. С большим трудом я достал несколько десятков упаковок лидазы, и мы с матерью поехали на Урал. До Свердловска самолётом, а до Нижнего Тагила наняли такси. Поразительно красивая дорога вьётся между лесистыми холмами! Как чудесен Урал!

И вот мы в Нижнем Тагиле. Угрюмый серый город с панельными зданиями опоясан цепью тюрем и лагерей с вышками и высокими заборами с колючей проволокой. Думаю:

- Как можно здесь жить? Это же край зэков! Почему так много тюрем и лагерей? У нас, что, народ весь преступный? А может, власть слишком жестокая? Интересно, как там на Западе? У нас день и ночь трубят по радио, телевидению и в печати, что там всё ужасно! Господи! Неужели и у них столько тюрем? Почему так устроен мир?

Александр просит меня:

- Хочу мяса. Его у нас не купить. Только иногда «выбрасывают» в какой – нибудь магазин, а там огромные очереди и давка. Галя работает и не имеет возможности купить. Может, ты достанешь? Полгода не ел ничего мясного.

Я разозлился:

- Почему не сообщили, что у вас нет мясных изделий? У нас в Кисловодске этого добра «завались»! Мы бы привезли.

Еду на трамвае в центр. Кругом высокие заборы с колючей проволокой навевают тоску. Весь день проездил, прошагал по проклятому городу – нигде нет мяса! На базаре с боем достал с десяток пирожков с ливером. Обозлённый и расстроенный, зашёл на почту. Пишу и посылаю письмо:

- Москва. Кремль. Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу Л. И.

- Что вы делаете со страной и народом? В Нижнем Тагиле нет для людей ни грамма мяса! Мы работаем в ужасных условиях на заводах и крепим оборону страны, а ваши чиновники не могут обеспечить нормальным питанием ни рабочих, ни детей, ни даже больных людей! У вас в Кремле давно коммунизм, а мы здесь погибаем с голоду! Будь проклята ваша власть!

Отослал письмо и сразу успокоился. Надо сказать, что подобные письма в Кремль я отсылал из разных городов Союза, когда ездил на соревнования по лёгкой атлетике – из Киева, Вильнюса, Москвы, Орехово – Зуево, Тулы, Пензы, Волгограда, Ростова, Краснодара и других городов. Я понимал, что толку от этого мало, но хотел из себя «выпустить пар» и, заодно, позлить КГБ – пусть поищут! Ведь я нисколько не клеветал на режим, а говорил правду!

Привёз Александру пирожки с ливером - тот с жадностью накинулся на них.

Переезжаем в Новосибирск – оттуда у меня путёвка по Оби. Жизнь на теплоходе течёт своим чередом. Утром пробегаю на верхней палубе свои пять километров. Редкие туристы уже выходят, потягиваясь, из своих кают. Садятся в шезлонги, некоторые курят, другие пытаются делать зарядку. Мимо проплывают живописные лесистые берега. Почти все откосы песчаные, много упавших деревьев, проток, заводей. Обь очень отличается от Лены. Там по обеим сторонам почти везде были горы, а здесь низменные места. Завтрак в ресторане. Их два на теплоходе. Затем туристы разбредаются кто куда. Мероприятий много. В музыкальном салоне поют, репетируют, играют на рояле, танцуют. Шахматисты сражаются на многочисленных досках за победу. На палубах много читающих, а в баре любителей кофе и более крепких напитков. В кинозале постоянно крутят фильмы. Есть массажный кабинет и сауна. Культурный организатор постоянно выдумывает всякие викторины. По радио идёт непрерывный поток информации о местах, где проплывает теплоход. Днём обязательная зелёная стоянка в живописнейших местах, а вечером дискотека. Есть ли на свете что лучше такого отдыха? Я очень полюбил теплоходы и решаю в будущем посетить все реки Союза...

На автобусах едем на озеро Саянское. Там самое крупное в мире месторождение нефти! Бетонная дорога проложена по непроходимым болотам. Все тридцать километров по обе стороны дороги сплошные нефтяные озёра вперемежку с водой. Нефтью залиты деревья, кусты, кочки – все они засохли. Видны сотни ржавых пустых бочек, изношенные автомобильные шины, барабаны из - под кабеля, мотки проволоки и кабеля, ржавые кузова автомобилей и гусениц тракторов. Все эти отходы бесхозяйственности человека плавают в нефтяных пятнах. Из окон автобуса вижу в одном месте барахтающихся, погибающих в разводьях нефти стаю диких уток. Впечатление ужасное! Туристы все ахают и охают. Думаю:

- Что же такое здесь творится? Почему люди сгубили природу? Почему такое пренебрежение к окружающему миру? Ведь по радио и телевидению нам «поют» ежедневно, что «проклятые империалисты губят природу», а у нас всё хорошо!

А гид между тем рассказывает:

- Самотлор, по местному, называется «худая вода». Учёные предсказывали, что здесь есть крупные залежи нефти.

Всё увиденное потрясло меня. До самого горизонта тянутся высоченные, метров тридцать, бесконечные шлейфы горящего попутного газа. Местные жители рассказывают, что летом и зимой здесь в тайге светло, как днём. Возмущаюсь про себя:

- Почему такая бесхозяйственность в стране? Сколько газа сгорает, засоряя атмосферу! Неужели нельзя организовать его сбор, очистку, транспортировку и применить с пользой для людей? Пол страны сидит без газа, а здесь миллионы кубометров сгорают бесцельно!

Проплыли Нарым и Колпашево. Иду в капитанскую рубку, спрашиваю:

- Товарищ капитан! Просьба, объявите по радио, когда будем проплывать мимо впадающей в Обь речки под названием Шегарка. В верховьях её прошло моё детство, хочется увидеть устье.

Тот улыбается:

- А вы побудьте здесь минут десять. Она вон за тем поворотом.

И вот она, Шегарка! Довольно широкая, метров сорок, речка блестит на закате. Я всматриваюсь в неё, разволновался, боясь расплакаться. На высоком берегу прямо перед впадением в Обь стоит одинокий небольшой домик. Думаю:

- Вот бы неплохо здесь жить! Уйду на пенсию и приеду сюда. Или куплю этот домик, или построю рядом другой. На милой речке детства закончу свой жизненный путь...

По приезду в Кисловодск неожиданно в мой кабинет вечером заходит Вовка Жигульский. Смеётся, громко говорит, как всегда заготовленную заранее фразу:

- *Зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?*

Я, смеясь, отбарабанил:

- *Я возвратился домой. В сенях трещала догоравшая свеча, и казак мой спал крепким сном, держа ружьё обеими руками...»*

Вовка расхохотался:

- *Вижу, брат, что ты досконально знаешь Лермонтова. А вот это, как тебе?:*

- *«Её тонкие брови вдруг сдвинулись, глаза в упор остановились на мне, зрачки увеличились и посинели.»*

- Куприн. «Колдунья».

- Профан! Куприн – то Куприн, но ... «Олеся»!

- Отвечаю фразой:

«Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расщелинами скал окровавленный труп...»

- Грушницкого! – рассмеялся Вовка. И продолжал:

- Я Печорина наизусть знаю. Что – нибудь другое придумай.

- *«Её грудь дышала возле моей, её руки прикасались моей голове, её мягкие, свежие губы начали покрывать всё моё лицо и губы поцелуями...»*

- Тургенев, брат. «Первая любовь».

- Ладно, хватит! Что тебя принесло так поздно?

- Ты знаешь, брат, завтра в музыкальной раковине будет выступать Высоцкий. Я взял два билета.

- Извини, Вова, не пойду! На весь день уезжаю в Карачаевск, Черкесск, Архыз – там строю дома.

- Я тебя прошу, отложи поездку! Высоцкий не каждый день приезжает в наш город! Ты его недооцениваешь! Я тебе говорил – это третий поэт после Пушкина и Лермонтова! А как он поёт! Какой голосище!

- Да уж знаю! Как не встретимся, один Высоцкий у тебя в магнитофоне ревёт!

- Но одно дело магнитофон, другое - живьём увидеть эту легенду!

- Нет, нет, Вов! Не могу! Работа, прежде всего!

- Ну и дурак! Может, он больше никогда сюда не приедет. Будешь жалеть, я уверен!

Вовка, как всегда, оказался прав. Я всю жизнь жалею, что не пошёл в этот вечер на Высоцкого...

И чтобы закончить эту тему, вспомню ещё одно. Владимир Жигульский как –то рассказал мне одну историю про Высоцкого. Когда его выпустили из Союза, и он уехал на четыре месяца в Париж к Марине Влади, то там он, естественно, сразу затосковал по России. Как – то она взяла его на какой – то званый ужин с фуршетом. Марина блистала, раздавала автографы (она была в то время знаменитой актрисой), её приглашали без конца на танцы. Когда она под руку с ним шла по залам, то, естественно, знакомила элиту со своим

новым русским мужем. Невысокого роста, неброский – он вызывал снисходительные улыбки знати, и это стало раздражать Высоцкого. Он, когда Марина оживлённо разговорилась с какой – то парой, оторвался от неё и ушёл в другой зал. В ярости выпил подряд несколько рюмок коньяка с подносов, разносимых официантами. Жестами выпросил у obsługi гитару, настроил её, уселся в дальнем углу зала под большим фикусом и запел свои песни на русском языке, сначала тихо, а затем всё громче и громче. Это привлекло публику, которая стала собираться вокруг Высоцкого. После очередной песни ему громко захлопали, затем ещё и ещё. Скоро бас Высоцкого гремел во всех залах. Оркестр смолк, и все люди устремились к Владимиру – шептались, без конца аплодировали ему. А голос Высоцкого гремел, ревел, будоража души французов. Более часа Высоцкий притягивал всю публику своим незаурядным талантом и мастерством! Проводили его на бис! Утром все газеты Парижа вышли с заголовком: **«Приехала Марина Влади, а уехал Владимир Высоцкий!»**

Жигульский очень живо интересовался творчеством Высоцкого. Он неоднократно ездил в Москву и посещал театр на Таганке. Там он познакомился с такими же фанатами и когда неожиданно умер Высоцкий, кто – то из них ему сразу позвонил. Вовка улетел в Москву на похороны. Приехал назад мрачный. Встречаемся. Говорит:

- Ты знаешь, Николай! Как будто родного брата похоронил! Что там делалось! Эта проклятая Олимпиада. Никуда не пускают, тысячи ментов. Еле добрался, выкрутился! Что творилось! Волосы дыбом! Вдоль проспекта огромная толпа - тысяч шестьдесят! Изю всех раскрытых окон домов звучат его песни! Это надо видеть и слышать! Люди плачут...

А власти? Сволочи! Всего несколько строчек в «Правде». Москвичи говорят, что Брежнев обрадовался смерти Высоцкого. Якобы сказал: «Ну что? Хрипатому пи...ц? Слава Богу!» Представляешь? Они только одно не понимают: народ Высоцкого любит, а их презирает. Его имя войдёт в историю, а этих пид...ов скоро все забудут!

Я слушал рассуждения своего друга и поражаюсь его мыслям. А ведь они были по праву верны, но не сразу до меня всё это дошло. Я в будущем тоже очень полюбил Высоцкого. Купил все его диски и теперь дня не проходит, чтобы не слушал его трогательные за душу песни. Особенно мне нравится его баллада о любви:

- Я поля влюблённым постелю.

Пусть поют во сне и наяву!

Я дышу, и значит – я люблю!

Ну, а у моего лучшего друга детства дальнейшая судьба складывалась неблагоприятно. Работа начальника ПТО Треста жилищного хозяйства требовала компромиссов, но не таков был мой гордый товарищ. А тут ещё неудачная женитьба. Жена перетащила его в Днепропетровск, но и там он прожил не более года – разошёлся. Женился вторично, уехал куда – то под Ленинград. Родился не совсем здоровый сын. Владимир с горя запил

и рано ушёл в мир иной. Безумно жаль талантливейшего человека! Из моих всех друзей по жизни это был настоящий самородок!

СОЛОВКИ.

*Ещё не поставленные памятники кайлами откапывают
Погибших товарищей, скульптурами ставших от холода
Внутри безымянных могил, и лесоповальной, смерзшейся
Почти что мраморной варежкой стучат по ночам
Во все двери тех, кто о них забыл...*

Евгений Евтушенко.

Весной 1983 года Миша ушёл в армию. Начал служить в Семипалатинске.

Я решил опять с матерью и братом Сергеем поехать на Шегарку, т. к. прошлую поездку испортила Тамара, и я практически нигде там не побывал.

И вот мы в Новосибирске. Смотрю на счастливую мать и сам не нарадуюсь. Встречаемся с тётёй Дусей и братом Колей. Прослезились, радуемся, смеёмся от счастья. Едем все во Вдовино. Останавливаемся у Татьяниных. Мать вся светится. Излазили все окрестности, купаемся в Шегарке, рвём лилии. Кругом заросли конопля, крапивы и чертополоха. Лузи, в которых лежат свиньи. Щебет ласточек и неумолчный гвалт скворцов. Тонкий зуд комаров. Мошка... По вечерам у Татьяниных собираются все соседи. Сидим на большом деревянном крыльце. Разговоры, разговоры... Воспоминания, слёзы... После двух – трёх бутылочек водки начинаем петь песни. Хорошо! Долго в ночи слышны протяжные голоса женщин и мужчин... Незабываемые вечера на Шегарке! Мать и Сергей в восторге, а обо мне и говорить не приходится...

В Новосибирске встречаемся со многими людьми, оставшимися здесь после освобождения. Мать с Сергеем разъезжает по своим подругам, а я встречаюсь с Костей Чадаевым и Таликом Нестеровым. Скрывая слёзы, обнимаемся с Костей. Его жена - одноклассница Вера Марченко собирает на стол. Проводим вечер в разговорах, сидим, вспоминаем, как чуть не замёрзли с ним, шагая на лыжах из Пихтовки во Вдовино. Спрашиваю:

- Костя! Ты ни разу не был на Кавказе после ссылки. Почему? Неужели не хочешь увидеть свой родной Пятигорск?

- Не могу и не хочу! Противно на душе от этих воспоминаний. Там меня унизили, растоптали честь моего отца, испортили всю жизнь нам. Там у вас коммунистический край! Все эти подонки опять у власти. Давай оставим эту тему. Лучше расскажи о наших

друзьях. Как Шурка, Вовка Жигульский? Остальные – Зинка Зиновьева, Валька Долгополова, Стэлка и Милка Невская, другие?

Я рассказываю. Прошу его:

- Очень хочу увидеть твою сестру Ирку. Когда – то был даже влюблён в неё. А где Лера Аюкова? Её тоже надо посетить. Давай завтра вместе поедem к ним и Талику Нестерову.

Едем с Костей к сестре. Дома нет, на даче за городом никто дверь не открывает. Но шевельнулась занавеска на окне. Мне ясно - Ирка не хочет встречаться со мной. Спрашиваю об этом у Кости, но он уклончиво что – то объясняет. Лера Аюкова встречает нас с радостью, обнимаемся, смеёмся, вспоминаем. Тихо, стараясь, чтобы Костя не слышал, объясняет мне:

- У Ирки несчастливая семейная жизнь. Она завила, без зубов и, естественно, не захотела показаться тебе такой. Она знала, что ты приедешь и всё время расспрашивала о тебе...

С волнением еду к Талику Нестерову. Живёт в малосемейном общежитии. Захожу в однокомнатную квартиру. Вспоминаю фразу из Достоевского: « С лавки поднялся пятидесятилетний старик». Не узнаёт:

- Кто? Углов? Какой Углов? Колька, ты? Неужели? Какими судьбами? Как ты меня нашёл? Господи! Сколько времени прошло...

Разговорились. В комнате грязно, на полу скорлупа яиц. В тазу моча. Одинок. Мне всё становится ясно – Талик «на дне»! Принесённую бутылку водки быстро выпили. Закусывали сырыми яйцами. Обнял его на прощанье. Сунул в руки двести рублей – Талик с жадностью схватил их. Мне стало неловко... Эх! Не таким хотел увидеть своего друга детства...

По приезду Тамара мне устроила грандиозный «концерт».

Разошлась не на шутку. Начала оскорблять всех нас, ударила мать и Филиппа Васильевича, оскорбила память отца. Я вызвал милицию. Говорю матери:

- Этого я не прощу ей никогда! Ухожу от неё! Жалко только Игоря – ему только одиннадцать лет! Я так и не довёл его до совершеннолетия. Буду пока жить у вас, а там посмотрим...

На этом закончились девятнадцать лет унижений. Тома долго не могла успокоиться. Года три после развода она приходила скандалить и шантажировать меня. Что только не было! Но об этом не хочется вспоминать... В одном только ей благодарен – она родила прекрасных сыновей! Они выросли замечательными людьми! Ни одной черты её скверного характера! Я благодарен Богу...

Итак, я опять вернулся в родовой дом на улице Революции 116. Живу с матерью и Филиппом Васильевичем. Тяжело переживаю развод. Чтобы развеяться – решил в отпуск взять с собой сына и поехать на Соловки. Давно об этом мечтал.

На теплоходе приплыли в Котлас. Отобедали в большой рабочей столовой и поплыли по Северной Двине к Архангельску, до которого было более 600 километров. Теплоход по притоку Двины реке Вычегде заходит на два часа в Сольвычегодск. Красивейший плёс, на котором сверкают маковки великолепного собора! Экскурсовод рассказывает:

- Сольвычегодск называют «Жемчужиной Русского Севера». В своё время город был местом ссылки тысяч политзаключённых. Здесь отбывал ссылку в 1908 – 10г.г. Иосиф Сталин.

Я сразу всполошился:

- Этот людоед был здесь? Он же тоже, видно, страдал? Но почему, когда он дорвался до власти, всё забыл? Устроил из страны один большой лагерь, уничтожил миллионы невинных людей. Почему он так поступал? Где разгадка этого?

Теплоход плывёт по Северной Двине. Вода кирпичного цвета. По берегам на привязи стоят гигантские плоты – ночью идёт сплав древесины по реке. Недалеко от Архангельска останавливаемся в Ломоносово. Здесь в 1711 году родился великий учёный – реформатор М. В. Ломоносов. Село располагается на острове. Там мы посетили музей великого учёного, памятник и церковь. На пароме едем в город Холмогоры.

После её лекции подошёл к ней и спросил:

- Я слышал, что в Холмогорах был советский концентрационный лагерь. Вы об этом даже не упоминали. Почему? Я пострадал, будучи малолетним, от репрессий, которые опять замалчивают.

- У нас не принято. Но если вам это интересно, скажу следующее. Да, в 1920 году здесь был такой лагерь. Располагался он в зданиях монастыря. По некоторым данным, там было казнено до восьми тысяч человек. Но вы знаете, у нас в городе живут несколько стариков – очевидцев. Они говорят, что больше узников уничтожали по пути следования этапа, чем на месте.

- Зря вы об этом не рассказываете туристам. Люди должны знать правду, а её опять скрывают от народа.

- Согласна, но... Я подчинённый человек. Доброго пути вам!

Наконец, мы в Архангельске. Целый день колесим по городу на автобусе. Экскурсовод рассказывает:

- Столица Поморского края город Архангельск основан по указу царя Ивана Грозного. Мы посетим Соломбальский целлюлозно – бумажный комбинат и музей деревянного зодчества Русского Севера.

При упоминании названия комбината я восторженно воскликнул:

- Боже! Я буду в Соломбале! Это, оказывается, здесь, рядом! Помню, как во Вдовино при лампадке читал по ночам на русской печке под вой пурги книгу «Детство в Соломбале»! И вот я здесь! Сказка, да и только!

Комбинат огромен. Горы леса. Бесконечные штабеля брёвен. По узким протокам женщины толкают баграми кругляк, гонят его на переработку. Мне становится жаль женщин. Трудная, тяжёлая и опасная работа у них!

На небольшом самолёте летим с Игорем на Соловецкие острова. О них можно говорить бесконечно, но чуть только коснусь истории и природы этих необычайных островов в Белом море. Нас разместили в здании Кремля – это бывший монастырь. Поражает его вид. Восемь башен; стены высотой до 11 метров и толщиной до 6 выложены огромными валунами до 5 метров. Внутри множество зданий монастыря. Идёт реконструкция. На следующий день экскурсия по острову.

На третий день идём по рукотворной дамбе на остров Муксам. Монахи вручную сделали широкую дамбу из камней протяжённостью 4 километра; на ней могли разминуться две телеги. Поражает титанический труд этих людей! Затем едем на моторных лодках на Большой и Малый Заяцкий остров. Красота неопишная! На островах никто не живёт. Дикая природа! Вереск, берёзки, ели, толстый слой мха – ноги проваливаются по колено. То и дело взлетают тетерева и куропатки.

В последний день посещаем гору Голгофа и Секирную. Экскурсовод – женщина, рассказывает:

- В 1923 году на островах был создан один из первых концлагерей, просуществовавший до 1939 года. Все священники монастыря были уничтожены и сюда направлялись тысячи политзаключённых, которые трудились на лесозаготовках и в мастерских по пошиву спецодежды. Многих строптивых уничтожали...

На гору Голгофу пришла новая группа, полностью состоящая из эстонцев. Я подошёл к их группе и услышал более откровенные признания гида - мужчины:

- В начале двадцатых годов возникают так называемые Северные лагеря. Это принудительные трудовые колонии. В Архангельске, Холмогорах, на Соловецких островах, в Пертоминске, Кеми, Вишере, в Котласе, Сыктывкаре, Пинюгинске, Ухте и Устьвымске уже в 1929 году находилось около 70 тысяч заключённых. Они в значительной мере подпитывали бесплатную рабочую силу канала Волго – Балта. В том же году Горький посетил Соловецкие острова, где ему устроили «показуху» - скрыли настоящую правду об условиях содержания политзаключённых. В стране уже во всю работала Особая тройка УНКВД и людей без разбора, зачастую по доносу, направляли в трудовые лагеря. Соловецкий лагерь называют «Островом пыток и смерти» и он отличался особой жестокостью в обращении с заключёнными, т. к. находился в Белом море, вдалеке от цивилизации. Здесь применялись изощрённейшие пытки

несчастливых людей: замораживание, утопление, пытки голодом, расстрелы, подавление и уничтожение личности, психологические пытки, бессмысленный труд, карательные акции. Всего, по не уточнённым данным, здесь погибло более 11 тысяч человек. Среди известных заключённых можно назвать имена Лихачёва, Флоренского, поэта Жумбаева и многих других людей. Символично, что и каратели сами попали в «сталинскую мясорубку». Начальники Соловецкого лагеря Боговой, Ногтев, Эйхманс, Апатер были расстреляны.

Кто – то спросил:

- А что такое карательные акции? И так всё ясно: люди были полностью бесправны и их в любой момент могли убить.

- Для устрашения всех применялись такие акции. Так 27 октября 1937 года более 1100 человек из лагеря было погружено на баржи и утоплено в море.

Я спросил:

- Расскажите подробнее о пытках. Я сам малолетним был в ссылке в Васюганских болотах. У нас самой изощрённой пыткой летом было привязывание голым к дереву под комаров. Человек погибал в страшных мучениях.

Все эстонцы живо и заинтересовано обернулись ко мне. Экскурсовод ответил:

- Да, применялась и здесь эта пытка. Она называлась – «на пеньки».

Но были и другие способы убийства. Недалеко от Кремля была так называемая «расстрельная дорога», по которой зимой гнали босиком в одном нижнем белье на кладбище и там расстреливали днём в качестве устрашения, чтобы все слышали выстрелы. А стукачам, которых очень поощряли, отдавали их обувь и одежду. Ещё людей загоняли по горло в озеро и под страхом расстрела заставляли стоять в ледяной воде несколько часов. Одна из самых изощрённых, изобретённых здесь, пыток была следующая. Лошадь запрягали в пустые оглобли. Несчастливого привязывали ногами к оглоблям и охранник, сидя в седле, гнал её по кочкам. Кровавые лохмотья оставались от человека! И всё это на виду построенных в колонны арестантов – так «развлекались» конвоиры!

Все туристы качали головами, возмущались, плевались. Кто – то спросил:

- Отсюда, с горы Голгофа, как и с Секирной, открываются незабываемые виды и красоты. Но, говорят, и здесь казнили людей?

- Да! Раньше здесь было 365 «легендарных – кровавых» ступеней, сооружённых в своё время трудолюбивыми монахами. Человека привязывали к бревну и сталкивали его по ступеням к подножью. Ступени были настолько крутыми, что бревно набирало скорость и летело вниз, расплющивая заживо несчастного...

Это потрясло всех! Мы замолчали. Не верилось, что в таком красивейшем месте на земле могло быть такое! Я первый очнулся и ещё раз спросил мужчину:

- Как вы думаете, почему у правителей была такая жестокость к собственному народу?

Ведь Сталин и многие его соратники сами сидели в тюрьмах и лагерях? Они что, хотели отомстить кому – то, или это что - то другое?

- Не знаю. Причин может быть несколько. Но, на мой взгляд, одна из них заключается в том, что социалистический строй создал государственную организацию ВЧК, затем ГПУ и НКВД, в которой большинство сотрудников были большими психопатами. Да и сам Сталин, как мы теперь узнали, был обычным параноиком.

Я ошеломлённо размышлял:

- Что творилось в огромной стране! Был уничтожен лучший генофонд нации! Это привело к тяжелейшей деградации всего населения России! И последствия этого будут очень и очень долгие...

По окончании экскурсии все эстонцы окружили меня. Я рассказал им о детской встрече во Вдовино с их белокурыми парнями, когда мы подглядывали за ними в пустые глазницы окон сарая, где они лежали на соломе. Рассказал им и о медсестре Леми, повесившейся на чердаке больницы. Все пожали мне руку и хлопали по плечам...

И снова на Шегарку!

Я уже привык к семейной жизни и не представлял, что делать дальше. С Игорем после туристских поездок наладил контакт и стал встречаться то у меня на работе, то в парке или в городе. На сердце чуть полегчало. Но жить долго у матери, где было всего две небольшие комнатки, уже не имело смысла, да и родителям было накладно.

И вновь в моей судьбе сыграл главную роль отчим Пастухов Филипп Васильевич! Он работал сторожем в строящемся санатории «Джинал». Как – то говорит своему напарнику Митину Степану Ивановичу:

- Сын разошёлся! Жалко Николая! Хороший мужик. Не пьёт, не курит, работает руководителем, а вот с женой не повезло. Сейчас живёт у нас.

Степан Иванович рассказал всё это своей жене Вере Михайловне. Она говорит:

- Что же ты, дед, не сказал, что у нас есть тоже незамужняя дочь! Давай их познакомим! Это же, по сути дела, наши соседи! Я знаю его мать и Филиппа. Всё - позвоню Анне Филипповне!

Она, видно, созвонилась с матерью. Через некоторое время мать рассказала мне всё это. Говорит мне:

- Сын! Знакомься с Нинкой! Очень хорошая семья! Все трудолюбивые, гостеприимные – вообще, порядочные люди!

Я решил последовать совету матери. Их дочь Нина жила отдельно в трёхкомнатной квартире. Старики договорились и вот мы с отчимом звоним в квартиру Нины. Дверь открывает миловидная женщина. Я с ходу бросаюсь в атаку:

- Здравствуйте! Это вы меняете квартиру?

Она всё понимает и смеётся:

- Да, да! Меняю!

Я почему – то сразу почувствовал себя свободно и раскованно. Женщина мне понравилась. Разговорились. Нина угостила нас чаем и через некоторое время мы ушли. По пути заметил на столике в прихожей телефон, на котором был записан номер. Запомнил его. На следующий день позвонил. Договорились с Ниной встретиться в парке.

Я взял брата Александра, и мы с Ниной долго гуляли по нашему чудесному курортному парку. Потом она пригласила нас домой. Наготовила пельменей, достала бутылку коньяка. Мы ушли с Сашей уже поздно вечером. Он сказал:

- Николай! Вот твоя судьба! Нина мне очень понравилась! Встречайся с ней!

И я решился... Первым делом мы с Ниной решили повенчаться. Сделали это втихомолку, т. к. я хоть и не был партийным, но в то время это было бы прямым вызовом власти и могло плохо кончиться. Поехали в Минводы и на квартире старенького батюшки провели торжественный обряд венчания...

Летом 1986 года я задумал опять грандиозное путешествие с Ниной на Шегарку. Почти ежедневно рассказывал ей о моём нелёгком детстве в Сибири и бесконечной тоске по тем местам, а также о предстоящих трудностях в поездке:

- Коля! Вопросов нет! Я с радостью поеду с тобой хоть на край Земли! Если тебе дороги те места, то я готова терпеть все неудобства ради тебя.

Я был благодарен жене за понимание. Уговорил и нерешительного в таких делах брата Александра. Сергей Пастухов тоже с радостью согласился поехать второй раз на свою родину. Написал о нашем решении на Алтай и Афанасию Кобзеву. И, конечно, взял с собой мать во второй раз - к великой её радости.

И вот мы в Новосибирске. Звоним в квартиру на улице Широкой. Дверь открывает брат Николай. Он уже ждёт нас - обнимаемся, радуемся. Жена его хлопочет, устраивая нас. Тётя Дуся - вторая жена моего отца (мать Коли), живёт с ними. Она значительно постарела, чуть ослепла на один глаз, всё время плачет, невероятно радуется нам. Чудесная женщина! Они с матерью не наговорятся.

Долгополова поехала ночевать к кому – то другому. Только сели за стол и выпили по первой рюмке, как в двери раздался звонок. Вышел Сергей Пастухов. У порога стоит коренастый, улыбчивый, простоватый мужчина с большим свёртком в руке. Сергей довольно грубовато спрашивает:

- Тебе кого, мужик?

Тот отвечает:

- Я по телеграмме.

- По какой телеграмме? Ты что, с дуба упал?

Услышав «краем уха» слово «телеграмма», я сразу всё понял и выскочил в коридор. Так и есть! На пороге стоял наш незабвенный друг детства Афанасий Кобзев, которому я накануне послал телеграмму! Мы вскрикнули от радости и обнялись. Александр, мать – все обнимали родного нам Афоню! Он, оказывается, работал мастером на сырзаводе в Майме и привёз оттуда огромный круг чудесного сыра. Радостный вечер у нас затянулся далеко за полночь. Мы не могли нарадоваться друг другу, смеялись, шутили, выпивали, пели наши песни. Афанасий приглашал всё время всех разучивать чечётку «Помазок» и делал быстрые «па» в центре комнаты. Мы умирали от хохота. Александр и Сергей, полюбивший Афоню, не отрывали глаз от него, смеясь над причудами моего дружка.

Днём мы были уже в аэропорту. Взяли билеты до Пономарёвки. С нами полетел и Коля. Небольшой двукрылый самолёт долго не взлетал – шёл сильнейший ливень. Мать устроилась у окошка, была счастлива. Наконец, уже к вечеру, разбрызгивая огромные лужи, самолёт взлетел. Я не мог наглядеться на родные болота и перелески. Приземлились на металлические решётки поля Пономарёвского аэропорта. Утром водитель отвёз нас во Вдовино. Мы остановились в пустующей избе на краю села - напротив бывшего нашего дома. Никакой мебели, кроме нескольких голых панцирных сеток от кроватей, в доме не было.

Нина нам стала готовить уху (мы уже успели наловить чебаков) на летней печке в палисаднике и жарить картошку. Поев, перешли на другую сторону Шегарки к нашему дому. Долго ходили по пустырю, горевали, вспоминали, фотографировались. Затем ходили по всей деревне. Осталось несколько изб. С кем – то из сибиряков мать разговаривала. Кругом запустенье, крапива, густой конопляник. Я не мог насмотреться на пролетающих уток, звонких скворцов и ласточек и, особенно, наблюдал за чибисами. Всё также рядом кричали перепела, зудели комары, в небе барражировали ястребы и совы. Ночь практически не спали. Слишком много впечатлений и, вообще, спать на голом полу не очень удобно. Афоня спал практически голышом. Он был крепок телом и красив. Александр прозвал его «Обнажённой махой» и мы все подшучивали над нашим другом, которого все полюбили. Матери постлали на панцирную сетку всю свободную одежду, но и она всю ночь ворочалась.

Утром собрались, позавтракали и ушли с удочками за Силаевский омут к повороту, где когда – то в детстве меня напугала многотысячная стая косачей. Весь день провели на берегу. Счастливая мать сидела среди цветов и всё время шутила с нами. Все кушали, выпивали, рыбачили, а Афанасий, Коля, Сергей и я купались в тёплых струях Шегарки.

Так пролетел ещё один день. Наступил последний вечер пребывания на Шегарке! До первых петухов мы сидели и пели наши прежние деревенские песни! Было грустно расставаться с родными местами. По всей деревне долго в ночи раздавались родные песни и мотивы, бередя души... До свидания, Шегарка! До новых встреч!

Перестройка.

Не может быть перестройки без перестройки памяти

И без постройке памятников тем, кто построил нас.

Сейчас ваше время, памятники, время мрамора честного,

Ото всего оболганного навек отлипает грязь...

Евгений Евтушенко.

Как – то ещё в начале восьмидесятых годов, когда мы жили в подвале по Узкому переулку, я прибежал с тренировки. Вижу, в «Немане» - самом большом в то время чёрно – белом телевизоре, которым я страшно гордился, выступает красивый моложавый мужчина. Он сразу привлёк внимание. Говорит без бумажки, грамотно, умно. На лбу большое пятно. Это был наш первый секретарь крайкома партии Горбачёв. Я уже полюбил политику и живо интересовался ею. Речь Михаила Сергеевича чрезвычайно заинтересовала меня. Я возбудился и громко закричал:

- Миша! Этот человек от Бога! Бог дал ему метку на лбу! Он будет Генеральным секретарём КПСС!

Михаил, которому было только пять лет, ничего не понимал, но живо прильнул к телевизору, с интересом смотрел на меня и тоже возбудился, заёрзал, засмеялся, запрыгал.

Как же я обрадовался, когда Горбачёв действительно стал Генеральным секретарём КПСС! Я даже поверил в дар своего предвидения, и частенько вспоминал об этом случае. Этот человек говорил очень правильные вещи, и его хотелось слушать бесконечно. Наконец – то мы получили возможность гордиться главой государства, а не отводить стыдливо глаза от экрана телевизора, смотря на дряхлых старцев.

Горбачёв затеял грандиозные реформы, в которых давно нуждалась страна. В магазинах ничего не было, а денег у населения становилось всё больше и больше. Бесконечная ложь с экранов телевизора, всеобщее воровство, отсутствие товаров, диктат одной партии везде и всюду (она вмешивалась даже в семейные отношения) – всё это надоело и требовало выхода из этой ситуации. Поэтому я, как и многие миллионы россиян, с радостью встретил перестройку.

В 1989 году осуществилась моя мечта проплыть на теплоходе по великой русской реке Волге. От Ростова до Ленинграда – изумительный маршрут! Я впервые увидел русские города Поволжья и Севера, о которых читал в книгах. Это была родина многих наших

писателей, поэтов, художников. Мы с Ниной не могли наглядеться на родные русские просторы. Как хороша всё же наша Россия!

Необычен был рассказ монахини в селе Горицы Кирилловского района Вологодской области. Там наш теплоход остановился на левом берегу Шексны у Горицкого женского монастыря. Полуразрушенные здания этой обители находятся недалеко от великолепного Кирилло – Белозерского монастыря. Главная игуменья водила нас по женскому монастырю. Кругом разруха. Монахини в чёрном одеянии работают здесь же; подбивают картошку, косят сено, доят коров, работают на пасеке, пасут лошадей, изготавливают сувениры и т. д. Под открытым большим навесом всех туристов угостили великолепнейшими булочками, пахучим мёдом с травяным чаем. Игуменья рассказала:

- Мы здесь живём, трудимся и, по мере возможности, восстанавливаем разрушенные большевиками здания монастыря без помощи государства. В 30 – е годы более 300 наших сестёр большевики погрузили в две баржи и вывезли в озеро Белое. Там открыли днища барж и утопили всех монахинь. Остальных сестёр репрессировали...

Это на всех произвело необычайное впечатление! Почему была такая жестокость? За что так издевались над людьми? Эти вопросы и по сей день не дают мне покоя...

А перестройка в столице набирала обороты, и это стало ощущаться и в Кисловодске. На телеграфных столбах, в подъездах домов, на подпорных стенах и в других местах стали появляться небольшие листовки, под которыми стояла подпись – Виктор Каспер. В листовках очень остро критиковалась власть в городе, работа исполкома и депутатов, но особенно резкие обличения звучали в адрес горкома партии города. Я решил познакомиться с этим необычайно смелым человеком, решившим бросить вызов власти, и поехал к нему на окраину города. Постучал в калитку небольшого ветхого домишки. Вышел крепкий, коренастый мужчина с бородой и быстрыми живыми глазами. Он недоверчиво покосился на мою служебную чёрную «Волгу» и настороженно спросил:

- В чём дело? Вы к кому?

- Вы Виктор Каспер?

- Да, а что?

- Читал ваши листовки. Очень здорово! Хотел бы с вами познакомиться! Я полностью разделяю ваши взгляды!

Виктор всё ещё недоверчиво разглядывал меня и нехотя ответил:

- Ну что же! Давайте знакомиться! Заходите в дом.

Так я познакомился с необычайно интересным человеком, с которым надолго связал свою судьбу. Он стал приходить ко мне в контору, и мы проводили вечера в пространных разговорах. К нам примыкали всё новые и новые сторонники, и мы решили создать

«Демократический союз». В моём кабинете стали проводить ежевечерние встречи и совещания.

Каспер где – то раздобыл и дал мне значок «Демократической России».

Мы не отрывались от экранов телевизора, который стал тоже очень интересным! Певцы Игорь Тальков, Александр Малинин, Олег Газманов своими новыми, будоражащими песнями, тоже вносили общую лепту в разоблачение бывшего фальшивого строя!

Фамилии демократических депутатов: Сахарова, Афанасьева, Попова, Мурашова, Адамовича, Черниченко, Травкина, Щекочихина, Старовойтовой, Гдляна, Емельянова, Казанника, Заславской, Карякина, Оболенского, Бурбулиса, Яблокова, Станкевича, Сулакшина, Бунича и, главное, Анатолия Собчака, зазвучали в эфире «пощёчиной» правящей партии! К ним примкнули другие депутаты, и был создан единый блок «Демократическая Россия», который по предложению академика Сахарова стал бороться за отмену шестой статьи Конституции – против власти КПСС.

В Кисловодске тоже было проведёно в клубе Военного санатория собрание неравнодушных граждан, где был выбран Координационный совет Демократической партии (ДПР). Мы целый месяц готовились к нему. По городскому радио и в газете призывали людей прийти туда. Решали вопросы аренды, печатной продукции, охраны от провокаторов (а они были), писали большие плакаты. Мне поручили подготовить основной доклад, с которым должен был выступить Каспер. Сам я ещё побоялся полностью «засветиться», т. к. в то время события были непредсказуемы и меня мог в любое время уволить. На собрание пришёл с Ниной и пригласил брата Александра с женой Галей. Мы сидим в первом ряду. Народу набилось в зал уйма, даже стоят в проходах.

Вдоль сцены стоят и висят «немыслимые» лозунги (всего их было 20):

- СССР – тюрьма народов!
- Нет преступной партии КПСС!
- Отставка 1 – го секретаря крайкома КПСС!
- Отставка 1 – го секретаря Кисловодского горкома!
- Отставка 2 – го секретаря Кисловодского горкома!
- Национализация имущества КПСС в стране и городе!

В зале находилось много работников горкома партии, и они попытались, выскочив на сцену, сорвать лозунги. Но эти попытки нами были пресечены.

И вот уже Каспер «рубит» с трибуны слова о только что прошедших выборах в городе и событиях в стране:

- Глядя на депутатский состав города, видишь выбранных в большинстве безальтернативным способом коммунистов – руководителей и всю городскую элиту. Люди старого покроя, они слепы и глухи к переменам, боятся потери своих тёплых кресел, не хотят видеть реалии сегодняшнего дня. Во всех цивилизованных странах мира, когда лидирующая партия терпит крах, автоматически к власти приходит оппозиция. У нас же бывшая партократия продолжает цепляться за кормушку власти, чтобы удержаться на номенклатурной орбите. И так во всей стране! Новые Советы проводят сессии под девизом: «Пусть в Москве воюют, а на хуторах надо картошку копать». На свет выползли ещё более одиозные претенденты на властные полномочия. Демократы боролись с худшими представителями КПСС. А нахрапистые мафиозные структуры уже потирают руки в предвкушении распродажи всё и вся. Нас подстерегают интересы золотого тельца, интересы распродажи городских территорий под строительство ненужных для курорта объектов, приход к власти людей непрофессиональных, умеющих не работать, а только гладко говорить и под шумок... воровать! Мы должны отвести эту беду! Люди больше не хотят «гнить и прозябать», как это было 73 года!

Смотрю сегодня на эти приведённые несколько строк моего доклада и удивляюсь! Прошло уже 22 года с того дня и всё оказалось верно на 100%!

Так оно и случилось! Народ так и не проснулся, и мы пожинаем плоды этого равнодушия!

Каспер подытожил:

- Друзья! Нас ожидают грандиозные события!

Открытым голосованием был выбран Координационный Совет Кисловодской организации движения «Демократическая Россия» в количестве 17 человек (попал и я).

Скоро узнали страшную вещь - в Москве мятеж! Путч был поднят против законно избранного президента России Бориса Ельцина. Главный довод всех апологетов старого прогнившего строя, чьи интересы выражал комитет ГКЧП, был один: спокойствие и выдержка, никаких митингов и собраний! Фашистскому комитету спокойствие было нужно, чтобы успеть расправиться с президентом, его парламентом и правительством. А далее наступил бы мрак: многочисленные аресты всех свободомыслящих людей, цензура печати, крах демократии, репрессии, внешняя изоляция страны, голод и нищета, жизнь по карточкам, жалкое существование в стойле, куда опять загоняли народ.

В Ставрополе, Кисловодске и других городах края сразу прошли сессии городских Советов, поддерживающих путчистов. Вместо того, чтобы призвать население бойкотировать комитет ГКЧП, трусливые депутаты заняли двурушническую позицию. Мы в первый же день собрались у меня и приняли резолюцию от «Кисловодской организации Демократической России», осуждающую заговорщиков. Телеграмму послали в Москву на имя президента Ельцина и в Ставрополь. Решено было собрать митинг кисловодчан с осуждением путча, выступить в печати и на городском радио. Каспер и Дудников по очереди выступили в прямом эфире, а я записал минутный ролик,

который ежечасно прокручивал демократичный начальник городского радио. Этот день, забыв о работе, я целиком посвятил событию в Москве, сказав только жене:

- На работу больше не пойду! Если будут звонить или вызывать куда - то, скажи, что я заболел. Скажу тебе откровенно – для меня этот переворот в Москве, как нож по сердцу! Если они победят, то больше работать не смогу! Слишком много сейчас поставлено на карту!

Я так и не мог заснуть в ночь 19 – го августа! Нина, видя, как я маюсь, говорит мне:

- Колюшка! Ну, зачем всё это тебе надо? В Москве сами разберутся. Что вы можете изменить? Я нисколько не оправдываю путчистов, но думаешь ли ты о том, что будет, если эти фашисты победят? Ведь опять очутишься на Шегарке!

- Нина! Я и не сомневаюсь, что так оно и будет - если эти сволочи победят! Но во имя отца, невинно загубленного коммуняками - я готов к испытаниям! Эта чёрная чума не должна больше быть в России!

На следующий день мы увидели по телевизору Ельцина на танке, и нашей радости не было предела! Значит, демократия ещё не сломлена!

Когда арестовали всех заговорщиков и Ельцин приостановил действие коммунистической партии – мы все ликовали. Виктор Каспер предложил:

- Коля! Давай сегодня ночью снимем злосчастную табличку горкома партии и сорвём кровавый красный флаг с Белого дома!

Я поддержал его, решив не доводить это до всех членов «Демократической России».

Поздно вечером на машине подъехали к горкому. Тишина... Виктор взял мусорную урну, стал на неё и начал откручивать болты. Шепчет:

- Коля! Ужасно длинные и здоровые болты! Посмотри в машине, есть ли больше и длиннее отвёртка.

Я принёс и дело пошло. Вдруг урна перевернулась, и Виктор грохнулся на землю. Мы отбежали и замерли в тени за углом. К окну подошёл дежуривший в здании милиционер и посветил фонариком. Затем ушёл. Подождали с полчаса и Виктор опять начал откручивать вывеску. Благополучно сняли массивную доску и длинные медные болты, перенесли в машину. Затем неугомонный Каспер полез по пожарной лестнице на крышу снимать флаг. Скоро вернулся. Шепчет:

- Не смог вылезть на крышу! Там стоит решётка с замком!

Уехали ко мне в контору и отметили коньяком поздно ночью «падение коммунистической партии в городе»!

Каспер спрятал массивную доску горкома партии у себя на чердаке дома, а я - болты в своём гараже.

Ельцин пришёл к власти в Москве и мы «ходили гоголем». Коммунисты Кисловодска присмирели. Их не было слышно ни в печати, ни на телевидении и радио. Виктор Каспер хохочет:

- Ну, какие подонки эти коммунисты! Их 17 миллионов и ни один не встал на защиту своей партии! Трусые несчастные! А в нашем городе секретари горкома и их депутаты - прихлебатели стали смиренные, как ягнята! Боятся теперь, что пришла расплата!

На наших собраниях стали появляться разные люди. Помню, как мы все удивились, когда однажды в мой кабинет вошёл бывший второй секретарь горкома. Что ему надо было? Наверное, искал с нами контакты, т. к. поверил в победу демократии. Постоянно к нам по вечерам приходили многие именитые люди города.

Как – то руководитель краевой «Демроссии» из Ставрополя Красуля приезжает ко мне с незнакомым мужчиной. Говорит:

- Николай! Вызывай всех срочно! Я уже кое - кому успел позвонить.

Через полчаса мой кабинет, вмещавший до сорока человек, был заполнен.

Василий представил незнакомца:

- Друзья! Это депутат – член Верховного Совета России Виктор Шейнис! Он приехал из Москвы и сейчас нам расскажет обстановку в столице и стране.

Виктор Шейнис подробно обрисовал, с каким сопротивлением коммунистов встречается команда демократов, рассказал о задачах:

- Друзья! Я вам привёз значки и удостоверения членов «Демократической России». Скажу вам радостную весть. Ваш товарищ Алексей Кулаковский назначен представителем Президента на Ставрополье. Сейчас я с группой товарищей заканчиваю разработку и подготовку новой Конституции России.

А вам всем надо готовиться к смене власти во всех сферах жизни города! Проводите собрания во всех коллективах - выявляйте грамотных, активных, профессиональных людей, чтобы они могли заменить всех коммунистов – руководителей.

Мы все ликовали! Разговорам в этот вечер не было конца...

Я предложил Виктору Шейнису заночевать у меня. Нина накормила нас вкусным борщом и котлетами. Выпили мы с ним, конечно, и по рюмке водки. Шейнис уехал на следующий день, а мы с надеждой стали ждать долгожданных перемен. Но они так и не наступили...

Ельцин в Москве предал всех демократов. Сказав «А», он не сказал «Б»! Партию запретил, но всех коммунистов оставил на прежних постах. Никакой люстрации так и не было произведено!

Я в газете «Гражданский Мир» и в газете «Кавказская здравница» выступил с серией статей:

- «Покайтесь и уходите!»
- «Потерпевшие ... победу».
- «Время ещё есть, времени уже нет!»
- «Не сотвори себе кумира, чтоб не развенчивать потом».
- «Реакция не пройдёт!».

Эти статьи вызвали бурю возмущений местных коммунистов, оставшихся при власти. Они теперь осмелели и начали прессовать демократов не только в регионах, но и в Москве самого Ельцина. Прошёл 8 – ой, затем 9 – й съезды и в большой, заражённой коммунистической чумой России, вновь стало неспокойно. Абсурд демократии президента достиг апогея, когда он выпустил из тюрьмы преступников из ГКЧП, и это только придало силы реваншистам - коммунистам. Они стали рвать трёхцветные флаги России, оскорблять словами Президента и правительство, подстрекать к забастовкам и бесноваться на площадях.

Попробовали бы они это сделать при своей любимой компартии!

А у нас в Кисловодске тоже наступили трудные времена...

Писатели Солженицын и Губин.

Когда ночами шли аресты и сам себе забил ты кляп,

Звучали маршево оркестры, как совести позорный храп.

Евгений Евтушенко.

Пришёл 1992 год – год разочарований и крушений надежд многих россиян. Закрывались тысячи предприятий, рабочим подолгу задерживали зарплаты, а пенсионеры не могли получить свои копейки уже по полгода. Цены на всё и вся поползли вверх с катастрофической скоростью. Большинство людей не понимало смысла реформ, и наступало всеобщее разочарование. Чиновники в нашем городе тоже просто обезумели, нагло занимались рэкетом первых предпринимателей, в зародыше давили бизнес.

В этот год я много выступал в печати, пытаюсь себе и людям объяснить происходящее.

Как – то поздно вечером в мой кабинет постучали. Зашла высокая белокурая женщина средних лет:

- Вы Углов Николай?

- Да!

- Давайте знакомиться! Я – Губина Маргарита. Веду на Пятигорском телевидении раздел политики. Мой муж - писатель Андрей Губин.

- Видел, видел вас по телевидению. Очень нравятся ваши репортажи. Здорово вы критикуете коммунистов! Да и вашего мужа чуть знаю. Начал читать его роман «Молоко волчицы». Язык, как у Шолохова! Здорово пишет!

- Николай! Я тоже читаю ваши острые статьи. Предлагаю вам выступить у меня на телевидении.

- Писать одно, Маргарита, а выступать под юпитерами – нет, не приходилось! Думаю, что не получится...

- Давайте попробуем.

Я согласился. Раза три записывала меня Маргарита.

С тех пор она частенько приходила вечерами ко мне в контору, благо, что жила она в трёхстах метрах от нас. Привяжет огромного пса, с которым она всё время гуляла, к ёлке, росшей у окна моего кабинета, заходит, и мы весь вечер проводим в «демократических разговорах». Иногда мы с ней поднимали по рюмочке коньяка за победу демократии.

Как – то вечером Маргарита зашла ко мне в кабинет с коренастым симпатичным мужчиной с выразительными большими глазами. Нормальный мужчина – приветливый, добрый, скромный. Рита говорит:

- Николай! Знакомься: мой муж – писатель Андрей Губин!

Я вскочил, поздоровался. Мы проговорили в этот вечер допоздна. Коньяка у меня почему – то не было (обычно в сейфе для друзей всегда держал его) и мы опорожнили бутылку водки. Затем долго чаёвничали. После этого ещё неоднократно писатель приходил ко мне. Оказывается, он уже написал с десяток книг. Я им немного помог со строительством гаража (стройматериалы на него были у них уже выписаны и оплачены). Андрей подарил мне книгу «Молоко волчицы» с дарственной надписью:

- *Николаю Владимировичу Углову – на добрую память.*

6.11.91г. Андрей Губин

Очень я огорчился, узнав, что Андрей Терентьевич вдруг внезапно безвременно ушёл из жизни!

Летом этого года опять купил в постройкоме по 30% стоимости туристическую путёвку по Амуру.

Поразила пустотой Читинская область. На зелёных стоянках, куда ни глянь – бескрайние степи, заросшие трёхметровой крапивой, коноплей и густой травой. Нигде нет признака жизни человека! Я думал:

- Сколько земли в России! Где же эти даурские казаки, о которых читал в детстве? Почему не обрабатывается такая плодородная земля? Почему здесь нет людей? Ведь природа не терпит пустоты и когда – нибудь эти земли займут трудолюбивые китайцы.

Великая река стала границей между Россией и Китаем. Я пристально всматривался в наши и китайские берега и всегда находил разницу. Китай уже интенсивно развивался. В одном городишке на китайском берегу насчитал 48 фабричных труб. У нас, на противоположном берегу, тоже по площади такой же городок – и только две трубы! И так везде!

С нетерпением ждал следующего города – Комсомольска на Амуре. Сколько книг прочитал в юности, сколько патриотических фильмов посмотрел об этом городе! Нам всем внушали, что город построен героическими комсомольцами. Но я догадывался, что это очередной миф советской пропаганды. Из многих источников уже в то время стало известно, что истинными строителями этого легендарного города были политические заключённые, но об этом умалчивала лживая советская власть. Действительность даже превзошла мои предположения! Попался хороший и честный гид, который смело и прямо рассказал:

- В 1932 году в глухую тайгу прибыло более 1000 комсомольцев. Здесь партия и правительство решили создать «город Юности». Отряды комсомольцев постоянно пополнялись новыми людьми, но ещё больше их покидали разными способами, встретившись с неслыханными трудностями. Жили в шалашах, палатках и бараках при сорокоградусных морозах и отвратительном питании. Последняя партия комсомольцев из 2500 человек в 1934 году быстро «испарилась» и осталось всего 460 человек. Строительство города, авиационного, судостроительного заводов начало вестись привычным методом – бесплатным трудом тысяч политзаключённых. Отныне самые знаменитые комсомольчане - заключённые строители Николай Старостин, Эдди Рознер, поэт Заболоцкий Николай и писатель Задорнов Николай. Советую всем туристам посетить памятный знак жертвам политических репрессий, установленный у нас в 1990 году.

Город мне не понравился. Он был построен на человеческих костях и это тяготило.

И вот мы в Николаевске – на Амуре! Напряжённо всматриваюсь с берега вдаль, надеясь увидеть остров Сахалин, на котором много лет когда – то жил родной мне дядя Вася. Спросил у благообразного седого старичка:

- Извините! В ясную погоду отсюда виден Сахалин? Сегодня немножко облачно. У меня на острове жил родной дядя. Говорил, что очень нужен мост на «Большую землю», т. к. в непогоду невозможно оттуда уплыть или улететь. По месяцу люди ждут!

Тот охотно остановился и рассмеялся:

- Что вы! Отсюда до острова 80 километров! А вот недалеко отсюда есть посёлок Лазарев. От него до Сахалина всего шесть – семь километров. Конечно, здорово было бы построить мост на остров. Об этом ещё мечтал наш писатель Чехов, который был здесь. Но властям нашим это, видно, не нужно! Вот люди и маются веками...

Я вспомнил этого старичка в 2012 году, когда узнал, что на остров Русский построили большой мост на вантах. Нужен ли он там? Конечно, наверное, нужен. Но ещё более нужен мост или туннель на остров Сахалин! Как бы там начала развиваться жизнь! Ведь это гигантский остров, обладающий бесценными запасами нефти, газа, каменного угля и, самое главное, неиссякаемыми рыбными богатствами! Россия, построив этот мост или туннель, стала бы окончательно «обеими ногами» на эту благословенную землю, отбив всякую охоту к территориальным притязаниям соседей...

Прошли первые съезды демократии, когда вся страна не спала ночами, когда вдруг откуда - то появились грамотные и интеллигентные люди, которых всем было интересно слушать и видеть. Ни одно шоу не сравнится с тем, что мы наблюдали! Пресные и серые съезды косной коммунистической партии, где было сплошное единомыслие и подобострастное «одобрямс» никто никогда не смотрел, а тут вдруг такое! Страна проснулась! И всё это благодаря Горбачёву! История в будущем ещё не раз подтвердит, что это был величайший человек, спасший мир и Россию от ядерной катастрофы!

Прошло уже больше двадцати лет после этих событий - и ничего в стране и у нас в Кисловодске не поменялось! Всё также у власти бывшие коммунисты или потомки тех «неприкасаемых»! Всё также в стране города, улицы, станции метро, «заводы и пароходы» носят названия одиозных большевистских лидеров, убийц и террористов. Страна стоит враскаряку! Гимн практически старый, в Кремле звёзды соседствуют с орлами, а на главной площади страны в мавзолее лежит труп убийцы миллионов и на погосте Красной площади в дни праздников люди танцуют и поют, а зимой катаются на коньках. В какой стране это возможно? Только в России!

На выборах в Госдуму от Кавминвод выдвинулся крупный предприниматель Гаврилов. У него в Пятигорске уже был свой вещевой рынок «ГРис» и свой банк. Он снабжал рынок вещами из Израиля на зафрактованном самолёте. Мы с Николаем Дудниковым стали доверенными лицами от Кисловодска, а Володя Кулаковский ещё с кем – то от Пятигорска.

Когда закончились выборы, у Гаврилова на базе состоялось важное собрание. Мы с Колей тоже получили приглашение. Роман был прост в обращении и тепло принял нас. Заходим в большой зал. За накрытыми столами сидит человек сорок. В центре министр финансов России Борис Фёдоров. Как впоследствии выяснилось, все вокруг тоже «важные шишки» - руководители и министры соседних северокавказских республик. Борис Фёдоров – красивый, полный и крупный молоджавый мужчина. Перед ним стоит литровая бутылка водки, которая к концу вечера была пуста! Борис выступает:

- Друзья! Здесь собрались единомышленники! Мы живём в непростое время! Новое с трудом приживается, а старое не хочет отмирать. В Москве мы сталкиваемся с неслыханным сопротивлением. Государственная дума во главе с Хасбулатовым всячески тормозит процесс реформ. Вице – президент Руцкой и председатель Конституционного суда Зорькин не поддерживают Бориса Ельцина, ставят всевозможные рогатки и препоны его начинаниям. Плюс огромные старые советские долги и необычайно низкая стоимость нефти и других энергоресурсов на мировом рынке ставят Россию в исключительно трудное положение. Не знаю, как мы его переживём! Но пока всенародно избранный президент у власти, уверен, не допустит реванша всевозможных красных и коричневых! Давайте поднимем бокалы и выпьем за его здоровье!

Вечер прошёл великолепно! По очереди, говорили какие – то важные персоны свои витиеватые кавказские тосты. Провожая нас, Гаврилов сказал:

- Ребята! Предлагаю вам на недельку посетить Израиль на моём самолёте! Там вы прекрасно отдохнёте и наберётесь сил!

Мы поблагодарили. Николай Дудников и Володя Кулаковский воспользовались этим предложением и улетели в Израиль. Я не поехал, боясь попасть от него в зависимость...

Виктор Каспер три года практически ночевал у меня в кабинете. Ему нужен был бесплатный телефон, и он проводил время в бесконечных разговорах. Я его оформил сторожем в контору. Как юристу, ему никто не давал работу в городе. Коммунисты –

руководители всячески преследовали его. Жену его тоже уволили с работы в туристической фирме. Двое детей – сын и дочь, не получали нормального воспитания. В городе царила безработица и уныние.

Участились семейные трагедии.

События всё время ухудшались. Нас всё сильнее прессовали за демократию. Виктор Каспер заговорил о возможном отъезде в Германию. Нина поддержала его и, боясь за меня, начала уговаривать Виктора Каспера уехать:

- Витя! В этой проклятой Богом стране ни у кого нет будущего! А у тебя тем более! Уезжай, пока есть возможность! Ты немец, а там сейчас принимают наших. И, пишут, все хорошо устраиваются! Вон, у Коли уехала инженер по труду и зарплате: живёт припеваючи! Подумай о детях! Ты там выучишь их, и у них будет будущее!

И Каспер решился!

Провожали мы его на железнодорожном вокзале Кисловодска. Попрощались. Особенно долго Виктор держал за руку Нину - как бы благодарил её за мудрое решение...

А по России ехал на поезде от Владивостока, останавливаясь в городах, изгнанный когда – то из страны, знаменитый писатель Александр Исаевич Солженицын. Все мы наблюдали по телевизору за его триумфальным возвращением.

И вот он в Кисловодске! Только сейчас мы узнали, что Солженицын наш земляк. Оказывается - родился в Кисловодске!

Встреча с горожанами была назначена в театре. Мы с Ниной еле попали - зал переполнен! Стоят даже в проходах!

Александр Исаевич говорил со сцены около двух часов – великолепнейший оратор! Я тихо говорю жене:

- Вот бы кого в президенты России! Он бы навёл порядок! Всё знает, всё предвидит! Умнейший человечество!

Солженицын закончил выступать и ещё с час отвечал на вопросы. Затем стал раздавать автографы - его обступила большая толпа. Я тоже двинулся туда. Нина пыталась остановить:

- Коля! Пошли! Не выпячивайся! Зачем тебе это?

Но я давно решил про себя эту проблему – другого повода не будет! Надо рассказать писателю о своих семи детских дневниках, написанных в ссылке!

Проталкиваюсь – всё бесполезно! Толпа не убывает! Вот уже рядом! Стесняюсь громко кричать – ведь никто в городе не знает о моём прошлом! Но как по - другому? Кричу:

- Александр Исаевич! Я тоже был в ссылке! У меня есть детские дневники!

Он не слышит и не обращает на меня внимание. Я проталкиваюсь ближе. Злюсь на этих курортных дам, которые окружили его плотным кольцом. Мужчин практически нет. Кричу ему всё тоже!

Он, наконец, краем глаза смотрит на меня, подписывая очередную книгу, блокнот или открытку:

- Где вы были? Из – за чего сидел отец?

- В Новосибирской области! Пихтовская комендатурская зона! Отец, как и вы - офицер Советской армии. Попал в плен, будучи раненым и обмороженным. Отца судили и дали десять лет лагерей в Норильске. А нас - двоих малолеток с матерью, сослали в Васюганские болота. Отец погиб.

- Не слышал о такой зоне! Не слышал... А где дневники? При вас?

- Нет, дома!

- Так вы местный? Земляк мой?

- Да!

- Вот что - дружище! Вам надо издать их! Написать маленькую книжку! Хотя бы в память об отце! Напишите обязательно! А нет - найдите меня! Возможно, помогу!

Сопровождающие его лица из администрации города оттеснили меня, и повели писателя на выход. Тот ещё раз обернулся:

- Слышите? Напишите! Напишите! Это не должно забываться! В память об отце!

Великий писатель уехал, а я так и не посмел больше его беспокоить. Не стал ему писать и докучать своими проблемами...

Великая сталинская стройка.

Какие же всё – таки вы дураки, слепые поклонники сильной руки,

Ведь эта рука, сжимаясь в кулак, таких же как вы, загоняла в ГУЛАГ.

Евгений Евтушенко.

Долгие годы я собирался посетить Игарку, Дудинку и Норильск, где отец отбывал заключение в течение десяти лет. И вот, наконец, мы с Ниной и другом - Шатровым летим в Красноярск. Оттуда у нас путёвка по Енисею на теплоходе до Дудинки и обратно.

Через три дня мы погрузились в теплоход и наше путешествие по Енисею началось. Мощный, стремительный, могучий и красивый Енисей! Я уже плавал по Лене, Оби, Волге, Амуру, Дону, Северной Двине и Енисей, пожалуй, по красоте уступал только Лене. Особенно красив был его правый скалистый берег, поросший лесом.

С нетерпением всматривался в потрясающе красивые и одновременно угрюмые берега. Где – то рядом должен быть уже Туруханск, где отбывал четырёхлетнюю ссылку будущий тиран Сталин.

Мы не стали там останавливаться. В маленьком посёлке Сталин не жил, а только получал один раз в два месяца почту с «Большой земли». Власти знали, что Коба и его друг Яков Свердлов, с которым они были здесь, склонны к побегу, и перевели его ниже по Енисею, в ещё более маленькое и глухое село Курейка, из десятка домов. А эсера Мартова, который тоже был с ними, оставили в Туруханске.

И вот теплоход остановился недалеко от берега. Т. к. в Курейке не было пристани, нас погрузили на шлюпки и повезли в посёлок. Экскурсовод предупреждает:

- Товарищи! Смотрите вниз в воду. Только сильно не наклоняйте лодки! Возможно, мы сегодня увидим на дне гигантскую белую статую Сталина. Этот памятник стоял перед Пантеоном, куда мы сейчас направляемся, и был демонтирован зимой 1961 года. Говорят, что памятник «страшно сопротивлялся». Его не могли стащить тросами несколько часов два могучих «Алтайца». Но всё – таки его свалили и волоком потащили в Енисей, где уже приготовили большую прорубь. Туда его и столкнули. Говорят, что при погружении из воды раздался грозный рык – предупреждение людям! Статуя начала светиться из воды.

Её не всегда можно заметить, но местные жители говорят, что иногда из глубины идёт такое свечение, как будто горят сотни прожекторов.

Потрясённые, мы выслушали этот рассказ. Сколько не смотрели в воду – ничего не видно.

И вот мы стоим перед огромным зданием серого цвета, облицованным мраморными плитами. Оно уже достаточно разорено: нет окон и дверей, внутри мусор и хлам. Нет деревянной избы Сталина и паркетных полов, только гулкое высокое здание напоминало о величии музея. Экскурсовод рассказывает:

- В 1934 году было принято решение о создании здесь музея Сталина. Деревянный домик, в котором жил Сталин, окружили гигантским дворцом из красного кирпича, облицованным мрамором. Пантеон строили заключённые. Рядом построили котельную и электростанцию для отопления и освещения музея. Вокруг здания Пантеона всё было благоустроено: асфальтовые дорожки, сотни различных фонарей, и даже голубые ели привезли из Москвы! Через большие окна в три этажа, имевших тройное остекление, и между которыми циркулировал тёплый воздух (они никогда не замерзали даже в пятидесятиградусный мороз!), всегда можно было видеть избушку Сталина. А перед Пантеоном на высоком берегу установили гигантскую скульптуру Сталина. Все пароходы, которые ходили по Енисею, в обязательном порядке останавливались здесь на два часа.

Я спросил экскурсовода:

- Где – то читал, что у Сталина здесь был внебрачный сын. Это правда?

- Да, наш вождь здесь жил неплохо. Местное население жило в то время в чумах, а он в деревянной избушке. У них со Свердловым были ружья и лыжи. Они охотились на рябчиков и тетеревов, рыбачили. Он жил в гражданском браке с несовершеннолетней девушкой Лидией. Ей было всего 14 лет, и она родила ему сына Александра в 1917 году, когда он уже отсюда уехал.

- Расскажите, как Сталин «отплатил» этим краям за свою ссылку? Были ли здесь заключённые, и какие условия им создавали?

- С 1930 года в Туруханском крае создали много специальных лагерей для ссыльных. Они просуществовали здесь до 1956 года. Из знаменитостей здесь были Эфрон Ариадна - дочь Марины Цветаевой и Виктор Крамаров – отец актёра Савелия Крамарова. Особенно большая волна заключённых была после войны. Сюда десятками тысяч депортировались латыши, литовцы, эстонцы, калмыки, финны, немцы, поляки, татары, евреи, мордвины и греки. А условия существования были ужасные. Естественно, не как у Сталина когда – то...

Миновав эти ужасные места, вскоре теплоход остановился на зелёной стоянке. Песчаный берег, зелень лесов вдалеке, прекрасный солнечный день. Мы приготовились весь день отдыхать, купаться, рыбачить. Вдруг из радио теплохода раздался громкий голос:

- Говорит капитан теплохода! Товарищи! Предлагаю самым стойким туристам поход в «мёртвый город» Ермаково. Это огромный сталинский концентрационный лагерь, сохранившийся до наших времён. Расстояние туда и обратно 25 километров. Предупреждаю заранее – дорога тяжёлая! Всем желающим сейчас выдадут сухой паёк. Сбор у борта теплохода ровно через час. Я сам поведу группу туристов.

Услышав всё это - мгновенно загорелся. Может и в этом лагере был мой отец? Мы с Ниной и Михаилом двинулись в горы. Из 250 - ти туристов теплохода отправились в поход всего 30 человек. Женщин было 9 человек и все они, как выяснилось потом, сибирячки, и гораздо моложе моей жены. Так что Нина проявила чудеса героизма, выдержав этот трудный поход.

Солнце пекло нещадно, комары донимали, тяжёлые и влажные испарения болот бросали нас в пот. Шли мы всё время по тропинке. Видно, капитан не раз уже водил к «мёртвому городу» туристов. В одном месте все остановились, рассматривая что – то. Мы подошли. В двух волосяных силках, расставленных каким – то охотником на тропе, висели два больших тетерева. Они были ещё теплыми, видать, только утром попались. Я сразу вспомнил, как в детстве меня напугала многотысячная стая этих косачей. Все жалели чёрных красивых птиц и поражались, как только они попались. Ведь тайга огромная и надо же было им сюда прилететь? Охотник, видно, очень ушлый и знает повадки этих осторожных птиц.

На небольшом гребне капитан остановил группу:

- Видите внизу вогнутую ровную площадку? Как бы блюдце. Здесь в 1978 году был произведён подземный ядерный взрыв. А всего на территории Красноярского края было произведено девять ядерных взрывов.

Почти одновременно все закричали:

- Для чего? Здесь же люди жили!

Капитан молча пожал плечами:

- Спускаемся вниз, сами увидите!

В самом центре большого круга стоял среди камней железный столб с табличкой:

- Здесь был произведён подземный ядерный взрыв в народнохозяйственных целях.

Все начали фотографироваться, но капитан предупредил:

- Бесплезно! Радиация. Плёнка засветится. Ничего не выйдет!

Так и случилось в будущем – фотографии не получились.

И вот мы в Ермаково. Стало жутко. Насколько хватает взгляд, длинные бараки с просевшими тесовыми крышами без окон и дверей. Высокие покосившиеся вышки, кривая и порванная ограда из колючей проволоки. Вышли к площади, на которой стояли выцветшие стенды с показателями работ десятков бригад. Капитан рассказал:

- Сталин после войны надумал воевать с Америкой. Для этого решено было построить гигантскую железную дорогу от Воркуты через Салехард, Норильск до самой Чукотки. Якобы, зимой должны были перейти по льду Берингов пролив 100 тысяч танков и вторгнуться в Америку. Для этого была создана цепь концентрационных лагерей,

заключённые которых строили эту дорогу. Ермаково – один из этих лагерей, в котором размещалось тридцать тысяч заключённых. Из него невозможно было убежать – кругом болота и бездорожье. Уже успели построить 1500 километров «железки», когда умер тиран. На один из участков железной дороги мы зайдём позже. А сейчас обедать. Заходим вот в то большое здание столовой. Там сохранились широкие сухие балки полов, на которых и можно расположиться.

Мы зашли в столовую. Она разделена пополам. Посредине огромного зала возвышение: десять чугунных гигантских котлов вмонтированы в печи с кирпичными трубами. В котлах готовили пищу и прямо здесь раздавали, разносили заключённым по длинным столам. Мы с собой взяли две бутылки коньяка. Михаил Шатров позвал капитана:

- Кэп! Давайте в наш угол к нам!

Тот охотно подошёл. Выпили, разговорились. Кэп рассказывает:

- Вожу туристов уже не один год сюда. И каждый раз вижу, что растаскивают село! И людей – то в округе нет вроде! Стёкла все уже вытащили, окна, двери, плахи. Чую, до котлов скоро доберутся. Только как унесут? На тысячу порций каши каждый котёл!

Я спрашиваю:

- А почему вы сами водите сюда туристов? Ведь есть же на теплоходе экскурсовод.

Голос кэпа осип, он помолчал, часто заморгал ресницами:

- Отец у меня погиб в этом лагере! Каждый сезон сюда иду к нему проведать. Где – то могила его здесь...

Ком подкатил к моему горлу. Я встал и пожал ему руку. Он благодарно посмотрел на меня.

Мы походили по «мёртвому городу» и затем вышли к железной дороге. Она уже заросла деревьями и кустарником. На покосившихся рельсах стояли три паровоза. На одном из них мы всей группой сфотографировались. Пошли назад. Капитан шёл с нами. Я невесело пошутил:

- Кэп! Вот мой друг Шатров - полковник милиции. Если опять победят коммунисты – готовый начальник спецзоны Ермаково! А мы будем у него продолжать строить железную дорогу!

Все угрюмо молчали и, чертыхаясь в темноте, наконец, пришли к теплоходу...

Прошли порт Игарку. По радио экскурсовод объявил:

- В 1929 году был построен этот город – порт по вывозу леса. Строился этот город до 1950 года силами политических заключённых. От Салехарда до Игарки также строилась железнодорожная магистраль, которую прозвали «дорогой на костях». Это была только

часть недостроенной Трансполярной магистрали, унесшая десятки тысяч наших соотечественников...

Теплоход остановился в Дудинке. На грязных берегах масса штабелей леса. Экскурсовод объявляет:

- Дудинка – самый северный международный морской порт в России. Он единственный в мире, ежегодно затапливаемый в период весеннего ледохода. Сейчас мы все получаем сухие пайки и идём к железнодорожному вокзалу. Оттуда едем в Норильск.

Погрузились в поезд. Идёт он очень медленно. Экскурсовод рассказывает:

- Эта железная дорога длиной 96 километров самая северная в мире. Построена она заключёнными в связи со строительством Норильского комбината. Скорость передвижения по ней не больше 15 километров в час, т. к. рельсы от трения разогреваются, а под нами вечная мерзлота. Каждый раз после зимы вдоль дороги можно ещё видеть черепа и кости погибших, выталкиваемые трясинной.

Было жутко слышать подобное! Да и сама дорога производила ужасное впечатление! Кругом грязь и хлам, десятки ржавых бочек, мотки проволоки и куски арматуры, катушки из - под кабеля и сотни гнилых деревянных ящиков.

И вот Норильск! Нет, наверное, мрачнее и грязнее города на свете! Десятки

труб дымят на фоне абсолютного отсутствия зелени. Нет ни деревьев, ни кустарников, ни травы! Черные горы окружают город. Нас сразу повели в центр города. И – о! Чудо! Мы как будто очутились в Ленинграде! Центр города, как выяснилось впоследствии, действительно был выстроен ленинградскими архитекторами. Ничего не скажешь – красиво, добротно, но... только на протяжении Ленинского проспекта и Гвардейской площади. А дальше... тьму тараканья!

Нас повезли довольно далеко от города к месту массовых захоронений на склонах горы Шмидтиха. Внизу находится город в дыму. Мы стоим на ровной площадке чёрной горы, и гид рассказывает:

- Название Норильск – от речки Норилки. Ещё в древности здесь был город Мангазея, где уже в то время выплавляли медь. Руды здесь чрезвычайно богатые не только медью, но и палладием, платиной, никелем, родием, кобальтом, осмием, золотом и серебром. С 1935 года силами заключённых началось строительство города и Норильского горно – металлургического комбината. В 1953 году произошло Норильское восстание заключённых, жестоко подавленное властями. Черепов и костей на этой горе – сотни тысяч!

Чуть ниже три небольших часовни и большой деревянный крест. Я подошёл к одной, другой, третьей часовне, читаю:

- Здесь похоронено 29 тысяч эстонцев ... 31 тысяча латышей...33 тысячи литовцев.

У креста надпись:

- Здесь похоронено около миллиона русских, украинцев и белорусов...

Слёзы сами льются у меня из глаз. Думаю, глядя на эти угрюмые чёрные склоны горы с извилинами дорожек:

- Бедный отец! Вот на этих серпантинах он, видно, таскал тележками руду. За что он мучился? Что он совершил плохого! Потому что в немецкий плен попал, весь обмороженный и израненный? Что за сволочная власть тогда была? Будь проклят этот Джугашвили! Будь прокляты те коммунисты, погубившие миллионы невинных людей!

Меня отвлекает подошедшая жена. Обнимает за плечи, говорит:

- Ну, не надо так... Не плачь, я тебя прошу. Пошли! Все ждут нас. Успокойся!

С тяжёлым сердцем я прощался с Норильском...

Последняя встреча с Шегаркой.

Сыновья стали взрослыми и мне не терпелось показать им края, где протекало моё нелёгкое детство.

И вот мы на теплоходе. Всё для меня уже мило и привычно! Я очень полюбил теплоходы! С радостным чувством отчаливаем от речного причала Новосибирска. Все туристы столпились на палубах теплохода. Из динамиков рвётся знакомая до боли мелодия:

На теплоходе музыка играет. А я одна стою на берегу.

Машу рукой, а сердце замирает. И ничего поделать не могу.

Проплываем Кривошеино, Молчаново и Колпашево - там есть остановки.

И вот теплоход в Новосибирске. Опять тёплая встреча с Асеевым Колей – моим братом по отцу. Он тоже решил ехать с нами на Шегарку. Это моё уже четвёртое посещение родных для меня мест. До Пихтовки, а затем до Вдовино добираемся неожиданно быстро. Оказывается, сделали неплохую дорогу. Я много снимаю теперь на кинокамеру – хочу оставить память об этих местах навсегда! Мы разместились в большом пустующем панельном одноэтажном доме на восемь квартир. Для меня это шок! Во Вдовино - и мой «родной по крови» панельный дом! Как только панелевозы прошли сюда! Оказывается, его строили для приезжих рабочих, но они вскоре покинули Вдовино. Ходим по селу, в котором осталось жить с десятков семей. Запустение, полуразрушенные дома и разваливающиеся старые три колхозных амбара. Лужи, в которых хрюкают довольные свиньи, покосившиеся скворечники, заросли высоченной конопли и крапивы, тучи комаров, щебетанье ласточек и трясогузок, бой перепелов. Как мила мне эта картина!

Прямо в центре села, по дороге к Тетеринскому кладбищу, на затравеневшей дороге набираем ведро шампиньонов. На кладбище рассматриваем надгробья, стараясь увидеть знакомые фамилии. Но всё так запущено, что надписей не разобрать. Всё – же натываемся на могилу отца Микрюкова – моего директора детдома. Видно, он когда – то приезжал и обновлял краску на памятнике отцу. Долго стоим перед крестом. Я рассказываю сыновьям, Сергею и Коле о детдоме.

Идём в село - моросит нудный дождь. Удим рыбу на пруду и в Шегарке. Они очень обмелели и заросли водорослями. Клюёт плохо.

Собираем малину прямо на краю села около бывшего сельпо и дома Крыловых. Подходим к нашему бывшему дому. Я рассказываю сыновьям:

- Вот где особенно высокая крапива, стоял наш домик. За ним, сразу вплотную, Филипп Васильевич построил большой дом, но мы так и не жили в нём, т. к. не было кирпича для

печки. Зимой, когда было особенно холодно, мы там держали курей и гусей. И там же у нас с Шуркой был живой уголок. А вот чуть дальше стояла ракита, на которой была дуплянка для скворцов. А под деревом находился колодец, в котором плавали чебаки. Вы видели у меня дома на прикроватной тумбочке почерневший кусочек корня ракиты? Так это отсюда! В прошлый раз откопал его здесь. Это память о детстве...

- Папа? А где ты зимой петлями ловил зайцев? В какой стороне леса?

- Вот прямо за этой ракитой было большое болото. А за ним дорога на Жирновку. А уж за дорогой большое ржаное поле, в котором кормились озимыми под снегом зайцы. Вот в том лесу мы и ставили наши петли.

- Так это получается, рядом с домом?

- Конечно. Зайцы всегда жались к деревне: осинники, гумно, сено и прочее...

Вечером нажарили грибов, сварили уху, выпили. Хорошо!

На следующее утро пошли к дому Вдовинского бригадира и попросили отвезти нас на Вершину. Я коротко рассказал о себе, братьях и сыновьях:

- Хочется побывать на трёх озёрах, которые находятся за Вершиной. А до неё 15 километров, и там где – то шесть. Будучи в детдоме, я не выдержал «экзамен по дисциплине», и меня не взяли туда в поход. В детстве так и не побывал там. А рассказывали об этих озёрах чудеса.

- Да, это точно! Водятся там золотистые караси, как лапти! Тетеревов, рябчиков - тучи! Это теперь охотничьи угодья военных. В позапрошлом году там зимой в болотах провалился бронетранспортёр. Охотники – то спаслись, а машина утонула. Говорят, на 40 метров ушла в трясину.

Мы собрались и через некоторое время проехали Жирновку. В зарослях мелькнул один дом и сарай. Не доезжая до Юрковки «Нива» застряла наглухо. Невозмутимый сибирячек покряхтел, почесал затылок и вымолвил:

- Ничего, ничего. Подваживать будем. Берите топор.

Мы выгрузили из машины все рюкзаки и принялись рубить молодые деревья. Ими начали подваживать под колёсами. Затем поддели длинной и толстой слегой, навалились все на неё – «Нива» поднялась. Бригадир сел в машину и без помех выехал.

Доехали до Вершины. Это был когда – то самый дальний посёлок в верховьях Шегарки. Теперь там не было ни одного строения – только заросшее высоченной травой и кустарником поле. Договорились с бригадиром, что он приедет за нами через три дня. Разместились в охотничьей сторожке на берегу Шегарки. Это была небольшая будка, сооружённая из досок. Мы начали ловить рыбу, а Миша с Игорем пошли стрелять уток (у нас была двустволка – вертикалка).

Коля пошёл по дороге в соседний лесок и вдруг закричал:

- Ребята! Все сюда! Смотрите, свежий след медведя! Это уже следы поверху шин машины! Представляете? Только что здесь был медведь! Ходит за нами. Надо быть осторожней. Николай, зови сыновей!

Стало действительно страшно. Медведь где – то рядом и он, видимо, не боится выстрелов. Подошли сыновья, рассматривают следы косолапого. Игорь застрелил утку. Михаил говорит:

- Метрах в двухстах отсюда сразу две огромные запруды бобров. Здорово! Как устроены хитро! Все деревья рядом поточены и даже дорожки в траве протоптаны.

Поймали немного чебаков. Решили с самодельным (из двух волейбольных сеток) небольшим неводом пройти омуток. Миша, Игорь, Коля вытаскивают невод на берег, кричат:

- Сергей, папа! Бегите сюда! Щука в неводе! Может уйти! Быстрее!

Я кинулся в воду около берега, ловлю щуку. Она резко подпрыгивает вверх через сетку и уходит. Все разочарованно ругаемся...

Развели костёр, приготовили уху и поджарили утку, поужинали, выпили.

Я фиолетовым карандашом написал жирно на стенах сторожки:

- ***Здесь были в 1995 году из Кисловодска....*** (такие – то)

Ночь практически не спали - нещадно донимали комары, да и на голых досках не особенно уснёшь. Утром позавтракали и пошли по чуть заметному следу в сторону, куда указал бригадир. Ноги вязнут в высокой траве и воде. Жара! Испарения. Оводы, комары, пауты и слепни. Прошли уже, кажется, не шесть, а гораздо больше километров, но озёр не видно. Под ногами уже по колено грязь и вода. Завалились на высокий камыш обедать. Подкрепились. Говорю детям:

- Миша, Игорь! Вы моложе и посильнее нас. Берите двустволку и пройдите с километр вот той просекой в камышах. Дальше виднеется, кажется, хвойный лес. Там может быть первое озеро. Если точно – стреляйте дуплетом. Мы подойдём.

Время тянется неимоверно медленно и долго. Мы лежим практически в воде, грязные, усталые. Сыновей что – то долго нет. Думаю:

- Что я наделал? Зачем послал сыновей в топи? Дурак набитый! А вдруг нападёт на них медведь? Как забыл им сказать, чтобы зарядили оба ствола «жаканом»! Это всё – таки кусок свинца, а не мелкая дробь.

Наконец, показались сыновья. Говорят:

- Нет там ничего! Сколько хватает глаз – один камыш.

Миша говорит:

- Папа! Давайте заночуем вон в том бору напротив нас. Там, видно, сухо. Только надо перейти, переплыть небольшое болотце. Всего – то метров пятьдесят! А за ночь отдохнём и продолжим поиск этих проклятых озёр.

Я согласился. Михаил пошёл первым. С каждым шагом мы всё больше и больше погружались в трясину. До гладкого места осталось метров пять. Сергей, Коля закричали:

- Назад, назад! Там трясина! Засосёт!

Миша сделал ещё шаг и ухнул в грязь по грудь. Судорожно пытался ухватить за последнюю оставшуюся берёзку и с ужасом отдёргнул руку - на пеньке кочки лежала толстая чёрная гадюка. Поражали её размеры – толщиной с руку! Видно, беременная. Мы протянули Мише ружьё и за приклад вытащили его. Как обманчиво было это небольшое озеро чистой воды! Только теперь мы поняли, что это была настоящая топь и трясина! Мы бы ни за что не переплыли его!

Уже ночью пришли назад к своей сторожке. По пути всё время стреляли, отпугивая медведей. Мокрые, грязные, усталые и злые завалились спать, выпив две бутылки водки.

Полдня отходили, а затем отправились в другую сторону от озёр, где, как нам казалось, было посуше. И, правда, наткнулись на большую возвышенность, всю обсыпанную пахучей лесной малиной.

Не успели даже полакомиться ею, как пошёл сильнейший ливень. Мы прибежали в соседний большой осинник, накрылись длинной плёнкой, которую захватили с собой, и сидели так часа три! Дождь шёл стеной! Это было невероятно! Он шёл, до самой ночи, не переставая! Сидим гуськом друг за другом под плёнкой, а дождь не даёт нам даже высунуться. Миша пытается шутить:

- Папа! А ведь медведь явно живёт в этом малиннике, откуда мы прибежали. Вот сейчас он подойдёт сзади, и своей лапой будет шлёпать по жопе всех по очереди. Папа! Ты крайний! Тебе первому достанется!

Мы смеёмся, а самим и впрямь страшно. Мы же сейчас, действительно, полностью беззащитны! Так и просидели на корточках до ночи!

Всё было против нас в эти дни! Шегарка так и не открыла до конца мне все свои тайны! Неужели надо приезжать в пятый раз?

Олигарх и ...правозащитница.

Страх гласности – от ужаса невластности удерживать захваченную власть. И только при посредстве сладкогласности по – ханжески

Кормить сограждан всласть. Народоразвратители, вы ласками

И страхом нас хотите развратить. И нашу гласность в шлюху

Полугласности из Орлеанской девы превратить.

Евгений Евтушенко.

В начале 90 – х годов в стране царил бардак: всё разваливалось и распадалось. В 1996 году, наконец, создал собственную стройорганизацию, но работы не было. Чем мы только не занимались в те годы! Мелкота - гаражи, подсобки, пристройки, сараи, ограды, туалеты.

В городе появился известный фармацевт Брынцалов. Он выкупил для своего имения известную дачу балерины Кшесинской и начал реставрировать её. Решил поехать к нему. На первом этаже развязно развалился в кресле хозяин. Я представился. Брынцалов расхохотался:

- Что вы все, как мухи на мёд, лезете ко мне? Сколько уже строителей перебивало здесь? Ну что ты можешь? Это же историческое здание, а ты несчастный панельщик!

Я скрипел зубами, но сдерживался. Сказал, что у меня классные отделочники. Есть даже каменотёсы, т. к. к многоквартирным домам мы строили магазины, аптеки, кафе и другие встроено – пристроенные помещения. Он согласился:

- Ну, ладно! Давай пройдемся по территории дачи.

Большой металлический витиеватый забор, беседки, бассейн. Подпорные стены, декоративные валуны, дорожки, арки, зелёные насаждения – везде уже кипела работа. В одном месте Брынцалов разорался на рабочего - даже выхватил пистолет:

- Ты что делаешь брак - негодяй? Привык работать, как при советской власти! Я вот сейчас застрелю тебя, и мне ничего не будет! Я депутат Государственной Думы!

Успокоившись, предложил какие - то работы нашей организации. Всё увиденное расстроило и потрясло меня. Я сказал сыну:

- Игорёк! Я ни за что не буду работать на этого придурка! Если хочешь - приступай! А я этого «нового русского» больше видеть не хочу!

Игорь горячо взялся за дело и очень понравился олигарху.

Год за годом стремительно катились, и необходимо было следить за своим здоровьем. Я давно понял, что насчёт наших врачей абсолютно не заблуждался. Надо было самому заниматься своим здоровьем! И я начал опять бегать! Сначала два раза в неделю, через три года три раза, а потом перешёл на четырёхразовые тренировки. Завёл дневник, где тщательно отмечал километраж и интенсивность пробегаемых отрезков. Здоровье моё улучшалось с каждым годом, а интенсивность и километраж бега рос в такой же пропорции. В 2005 году пробежал на тренировках за год уже 2000 километров.

Как – то позвонил Каспер - устроился в Германии, дай Боже! Дали бесплатно трёхкомнатную квартиру, пособие у него 1000 евро. Дети учатся бесплатно, жена его создала собственную турфирму, вообще - всё у них нормально....

Неожиданно умирает Вера Михайловна – мать Нины. Замечательнейшая женщина – труженица! Хлебосольная – её любила вся Будённовка. Проводить её в последний путь пришло 300 человек! Я был поражён!

Отец Нины до 86 лет работал, и лишь только инсульт сломил этого крепкого старика. Он ненавидел сегодняшнюю власть «всеми фибрами души». Повторял постоянно:

- Бандиты! Везде бандиты! Сталина на них нет!

Последние четыре года он лежал на продавленном диване, а перед ним висел портрет Сталина в рамке со стеклом. Он никогда не верил в Бога и всегда громко спорил:

- Да подождите вы! Никакого Бога нет! Я доживу до 90 лет и без Бога!

Он, действительно дожил ровно до этих лет, но я уверен, Бог лишил его речи из - за его неверия и богохульства. Он верил только Сталину! Всю жизнь они жили в бедности. Один раз его самого чуть не засудили за две котлеты (он работал поваром в санатории). Советская власть так и не дала фронтовику построить в собственном небольшом домике тёплый туалет и ванную, но он почему – то любил её. Бесполезно было ему что – то говорить на эту тему! Он был очень упрямый! Заблудшие люди! Умирая, он всё смотрел на портрет Сталина...

После похорон я с ожесточением разбил стёкло на портрете Сталина, разорвал и выбросил его в очко холодного туалета в саду.

Люди в России всегда преклонялись перед вождями. Я к старости прочитал много исторических романов и увидел множество фильмов про наших вождей. После этого окончательно прозрел. Никогда на Руси не было нормальных руководителей! Что Иван Грозный, Пётр Первый или Ленин, Сталин – все они были просто ненормальными маньяками и параноиками! А маленький, сухорукий, рябой Иосиф Джугашвили, бывший в молодости вором и бандитом с большой дороги, пожалуй, самый худший из них!

Через две недели после похорон отца Нины, мы проводили в последний путь Анну Филипповну. Мама, милая мама! Как мне тебя жаль! Сколько ты намучилась в жизни!

Ты выстирала своими руками на доске горы кровавых бинтов в госпитале во время войны! В ссылке ты страдала от голода и холода, от вшей, клопов, комаров, от неустроенности и бесконечных унижений! Ты долгие годы обстирывала вручную в маленьком душном помещении 200 воспитанников детдома! Ты выходила нас и спасла от голодной смерти! Сколько слёз ты пролила в этой проклятой жизни! И в личной жизни тебе не везло! Слёзы и страдания десятилетиями причинял тебе Пастухов и его сын!

Мать полностью реабилитировали и предоставили все льготы как участнику войны. Из соцзащиты к ней ходила женщина – соцработник и патронажная сестра. Анну Филипповну наградили орденом и пятью юбилейными медалями. Ко дню Победы приносили подарки и открытку от президента. Мама очень гордилась этим! Несмотря на тяжелейшую жизнь, мама прожила 87 лет...

Смерть матери произвела потрясающее впечатление на Сергея: он бросил пить! Повторилась судьба его отца Пастухова Филиппа Васильевича, который также через 30 лет пьянства стал трезвенником. Медленно и постепенно Сергей Пастухов превращался в нормального человека. Мы теперь гордимся им!

Время летит невероятно быстро – дни, недели, месяцы, годы...

Скоро будет тридцать лет, как мы живём с Ниной! Иногда с юмором вспоминаем «предсказание» бывшей жены Тамары:

- Ты с ним не проживёшь и полгода!

А ведь ни разу не повздорили серьёзно за эти десятилетия! Благодарю судьбу и Бога, что встретил эту женщину! Недавно отмечали юбилей Нины. С радостью и гордостью прочитал в местной газете поздравление и стихи её одноклассников:

Живи, подруга, без печали!

На улице одной мы жили, и в школу бегали не раз.

Мы в детстве жили – не тужили, и весел был наш дружный класс.

Мы одноклассники, подруги. Но детство уж давно прошло.

Встречаем редко мы друг друга. Мы живы – это хорошо!

Не раз бывали наши юбилеи. Нам было двадцать.. пятьдесят...

Но ни о чём мы не жалеем, хоть нам уже за шестьдесят.

И даже если жизнь начать сначала, ошибок и невзгод не избежать,

Но хочется, чтобы их было мало...и хочется вернуть отца и мать.

Они нам жизнь когда – то дали, нам не забыть их никогда.

Живи, подруга, без печали, и не считай свои года.

Желаю, чтобы ты с улыбкой, встречала в дом родных, друзей.

Ты предавай фигуре гибкость, и бегай, силы не жалея.

С тобою рядышком мужчина - спортсмен, строитель Николай.

Здорова будь, подруга Нина, и никогда не унывай!

Пусть будут счастливы все дети, и внукам классно чтоб жилось.

Как здорово, что ты живёшь на свете! И всё задуманное в жизни удалось!

Лучше не скажешь! Я горжусь женой...

Период начала - середины двухтысячных годов в Кисловодске был тоже беспокойный. Во власти постоянно находились явно не те люди, которые бы могли сделать что – то позитивное для курорта.

Как – то в Кисловодск приехали видные правозащитники из Москвы - Лукин, Алексеева, Орлов и другие. Нас также пригласили на встречу. После доклада Лукина все вышли в фойе. Я вежливо попросил разрешения присесть на диване рядом с Алексеевой. Это уже довольно почтенная дама преклонных лет. Представился. Спрашиваю:

- Просто не верится! Сколько видел вас по телевизору, а теперь вы рядом!

Мы здесь живём как на вулкане. Но вы почему – то об этом нигде не говорите. Вы очень защищаете бедных чеченцев, много потерпевших от этой бессмысленной войны. И это правильно. Но почему вы нигде не говорите о не менее бедных русских, погибших в Чечне или силой выдворенных оттуда?

- Ну почему же? Мы много говорим и об этой проблеме. Просто вы, наверное, не слышали об этом.

- Что вы, Людмила Михайловна! Разве для нас это не важно? Я работаю начальником СМУ. Год назад зашёл в кабинет ко мне один рабочий, который бежал оттуда. Мужик взрослый, стоит, а сам плачет. Рассказывает такие вещи, что волосы на голове шевелятся - более двухсот тысяч русских оттуда сбежали! А сколько погибло...

- Мы знаем эту статистику, Николай Владимирович. Жалко всех невинно пострадавших в этой бойне. Но вот в таком мы государстве живём. Кстати, вы хоть помогли этому беженцу?

- Да, конечно, - дал без очереди однокомнатную малосемейку. Он счастлив до небес! Работает каменщиком у меня.

Мы проговорили с Людмилой Алексеевой минут пятнадцать обо всех проблемах страны и нашего края. И никто нам не мешал, что очень здорово!

Закончился перерыв, и мы тепло попрощались...

Швеция.

*Но потеряли мы в пути неровном и двадцать миллионов на войне,
И миллионы – на войне с народом. Забыть об этом, память отрубив?
Но где топор, что память враз отрубит? Никто, как русские, так
Не спасал других, никто, как русские, так сам себя не губит...*

Евгений Евтушенко.

В ветеранском возрасте регулярно тренируюсь уже 10 лет. Болячки исчезли. Через пять лет тренировок начал выступать в легкоатлетических соревнованиях ветеранов. Сначала на местных, а затем и на российских стартах. Я неоднократно выступал на дистанциях от трёх километров до десяти.

В Москве несколько лет выступал на зимних и летних соревнованиях ветеранов спорта России и завоевал десятка два наград. Захотелось выступить на чемпионате Европы. Ближайший зимний чемпионат Европы был в 2005 году в г. Эскилстуна (Швеция). Позвонил в Германию Виктору Касперу и сказал о своих намерениях. Он обрадовался:

- Николай! Приезжай! Я так соскучился по тебе! Приеду обязательно в Швецию болеть за тебя!

Я тоже обрадовался. Так хотелось увидеть Виктора и поболтать с ним о политике .

На таможне в Москве мы проторчали более двух часов, а в Стокгольме после прилёта мы уже через 15 минут получили вещи. Вот она - разница в системах!

В гостинице я побрился и вышел в коридор. Начал объяснять двум девушкам – шведкам словами, жестами:

- Ко мне должен приехать друг из Германии. Вы должны его пропустить! Понимаете? Нет? Он бородатый!

Битый час им объяснял, дёргал себя «за бороду», показывал им на пальцах, но они так и не поняли. Вдруг сзади раздался уверенный знакомый громкий голос:

- Колька! Углов! Боже мой! Сколько лет, сколько зим! Привет!

Девушки покатались от хохота, увидев его бороду и всё, наконец, поняв. К ним присоединился и я, затем Каспер с женой, и мы дружно хохотали на весь вестибюль минуты две...

Виктор приехал с Таней из Ганновера на своей машине «Ауди». Багажник у них был переполнен: продукты питания, фрукты, вина. Они по интернету нашли в Швеции

подходящий дом фермера на берегу озера для отдыха на неделю. Так всегда делают немцы среднего достатка, предпочитая зимой отдыхать в Швеции.

Все радостные, усаживаемся в машину. Виктор гремит:

- Ну, что, Коля? Бились мы понапрасну? Знаю, что у вас в России болотные упыри все у власти? Всё советское сохранилось? Шайка, банда, волчья стая, выкормыши той власти – все «на конях»?

- Да, Витя! К сожалению, в России ничего не изменилось. Преступники и их потомки, истребившие 66 миллионов российских граждан, не только не наказаны, но окружены почётом и уважением и сами наказывают тех, кто пытается напомнить им об их преступлениях. И всё виной тому предательство коммуниста Ельцина, который на плечах демократов пришёл к власти, а затем, как слон в посудной лавке, вытоптал всё пространство вокруг, окружил себя и партноменклатуру неслыханными привилегиями, с которыми так боролся народ. И его преемник ничуть не лучше!

- Ты знаешь, Николай? Уверен, что если бы партноменклатуру в Москве и по всей России отстранили бы от власти и запретили навечно занимать хлебные посты, как это сделали у нас в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии и других соцстранах, вы бы жили сейчас в другой стране!

- Это всё правильно! Но сейчас большинство в России просто прозябает: люди живут ужасно! И ... все опять требуют «сильную руку»!

- Над Россией висит Божье проклятье, ей фатально не везёт! Вспомни, Николай, как это начиналось. Небольшая горстка негодяев: Ульянов, Джугашвили, Троцкий, Яков Свердлов, Лев Каменев, Дзержинский, Уншлихт, Радек, Петровский и другие ввергли Россию в братоубийственную бойню и причинили неисчислимые страдания народу. После смерти Ленина на троне воцарился коварный палач – гений злодейства Сталин, который на костях миллионов построил сильное государство. Теперь это государство разорили, разграбили потомки тех же. Улавливаешь аналогию и кто у власти? Причём здесь демократы? Где они? Посмотри, кто у власти у тебя в городе, в Ставрополе, в Москве? Всё те же бывшие – неприкасаемые...

- Да, всё так и есть, Виктор. Но сколько ещё в России людей, которые искренне считают, что Сталин неподсуден? Таким хоть «кол на голове чеши». Они не хотят понимать, что история уже осудила этого деспота, антихриста, беззаконника и изверга. Они опять хотят расстрелов. Это уже опасно для России! Сколько лет через это проходили, а история ничему не учит. Довели народ опять до этого состояния новые правители.

- Но ведь Путин – чекист. Его многие толкают на этот путь и он, видно, с трудом сдерживает себя...

- Для меня идеал чекистов некто Артузов: организатор операции «Трест». Во второй половине 30 – х годов был арестован. В тюрьме он вскрыл вены и написал кровью на стене: «Настоящие коммунисты – убейте Сталина!» Так что и чекисты, и коммунисты

бывают разные. Вот я не понимаю, почему наш Путин не может вызвать в Кремль того же Абрамовича и с глазу на глаз сказать ему: «Парень! Происхождение твоих 14 миллиардов долларов известно. Хватит приобретать за границей дворцы, яхты, футбольные клубы. Обрати внимание на свою Родину: 4 миллиона беспризорников, нищие пенсионеры, репрессированные, женщины – одиночки, малоимущие. Помогай им!» И не надо никаких преследований, арестов, расстрелов. Уверен - Абрамович будет, как шёлковый! И не только он, а все олигархи! Но Путин почему – то этого не делает...

- Всё, Николай! Мы приехали! Вот этот белый дом фермера – наше пристанище на неделю.

Ферма находилась на небольшой горке. Двухэтажное здание с колоннами площадью 600 – 700 квадратных метров. В нём живёт семья фермера. Рядом два двухэтажных флигеля для приезжих туристов, длинное здание конюшни и коровника, несколько вспомогательных построек – всё из камня. Я восхищаюсь:

- Вот это ферма! У нас в колхозах нет таких добротных построек! Я бы не прочь всю жизнь в таких условиях находиться!

- Николай! Эти флигели для туристов – дополнительный доход для фермера летом и зимой. Посмотри вокруг: леса, озёра, небольшие горы с ручьями и водопадами. Настоящий рай для туристов! Ягоды, грибы летом, рыбалка на озёрах с лодок. Что ещё нужно?

Мы зашли во флигель. Расположились на втором этаже. Там были три спальни с туалетами. На первом этаже большой зал, столовая, кухня, камин, туалет, спутниковая антенна с телевизором, телефон.

Ухоженные поля огорожены ровными пластмассовыми столбиками. А на столбиках три ряда тонких тросиков. Это, чтобы не проникали дикие олени, которых там великое множество - и никто их не бьёт!

Прогуливаясь с Виктором и Таней по лесу и бегая кроссы, я неоднократно видел этих красивых и грациозных животных. Часто встречались лисы, зайцы, белые куропатки, косачи – в общем, может быть, в Швеции меня больше всего это и поразило. Я очень люблю природу, животный мир и птиц.

Идём с Виктором и Таней по лесу, огибая огромные валуны и рассматривая в чуть занесённом снегом мху следы оленей, зайцев, птиц. В полыньях на озерах плавают тысячи уток и лебедей. Говорю:

- С детства мне внушали, что проклятые капиталисты губят окружающий мир, загрязняют всё и вся. Как теперь вижу, всё наоборот! У нас в стране всё изгадили, отравили, выбили зверей и птиц, в реках, озёрах рыбы практически нет, все мы погрязли в мусоре. Остались одни сорные птицы: вороны, сороки, грачи, галки.

Каспер подтверждает:

- Николай! На Западе везде такое же отношение к природе, как в Швеции. У нас в Германии чистота, порядок: даже в парках бегают олени. На детские площадки иногда забегают зайцы, лисы, ежи. На прудах утки, аисты и лебеди.

Виктор возил меня на своей машине на соревнование, а потом мы поехали в Стокгольм. Меня поразило, что в Швеции нет деревень, посёлков и сёл в нашем понимании, а есть тысячи и тысячи ферм, связанных прекрасными дорогами. Вдоль дорог через каждые 100 метров стоят (в наклон от неё) двухметровые полиэтиленовые палки, жёстко закреплённые внизу и светящиеся ночью. Это для безопасности водителей. Ночью едешь, как в светящемся туннеле – красиво! Утром выпал снег. Фермер вскочил на жёлтый мощный трактор – бульдозер (он же и экскаватор) с 4 – х метровым ножом. Пронёсся с довольно большой скоростью, очистил свои три километра трассы. Навстречу другой фермер свои три километра тоже прочистил. И так по всей Швеции – за полчаса все дороги сухие!

Говорю Виктору:

- Какие всё же молодцы шведы! Сегодня утром побежал на зарядку по трассе. Смотрю, какая – то дорога от неё уходит в лес. Побежал по ней. Бетонная дорога ровная, без единой колдобины. По ней, видно, лес вывозят. Километров через пять увидел огромные поляны вырубленного леса. Но, ни хвороста, ни валежников, ни пней нет. Всё засажено вновь стройными рядами елей, лиственниц - в мой рост уже. А на кромке дороги стоят три ярких пластмассовых контейнера (жёлтый, красный и зелёный) для мусора разного типа. Я поразился! Это в лесу! У нас в Кисловодском парке нет ни одного контейнера. Отдыхающие бросают мусор, где попало! И никому до этого нет дела! Ещё одно чудо увидел там. Через каждый километр недалеко от дороги лежат большие тюки с пахучим сеном, обтянутые толстой полиэтиленовой плёнкой с прорезанными отверстиями. Это для диких оленей. Натоптано следов уйма! Вот как шведы заботятся об экологии и животном мире!

- Да, Николай! Народ здесь другой! Все мы в России ругаем только правителей, а сами из под носа грязь не выгребем! Разруха в головах! Это точно сказал профессор Преображенский! Всё коллективное - никому ничего не жаль! Да и рабы все по натуре в России, потому что у народа нет собственности. Вот посмотри, у нашего фермера стоит прямо перед домом чугунный литой столб на возвышении из камней. Видел? Там дата – 1813 год. У них на всех фермах стоят такие памятные знаки – дата основания фермы. Уже два века они хозяева своей земли! Из поколения в поколение переходит земля и ферма по наследству! А у нас? До сего времени ни земли, ни собственности нет у народа!

Я просто балдел от друзей и решил пожертвовать стартами – снялся с дистанций 400 и 1500 метров, оставив одну дистанцию 800 метров, т. к. предварительные забеги, четвертьфиналы и полуфиналы полностью бы заняли все шесть дней.

Таня кормила нас «на убой». Все вечера мы проводили в пространных разговорах у камина, распивая прекрасные вина, которые привёз Каспер. Наши разговоры снимал на кинокамеру. Таня смеётся:

- Николай! Ты же приехал на чемпионат Европы. Об этом мечтают многие спортсмены в России всю жизнь! А пьёшь ежедневно вино! Как будешь бежать? Не жалко будет потом?

- Танюша! Что мне эти секунды? Дружба важнее всего! Вот вы с Виктором приехали ко мне за полторы тысячи вёрст! Это могут сделать только настоящие друзья! И я это ценю! А что медали? Ещё одна жестянка добавилась бы в копилку. Разве это важно? Я вот до этого не брал спиртного ни капли в рот уже четыре года. А здесь... Я люблю вас, друзья!

На пятый день мы поехали в Стокгольм. Все водители дисциплинированные – никто никого не обгоняет. Все строго соблюдают скоростной режим. У нас же на дорогах полно хамов – так и норовят проскочить мимо тебя и залезть вне очереди.

Был снежный день - на одном из поворотов машину Виктора чуть занесло, и она уткнулась передом в неглубокий кювет. Самим не выбраться. Что тут началось! Все машины останавливаются, выходят водители и предлагают помощь. У кого – то нет троса, у кого – то крюка, но всё равно нас быстро вытащили. Тронула забота незнакомых людей. А я примерил Россию – не каждый у нас остановится!

Столица Швеции очень понравилась – похожа на Петербург. Те же речки – фиорды с красивыми набережными, такие же старинные здания, корабли, яхты, вмёрзшие в лёд. Соборы, памятники. Здания стоят на краю чёрных базальтовых глыб. Дороги прорублены, как в тоннелях, а над дорогой располагаются средневековые «седые» замки – крепости. Везде чистота и порядок. Мы ходили втроём по прекрасному городу, пили кофе в уютных ресторанчиках, а я всё время шутил, повторял, вспоминая:

- Отсель грозить мы будем шведу! Здесь будет город заложен – назло надменному соседу!

Виктор отвечал категорически:

- Нет, Николай! И шведы, и немцы теперь не такие! Они любят и уважают русских. Ты в этом не раз здесь убеждался, когда я представлял тебя, что ты из России! И вам в России надо меняться – меньше грозить другим!

Да, эти шесть дней в Швеции никогда не забудутся...

Эпилог.

Мне совсем умереть не под силу. Некрологи и траур – брехня.

Приходите ко мне на могилу – на могилу, где... нету меня.

Евгений Евтушенко.

Итак, старость... Что это? У многих это ассоциируется со знаменитым стихотворением Некрасова:

*- «Нет косточки не ломаной, нет жилочки не тянутой, кровинки нет непорченой.
Терплю и не ропщу ...»*

Всё лучшее позади, а впереди беспросветная мгла?

Особенно эти настроения усиливаются у вас в период непрерывных дождей, грязи, слякоти, холода – короче, в периоды мерзкой погоды:

- Всё прошло уж давно... не воротишь назад!

И тех нет уж и дней, что летели стрелой,

Что любовью нас жгли, что палили огнём!

Нет, нет и нет! Немедленно отбросьте это настроение, эти мысли! Жизнь прекрасна и удивительна в любом возрасте! Сейчас же вставайте с дивана, одевайтесь теплее и на прогулку! Быстрая ходьба или лёгкий бег трусцой очень скоро приведут вас к хорошему настроению. Поверьте душой, жизнь хороша и интересна! Ещё будет очень много счастливых дней и радостных минут!

Недавно из администрации города мне поступило предложение нести в Ставрополе олимпийский факел зимних Игр в Сочи. Что же? Это хорошо, что не забыли меня...

Воскресенье. Я стою задумчиво у окна на втором этаже. Вспомнил Вдовино, Шегарку, друзей детства. Где они? Как было хорошо в детстве! Детство – детство... Лучшая пора в жизни человека! Беззаботное, весёлое, горькое...

Вспомнилось всё.... Разволновался до слёз... Тихо пою:

- Слышу голос из прекрасного далёка, голос утренний в серебряной росе.

Слышу голос, и манящая дорога кружит голову, как в детстве карусель.

Прекрасное далёко – не будь ко мне жестоко. Не будь ко мне жестоко.

Жестоко не будь. От чистого истока в прекрасное далёко...

Нина подходит ко мне и обнимает за плечи:

- Ну, что, Коля, опять вспомнил детство и Шегарку? Если хочешь, поезжай туда в пятый раз! Дня не проходит, чтобы ты не вспомнил о своём детстве!

Игорь (он завтракал у нас и играл со мной в шахматы) говорит:

- Папа! Ну что тебе надо? У тебя же, как в том фильме «всё есть: прекрасная жена, хороший дом...»

- Игорёк! Тянет меня опять Шегарка...

- Папа! Помнишь, когда мы были там, местные жители говорили, что весной сделали фоторазведку с воздуха их мест и установили, что на каждом квадратном километре там находится два медведя. А сейчас, уверен, там их в пять – десять раз больше, т. к. все жители покинули Вдовино. Куда ехать? Чтобы медведи задрали?

Уже полдень... Ярко светит солнце. Наш дом находится на взгорке. Я надеваю тренировочную форму и подхожу к окну. Слева виднеется Машук и Бештау, далеко справа – снежный двуглавый Эльбрус, а прямо перед домом виднеется и зеленеет во всей красе наш чудесный парк. Белеет «Красное Солнышко», верхняя станция канатной дороги с рестораном, Малое и Большое Седло. А между ними, извиваясь в лесу и горах, вызывает к себе и манит жемчужина нашего парка – Большая туристская тропа. Всё! Пора на тренировку! Жизнь продолжается...